Эдрен

п. Эдрен

Адресъ редакціи и конторы: Баскова ул., 9. Телефонъ № 2083.

МАЙ. 1905.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

№ 5.

СОДЕРЖАНІЕ:

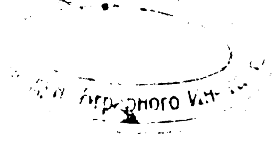
(См. 2-ую стр. обложки).

МАЙ. 1905.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.



№ 5.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Н. Н. Клобукова, Лиговская ул., д. 34.

1905.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 27 мая 1905 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

(*См. на оборотѣ*).

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ доставкѣ журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ Петербурга и провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ петербургскаго адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногороднаго на петербургскій—65 к.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не **позже 15 числа каждаго мѣсяца**, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ отдѣленія конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) **Непринятыя рукописи**, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

3) Рукописи, доставленныя въ редакцію до 1903 г. и не востребованныя обратно до 1-го декабря 1904 г., **уничтожены.**

4) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія **уничтожаются.**

КОЛОДНИКИ

Разсказъ.

Въ маленькой столовой было полутемно и скучно. Коричневые обои, синяя скатерть на столѣ, покривившаяся керосиновая лампа, тускло освѣщавшая тусклый, никкелевый самоваръ на столѣ—все это показалось Ивану Ивановичу такимъ скучнымъ и, главное, ненужнымъ, что онъ какъ-то особенно больно вздохнулъ.

— Что ты? — испуганно спросила Анна Петровна, его жена.

Онъ не отвѣтилъ. И она не переспросила; она привыкла къ этому.

Анна Петровна сидѣла за самоваромъ и ждала, когда мужъ спроситъ чаю. Онъ не спрашивалъ и не сводилъ глазъ съ большого бѣлаго билета, на которомъ крупными буквами было напечатано: „Иванъ Ивановичъ и Анна Петровна Ситниковы покорнѣйше просятъ Васъ пожаловать на бракосочетаніе дочери ихъ Екатерины Ивановны съ поручикомъ Л. полка Модестомъ Петровичемъ Васильевымъ"...

Онъ долго смотрѣлъ на билетъ, и вдругъ на его тонкихъ сморщенныхъ губахъ скользнула неясная улыбка. Аннѣ Петровнѣ было пріятно видѣть эту улыбку, и ей казалось, что она понимаетъ, чему улыбается мужъ. Ей самой хотѣлось улыбаться, когда она вспоминала весь сегодняшній день. Катя, ея младшая дочь Катя, которую они съ мужемъ все еще считали маленькой, обвѣнчалась сегодня съ красавцемъ офицеромъ, котораго она полюбила съ первой же минуты, какъ увидала, въ прошломъ году, на jour fixe'ѣ у однихъ знакомыхъ... Сегодня съ утра она была веселая, ласковая и все время благодарила мать за то, что она поторопила свадьбу. Отецъ хотѣлъ, чтобы Модестъ раньше прошелъ академію, а Катя плакала и ни за что не соглашалась на это. Пришлось воевать съ Иваномъ Ивановичемъ,—и побѣдила, какъ всегда, Анна Петровна. Свадьба была очень нарядная и

торжественная, въ церкви той гимназіи, гдѣ преподаетъ исторію Иванъ Ивановичъ. Всѣ товарищи, съ „директоромъ во главѣ", были на свадьбѣ; со стороны жениха было много нарядныхъ дамъ, много офицеровъ, которые такъ учтиво цѣловали руку Анны Петровны, поздравляя ее, что, вспомнивъ это, она тоже улыбнулась.

Иванъ Ивановичъ взглянулъ на нее. Она еще не сняла свѣтлаго платья, въ которомъ была на свадьбѣ, и волосы у нея были причесаны такъ, какъ она обыкновенно не причесывала ихъ: всѣ исполосованы какими-то нелѣпыми волнами... Иванъ Ивановичъ глядѣлъ на нее и точно увидалъ послѣ долгой разлуки... Она улыбнулась ему; ей показалось, что онъ выпилъ лишнее на свадьбѣ, и она, чтобы онъ не угадалъ ея мыслей, поторопилась сказать:

— Очень удобно это нынче... Тутъ и обвѣнчаютъ, тутъ и поздравятъ... И ѣхать никуда не надо... И прекрасное дѣло... А прежде-то? Свадебный обѣдъ, балъ... Возня, траты...

— И прежде не у всѣхъ... Какой у насъ съ тобой балъ былъ?

— Ну, мы особая статья...

— Особая ли?—строго и значительно сказалъ онъ.

Анна Петровна взглянула на него, и ей опять показалось, что онъ выпилъ лишнее. Очень она боялась этого. Онъ, какъ всѣ молчаливые, „смирные" люди, бывалъ во хмѣлю болтливъ и придирчивъ. А у нея и безъ того на сердцѣ было не легко: сегодня вышла замужъ ихъ послѣдняя дочь, и въ домѣ станетъ тихо и пусто... Мужъ постоянно занятъ, все съ книгами, значитъ—она будетъ все одна и одна... И хозяйство теперь не можетъ наполнить ея время, какъ прежде, потому что для двоихъ—какое же можетъ быть хозяйство? Анна Петровна сидѣла въ своемъ сѣромъ шелковомъ платьѣ, немилосердно жавшемъ ей подъ руками, и ей жаль было снимать его; въ немъ она была на свадьбахъ всѣхъ трехъ дочерей и въ эти три раза она особенно чувствовала себя „дамой", почти центромъ вниманія и уваженія. Она взглянула на мужа,—онъ пристально смотрѣлъ на нее... Это смутило ее, и она быстро опустила глаза. И это вдругъ напомнило ему ихъ первыя встрѣчи, давно, давно...

Боже мой! Какъ это было давно... Точно не онъ это былъ, а совсѣмъ другой кто-то... Сколько радости, жизни, сколько свѣта! Все кругомъ было залито яркимъ, горячимъ солнцемъ... Онъ увидалъ ее, Анну Петровну, во дворѣ того дома, гдѣ жилъ... Она была маленькая, худенькая, безпомощная—точно ребенокъ. И глаза у нея были, какъ у ребенка: свѣтлые, круглые, спрашивающіе... Онъ увидѣлъ ее въ первый разъ утромъ, въ маѣ, когда шелъ въ университетъ, на одинъ изъ

самыхъ трудныхъ экзаменовъ. Безсонная ночь, безпокойное, жуткое чувство, какое всегда бываетъ передъ экзаменомъ,—и вдругъ эти дѣтскіе глаза, такъ ясно смотрящіе на ясное майское утро. Онъ даже пріостановился, увидавъ эти глаза... Она испуганно опустила ихъ... И весь экзаменъ онъ только и думалъ, какъ это вышло смѣшно и трогательно... Въ тотъ же вечеръ онъ опять увидѣлъ ее, и она опять опустила глаза подъ его веселымъ и радостнымъ взглядомъ. Онъ, какъ сейчасъ, помнитъ всю эту встрѣчу. Онъ жилъ тогда на Васильевскомъ островѣ, въ громадномъ домѣ, который отдѣлялся отъ улицы палисадникомъ. И вотъ въ этомъ-то палисадникѣ онъ и увидѣлъ ее въ тотъ вечеръ. Послѣ удачнаго экзамена не хотѣлось ни читать, ни работать; ѣхать было некуда, такъ какъ въ карманѣ не было ни гроша. Къ нему пришелъ его товарищъ—такой же бѣднякъ, какъ онъ, и послѣ семи стакановъ чаю имъ захотѣлось подышать свѣжимъ воздухомъ, и они спустились въ палисадникъ. И до сихъ поръ Ивану Ивановичу кажется, что это былъ не обыкновенный петербургскій палисадникъ, засыпанный сверху пылью, а снизу подсолнухами, а какой-то заколдованный садъ, съ чуднымъ запахомъ распускающихся тополей и сирени, съ поэтичными скамейками подъ кустами акацій, съ неуловимыми очертаніями причудливыхъ растеній... „Она“ сидѣла на одной изъ скамей и играла голубыми лентами. Потомъ онъ узналъ, что она дѣлала изъ нихъ банты для шляпъ, но тутъ ему показалось, что она играетъ ими. Товарищъ, добрый хохолъ, подсѣлъ къ ней, пытался заговорить, она испугано взглянула на него, опустила глаза, молча сложила ленты въ картонку и ушла... И сразу все померкло... Но этотъ вечеръ такъ навсегда и остался въ памяти Ивана Ивановича, какъ что-то неясное, чудесное, почти волшебное. И то, что она ушла,—хотя и огорчило обоихъ студентовъ, но еще больше привлекло ихъ къ маленькой дѣвушкѣ. Скоро они познакомились. Она оказалась продавщицей въ магазинѣ шляпъ въ гостинномъ дворѣ и сама дѣлала шляпы по вечерамъ, „на шабашъ“, какъ говорила она. Жила она съ сестрой, которая служила въ частной конторѣ, была значительно старше ея и замѣняла ей мать. Существованіе ихъ было сѣрое, однообразное и скучное. А между тѣмъ, въ Анютѣ — Аннѣ Петровнѣ — кипѣла жизнь, ее все радовало и веселило. Каждый остатокъ ленты, каждое перышко отъ шляпы доставляли ей радость, и она налѣпляла ихъ на себя, какъ на куклу. Ивану Ивановичу тоже нравились эти украшенія, и чѣмъ ярче былъ бантикъ, тѣмъ веселѣе становилось у него на душѣ. Сидя на экзаменахъ, онъ съ радостью думалъ о томъ, какъ онъ возвратится въ

свою сырую комнатку, потому что зналъ, что эта комната на одной лѣстницѣ съ той, гдѣ живетъ Анюта, и что стоитъ ему постоять минутъ десять на площадкѣ, чтобы увидѣть ее... И все лѣто—на урокѣ въ Костромской губерніи — онъ только и думалъ о ней, вспоминалъ ея круглые, ясные глазки, ея два бѣлыхъ зуба, торчавшіе какъ у кролика изъ-подъ пухлыхъ губокъ, перебиралъ къ памяти всѣ ихъ встрѣчи и разговоры... Въ сущности, разговоровъ не было... Были какія-то слова и смѣхъ, безпричинный, беззаботный,—дѣтскій смѣхъ... На урокѣ онъ скучалъ ужасно. Барыня, которая пригласила его къ своему сыну-гимназисту, казалась ему старухой, потому что ей было уже тридцать пять лѣтъ; гимназистъ бѣгалъ отъ него, какъ отъ чумы, и Иванъ Ивановичъ не могъ дождаться возвращенія въ Петербургъ. Въ Анютѣ для него сочетались и весна, и красота, и веселье—все радостное въ жизни. И ему стало казаться, что увидаться опять съ нею—какое-то недосягаемое счастье. Осенью они встрѣтились.

Слѣдующее лѣто онъ не поѣхалъ на урокъ, такъ какъ у Анюты родился ребенокъ... Сколько счастья далъ ему этотъ красненькій комочекъ, когда онъ увидалъ его!.. Особенно радовало его, что у сына такой же утиный носъ, какъ у него самого. Это наполняло его какой-то гордостью... И онъ бросался цѣловать и ребенка, и мать, и былъ весь наполненъ благодарностью къ ней. Онъ назвалъ мальчика - Борисъ (какъ повелительное отъ глагола бороться) и игралъ имъ, какъ куклой. Анюта тоже относилась къ нему, какъ къ куклѣ, и нацѣпляла бантики уже не на себя, а на мальчика. Послѣ перваго ребенка она стала полнѣть, что тогда очень нравилось Ивану Ивановичу. Изъ дѣвочки она очень скоро стала пышной, красивой женщиной, полной сознанія своей власти надъ влюбленнымъ человѣкомъ—отцомъ ея ребенка. Кажется, съ этого и началось...

Впрочемъ, онъ не можетъ дать себѣ яснаго отчета, когда, собственно, началось. Первые года были заполнены счастьемъ возни съ дѣтьми... Послѣ Бори родилась Анюта, за ней черезъ годъ—Машенька. Каждый ребенокъ приносилъ столько радости, что и теперь вспомнить—сердце бьется. Что-то чистое, высокое, святое... Плакать хочется отъ одного воспоминанія... Ничто не сравнится съ этой радостью, съ этимъ восторгомъ передъ крошечнымъ, своимъ созданіемъ... Онъ до сихъ поръ—черезъ двадцать слишкомъ лѣтъ,—не можетъ вспомнить безъ радостнаго волненія первую дѣтскую перваго ребенка...

Аннѣ Петровнѣ очень хотѣлось знать, о чемъ думаетъ мужъ. Его лицо такъ мѣнялось каждую минуту, что ей при-

шло въ голову: не рѣшаетъ ли онъ что-нибудь безъ нея? А этого она не допускала и считала неотъемлемымъ правомъ жены знать не только всѣ поступки, но и всѣ мысли мужа. Она всю жизнь считала себя въ правѣ входить въ его кабинетъ, когда онъ занимался, прерывать его работу своими разговорами и тѣмъ, что занимало ее въ данную минуту, читать его письма и не допускать мысли, что у него можетъ быть своя отдѣльная жизнь отъ нея. Онъ, въ началѣ ихъ совмѣстной жизни, самъ шелъ на это: разсказывалъ ей все, что видѣлъ, что слышалъ, о чемъ думалъ, показывалъ ей все, что писали ему, или что онъ самъ писалъ, совѣтовался съ нею въ каждомъ пустякѣ; затѣмъ мало по малу это ему стало не нужно, потомъ онъ началъ тяготиться этимъ и пытался протестовать и, наконецъ, смирился...

Сегодня, вдругъ, все это вспомнилось ему, и онъ быстро всталъ и зашагалъ по комнатѣ.

— Что съ тобой? — съ изумленіемъ спросила Анна Петровна.

Онъ не отвѣтилъ и продолжалъ быстро ходить по столовой. Такъ прошло минутъ пять.

— Сядь ты, пожалуйста!—уже съ раздраженіемъ сказала Анна Петровна.

— Двадцать шесть лѣтъ мы женаты...—заговорилъ онъ, точно самъ съ собою.

— Двадцать три, — поправила она, по своей привычкѣ всегда поправлять его.

— Ну, все равно... Я и тѣ три года считаю, когда невѣнчаны были... Двадцать шесть лѣтъ... Страшно сказать!

Онъ остановился; она не понимала, къ чему онъ клонитъ, и боялась спросить. Часы громко и настойчиво отчеканивали секунды...

— Ну, двадцать три, если ты желаешь,—уже раздраженно заговорилъ онъ. — Двадцать три года—этотъ тусклый самоваръ, эта темная лампа, эти настойчивые часы.. И все мы шли куда-то... Куда? Я помню, какъ ты обрадовалась, когда я сказалъ тебѣ, что мы обвѣнчаемся. Помнишь? Вѣдь обрадовалась?

— Ты долженъ былъ это сдѣлать для дѣтей..

— Конечно, конечно!.. А всетаки обрадовалась...

— Еще бы... Вѣдь дѣти...

Онъ перебилъ ее:

— Дѣти! Дѣти! Тебѣ, я знаю, ничего не нужно было... Дѣти! А гдѣ они?

— Кто?—съ испугомъ спросила Анна Петровна.

— Наши дѣти, вотъ кто! Напримѣръ, хоть Борисъ...

— Боря-то?.. Сегодня телеграмму получили... Поздравилъ Катюшу, вспомнилъ...

— А Маша гдѣ? Анюта?

— Машенька съ мужемъ въ Оренбургѣ, а Анюточка..

Онъ опять перебилъ ее и продолжалъ, точно самъ себѣ:

— Сегодня и послѣднюю дочь отдали чужому человѣку... Ростили, учили, дрожали надъ жизнью, подличали, продавали свою совѣсть... Выростили и отдали...

— Барышни на то и созданы, чтобы ихъ замужъ отдавать...

— Правда! Совершенная правда... Вѣдь это и ужасно, что все, что ты скажешь мнѣ—неопровержимая правда!

Онъ посмотрѣлъ на нее, и она почувствовала, сколько презрительной жалости было въ его взглядѣ, и вдругъ въ ней заклокотало привычное раздраженіе.

— Очень ужъ много шампанскаго ты влилъ въ себя сегодня!—замѣтила она.

— Ну, пожалуйста, безъ замѣчаній.. Ты знаешь, я гувернантокъ не переношу.

Они замолчали. Часы настойчиво отсчитывали минуты и часы уходящей жизни.

— Ну, вотъ и конецъ. Вотъ и отдали всѣхъ дѣтей... Одинъ ушелъ на войну, три дочери къ чужимъ людямъ, подъ чужой кровъ... А мы?

Онъ сказалъ это такъ, что ей стало страшно, и онъ почувствовалъ, что она, наконецъ, поняла его, и заговорилъ точно не своимъ голосомъ:

— Дай мнѣ хоть разъ въ жизни снять всѣ перегородки съ моей совѣсти, дай сказать все и настоящими словами... Оглянись ты хоть разъ въ жизни назадъ, посмотри: какъ мы прожили жизнь? Точно колодники, скованные дѣтьми...

— Что ты?—съ испугомъ сказала она.—Грѣхъ, Ваня!

— Грѣхъ! Можетъ быть!.. Да вѣдь изъ-за чего же я жилъ съ тобой, когда вся моя душа рвалась къ наукѣ, а сердце... Ахъ!!... Скажи: почему я все затопталъ въ себѣ, все принесъ въ жертву... Конечно, изъ-за дѣтей... Тебя бы я бросилъ давно!

Онъ такъ былъ взволнованъ, что и не сознавалъ всей неожиданной жестокости своихъ словъ. Она сидѣла, раздавленная, но злобная.

— И бросалъ бы!—съ усмѣшкой сказала она.—Не заплакала бы! Слава Богу, такого-то всегда нашла бы.

— А дѣти? Дѣти?—закричалъ Иванъ Ивановичъ.—Куда же ихъ было? Вспомни, вскорѣ послѣ рожденія Маши я умолялъ тебя отдать мнѣ дѣтей и освободить меня... Ты и слы-

шать не хотѣла... Ты такъ обставила все, что я разбилъ жизнь другой дѣвушки и остался жить съ тобой.

— Разбилъ!—съ усмѣшкой сказала она...—Такихъ-то, какъ ты, у нея было, небось, съ дюжину...

— Не смѣй этого говорить! Никогда не смѣй ни однимъ словомъ касаться ея...

Она какъ-то неестественно засмѣялась.

— Ишь, вспомнилъ... Послѣ того у насъ съ тобой еще Катюша родилась... А и ей-то ужъ двадцатый годъ пошелъ... Вспомнилъ!

— И мерзость это, мерзость!

— Что мерзость-то?

— Все! Все!.. И вотъ именно это, что Катя еще родилась, когда мы были уже совсѣмъ чужіе другъ другу... Хуже, чѣмъ чужіе: скованные враги... Э! да не понимаешь ты ничего, и никогда не понимала!..

Онъ опять сталъ быстро ходить по комнатѣ. Она молчала и съ удивленіемъ смотрѣла на него: на что онъ разсердился? Чѣмъ онъ недоволенъ, когда именно сегодня все было такъ хорошо и пріятно для нихъ: блестящая свадьба, общее почтеніе и уваженіе...

И она опять вспомнила, какъ учтиво цѣловали ей руку...

Иванъ Ивановичъ заговорилъ, точно самъ съ собою:

— Тогда я только сказалъ ей: у меня трое дѣтей... Этого было довольно... Она поняла... Трое дѣтей!.. Не щенята! Не забросишь за дрова... И вотъ, съ тѣхъ поръ — все въ этихъ дѣтяхъ... Я выносилъ всѣ твои выходки, растерялъ всѣхъ друзей, бросилъ диссертацію... Вѣдь такъ и лежитъ въ столѣ, не дописанная. До нея ли было? А вѣдь она давила меня, какъ кошмаръ!.. Профессора избаловали меня ожиданіями чего-то особеннаго, товарищи тоже вѣрили въ меня... А я! такъ до гроба и застрялъ приватомъ!!

— Не по моей же винѣ?

— По твоей!! По твоей!—горячо вскрикнулъ онъ.—Мелочи, сплетни, придирки, гроши... Душа вязнетъ въ какую-то липкую тину... Нѣтъ возможности отдѣлаться отъ нея.

— И рада бы не говорить о грошахъ, да какъ же иначе? Семейство, дѣти...

— Дѣти! Вотъ въ чемъ трагизмъ! Они заѣдаютъ человѣка, они сковываютъ цѣпями людей, чужихъ другъ другу, часто ненавистныхъ одинъ другому... Да! Чего ты на меня такъ смотришь?

— Я всегда знала, что ты не любилъ дѣтей...—обиженно, почти плача, сказала она.

—Не любилъ?! Что ты говоришь? Именно, когда любишь ихъ, когда видишь въ нихъ весь смыслъ жизни—тогда-то и

погибаешь! Тутъ они становятся цѣпями, и эти цѣпи на всю жизнь... Ничего ты не понимаешь! „Головогрудь“!

Онъ прежде, шутя, звалъ такъ жену за ея короткую шею теперь же ея удивленное лицо, ушедшее въ полную грудь, такъ раздражило его, что онъ бросилъ ей со злобой это слово. Она разсердилась и вскочила. Онъ остановилъ ее:

— Неужели ты не понимаешь: вѣдь въ этомъ то и трагизмъ жизни? Самое большое счастье — дѣти, и они же— самое тяжкое проклятіе...

Она съ ужасомъ отшатнулась отъ него.

— Дай ты мнѣ хоть разъ въ жизни сказать все, все,все безъ остатка!—торопливо заговорилъ онъ.—Весь осадокъ вылить... Никогда вѣдь со мной такъ не бываетъ... Ты говоришь: шампанское... Можетъ быть... Выпилъ лишнее, потому что вдругъ жаль стало: Катю жаль, тебя жаль, а главное – себя... Жизнь ушла! На что? На что—спрашиваю я? На рожденіе, прокормленіе... А потомъ „пристроили!“ И успокоились!.. Что-то сѣрое, тягучее... Узкое и длинное безконечно.. Конецъ гдѣ-то далеко, а вѣдь онъ ужъ давно въ насъ... Ужъ больше жизни не будетъ... Все, чѣмъ жили,—ушло, новаго не создалось... И нечего ждать!.. Понимаешь ты весь ужасъ этого слова: нечего ждать!.. Пройдетъ день, потомъ ночь, опять придетъ день, и нечего ждать...

— А дѣти?—опять сказала она.

— Дѣти!! Мы имъ обуза... Любя ихъ—мы должны уйти, пропасть... Дѣти! Вонъ—Боря на войнѣ! Спросилъ онъ: желаю ли я этого? Сочувствую? Такъ понимаю человѣческое существованіе? Ничего не спросилъ, ничего не пожелалъ знать.. Куда-то поѣхалъ, кого-то попросилъ и устроился... Въ первую голову ушелъ... „Прощай, отецъ!“ крикнулъ на платформѣ: „Не горюй... Вернусь съ Георгіемъ“. Вотъ и все! Анна вышла замужъ за проходимца какого-то, котораго мы и не знали совсѣмъ; Маша уѣхала за тридевять земель и не пишетъ... Да не въ этомъ сила! Не въ этомъ... А во всей жизни, исковерканной, изуродованной и ушедшей куда-то, совсѣмъ безъ остатка, безъ слѣда... А сколько ненужнаго раздраженія, сколько пустыхъ, пошлыхъ разговоровъ, грубыхъ словъ... Оглянешься назадъ—страшно станетъ... И страшно, и...

Жестокое слово было у него уже на языкѣ, когда онъ взглянулъ на жену и увидалъ на ея свѣтлыхъ, широко раскрытыхъ глазахъ крупныя слезы. Она—въ своей парадной прическѣ и свѣтломъ платьѣ—вдругъ показалась ему такой жалкой, что онъ умолкъ.

Въ комнатѣ было тускло, тихо, скучно... Иванъ Ивано-

вичъ, точно виноватый, сидѣлъ за столомъ и крошилъ въ рукахъ бѣлый хлѣбъ. Анна Петровна тихо плакала.

Часы дребезжащимъ звукомъ пробили десять. И точно эти звуки разрушили тишину, и Анна Петровна заговорила...

— Въ самомъ дѣлѣ, больше двадцати лѣтъ промаялись! Изъ-за чего? Если бы во время-то спохватиться, какъ бы хорошо было!.. Безъ обмана, безъ пакостей этихъ... Устроились бы по хорошему... А то и сами измаялись, да и его-то измытарили...

— Его?—съ изумленіемъ спросилъ Иванъ Ивановичъ.

— Да... Ты прекрасно понимаешь, про кого я говорю... Онъ посильнѣе любилъ-то меня, чѣмъ ты... И жениться хотѣлъ сейчасъ же послѣ Катеньки... И ничего не жалѣлъ для меня...

— Замолчи!—крикнулъ Иванъ Ивановичъ.

— Чего мнѣ молчать?... Тогда помолчала, довольно. Думала: тебѣ нужна... Вообразила, что ты пропадешь безъ меня, что для дѣтей надо намъ жить вмѣстѣ. И жила въ тоскѣ, въ нуждѣ, въ обидѣ вѣчной... Тотъ-то и денегъ мнѣ предлагалъ, и повеселилъ бы меня... А съ тобой-что? Твоя согнутая спина, вѣчныя недохватки, ни къ намъ никто, ни мы никуда... Колодники!

Она взглянула на него и вся съежилась, точно раздавленная внезапно свалившейся на нее тяжестью...

— Колодники! И вѣрно... что колодники! Всю жизнь прикованы другъ къ дружкѣ, и чужіе!—сказала она, точно про себя.

Онъ быстро подошелъ къ ней, нагнулся близко къ ея лицу и прошепталъ:

— Ты поняла? Ты поняла весь ужасъ этого: чужіе, а скованы вмѣстѣ... И вся жизнь ушла... И ничѣмъ не вернешь, ничѣмъ не поправишь...

Онъ сказалъ это такъ страшно, что она опять отшатнулась отъ него.

— Поняла ты это, наконецъ? Поняла?

— Чего не понимать-то? Всегда понимала, а терпѣла... Всю жизнь видѣла, что мы не пара, чувствовала, какъ ты иной разъ стыдишься меня, и сама доходила иногда до злости великой... Когда обойдешься, бывало, при комъ-нибудь, со мной свысока—убила бы тебя, кажется!.. Мужъ образованный! Важное кушанье! Цѣлыми мѣсяцами, бывало, не говорилъ со мной!.. И все я терпѣла изъ-за дѣтей...

— Терпѣла?!—почти вскрикнулъ онъ.—Да вспомни, что ты при дѣтяхъ говорила мнѣ?!!

— А ты? Ты меня разъ чуть кипяткомъ не обварилъ...

— Ты довела меня до этого! Ты... И я себя ненавижу за это... Когда я вспомню, какъ я былъ гнусенъ въ такія минуты— я ненавижу и себя, и тебя...

— Господи! Я же виновата...

— Ты! ты! Во всемъ ты виновата... Въ томъ, что я остался вѣчнымъ учителемъ,—ты виновата... Въ томъ, что я презираю себя—ты виновата... Въ томъ, что у меня нѣтъ ни одного друга, и я одинъ, одинъ во всемъ мірѣ—ты виновата...

— А я-то не одна? Вѣдь у меня тоже никого нѣтъ на всемъ свѣтѣ... Всѣхъ растеряла съ тобой! Мужъ образованный! Я стыдилась своихъ, никого не пускала къ намъ... Сначала тайкомъ къ тетенькѣ бѣгала, а потомъ некогда стало, а теперь и захотѣла бы поплакать съ кѣмъ-нибудь... да не съ кѣмъ!! Никого нѣтъ...

Она опять всхлипнула и утерла слезы пальцами. Онъ зналъ этотъ ея жестъ, видалъ сотни разъ, но сегодня онъ особенно раздражилъ его.

— Неужели же такъ до гроба?—вдругъ вскрикнулъ онъ.— Вѣдь и каторжникамъ бываетъ свой срокъ.

— Срокъ?—спросила она.—Какой срокъ? Не хочу я никакого срока. И мнѣ довольно этой жизни. Сыта по горло! Уйду я отъ тебя, вотъ тебѣ и срокъ...

— Куда уйдешь?!

— Куда глаза глядятъ! Безъ дѣтей мнѣ все равно, гдѣ ни жить, какъ ни доживать... Мнѣ ничего не нужно... Только бы вотъ этихъ твоихъ словъ не слыхать... А какъ ты безъ меня жить будешь—не знаю! До чего ты касался въ жизни-то? Что ты знаешь?.. Гроши! А вотъ попробуй-ка повертѣться съ этими грошами, какъ я всю жизнь вертѣлась, тогда и меня, можетъ быть, вспомнишь!.. А я уйду!.. Довольно мнѣ! Сыта по горло!..

Онъ хотѣлъ что-то сказать, но она почти истерично прокричала:

— Уйду! Уйду! Уйду...

Въ столовой было тихо и полутемно; что-то сѣрое и тусклое обволакивало ее.

Иванъ Ивановичъ ходилъ изъ угла въ уголъ и не могъ ни на чемъ остановиться. Все кругомъ было сѣро и пусто: не на что надѣяться, нечего ждать, некуда уйти, а—главное— и не тянуло никуда... Это было ужаснѣе всего... И онъ ходилъ быстро, точно боялся остановиться, точно хотѣлъ убѣжать отъ этой пустоты, которая охватила его... Въ самоварѣ что-то жалобно и непрерывно гудѣло. Иванъ Ивановичъ слушалъ этотъ тягучій, жалобный стонъ, и ему казалось, что

это стонетъ у него въ головѣ, и онъ не могъ убѣжать отъ своихъ безформенныхъ тягучихъ мыслей.

Изъ комнаты Анны Петровны послышалось всхлипыванье и скрипъ крышки дорожной корзины. Иванъ Ивановичъ невольно двинулся къ двери. Онъ понялъ, что жена укладываетъ вещи...

— Колодники!—услыхалъ онъ взволнованный шепотъ Анны Петровны и подошелъ къ двери.

Анна Петровна сидѣла на корточкахъ у сундука и укладывала въ него свое праздничное сѣрое платье. Она была въ старомъ капотѣ изъ пестрой восточной матеріи и уже успѣла перечесаться и закрутить сзади на затылкѣ свою жиденькую, сѣдоватую коску. Она озабоченно вытягивала вдоль корзины складки сѣраго платья и все время жалобно всхлипывала.

И, увидя этотъ—такъ знакомый ему—капотъ, эту косичку и эти хлопотливые жесты Анны Петровны, Иванъ Ивановичъ, точно невольно, сказалъ совсѣмъ спокойно и просто:

— А я что-то проголодался...

Она взглянула на него своими простыми глазами и такъ же спокойно проговорила:

— Да вѣдь мы, съ этой свадьбой, не ѣли ничего сегодня...

— Нѣтъ ли у насъ чего-нибудь?

— Курица жареная тамъ осталась... Семга есть... Сейчасъ велю подать...

Она пошла хлопотать въ кухню. Иванъ Ивановичъ сѣлъ въ столовой у стола и закрылъ лицо руками.

Часы безстрастно и назойливо отсчитывали секунды уходящей жизни.

Ек. Лѣткова.

Н. К. Михайловскій.

Характеристика—эскизъ.

„Моего критика очень обижаетъ то обстоятельство, что меня называютъ иногда соціологомъ. Какъ, молъ, такъ,— называется соціологомъ, а мундира, присвоеннаго этому вѣдомству, не носитъ и даже всѣ вѣдомства перепуталъ!..“

Н. К. Михайловскій.

I.

Собираясь писать о Михайловскомъ, я не строю никакихъ иллюзій насчетъ характера и значенія своей работы: „новыхъ словъ“ изрекать не собираюсь, Америки открыть не надѣюсь, исчерпать все міросозерцаніе Михайловскаго въ одной, много—двухъ статьяхъ не дерзаю. Напротивъ, слова мои будутъ все „старыя“, Америка—давнымъ давно открытая, тема опредѣленная и скромная. Сводится она къ слѣдующему: установить основы соціологическаго міровоззрѣнія Михайловскаго и показать, какъ освѣщалъ онъ связь между біологіей и соціологіей и какъ понималъ отношеніе между методами этихъ двухъ наукъ. Ограничивая такимъ образомъ свою задачу, я оставляю за собою право дѣлать попутно вылазки во всѣ сопричастныя съ выставленной здѣсь темой „вѣдомства“.

Дѣло извѣстное, что теорія Дарвина оказала громадное вліяніе на характеръ и развитіе соціологическихъ воззрѣній. Съ одной стороны, сами дарвинисты не удержались отъ вполнѣ естественнаго соблазна распространить свое ученіе на область соціальныхъ явленій, съ другой—соціологи, почувствовавъ въ принципахъ дарвинизма нѣчто безусловно жизнеспособное и творческое, попытались примѣнить ихъ къ объясненію явленій общественной жизни и историческаго процесса. Но и тѣ, и другіе обнаружили при этомъ удивительную прямолинейность мысли: принципы борьбы за существованіе, естественнаго подбора и расхожденія признаковъ были объявлены факторами не только соціальнаго

процесса, но и соціальнаго *прогресса*. Борьба съ этой именно тенденціей къ прямолинейному мышленію и упрощенному рѣшенію крайне сложныхъ и запутанныхъ вопросовъ общественной жизни составляетъ одну изъ главнѣйшихъ заслугъ нашего соціолога.

Не менѣе извѣстно и то, что какъ органическая теорія общества, противъ которой ополчился Михайловскій, такъ и перенесеніе принциповъ біологіи въ область соціологіи цѣликомъ, покоятся на *аналогіи* между организмомъ и обществомъ, между законами зоологическаго и законами соціальнаго существованія. Отсюда понятно, почему вопросъ о роли аналогій въ дѣлѣ изслѣдованія и о научной цѣнности аналогическаго метода особенно занималъ Михайловскаго.

„Слѣдуетъ помнить,—писалъ онъ еще въ 1869 г.,—что аналогія не можетъ доказать, что въ двухъ аналогируемыхъ обстоятельствахъ дѣйствуетъ одинъ и тотъ же законъ... Роль аналогіи чисто временная, и мы должны стараться, по возможности, скорѣе перешагнуть черезъ эту ступень, чтобы стать на болѣе прочную почву“ *). Чтобы уразумѣть истинный смыслъ этихъ словъ, необходимо припомнить слѣдующее. Михайловскій придерживался классификаціи наукъ, данной Ог. Контомъ. Въ общихъ чертахъ какъ классификація эта, такъ и основной принципъ, на которомъ она зиждется, остаются до сихъ поръ внѣ конкурренціи: лучшаго въ этомъ направленіи человѣческая мысль еще ничего не придумала. Математика, астрономія, физика, химія, біологія и соціологія—вотъ естественный рядъ наукъ, расположенныхъ *по степенямъ возрастающей сложности подлежащихъ ихъ вѣдѣнію явленій и убывающей общности управляющихъ этими явленіями законовъ*. Каждый членъ этого ряда пользуется данными и обобщеніями всѣхъ предыдущихъ наукъ, но въ то же время онъ заключаетъ въ себѣ нѣчто спицифическое, не укладывающееся въ рамки тѣхъ толкованій, которыя вполнѣ достаточны для пониманія явленій, изучаемыхъ науками низшаго порядка. Такъ, законы, выработанные механикой, физикой и химіей, имѣютъ очень широкое примѣненіе въ біологіи; но объяснить полностью всѣ жизненныя явленія только этими законами, свести біологію хотя бы на физико-химію—задача химерическая. Точно такъ же и соціологія, высшій членъ контовской іерархіи наукъ, примѣняетъ къ общественнымъ явленіямъ законы, добытые біологіей; но утопить соціологію цѣликомъ въ біологіи—затѣя не менѣе безсмысленная. Говоря иначе: каждая наука имѣетъ свой спеціальный остатокъ, нерастворимый въ обобщеніяхъ остальныхъ наукъ и имѣющій свои собственные законы; и чѣмъ сложнѣе явленія, изучаемыя тою или иною наукою, чѣмъ выше положеніе ея въ классификаціи, тѣмъ спеціальнѣе и свойственный ей остатокъ. Чтобы аналогія, какъ неизбѣжный,

*) Аналогическій методъ въ общественной наукѣ. Сочиненія, I, стр. 357.

хотя бы временный пріемъ изслѣдованія, представляла какую-нибудь научную цѣнность, она обязательно должна удовлетворять слѣдующему условію: *нужно, чтобы она не выходила за предѣлы тѣхъ спеціальныхъ остатковъ, которыми характеризуется каждая данная наука.* Давно уже сказано: comparaison n'est pas raison. Аналогія между явленіями біологическими и біологическими же, спеціально соціальными и соціальными же способствовала всегда упорядоченію научной мысли и приводила иногда къ очень важнымъ выводамъ. Такъ, напримѣръ, аналогія между листостебельнымъ побѣгомъ и цвѣткомъ, между конъюгаціей у низшихъ организмовъ и оплодотвореніемъ у высшихъ, между онтогенезомъ (исторія индивидуальнаго развитія организма) и филогенезомъ (родословная его) дала біологіи рядъ блестящихъ строго научныхъ обобщеній. А къ чему привела, напримѣръ, аналогія между механизмомъ и организмомъ? Къ ряду натянутыхъ, бездоказательныхъ, ничего не объясняющихъ сближеній, которыя раздули искру сомнѣнія въ наукѣ даже въ самыхъ непритязательныхъ умахъ и воскресили изъ мертвыхъ блаженной памяти витализмъ. „Совершенно никакой цѣны, пишетъ Михайловскій, не имѣетъ аналогія между нѣкоторымъ спеціальнымъ остаткомъ и явленіемъ низшаго порядка или между двумя спеціальными остатками... Такова аналогія между организмомъ—остаткомъ біологіи, и обществомъ—спеціальнымъ остаткомъ соціологіи... Аналогія между борьбой за существованіе въ природѣ и конкурренціей въ обществѣ до извѣстныхъ предѣловъ законна, такъ какъ борьба за существованіе является результатомъ біологическихъ законовъ, которые имѣютъ мѣсто и въ обществѣ. Но не всѣ выводы этой аналогіи будутъ для насъ одинаково обязательны... Конкурренція несомнѣнно зависитъ отъ нѣкоторыхъ чисто біологическихъ законовъ, но общественныя отношенія представляютъ нѣчто, не встрѣчающееся въ остальной природѣ, а потому не невозможно, что конкурренція въ обществѣ даетъ не тѣ результаты, что борьба за существованіе въ природѣ“. И затѣмъ въ другомъ мѣстѣ: „Предметъ соціологіи есть общественность, кооперація, и потому, принимая отъ біологіи законъ борьбы за существованіе, соціологія обязана опредѣлить, какое направленіе принимаетъ борьба подъ вліяніемъ кооперацін; и если существуетъ нѣсколько типовъ кооперацін, то какъ вліяетъ каждый изъ нихъ. Она должна прослѣдить эти вліянія не только въ человѣческомъ обществѣ, а и вездѣ, гдѣ существуетъ кооперація, то есть и въ пчелиномъ ульѣ, и въ муравейникѣ, и въ колоніяхъ низшихъ животныхъ. Добытые такимъ путемъ законы будутъ, дѣйствительно, соціологическіе законы и усмотрѣны они будутъ не съ біологической, а съ соціологической точки зрѣнія“ *).

*) Ibid., стр. 361, 362, 381.

Этотъ рядъ выдержекъ, который при желаніи можно было бы дополнить добрымъ десяткомъ другихъ, тожественныхъ, показываетъ наглядно, какъ представлялъ себѣ Михайловскій связь между такими сосѣдними областями знанія, какъ біологія и соціологія. Значенія законовъ біологіи для соціологіи онъ вовсе не отрицалъ. Напротивъ, все соціологическое міровоззрѣніе его, какъ увидимъ дальше, покоится на прочномъ фундаментѣ біологическихъ данныхъ и обобщеній. Онъ только настаивалъ на необходимости строго разграничивать сферу компетенціи различныхъ наукъ, онъ энергично протестовалъ противъ неудачнаго и незаконнаго вмѣшательства біологіи въ сферу спеціально общественныхъ явленій. А это далеко не одно и то же. Признавая законной связь между наукою о жизни и наукою объ обществѣ, Михайловскій не только сумѣлъ ясно формулировать ее, но и указалъ въ точности тѣ границы, гдѣ кончаются полномочія біологіи и начинаются автономныя права соціологіи. Это прежде и лучше всего обнаружилось въ данной имъ характеристикѣ *методологическихъ пріемовъ* точнаго естествознанія и соціологіи. Я говорю о „субъективномъ методѣ", научную цѣнность котораго такъ энергично отстаивалъ Михайловскій на протяженіи многихъ лѣтъ, нерѣдко возбуждая противъ себя то недоумѣніе, то негодованіе.

Возможно ли абсолютно „объективное" изученіе соціальныхъ явленій? Доступна ли для человѣка хотя бы такая же „объективная" оцѣнка фактовъ общественной жизни, какую онъ примѣняетъ по отношенію къ явленіямъ окружающей природы? Возможно ли при изученіи соціальныхъ явленій всецѣло отрѣшиться отъ того, что Михайловскій называетъ „предвзятымъ мнѣніемъ"? Обращаю вниманіе читателя на слѣдующее: выраженія Михайловскаго—„предвзятое мнѣніе" и „субъективный элементъ въ соціологіи" нужно понимать, какъ *субъективизмъ антропоцентрическій*, а не произвольно-индивидуальный.

Нелицепріятное, объективное изученіе той или иной группы явленій предполагаетъ въ изслѣдователѣ отсутствіе „предвзятаго мнѣнія" или, если хотите, наличность тенденціи видѣть вещи такъ, какъ онѣ есть, а не такъ, какъ ему хотѣлось бы ихъ видѣть. Нечего и говорить, что всякій добросовѣстный ученый стремится постигнуть вещи именно такъ, какъ онѣ есть, ищетъ возможно объективнаго знанія; и тѣмъ не менѣе предвзятое мнѣніе вторгается, помимо воли и сознанія изслѣдователя, въ процессъ его работы,— и не только вторгается, но часто *направляетъ* ее въ ту или иную сторону, а иногда и *предопредѣляетъ* характеръ тѣхъ выводовъ, къ которымъ онъ приходитъ. Исторія естествознанія, науки, сравнительно мало задѣвающей сокровенныя пружины человѣческой души, подтверждаетъ это на каждомъ шагу. Два натуралиста сводятъ жизненный процессъ либо къ дѣятельности ферментовъ, либо къ обмѣну веществъ въ бѣлковыхъ соединеніяхъ,

смотря по характеру исповѣдуемыхъ ими теорій, въ зависимости отъ того „предвзятаго мнѣнія", съ которымъ каждый изъ нихъ приступаетъ къ изученію занимающей его темы. Два біолога, изъ которыхъ одинъ склоненъ признавать наслѣдственность пріобрѣтенныхъ признаковъ, а другой отрицаетъ таковую, различно толкуютъ одни и тѣ же факты: первый подыскиваетъ для нихъ объясненіе въ духѣ дорогого ему „предвзятаго мнѣнія", другой дѣлаетъ то же самое во имя противоположнаго „предвзятаго мнѣнія". Два микроскописта, изслѣдуя одинъ и тотъ же препаратъ, видятъ въ немъ нерѣдко лишь то, что имъ диктуетъ „предвзятое мнѣніе" каждаго изъ нихъ. Такъ, напримѣръ, по Бючли, всякая протоплазма и всякое ядро состоятъ изъ „ячеекъ", а для Альтмана содержимое любой клѣтки разрѣшается въ цѣлый микрокозмъ зернышекъ или грануль. Очень возможно, что и оба натуралиста, и оба біолога, и оба микроскописта одинаково стоятъ на ложномъ пути; но возможно, что правъ который-нибудь изъ каждой пары изслѣдователей. Не въ этомъ дѣло. Для насъ важенъ лишь фактъ существованія „предвзятаго мнѣнія", т. е. безспорно *субъективнаго* элемента въ теоретическихъ построеніяхъ естествовѣдѣнія вообще и біологіи въ частности. А если это вѣрно, то можно ли удивляться тому обстоятельству, что въ соціологическихъ построеніяхъ, т. е. тамъ именно, гдѣ индивидуальные, групповые, сословные, классовые и общечеловѣческіе интересы вплетаются въ процессъ изслѣдованія на каждомъ шагу, „предвзятое мнѣніе" играетъ несравненно большую роль? Гораздо удивительнѣе было бы обратное, ибо отрѣшиться отъ „предвзятаго мнѣнія" при изученіи явленій общественной жизни—все одно, что *отказаться отъ всего своего интеллектуальнаго и моральнаго сознанія.* На такую операцію полнѣйшаго самоопустошенія не способенъ ни одинъ человѣкъ, и менѣе всего способенъ тотъ, кто считаетъ себя призваннымъ не только дисциплинировать калейдоскопически-пестрый хаосъ общественныхъ явленій, но и осмыслить ихъ, направить по пути къ осуществленію *должнаго*, т. е. нравственнаго, справедливаго. Естествоиспытателя можетъ вполнѣ удовлетворить одна лишь правда-*истина.* Соціологу этого мало: ему нужна и правда-*справедливость.* Онъ не станетъ калѣчить и фальсифицировать истину во имя справедливости; но онъ не удовлетворится и такой формулой справедливости, которая не согласуется съ истиной и построена, стало быть, на пескѣ. Что и говорить! Понятія истины и справедливости, которыми руководствуется соціологъ, въ значительной степени опредѣляются его „предвзятымъ мнѣніемъ" на этотъ счетъ, мнѣніемъ, которое въ свою очередь связано тысячью невидимыхъ нитей съ условіями возникновенія, роста и развитія всего его психическаго міра. Но опять-таки не въ этомъ дѣло. Важно лишь то, что субъективный элементъ въ соціологіи еще болѣе неизбѣженъ, чѣмъ, напримѣръ, въ

біологіи, и что въ первой изъ этихъ наукъ онъ обусловливается не столько интеллектуальнымъ, сколько моральнымъ сознаніемъ изслѣдователя. „Вотъ двѣ книги,—пишетъ Михайловскій:—одна трактуетъ о явленіяхъ природы, другая—о явленіяхъ общественной жизни. Одна написана спокойно, безстрастно нацѣпляетъ фактъ на фактъ и безпрепятственно доходитъ до обобщенія. Въ другой не то. Вы видите, что человѣкъ захлебывается тѣми ощущеніями, которыя возбуждаются въ немъ процессомъ передачи мысли; вы можете чуть не по каждой строкѣ судить о біеніи пульса писавшей руки; человѣкъ любитъ, ненавидитъ, смѣется, плачетъ; вы можете разглядѣть слѣды желчи и слезъ на бездушной бумагѣ. Изложеніе сбивчиво, неровно, рядомъ съ чисто-научною мыслью стоитъ ѣдкая полемическая выходка, вызовъ врагу, улыбка торжества и презрѣнія; тамъ опять безспорное наблюденіе, безспорный выводъ и опять дрожь и замираніе субъективныхъ взрывовъ!..“ *) Это—драгоцѣнныя строки, хотя натуралисту и отведено въ нихъ ужъ слишкомъ много олимпійскаго спокойствія и величаваго безпристрастія, что не совсѣмъ справедливо, конечно, ибо и ему не возбраняется „любить и ненавидѣть“, увлекаться „ѣдкою полемическою выходкой“, бросать „вызовъ врагу“, выражать „торжество и презрѣніе“. И тѣмъ не менѣе, повторяю, это—драгоцѣнныя строки: въ нихъ блестяще обрисованъ процессъ вторженія „правды практической земли“ въ работу самоотверженнаго искателя „правды теоретическаго неба“, въ нихъ, какъ нельзя лучше, показана роль субъективнаго элемента въ изслѣдованіяхъ соціолога. Я знаю другое, не менѣе замѣчательное въ этомъ отношеніи, мѣсто у Михайловскаго, и не могу отказаться отъ желанія напомнить его читателю, тѣмъ болѣе, что здѣсь особенно ярко оттѣняется характеръ того „субъективнаго элемента“, значеніе котораго такъ велико въ соціологіи. Указавши на роль сочувственнаго опыта въ человѣческихъ отношеніяхъ, Михайловскій продолжаетъ: „Сочувственный опытъ вмѣстѣ съ опытомъ личнымъ, комбинируясь извѣстнымъ образомъ, входитъ въ наше психическое содержаніе и, *на ряду съ категоріями истиннаго и ложнаго, установляетъ категоріи пріятнаго и непріятнаго, желательнаго и нежелательнаго, нравственнаго и безнравственнаго, справедливаго и несправедливаго.* Отрѣшиться отъ этой стороны эмпирическаго содержанія нашего *я* столь же невозможно, какъ произвольно вычеркнуть изъ своей памяти какія-нибудь знанія. Поэтому комбинація ощущеній и впечатлѣній, составляющая предвзятое мнѣніе, съ которымъ человѣкъ приступаетъ къ какому бы то ни было изслѣдованію, *въ области общественныхъ отношеній осложняется нѣкоторымъ новымъ элементомъ, элементомъ нравственнымъ.* Вотъ почему Контъ былъ правъ, утверждая въ своемъ

*) „Что такое прогрессъ?“ Соч., I, стр. 64.

курсѣ философіи, что „только тѣ могутъ съ успѣхомъ заниматься соціологіей, чей нравственный уровень достаточно высокъ“... Случайно прорвавшееся у Конта положеніе не подлежитъ никакому сомнѣнію. Дѣйствительно, Бэконъ-предатель, взяточникъ, клеветникъ и вмѣстѣ великій мыслитель о природѣ возможенъ,— фактъ на лицо. Но Бэконъ - великій соціологъ немыслимъ“ *) урсивъ мой).

Послѣднія слова о немыслимости Бэкона - великаго соціолога выдвигаютъ на очередь еще одинъ существенный вопросъ.

Мы видѣли, что устраненіе субъективнаго и при томъ совершенно опредѣленнаго, моральнаго, элемента изъ соціологіи невозможно. Но спрашивается, какъ понимать эту невозможность: есть ли это *неизбѣжное зло* или, наоборотъ, *необходимое благо?* Соціологія ставитъ себѣ задачею установить законы общественнаго устройства и развитія. Но это еще не все: у нея есть и *цѣли— нормировать общественныя отношенія, согласно опредѣленному соціальному идеалу. Телеологическій элементъ въ соціологіи не только неизбѣженъ, но и необходимъ.*

Не разъ уже, сопоставляя методологическіе пріемы соціологіи съ таковыми же пріемами біологіи, указывали на то обстоятельство, что въ біологіи ученіе о цѣляхъ всегда придавало тенденціозную и потому, молъ, совершенно ложную окраску фактамъ организованной природы, тогда какъ въ соціологіи оно лишь способствовало правильному пониманію общественныхъ отношеній и должному освѣщенію соціальныхъ перспективъ. Такого рода указанія дѣлались и Михайловскимъ. Вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ его на счетъ роли телеологическаго элемента въ наукѣ объ обществѣ, врядъ-ли можно признать вполнѣ справедливымъ взглядъ не только Михайловскаго, но и многихъ натуралистовъ, на значеніе телеологіи въ наукѣ о жизни. Телеологія телеологіи—рознь. Никто теперь не станетъ отрицать эфемерность натуръ—философскихъ концепцій, разсматривающихъ біологическія явленія въ свѣтѣ ученія о „конечныхъ цѣляхъ природы“, о „предустановленной гармоніи“, о „намѣреніяхъ Верховнаго Разума“ и т. д.: наука разъ навсегда покончила со всѣми этими фантазіями не отъ міра сего. Однако отсюда еще не слѣдуетъ, что телеологическій элементъ окончательно изгнанъ изъ біологіи. Самъ дарвинизмъ—этотъ заклятый врагъ телеологіи добраго стараго времени—держится цѣликомъ на примѣненіи телеологическаго принципа къ явленіямъ органической жизни: Дарвинъ только перенесъ центръ тяжести телеологіи съ туманныхъ надзвѣздныхъ сферъ на прозаичную землю. Вся теорія борьбы за существованіе и подбора есть въ сущности ученіе о возникновеніи и развитіи *цѣлесообразныхъ* формъ, цѣлесообразныхъ не съ какой-нибудь

*) Ibid., стр. 134.

сверхъ-опытной точки зрѣнія, а въ смыслѣ полезныхъ приспособленій къ житейско-обиходнымъ интересамъ организма. Если это вѣрно,—а я думаю, что вѣрно,—то остается только согласиться, что телеологическій элементъ играетъ пока довольно видную роль въ біологическихъ изысканіяхъ: каждый біологъ, изучая живыя формы природы, обязательно попытается рѣшить, какое значеніе имѣютъ различныя части того или иного организма въ жизни его, насколько цѣлесообразно онѣ построены и насколько хорошо служатъ интересамъ ихъ обладателя. А это ужъ, согласитесь, телеологія, хотя, повторяю, и не та, что мечтала постигнуть сокровенныя мысли „Верховнаго Разума" и проникнуть въ предвѣчныя тайны мірозданія.

Итакъ, даже біологъ дѣлаетъ порою экскурсіи въ область телеологіи, хотя объектомъ его изслѣдованій и является нѣчто, стоящее далеко отъ его личныхъ переживаній. Радости и горести, побѣды и пораженія, интересы и цѣли какого-нибудь носорога или ихтіозавра его мало трогаютъ; но все же онъ невольно считается съ ними изъ желанія всецѣло охватить и правильно освѣтить интересующее его біологическое явленіе. Почему же человѣкъ, трактующій объ общественныхъ отношеніяхъ *людей*, долженъ бояться телеологіи, какъ огня? Основательна ли такая боязнь? Справедливо ли такое требованіе? Михайловскій спрашиваетъ: „Законно ли устраненіе телеологическаго элемента изъ соціологическихъ изслѣдованій, можетъ ли объективный методъ дать въ соціологіи благіе результаты? Можетъ быть, соціологъ не имѣетъ, такъ сказать, логическаго права устранить изъ своихъ работъ человѣка, какъ онъ есть, со всѣми его скорбями и желаніями; можетъ быть, грозный образъ страдающаго человѣчества, соединившись съ логикой вещей, мститъ всякому, кто его забудетъ, кто не проникнется его страданіями; можетъ быть, объективная точка зрѣнія, обязательная для естествоиспытателя, совершенно не пригодна для соціологіи, объектъ которой—человѣкъ — тожественъ съ субъектомъ; можетъ быть, вслѣдствіе этой тожественности, мыслящій субъектъ только въ такомъ случаѣ можетъ дойти до истины, когда вполнѣ сольется съ мыслимымъ объектомъ и ни на минуту не разлучится съ нимъ, т. е. войдетъ въ его интересы, переживетъ его жизнь, перемыслитъ его мысль, перечувствуетъ его чувство, перестрадаетъ его страданія, проплачетъ его слезами?" *) Всѣ общественно-философскія работы Михайловскаго, все міросозерцаніе его является научно-обоснованнымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ. Соціологъ *не можетъ* отрѣшиться отъ своего моральнаго сознанія, соціологъ *долженъ* вести свое изслѣдованіе въ свѣтѣ глубоко прочувствованнаго и до конца продуманнаго общественнаго идеала; иначе въ обобще-

*) Ibid., стр. 56.

ніяхъ его будетъ отсутствовать самое главное, *двуединая правда* — правда безмятежнаго, спокойнаго въ своемъ величіи неба и правда многострадальной, обливающейся потомъ, слезами и кровью земли. Таковъ смыслъ отвѣта, даннаго Михайловскимъ, таково содержаніе рекомендуемаго имъ субъективнаго метода въ соціологіи.

„Ортодоксальный марксизмъ", какъ извѣстно, обрушился съ особенной энергіей на этотъ именно пунктъ воззрѣній русскаго соціолога, не имѣвшаго счастья носить мундиръ, присвоенный этому вѣдомству науки. Для меня лично остался совершенно непонятнымъ тотъ пылъ, съ которымъ „ортодоксальные ученики" вели свою атаку. Это, думается мнѣ, одно лишь недоразумѣніе. Кто, спрашивается, наговорилъ цѣлую кучу дѣльныхъ и пустыхъ рѣчей на тему о „классовой психологіи" и „классовой идеологіи"? Кто, кромѣ этихъ „объективистовъ", настаивалъ и продолжаетъ настаивать на „классовомъ характерѣ" общественной науки? А если классовая психологія и классовая идеологія кладутъ неизгладимый отпечатокъ на направленіе и характеръ изслѣдованій соціолога, то развѣ это не свидѣтельствуетъ о наличности субъективнаго элемента въ наукѣ объ обществѣ? Развѣ сами ортодоксы не обнаруживаютъ крайняго субъективизма, толкуя при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ объ „интересахъ четвертаго класса", о „пролетарскомъ сознаніи", объ „идеологіи будущаго" и объ иныхъ столь же прекрасныхъ вещахъ, не считаясь съ которыми, они не могутъ буквально шагу ступить? Развѣ ихъ теоретическія построенія не пропитаны насквозь классовымъ субъективизмомъ? Развѣ ихъ quasi—объективный методъ не есть на самомъ-то дѣлѣ методъ субъективный — субъективный хотя бы постольку, поскольку они считаютъ себя выразителями „интересовъ *рабочаго класса*". Нѣтъ, методъ у нихъ тотъ же, что и у Михайловскаго, только масштабъ его нѣсколько иной и, мнѣ кажется, болѣе узкій, болѣе субъективный, чѣмъ у подлинныхъ „субъективистовъ". Соціологическое изслѣдованіе, проведенное во имя девиза—„интересы пролетаріата"—изслѣдованіе, осложненное *классовою* психологіей, несомнѣнно субъективнѣе такого изслѣдованія, которое пытается стать выше психологіи какого бы то ни было *класса* и проникнуто идеей о благѣ *человѣка*, извлеченнаго изъ подъ гнета вертикальныхъ и горизонтальныхъ перегородокъ общественной организаціи. Послѣднее также субъективно, но въ то же время оно безспорно „объективнѣе" перваго.

Въ послѣдніе годы, вмѣстѣ съ вновь пробудившимся интересомъ къ вопросамъ теоретико-познавательнаго характера, ученіе о субъективномъ методѣ въ соціологіи подверглось нападенію съ другого фланга: его стали критиковать съ точки зрѣнія кантовскихъ категорій. Говорятъ: марксисты примѣняютъ къ изученію общественныхъ явленій „категорію необходимости", един-

ственно научный способъ познанія; русскіе нео-кантіанцы, идеалисты тожъ, разсматриваютъ эти явленія въ свѣтѣ „категоріи должнаго“, которая не противорѣчитъ „необходимому“ въ объективномъ ходѣ вещей, а возвышается надъ нимъ; „субъективисты“ русской соціологической школы съ Михайловскимъ во главѣ представляютъ себѣ общественный процессъ въ видѣ совокупности „возможностей“, желательныхъ и нежелательныхъ, т. е. примѣняютъ къ изученію фактовъ общественной жизни „категоріи возможнаго и желательнаго“—самый примитивный и совершенно ненаучный способъ познанія. Такъ говорятъ. Но всѣ эти разговоры, когда присмотришься къ нимъ, производятъ впечатлѣніе чисто-словеснаго спорта новомодной схоластики. И вотъ почему.

„Мы, пишетъ одинъ изъ русскихъ нео-кантіанцевъ, добиваемся осуществленія нашихъ идеаловъ не потому, что они возможны, а потому, что осуществлять ихъ повелительно требуетъ отъ насъ и отъ всѣхъ окружающихъ насъ сознанный нами долгъ“ *). Но развѣ „категорія желательнаго“ субъективистовъ вообще и Михайловскаго въ частности не совпадаетъ по существу съ „категоріей должнаго“ русскихъ идеалистовъ? Развѣ категорическій императивъ, „повелительно требующій“ отъ нашихъ нео-кантіанцевъ осуществленія ихъ идеаловъ, не толкалъ и не продолжаетъ толкать столь же „повелительно“ и „субъективистовъ“ къ осуществленія *ихъ* идеаловъ? Что же касается до якобы игнорированія русскими субъективистами „категоріи необходимости“, то это одно лишь недоразумѣніе. Соціальный процессъ представляется имъ не въ видѣ „совокупности различныхъ *возможностей*“, а въ видѣ совокупности *необходимостей*, въ которой они усматривали *возможность* для осуществленія *должнаго*. Впрочемъ, мы сейчасъ займемся подробнѣе вопросомъ о роли „категоріи необходимости“ или, выражаясь проще, объективныхъ данныхъ науки въ соціологическихъ построеніяхъ Михайловскаго.

II.

„Борьба за существованіе и подборъ“ — въ словахъ этихъ цѣлая философія для біолога и источникъ крупнѣйшихъ заблужденій для соціолога! Сколько ложныхъ толковъ, уродливыхъ шатаній мысли и часто жестокихъ фантазій связано съ одностороннимъ и сбивчивымъ пониманіемъ подлиннаго содержанія этихъ магическихъ словъ! И, надо правду сказать, распространенію такого рода толковъ и фантазій не мало способствовалъ самъ знаменитый авторъ „Происхожденія видовъ“. Вы помните,

*) *Проблемы идеализма. Б. Кистяковскій,* „Русская соціологическая школа“ и категорія возможности при рѣшеніи соціально-этическихъ проблемъ.

должно быть, торжественныя, преисполненныя большого оптимизма строки, которыми заканчивается его великое твореніе? Подчеркивая творческую роль борьбы и подбора, Дарвинъ писалъ: „Такъ изъ свирѣпствующей среди природы войны, изъ голода и смерти непосредственно вытекаетъ самый высокій результатъ, который умъ въ состояніи себѣ представить,—образованіе высшихъ формъ жизни".

Такъ ли это, однако, на самомъ дѣлѣ? Вѣрно ли, что изъ „борьбы, голода и смерти" *всегда* слѣдуетъ—да еще непосредственно—„образованіе высшихъ формъ жизни"?

Дарвинизмъ по существу чуждъ идиллическаго взгляда на природу, и тѣмъ не менѣе только что приведенныя слова Дарвина звучатъ оптимистично: точно моральное чувство геніальнаго натуралиста ужаснулось предъ раскрытой имъ же самимъ правдивой картиною „борьбы, голода и смерти" и захотѣло успокоиться на „красномъ вымыслѣ"! Трудно, однако, настаивать на этомъ предположеніи, ибо глубокій, проницательный умъ англійскаго мыслителя врядъ-ли способенъ былъ идти на сдѣлки съ встревоженной совѣстью. Какъ бы то ни было, многіе изъ учениковъ его — какъ это обыкновенно случается со всякаго рода „учениками"—усугубили недомолвку учителя, превративши ее чуть ли не въ исходный пунктъ всѣхъ своихъ теоретическихъ построеній: *они упустили изъ виду двойственный, порою предательскій характеръ борьбы и подбора, они забыли, что борьба и подборъ приводятъ часто не къ совершенству, а къ упадку формъ жизни.*

Остановлюсь нѣсколько подробнѣе на развитіи этой мысли.

Жизнь, смотря по мѣсту и времени, предъявляетъ организмамъ весьма различныя требованія. Считаться съ этими требованія приходится, волей-неволей, всякому, кто не то что разсчитываетъ на сколько-нибудь сносное существованіе, но и просто не желаетъ быть вычеркнутымъ изъ списка вызванныхъ на арену жизни. *Приспособляйся*, какъ можешь, иначе будешь выброшенъ за бортъ и вытѣсненъ иными, болѣе счастливыми претендентами на право существованія—таковъ неумолимый, жестокій девизъ природы, таково глубоко-драматическое содержаніе борьбы за существованіе и возникающаго на фонѣ ея подбора. Гибнутъ „неприспособленные", выживаютъ „наиболѣе приспособленные"— другого смысла въ понятіе „подборъ" нельзя вложить и не слѣдуетъ вкладывать. А кто эти неприспособленные и кто наиболѣе приспособленные — это всецѣло обусловливается данными мѣста и времени, при которыхъ возникаетъ борьба за существованіе и дѣйствуетъ подборъ. Не всегда наиболѣе приспособленными оказываются организмы наиболѣе сильные и совершенные; и не всегда неприспособленные отмѣчены печатью слабости и несовершенства. Напротивъ, временами, при опредѣленномъ житейскомъ режимѣ, несовершенство организаціи и даже уродство

могутъ сослужить великолѣпную службу въ борьбѣ за существованіе, и тогда побѣда останется непремѣнно на сторонѣ счастливыхъ обладателей несовершеннаго строенія, ибо они-то въ данномъ случаѣ и явятся наиболѣе приспособленными. Кому не извѣстно, что многіе изъ паразитовъ въ сущности настоящіе дегенеранты по сравненію со своими свободно живущими сородичами; и тѣмъ не менѣе они великолѣпно приспособлены къ тѣмъ своеобразнымъ условіямъ жизни, которыя выпали на ихъ долю. Словомъ, наиболѣе *приспособленный* и наиболѣе *совершенный* далеко не одно и то же. Это во-первыхъ. А „во-вторыхъ" слѣдуетъ ужъ прямо изъ этого „во-первыхъ". Приписывать подбору исключительно прогрессивную роль въ процессѣ образованія новыхъ формъ жизни — тенденція, неосновательная и отдающая во всякомъ случаѣ маниловщиной. *Подборъ—факторъ безразличный.* Ни съ какими идеалами „высшаго порядка" онъ не считается. Его задача приспособлять организмы къ преходящимъ условіямъ существованія, порою очень односторонняго, узкаго, ограниченнаго, порою же, наоборотъ, разносторонняго и крайне сложнаго. Въ первомъ случаѣ требуется организація менѣе сложная, чѣмъ въ послѣднемъ; но отъ этого она вовсе не становится менѣе приспособленной: для того режима, съ которымъ ей приходится считаться, она приспособлена, по крайней мѣрѣ, такъ же хорошо, какъ и организація болѣе совершенная для среды болѣе сложной и разносторонней. Не рѣдко даже случается такъ, что организмъ болѣе совершенный, не смотря на всю свою относительную „идеальность", оказывается непригоднымъ для той среды, въ которой организмъ менѣе совершенный чувствуетъ себя отлично, и только потому, что въ строеніи послѣдняго имѣются какія-либо мелкія специфическія особенности, очень цѣнныя въ практикѣ его житейскаго обихода.

Давно уже въ біологіи установилось правило дѣлить дѣйствующихъ лицъ борьбы за существованіе на двѣ группы: однимъ изъ нихъ пріурочено названіе *типовъ идеальныхъ*, другіе извѣстны подъ именемъ *типовъ практическихъ*. Послѣдніе приспособлены къ тѣмъ или инымъ замкнутымъ условіямъ жизни; у первыхъ, наоборотъ, формула жизни богаче, разнообразнѣе. Но часто случается такъ, что типы идеальные побиваются въ жизни типами практическими; не смотря на свое большее совершенство, они оказываются менѣе приспособленными. Отсюда многіе натуралисты, въ томъ числѣ, напримѣръ, Геккель, сдѣлали такой выводъ: „естественный подборъ *вездѣ* способствуетъ развитію практическихъ типовъ въ ущербъ идеальнымъ". На самомъ дѣлѣ выводъ этотъ такъ же одностороненъ, какъ и тотъ, согласно которому подборъ оказывается факторомъ исключительно прогрессивнымъ. Теперь это—азбучная истина біологіи. Но лѣтъ 30 тому назадъ, когда дебаты по этому вопросу только что начи-

нались и большинство сторонниковъ Дарвина находилось еще подъ обаяніемъ не только безспорныхъ истинъ геніальнаго натуралиста, но и сомнительныхъ выводовъ его послѣдователей, настаивать на двойственномъ или, точнѣе, безразличномъ характерѣ подбора считалось дѣломъ рискованнымъ и во всякомъ случаѣ еретическимъ. И какъ разъ въ это время—а именно въ 1870 году — Михайловскій особенно настаивалъ на необходимости вскрыть подлинное содержаніе естественнаго подбора и отвести ему надлежащее мѣсто въ ряду главнѣйшихъ факторовъ органическаго прогресса. Процитировавши, напримѣръ, только что приведенныя слова Геккеля, онъ писалъ: „Да, das ist eine alte Geschichte, doch ist sie immer neu:

Нѣтъ могучаго Патрокла,
Живъ презрительный Терситъ!

„Однако, выраженная абсолютно, эта печальная истина столь же мало оправдывается фактами, какъ и противоположный выводъ, дѣлаемый нѣкоторыми изъ теоріи Дарвина, а именно, будто бы борьба за существованіе и естественный подборъ необходимо суть орудія прогресса, что въ борьбѣ выживаютъ только лучшіе и сильнѣйшіе; точно такъ, какъ невѣрно и снотворное правило буржуазныхъ моралистовъ: добродѣтель торжествуетъ, а порокъ наказывается. Природа, какъ она намъ освѣщается теоріей Дарвина, не знаетъ избранниковъ. Здѣсь она раздавитъ великаго Патрокла и сохранитъ презрѣннаго Терсита; тамъ выдавитъ изъ строя жизни цѣлый видъ, здѣсь разобьетъ видъ на два, на три; тамъ низведетъ Патрокла до состоянія Терсита, здѣсь выставитъ Патрокла во всемъ его величіи; тамъ разовьетъ жизнь, здѣсь нашлетъ смерть; тамъ посѣетъ слезы и страданія, здѣсь разольетъ море наслажденій“ *)...

Спрашивается, однако, какъ отличить „могучаго Патрокла“ отъ „презрѣннаго Терсита“ въ кругу представителей животнаго и растительнаго царства? Гдѣ оно, объективное мѣрило для опредѣленія степени совершенства организаціи? Такое мѣрило извѣстно давно, еще со временъ знаменитаго эмбріолога, Карла фонъ-Бэра. Гласитъ оно примѣрно слѣдующее: чѣмъ больше разнородныхъ органовъ, пріуроченныхъ къ выполненію спеціальныхъ функцій, имѣетъ животное или растеніе, тѣмъ выше его организація, тѣмъ совершеннѣе оно. Или иначе: *степень развитія организма опредѣляется степенью физіологическаго раздѣленія труда между образующими его органами.* Иллюстрируя эту мысль примѣромъ, мы должны будемъ сказать, что, напримѣръ, солитеръ стоитъ по своей организаціи значительно ниже обыкновеннаго дождевого червя, ибо у этого послѣдняго имѣется гораздо больше разнородныхъ и разно-функціонирующихъ органовъ, чѣмъ у перваго.

*) Теорія Дарвина и общественная наука. Соч., I, 230—231.

Только что приведенный принципъ „физіологическаго раздѣленія труда“ опять-таки является одною изъ азбучныхъ истинъ біологіи. Но, къ сожалѣнію, и онъ не избѣгъ различныхъ лжетолкованій на ряду съ иными такими же азбучными истинами. Его не разъ смѣшивали съ другимъ, не менѣе великимъ принципомъ естествознанія, введеннымъ въ науку Дарвиномъ и извѣстнымъ подъ именемъ закона „дивергенціи“ или „расхожденія признаковъ“.

Согласно ученію Дарвина, индивидуальныя особенности, которыми отличаются другъ отъ друга представители даннаго „вида“, служатъ исходнымъ пунктомъ для образованія новыхъ видовъ. Подхваченныя подборомъ, въ интересахъ борьбы за существованіе, эти легкія индивидуальныя различія въ строеніи и внѣшнемъ видѣ животныхъ или растеній съ теченіемъ времени усиливаются, вырисовываются рѣзче и опредѣленнѣе, пріобрѣтаютъ характеръ приспособленій къ новымъ условіямъ жизни и превращаются въ ясно выраженные „видовые признаки“. Такимъ образомъ старый видъ дробится, распадается сперва на нѣсколько разновидностей, а затѣмъ и новыхъ видовъ. Вотъ этотъ-то процессъ Дарвинъ окрестилъ именемъ *дивергенціи* или *расхожденія признаковъ*. Сводится онъ, слѣдовательно, къ установленію возможно большаго *различія между недѣлимыми* родственной группы организмовъ (вида). Процессъ этотъ возникаетъ на почвѣ борьбы за существованіе и направляется въ ту или иную сторону подборомъ, смотря по характеру тѣхъ условій, къ которымъ приходится приспособляться расходящимся въ признакахъ недѣлимымъ даннаго „вида“. Физіологическое же раздѣленіе труда способствуетъ установленію возможно большаго *различія между органами* недѣлимаго.

Итакъ, разница между принципомъ „расхожденія признаковъ“ и принципомъ „физіологическаго раздѣленія труда“—громадная: первый распространяетъ свое вліяніе на *недѣлимыхъ* даннаго вида, второй ограничивается вліяніемъ на *органы* одного и того же недѣлимаго. Благодаря усиленію физіологическаго раздѣленія труда, особь совершенствуется, а въ процессѣ расхожденія признаковъ организація ея можетъ и прогрессировать, и остаться на той же ступени развитія, на которой стояла раньше, и *регрессировать*. Все зависитъ отъ тѣхъ условій, во имя которыхъ совершается процессъ расхожденія признаковъ. Если организмъ приспособляется къ болѣе сложнымъ условіямъ существованія, если формула жизни его расширяется, тогда онъ становится совершеннѣе— и въ этомъ случаѣ процессъ расхожденія признаковъ приводитъ къ усиленію физіологическаго раздѣленія труда, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ изъ трансформирующихся недѣлимыхъ даннаго „вида“. Если-же modus vivendi животнаго или растенія суживается, бѣднѣетъ содержаніемъ, то организація его падаетъ—тутъ ужъ процессъ дивергенціи ведетъ къ ослабленію физіологическаго

раздѣленія труда. Существуютъ, напримѣръ, паразитическія ракообразныя, организація которыхъ, по сравненію съ организаціей ихъ ближайшихъ родичей, страшно пала; по внѣшнему виду ихъ нѣтъ никакой возможности даже принять за ракообразныхъ: почти всѣ внѣшніе и внутренніе органы ихъ, за исключеніемъ органовъ размноженія, атрофировались, а жизнедѣятельность свелась чуть-ли не исключительно на спеціальныя функціи размноженія. И все это—результатъ „расхожденія признаковъ", понизившаго до minimum'а физіологическое раздѣленіе труда у недѣлимыхъ этого вида ракообразныхъ. Уже одного такого примѣра достаточно, чтобы судить, насколько велика бываетъ иногда разница между проявленіями дивергенціи и физіологическаго раздѣленія труда. Но мнѣ хочется еще рѣзче подчеркнуть эту разницу. Вотъ почему я предлагаю обратить особенное вниманіе на случаи конфликтовъ между обоими только что названными принципами: это очень понадобится намъ для пониманія нѣкоторыхъ спеціально-соціологическихъ проблемъ, рѣшеніемъ которыхъ занимался Михайловскій.

Вышеприведенный примѣръ съ ракообразными свидѣтельствуетъ, какъ нельзя лучше, о томъ, что подборъ преслѣдуетъ пользу не индивида, а той *группы* организмовъ, къ которымъ онъ относится, и что *интересы недѣлимаго часто приносятся въ жертву интересамъ вида, какъ цѣлаго.* Эта парадоксальная, на первый взглядъ, мысль подтверждается тѣмъ не менѣе на каждомъ шагу фактами жизни. Казалось бы, дѣло должно обстоять такъ: „видъ" состоитъ изъ совокупности недѣлимыхъ; слѣдовательно, благоденствіе перваго обусловлено цѣликомъ благоденствіемъ послѣднихъ. И, разсуждая формально, оно такъ и есть на самомъ дѣлѣ: „видъ" вышеупомянутыхъ паразитическихъ ракообразныхъ существуетъ только потому, что существуютъ входящіе въ составъ его организмы. Не слѣдуетъ, однако, забывать вотъ чего: паразитическія ракообразныя, приспособившись къ замкнутымъ и крайне одностороннимъ условіямъ жизни, *очень много потеряли въ качествѣ недѣлимыхъ.* Тутъ *недѣлимое,* собственно говоря, *сведено на степень органа.* Это, конечно, нисколько не мѣшаетъ ему преблагополучно существовать въ тѣхъ узкихъ рамкахъ жизни, въ которыя его втиснула борьба за существованіе. Но всетаки, повторяю, въ качествѣ индивида онъ сталъ несравненно менѣе совершеннымъ, чѣмъ ближайшіе родичи его, оставшіеся волею судебъ, т. е. борьбы за существованіе и подбора, при старомъ, болѣе сложномъ режимѣ жизни: въ то время, какъ послѣдніе способны вести болѣе или менѣе сносное существованіе *при различныхъ обстоятельствахъ,* ракообразный паразитъ обязательно погибнетъ, если его оторвать отъ тѣхъ *исключительныхъ условій жизни, къ которымъ онъ спеціально приноровленъ.* Не слѣдуетъ ли отсюда, что, по крайней мѣрѣ

иногда, интересы „вида“, какъ цѣлаго, совсѣмъ не совпадаютъ съ интересами недѣлимыхъ, входящихъ въ составъ этого вида?

Тутъ мы снова возвращаемся къ вопросу о разницѣ между „типами идеальными“ и „типами практическими“, между „наиболѣе совершенными“ и „наиболѣе приспособленными“. Паразитическій ракъ, по сравненію со своими свободно живущими родичами, есть типъ практическій и въ качествѣ таковаго онъ болѣе приспособленъ къ выпавшимъ ему на долю условіямъ существованія, чѣмъ какой-либо изъ его „идеальныхъ“ собратьевъ; но въ то же время послѣдній совершеннѣе перваго, ибо мѣриломъ совершенства, какъ мы уже знаемъ, служитъ не степень приспособленности организма къ *специфическимъ* условіямъ существованія, а степень развитія физіологическаго раздѣленія труда между его органами, т. е. способность отвѣчать на сложные запросы жизни, умѣніе оріентироваться въ разнообразныхъ условіяхъ ея.

Въ процессѣ жизни, подъ вліяніемъ борьбы за существованіе и естественнаго подбора, „идеальный типъ“ можетъ распасться на нѣсколько „практическихъ типовъ“. Палеонтологія, наука объ ископаемыхъ организмахъ, не разъ доказывала существованіе такихъ „идеальныхъ типовъ“ въ минувшія геологическія эпохи; только она именуетъ ихъ типами *синтетическими* и *пророческими*. Таковъ, напримѣръ, знаменитый палеотерій. Онъ, какъ полагаютъ, совмѣщаетъ въ себѣ нѣкоторые признаки тапира, носорога и лошади. Это, такъ сказать, животное сборное или *синтетическое*. Въ то же время въ немъ какъ бы предвосхищены, даны въ возможности, три различныхъ животныхъ: тапиръ, носорогъ и лошадь; отсюда и названіе — „пророческій типъ“. То, что въ палеотеріѣ было собрано воедино, съ теченіемъ времени, благодаря дивергенціи, раздробилось на части, которыя въ послѣдующія геологическія эпохи пріобрѣли значеніе самостоятельныхъ цѣлыхъ: палеонтологія считаетъ возможнымъ предположить, что палеотерій является родоначальникомъ тапировъ, носороговъ и лошадей. Въ качествѣ животнаго, совмѣщающаго въ себѣ нѣкоторыя существенныя особенности тапира, носорога и лошади, палеотерій „идеальнѣе“ своихъ „практическихъ“ эпигоновъ; *по типу* развитія онъ выше ихъ, но *по степени* развитія — ниже, ибо признаки, сравнительно слабо выраженные въ организмѣ палеотерія, достигли нѣкотораго совершенства въ отдѣльности у тапира, носорога и лошади: опять, какъ видите, процессъ расхожденія признаковъ привелъ къ пониженію физіологическаго раздѣленія труда у недѣлимыхъ, хотя спеціальныя особенности послѣднихъ и поднялись много выше того уровня, на которомъ ихъ застала дивергенція.

Возьмемъ еще примѣръ, иллюстрирующій эту мысль. Согласно ученію Дарвина, полиморфные (многоформенные) виды ведутъ свое начало отъ видовъ мономорфныхъ (одноформенныхъ). Та-

ково, напримѣръ, происхожденіе современныхъ семейныхъ общинъ муравьевъ, пчелъ и термитовъ, въ которыхъ индивиды распадаются на нѣсколько — отъ 3 до 5—отдѣльныхъ „кастъ". Въ первобытныхъ муравейникахъ, ульяхъ и термитникахъ такого дѣленія на „касты" не существовало: отдѣльные члены ихъ *по типу развитія* стояли выше современныхъ безполыхъ „рабочихъ", „воиновъ" и т. п.; но *по степени* приспособленности *къ спеціальнымъ функціямъ* современные „рабочіе", „воины" и т. д. значительно опередили своихъ „многостороннихъ" предковъ. Какой же, напримѣръ, изъ муравейниковъ совершеннѣе—современный или первобытный? Отвѣтъ на это имѣется, между прочимъ, и у Михайловскаго. „Съ объективнй точки зрѣнія,—говоритъ онъ,—выше нынѣшній муравейникъ, потому что его части сильнѣе дифференцированы. Но, съ субъективной точки зрѣнія самого муравья, выше древній муравейникъ... Пусть совокупными усиліями полиморфныхъ индивидовъ созданы огромныя богатства и дана цѣлая муравьиная цивилизація; онъ выше потому, что въ немъ побѣда въ борьбѣ за индивидуальность осталась на сторонѣ муравья, т. е. индивида въ тѣсномъ смыслѣ этого слова" *). Словомъ, противорѣчіе между интересами „вида", какъ цѣлаго, и интересами недѣлимыхъ, входящихъ въ составъ этого цѣлаго, различіе между совершенствомъ *по типу* и совершенствомъ *по степени* развитія—все это подтверждается и на примѣрѣ семейныхъ общинъ у насѣкомыхъ.

Передъ нами прошелъ рядъ нынѣ общепризнанныхъ и очень важныхъ біологическихъ обобщеній. Къ чему же сводятся они?

Естественный подборъ не всегда ведетъ къ прогрессу живыхъ формъ природы. Часто работа его направляется въ діаметрально противоположную сторону, и это находится въ прямой связи съ его насущною задачей — приспособлять живыя формы къ преходящимъ, то разностороннимъ, то, наоборотъ, крайне замкнутымъ условіямъ существованія. Онъ на сторонѣ не наиболѣе совершенныхъ, а наиболѣе приспособленныхъ; а это совсѣмъ не одно и то же, такъ какъ наиболѣе приспособленными оказываются зачастую наименѣе совершенныя. Степень совершенства организаціи опредѣляется степенью физіологическаго раздѣленія труда. Не рѣдки такіе случаи, когда жизнь недѣлимаго, въ процессѣ расхожденія признаковъ, бѣднѣетъ содержаніемъ, когда „типъ идеальный" дробится на части, давая, такимъ образомъ, начало нѣсколькимъ „практическимъ типамъ", довольствующимся очень узкою формулой жизни. И въ этомъ именно смыслѣ можно смѣло утверждать, что интересы индивида часто не только не совпадаютъ, но и находятся въ рѣзкомъ противорѣчіи съ интересами „вида", какъ цѣлаго: „видъ" иногда

*) „Борьба за индивидуальность", Соч., I, 478.

продолжаетъ существовать, но право на жизнь имъ покупается дорогой цѣной—цѣною калѣченія входящихъ въ его составъ недѣлимыхъ. Тогда организація недѣлимаго „по типу“ становится ниже, „по степени же развитія“ спеціальныхъ приспособленій, пріуроченныхъ къ спеціальнымъ функціямъ, повышается.

Всѣ эти положенія, почерпнутыя изъ біологіи, легли въ основу общественно-философскихъ теорій Михайловскаго, и съ ними обязательно долженъ считаться всякій соціологъ. Къ сожалѣнію, соціологи, а въ особенности всѣ, не по заслугамъ претендующіе на этотъ почетный титулъ, нерѣдко либо забываютъ совершенно, что общественная наука имѣетъ очень важнаго союзника въ лицѣ біологіи, либо пользуются ея выводами безъ критики. Въ результатѣ же недостаточно вдумчиваго отношенія къ различнымъ біологическимъ обобщеніямъ получается рядъ натянутыхъ, ошибочныхъ и вздорныхъ соціологическихъ построеній.

Михайловскій это отлично видѣлъ и положилъ не мало труда на борьбу съ такого рода quasi-соціологическими теоріями.

III.

Приступая къ ряду статей подъ общимъ заглавіемъ „Теорія Дарвина и общественная наука“, Михайловскій писалъ: „Основная задача наша состоитъ всетаки въ опредѣленіи, съ точки зрѣнія Дарвиновой теоріи, взаимнаго отношенія между физіологическимъ раздѣленіемъ труда, то есть раздѣленіемъ труда между органами въ предѣлахъ одного недѣлимаго, и раздѣленіемъ труда экономическимъ, то есть раздѣленіемъ труда между цѣлыми недѣлимыми въ предѣлахъ вида, расы, народа, общества. Съ нашей точки зрѣнія задача эта сводится къ изысканію основныхъ законовъ коопераціи, то есть фундамента общественной науки. Поэтому мы постараемся представить возможно большій рядъ соціологическихъ выводовъ изъ теоріи Дарвина и дать имъ посильную критическую оцѣнку“ *).

Эта „посильная критическая оцѣнка“ была направлена прежде всего на теоріи *прямолинейныхъ дарвинистовъ*, перенесшихъ принципы борьбы и подбора цѣликомъ изъ біологіи въ соціологію. Разсуждаютъ они примѣрно слѣдующимъ образомъ:

Человѣкъ и человѣческія формы общежитія являются продуктомъ тѣхъ же самыхъ факторовъ, которые создали муравья и муравьиную цивилизацію. Муравей, со всею присущею ему индивидуальною и общественною организаціей, созданъ творческою дѣятельностью естественнаго подбора, оперировавшаго на фонѣ борьбы за существованіе. Равнымъ образомъ, все строеніе и пси-

*) „Теорія Дарвина и общественная наука“. Соч., I, 151.

хологія человѣка, всѣ общественныя отношенія его, вызваны къ жизни силою борьбы за существованіе и подбора: его высокая физическая организація, его духовная мощь, его несмѣтныя богатства, его успѣхи на поприщѣ промышленности, науки и искусства, весь общественный укладъ его жизни,—словомъ, вся современная цивилизація была бы немыслима безъ конкурренціи между отдѣльными личностями, общественными группами, классами, народами, расами, государствами. Только благодаря подбору, безжалостно сметавшему съ исторической сцены несовершенныя экономическія, политическія, юридическія и общественныя формы и замѣнявшему ихъ формами болѣе жизнеспособными, болѣе развитыми и современными, стала возможною та высокая степень цивилизаціи, которою справедливо гордится современное культурное человѣчество.

Правда, многовѣковый историческій путь человѣчества, осѣненный всеблагою десницей борьбы за существованіе, подернутъ густымъ облакомъ стоновъ и проклятій, орошенъ слезами, пропитанъ кровью, усѣянъ трупами многихъ милліоновъ „неприспособленныхъ". Но не бѣда! — утѣшаютъ насъ дарвинисты въ соціологіи: побѣду въ борьбѣ одержали наиболѣе сильные, сильные и физически, и интеллектуально, и морально; ибо „изъ голода и смерти непосредственно вытекаетъ самый высокій результатъ, который умъ въ состояніи себѣ представить,—образованіе высшихъ формъ жизни". Правда, подборъ въ человѣческомъ обществѣ, какъ и всюду, ведетъ къ „расхожденію признаковъ", понижаетъ типъ человѣческой природы въ интересахъ замкнутыхъ условій кастоваго, цехового, классового, вообще всякаго группового режима, дробитъ личность, сужаетъ работу ея мысли и запросы ея совѣсти въ цѣляхъ тѣхъ спеціальныхъ функцій и одностороннихъ интересовъ, которымъ призвана служить она, эта искалѣченная физически и кастрированная духовно человѣческая личность. Но опять таки—не бѣда! восклицаютъ буржуазные экономисты и соціологи: новыя формы общественной жизни и связанная съ ними высокая степень „цивилизаціи" стали возможны, благодаря лишь тому, что общество дифференцировалось, функціи его обособились, исполнители этихъ функцій спеціализировались. Словомъ, борьба жестоко поступаетъ съ „неприспособленными", а подборъ приспособляетъ людей къ жизни, не считаясь съ интересами и запросами личности—все это такъ; и тѣмъ не менѣе предавать анафемѣ борьбу и подборъ могутъ только сентиментальные фантазеры, не отваживающіеся смѣло и открыто взглянуть на жизнь, поставить объективную правду ея выше своихъ субъективныхъ мечтаній. Но трезвые и спокойные наблюдатели природы отдаютъ должное творческой роли борьбы и подбора въ историческомъ процессѣ и со спокойной совѣстью говорятъ:

такъ было раньше, такъ движется впередъ человѣческая жизнь и сейчасъ, такъ должно быть всегда...

Мнѣ кажется, что только что приведенная аргументація очень *характерна для опредѣленнаго типа мышленія*: такъ думаютъ всѣ буржуазные элементы современнаго общества, такъ разсуждаетъ вся буржуазная наука—ея экономисты, политики, правовѣды, соціологи, моралисты. Политико-экономъ восхваляетъ экономическое раздѣленіе труда, создавшее „богатство народовъ“ путемъ систематической пролетаризаціи всѣхъ трудящихся слоевъ общества, свободную конкурренцію, при которой „наиболѣе приспособленныя“ единицы умножаютъ свои капиталы на счетъ труда „неприспособленныхъ“ массъ, и пресловутую „гармонію интересовъ“ при очевидномъ антагонизмѣ ихъ; политикъ взываетъ къ „патріотизму“ и настаиваетъ на необходимости давить „чужое“ во имя „національнаго единства и мощи“, столь необходимыхъ въ борьбѣ народовъ за право жизни и широкихъ историческихъ перспективъ, или же поетъ дифирамбы системѣ laisser faire—laisser passer въ интересахъ якобы либерализма и даже индивидуализма; соціологъ не нарадуется картиною „наивозможно большей дифференціаціи общества“, ибо въ этомъ онъ благодушно усматриваетъ „переходъ отъ простого-однороднаго къ сложному-разнородному“, т. е. совершенствованіе, прогрессъ; а моралистъ говоритъ намъ съ паѳосомъ о благихъ намѣреніяхъ провидѣнія, ниспославшаго на землю соціальное и экономическое неравенство съ цѣлью упражнять въ богатыхъ добродѣтель милосердія къ бѣднымъ, и въ заключеніе кощунственно преподноситъ намъ притчу о многихъ званыхъ и немногихъ избранныхъ. Все это давно знакомые темы и мотивы. Типичнымъ образчикомъ ихъ можетъ служить, напримѣръ, слѣдующая тирада изъ книги нѣкогда знаменитой госпожи Ройе: „изученіе законовъ, управляющихъ человѣческими дѣйствіями, говоритъ она, показываетъ, что наименьшимъ неравенствомъ достигается для каждаго члена общества наименьшая сумма наслажденій; что, напротивъ, по мѣрѣ возвышенія соціальной пирамиды, по мѣрѣ увеличенія числа ступеней іерархіи, общая сумма наслажденій прогрессивно растетъ; что раздѣленіе труда и порождаемыя имъ неравенства, уменьшая трудъ каждаго, даютъ болѣе наслажденій всѣмъ; что неравенство богатства, создавая досугъ, различнымъ образомъ употребляемый, ведетъ къ общей выгодѣ и преимущественно выгодѣ бѣдныхъ; что нѣтъ такой нелѣпой страсти, такого страннаго каприза, который не открывалъ бы человѣческой дѣятельности новаго поля и который не давалъ бы пропитанія извѣстному числу людей, коимъ безъ этой помощи пришлось бы погибнуть... Уничтожьте праздность, и вы уничтожите вмѣстѣ съ тѣмъ и капризъ, а, слѣдовательно, удовле-

творявшіе его останутся безъ работы" *)... И эта не то наивная, не то циничная апологія дѣйствительности, это пѣснопѣніе „соціальной пирамидѣ" о многихъ этажахъ выдавалась серьезно за соціологію, построенную на данныхъ и выводахъ науки о жизни; мало этого: многіе авторы такого рода пѣснопѣній чистосердечно считали себя идеологами трудящихся классовъ общества, защитниками ихъ интересовъ.

Михайловскій обрушился со всею силой своего остраго ума и богатой эрудиціи на этотъ гимнъ „естественному ходу вещей" и чисто зоологическому либерализму. И если бъ онъ ничего больше не сдѣлалъ, если бы вся работа его ограничилась безпощадной критикой теорій, построенныхъ на ложномъ толкованіи принциповъ дарвинизма въ примѣненіи ихъ къ явленіямъ общественной жизни, то и тогда заслуга его предъ русскимъ обществомъ и наукой была бы громадна. Съ талантомъ и блескомъ, исключительно ему присущими, съ необыкновенною ясностью и убѣдительностью онъ показалъ, что экскурсіи одностороннихъ дарвинистовъ въ область соціальныхъ отношеній и попытки нѣкоторыхъ соціологовъ реабилитировать печальную дѣйствительность при помощи теоріи Дарвина покоятся на цѣломъ рядѣ грубыхъ ошибокъ и преувеличеній. Онъ не отрицалъ зависимости общественныхъ явленій отъ нѣкоторыхъ законовъ біологіи; онъ не отказывалъ соціологамъ въ правѣ распространять принципы подбора и расхожденія признаковъ на соціальныя отношенія людей и на весь вообще ходъ историческаго процесса. Онъ только настаивалъ на необходимости правильнаго пониманія этой связи и критически продуманнаго пользованія выводами біологіи при объясненіи общественныхъ явленій. И вотъ что особенно важно. Аргументы свои, всегда яркіе и остроумные, онъ черпалъ изъ области той самой біологіи, выводами которой такъ неумѣло пользовались прямолинейные дарвинисты и буржуазные соціологи. Не малую роль тутъ играли, разумѣется, и велѣнія возмущенной совѣсти, властно призывавшія его къ защитѣ столь легкомысленно попираемыхъ „правъ человѣка"; но это только придавало мощь и своеобразную красоту его объективнымъ, строго-научнымъ доказательствамъ. Какія это доказательства — мы уже знаемъ; они изложены въ предыдущей главѣ и гласятъ слѣдующее: не вѣрно, будто „изъ борьбы, голода и смерти" обязательно возникаютъ „высшія формы жизни"; невѣрно, будто подборъ на сторонѣ „наиболѣе совершенныхъ": онъ всего лишь за „наиболѣе приспособленныхъ"; не вѣрно, будто интересы „вида" всегда совпадаютъ съ интересами индивида; не вѣрно, наконецъ, что „расхожденіе признаковъ" въ обществѣ

*) Цитирую по статьѣ Михайловскаго „Теорія Дарвина и общественная наука" Соч., I, 245.

есть благо для составляющихъ это общество недѣлимыхъ: развиваясь въ спеціальныхъ направленіяхъ, недѣлимое превращается въ „палецъ отъ ноги“, въ винтикъ сложнаго общественнаго механизма. Послѣдняя ошибка логически вытекаетъ изъ всѣхъ предыдущихъ ошибокъ; но она особенно сильно даетъ себя чувствовать въ соціологіи, и потому немудрено, что на ней именно Михайловскій и сосредоточилъ все свое вниманіе. Не лишнее будетъ возстановить въ памяти читателя подлинныя рѣчи его по этому поводу. Выдержка будетъ длинная, но настолько интересная, что лишній разъ прочесть ее составитъ одно лишь удовольствіе. Указавши на тотъ фактъ, что большинство біологовъ и экономистовъ *отожествляетъ* физіологическое раздѣленіе труда съ общественнымъ, Михайловскій продолжаетъ:

„Фактъ этого повальнаго заблужденія, безъ сомнѣнія, заставитъ сильно призадуматься будущаго историка науки, но за то и объяснитъ ему, вѣроятно, многое... Мы видимъ цѣлую массу людей, между которыми есть звѣзды первой величины, которыми справедливо гордятся и наука, и философія, которые имѣютъ въ своемъ распоряженіи огромные запасы фактическихъ знаній, которые, далѣе, изощрили свой умъ на самыхъ тонкихъ логическихъ упражненіяхъ; и вся эта масса хоромъ утверждаетъ: дважды два четыре, а потому и дважды четыре—тоже четыре. Что можетъ быть изумительнѣе такого зрѣлища?...

„Человѣкъ тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ разнообразнѣе его составъ, чѣмъ разнообразнѣе его отправленія. Слѣдовательно, общество тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ болѣе широкій просторъ предоставляетъ его укладъ многостороннему, а не одностороннему развитію отдѣльныхъ членовъ. Слѣдовательно, общество тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ сходнѣе между собою его части и чѣмъ менѣе онѣ подчинены другъ другу. Отчего люди ученые, люди мыслящіе, люди, которымъ звѣздная книга ясна, съ которыми говоритъ морская волна, не понимаютъ такой простой истины? Мудрый Эдипъ, разрѣши! Никогда еще, быть можетъ, истина не представлялась въ столь простомъ и обнаженномъ видѣ и никогда, можетъ быть, люди не отворачивались отъ нея столь упорно, какъ бы стыдясь ея наготы. До сихъ поръ это обобщеніе раздѣленія труда физіологическаго и экономическаго есть едва-ли не самая крупная и безспорно самая распространенная попытка связать біологію съ соціологіей; и мы твердо убѣждены, что пока этотъ пунктъ не будетъ надлежащимъ образомъ установленъ, разумная связь соціологіи и біологіи не мыслима, а слѣдовательно, не мыслима и соціологія.

„Намъ могутъ замѣтить, что сторонники раздѣленія труда ставятъ вопросъ совсѣмъ не такъ, какъ мы это дѣлаемъ, что они ничего не говорятъ о судьбѣ недѣлимаго въ обществѣ, что они берутъ за центръ изслѣдованія самое общество, юридическую

личность, и утверждаютъ, что оно, общество, выигрываетъ отъ раздѣленія труда. На это мы отвѣчаемъ, что въ этой постановкѣ вопроса и заключается корень заблужденія. Кто видѣлъ эту юридическую личность? Кто говорилъ съ нею? Кому она разсказывала о своихъ страданіяхъ и наслажденіяхъ, о своихъ желаніяхъ и нежеланіяхъ, надеждахъ и отчаяніи? Кому она пѣла свои пѣсни, кому посылала свои проклятія? — Однако раздѣленіе труда— фактъ?—Фактъ, такой же фактъ, какъ и физіологическое раздѣленіе труда. Ставьте ихъ рядомъ, но не спиной другъ къ другу, а лицомъ къ лицу. Пусть каждый видитъ, какъ они между собою относятся, въ какой между собою находятся зависимости"...

„Сравнительно зоологическая точка зрѣнія съ безпощадною ясностью показываетъ, что организація отдѣльныхъ недѣлимыхъ при коопераціи раздѣльнаго труда должна необходимо понизиться и, дѣйствительно, понижается, потому что физіологическое раздѣленіе труда становится при этомъ менѣе напряженнымъ. Это такая азбучная истина, что мы боимся даже, какъ бы читатель не обидѣлся нашими пространными толкованіями. Но, мой добрый и умный читатель, вы видите, что этой азбучной истины не понимаютъ великіе философы, почтенные ученые, что въ средѣ біологовъ ни одинъ голосъ не поднимается противъ хора, твердящаго: дважды два четыре и дважды четыре тоже четыре. У муравьевъ есть скотоводство, а у нѣкоторыхъ и земледѣліе. Быть можетъ, у нихъ есть и наука? Кто ее воздѣлываетъ? Если кто воздѣлываетъ, то, безъ сомнѣнія, плодовитые самцы и самки въ моменты остающагося у нихъ послѣ спеціальныхъ занятій досуга... Быть можетъ, у муравьевъ существуетъ и біологія, и политическая экономія. Быть можетъ, муравьи-біологи и политико-экономы проповѣдуютъ величіе принципа раздѣленія труда...

„Во всякомъ случаѣ, если экономисты и біологи будутъ продолжать работать въ томъ же духѣ и въ томъ же направленіи, въ какомъ работали до сихъ поръ, то можно ожидать, что они догонятъ муравьевъ. Средство производить морфологическіе индивидуумы, вмѣсто физіологическихъ, будетъ найдено, и жизнь человѣческая потечетъ столь же ровно, какъ и жизнь муравьевъ. Покорно понесетъ каждый выпавшую ему долю... Кому въ утробѣ матери будетъ предписано воздѣлывать науку, тотъ понесетъ этотъ крестъ безъ ропота и будетъ терпѣливо подставлять свои неумѣлыя челюсти для принятія жареныхъ рябчиковъ, разжеванныхъ спеціально для того изготовленными особями. Кому выпадетъ счастье безполаго существованія, тотъ будетъ съ веселіемъ строить грады и веси и мостить стогны. Плодовитые будутъ спокойно плодиться и множиться и покорять землю"... *).

---

*) „Теорія Дарвина и общественная наука". Соч., I, стр. 165, 166, 167, 168, 176, 177, 178, 179.

Легкая иронія, переходящая въ ѣдкій сарказмъ, которыми проникнута вся эта выдержка, великолѣпно оттѣняетъ основное заблужденіе буржуазныхъ экономистовъ и соціологовъ, претендующихъ на „безусловно объективную“ оцѣнку общественныхъ явленій. А заблужденіе это, несомнѣнно, велико, ибо оно извращаетъ факты живой дѣйствительности, выставляетъ ихъ въ ложно-оптимистическомъ свѣтѣ, окрашиваетъ собою цѣлый строй идей.

Мы уже знаемъ, что „расхожденіе признаковъ“ и „физіологическое раздѣленіе труда“ двѣ вещи совершенно различныя, хотя тенденція отожествлятъ ихъ и долго держалась въ наукѣ. Одно время многіе біологи думали, что дарвиновскій принципъ расхожденія признаковъ есть въ сущности продолженіе беровскаго принципа „физіологическаго раздѣленія труда“. Такова же и ошибка нѣкоторыхъ буржуазныхъ экономистовъ и соціологовъ: они не обратили должнаго вниманія на сходство между процессомъ расхожденія признаковъ и общественнымъ раздѣленіемъ труда. Какъ „видъ“, приспособляясь къ различнымъ, но замкнутымъ условіямъ существованія, постепенно выдѣляетъ изъ себя нѣсколько отдѣльныхъ разновидностей, такъ и общество, состоящее въ началѣ изъ болѣе или менѣе однородныхъ индивидовъ, съ теченіемъ времени, будучи отдано всецѣло во власть борьбы и подбора, распадается на нѣсколько разнородныхъ и обособленныхъ группъ, которыя до извѣстной степени соотвѣтствуютъ зоологическимъ „разновидностямъ“. Въ первомъ случаѣ разновидности являются продуктомъ „расхожденія признаковъ“, въ послѣднемъ—продуктомъ общественнаго раздѣленія труда. Но, повторяю, дивергенція и физіологическое раздѣленіе труда часто—антагонисты: расхожденіе признаковъ нерѣдко совершается въ цѣляхъ приспособленія организмовъ къ сравнительно болѣе простой формулѣ жизни, а въ соотвѣтствіи съ этимъ понижается и типъ организаціи; физіологическое же раздѣленіе труда, наоборотъ, является въ результатѣ приспособленія къ болѣе сложной формулѣ жизни, т. е., говоря иными словами, ведетъ къ повышенію типа организаціи. Такой же антагонизмъ существуетъ и между физіологическимъ и экономическимъ раздѣленіемъ труда: чѣмъ глубже врѣзывается это послѣднее въ соціальныя формы жизни, чѣмъ больше разнохарактерныхъ и разно-функціонирующихъ группъ образуется въ обществѣ, тѣмъ уже, однороднѣе и проще становится формула жизни для членовъ каждой такой группы; а это въ свою очередь ведетъ къ обѣднѣнію если не физіологическаго, то во всякомъ случаѣ психологическаго содержанія ихъ.

Тенденція отожествлять общественное раздѣленіе труда съ физіологическмм вытекаетъ изъ другой, болѣе широкой тенденціи *отожествлять общество съ организмомъ*. Отсюда и пресловутая „органическая теорія общества“, на борьбу съ которой такъ много силъ и знаній положилъ Михайловскій. Обрушиваясь

всею тяжестью своей аргументаціи на органическую теорія общества, Михайловскій заранѣе отказывался судить о явленіяхъ общественной жизни со спокойствіемъ и безразличіемъ олимпійца, для котораго „все—все равно“, лишь бы торжествовалъ какой-то сверхъчеловѣческій „объективизмъ“. Онъ прямо заявлялъ, что, будучи человѣкомъ, онъ естественно долженъ считаться съ *его* горестями и радостями, страданіями и наслажденіями, позоромъ и славою; что, если предъ лицомъ безстрастной природы судьбы человѣка играютъ не большее значеніе, чѣмъ судьбы какого-нибудь муравья, то это нисколько не обязываетъ его подражать природѣ— ея безразличію и абсолютному объективизму, что самая претензія на такого рода „объективизмъ“ всегда служила лишь маской, подъ которой скрывались субъективныя вожделѣнія, часто довольно-таки не высокаго полета. Ставя во главу угла всѣхъ своихъ теоретическихъ соображеній интересы всесторонне, гармонично-развитой личности, Михайловскій не могъ не видѣть, какъ гибельно отражается общественный процессъ, совершающійся по типу органическаго развитія, на судьбахъ этой личности, не могъ не подмѣтить регрессивной, деморализующей тенденціи общественнаго раздѣленія труда. Странно было бы предполагать, что отъ его вниманія ускользнутъ всѣ тѣ культурныя блага, которыя связаны съ процессомъ дифференцированія общества. Но онъ прекрасно видѣлъ, какою ужасною цѣною куплены они—*цѣною внутренняго опустошенія личности*, т. е. того самаго объекта, удовлетворенію интересовъ котораго и должны, повидимому, служить всѣ такъ называемые успѣхи цивилизаціи.

Уловивши этотъ полный глубокаго драматизма антагонизмъ между интересами общества и личности, онъ пожелалъ вскрыть подлинное содержаніе его, указать его причины, рекомендовать мѣры къ устраненію его. Оказалось, что причины эти коренятся глубоко, въ самой структурѣ современнаго общества, въ тѣхъ принципахъ, на которыхъ держится оно. И, ставъ въ полную противоположность съ тѣми представителями науки, которые затушевывали такой антагонизмъ, подмѣняя его вымышленной „гармоніей интересовъ“, и восхваляли принципы борьбы, подбора и раздѣленія труда, ссылаясь на благодѣтельную роль ихъ во всей органической природѣ, Михайловскій развернулъ свое знамя, на которомъ красовался девизъ: *борьба за индивидуальность*! Но прежде, чѣмъ сдѣлать это, ему пришлось расчистить путь отъ псевдо-научнаго мусора, который мѣшалъ правильному освѣщенію соціальныхъ фактовъ, фальсифицировалъ соціологическія истины, тормазилъ развитіе соціальной науки. Нужно было показать людямъ, всуе поминающимъ біологію и неумѣло цѣпляющимся за ея выводы, что борьба и подборъ, понимаемые въ зоологическомъ смыслѣ, причинили и продолжаютъ причинять человѣку не мало зла, и что экономическое раздѣленіе труда въ обществѣ приво-

дитъ совсѣмъ не къ тому результату, къ которому приводитъ физіологическое раздѣленіе труда въ индивидѣ. Выполненію этой-то работы и посвященъ рядъ статей подъ общимъ заглавіемъ „Теорія Дарвина и общественная наука", а также статьи „Что такое прогрессъ"? и „Аналогическій методъ въ общественной наукѣ".

Я вовсе не хочу сказать, что Михайловскій первый указалъ на печальные результаты общественнаго раздѣленія труда, что до него никто не обращалъ вниманія на антагонизмъ между интересами общества, какъ цѣлаго, и интересами индивида. Нѣтъ, это отмѣтили едва-ли не раньше всѣхъ соціалисты, среди которыхъ достаточно указать, напримѣръ, на мощную фигуру К. Маркса. Но никто не подвергалъ данный вопросъ такой глубокой и всесторонней обработкѣ, какъ Михайловскій: это принадлежитъ ему и только ему!

IV.

Итакъ, въ противовѣсъ ученію о борьбѣ и подборѣ, Михайловскій выдвинулъ свою теорію борьбы за индивидуальность. Прежде, чѣмъ говорить о значеніи этой теоріи для науки объ обществѣ, намъ необходимо разобраться въ основныхъ положеніяхъ ея. Положенія эти не заключаютъ въ себѣ ничего апріорнаго: *они опытнаго происхожденія и находятся въ полномъ согласіи съ данными біологіи*—черта, вообще характерная для теоретическихъ выкладокъ Михайловскаго.

Такъ какъ въ борьбѣ за индивидуальность центральною фигурой является недѣлимое, то естественно, что Михайловскій останавливается довольно подробно на вопросѣ: *что такое недѣлимое, особь, индивидъ?* И мнѣ кажется, что, если бы Михайловскій писалъ статью свою „Органъ, недѣлимое и общество" не тридцать лѣтъ тому назадъ, а сейчасъ, онъ все же не отвѣтилъ бы на этотъ вопросъ лучше, чѣмъ тогда. Безспорно, біологическій матеріалъ, надъ которымъ ему пришлось бы оперировать теперь, былъ бы много богаче и куда свободнѣе отъ тѣхъ фактическихъ неточностей, наличность которыхъ въ статьѣ „Органъ, недѣлимое и общество" объясняется относительно невысокимъ уровнемъ біологическихъ знаній того времени; безпорно, что, при болѣе внимательномъ отношеніи къ этимъ неточностямъ, Михайловскій могъ бы смѣло устранить ихъ при переработкѣ только что названной статьи въ рядъ главъ для позднѣйшей статьи его, извѣстной подъ заглавіемъ „Патологическая магія". Все это, однако, не мѣшаетъ намъ считать разсужденія Михайловскаго на тему объ индивидуальности справедливыми и потому заслуживающими самаго серьезнаго вниманія.

Что же такое, въ самомъ дѣлѣ, индивидъ? Отвѣчу возможно кратко въ томъ предположеніи, что у читателя имѣется достаточный запасъ элементарныхъ свѣдѣній по біологіи.

Индивидъ, какъ и многія иныя біологическія „категоріи"—напр., *животное*, *растеніе*, *видъ*—есть понятіе съ текучимъ, измѣнчивымъ содержаніемъ. Оставаясь на почвѣ общепринятаго опредѣленія, мы должны будемъ сказать, что индивидъ есть болѣе или менѣе замкнутая и самостоятельная единица—„недѣлимое" въ томъ смыслѣ, что при дробленіи на части оно теряетъ не только свою цѣлостность, но и *жизнеспособность*, т. е. гибнетъ. Конечно, въ примѣненіи, напримѣръ, къ высшимъ животнымъ такое опредѣленіе вполнѣ правильно и никакихъ недоразумѣній не порождаетъ.

Но вотъ передъ нами, положимъ, гидра или полипъ-актинія. Можно ли назвать ихъ недѣлимыми въ только что приведенномъ смыслѣ этого слова? Они, несомнѣнно, являются „болѣе или менѣе замкнутыми и самостоятельными единицами". Однако гидру и актинію можно разрѣзать на нѣсколько частей, и это нисколько не повліяетъ на ихъ жезнеспособность: пройдетъ небольшой промежутокъ времени, каждый отрѣзокъ разовьется до цѣлаго и станетъ въ свою очередь „болѣе или менѣе замкнутою, самостоятельною единицею". Стало быть, *въ данномъ случаѣ о недѣлимости недѣлимаго не можетъ быть и рѣчи.*

Пойдемъ дальше. Довольно сомнительною оказывается временами и другая особенность индивида—его самостоятельность, т. е. способность вступать въ общеніе съ внѣшнимъ міромъ въ качествѣ автономнаго цѣлаго, умѣющаго жить на свой собственный рискъ и страхъ, независимо отъ помощи другихъ индивидовъ. Остановимся опять на двухъ—трехъ, типичныхъ въ этомъ отношеніи, примѣрахъ и возьмемъ на первый случай того самаго ракообразнаго паразита, о которомъ упоминалось во второй главѣ. *Морфологически* онъ представляетъ собою безпорно оформленное, замкнутое цѣлое; но въ то же время физіологическая зависимость, даже больше, рабство его не подлежитъ никакимъ сомнѣніямъ: жить самостоятельно, безъ помощи „хозяина", исполняющаго за него почти всѣ физіологическія функціи, за исключеніемъ функцій размноженія, этотъ паразитъ не можетъ. Стало быть, индивидуальность его въ этомъ смыслѣ выражена очень слабо, такъ какъ недѣлимое тутъ, собственно говоря, *сведено на степень органа.* Еще рѣзче такого рода физіологическая несостоятельность недѣлимыхъ выражена у знаменитыхъ сифонофоръ. Здѣсь въ одно общее тѣло соединены „недѣлимыя", крайне спеціализированныя въ своей дѣятельности и потому несходныя по виду и строенію: одни изъ нихъ способствуютъ передвиженію всей сифонофоры, другія защищаютъ ее отъ вредныхъ внѣшнихъ вліяній, третьи принимаютъ и перевариваютъ пищу, четвертыя

служатъ дѣлу размноженія, пятыя сносятся съ окружающей средой и исполняютъ функціи чувствованія. Ни одинъ изъ этихъ, съ позволенія сказать, индивидовъ не можетъ существовать безъ остальныхъ, жизнь всѣхъ находится въ зависимости другъ отъ друга, отдѣльная особь представляетъ собою всего лишь часть цѣлаго, низведена на степень органа. Даже этихъ двухъ примѣровъ вполнѣ достаточно, чтобы имѣть право сказать, что „самостоятельность“ индивида — вещь относительная и колеблется въ предѣлахъ между полною автономіей и всестороннимъ закрѣпощеніемъ. А между тѣмъ такими примѣрами изобилуетъ живая дѣйствительность, свидѣтельствуя въ тысячу первый разъ о томъ, что всевозможныя рамки, классификаціи и строгія опредѣленія всего лишь плодъ интеллектуальнаго творчества людей и никогда не могутъ быть полностью примѣнены къ вѣчно измѣнчивымъ и безконечно многообразнымъ формамъ одушевленной природы. Ужъ на что, казалось бы, ясна граница между органомъ и недѣлимымъ! Но мы только что указали на недѣлимыхъ, которыя по ограниченности своихъ функцій и по безпомощности своего индивидуальнаго существованія недалеко ушли отъ типичныхъ органовъ. Съ другой стороны — и это заслуживаетъ особеннаго вниманія—многіе настоящіе органы или части цѣлаго сохранили въ себѣ особенности ярко выраженной индивидуальности и потому могутъ самостоятельно существовать, по крайней мѣрѣ опредѣленный промежутокъ времени. Щупальце гидры есть, безъ сомнѣнія, органъ; а между тѣмъ въ этомъ органѣ свойства индивида настолько сильно сказываются, что щупальце, будучи оторвано отъ тѣла гидры, не гибнетъ, а продолжаетъ жить: увеличивается въ новую гидру, становится индивидомъ въ обычномъ смыслѣ этого слова. Лучъ морской звѣзды представляетъ во всякомъ случаѣ не цѣлое, а всего лишь часть цѣлаго. Это, однако, нисколько не мѣшаетъ каждому отдѣльному лучу, оторванному отъ того цѣлаго, которому онъ принадлежалъ, самому стать по прошествіи нѣкотораго времени „индивидомъ“, т. е. превратиться въ пятилучевую морскую звѣзду. Наконецъ, такъ называемая „нога“ головоногаго молюска по всѣмъ правиламъ здраваго смысла должна считаться органомъ. И тѣмъ не менѣе существуютъ головоногіе, у которыхъ въ извѣстную пору жизни одна изъ ногъ отрывается и ведетъ нѣкоторое время самостоятельное существованіе, не преображаясь вовсе въ настоящее животное, какъ это происходитъ со щупальцемъ гидры или съ лучемъ морской звѣзды, а просто оставаясь на положеніи „ноги“, только ноги, если можно такъ выразиться, независимой, автономной. Словомъ, если не всякая особь надѣлена даромъ независимаго существованія, то, съ другой стороны, не всякій органъ и не всякая часть цѣлаго лишена этого дара: какъ есть особи мало самостоятель-

ныя или вовсе не самостоятельныя, точно такъ же есть и органы, части цѣлаго, иногда очень самостоятельные.

Итакъ, два существенныхъ признака въ обычномъ опредѣленіи индивида—недѣлимость въ прямомъ смыслѣ этого слова и самостоятельность — не всегда оправдываются фактами дѣйствительности. Посмотримъ теперь, насколько правильно утвержденіе, будто индивидъ есть „замкнутая, самодовлѣющая *единица*". Еще Гете сказалъ: „Все живое есть многое, а не единое; даже являясь намъ въ видѣ недѣлимаго, оно остается совокупностью живыхъ, самостоятельныхъ единицъ". Этотъ афоризмъ геніальнаго поэта - мыслителя, пройдя сквозь горнило позитивной мысли, потерялъ свой метафизическій привкусъ и сталъ однимъ изъ краеугольныхъ камней науки о жизни. Въ самомъ дѣлѣ. Явленія регенераціи—собственно тѣ случаи ея, когда часть возстановляетъ цѣлое,—и явленія безполаго размноженія (дѣленіе и почкованіе) показываютъ, что отдѣльныя части живой единицы нерѣдко надѣлены свойствами цѣлаго; а отсюда слѣдуетъ, что каждая такая единица на самомъ - то дѣлѣ не единица, а цѣлый комплексъ единицъ, болѣе или менѣе автономныхъ. Такими единицами второго порядка оказываются иногда даже органы, т. е. спеціализированныя части индивида. Это во-первыхъ.

Затѣмъ микроскопъ показываетъ, что любой изъ органовъ въ свою очередь представляетъ собою цѣлый аггрегатъ отдѣльныхъ единицъ еще болѣе низшаго порядка, которыя современною наукою считаются за истинныхъ носителей жизни и окрещены именемъ клѣтокъ. Правда, индивидуальность — въ смыслѣ самостоятельности—клѣтокъ, входящихъ въ составъ сложнаго организма, въ значительной степени ослаблена исполненіемъ возложенныхъ на нихъ спеціальныхъ функцій; но, принимая въ соображеніе хотя бы только явленія регенераціи и безполаго размноженія, надо будетъ признать, что клѣтки надѣлены до извѣстной степени „свойствами цѣлаго", и что, стало быть, онѣ такъ же могутъ быть разсматриваемы, какъ индивиды низшаго порядка. Мало этого. Хорошо извѣстно, что естествознаніе нашихъ дней считаетъ за „многое" и то „единое", которому дано названіе клѣтки. Согласно теоріямъ, пріобрѣтшимъ въ біологіи нѣкоторыя права гражданства, клѣтка является „сложнымъ организмомъ", составленнымъ изъ милліоновъ мельчайшихъ, едва видимыхъ въ микроскопъ структурныхъ единицъ; каждая такая „единица" есть индивидъ въ такой же мѣрѣ, въ какой считается особью клѣтка. Идя въ этомъ направленіи все дальше и дальше, изъ міра едва уловимыхъ реальностей въ воображаемый міръ символовъ и фикцій, мы станемъ открывать все новыя и новыя формы индивидуальности: сначала это будутъ „біогены" и „біофоры" — тѣ самые „производители и носители жизни", которые, по мысли Ферворна и Вейсмана, оказываются предѣльными строительными

элементами живого вещества, затѣмъ—молекулы, еще дальше — атомы и т. д. до безконечности, ибо предѣла дѣлимости матеріи не существуетъ. Такъ „единое" постепенно распадается на цѣлый рядъ какъ бы включенныхъ друга въ друга индивидуальностей и, теряя отличительныя свойства свои, цѣлостность и замкнутость, претворяется во „многое".

Но и это еще не все. Отъ безконечно малаго идетъ прямая дорога къ безконечно большому, отъ индивидуальности простой не трудно постепенно подняться, черезъ цѣлый рядъ промежуточныхъ ступеней, къ индивидуальности, отличающейся чрезвычайною, почти фантастическою сложностью. И здѣсь мысль человѣческая сперва вращается въ мірѣ реальностей, а затѣмъ ужъ переходитъ въ міръ отвлеченностей.

Что представляетъ собою, напримѣръ, вышеупомянутая сифонофора—отдѣльный индивидъ или аггрегатъ недѣлимыхъ? Морфологически—собраніе индивидовъ, физіологически — одно сложное недѣлимое. Чѣмъ является любое дерево — отдѣльнымъ индивидомъ или собраніемъ таковыхъ? Вѣдь листостебельные побѣги и почки дерева, разсматриваемые въ отдѣльности, могутъ быть признаны за недѣлимыя не только въ морфологическомъ, но и въ физіологическомъ отношеніи, ибо каждый листостебельный побѣгъ и каждая почка надѣлены въ значительной степени физіологической самостоятельностью. Слѣдовательно, дерево есть въ одно и то же время и сложный индивидъ, и собраніе особей. А какъ назовете вы, положимъ, семейную общину муравьевъ? Она въ извѣстномъ смыслѣ есть „цѣлое", отмѣченное печатью индивидуальности. Такими-же „самодовлѣющими единицами" могутъ быть названы и всякая семья, общество, раса, видъ. Подымаясь отъ только что названныхъ ступеней индивидуальности все выше и выше, мы постепенно придемъ къ тому, что сперва заберемъ за одну скобку весь міръ растеній и животныхъ, затѣмъ признаемъ индивидами отдѣльныя небесныя тѣла, а въ томъ числѣ и землю, и, наконецъ, охватимъ желѣзнымъ концомъ единой, всеобъемлющей индивидуальности все мірозданіе. Въ общемъ картина, какъ видите, получается грандіозная: передъ нами цѣпь индивидуальностей, различныхъ степеней развитія и различнаго объема, отъ гипотетическаго атома до теряющагося въ безконечности мірозданія. Вотъ почему въ началѣ главы я сказалъ, что индивидъ — понятіе съ текучимъ, измѣнчивымъ содержаніемъ; вотъ почему наука, отказываясь дать всеисчерпывающій отвѣтъ на вопросъ—что такое индивидъ, находитъ возможнымъ говорить о различныхъ формахъ и степеняхъ индивидуальности. Эта именно мысль легла въ основаніе теоретическихъ представленій Михайловскаго объ индивидѣ и индивидуальности. Онъ пишетъ: „...Индивидъ есть непремѣнно цѣлое въ тотъ моментъ, когда мы о немъ мыслимъ, какъ объ индивидѣ. Но *мы*

можемъ представить себѣ всякое цѣлое въ видѣ системы концентрическихъ круговъ и послѣдовательно мыслить о каждомъ изъ нихъ, какъ о цѣломъ... *Мы должны, слѣдовательно, допустить различныя степени индивидуальности...*

„Высшія животныя, по которымъ составляются наши первыя, грубыя понятія объ индивидуальности, успѣвшія войти въ языкъ до повѣрки ихъ научнымъ путемъ, характеризуются, какъ недѣлимыя, двумя чертами: во-первыхъ, замкнутою единичностью, во-вторыхъ, способностью къ самостоятельной жизни. *Первая составляетъ морфологическую, вторая—физіологическую черту индивидуальности...*

„Каждая изъ ступеней индивидуальности можетъ являться и морфологической, и физіологической единицей. Въ самыхъ низшихъ органическихъ формахъ эти единицы совпадаютъ, и клѣточка въ такихъ формахъ есть индивидъ и морфологическій, и физіологическій. Вступая, какъ подчиненная, составная часть въ индивидъ высшаго порядка, клѣточка сохраняетъ свою морфологическую индивидуальность и болѣе или менѣе утрачиваетъ индивидуальность физіологическую. Точно также, на другомъ концѣ классификаціи, личности (Personen) медузъ и полиповъ, соединенныя въ колоніяхъ сифонофоръ, суть только морфологическіе индивиды, тогда какъ свободно живущіе полипы и медузы совмѣщаютъ въ себѣ и морфологическія, и физіологическія черты индивидуальности. *Какъ существуютъ рудиментарные органы, органы безъ отправленій, такъ существуютъ и недѣлимыя въ тѣсномъ смыслѣ слова, снизошедшія до степени простого органа.*

„Вступая въ высшую индивидуальность въ качествѣ подчиненныхъ частей, клѣточки остаются индивидуальны морфологически, т. е. не теряютъ своей оформленности и замкнутой единичности, но уже не могутъ вступать въ отношенія къ внѣшнему міру, какъ физіологическія единицы; *ихъ физіологическая индивидуальность, по прекрасному выраженію Спенсера, болѣе или менѣе „помрачается"*. Онѣ могутъ жить только въ извѣстной, строго опредѣленной общественной комбинаціи, становясь полиморфными, при чемъ сумма способностей, заключавшихся, такъ сказать, въ скрытомъ состояніи въ каждой отдѣльной клѣточкѣ, распредѣляется по цѣлому ряду ихъ, и тамъ уже каждая изъ способностей получаетъ дальнѣйшее развитіе. *Степень полиморфизма, т. е. разнородности клѣточекъ, находится въ прямомъ отношеніи къ силамъ построеннаго на ихъ счетъ индивида высшаго порядка и въ обратномъ отношеніи къ ихъ собственной физіологической индивидуальности.*

„Чѣмъ выше будемъ мы подниматься вверхъ по лѣстницѣ организмовъ, тѣмъ клѣточки будутъ оказываться все болѣе и болѣе закрѣпощенными цѣлому, высшей индивидуальности... *Этотъ антагонизмъ между индивидуальностью цѣлаго и индивидуаль-*

ностью частей, между „единымъ“ и „многимъ“, составляетъ, очевидно, необходимое условіе понятія индивидъ“ *) (Курсивъ всюду мой).

Послѣднія слова вводятъ насъ въ циклъ новыхъ явленій, на которыя до Михайловскаго почему-то обращали слишкомъ мало вниманія, но которыя представляютъ тѣмъ не менѣе громадный теоретическій интересъ.

Передъ нами прошелъ рядъ индивидуальностей различной сложности. Оставаясь въ рамкахъ обычныхъ представленій, мы можемъ расположить ихъ въ слѣдующемъ восходящемъ порядкѣ: *клѣтка, органъ, недѣлимое* (въ узкомъ значеніи этого слова), *семья* и *колонія* или *общество*. Каковы же отношенія между этими *различными ступенями* индивидуальности—вотъ вопросъ, на который нужно искать отвѣта у живой дѣйствительности. Отвѣтъ этотъ носитъ вполнѣ опредѣленный характеръ и сводится къ слѣдующему:

Различныя ступени индивидуальности враждебны другъ другу: „высшая стремится подавить низшую, обращая ее въ свою служебную часть и побуждая ее къ высокому, но одностороннему развитію въ этомъ спеціальномъ служебномъ направленіи; низшая же, продѣлывая то же самое по отношенію къ индивидуальностямъ, еще ниже стоящимъ, въ то же время отстаиваетъ свою самостоятельность отъ посягательствъ высшей“ **) (Курсивъ мой).

Каждая изъ нихъ ведетъ борьбу, такъ сказать, на два фланга: съ одной стороны, стремится подчинить себѣ всецѣло рядъ низшихъ индивидуальностей, приспособляя ихъ къ цѣлесообразному исполненію тѣхъ отправленій, съ которыми связанъ возможно широкій размахъ ея собственной жизни; съ другой стороны, выгораживаетъ себя отъ такихъ же поползновеній высшей индивидуальности, пытающейся поглотить ее въ интересахъ расширенія собственной формулы жизни. Эта борьба, какъ и всякая борьба, ведется съ перемѣннымъ счастьемъ и влечетъ за собою рядъ побѣдъ и пораженій: нынче одолѣваетъ одна изъ ступеней индивидуальности, завтра другая. Однако антагонизмъ все же не прекращается: побѣжденные ищутъ возможности какъ-нибудь снова заявить о своемъ „я“, если не прямыми, то окольными путями, а побѣдители стремятся къ новымъ завоеваніямъ, къ еще большему расширенію своихъ индивидуальныхъ правъ и полномочій. Исторія жизни на нашей планетѣ служитъ нагляднымъ доказательствомъ этой не прекращающейся *борьбы за индивидуальность*, и весь органическій *прогрессъ*, развитіе, усовершенствованіе живыхъ формъ природы, обусловли-

---

*) „Патологическая магія“, Соч., II, 346, 348, 349, 350, 351.

**) Ibid., 352.

вается прежде и больше всего борьбою за индивидуальность, которую *не слѣдуетъ смѣшивать съ борьбою за существованіе* дарвинистовъ. Почему не слѣдуетъ—сейчасъ увидимъ.

Побѣда въ борьбѣ за индивидуальность всегда ведетъ къ усовершенствованію той формы индивидуальности, которая одержала побѣду. Если это индивидъ, въ тѣсномъ смыслѣ слова, то организація и функціи его дѣлаются многообразнѣе, а связь и подчиненность между составляющими его органами усиливается; если это какая-либо общественная индивидуальность, напр., семья или колонія, то и она становится не только сложнѣе по составу, но и централизованнѣе въ смыслѣ большей зависимости образующихъ ее частей какъ другъ отъ друга, такъ и отъ цѣлаго.

Въ борьбѣ же за существованіе побѣда часто и сопровождается, и обусловливается пониженіемъ индивидуальности, имѣвшей счастье или несчастье одержать побѣду, т. е. оказаться наиболѣе приспособленной къ условіямъ данной среды и преходящаго момента. Безполый муравей-рабочій—побѣдитель въ борьбѣ за существованіе—есть въ сущности побѣжденный въ борьбѣ за индивидуальность: его „личность“ до извѣстной степени поглощена слѣдующей ступенью индивидуальности—всею муравьиною общиной, разсматриваемой, какъ нѣчто „единое“ и замкнутое; ракообразный паразитъ, избранникъ въ конкурренціи за элементарныя блага жизни, опять-таки есть ни больше ни меньше, какъ потерпѣвшій крушеніе въ борьбѣ за индивидуальность: „личность“ его въ значительной степени „помрачена“ печальною необходимостью подчиниться властнымъ требованіямъ среды; смѣхотворныя „особи“ сифонофоры, тоже своего рода побѣдители въ жизненномъ состязаніи, являются de facto разбитыми на голову въ борьбѣ за индивидуальность: „личность“ ихъ не то что помрачена, а просто сведена на степень органа, всецѣло порабощеннаго „высшею индивидуальностью“, т. е. сифонофорой, какъ централизованнымъ цѣлымъ. Разсуждая иначе, мы можемъ сказать и такъ: въ борьбѣ за существованіе по большей части побѣда остается на сторонѣ типовъ практическихъ, тогда какъ въ борьбѣ за индивидуальность перевѣсъ берутъ идеальные типы той или иной ступени индивидуальности. Или, наконецъ, еще иначе: „типъ развитія“ въ борьбѣ за индивидуальность повышается, тогда какъ борьба за существованіе обыкновенно завершается „высокой степенью развитія *пониженнаго типа*“. Дальше намъ придется еще коснуться этого важнаго вопроса о различіи между борьбою за существованіе и борьбою за индивидуальность. Здѣсь же отмѣчу пока слѣдующее: основные принципы предложеннаго Михайловскимъ ученія о борьбѣ за индивидуальность покоятся, какъ видите, на тѣхъ же фактическихъ и теоретическихъ данныхъ, которыя были направ-

лены имъ противъ прямолинейныхъ дарвинистовъ въ общественной наукѣ, какъ біологовъ, такъ и буржуазныхъ экономистовъ и соціологовъ—фактъ, свидѣтельствующій о цѣльности и опредѣленности міросозерцанія русскаго соціолога и всей, такъ называемой, „школы“ его.

Статьи Михайловскаго о борьбѣ за индивидуальность остались, какъ извѣстно, незаконченными: въ нихъ автору удалось подвергнуть обстоятельному анализу антагонизмъ и связанные съ этимъ антагонизмомъ конфликты только между двумя сосѣдними ступенями индивидуальности—личностью въ тѣсномъ смыслѣ этого слова и семьей. Я позволю себѣ напомнить лишь нѣсколько штриховъ изъ этихъ статей, съ цѣлью иллюстрировать на частномъ примѣрѣ главнѣйшіе тезисы теоріи борьбы за индивидуальность.

Есть много основаній думать, что гермафродитизмъ предшествовалъ существованію раздѣльнополыхъ организмовъ. Гермафродиты *по типу* своего развитія, безспорно, выше существъ однополыхъ; гермафродиты—это тѣ самые „идеальные типы“, которые, подъ вліяніемъ многовѣковой борьбы за существованіе, подверглись процессу расхожденія признаковъ, раскололись на двѣ разнополыя половинки; существа же однополыя—это „типы практическіе“, это побѣдители въ борьбѣ за существованіе и въ то же время—побѣжденные въ борьбѣ за индивидуальность. Будучи всего лишь частями нѣкогда побѣдоноснаго цѣлаго, они, выражаясь словами Михайловскаго, *„другъ безъ друга жить не могутъ, и въ то же время рабы другъ для друга“*. Конкретно эта невозможность жить другъ безъ друга, это роковое взаимное рабство выражается въ видѣ тяготѣнія разрѣзанныхъ біологическимъ процессомъ половинокъ другъ къ другу—тяготѣнія, которое именуется то половымъ инстинктомъ, то любовью, смотря по степени развитія осложняющихъ и расцвѣчивающихъ его эмоцій. Самое происхожденіе полового инстинкта относится, надо полагать, къ тому моменту исторіи жизни на землѣ, когда полы впервые обособились. Рискуя быть уличеннымъ въ склонности къ „метафизическому мышленію“, я все же готовъ сказать, что эти злосчастныя „половинки“, созданныя роковымъ для индивида процессомъ дивергенціи, какъ бы *„помнятъ“* о томъ, что онѣ—всего лишь части нѣкогда стройнаго цѣлаго, и въ томительномъ стремленіи вернуть эту утраченную ими цѣлостность неудержимо влекутся другъ къ другу. И мнѣ кажется, что это именно и имѣлъ въ виду Михайловскій, когда, размышляя на тему о любви у людей, писалъ: „Любовь есть стремленіе къ цѣлостности, стремленіе людей другъ къ другу, съ цѣлью возстановленія первобытной могучей природы человѣка. Каждый изъ насъ есть только полъ человѣка, и каждая половина ищетъ своей половины. Счастливый бракъ есть случай удачнаго подбора поло-

винокъ, несчастливый—неудачнаго“ *). Нечего и прибавлять, что въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ о компенсанціи тѣхъ половыхъ различій, физическихъ и психическихъ, которыя извѣстны подъ именемъ „вторичныхъ половыхъ признаковъ“ и созданы какъ біологическимъ, такъ и историческимъ процессомъ.

Итакъ, мы можемъ сказать, что половой инстинктъ и высшее выраженіе его, любовь у людей, должны были служить орудіемъ въ борьбѣ индивида за утраченную имъ цѣлостность. Но *они же положили начало и семьѣ*, т. е. болѣе сложной, по сравненію съ личностью, индивидуальности. Отсюда рядъ новыхъ конфликтовъ и глубоко драматическихъ коллизій. Это—поистинѣ какая-то трагедія. Потерпѣвъ крушеніе въ борьбѣ съ дифференцирующимъ вліяніемъ подбора, разсѣченный на-двое процессомъ расхожденія признаковъ, индивидъ потянулся всѣмъ существомъ своимъ къ семьѣ, мечтая въ ней обрѣсти возрожденіе, въ надеждѣ вернуть свое „былое могущество“, но мечта оказалась иллюзорной: семья наложила на личность новыя цѣпи, сокративши ея и безъ того урѣзанную индивидуальность въ интересахъ собственнаго расцвѣта. Пока она находилась на сравнительно низкомъ уровнѣ развитія, личность пользовалась нѣкоторымъ просторомъ, отстаивая то тамъ, то здѣсь свою относительную самостоятельность; но вотъ семья окрѣпла, налегла на личность всею своею тяжестью, и особь стала „рабой“—рабой „цѣлаго“ и другой такой-же, какъ сама она, рабы. Почему случилось такъ, а не иначе,—на это нужно искать отвѣта въ ученіи о борьбѣ за индивидуальность. Тутъ столкнулись двѣ сосѣднія ступени индивидуальности: личность и семья—антагонисты постольку, поскольку побѣда одной является пораженіемъ для другой. Мы знаемъ уже, что самимъ процессомъ своего развитія всякая ступень индивидуальности „*установляетъ между своими частями раздѣленіе труда и вмѣстѣ съ тѣмъ зависимость и рабство*“, и что „*процессы дифференцированія двухъ сосѣднихъ ступеней индивидуальности необходимо враждебны другъ другу*“ (ibid, 504). Слѣдовательно, и въ данномъ случаѣ семья, въ качествѣ индивидуальности высшаго порядка, „развиваясь, установляетъ между своими частями раздѣленіе труда, назначаетъ своимъ членамъ различныя занятія, а приспособленіе къ этимъ спеціальнымъ занятіямъ отражается на физической организаціи членовъ“ (ibid., 507). И чѣмъ опредѣленнѣе и ярче вырисовывается индивидуальность семьи, тѣмъ глубже становится разница между полами, тѣмъ одностороннѣе, спеціализированнѣе дѣлаются образующіе ее члены. Побѣда ея, какъ индивидуализированнаго цѣлаго, ведетъ или къ пониженію

---

*) „Борьба за индивидуальность“. Соч., I, 509.

физическаго типа личности, или, въ лучшемъ случаѣ, къ высокой *степени* развитія такого *пониженнаго* типа.

Это, разумѣется, всего лишь *схема* взаимоотношеній между личностью и семьей. Жизнь, не укладывающаяся ни въ какія закостенѣлыя рамки, варьируетъ ее на тысячу ладовъ и временами такъ сильно искажаетъ, что только умъ такого тонкаго и проницательнаго изслѣдователя, какъ Михайловскій, въ состояніи былъ уловить ее въ грудѣ крайне сложныхъ, запутанныхъ и противорѣчивыхъ данныхъ живой природы и исторіи.

Еще сложнѣе, запутаннѣе и, если хотите, трагичнѣе становится положеніе личности вмѣстѣ съ возникновеніемъ и развитіемъ общества. Тутъ на нее налегаютъ уже двѣ различныя, да къ тому же еще враждебныя между собою, степени индивидуальности: недѣлимому приходится приспособляться не только къ требованіямъ каждой изъ нихъ въ отдѣльности, но и къ тѣмъ конфликтамъ, которые создаются на почвѣ столкновеній между семьей и обществомъ. Объ этомъ, впрочемъ, въ слѣдующей главѣ. Замѣчу кстати, что дальше намъ придется покинуть почву общихъ разсужденій и заняться исключительно судьбою *человѣческой личности* въ ея борьбѣ съ индивидуальностями высшаго порядка.

V.

Ученіе о борьбѣ за индивидуальность легло въ основу всего соціологическаго міровоззрѣнія Михайловскаго. Усвоивши правильно принципы этого ученія, не трудно понять, почему онъ такъ, а не иначе освѣщаетъ различныя общественныя явленія, почему въ его воображеніи рисуется тотъ, а не иной общественный идеалъ.

Онъ пишетъ: „Борьба за индивидуальность, возникающая для человѣческой личности изъ отведеннаго ей природою положенія, обязательна, очевидно, въ двухъ направленіяхъ. Во-первыхъ, личность должна безпощадно подчинять себѣ, какъ цѣлому, всѣ входящія въ ея составъ низшія индивидуальности; должна, слѣдуя старому девизу—divide et impera,—строго проводить раздѣленіе труда между своими органами, требовать отъ нихъ отъ всѣхъ напряженной спеціальной работы въ ея, личности, интересахъ. Во-вторыхъ, личность должна противодѣйствовать тому, чтобы римскій девизъ—divide et impera—прилагался къ ней со стороны какой бы то ни было ступени индивидуальности, какими бы пышными именами она ни называлась. Этими двумя требованіями въ сущности исчерпывается антропологическая или—что то же, какъ въ буквальномъ, такъ и въ условномъ значеніи слова—гуманная точка зрѣнія на міръ. Всякія другія

точки зрѣнія будутъ лишь попытками стать либо выше, либо ниже той ступени лѣстницы индивидуальности, на которой человѣкъ стоитъ по самой природѣ своей, а слѣдовательно, не приличествуютъ человѣческой мысли" *).

Въ этихъ строкахъ, къ которымъ какъ нельзя лучше подходитъ извѣстный афоризмъ: „словамъ тѣсно — мыслямъ просторно",—выкристаллизовалось центральное положеніе всѣхъ соціологическихъ построеній Михайловскаго. Предъ нами сжатая, но многообъемлющая формула. Вскрыть содержаніе ея—вотъ ближайшая цѣль настоящей главы.

Что же говоритъ намъ эта формула? Прежде всего слѣдующее.

Прогрессъ личности и общественный прогрессъ, *совершающійся по типу органическаго развитія* — нарочно подчеркиваю эту фразу — антагонисты, т. е. взаимно парализуютъ и исключаютъ другъ друга; соціальное развитіе, *если только оно происходитъ по типу перехода отъ однороднаго къ разнородному*, противорѣчитъ развитію индивидуальному; всякая побѣда общества, какъ самодовлѣющаго цѣлаго, въ борьбѣ за индивидуальность является пораженіемъ для личности. Все это, быть можетъ, и парадоксально на первый взглядъ, но по существу совершенно вѣрно—печальная истина, съ которою упорно не желаютъ считаться люди, краснорѣчиво, но зря толкующіе объ общественной дифференціаціи, о соціальномъ прогрессѣ, о выгодахъ экономическаго раздѣленія труда, о пользѣ спеціализаціи и объ иныхъ, столь же прекрасныхъ, но двусмысленныхъ, предательскихъ вещахъ. Обратитесь къ первобытной культурѣ человѣчества, перелистайте книгу всемірной исторіи народовъ и государствъ, остановите, наконецъ, свое благосклонное вниманіе на рѣжущихъ глаза и смущающихъ совѣсть фактахъ современной дѣйствительности — и всюду вы натолкнетесь на примѣры яркаго антагонизма между личностью и обществомъ, какъ централизованнымъ цѣлымъ. Да, длиненъ-таки скорбный листъ, на которомъ безстрастною рукою времени начертаны пораженія, понесенныя личностью человѣка въ борьбѣ съ индивидуальностями „высшаго порядка". Но вѣдь не однимъ же сплошнымъ мартирологомъ является исторія человѣчества. Переберите у себя въ памяти всѣ наиболѣе свѣтлые, высокіе моменты ея, и вы увидите, что они всегда совпадаютъ съ протестомъ — часто безумнымъ, уродливымъ, неудачнымъ протестомъ — личности противъ узъ, налагаемыхъ на нее различными формами общественной индивидуальности, противъ приспособляющаго, нивеллирующаго вліянія ихъ.

Странно было бы, конечно, думать, что Михайловскій, равно

*) „Патологическая магія". Соч., II, 353, 354.

какъ и сторонники предлагаемаго имъ ученія о борьбѣ за индивидуальность, совершенно игнорируютъ роль общества въ дѣлѣ расширенія и обогащенія нашего „я“ путемъ сочувственнаго опыта, дающаго человѣку возможность переживать чужую жизнь и пользоваться результатами переживаній другихъ людей. Этого никто не можетъ игнорировать, этого нельзя забыть. Весь вопросъ сводится лишь къ тому, какъ вліяетъ на личность господствовавшій въ исторіи человѣчества и господствующій въ современномъ обществѣ типъ коопераціи. А онъ, несомнѣнно, враждебенъ интересамъ личности постольку, поскольку держится на принципѣ экономическаго раздѣленія труда и прогрессируетъ по формѣ органическаго развитія. „Собственно говоря, благодѣтельная для развитія личности сторона общественной жизни не исчезаетъ совершенно даже въ кастовомъ устройствѣ, вообще представляющемъ едва-ли не наиболѣе яркій случай порабощенія личности обществомъ. Спеціалистъ умственной дѣятельности, браминъ, вполнѣ способенъ обогатить запасъ своихъ личныхъ наслажденій сочувствіемъ къ наслажденіямъ всѣхъ подобныхъ ему браминовъ. Точно также благодѣтельно въ извѣстныхъ предѣлахъ даетъ себя знать сочувственный опытъ, какъ орудіе познаванія. Но, съ другой стороны, устраняя себя отъ матеріальной и вообще практической дѣятельности, браминъ непремѣнно суживаетъ сферу своей жизни. И кругъ его наблюденій становится уже, и возможность пережить жизнь людей, занятыхъ другими задачами, утрачивается; наконецъ, кругъ доступныхъ ему наслажденій болѣе или менѣе ограничивается исключительно умственною дѣятельностью“ *). А браминъ въ этомъ отношеніи куда счастливѣе какого-нибудь узкаго спеціалиста науки нашихъ дней: онъ все же представитель знанія вообще, болѣе или менѣе сложный аппаратъ мышленія, тогда какъ какой-нибудь современный лепидоптерологъ или капролитологъ **) является всего лишь частью этого аппарата, удовлетворяющейся лишь жалкими огрызками мысли, — правда, систематизированной и поднятой соотвѣтствующимъ напряженіемъ на высокую ступень односторонняго развитія. По мѣрѣ того, какъ принципъ *сложнаго сотрудничества* осуществляется въ обществѣ, оно раздробляется на обособленныя группы, изъ которыхъ каждая имѣетъ свои собственные интересы, цѣли и идеалы, недоступные пониманію другихъ группъ. Въ предѣлахъ любой изъ этихъ группъ личное „я“ ея представителей можетъ расшириться, да и на самомъ дѣлѣ расширяется, но это будетъ въ лучшемъ случаѣ спеціализированное, групповое, а не многообъемлющее человѣческое „я“: серебрянный рубль размѣнивается на цѣлый десятокъ

---

*) „Борьба за индивидуальность“. Соч., I, 462.

**) Капролитами называются ископаемые экскременты животныхъ.

гривенниковъ, быть можетъ, и очень блестящихъ, но все же гривенниковъ; личность достигаетъ *высокой степени* развитія *пониженнаго типа*. Скованные по рукамъ и ногамъ желѣзною цѣпью общественной индивидуальности, „рабы цѣлаго и другъ друга“, жертвы деморализирующаго девиза „divide et impera“, клочья души, изодранной на части во славу Молоха, носящаго какое нибудь „пышное названіе“,—они, эти жалкіе обломки человѣческой личности, гордящіеся своимъ *групповымъ* самосознаніемъ, *сословными* добродѣтелями, *профессіональною* честью, *цеховою* логикой, *кастовой* психологіей, *классовой* идеологіей, утрачиваютъ всякое представленіе о солидарности своей съ другими такими же обломками, перестаютъ понимать другъ друга, не сознаютъ возможности добиваться соединенными усиліями возстановленія своей цѣлостности и единства—да, кстати сказать, часто и не чувствуютъ никакой необходимости въ этомъ. „Человѣкъ, выработавшій себѣ особенную напряженность того или другого спеціальнаго отправленія и болѣе или менѣе заглушившій въ себѣ всѣ остальныя, естественнымъ образомъ — говоритъ Михайловскій — понимаетъ и цѣнитъ только то, что тѣсно соприкасается съ его спеціальнымъ отправленіемъ. Понятіе о единствѣ индивидуальности человѣка здѣсь не имѣетъ мѣста. *Центромъ помысловъ и стремленій становится не человѣкъ, какъ недѣлимое, не вся совокупность человѣческаго организма, а нѣкоторая отвлеченная категорія.* Членъ общества, въ которомъ раздѣленіе труда провело достаточно глубокія борозды, не въ состояніи охватить понятіе человѣка во всей его цѣлости и недѣлимости; онъ можетъ понять и оцѣнить только ту долю человѣка, которая развита въ немъ самомъ“ *) (курсивъ мой).

Не разъ уже высказывалось мнѣніе, что Михайловскій, такъ настойчиво и горячо боровшійся съ защитниками органической теоріи общества, на самомъ дѣлѣ лишь способствовалъ укрѣпленію позиціи своихъ принципіальныхъ противниковъ, что всѣ его крупныя соціологическія работы не опровергаютъ, а, наоборотъ, доказываютъ истинность этой теоріи. Мнѣ кажется, что и въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло либо съ недоразумѣніемъ, либо съ недомысліемъ. Неужели можно думать, что писатель, такъ глубоко понимавшій связь человѣка со всею живой природой, былъ настолько тенденціозенъ и слѣпъ, что упустилъ изъ виду очевиднѣйшій фактъ? Неужели можно серьезно доказывать, что авторъ „Борьбы за индивидуальность“ изгналъ человѣка за границы живой дѣйствительности, поставилъ его внѣ природы, а слѣдовательно, и внѣ вліянія тѣхъ могучихъ факторовъ, которые управляютъ судьбами всего организованнаго міра? Ничего подобнаго! Михайловскій прекрасно видѣлъ, что борьба за существованіе и

*) „Что такое прогрессъ?“ Соч., I, 92.

подборъ играли и продолжаютъ играть громадную роль въ историческихъ судьбахъ человѣчества; что вліяніе этихъ факторовъ сказывается среди людей такъ же, какъ и во всемъ остальномъ организованномъ мірѣ, т. е. ведетъ къ расхожденію признаковъ, къ дифференціаціи общества, къ увеличенію его разнородности, къ приспособленіямъ въ спеціальныхъ направленіяхъ,—словомъ, ко всему тому, что *принято* называть прогрессомъ, и что на самомъ дѣлѣ совсѣмъ не заслуживаетъ этого названія; онъ не хуже сторонниковъ теоріи „общественнаго организма" подмѣтилъ организующую тенденцію историческаго процесса, низводящаго личность на степень органа въ интересахъ всесторонняго развитія индивидуальностей высшаго порядка. Но только тамъ, гдѣ защитники органической теоріи общества приходили въ восторгъ, онъ сокрушался; гдѣ они усматривали благо и прогрессъ, онъ видѣлъ зло и регрессъ; гдѣ они пѣли „многая лѣта", онъ провозглашалъ анафему. Да, повторялъ Михайловскій множество разъ для вразумленія своихъ противниковъ и единомышленниковъ, — пусть будетъ по вашему: признаю, что „объективный ходъ вещей" всегда *стремился* направить общество, эту индивидуальность высшаго порядка, по руслу „органическаго развитія". Но признайте же, наконецъ, и вы, что въ этомъ нѣтъ ничего хорошаго, радостнаго, желательнаго, что человѣкъ *также всегда* врывался со своими „субъективными запросами" въ „объективный ходъ вещей", часто парализуя и даже направляя его по желанному для себя пути, ибо ему нѣтъ никакого дѣла до процвѣтанія „общества", независимо отъ процвѣтанія входящихъ въ составъ этого общества личностей, ибо только заботы объ интересахъ и всестороннемъ развитіи этихъ послѣднихъ „приличествуютъ человѣческой мысли"; признайте, что общественный процессъ, совершающійся по типу органическаго развитія, есть процессъ болѣзненный, *патологическій*, и что намъ нужно не славословить его, а бороться съ нимъ. Еще въ 1869 году въ статьѣ „Что такое прогрессъ?" Михайловскій писалъ: „Если общество развивается по типу органическаго прогресса, т. е. переходя отъ однородности къ разнородности, дробясь на классы, подклассы и т. д., то, непосредственно исходя изъ закона Бэра, *мы должны признать такое явленіе патологическимъ, а не нормальнымъ развитіемъ,* потому что недѣлимое при этомъ переходитъ отъ разнородности къ однородности, т. е. регрессируетъ... Превращеніе недѣлимаго въ органъ, сопровождаемое нарушеніемъ его цѣлостности и независимости, есть развитіе разнороднаго въ однородное, общаго въ спеціальное, многосторонняго въ одностороннее, а, слѣдовательно, такое превращеніе ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть подведено подъ законъ Бэра. Это—*развитіе патологическое*, а не физіологическое, а идея соціальнаго организма—„двойная

бухгалтерія" (курсивъ мой) *). Это „патологическое развитіе"— фактъ первостепенной важности, которымъ должна опредѣляться вся практическая дѣятельность людей: ихъ отношеніе къ дѣйствительности, ихъ перспективы, ихъ общественные идеалы. Но одно дѣло констатировать фактъ, другое дѣло—санкціонировать его.

Человѣкъ не ушелъ изъ подъ власти законовъ природы. Онъ обязанъ считаться съ ними, но не пассивно, а активно. Въ обществѣ царятъ борьба и конкурренція. Подборъ ведетъ свое предательское дѣло среди людей съ такою же неумолимой послѣдовательностью и безконтрольною жестокостью, какъ и среди животныхъ. Высшія формы индивидуальности самимъ процессомъ своего развитія налегаютъ на индивидуальности низшаго порядка, а въ томъ числѣ и на человѣка, поглощая и порабощая ихъ. Все это факты, прискорбные, обидные, но въ то же время безспорные факты. Какъ же отнестись къ нимъ? Тутъ возможны два діаметрально противоположныхъ отвѣта. Одинъ изъ нихъ съ циничною развязностью гласитъ: *Приспособляйся*! Сложи смиренно „на груди свои безсильныя руки", въ надеждѣ, что прихотливая волна стихійнаго процесса смилуется надъ твоею изуродованною, порядкомъ-таки помятою индивидуальностью и подниметъ ее вновь на должную высоту. Двугой же повелительно диктуетъ: *Приспособляй*! Объяви войну—смѣлую, непримиримую— и конкурренціи, и подбору, и деспотической тенденціи всѣхъ индивидуальностей „высшаго порядка", какими бы „пышными именами они себя ни называли", вырви у нихъ изъ подъ ногъ почву и водвори на землѣ не фиктивное, а подлинное „равенство и братство". Иначе оправдается злостная насмѣшка Мефистофеля, нагло издѣвающагося надъ „хваленой искрою святого разумѣнья", которую человѣкъ якобы радъ на то лишь употребить, „чтобъ изъ семьи скотовъ скотиной первой быть".

Ein wenig besser würd'er leben,
Hätt'st du ihm nicht den Schein des Himmelslichts gegeben;
Er nennt's Vernunft und braucht's allein,
Nur thierischer als jedes Thier zu sein **)

Но Мефистофель лжетъ, конечно—лжетъ не потому, что на свѣтѣ нѣтъ людей, претендующихъ на коронныя роли въ семьѣ скотовъ, а потому, что „искра святого разумѣнья", т. е. разумъ, воля и совѣсть человѣка неудержимо гонятъ его все впередъ и впередъ на борьбу съ природой, ея неумолимыми законами, со

*) Сочиненія, I, 41, 54.

**) Когда бы ты его не вздумалъ одарить
Хваленой „искрою святого разумѣнья",
Которую онъ радъ на то употребить,
Чтобъ изъ семьи скотовъ скотиной первой быть,
Онъ лучше бъ жилъ стократъ, безъ всякаго сомнѣнья.
Гете. «Фаустъ». Прологъ въ небѣ. Пер. Н. Холодковскаго.

всею совокупностью такъ называемыхъ условій существованія. Творческая работа сознанія началась еще до человѣка. Уже на сравнительно низкихъ ступеняхъ зоологической лѣстницы, гдѣ можно говорить лишь о проблескахъ и зачаткахъ сознанія, оно проявило свое вліяніе въ болѣе или менѣе узкихъ предѣлахъ. Среди высшихъ животныхъ и первобытныхъ человѣческихъ племенъ роль сознанія, какъ фактора, воздѣйствующаго на среду въ цѣляхъ приспособленія ея къ временнымъ нуждамъ и интересамъ индивида, обнаружилась еще сильнѣе. Наконецъ, въ культурномъ человѣчествѣ оно поднялось на такую высоту, при которой стала возможною цѣлесообразная дѣятельность людей наперекоръ измѣнчивымъ, прихотливымъ и часто позорнымъ для человѣка требованіямъ среды. Вотъ тутъ-то и сказался во всей своей силѣ роковой вопросъ: какъ быть — приспособляться или приспособлять? Практическая мудрость, въ достаточной степени освѣдомленная насчетъ того, что приспособляться несравненно легче и безопаснѣе, твердитъ на тысячу ладовъ, призывая себѣ на помощь хитроумное, но лживое свидѣтельство буржуазной науки: „Блаженны вы, если вы сильны, если вы приспособлены, если вы подобраны, если вы избраны. И законна и правомѣрна ваша гибель, если вы окажетесь лишней спицей въ колесѣ практической колесницы. Проваливайтесь въ пропасть прогресса, поглотившую тысячи подобныхъ вамъ. Не надгробнымъ рыданіемъ проводимъ мы васъ, не вѣчною памятью, а ядовитымъ хохотомъ и кликами торжества. Совершилась, скажемъ, законная кара за неприспособленность“ *). Но носитель искры „святого разумѣнья“, надъ которымъ такъ легкомысленно подтруниваетъ Мефистофель, не мирится съ такого рода перспективами и чертитъ на знамени человѣчества свою собственную заповѣдь блаженства. „Блаженны, гласитъ она, блаженны вы, если вы не промѣняли рубль на ярко вычищенный мѣдный грошъ, если не продали будущаго ради интересовъ минуты и вершка; блаженны вы даже, если поносятъ васъ, и изженутъ, и рекутъ всякъ золъ глаголъ, на вы лжуще“.

Какое же изъ этихъ „блаженствъ“ вы предпочитаете, читатель? Избравши первое, вы боретесь только за существованіе, приспособляетесь ко всѣмъ изгибамъ данной общественной среды, суживаете до minimum'а формулу своей жизни. Отдавши же предпочтеніе второму, вы боретесь за индивидуальность, сами приспособляете среду къ воодушевляющему васъ идеалу, расширяете, насколько возможно, формулу своей жизни... Итакъ, какое же изъ двухъ?..

Мнѣ пришло на память стихотвореніе П. Я.: „Человѣкъ“. Вы помните его? Столкнувшись съ человѣкомъ, природа вознего-

*) „Теорія Дарвина и общественная наука“. Соч., I, 292.

довала. Она, величавая, суровая, всемогущая, не вынесла его непомѣрной гордости и, преисполненная гнѣва, разразилась цѣлымъ потокомъ угрозъ:

„Глупецъ!“ гремитъ она,
Повѣрь: мнѣ дѣла нѣтъ ни до твоихъ стремленій,
Ни до твоихъ скорбей. Я знаю лишь числа
Безжалостный законъ; ни мукъ, ни наслажденій.
Ни блага для меня нѣтъ на землѣ, ни зла!
Живи-жь, какъ все живетъ: минутною волною
Плесни—и пропади въ пучинахъ вѣковыхъ,
И не дерзай вставать на буйный споръ со мною,
Предвѣчной матерью всѣхъ мертвыхъ и живыхъ!..

Но не смутился человѣкъ... Высоко поднявши чело, не выпуская изъ судорожно сжатыхъ рукъ своихъ „хоругви мятежа“, „шатаясь, падая подъ ношей крестныхъ мукъ“, съ дерзкимъ девизомъ: „свобода“ на устахъ, онъ все идетъ впередъ, въ „обѣтованный край своихъ лазурныхъ сновъ“ и смѣло, увѣренно, гнѣвно отвѣчаетъ:

Казни меня, бичуй—пощады не прошу я,
Но знай: и ты во мнѣ пощады не найдешь.
На грозный бой тебя, на смертный бой зову я—
Цѣпями ты мой трупъ холодный окуешь!
Мертва ты и слѣпа въ красѣ твоей суровой,
А я согрѣтъ огнемъ безсмертнаго ума
Изъ книги бытія, законодатель новый,
Я вычеркну порокъ, скажу: погибни тьма!
Скажу: зажгись разсвѣтъ! Взойди эдемъ въ пустынѣ,
Гдѣ потъ я засѣвалъ кроваваго труда!
И будешь ты сама служить моей святынѣ,
Иль я съ лица земли исчезну навсегда!..

Красиво, сильно сказано... Но это не только лирика. Это — цѣлое міровоззрѣніе, глубоко прочувствованное и до конца продуманное, это—общественный лозунгъ, основанный на ясномъ пониманіи прошлаго человѣчества и ожидающихъ его перспективъ, это художественное воплощеніе тѣхъ идей, за которыя всю жизнь свою боролся Михайловскій. Развѣ не тѣ же самыя мысли и чувства одушевляли Михайловскаго, когда онъ писалъ, напримѣръ, слѣдующее: „Человѣкъ можетъ сказать—да, природа ко мнѣ безжалостна, она не знаетъ различія, въ смыслѣ права, между мною и воробьемъ; но я и самъ буду къ ней безжалостенъ и своимъ кровавымъ трудомъ покорю ее, заставлю ее служить мнѣ, вычеркну зло и создамъ добро. Я не цѣль природы, природа не имѣетъ и другихъ цѣлей. Но у меня есть цѣли, и я ихъ достигну“ *). Когда же спрашивали его, въ чемъ эти цѣли, за что приличествуетъ человѣку бороться, какую формулу про-

*) „Теорія Дарвина и общественная наука“. Соч., I, 215.

гресса людямъ необходимо осуществлять, онъ отвѣчалъ: „Прогрессъ есть постепенное приближеніе къ цѣлостности недѣлимыхъ, къ возможно полному и всестороннему раздѣленію труда между органами и возможно меньшему раздѣленію труда между людьми. Безнравственно, несправедливо, вредно, неразумно все, что задерживаетъ это движеніе. Нравственно, справедливо, разумно и полезно все, что уменьшаетъ разнородность общества, усиливая тѣмъ самымъ разнородность его отдѣльныхъ членовъ“ *).

Сколько разъ цитировались эти незатѣйливыя по формѣ, но богатыя содержаніемъ строки съ цѣлью дискредитировать ихъ въ глазахъ легковѣрныхъ людей! Сколько разъ извращали ихъ ясный до очевидности смыслъ! Но подкопаться подъ „формулу прогресса“ Михайловскаго не легко. Теоретически она является естественнымъ выводомъ изъ объективныхъ данныхъ науки о жизни и науки объ обществѣ. Практически это — „хоругвь мятежа“, зовущая къ борьбѣ и опредѣленно указывающая на тѣ формы общественной организаціи, которыя должны быть съ корнемъ уничтожены во имя попранныхъ правъ человѣка. Нужно послѣдовательно и безстрашно проводить формулу Михайловскаго въ жизнь, и тогда дѣйственная, творческая роль ея скажется во всемъ своемъ блескѣ...

В. В. Лункевичъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

---

*) „Что такое прогрессъ?“ Соч., I, 150.

УЧЕНЫЙ ДИСПУТЪ.

Чайная комитета трезвости села Рвачевки наполнялась народомъ. Стоялъ конецъ мая. Время было праздничное, послѣобѣденное, и просторная чайная, помѣщавшаяся какъ разъ посрединѣ села, близь площади и противъ церкви и волости, была уже почти полна посѣтителями.

Среди шума голосовъ трудно было разобраться свѣжему человѣку, пока, наконецъ, ухо не привыкало къ этому шуму и не начинало улавливать въ немъ отдѣльныхъ выраженій.

За продолговатыми столиками, разставленными вдоль обѣихъ долевыхъ стѣнъ чайной и одной поперечной, сидѣли посѣтители по-двое, по-трое, а больше по-пяти и шести вмѣстѣ, и пили чай.

Особому оживленію способствовало еще и то, что въ этотъ день, какъ и во всѣ почти воскресные лѣтніе дни, въ волости „шли суды", и многіе изъ посѣтителей чайной имѣли къ нимъ то или иное касательство.

За двумя столиками, стоявшими рядомъ, расположились двѣ особенно большихъ компаніи посѣтителей. То были свидѣтели противныхъ сторонъ, которыхъ отвѣтчикамъ, по издавна заведенному обычаю, требовалось передъ „судами" хорошенько напоить чаемъ, а зачастую сходить еще съ ними, на короткое время, и въ сосѣднюю съ чайной избу, откуда, возвратясь съ еще болѣе подрумяненными и оживленными лицами, продолжать пить чай до тѣхъ поръ, пока „откроются суды".

Правда, по закону суды должны были открываться въ одиннадцать часовъ, но такъ какъ раньше часу, а то и двухъ, они никогда не открывались, такъ какъ и господа судьи считали всегда необходимымъ подкрѣпиться передъ началомъ, для чего собирались всегда въ эту же чайную, но только въ отдѣльную комнату, то времени для чаепитія и истцамъ, и отвѣтчикамъ, и свидѣтелямъ было болѣе, нежели достаточно.

Принимать участіе въ чаепитіи, въ дни судовъ, являлись

всегда и старшина, и писарь, и урядникъ съ земскимъ стражникомъ, и изъ комнатки, тонкой досчатой перегородкой отдѣлявшейся отъ чайной, часто слышались въ это время на всю чайную дружные взрывы смѣха всей чиновной аристократіи села.

Въ комнатку подавались селедки, соленый судакъ, обданный передъ тѣмъ раза два кипяткомъ тутъ же въ кубовой, прямо изъ-подъ крана, и считавшійся, поэтому, сваренным, подавалась ветчина, яйца, а нѣкоторые чайники съ кипяткомъ только проносились почему-то черезъ кубовую изъ сосѣдняго личнаго помѣщенія хозяина чайной, богатаго мужика съ хитрой и всегда довольной физіономіей, а отнюдь не наливались изъ-подъ крана, въ кубовой.

И чѣмъ больше попадало въ отдѣльную комнатку этихъ чайниковъ съ кипяткомъ изъ квартиры хозяина чайной, тѣмъ, обыкновенно, чаще, громче и довольнѣе бывалъ смѣхъ компаніи, засѣдавшей въ комнаткѣ.

Представители финансовой аристократіи села также нерѣдко принимали участіе въ этомъ чаепитіи.

— Ахъ, стаканники! чтобъ вамъ!—не то въ осужденіе, не то въ умиленіи говорили крестьяне, слыша взрывы смѣха изъ отдѣльной комнатки.—И завсегда такъ. Намъ суды—слезы, а имъ масляница.

Красныя, распаренныя чаемъ лица, непринужденныя позы, взлохмаченныя головы и бороды, разстегнутые ворота рубахъ—все говорило о пріятности провожденія времени въ чайной. Этому способствовали и оживленныя перекликанія пившихъ чай съ сидѣвшими за другими столиками.

Чай пился медленно, съ большими перерывами, съ пространными разсужденіями, въ теченіе которыхъ еле желтая, мутноватая жидкость въ стаканахъ успѣвала совершенно остынуть и утратить послѣднее подобіе вкуса чая.

За три копѣйки подавалась заварка чаю и два куска сахару, а кипятку можно было спрашивать сколько угодно, но этика все же требовала не очень злоупотреблять этимъ правомъ и спрашивать не болѣе пяти чайниковъ на человѣка, при чемъ первые три можно было громогласно требовать у полового съ постукиваніемъ крышечкой, блюдцемъ, стаканомъ, а о послѣднихъ двухъ заявлять ему лишь въ то время, когда онъ случайно проходилъ мимо, къ другимъ посѣтителямъ чайной.

Корка лимоннаго ломтика съѣдалась всегда за послѣднимъ стаканомъ чая.

Но не столько былъ дорогъ чай посѣтителямъ чайной комитета трезвости, какъ самый процессъ питья его здѣсь, въ большомъ, просторномъ и свѣтломъ помѣщеніи, питья

на всемъ народѣ, въ мѣстѣ, гдѣ преимущественно скрещивались всѣ интересы родного села; гдѣ скорѣе всего можно было услышать всѣ послѣднія новости изъ его жизни, а также „послухать хорошихъ рѣчей" и обо всемъ прочемъ, что творится на бѣломъ свѣтѣ, что можно было узнать изъ газетъ, получавшихся въ чайной.

Весь правый уголъ противоположной входу долевой стѣны чайной былъ занятъ картинами: „Какъ русскій матросъ отрубилъ японцу носъ"; „Казакъ, пожирающій безконечное число японцевъ"; „Ой, Микадо, будетъ худо, разобьемъ твою посуду— всю въ прахъ", — послѣдняя изображала японскаго императора, въ горькихъ слезахъ удаляющагося изъ-подъ Портъ-Артура и сокрушающагося о предстоящей участи японскаго флота. На четвертой картинѣ широкоплечій казакъ, въ громадной мохнатой шапкѣ, съ краснымъ дномъ, и звѣрскою физіономіей, поролъ нагайкой на приподнятомъ колѣнѣ лежавшаго поперекъ японца. Пятая, шестая и т. д. картины изображали подобные же славные эпизоды торжества русскаго оружія, и подъ всѣми были соотвѣтствующія высокопатріотическія подписи.

Нѣсколько въ сторонѣ отъ нихъ висѣлъ плакатъ какого-то крупнаго иностраннаго завода сепараторовъ, изображавшій сепараторъ, окруженный со всѣхъ сторонъ большою толпою любующихся на него представителей всѣхъ національностей міра.

На противоположной стѣнѣ, совсѣмъ одиноко, висѣла небольшая географическая карта, изображавшая Японію, Корею, Манчжурію и прилегающія къ нимъ части Китая и Сибири.

Въ лѣвомъ отъ входа, красномъ, углу чайной висѣлъ большой фольговый образъ мѣстнаго святого губерніи, и передъ нимъ большая, подъ серебро, лампада съ краснымъ стаканчикомъ.

Другая поперечная стѣна чайной была почти во всю длину пробита аркой, за которой виднѣлась продолговатая комната, съ длиннымъ зеленымъ столомъ посрединѣ. Комната эта была библіотечной.

На столѣ ея лежало нѣсколько номеровъ мѣстныхъ „Губернскихъ Вѣдомостей", „Свѣта", „Русскаго Паломника", „Трезвенника" и пачка брошюръ: „Что долженъ чувствовать и какъ себя вести русскій народъ во время войны съ Японіей", „Китай и мы" и т. д. Газеты были сильно захватаны руками, засалены, нѣкоторыя изодраны, тогда какъ журналы и брошюры высматривали совершенно новыми, а иные были даже не разрѣзаны.

Въ одномъ изъ угловъ комнаты стоялъ шкафъ съ изодранными, растрепанными книжками на полкахъ, запертый

висячимъ замкомъ. На шкафѣ была приклеена записка: „Выдача книгъ производится мѣстнымъ учителемъ, по средамъ и субботамъ, отъ двухъ до четырехъ дня, съ октября и по апрѣль“.

Сверху, у большого образа, такъ же какъ и въ чайной, висѣла большая лампада, съ цвѣтнымъ стаканчикомъ.

Лампады, „Трезвенникъ“, „Русскій Паломникъ“, газеты, брошюры и картины по стѣнамъ чайной были слѣдами заботъ о ней со стороны попечителя чайной — чиновника губернскаго правленія, пріѣзжавшаго чрезъ каждые два—три мѣсяца провѣрять буфетчика, а въ остальное время вызывавшаго его для этой цѣли въ городъ.

Еще слѣдомъ заботъ попечителя былъ его личный даръ чайной—испорченная музыкальная машина автоматъ, носившая громкое названіе симфоніона. Машина хрипѣла, стонала, кашляла и испускала какіе-то упрямые звуки. Мужиковъ она совсѣмъ не удовлетворяла.—Ишь какая,—говорили они,— ты дашь ей копѣйку—молчитъ; и три—молчитъ; меньше, какъ за пятакъ, ни за что не заиграитъ, каторжная. А дай ей пятакъ—и понесетъ!.. И понесетъ!.. И шутъ ее не разберетъ что: не то пѣсни какія, не то божественное... Вотъ кабы грамофонъ намъ—то штука... Занятно!.. По другимъ, протчимъ чайнымъ вездѣ грамофоны, а намъ, ишь—какую-то старую барыню прислали. Ну ее къ собакамъ!

И барыня по большей части молчала.

Время отъ времени отъ столиковъ поднимались фигуры и подходили къ плакату, изображавшему сепараторъ. Фигуры мялись передъ нимъ, почесывались и подолгу молчали. Къ нимъ, такъ же въ молчанку, присоединялись другія.

— Это что-жъ такое? Наши покоренные народы, что ли, будутъ? — обращался, наконецъ, кто-нибудь къ буфетчику, старичку съ умнымъ и добродушнымъ лицомъ.

— Ахъ, какіе же вы право!—откликался буфетчикъ.—То и дѣло приходится повторять то тому, то другому: въ середкѣ—это машина, которая отдѣляетъ сливки отъ молока, а кругомъ разные народы, которымъ, значитъ, ее купить хочется. Вонъ черный — то негръ, а то — арабъ, а съ косой— китаецъ...

— Та-а-къ, та-а-къ,—тянули разочарованные мужики.—А мы думали: наши покоренные народы.

— Дались вамъ эти народы. Всякій день вамъ говоришь, что это сепараторъ; а вы все свое: покоренные, да покоренные!

— А гдѣ-жъ тутъ нашъ-то будетъ?

— А вонъ тотъ, что въ самомъ верху сидитъ, въ большой шапкѣ и въ лаптяхъ. Еще онъ голову свѣсилъ.

— Та-а-къ.

И мужики равнодушно отходили отъ плаката.

Передъ матросомъ, отрубившимъ японцу носъ, и его собратьями-богатырями они почти не останавливались, кромѣ случаевъ, когда замѣчали на стѣнѣ новый даръ чайной со стороны ея попечителя.

Этотъ послѣдній даръ внимательно разсматривался, собиралъ вокругъ себя еще большую толпу, нежели сепараторъ, но обыкновенно и въ такихъ случаяхъ почти не вызывалъ никакихъ комментаріевъ.

Большинство какъ-то странно щурило глаза и вопросительно поглядывало на окружающихъ, но никто не высказывалъ и части того, что думалъ про даръ. Словно каждому было неловко въ чемъ-то: не то за картину, не то за себя— что приходится смотрѣть на нее...

— Да все, небось, пустота одна,—скажетъ, наконецъ, какой-нибудь бородачъ, недовольно тряхнувъ головой и отходя отъ картины.

— Все одно и то же,—рѣшительнѣе подхватитъ другой,— что и въ турецкую войну было. Только тогда былъ паша, а теперь, вишь, японецъ сталъ... Ничего новаго нѣту... Все на томъ же стоимъ...

И толпа молча отойдетъ отъ картины, ища по стѣнамъ голоднымъ взоромъ еще какого-нибудь дара со стороны попечителя. и, не найдя таковаго, подходитъ къ картѣ съ Манчжуріей и долго стоитъ передъ ней, всматриваясь въ маленькую точечку, изображающую Портъ-Артуръ.

Точечку эту какъ-то мимоходомъ показалъ имъ учитель, ограничась при этомъ всего двумя-тремя замѣчаніями насчетъ восточнаго театра войны, и мужики, всматриваясь въ нее напряженнымъ взоромъ, словно въ ней самой искали теперь объясненія встававшимъ передъ ними вопросамъ, вынесеннымъ изъ слушанія въ библіотечной газетныхъ свѣдѣній о войнѣ и изъ того, что узнавали о войнѣ на сторонѣ.

— Гляди—вонъ онъ самый Артуръ-то и есть,—говорили они, поочередно тыкая въ точку пальцемъ.

— А гдѣ же тутъ эта самая Японія? Небось, тоже прозначена?

Но Японія, если и находилась, столько же давала пищи уму и сердцу, какъ и точка, изображавшая Портъ-Артуръ.

Представленій о пространствѣ, о соотношеніи площадей, объ отдаленности театра войны отъ родины и сопряженныхъ съ этимъ трудностяхъ ея для насъ—не было и слѣда. Была лишь точка, въ которую, какъ заговоренную, упиралась мысль крестьянъ, о которую безпомощно билось взволнованное чувство.

Отъ карты крестьяне опять шли къ своимъ столикамъ и принимались за чаепитіе. Иные проходили въ библіотечную, и если находили тамъ кого-нибудь за газетой, молча подсаживались къ такому, или становились сзади, разсчитывая на чтеніе вслухъ.

И не было случая, чтобы читавшій газету когда-либо заставилъ себя просить читать ее вслухъ, какъ бы трудна ни была ему эта задача.

Кружокъ слушателей сплачивался. Молча подходили еще лица, наклоняли голову, выставляя какъ-то одно ухо къ чтецу изъ-за сплошной стѣны слушателей, и, постоявъ нѣкоторое время, такъ же молча и осторожно уходили назадъ, не поднимая низко опущенной головы, если чтеніе не нравилось, или было непонятно.

Особенно большое оживленіе въ библіотечной бывало по понедѣльникамъ и четвергамъ, когда приходила волостная почта въ село.

Продолговатые столики чайной, за которыми надо было просиживать по нѣсколько часовъ подъ рядъ въ праздничные дни, обыкновенно пустовали въ это время, тогда какъ за длиннымъ столомъ библіотечной далеко не всѣмъ хватало мѣста.

На этотъ разъ, по случаю „судовъ", въ ней также было много народу.

Одни сидѣли за столомъ, уткнувшись въ газеты, низко наклонивъ надъ ними грудь и голову, словно желая прильнуть къ нимъ всѣмъ своимъ существомъ, и, медленно бормоча, старались разобрать напечатанное. Про себя, мысленно, никто не читалъ, словно для воспріятія прочитываемаго непремѣнно нужно было, чтобы оно произносилось вслухъ, словно только откуда-то извнѣ оно могло воздѣйствовать на чтеца. Другіе разсматривали картинки „Русскаго Паломника", „Трезвенника", „Житій Святыхъ".

Подсаживались новыя лица, брали первый попавшійся подъ руку номеръ газеты, не обращая никакого вниманія на число на немъ, и также начинали бормотать вполголоса.

Иной, надѣясь прочесть получше, понятнѣй, начиналъ читать вслухъ. Тогда остальные откладывали свои газеты, часто даже не докончивъ начатой статьи, и всѣ слушали въ напряженномъ молчаніи, ни единымъ звукомъ не прерывая чтеца.

Заслышавъ чтеніе вслухъ, въ библіотечную входили новыя лица изъ чайной. На спинахъ сидѣвшихъ за столомъ зачастую лежали груди другого ряда слушателей. Ихъ крѣпко обнимали за шею, за плечи, за голову. Всякій, подходившій послѣ, считалъ себя въ правѣ обхватить перваго, попавшагося

ему подъ руку, бывшаго ближе къ чтецу. Ко второму ряду прислонялся третій, и всѣ жались другъ къ другу, словно черезъ это крѣпкое общеніе лучше было слушать и уяснять себѣ смыслъ прочитываемаго.

На лицахъ всѣхъ стояло обыкновенно одно и то же выраженіе вдумчивой серьезности и утомительнаго напряженія.

Читали по большей части какими-то странными, неестественными голосами. Большинство запиналось, съ трудомъ разбирая слова; другіе старались прочесть какъ можно быстрѣе, безъ знаковъ препинанія, безъ удареній и оттѣнковъ въ голосѣ, коверкая или совсѣмъ пробрасывая всѣ непонятныя слова и названія, отчего терялся общій смыслъ прочитаннаго, и тяжелая мысль слушателей не могла угнаться за ними... И чѣмъ далѣе шло чтеніе, тѣмъ все быстрѣе и рѣзче измѣнялось выраженіе лицъ слушателей, становясь недоумѣвающимъ и вопросительнымъ, а затѣмъ безучастнымъ, скучающимъ и жалко-тоскливымъ, какъ бы сливась съ монотоннымъ, тягучимъ голосомъ чтеца во что-то одно, унылое и безнадежное.

Нѣкоторые изъ слушателей не выдерживали и съ утомленными лицами, молча отходили отъ стола, другіе принимались безсознательно рыться въ лежавшихъ передъ ними брошюркахъ, брали то одну, то другую, вертѣли въ рукахъ и опять клали на мѣсто, или, словно виноватые школьники, попавшіеся въ какой-нибудь продѣлкѣ, молча посматривали другъ на друга, терпѣливо ожидая окончанія чтенія.

И въ этомъ ожиданіи, въ виноватомъ поглядываніи, въ тягучемъ, монотонномъ голосѣ чтеца и крѣпкихъ, словно застывшихъ, объятіяхъ, въ которыхъ слушатели держали другъ друга, было что-то такое, отчего хотѣлось крикнуть, расплакаться горькими, обидными слезами...

— Ну, вотъ, теперь вы, я вижу, все вычитали, все узнали!— какъ только окончилось чтеніе, раздался голосъ крестьянина, лѣтъ пятидесяти, сидѣвшаго вмѣстѣ съ другими за столомъ, но только отдѣльно ото всѣхъ.—А когда кочетъ прокричалъ—весь міръ услыхалъ?

Сухое, продолговатое лицо сидѣвшаго, съ рѣдкою черною бородкой и тонкимъ, съ горбинкой, носомъ, носило не общее выраженіе напряженной усталости и скуки, а какой-то особенной вдумчивой замкнутости. Его небольшіе, глубоко сидѣвшіе, синіе глаза свѣтились упорнымъ и загадочнымъ блескомъ. Длинный черный халатъ, надѣтый поверхъ чистой холщевой рубашки, спускался внизъ прямыми, несмятыми складками. Ноги были обуты въ чистыя, бѣлыя портянки и новые липовые лапти. Шапка-треухъ, которую онъ держалъ на колѣняхъ, также высматривала, какъ новенькая.

Къ нему никто не прислонялся, да и онъ самъ ни къ кому не прилегалъ.

— А этого не знаете. Этого вы еще не вычитали,—раздался снова его голосъ.—Ну, хорошо; а когда весь міръ плакалъ? Когда третья часть міра погибла?

— Да ну тебя, Порфишка, къ ляду!—раздался чей-то голосъ.—Начнешь теперь вывертывать.

— Ну, хорошо. Ну, такъ скажите вы мнѣ: кто смерть отыскалъ?—не обращая вниманія на восклицаніе, задалъ онъ новый вопросъ.

Говорившій словно былъ доволенъ тѣмъ, что никто не отвѣтилъ на его слова. Загадочный огонекъ его синихъ глазъ загорѣлся еще ярче, еще загадочнѣе, въ то время, какъ все лицо мягко улыбалось.

— И этого не скажете? Ну, какая бѣда вышла изъ-подъ ковчега?

Какъ на морѣ стоялъ ковчегъ.
Изъ подъ этого ковчега вышла бѣда не малая.
Пошла бѣда по морямъ, по городамъ;
Вышла бѣда до людей, до самыхъ царей.
Бѣды отъ людей, бѣды отъ судей,
Бѣды отъ сродниковъ, бѣды отъ разбойниковъ,
Бѣды отъ родителей, бѣды отъ гонителей,
И кто сотворилъ бѣлый свѣтъ,
Не минулъ этихъ бѣдъ...

— Ну, какая-жъ бѣда вышла изъ-подъ ковчега?—повторилъ Порфиша свой вопросъ.—Что-жъ, и на это вамъ нечего сказать? И на это молчите?

— Да ну, ты скажи, коли знаешь,—послышался опять тотъ же недовольный голосъ.

Но Порфиша не счелъ нужнымъ отвѣтить.

— Ну, что есть человѣкъ? И на что онъ рожденъ? И что въ немъ есть? И отчего человѣкъ живъ бываетъ?

Порфиша ставилъ вопросъ за вопросомъ. Ему словно пріятно было задавать ихъ по нѣскольку сразу, словно онъ отвѣчалъ этимъ какой-то внутренней потребности связать въ одно цѣлое что-то большое и разрозненное, жившее въ немъ самомъ.

— Да что ты насъ все пытаешь?—послышался еще голосъ.—Ты самъ скажи.

— Ну, на что вамъ это знать?—мягко отвѣчалъ Порфиша.—Вѣдь если и скажу, все равно не выдержите.

— Почему же это такъ?

— Потому, что человѣкъ напередъ себя извѣрить долженъ—что онъ есть, и что можетъ вмѣстить. А вы, я знаю,

себя не извѣряли. Нѣтъ, вы лучше мнѣ скажите: гдѣ человѣкъ находился, когда онъ не родился?

— Гдѣ же онъ находился, коли его не было? Ты тоже скажешь.

— А, вотъ то-то и оно-то. Это еще глубоко вамъ знать.

— Ну, ты скажи. Что ты, въ самомъ дѣлѣ, насъ крутишь?

Порфиша продержалъ аудиторію нѣсколько минутъ въ напряженномъ молчаніи, потомъ, словно снисходя къ ея неотступному желанію, медленно произнесъ: „Въ мертвомъ морѣ“... И, словно про себя, добавилъ:—Сатана тамъ мертвецовъ причащаетъ.

— Тьфу ты!—громко сплюнулъ одинъ и недовольно потрясъ головой.

Тяжелый взглядъ его встрѣтился съ такими же угрюмыми, недоумѣлыми взглядами другихъ...

— А кто не родился, а кстился?- задалъ вдругъ Порфишѣ вопросъ небольшого роста, плотный мужикъ, котораго звали Игнатомъ, при каждомъ вопросѣ Порфиши какъ-то подымавшій плечи и брови и словно надувавшій щеки. Голосъ этого мужика былъ спокойный, увѣренный; что-то авторитетное слышалось въ немъ.

Вопросъ былъ совсѣмъ неожиданный. Порфиша, какъ-будто, растерялся и смущенно молчалъ.

— А! Что! Наскочилъ!—обрадовались мужики, и словно какая-то волна облегченія прошла по ихъ лицамъ.—Не знаешь, а задаешь... Ему все скажи!

— Знахарь тоже! Туда же—Божьи дѣла разбирать!

— Ты лучше скажи, сколько оконъ въ боронѣ?—проговорилъ рыжій коренастый мужикъ, съ широкими челюстями и какими-то шишками на лбу, появлявшимися у него всякій разъ, когда онъ усиленно начиналъ думать о чемъ-нибудь.—Борона-то у тебя споконъ вѣку,—и то не счелъ.

Но Порфиша не обращалъ никакого вниманія на насмѣшливыя замѣчанія своихъ собесѣдниковъ. Онъ весь ушелъ въ исканіе отвѣта на поразившій его вопросъ, въ которомъ ему почудился какой-то особенный, глубокій смыслъ.

— Да кто же это такой не родился, а кстился? Ахъ, да кто же это такой?—повторялъ онъ съ какой-то мольбой въ голосѣ.—Что же это я-то не знаю?.. Ну, скажите жъ вы, Игнатъ Иванычъ, кто-жъ это такое?—обратился онъ вдругъ къ Игнату, перемѣняя „ты“ на „вы“, и въ тонѣ его голоса было что-то довѣрчивое и просительное, словно ему предстояло получить какую-то особенную драгоцѣнность въ сокровищницу своей души.

— А..да..мъ!—важно, съ разстановкой, отвѣтилъ Игнатъ.

— Ахъ, и то вѣдь правда! Онъ не родился: его Богъ сотворилъ и духомъ кстилъ. Да, да, да... Какъ же это я-то не узналъ? Это надо будетъ зайти какъ нибудь къ вамъ, Игнатъ Иванычъ, еще поговорить съ вами.

Но Игнатъ Иванычъ не счелъ нужнымъ отвѣтить что-нибудь на такое неожиданное признаніе его учености.

— Не хотѣлось мнѣ очень голову разворачивать, — какъ бы оправдываясь передъ остальными собесѣдниками, смущенно проговорилъ Порфиша.—А то бы, конечно,—развѣ я не узналъ. Ну, а какъ вы, Игнатъ Иванычъ, насчетъ церкви понимаете?—обратился онъ уже исключительно къ Игнату.—Что есть церковь? И что въ ней? И на что она?

Порфиша словно спѣшилъ эти вопросами загладить свой промахъ.

Но Игнатъ Иванычъ только еще выше поднялъ опять плечи и брови.

— Ну, вотъ — что такое, къ примѣру, престолъ въ ней? Что—иконы, свѣчи? Паникадило?.. На что это все?.. И какъ все это понимать надоть?

— А чего намъ понимать? Этого совсѣмъ не требуется,—строго отвѣчалъ Игнатъ Иванычъ.—Ты войди въ церковь, встань и молись; и нечего тебѣ по сторонамъ оглядывать, что въ ней есть.

Плечи Игната Иваныча медленно опустились.

— Нѣтъ, это не то. Это все въ человѣкѣ быть должно,—убѣжденно проговорилъ Порфиша.

— Въ человѣкѣ? А какъ же ты, къ примѣру, поникадило-то въ брюхо вопрешь?—опять отозвался, не то шутя, не то серьезно, рыжій мужикъ съ шишками на лбу.

И всѣмъ понравилось его замѣчаніе.

— Духовно, духовно это надо понимать,—отвѣчалъ Порфиша.—Человѣкъ, это—церковь; внутреннее состояніе его—престолъ Божій. Да, нѣтъ; это тебѣ, Игнатъ Иванычъ, еще далеко. Ты на это еще—человѣкъ нехватающій,—снова перешелъ Порфиша на „ты".—Еще не все произошелъ. Тебя, я вижу, еще маленько подправить надоть. Ты на икону-то взирай, а мыслью на небо веди.

— Бѣгаютъ, бѣгаютъ по чужимъ вѣрамъ, а потомъ и начнутъ разбирать: зачѣмъ церковь, да какая она, да что въ ней?—ни къ кому не обращаясь, проговорилъ Игнатъ Иванычъ недовольнымъ тономъ.

Щеки Порфиши покрылись румянцемъ; онъ какъ-то сжался весь. Сразу потухъ загадочный огонекъ его глазъ.

— Ну, что-жъ, ну и ходилъ,—словно оправдываясь, проговорилъ онъ.—А все-жъ они—люди хорошіе... хо-о-рошіе люди,—добавилъ онъ мягко и съ убѣжденіемъ.—Хошь бы у

насъ побольше такихъ-то, какъ у нихъ. Живутъ твердо, между собой дружно; не пьянствуютъ, не сквернословятъ... Бога ищутъ...

Стали агнца просить,
Чтобы книгу имъ открыть...

словно забывъ про слушателей, проговорилъ Порфиша.

Стали книгу открывать,
Сатана сталъ громко стонать...

— Это еще что такое?

— А это святые отшельники сочинили,—отвѣчалъ Порфиша.—Ходятъ по лѣсу, думаютъ о Богѣ и складываютъ, припѣвая: „Рай, мой рай, мой свѣтлый рай". А вотъ и другая пѣсня:

Какъ избранная дѣвица
Безъ пороку въ рай вошла
И къ Создателю пришла,
Грѣха тяжкаго ушла,
И молитвой, и постомъ,
Цѣломудреннымъ трудомъ,
Съ высоты была высоко,
Отъ жива-Бога, пророка.
Сидѣлъ ангелъ возлѣ бока...
И ангелы, и архангелы, и вся сила небесная...
. . . .
. . . .
Рай, мой рай, мой свѣтлый рай...

— Ахъ, Порфиша, да и забѣсованная-жъ ты голова!—покрутилъ головой одинъ изъ слушателей.—Все знаешь.

— Наша злоба воспламенится жестче огня,—заговорилъ Порфиша, довольный поощреніемъ.—Будетъ наше тѣло, какъ хрусталь, и все въ немъ будетъ видно—какіе грѣхи. Вокругъ души обрастетъ тѣло, и будетъ его ѣсть червь. Изъ каждаго грѣха выйдетъ червь. Тѣ люди это знаютъ, помнютъ, а вы что? Помните? Вы только и знаете, что грѣшите, да по черному ругаетесь. А кто по черному ругается—съ нечистымъ бесѣдуетъ. Кто родителей бранитъ—тотъ змѣя ѣстъ. Вы всѣ—змѣеѣды.

— А что-жъ ты намъ про нихъ никогда не разскажешь, коли ужъ они такіе хорошіе, столовѣры твои. Какіе-такіе у нихъ таланты?

— У васъ, у каждаго, своихъ талантовъ много; своими и занимайтесь,—коротко отвѣтилъ Порфиша.

— Ты, Порфишка, какъ чортъ воду носилъ—человѣка кстить: ничего отъ тебя не добьешься.

— Червь гору точитъ, а гора все такая же.

— Вотъ тебѣ и весь сказъ. Опять за свое. Вотъ и пойми тебя. Заговорилъ о душѣ, а вмѣсто хлѣба подаешь камень.

— Вы сами за него хватаетесь. Гдѣ вамъ еще подавать.

— Ну, какая-же отъ твоихъ словъ можетъ польза состоять? Обнадежишь, будто какъ слѣдуетъ, а потомъ смотришь—опять нѣтъ ничего.

— Просящимъ вѣры молчаніе; молчаніе—имъ отвѣтъ.

— Вотъ и поговори съ нимъ; надѣйся на него.

— Надежда по надеждѣ дается.

— И вотъ завсегда онъ такъ,—возбужденно заговорили мужики между собою.—Все какъ будто складно ведетъ одно къ другому, и все тебѣ ясно и понятно—къ чему оно, а въ концѣ кинетъ еще что-нибудь такое, чудное совсѣмъ, али въ одну кучу все спутаетъ, и ни за что потомъ не скажетъ, зачѣмъ спуталъ. И найди у него концы.

— Дурака, что-ль, онъ изъ насъ строитъ!..

— Полоумный ты, аль ужъ дюже уменъ сталъ? Обозначь ты намъ себя!—подступали мужики къ Порфишѣ.—Какъ понять твои рѣчи? Какъ ихъ удумать? Крутишь, крутишь; вертишь, вертишь нами!.. Все село скрутилъ!..

— Волна волну погоняетъ, а въ другомъ мѣстѣ совсѣмъ ея нѣтъ,—какъ бы въ отвѣтъ имъ, медленно проговорилъ Порфиша.

Ему словно нравилось смущеніе слушателей, его словно забавляло—ставить ихъ въ тупикъ; и если онъ видѣлъ, что имъ удавалось нащупать слѣдъ его мысли, онъ спѣшилъ бросить имъ опять что-нибудь такое, въ чемъ бы ихъ мысль по прежнему путалась, въ безсиліи найти дорогу. И казалось, что въ самомъ смущеніи ихъ онъ черпалъ для себя какое-то особенное откровеніе, какъ-бы новое подтвержденіе непреложности найденныхъ имъ истинъ.

— Да ты, видно, самъ ничего не знаешь! Набрался гдѣ-то словъ и мечешь ими, какъ заяцъ петли!

— Я-то? Я-то ничего не знаю? Да я все скрозь знаю, все скрозь пойму!—вспыхнулъ Порфиша.—Да я не знаю—кто я такое есть? И какъ себя назвать? Я себѣ имени не опредѣлю?

Щеки Порфиши опять покрылись румянцемъ; глаза какъ-то особенно ярко загорѣлись своимъ загадочнымъ свѣтомъ. Высокій, мелодичный и металлически чистый голосъ его сталъ словно еще чище и тверже.

— Я такія слова собралъ,—заговорилъ онъ, выпрямляясь,—

такія слова, что и цѣны имъ нѣтъ. Дороже они всѣхъ богатствъ на свѣтѣ. Дороже жены и дѣтей. Дороже солнца и звѣздъ. Умный малогласенъ сдѣлается, если ихъ всѣ сказать... Да нѣтъ. Зачѣмъ?.. Жатву, видно, одному надо собирать.

— Знаемъ мы, знаемъ, гдѣ ты ихъ собралъ-то,—раздался опять грубый голосъ рыжаго мужика, съ шишками на лбу.— Это когда ты съ хлыстами вокругъ чана бѣгалъ, да ихняго Бога вызывалъ.

— Ха, ха, ха!—разсмѣялись остальные.—И то тамъ нахватался.

— Онъ, знаете ли, пошелъ на хлыстовское моленье,—подхватилъ молодой парень, съ большими голубыми глазами на выкатѣ, все время молчавшій и пріятно улыбавшійся всякій разъ, когда взоръ кого-либо изъ ораторовъ случайно падалъ на него.—Стали они вокругъ чана съ водой бѣгать: „Хлыщу, хлыщу—Христа Бога ищу“... Бѣгали, бѣгали, а Богъ ихній все не вылазитъ. Выпили они эту воду, чистой налили; хлысталн, хлыстали—а онъ все не вылазитъ. Они въ третій разъ смѣнили воду—и въ третій не показался ихній Богъ. Стали чанъ выливать; смотрятъ, а тамъ кусочекъ ладану ко дну присталъ. Это Порфишка ладонъ бросилъ, вѣру ихъ пыталъ: если, молъ, истинный Богъ,—такъ не побоится ладану, вылѣзитъ. Ха, ха, ха... Увидали они это, да въ шею его.

— Нѣтъ, это онъ набрался, какъ въ Игнашкино къ молоканамъ бѣгалъ,—раздался новый голосъ:—тамъ себѣ вѣру отыскалъ.—Мы, бывало, выйдемъ рожь убирать. Люди наработаются, обѣдать, да подъ телѣгу спать, а онъ, не жрамши, въ Игнашкино вдарится, всѣ двадцать верстъ взадъ-назадъ пѣшій отмахаетъ: словечко, вишь, ему тамъ услыхать вдругъ захочется. Мы только изъ-подъ телѣгъ на работу, а онъ, глядь, ужъ летитъ назадъ: собралъ словечки.

— Не даромъ, тогда его баба колдуна приводила—его отчитывать. Дюже много, знать, набралъ: „Съ бабой, вишь, не хочу жить. Женимый, говоритъ, разженися, а съ женой живи, какъ съ сестрой“.

— И сколько тогда народу подъ ихъ окнами собралось, какъ она, это, колдуна-то привела. И-и-и! Силомъ вѣдь. Онъ и слышать не хотѣлъ. Спасибо, знахарь велѣлъ ей все напередъ изъ избы вынесть, а не то, говоритъ, убьетъ онъ насъ, чѣмъ ни попадя, потому — много въ немъ этой силы бѣсовской собралось. А Порфишка забился въ самый темный уголъ, на печь; сидитъ, въ рукѣ рубель да скалку держитъ: вцился—не могли ихъ и вырвать у него. А какъ зачалъ его знахарь отчитывать, онъ какъ махнетъ съ печи, да рубелемъ въ знахаря, скалкой по окну да по народу, да на вербу такъ

и взвился, что возлѣ его избы росла. Сидитъ, какъ осиновый листъ, весь дрожитъ, ажно вся верба подъ имъ качается...

— Да, да...

— Вѣрно, вѣрно.

— Народъ кричитъ... Обступили со всѣхъ сторонъ... А онъ какъ ахнетъ съ вербы. Народъ за нимъ. Да гдѣ его было догнать.

— Нешто догонишь.

— Бѣжитъ, бѣжитъ; упадетъ; станутъ къ нему подбѣгать, а онъ вскочитъ, и опять бѣжать... Мѣсяца съ три пропадалъ, а потомъ домой пришелъ тихой, пре-ти-хой...

— Вѣрно, вѣрно. А потомъ, какъ оправился, опять было пошелъ по нашимъ попамъ—спрашивать, свѣряться съ ними...

— Да они его опять прогнали: „Что съ тобой, говорятъ, съ дуракомъ неграмотнымъ, о чемъ толковать? Ходи въ церковь, молись".

— Вотъ онъ съ тѣхъ поръ и ходитъ опять; ни одного праздника не пропуститъ.

Мужикамъ словно доставляло особенное удовольствіе копаться въ душѣ Порфиши, во всемъ его прошломъ, зная, что онъ тутъ же, рядомъ съ ними, слышитъ каждое ихъ слово о себѣ... Они спѣшили отыскать въ этомъ прошломъ все, что должно было унизить Порфишу въ ихъ глазахъ, заставить страдать, и какъ можно больнѣе... Они словно хотѣли отомстить ему этимъ за всѣ мучительные часы недоумѣнія, доставленные имъ Порфишей, за тотъ тяжелый вопросъ, какимъ онъ самъ стоялъ всегда предъ ихъ безсильной мыслью понять его...

Но Порфиша словно не слышалъ того, что говорилось про него. Онъ сидѣлъ, отвернувшись, съ полузакрытыми глазами, какъ будто смотря ими въ какую-то таинственную даль, вглубь вѣковъ, что-то видя тамъ и оттуда питая свою мысль.

Не получая больше отъ него отпора, мужики разговорились. Долго сдерживаемая авторитетомъ Порфиши, мысль просилась наружу.

— Да, всякія вѣры на землѣ есть. Ихъ всѣхъ семьдесятъ семь вѣръ, и къ каждой ангелъ приставленъ, а къ нашей—Михаилъ Архангелъ,—авторитетно проговорилъ Игнатъ Иванычъ.

— Ну, какъ же? Такъ тебѣ и къ нѣмцамъ, и къ жидамъ, и къ ихнимъ вѣрамъ по ангелу приставлено? Какія-такія у нихъ вѣры!

— Кто Божьи дѣла будетъ разбирать, тотъ анафема проклятъ!—проговорилъ Игнатъ Иванычъ.

— Вѣрно, — съ удареніемъ въ голосѣ, поддержалъ его другой мужикъ.—А теперь всѣ пошли эти дѣла разбирать.

Прошлый, вонъ, годъ саранчу къ намъ пріѣзжали бить; канавы рыли, жгли ее, а того напередъ не подумали, откуда же она взялась? А я такъ располагаю: это все Божье попущенье одно, и не иначе, какъ за грѣхи намъ въ наказаніе послано. Потому, ежели бы не попущеніе—она тутъ бы вокругъ насъ и водилась; какъ муха, къ примѣру — та завсегда съ нами. А то вѣдь: туча тучею прилетѣла.

— Правда—облако темное.

— А коли отъ Бога она, какъ же намъ ее жечь, топтать? Нешто супротивъ Бога можно? Отъ нея только молитвой и можно спасаться; молебны служить...

— Вѣрно. Помнишь, какъ жучекъ напалъ — рожь сталъ пить. Какъ молебенъ отслужили, такъ его и сварило, какъ варомъ. Весь тутъ же дохлый остался.

— Тѣ, что саранчу-то били, баяли, будто ему время пришло издыхать. Онъ, вишь, всѣ свои яички сложилъ. Ну, да нешто можно?

— Остроумы все пошли. Все учатъ; до самого Бога добираются.

— Что ужа учить, коли онъ самъ себѣ можетъ пищу промыслить?—проговорилъ рыжій мужикъ, съ шишками.

— Живущее на землѣ не нами сотворено, не нами и исхитится...

. . . .

. . . .

Въ открытыя настежъ двери чайной шумно вбѣжала кучка дѣтей, внося съ собою приволье улицы, солнце, вѣтеръ степей. Глаза ихъ горѣли какимъ-то дикимъ огнемъ, въ которомъ было то удивленіе, то страхъ, то безграничное нахальство, и все это жило и переливало, поминутно смѣняясь одно другимъ.

Съ этимъ взглядомъ они лазали по деревьямъ, раззоряя гнѣзда „чибисятъ“, именемъ которыхъ называлось все пернатое, незнакомое имъ, а также грачей и воробьевъ. Имъ они разсматривали пушистыхъ птенцовъ, добытыхъ изъ гнѣздъ, мучая ихъ, вывертывая имъ крылышки, или, привязавъ на длинную бичевку за ножку, съ побѣдоносными кликами носясь съ ними по улицѣ и волоча ихъ по землѣ, пока не замучивали на смерть.

Съ этимъ взглядомъ они перелѣзали черезъ церковную ограду за только что успѣвшими завязаться яблоками и бросались, въ дикомъ испугѣ, прочь отъ сторожа, когда тотъ, завидѣвъ ихъ, кричалъ неизвѣстно кому: „Лови, лови! Держи!“

Съ этимъ же взглядомъ они забирались на чужіе огороды, опустошая на нихъ все достойное ихъ вниманія и безъ оглядки унося оттуда, когда грозила опасность, подъ ро-

дительскій кровъ, подъ защиту матерей, въ твердой увѣренности, что они никому не будутъ выданы, что бы ни сдѣлали и какъ бы ни набѣдокурили.

Мальчишки вбѣжали и, какъ вкопанные, остановились посреди чайной, словно никакъ не ожидали увидѣть здѣсь стѣны, большихъ людей, старичка, приказчика за буфетомъ. Словно имъ странно было, что тутъ не росли деревья, и на нихъ не было грачиныхъ гнѣздъ, а стояли столы, висѣли картины...

Пившіе чай молча смотрѣли на застывшую посреди комнаты группу...

Взлохмаченныя головы, посконныя рубашенки, особенно загрязненныя на большихъ животахъ, подпоясанныхъ внизу поясками, отчего животы казались еще больше, и меньше— тоненькія, черныя и потрескавшіяся босыя ножки, выглядывавшія изъ-подъ короткихъ рубахъ, выше колѣнъ.

— Вамъ что, ребятишки?—ласково спросилъ ихъ старичекъ-буфетчикъ.

Дѣти не шевелились, смотря на него большими испуганными глазами.

— Ну, постойте; вотъ, я вамъ сейчасъ музыку заведу,— проговорилъ онъ и только было нагнулся подъ прилавокъ достать симфоніонъ, какъ ребятишки, словно подхваченные вихремъ, вылетѣли изъ чайной.

Мужики громко разсмѣялись. Всѣмъ имъ былъ понятенъ испугъ; понятно недовѣріе ихъ дѣтей.

— Рвачевцы!—проговорилъ одинъ съ какой-то особенной, понятной всѣмъ ноткой въ голосѣ.—Дикіе... Не вотъ-то въ руки дадутся... Ха, ха, ха...

И, довольные, мужики опять принялись за чаепитіе.

— Ну, ты что-жъ замолчалъ? — обратился голубоглазый парень къ Порфишѣ.—Открой намъ еще что-нибудь.

Порфиша молчалъ.

— Да ну, закинь еще что-нибудь,—пристали къ нему и другіе.

Порфиша повернулъ къ нимъ лицо. Душевное страданіе было разлито во всѣхъ его чертахъ.

— О чемъ я буду съ вами говорить? Что я вамъ скажу? Развѣ вы соблюдете мои слова? Ну, я вамъ скажу, а вы ихъ по вѣтру развѣете, и будутъ они потомъ трепаться гдѣ-нибудь въ кабакѣ, или въ трактирѣ. А нешто я ихъ для этого собиралъ? Мнѣ они дорого достались. Каждое словечко за дорогую цѣну пришлось.

И Порфиша опять отвернулся въ сторону.

Въ чайную вошелъ новый посѣтитель, молодой крестьянинъ, лѣтъ двадцати трехъ, съ загорѣлымъ, веснущатымъ

лицомъ, покрытымъ бѣловатымъ пухомъ рѣдкихъ волосъ надъ губой и по щекамъ, съ упрямо вздернутымъ носомъ и крутымъ, низкимъ лбомъ, подъ которымъ безпокойно бѣгали въ разныя стороны и сильно косили глубоко запавшіе, словно подернутые какою-то дымкой, глаза. Въ русыхъ, запыленныхъ, торчавшихъ въ разныя стороны и коротко остриженныхъ вихрахъ его мѣстами виднѣлась мякина. Она покрывала и грязную пестрядинную рубаху его, и пестрядинные штаны, съ дырами на колѣняхъ. Босыя, грязныя ноги его переступали какъ-то неестественно, словно были спутаны, а лѣвая рука отходила отъ туловища и, точно переломленная, торчала въ бокъ. При первомъ взглядѣ, онъ напоминалъ своимъ лицомъ и всею нескладною фигурою „дурачка", и, въ то же время, что-то рѣшительное и увѣренное было во всѣхъ его движеніяхъ.

— А, Митя!—съ какимъ-то особеннымъ оживленіемъ привѣтствовали его мужики изъ библіотечной.—Иди-ка сюда! Иди къ намъ! Вотъ тутъ насъ Порфишка съ коихъ поръ все крутитъ! Замучилъ совсѣмъ!..

Митя, молча, подошелъ и, кивнувъ всѣмъ коротко головой, сѣлъ къ столу, скользнувъ косымъ взглядомъ по Порфишѣ.

— И гдѣ ты это пропадалъ? Что тебя давно не видать?

— Побирался,—спокойно проговорилъ Митя.—А прежде миссіонерствовалъ по старообрядцамъ, пока не пришелъ вотъ въ такой убогій видъ,—показалъ онъ словно съ какой-то даже гордостью на свое рубище.—Толкъ противъ толка споръ велъ, а мнѣ тамъ на обѣихъ сторонахъ работа была. Два дня только, какъ вернулся; все въ ригѣ отлеживался.

Митя стряхнулъ съ груди мякину и потянулся за газетой. Приблизивъ ее къ самому носу, онъ сталъ быстро пробѣгать глазами строчку за строчкой.

— Рабочую-то пору, видно, поживешь у брата, пособишь ему?

— Обязательно. Все зимой—когда приду больной, или такъ измаюсь, все пристанище есть, коли лѣтомъ помогу. Поживу. Похожу пока вокругъ; далеко не буду забираться,—отвѣчалъ Митя, не отрываясь отъ газеты.—А осенью опять уйду на Кавказъ.

Мужики съ какимъ-то особеннымъ интересомъ смотрѣли на Митю. Этого Митю они знали запаршивленнымъ мальчишкой, вѣчно грязнымъ, холоднымъ и голоднымъ. Они видали его сидѣвшимъ въ пыли, на улицѣ, или на кучѣ навоза, съ кускомъ чернаго хлѣба въ рукахъ. Они видѣли, какъ на „неправаго" ребенка-сироту" сыпались побои невѣстки, ругань старшаго, женатаго брата, и вмѣстѣ съ другими говорили:

„Дурачекъ растетъ. Подпалитъ, аль еще какихъ бѣдъ понадѣлаетъ. Помиралъ бы ужъ“.—Они видѣли, какъ его толкали мордами свиньи, бодали коровы, обижали люди, и равнодушно смотрѣли на „неправаго“ ребенка, давая окружавшей жизни полный просторъ творить надъ нимъ, что ей было угодно, или сами, будучи ребятами, также обижали Митю, наслаждаясь его отчаянными криками и слезами.

Все это выпихнуло Митю изъ села. Онъ ушелъ отъ нихъ съ сумой, сшитой изъ стараго мѣшка, съ палочкой въ рукахъ.

— А ну-ка, Митя, прочти намъ по-латыни,—сказалъ одинъ изъ мужиковъ.

Митя поднялъ голову и отложилъ газету. Глаза его полузакрылись, на лбу легла глубокая складка, лицо приняло холодное, безстрастное выраженіе.

— „Инъ принципіо эратъ вербумъ, этъ вербумъ эратъ апутъ Деумъ, этъ Деусъ эратъ вербумъ“...—послышались слова первой главы евангелія отъ Іоанна.

Слова произносились медленно, какимъ-то суровымъ тономъ, отъ котораго вѣяло холодомъ, жесткостью, отсутствіемъ жизни.

Мужики молча смотрѣли на Митю, равнодушно слушая незнакомыя слова и интересуясь лишь тѣмъ, какъ это могъ Митя такъ говорить передъ ними.

— А, ну-ка, теперь по-гречески, — попросилъ опять тотъ же мужикъ, какъ только Митя замолчалъ.

Лицо Мити опять перемѣнилось, словно просвѣтлѣло все. Отпечатокъ какой-то строгости и глубокаго торжественнаго покоя разлился по немъ.

— „Энъ архѝ инъ о лёгосъ, ке о легосъ инъ просъ тонъ Ѳеонъ, ке Ѳеосъ инъ о легосъ“...—медленно произносилъ Митя слова той же главы евангелія отъ Іоанна; произносилъ ихъ неправильно, сильно коверкая, очевидно, не понимая смысла, и, тѣмъ не менѣе, его тонъ и губы, безстрастно шевелившіяся, произнося ихъ, и все лицо Мити—слилось во что-то одно, большое, торжественное и величавое, что захватило собой и мужиковъ, мелькнуло въ ихъ глазахъ, укоротило дыханіе, глубокимъ молчаніемъ легло на нихъ и послѣ того, какъ Митя кончилъ чтеніе главы.

— А ты въ какой вѣрѣ живешь?—послышался голосъ Порфиши.

Торжественный тонъ голоса Мити и всей его манеры при чтеніи, очевидно, подѣйствовалъ также и на Порфишу; опять зашевелилъ въ немъ что-то, зажегъ загадочный огонекъ его глазъ.

Торжественная окаменѣлость сразу исчезла съ лица Мити.

Раскосые глаза плутовато забѣгали по сторонамъ, въ то время, какъ все лицо приняло выраженіе „дурачка".

— А ты—въ какой?—переспросилъ Митя. Ему почудился подвохъ въ вопросѣ Порфиши.

— Я—ни въ какой,—отвѣчалъ Порфиша.

Мистическая приподнятость его сразу исчезла. Отъ него не ускользнула перемѣна, происшедшая въ Митѣ, и онъ опять замкнулся. Горькая гримаска пробѣжала по его тонкимъ чертамъ.

— Ну, и я ни въ какой,—отвѣчалъ Митя, въ боевой готовности принять вызовъ.

Лицо Порфиши разгорѣлось. Щеки покрылись густымъ румянцемъ. Вызовъ ударилъ его въ самое сердце, поднялъ было улегшіеся вопросы, отуманилъ голову, заставилъ забыть все на свѣтѣ, кромѣ этихъ вопросовъ и новаго страстнаго желанія пережить ихъ, пережить торжество найденныхъ имъ истинъ.

Лица мужиковъ просіяли. Они почувствовали предстоявшую борьбу и тѣснѣе придвинулись къ противникамъ.

— Такъ и ты—ни въ какой?—снова повторилъ Порфиша.— А ну-ка, скажи-ка мнѣ: когда антихристъ народился?

— Когда Іисусъ Христосъ на землю пришелъ.

— Ха, ха, ха,—засмѣялся Порфиша.—Ну, твой антихристъ младъ еще, мой постарше будетъ.

И Порфиша сдѣлалъ удареніе на послѣднихъ словахъ, словно хотѣлъ этимъ показать, что если его антихристъ старше, то и всѣ его богословскія познанія должны быть куда цѣннѣе и авторитетнѣе Митиныхъ.

— Ты, должно, еще не знаешь, сказано: „Антихристова мать на камнѣ и морѣ сидитъ; всѣ цари земные по ней плачутъ и рыдаютъ, а имя ей блудница". Это что такое?

— Ну, это-то, положимъ, не хитро,—отвѣчалъ Митя.— Антихристова мать—злоба. Ну, а ты мнѣ скажи, коли такъ: что такое самъ антихристъ?

Глаза Мити полузакрылись, придавая лицу его совсѣмъ наивное, глуповатое и, въ то-же время, какое-то выжидательное выраженіе.

— Антихристъ—тоже злоба,—отвѣчалъ Порфиша.

— А еще говоришь: твой антихристъ старше,—громко произнесъ Митя, открывая глаза.—Антихристова мать—злоба, и антихристъ—злоба. Кто же изъ нихъ кого старѣй?

Порфиша не нашелся, что отвѣтить.

— Ну, а по твоему, кто-жъ антихристъ?—перешелъ онъ въ наступленіе.

— Антихристъ — невѣріе ученію Христа, — отвѣчалъ Митя.

— Не-вѣ-ріе!—протянулъ Порфиша.—Царствуетъ онъ теперь, али еще нѣтъ?

— Царствуетъ.

— Давно?

— Съ самаго пришествія Христа,—былъ отвѣтъ Мити.

— Царствуетъ!—словно обрадовавшись чему-то, оживился Порфиша.—А какже сказано: „Антихристъ придетъ, а Илья и Енохъ съ неба сойдутъ и обличатъ его, и у нихъ еще драка съ нимъ произойдетъ, и трупъ Еноха будетъ три дня въ пыли валяться“?

— Это, по моему, только понятіе одно. Это должно означать: мужи, ревнующіе о Богѣ; а Ильи и Еноха никогда и не было на небѣ.

— Ильи и Еноха-то нѣтъ на небѣ!—воскликнулъ Порфиша.—Врешь, они туда взяты.

— Такъ, стало быть, Христосъ неправду сказалъ, когда рекъ: „Никто не взошелъ на небо, токмо Господь!“—спокойно отчеканилъ Митя.

Порфиша опять не нашелся, что на это отвѣтить.

— Богъ все святымъ сотворилъ?—задалъ новый вопросъ Митя.

— Святымъ.

— А откуда же, коли такъ, зло пошло?

— Отъ Бога.

— Отъ Бога. Ахъ, какъ же это вы такъ говорите? Почему же это такъ? Какъ вы древо познанія добра и зла понимаете?—заговорилъ Митя, переходя на „вы“, словно забывая, что передъ нимъ былъ его односельчанинъ Порфиша, а не его обычные собесѣдники, всевозможные сектанты, съ которыми ему приходилось вести диспуты по найму, и не богатые купцы, зазывавшіе его, чтобы послушать его толкованій отъ Писанія, и платившіе ему за это хорошія деньги, которыя, однако, не долго потомъ залеживались въ карманѣ Мити.

— Адамъ былъ въ раю, и рай былъ въ Адамѣ, а когда Адамъ согрѣшилъ, рай сдѣлался для него тьмою,—отвѣчалъ Порфиша.

— Та-а-къ. А если Адамъ былъ раемъ, какъ могъ Богъ его изъ самого себя изгнать?

Софистическій вопросъ Мити снова привелъ Порфишу въ недоумѣніе. Онъ долго не находилъ ему разрѣшенія. Потомъ медленно отвѣчалъ:—Какъ же ему было не бѣжать изъ рая, коли всѣ звѣри на него косоурить стали, а вѣдь онъ самъ имъ всѣмъ имена давалъ?—обошелъ Порфиша вопросъ и, довольный этимъ, въ свою очередь задалъ Митѣ:

— Кто можетъ царство небесное отворить?

— Я думаю—наука,—медленно откидываясь къ стѣнѣ, отвѣчалъ Митя.

— Наука! Вотъ такъ сказалъ. А про покаяніе-то ты, парень, и забылъ? Ну, а я попу покаюсь, онъ за меня Богу и отвѣтитъ.

— А если я чистосердечно передъ тобой покаюсь, неужели меня Богъ не проститъ?—не отвѣчая на возраженіе Порфиши, переспросилъ его Митя.

— Я передъ людьми не буду каяться; люди словами вѣютъ, а въ священникѣ Богъ есть.

— Ну, а я думаю—вездѣ Онъ, въ каждомъ человѣкѣ есть,—по прежнему медленно отвѣчалъ Митя.

— Нѣ-ѣ-тъ. Богъ-то у насъ есть, а только въ насъ-то его нѣту. Это ты неправильно сказалъ. А почему Его въ насъ нѣту?—заговорилъ Порфиша, увлекаясь все болѣе и болѣе и незамѣтно отдаваясь теченію своихъ любимыхъ мыслей.—Что въ человѣкѣ, окромя тѣла и души, есть? Что въ немъ работаетъ?.. Въ человѣкѣ рожденіе хлопочетъ; посѣвъ въ немъ работаетъ. Отъ рожденія и грѣхъ принимается. Коли человѣкъ не во время посѣянъ, нѣтъ у него въ сердцѣ такихъ кровей. Отъ змѣиной крови и Каинъ зародился. И Іуда первѣющій ученикъ былъ, а почему Христа продалъ? Потому, что онъ еще во чревѣ матери закричалъ: „Горе, горе вамъ со мной; я на матери женюся, отца убью"... Отчего же это его природа не взяла? А ты говоришь: наука царство небесное откроетъ. А скажи ты мнѣ еще вотъ что: что старше—природа, рожденіе, или твоя наука?

— Природа,—отвѣчалъ Митя.

— Опять, парень, не туда попалъ. Эхъ ты! Это все наружность одна, твои слова. Я ужъ тебѣ говорилъ сейчасъ, да ты, я вижу, не совсѣмъ понялъ мои рѣчи: рожденіе старше, потому что человѣкъ, чтобы жить, долженъ первѣй всего духовно родиться. Изъ за чего въ насъ Духъ не входитъ долго? А?.. А если я не рожусь, я никуда не гожусь.

— Да въ чемъ же твоя тутъ вина есть?—отвѣчалъ, задѣтый за живое, Митя.

— Въ чемъ? Во всемъ: въ тѣлѣ, въ душѣ, во всѣхъ членахъ. Плоть свою убивать надо. Намъ и ѣды-то всего двѣ отъ Бога положено: пища и питье, а дай ты ей третью ѣду, она и забуксуетъ. Отъ нея весь грѣхъ.

— Плоть никогда не согрѣшаетъ,—спокойно возразилъ ему Митя.

— Не согрѣшаетъ!—чуть не съ ужасомъ воскликнулъ Порфиша.—А откуда же грѣхъ-то берется? Нѣтъ, ты попробуй, накорми ее хорошенько, она тебѣ того наворочаетъ.

Она—окаянная! Мошенница! Она—антихристъ! Ее губить надо-ть!—съ волненіемъ говорилъ Порфиша.

— Такъ, если я, значитъ, свою руку отрублю—у меня однимъ грѣхомъ меньше будетъ?—опять не отвѣчая на возраженіе Порфиши, проговорилъ Митя.—А если ногу—еще меньше? А голову отрубить—и совсѣмъ грѣха не будетъ? На что же, послѣ этого, человѣкъ сотворенъ?

— Для жизни. Ты ее ломай, дѣлай борьбу. Сбивай ей рога... Въ человѣкѣ четыре конца: о судѣ, о смерти, о раѣ и объ адѣ. Я—что?.. Я—червякъ, я—телецъ, я—орелъ, я—и ангелъ.

— Что такъ много? И телецъ, и червякъ, и быкъ... Ты всѣхъ звѣрей собралъ и ангела приплелъ. Ну, какъ знаешь, а я—не звѣрь; я—человѣкъ.

— А почему человѣкъ умираетъ, а скотина издыхаетъ?—попробовало вмѣшаться въ диспутъ новое лицо.

Но ни Порфиша, ни Митя не удостоили этотъ вопросъ отвѣтомъ.

— Я никогда одинъ не хожу, а всегда съ дюжиною,—въ размышленіи проговорилъ Порфиша.

— Съ дюжиною?—подхватилъ Митя.—Кого? Бѣсовъ, или ангеловъ, или грѣховъ, можетъ быть? Если грѣховъ—что такъ мало? А если бѣсовъ—какъ ты сосчиталъ, что ихъ дюжина? Нѣтъ, милый,—у меня такой компаніи нѣтъ, и я такъ разсчитываю: виновенъ бываетъ во всемъ только разумъ человѣческій. Въ голодномъ-то тѣлѣ мое сердце, къ примѣру, хуже злоба качаетъ. А разумъ—онъ можетъ постигнуть, можетъ и не постигнуть.

— Да какъ онъ постигнетъ? Гдѣ ему постигнуть? У кого спросить? Кто скажетъ? Пророки всѣ побиты, апостолы всѣ замучены!

— Пророковъ-то теперь, можетъ, еще больше, чѣмъ прежде было, да не всякій ихъ разумѣетъ!—былъ отвѣтъ Мити.

— Ахъ, гдѣ наши дни златые!—тоскливо проговорилъ Порфиша.

— Ты все о прошломъ, я вижу, тоскуешь.

— Да какъ же не тосковать-то?—страстно отвѣчалъ Порфиша.—Бога не стало. Мы Бога потеряли. Какъ намъ теперь Его найти?

— Это ты, можетъ, Его потерялъ, а я не терялъ. Я только одного хочу, чтобы Онъ просвѣтилъ мой разумъ.

— Да, у тебя, я вижу, есть въ головѣ,—отвѣчалъ ему Порфиша,—только ты больше по внѣшности гонишь, а ты по внутренности гони. А вотъ я тебѣ все могу сказать. О жизни я не стану говорить—что жизнь? Въ молитвахъ, къ

примѣру, въ „Херувимской“, „Отче“, „Твоя отъ Твоихъ“; про всю обѣдню тебѣ скажу, что какая буква означаетъ, и къ чему она, и почему здѣсь, а не тамъ. Ну вотъ, разложи ты мнѣ „Херувимскую“ на восемь частей, и чтобъ каждая часть въ человѣкѣ была... Не можешь?.. Ну, „Отче“ на шесть частей.

— Да на что это нужно, и почему на шесть, а не на семь, или не на пять?

— А такъ, что всѣ эти слова надо человѣку соблюсти; надо ихъ понять.

— А я думаю, каждое слово Божіе должно быть въ человѣкѣ, а не „Херувимская“ по частямъ.

— Это ты опять не то. Я вижу, ты еще не все перепробовалъ. Нѣтъ, ты лучше меня послушай, да подбирай, смотри. Таскай; спѣши. Ну, что такое есть—азъ? Что—буки? Что—вѣди?

— Азъ есть буква,—отвѣчалъ Митя,—и буки тоже буква.

— Да какая это буква? И что въ ней заключается? И на что она состоитъ?

— Да на то, чтобъ изъ нея слова выходили.

— Ха, ха, ха. Опять не туда попалъ! Азъ есть—Господь, буки—будетъ, вѣди—всегда, глаголъ—глаголать, добро—добро,—и т. д. А больше онѣ, буквы эти, ни къ чему.

— Вотъ какъ?—разсмѣялся Митя.—А не хочешь ли,—я тебѣ всю обѣдню на картахъ разложу? Ну, слушай: тузъ—Господь; двойка—два Естества, тройка—Троица, четверка—четыре евангелиста, пятерка...

— Замолчи, замолчи!—прервалъ его Порфиша, съ ужасомъ.—Нешто такъ можно говорить? Ты нечистымъ сердцемъ.

— Да это я такъ, къ примѣру,—отвѣчалъ Митя.—Буквою-то весь міръ можно учить, да что въ ней? Изъ буквы что хочешь, можно сдѣлать, а вы говорите: азъ—Господь, буки—будетъ. Слыхалъ я это. Буквою живете, а она мертвитъ. Мертвые всѣ!—воскликнулъ онъ.—Я весь міръ проникъ; всѣ стежки изошелъ! Евангеліе разорвали по частямъ, по листику разнесли! Весь міръ буквою живетъ!—съ волненіемъ говорилъ Митя.—Вы, я вижу, только водой крестите, а воды и въ рѣчкѣ хватитъ, а мнѣ духъ нуженъ. Мнѣ живого духа дайте!

Въ окнѣ мелькнула черная фигура, въ рясѣ, и остановилась у открытыхъ дверей чайной, дѣлая рукою какіе-то знаки буфетчику. Выцвѣтшій подрясникъ отливалъ рыжеватыми пятнами, обрисовывая на худой спинѣ большія выпуклыя лопатки, и былъ какъ-то особенно грязенъ на бокахъ, около длинныхъ захватанныхъ кармановъ. Худое лицо носителя рясы, съ тонкимъ, немного крючковатымъ носомъ и рѣдень-

кой бородкой, словно ныряло по чайной въ разныя стороны, въ то время, какъ маленькіе, бойкіе глазки зорко слѣдили за всѣми движеніями буфетчика, стараясь привлечь на себя его вниманіе.

— Вамъ что угодно, батюшка? — увидѣвъ его знаки, вышелъ къ нему изъ-за стойки старикъ.

— Я за газеткой. Здравствуйте. Слышалъ: опять мы пятнадцать тысячъ японцевъ перекрошили, такъ нѣтъ ли подтвержденія?

— Да вы войдите, батюшка, войдите. Газеты всѣ здѣсь, на столѣ.

— Ахъ, нѣтъ, вы мнѣ ихъ вынесите сюда. Знаете ли — мой санъ... Не приличествуетъ мнѣ быть въ такомъ обществѣ... Не подобаетъ.

— Сейчасъ ихъ, батюшка, читаютъ. Только что почта пришла. Народу много. Неудобно. Да вы бы уже себѣ выписали, что-ли, какую?

— Я съ Новаго года непремѣнно, непремѣнно выпишу; подпишусь на „Свѣтъ“ .. Хотя я, впрочемъ, могъ бы и не выписывать, такъ какъ имѣю полное право пользоваться газетой отсюда.

— Да крестьяне, батюшка, попрекаютъ, говорятъ: „газета наша“. А вы берете, а часто и не возвращаете.

— Это, знаете, когда развѣ дѣти порвутъ, по нечаянности. А мужикамъ-то она еще и не больно нужна. Что они въ ней понимаютъ? Пусть бы, вонъ, лучше читали свои духовные журналы да книжки, да почаще бы въ церковь ходили. Это бы имъ куда было полезнѣе. Ну, да сегодня-то я бы къ вамъ и не зашелъ, если бы не извѣстіе это провѣрить. Мнѣ вѣдь еще на другой конецъ села сейчасъ надо ѣхать... Охъ, да и разбойникъ же, я вамъ скажу, здѣшній народъ! Вотъ разбойникъ-то! Представьте — сегодня цѣлый день трепался, трепался по селу: капусту кислую сбиралъ, и всего маленькую кадочку набралъ, да картофеля одинъ куль; а надо еще два куля да кадку... Ну, да меня не проведешь! Безъ того и домой не вернусь. У меня не вывернутся! Прощайте... А газетку вы мнѣ всетаки пришлите потомъ.

И батюшка быстро зашагалъ къ своему большому, новому, еще не вполнѣ достроенному дому, стоявшему черезъ дорогу. Въ суетливой походкѣ его было что-то безпокойное. Казалось, все двигалось въ немъ, вмѣстѣ съ ногами: лопатки, бока подъ засаленнымъ подрясникомъ, рука, которою онъ размахивалъ въ это время, словно правя рулемъ и прямо держа свой путь.

— Ну, спасибо, не вошелъ, не увидѣлъ меня,—обращаясь

къ мужикамъ, проговорилъ Митя.—Онъ вѣдь мнѣ строго-настрого запретилъ сюда ходить. „Ты, говоритъ, народъ смущаешь. Чтобъ твоей ноги тамъ не было". Изъ церкви разъ выгналъ.

— Ну?.. За что?

— Да пріѣхалъ миссіонеръ съ нашими старообрядцами бесѣдовать, и я пошелъ послушать. А батюшка, видно, побоялся, что я съ миссіонеромъ спорить буду. „Пошелъ, говоритъ, вонъ отсюда! Ты сюда брехать пришелъ. Ты за корку хлѣба Христа продаешь. Вонъ, говоритъ, брехунъ!" А зачѣмъ же вы, говорю, батюшка, другихъ-то собакъ въ церковь пускаете, да еще и колоколами сзываете?—„Ну, пошелъ, пошелъ, говоритъ,—не разговаривай".

— А миссіонеръ-то что-жъ?

— Съ нимъ заодно!.. „И я полагаю, говоритъ,—недостойную овцу не подобаетъ оставлять въ стадѣ Христовомъ". Да онъ меня знаетъ давно: не разъ мнѣ его ожигать случалось... Такъ и выгнали. Хотѣлъ было я тутъ сказать батюшкѣ: за корку-то еще, пожалуй, небольшой грѣхъ продать, коли ея нѣтъ, а вотъ если у кого амбары ломятся... Да смолчалъ, побоялся.

— Пусть, пусть строитъ побольше,—кивнули головой мужики на домъ батюшки, съ какимъ то особеннымъ блескомъ въ глазахъ.—Еще году нѣтъ, какъ къ намъ попалъ, а ужъ у просвирни полмѣста заглотать успѣлъ: амбаръ, вишь, ему негдѣ ставить... Все тѣсно. Онъ и изъ Спасскаго-то къ намъ перевелся потому, что тамъ его три раза жгли.

— Ну, пусть, пусть строится!—поддакнули и другіе.

— А что такое — живой духъ? — возвращаясь опять къ темѣ диспута, спросилъ кто-то изъ мужиковъ Митю.

— Духъ?.. Это совѣсть,—съ минуту подумавши, отвѣчалъ Митя.

— А что такое совѣстъ?—переспросили мужики.

— Совѣсть? Совѣсть? — нервно заговорилъ Митя. — Это... ну, вотъ если бы мнѣ, къ примѣру, въ такомъ рубищѣ, да войти въ первый классъ, гдѣ генералы сидятъ... Да лучше мнѣ въ огонь вѣчный, чѣмъ туда войти!.. Нѣтъ, не то... не то... Я такой же человѣкъ, какъ и они. Постойте, постойте; сейчасъ, сейчасъ скажу вамъ, сейчасъ отвѣчу на это...—съ какой-то дрожью въ голосѣ говорилъ Митя.

Онъ словно загорѣлся весь, всецѣло отдаваясь процессу мысли. Бѣгавшіе передъ тѣмъ по сторонамъ раскосые глаза ушли куда-то въ глубь, подъ опущеннныя вѣки, взоръ остановился, все некрасивое лицо преобразилось... Мысль для Мити была все. Онъ инстиктивно чуялъ въ себѣ ея силу, и, когда она осѣняла его, весь отдавался ей, краснѣлъ, волновался и ста-

новился въ то же время какъ-то дѣтски наивенъ, добръ и простъ.

— Сейчасъ, сейчасъ вамъ скажу,—говорилъ онъ умоляющимъ голосомъ.—Сейчасъ, погодите минуточку,—словно боясь, что спугнутъ витавшую надъ нимъ мысль.—Совѣсть, это— вѣтеръ огненный, попаляющій всѣ вещественныя богатства!.. Да нѣтъ, опять не то; это все слова одни!.. Эхъ, если-бъ мнѣ опять встрѣтить такого человѣка, который бы мнѣ теперь хоть зерно бросилъ, а не то чтобы горсть, и то бы для меня величайшимъ источникомъ было! — страстно воскликнулъ Митя...—Попался мнѣ одинъ такой-то. По его смыслу—текучій золотомъ источникъ изъ устъ его. Былъ я грубый человѣкъ, а онъ, можетъ, одну милліонную каплю въ меня влилъ, и то мнѣ великую пользу составилъ... Ни одно слово его не согласно съ міромъ. Онъ открылъ мнѣ все священное писаніе, какъ его духовно понимать надо. Вѣра во мнѣ горѣла, да, такъ какъ я не рожденный свыше, не могъ я всего вмѣстить... „Отецъ—есть разумъ, говорилъ онъ: Сынъ—воля, Духъ Святой — любовь". Не такъ, какъ миссіонеры учатъ... О нерукотворенномъ поклоненіи передъ иконами говорилъ: въ духѣ-истинѣ надо имъ кланяться... Многое говорилъ... „Мы, говоритъ, даромъ получили, даромъ и отдавать должны"...

Мужики впивались въ лицо Мити своими взглядами. Они видѣли на немъ отпечатокъ всѣмъ имъ знакомаго голода, слезъ, пережитыхъ лишеній. Не понимая его, они жадно слѣдили за его словами, за тономъ его голоса. Они вѣрили его лицу, его рубищу, и мысли Мити были черезъ это близки имъ, носили какой-то особенный смыслъ, неуловимый, непонятный, почти близкій къ откровенію...

Въ это время отъ столовъ, за которыми поили свидѣтелей въ чайной, послышались громкіе голоса:

— Да вы по совѣсти кладитесь!

— По совѣсти! По совѣсти!

То свидѣтели обѣихъ сторонъ пытались свести миромъ тяжущихся.

— И то по совѣсти, — отвѣчалъ, небольшого роста, плечистый мужикъ, лѣтъ сорока пяти, съ большою курчавою головою и острымъ носомъ, одѣтый въ хорошій, домашняго сукна, армякъ и крѣпкіе смазные сапоги. — Пусть отдастъ двѣнадцать цѣлковыхъ за потраву, вотъ и сочтемся. Почитай, вѣдь полнивы выбилъ.

— Да мы ужъ сочлись,—отвѣчалъ отъ сосѣдняго столика жилистый, тоже хорошо одѣтый старикъ, лѣтъ подъ семьдесятъ, съ краснымъ лицомъ и воспаленными голубыми глазами, въ которыхъ стояла какая-то упорная мысль.

— Когда?

— А! Аль не знаешь когда?—передразнилъ его старикъ.— Забы-ы-лъ?

— Нѣтъ, ты, я вижу, дюже помятливъ сталъ.

Черный говорилъ увѣренно, насмѣшливо поблескивая на окружающихъ своими карими цыганскими глазами.

Старикъ сильно горячился.

— Меня, братъ, не проведешь, не на того напалъ!—продолжалъ черный,—сколько тебѣ не хамлетствовать.

— Да ты самъ хамлетъ!—вскипѣлъ старикъ:—Жрецъ!

— Нѣтъ, ты жрецъ! Ты сорокъ лѣтъ жрешь!

— А ты ужъ полъ-села сожралъ! Смотри, не подавись!

— И тебя проглочу,—отвѣчалъ черный.

— Подавишься!

— Не подавлюсь!

— Махаметъ ты, разбойникъ!

— Ты махаметъ!

— Какъ былъ хамлетомъ, такъ и остался!

— Ты хамлетъ!

— Да полно вамъ, перестаньте,—усовѣщевали свидѣтели.

— Вотъ она, Матушка Пятница-то! — кричалъ старикъ, указывая рукою на стоявшую напротивъ церковь, во имя Параскевы Пятницы.—Побожись, что мы съ тобой не сочлись; сейчасъ вторыя деньги отдамъ! Скажи: „Отнимись рука, отсохни языкъ, закаменѣй глаза“... Побожись!

— И побожусь! И побожусь! А что-жъ ты думаешь — не побожусь, что-ль? Сейчасъ побожусь.

— Нѣтъ, ты побожись лошадью!—видя, что черный, дѣйствительно, готовъ привести божбу въ исполненіе, спохватился старикъ.—Побожись лошадью!

— Нѣтъ, ты побожись лошадью, что мы сошлись,—отвѣтилъ ему черный,—и я стоять не стану.

Но лошадью божиться ни тотъ, ни другой не согласился.

— Знать, у обоихъ заводскія, — саркастически замѣтилъ Митя.

— Мертвый мертваго провожаетъ, а вѣрующій погибаетъ,— отозвался Порфиша.

— Да ты самъ мертвый,—повернулся къ нему вдругъ Митя.—Ты ужъ пятьсотъ лѣтъ, а то и всю тысячу, какъ померъ. Въ тебѣ пыль одна! Ото всѣхъ твоихъ словъ пылью несетъ ветхозавѣтной!

— Охъ, Митя, пронесешь ты свою жизнь. Смотри, пронесешь! — безъ всякой обиды въ голосѣ, отвѣчалъ ему Порфиша.

Смолу и огонь я пью,
За прегорду жизнь свою.

Ты прости, прекрасный рай,
Царство свѣта, домъ святой.
Охъ, горе, горе мнѣ великое!..
Ни чему не вѣрилъ, жилъ
И, какъ скверный песъ, ходилъ.

— Слышишь, Митя?..

Охъ горе, горе мнѣ великое! .
Всѣ законы преступилъ,
Крайній богохульникъ былъ...
Охъ, горе, горе мнѣ великое!..

— Вотъ она, пыль-то! Опять полетѣла,—засмѣялся Митя.

— Ну, ты, живой, смотри, больше моего не собери, — по прежнему безъ обиды отвѣтилъ ему Порфиша. — Я тоже, братъ, пошелъ, чтобы много знать, да только больше потерялъ. Теперь будетъ съ меня и того, что знаю.

— Будетъ!—съ досадой въ голосѣ, воскликнулъ Митя.— Да когда же ты терялъ-то?

— Прежде.

— Коли терялъ, стало, было что. А я такъ думаю: тебѣ и терять-то было нечего. Ты только хвалишься: охапками стану кидать, только успѣвай подбирать. А вотъ сколько я говорю съ тобой, ты бы мнѣ хоть щепотью бросилъ.

— А ты самъ разумѣй!—отвѣтилъ ему Порфиша.

— А коль я не знаю. А если у тебя большое знаніе, долженъ ты мнѣ Христа перстомъ указать. Я что знаю, ни отъ кого не скрываю.

— А ты чего не знаешь?

— Я не знаю того, что надо знать.

— Врешь, ты знаешь путь, только ты привязанъ къ столбу.

— Кто меня привязалъ и чѣмъ?

— Знаю, знаю. Я всю твою жизню знаю.

— Вотъ какъ? Ты знаешь, а я ея не знаю. Ты больше меня самого ее знаешь. Ты, стало, какой пророкъ, аль ясновидящій?

— И всѣ твои дѣла знаю,—упрямо твердилъ Порфиша.

— Ну, этого мало; у меня, кромѣ дѣлъ, еще и душа есть. Ты и въ нее заглянулъ? Кто-жъ я такое?

— Ты—упорство Фараона, — авторитетно отвѣтилъ ему Порфиша.

— Что это такое? Я не понимаю.

— А, не понимаешь? Что — плохо сказалъ? — оживился Порфиша.

— Да ты мнѣ ничего не сказалъ,—отвѣтилъ ему Митя.— Это, коли захочу, и я тебѣ скажу: „А ты—темный Вавилонъ“. Понялъ?

— Да я-то понялъ,—мягко отвѣтилъ Порфиша.

— Ну, а коли понялъ, на здоровье.

Мужики смотрѣли на Митю и на Порфишу, и взгляды ихъ говорили: „Нѣтъ, Митя дошелъ. Митя осилилъ... Его правда... Все разобралъ... Темный Вавилонъ, говоритъ...“

Послѣднія два слова особенно поразили ихъ, отозвались въ душѣ, заставили сразу понять всю тайну ихъ отношеній къ Порфишѣ... Не было больше вражды къ нему; не было злорадства по поводу его пораженія...

— Мы всѣ темные,—проговорилъ Порфиша.—Всѣ связаны.

— Ну, нѣтъ, я не связанъ!—горячо воскликнулъ Митя.— Я рвусь день и ночь. Я все знать хочу, не однѣ священныя книги! По нимъ только въ одну сторону уйдешь, а я всѣ дороги извѣдать хочу! Какія книги есть! Я даже и въ рукахъ ихъ, нѣкоторыя, держалъ!

— Да откуда это ты набрался?—спросили его мужики.

— Вездѣ бралъ. Гдѣ давали, тамъ и бралъ. Я и самъ теперь припомнить не могу. По-гречески, да по-латыни вотъ,— это я на Новомъ Аѳонѣ у одного монаха выучился. Понравилось мнѣ очень, какъ онъ читалъ. Все, думаю, знать надо. Конечно, если бы указалъ кто... Хотѣлось бы мнѣ, вотъ, теперь еще книгу добыть, гдѣ всѣ законы прописаны. Съ этою книгою у насъ на селѣ можно бы большую пользу произвесть. Теперь куда кинешься? Никто ничего не знаетъ: не то правъ онъ, не то виноватъ. А то бы—заглянулъ въ книгу, и безъ ошибки... И мнѣ бы съ ней хорошо было: не все побираться, да свою душу людямъ продавать.

Мужики слушали Митю, и что-то новое, свѣжее зарождалось въ ихъ сознаніи, переворачивало взглядъ на самихъ себя, поднимало вѣру въ себя, уваженіе къ своей темной, безправной личности.

— А я такъ соображаюсь съ своимъ мнѣніемъ,—раздался чей-то голосъ:—ужъ на что какіе есть начитанные люди на свѣтѣ, и тѣ теперь супротивъ Мити не смогутъ.

Даже рыжій мужикъ, съ шишками, покрутилъ головой, промолвивъ:—Люблю и я хорошее послухать.

— Книга-то... съ ней надоть тоже осторожно,—медленно началъ было своимъ обычнымъ авторитетнымъ тономъ Игнатъ Иванычъ.—Такъ-то сказываютъ: была она у одного мужика, то-о-лстая такая. Читалъ онъ въ ней все и ничего не примѣчалъ. Только идетъ разъ Матушка Божія по селу и во всѣ избы заходитъ; а съ его избой поровнялась, и мимо прошла. Поднялъ онъ окошко и зоветъ: „Матушка Божія, что же ты ко мнѣ не зайдешь? У всѣхъ Ты была, а ко мнѣ не зайдешь.

— „Съ удовольствіемъ бы, говоритъ, и къ тебѣ зашла, да не могу“.

— Отчего же такое?

— „А у тебѣ, говоритъ, книга въ дому есть, а въ ней два слова не такъ написаны". — Два-а слова не такъ, и то, вонъ дѣло какое; а другія-то и совсѣмъ пустяковыя бываютъ.

Но на этотъ разъ, воспитанная вѣковыми устоями, мысль Игната Иваныча не вполнѣ вызвала желательное дѣйствіе.

— Нѣ-ѣ-тъ, это ты что-нибудь не такъ, Игнатъ; спуталъ малость,—раздалось недовольное восклицаніе.—Какъ это такъ можетъ, чтобы изъ-за двухъ словъ, да Матушка Божія человѣка обидѣла?

Другіе только недовѣрчиво покачали головой.

Митя не счелъ даже нужнымъ возразить что-либо Игнату Иванычу.

Въ числѣ слушателей диспутантовъ сидѣлъ молодой крестьянинъ, лѣтъ двадцати семи, съ широкимъ, энергичнымъ, гладко выбритымъ подбородкомъ и волосами, подстриженными по-солдатски. Губы его были крѣпко сжаты; свѣтло-сѣрые глаза свѣтились твердымъ, злымъ блескомъ. Къ нему крѣпко прижимались съ обѣихъ сторонъ двое еще болѣе молодыхъ крестьянъ, почти юношей, любовно посматривая ему иногда въ глаза. Всѣ трое упорно молчали во все время диспута, не сводя глазъ съ обоихъ спорящихъ и окружавшихъ ихъ лицъ. Ихъ мало интересовала богословская тема спора, еще меньше—его исходъ, и, тѣмъ не менѣе, они жадно прислушивались къ каждому слову, къ каждому звуку и тону голоса всѣхъ собесѣдниковъ. Въ смѣлыхъ, негодующихъ словахъ Мити имъ звучалъ призывъ къ иной жизни, звучало рѣзкое осужденіе окутывавшей ихъ тьмы, которую они болѣзненно чувствовали и сами, и изъ которой бились вырваться, въ безсильной борьбѣ съ темнымъ деспотизмомъ своихъ семей, съ воротилами-міроѣдами, со всею неправдою своей сельской жизни, бившей ихъ на каждомъ шагу больно по сердцу. А за этой неправдой вставала другая, еще больше, еще обиднѣе этой: неправда, глядѣвшая изъ городовъ и помѣщичьихъ усадебъ, изъ каждой кокарды и мундира, изъ всякаго платья городского покроя, заставляя ихъ чувствовать во всемъ свое безправіе.

— Я даже такихъ людей знаю,—заговорилъ Митя, еще болѣе увлекаясь,—что говорили мнѣ, какъ звѣзды на небѣ держатся, и почему. Законъ такой есть—тяготѣніемъ называется. Говорили они мнѣ и про то, что на землѣ есть, и какая она раньше была. И какъ люди за тысячу, можетъ быть, лѣтъ раньше жили, и какъ теперь живутъ въ другихъ странахъ. И всѣ тамъ, будто, ро́вни!.. Для всѣхъ правда одна!.. Просто не вѣрится, какъ сравнишь съ нашей жизнью; словно

сказку слушаешь. А все правда, истинная правда, вѣрю я!—съ увлеченіемъ воскликнулъ Митя.—Да и какъ имъ не вѣрить! Вѣдь говорятъ-то какъ просто... Ни осмѣютъ тебя, ни похвалятся передъ тобой... Виду не покажутъ, что ты передъ ними—темный человѣкъ, и ничего-то ты не знаешь. Словно, ты самый дорогой для нихъ. Иной съ себя послѣднее готовъ тебѣ отдать... Да, нѣтъ; не то я... Не о деньгахъ хотѣлъ... Я и сказать того не могу, не сумѣю... Только никогда со мной допрежъ того не бывало, какъ-то, когда я съ ними говорилъ...

И Митя опять краснѣлъ и волновался, пытаясь передать какую-то особенную прелесть, какую онъ чувствовалъ отъ общенія съ поразившими его людьми, и на выраженіе которой у него не находилось еще словъ.

Онъ скорѣе чувствомъ понималъ ее, чѣмъ могъ оцѣнить умомъ, и этому чувству вѣрилъ и готовъ былъ на все, что оно подсказывало ему...

— Многое они мнѣ говорили, да если разсказать все—послѣ этого, на нашу-то жизнь глядя, хоть въ петлю полѣзай!. Нешто это жизнь!..

— А что,—вмѣшался въ разговоръ новый собесѣдникъ, маленькій, тщедушный мужичекъ съ какимъ-то дѣтски-наивнымъ выраженіемъ въ лицѣ, — хотѣлось мнѣ давно ученыхъ людей спросить, да какъ ихъ узнаешь-то... Можетъ, ты, Митя, скажешь: надо оставлять Ильѣ на бороду, или нѣтъ?

Мужики, все время опасливо слушавшіе Митю, пока онъ говорилъ о такихъ вопросахъ, по поводу которыхъ ихъ критическая мысль, дай они ей волю, неминуемо стала бы толкать ихъ дальше взглядовъ, твердо установленныхъ предками, бытомъ и всѣми вольными и невольными ревнивыми охранителями этого быта, сразу оживились. Плѣненная вѣковымъ рабствомъ, мысль враждебно смотрѣла всегда на такія попытки къ ея толчкамъ и на тѣхъ, кто позволялъ себѣ дѣлать ей эти толчки, и если мужики сами рѣшались иногда на такія попытки, то лишь по поводу вопросовъ въ родѣ: нужно ли оставлять Ильѣ на бороду,—вопросовъ, которые ставились имъ на каждомъ шагу самой жизнью.

— Да какъ же не оставлять-то? — подхватилъ одинъ.—Вѣдь онъ, батюшка, и громъ, и молонью дѣлаетъ. Онъ и о дождѣ Бога проситъ.

— Первый на это заступникъ.

— Сердитый угодникъ.

— Вотъ Силоградіе тоже большой праздникъ. Коли въ этотъ день будешь работать, непремѣнно у тебя всю ниву градомъ выбьетъ.

— Да, нѣтъ; народъ-то нонѣ ужъ не тотъ пошелъ—чистый

еретикъ сталъ. Теперь только и сдѣлаютъ, что на снопокъ не докосятъ, свяжутъ его, пригнуть къ землѣ—какъ бы бородка, и ладно... А прежде то, бывало: и хлѣбушка посолятъ, подъ бородку положатъ, и по три земныхъ поклона на всѣ четыре стороны передъ ней сдѣлаютъ... А бабы, тѣ еще примутся кататься передъ ней, да на спину, да на животъ перевертываться, приговаривать: „Нива, нива, отдай мою силу къ яровому жниву“.

— А теперь иной и не перекрестится ни разу.

— Одно слово—еретики.

Но нашлись и скептики, ничего не сказавшіе въ защиту древняго обычая.

— Жалко, жалко, что перестали хлѣбушко класть,—отозвался Митя.—А еще бы лучше, кабы по полбутылочкѣ подъ каждую бородку, хошь бы и безъ хлѣбца. Я бы тамъ по цѣлымъ днямъ все молился, все бы поклоны земные клалъ, во всѣ стороны!—разсмѣялся онъ.

Разсмѣялись и еще нѣкоторые.

Смѣлая критическая мысль Мити дѣлала свое дѣло. Вѣдь Митя былъ—кость отъ кости ихъ, плоть отъ плоти, и теперь сама эта плоть заговорила вдругъ инымъ языкомъ, ударила ихъ въ самыя больныя мѣста души, приподняла тысячелѣтнюю завѣсу, заронила сомнѣнія, зашевелила туманъ, густо осѣвшій на днѣ ея...

Но тутъ же являлась мысль: „А какъ ему вѣрить: вѣдь вмѣстѣ съ нами на навозѣ выросъ, на навозѣ выучился? А ну, какъ онъ только морочитъ насъ, самъ ничего не знаетъ?“

И вѣковая неувѣренность въ себѣ, воспитанная всею жизнью, вѣковое рабство мысли и духа охватывали опять своею мертвой петлей, и мужики не знали даже—нужно-ль освободиться отъ нея.....

И, какъ бы въ отвѣтъ на ихъ мысли, на ихъ тяжелыя сомнѣнія въ себѣ и въ тѣхъ людяхъ, „что не для души одной старались“, о которыхъ говорилъ имъ Митя, и которымъ хотѣлось вѣрить теперь еще больше, чѣмъ Митѣ, изъ чайной послышался страшный шумъ отъ летѣвшихъ на полъ скамеекъ, табуретокъ, сдвигаемыхъ столовъ, и раздались громкіе, негодующіе голоса:

— Какъ, мы студенты? Мы студенты?!

— Студенты по острогамъ сидятъ! Они дома поджигаютъ! Ихъ бьютъ по городамъ! А развѣ мы поджигатели? Какъ смѣлъ ты насъ студентами назвать!

Свидѣтели старика грудью наступали на кудряваго мужика съ цыганскими глазами. Глаза ихъ горѣли гнѣвомъ; возбужденныя лица кривила злоба; руки судорожно сжимались въ кулаки, готовые обрушиться на обидчика.

Но и обидчикъ зналъ цѣну сказаннымъ имъ словамъ. Замерши на мѣстѣ, онъ какъ-то откинулся назадъ всѣмъ туловищемъ, въ твердой рѣшимости дорого себя продать за произнесенныя слова. На свидѣтелей своихъ, послѣ этихъ словъ, онъ уже не смѣлъ надѣяться.

Въ это время отворилась дверь маленькой комнатки, и черезъ чайную, направляясь къ выходу, показалось начальство. Впереди шелъ, грузно ступая съ ноги на ногу и слегка покачиваясь, толстый, краснолицый старшина, въ черной суконной поддевкѣ и сапогахъ бутылками. За нимъ вслѣдъ, вывертывая ноги и ступая ими словно по журавлиному, шелъ длинный, жилистый писарь, покусывая губы, запрятавъ въ карманы худыя, какъ грабли, руки.

За нимъ, съ сильно посоловѣвшими глазами и довольнымъ выраженіемъ на лицахъ, шли всѣ четверо судей вмѣстѣ.

Шествіе замыкалъ румяный, выхоленный урядникъ, въ бѣломъ, съ иголочки, кителѣ, съ прикомандированіемъ къ нему стражника считавшій себя уже какъ бы въ родѣ станового и заботившійся теперь больше всего о томъ, чтобы казаться таковымъ и передъ населеніемъ; рядомъ выступалъ желчный, съ щетинистыми рыжими усами, стражникъ, изображавшій на своемъ лицѣ отмѣнную суровость и твердую рѣшимость дѣйствовать вездѣ и при всякихъ случаяхъ.

Увидя начальство, мужики, насѣдавшіе на чернаго обидчика, обозвавшаго ихъ студентами, опамятовались.

— Господинъ урядникъ! Онъ насъ сейчасъ здѣсь, при всемъ честнóмъ народѣ, студентами обозвалъ! Заявляемъ вамъ, господинъ стражникъ!

Но господа урядникъ и стражникъ, взглянувъ на обидчика и узнавъ въ немъ одного изъ самыхъ богатыхъ крестьянъ села, мѣстнаго торговца и банкира, ограничились однимъ принятіемъ начальственнаго вида и молча вышли изъ чайной вслѣдъ за судьями.

— Идемъ, ребята, въ волость жалобу писать!

— Въ волость! Въ волость! — заговорили возбужденно обиженные.—Богачъ, такъ и крыть его! Нѣтъ, врешь; мы и выше пойдемъ... до самаго губернатора хватимъ!

И всѣ толпой направилсь въ волость.

За ними стали подыматься и отъ другихъ столиковъ всѣ имѣвшіе надобность до волости.

Стали расходиться и изъ библіотечной. Расходились молча, съ опущенными головами, въ глубокомъ раздумьи отъ диспута, отъ смѣлыхъ рѣчей Мити, унося въ свои душныя, темныя избы все ту же тысячелѣтнюю, тяжелую, какъ кошмаръ, назойливую мысль: „Какъ вѣрить? На навозѣ выросъ, на навозѣ выучился...“

Вмѣстѣ съ другими поднялся и Митя. Онъ шелъ по прежнему небрежно, беззаботно, словно забывъ о томъ, что говорилъ сейчасъ и какъ волновался, или не придавая этому никакого значенія, и все такъ же оставались гордыми и непринужденными его походка, не смотря на связанныя ноги, и всѣ движенія,—даже лѣвой, отходившей отъ туловища, „неправой" руки.

И такъ же продолжала недвижно сидѣть, словно застывшая на мѣстѣ, группа изъ трехъ молодыхъ крестьянъ, крѣпко прижавшихся другъ къ другу, съ приподнятыми головами, съ горящими взорами, съ яркимъ румянцемъ на щекахъ...

А въ сторонѣ, по прежнему совсѣмъ одинокій, оставался Порфиша. Онъ сидѣлъ, полуотвернувшись ото всѣхъ, закрывши лицо своимъ треухомъ, словно желая оградиться имъ отъ односельчанъ, отъ всего грѣшнаго міра. Черные, начавшіе серебриться, волосы спадали длинными прядями съ полуопущенной головы.....

— Говоритъ: „Ничего во мнѣ нѣтъ—пыль одна"... Пыль!—повторилъ онъ мысленно, въ глубокомъ раздумьи.—Можетъ, это и правда, потому—я и самъ не знаю, что я есть... Никакъ себя опредѣлить не могу.

И ему представилось его исканіе правды, вспомнились бѣганья—сначала къ одному попу, у себя на селѣ, потомъ къ другому, потомъ къ сосѣднимъ, потомъ къ разнымъ другимъ лицамъ, сектантамъ... Представился чанъ съ водою у хлыстовъ и кусочекъ ладана, украдкой брошенный имъ туда, „для увѣренія", а потомъ своя изба, темный уголъ на печкѣ, куда онъ забился отъ отмаливаній колдуна, и толпа подъ окнами, и верба, на которую онъ влѣзъ, спасаясь отъ этой толпы...

— Я пошелъ искать, да, видно, не по той дорогѣ; недаромъ моихъ словъ не принимаетъ никто... Собралъ словечки... дорогія словечки... Дорого за нихъ, за каждое, платилъ... да, видно, перепуталъ ихъ всѣ... Оттого и покою себѣ не знаю... Потерянный я... Потерялъ самъ себя. Рвется во мнѣ что-то... Придетъ ко мнѣ раззореніе, придетъ опять тоска... Тоска меня оцѣпитъ, тоска меня возьметъ.... И некуда мнѣ будетъ уйти отъ нея, не съ кѣмъ ее развѣять... Убѣжалъ бы въ лѣсъ—лѣсу нѣтъ.. Въ поле?... Люди увидятъ, смѣяться станутъ... А если бы нашелся такой человѣкъ, какъ говоритъ Митя, который бы зналъ всю правду, подошелъ бы ко мнѣ, сѣлъ бы, какъ другъ, рядомъ—я бы отъ него не утаился... все бы разсказалъ! Сказалъ бы ему: „Братъ, душа моя плѣнницами мрака связана... Усталъ я, изрѣзанъ весь, живого мѣста во мнѣ нѣтъ... Братъ, помоги мнѣ, выведи меня къ свѣту!"

Е. М. Милицына.

АББАТЪ ЖЮЛЬ.

Романъ *Октава Мирбо.*

Переводъ съ французскаго С. Б.

IV.

— Итакъ, онъ пріѣзжаетъ!..—вскричалъ мой отецъ, входя, запыхавшись и размахивая письмомъ, въ комнату, гдѣ мать оканчивала мой туалетъ.—Онъ пріѣзжаетъ завтра... съ трехчасовымъ поѣздомъ.

— Завтра!—отвѣтила мать покорнымъ тономъ...—Что дѣлать! Возьми большую карету,—прибавила она предусмотрительно:—У него, навѣрно, много багажа... Я схожу сейчасъ въ мясную.

— Хорошо!.. Но вотъ что, дорогая...

— Что?

— Не пригласить ли намъ завтра обѣдать Робеновъ и любезнаго кюрэ?.. А?.. Вѣдь это случай...

— Какъ хочешь!.. Какую комнату ему отвести?

— Голубую, по моему!

— Ну вотъ!..—возразила мать недовольнымъ тономъ.—Для него все лучшее!.. Почему это?.. Не согрѣть ли еще постель?

— Ну, будетъ, будетъ...—успокоивалъ ее отецъ.—Нельзя же его положить въ чуланѣ. Какой бы онъ ни былъ,—все же мой братъ!..

— Да, твой братъ!.. Къ сожалѣнію, такъ!.. Впрочемъ, разъ ты настаиваешь, мнѣ нечего говорить... Дай Богъ только, чтобы ты не раскаялся.

Это происходило недѣлю спустя послѣ того вечера, когда Робены и мои родители такъ много говорили о дядѣ Жюлѣ; помню, это было во вторникъ. Я ждалъ слѣдующаго дня съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ, въ тревогѣ, надѣясь увидѣть что-то грандіозное, ненормальное, что должно нару-

шить монотонное однообразіе нашего существованія. Цѣлый день отецъ мой былъ возбужденъ болѣе обыкновеннаго, почти веселъ. Мать, очень серьезная, все раздумывала. За обѣдомъ она разжала губы только для того, чтобы ироническимъ тономъ спросить:

— Не знаешь ли, что ѣстъ твой братъ по утрамъ, послѣ обѣдни?.. Можетъ быть, ему надо будетъ готовить отдѣльно?

— Ну, это лишнее!—храбро отвѣтилъ отецъ...—Онъ будетъ ѣсть то же, что и мы, будетъ ѣсть супъ...

Мать съ сомнѣніемъ покачала головой.

— Въ Парижѣ онъ, вѣроятно, пріобрѣлъ нѣкоторыя привычки!.. Впрочемъ, мы—не милліонеры!

Я плохо спалъ эту ночь: меня тревожили тяжелые сны, гдѣ-то то появлялась, то исчезала физіономія дяди, искривленная гримасами.

Въ то время въ Віантэ еще не было желѣзной дороги. Останавливаться надо было на станціи Куланжъ, въ десяти километрахъ отъ городка. Тамъ мы должны были встрѣтить аббата. Кюрэ Сортэ сначала хотѣлъ было ѣхать вмѣстѣ съ нами, но было холодно, а старикъ страдалъ ревматизмомъ. Онъ рѣшилъ лучше явиться уже прямо къ обѣду. Робены въ этотъ день приходили нѣсколько разъ, очень озабоченные, взволнованные, предлагая свои услуги, какъ какъ будто намъ угрожала опасность. Имъ очень хотѣлось ѣхать съ нами на станцію, но такъ какъ они аббата не знали, то ихъ присутствіе могло показаться довольно страннымъ.

— Мы не можемъ встрѣчать, — возражала г-жа Робенъ, знатокъ этикета.—Это было бы не кстати. Наконецъ, вы будете возвращаться около четырехъ часовъ... Мы будемъ поджидать васъ у окошка.

— А я,—произнесъ судья тономъ генерала, дѣлающаго смотръ своимъ солдатамъ на полѣ сраженія,—я буду на площади!

— Отлично... отлично... А вечеромъ приходите къ намъ пораньше.

— Итакъ, до вечера!

Большая карета, гремя бубенцами, остановилась, наконецъ, у нашихъ дверей. Это была очень старая, почтенная и расшатанная колымага, и отецъ нанималъ ее въ гостиницѣ Трехъ Королей въ исключительныхъ случаяхъ. Я очень любилъ ее, потому что она напоминала мнѣ веселыя прогулки и праздники. Мнѣ казалось, что, какъ только я сажусь на ея сѣрыя ситцевыя подушки, моя маленькая особа тотчасъ же пріобрѣтаетъ больше значенія, и я привлекаю всеобщее вниманіе: ѣду на парѣ лошадей, на четырехъ коле-

сахъ, какъ самъ г. де-Бланде! Съ большимъ волненіемъ, смѣшаннымъ съ нѣкоторой гордостью, усѣлся я на переднюю скамейку стараго рыдвана противъ родителей, помѣстившихся въ глубинѣ, тоже очень серьезныхъ и польщенныхъ. Торжественно проѣхали мы по городу. Знакомые улыбались мнѣ, стоя у дверей домовъ. Я былъ безконечно счастливъ, хотя старался сохранить достоинство.

— Право, отлично въ этой каретѣ,—сказалъ отецъ. Какъ только мы очутились за городомъ, онъ поднялъ стекло и накинулъ на колѣни себѣ и матери старое ватное стеганое одѣяло, служившее намъ во время путешествій.

Карета катилась, звеня своими гайками и винтами, подскакивая по шоссе, а мои родители сидѣли молча, дѣлаясь все озабоченнѣе и задумчивѣе, по мѣрѣ приближенія къ Куланжу. У меня билось сердце, и я смотрѣлъ сквозь запотѣвшія отъ нашего дыханія стекла на скользившіе мимо смутные силуэты деревьевъ и клочки тусклаго неба.

Когда мы переѣзжали рельсы, моя мать, сидѣвшая все время неподвижно въ своемъ углу, вдругъ наклонилась къ стеклу и протерла его своей муфтой. И, всѣ трое, мы одновременно устремили взоры на тянувшіеся вдаль рельсы, терявшіеся въ таинственной туманной и смутной дали, откуда среди пара и дыма сейчасъ вынырнетъ аббатъ Жюль. Она спустила свой вуаль, привела въ порядокъ ленты своей шляпы и, оправляя мой галстухъ, сказала:

— Слушай, мой мальчикъ, надо съ дядей быть полюбезнѣе, не быть такимъ надутымъ, какимъ ты часто бываешь при чужихъ... Вѣдь это всетаки твой дядя!.. Ты его поцѣлуешь и скажешь... запомни только хорошенько... ты ему скажешь: „дорогой крестный, я очень, очень радъ, что вы къ намъ вернулись!“... Вѣдь это не трудно... Повтори, мой милый, твое привѣтствіе.

Дрожащимъ голосомъ я повторилъ:

— Дорогой крестный, я...

Волненіе и страхъ лишили меня языка. Въ ту минуту, когда я произносилъ эти слова, мнѣ показалось, что страшная, демоническая фигура моего дяди съ угрозой вытянулась передо мной... Я остался съ открытымъ ртомъ.

— Ну, что же!—замѣтилъ отецъ,—встряхнись немного... и не дѣлай этой похоронной мины, чортъ возьми!.. Онъ тебя не съѣстъ... Посмотри, развѣ я боюсь?.. Развѣ твоя мать боится?.. Почему же ты?..

Не смотря на свою тревогу, я замѣтилъ по нѣсколько измѣнившемуся голосу отца, что онъ далеко не такъ спокоенъ, какъ хочетъ казаться...

Мы пріѣхали за полчаса до поѣзда. На улицѣ было до-

вольно холодно, но мы остались на платформѣ станціи, не сводя глазъ съ часовой стрѣлки, двигавшейся съ убійственной медленностью. Пришелъ и ушелъ какой-то поѣздъ, спустившій одного больного солдата. Нѣсколько времени онъ бродилъ съ глупымъ видомъ вокругъ насъ и потомъ ушелъ, волоча за собой ногу.

— Еще семнадцать минутъ!—сказалъ отецъ со вздохомъ.—Аббатъ теперь въ Бейлѣ.

Тишина маленькой станціи, нарушаемая только звонками телеграфа и звяканьемъ бубенчиковъ нашей кареты, подавляла меня и наводила еще большій ужасъ. Въ этой тишинѣ все казалось объятымъ какой-то тревожной неподвижностью, точно притаилось. Даль, уходившая въ Парижъ, исчезала, полная угрозы подъ тяжелымъ свинцовымъ небомъ, готовымъ разразиться грозой. Растерянный, я совсѣмъ не слышалъ, что говорила мать.

— Слушай хорошенько, что я тебѣ скажу... Постарайся улыбнуться... не стой, какъ мумія.

Я робко взглянулъ на убѣгающія въ даль по желтой землѣ блестящія рельсы, похожія на длинныхъ змѣй.

Нѣсколько пассажировъ - крестьянъ - вышло изъ залы. Явился озабоченный начальникъ станціи, носильщики провезли багажъ и почту.

— Поѣздъ идетъ... отодвиньтесь!—сказалъ отецъ.

Тотчасъ же я услышалъ еще далекій свистокъ, усилившійся на болѣе близкомъ разстояніи. Звукъ его отдался въ моемъ сердцѣ, какъ ударъ ножа. Ему отвѣтилъ сигнальный рожокъ, и что-то, съ рычаніемъ и грохотомъ, стало надвигаться на насъ. Мнѣ показалось, что весь этотъ шумъ, эта тряска, колеблющіе и небо, и землю, все это свистящее, ревущее, выбрасывающее пламя и дымъ, все это было моимъ дядей, и въ ужасѣ я закрылъ глаза. Въ теченіе нѣсколькихъ секундъ мнѣ казалось, что меня несутъ, тащутъ въ разныя стороны, толкаютъ на людей, на вещи.

— Да стой-же!—сказала мнѣ мать.—Будь же внимателенъ, мой маленькій Альбертъ!

Я вдругъ остановился. Открывъ глаза, я увидѣлъ передъ собою что-то черное, длинное, угловатое, задомъ спускавшееся съ подножки вагона. Это что-то кончалось чернымъ чулкомъ и огромной ногой, нащупывавшей въ пустотѣ точку опоры. Мы трое сзади этого неизвѣстнаго, державшаго въ рукѣ мѣшокъ съ красными и зелеными полосами, стояли вытянувшись въ рядъ, какъ солдаты, взволнованные и блѣдные. Подавленные тревогой, мы не двигались. Наконецъ, онъ повернулся къ намъ, и изъ костляваго смуглаго лица, изъ-подъ широкой шляпы, на насъ взглянули два странныхъ, злыхъ глаза

Среди нихъ выступалъ толстый и длинный, какъ у собаки, носъ. Взглядъ этотъ вынести было нельзя. Это былъ мой дядя.

— Здравствуйте, здравствуйте, здравствуйте!..—кинулъ онъ намъ поочередно, съ короткимъ и рѣзкимъ кивкомъ, похожимъ на щелчокъ.

Отецъ хотѣлъ поцѣловаться съ нимъ. Но аббатъ, протянувъ ему свой мѣшокъ, сразу оборвалъ изліянія:

— Хорошо!.. потомъ!.. Есть у тебя экипажъ?.. Ну, такъ идемъ... Чего ты ждешь?

— А вашъ багажъ?—спросила мать.

— Не безпокойтесь о моемъ багажѣ... Идемте...

И онъ, ворча, направился къ выходу. Онъ долго не могъ найти своего билета и вступилъ было въ пререканія со служителемъ.

— Вотъ вамъ мой билетъ... Будьте впередъ повѣжливѣе... Дур-р-ракъ!

Отецъ былъ въ ужасѣ, мать пожимала плечами, какъ бы говоря: „Боже мой! ну, не говорила ли я, онъ еще хуже, чѣмъ прежде!..“ Что касается меня, то въ общемъ замѣшательствѣ, я совершенно забылъ свое маленькое привѣтствіе.

Мы усѣлись въ карету. Моя мать и дядя сѣли въ глубинѣ ея, а мы съ отцомъ помѣстились на передней скамейкѣ. Я не смѣлъ поднять глазъ, боясь встрѣтиться со взглядомъ дяди. Онъ молчалъ, запахнувъ на колѣняхъ свое ватное пальто. Мать протянула ему конецъ покрывала. Онъ осмотрѣлъ его съ изнанки, потомъ съ лица, показался удивленнымъ и закутался имъ, не сдѣлавъ даже намека на благодарность. Карета катилась впередъ. Лицо матери вновь приняло безстрастное и жесткое выраженіе; отецъ былъ сконфуженъ и не зналъ, что сказать. Тѣмъ не менѣе, онъ рискнулъ:

— Хорошо ли ты путешествовалъ? —спросилъ онъ робко.

— Да!—пробурчалъ аббатъ.

Наступило тяжелое молчаніе, никого не располагавшее прервать его. Аббатъ старался разглядѣть окрестности сквозь узкое стекло дверцы кареты, но все закрыто было густымъ туманомъ. Онъ опустилъ стекло такимъ рѣзкимъ движеніемъ, что оно разбилось, и тысячи осколковъ посыпались къ намъ на колѣни.

— Ничего... ничего...—успокоительно произнесъ мой отецъ, разсчитывая, вѣроятно, задобрить Жюля своимъ великодушіемъ. И, смѣясь, прибавилъ:—Къ тому же разбитое стекло приноситъ счастье.

Дядя ничего не отвѣтилъ. Наклонившись нѣсколько впередъ, онъ смотрѣлъ въ полъ.

Дорога изъ Куланжа въ Віантэ очень красива. Все время

она идетъ вдоль широкой долины, покрытой зеленью всевозможныхъ оттѣнковъ. Рядомъ течетъ извилистая Клошъ, оживляемая тамъ и сямъ старыми мельницами. Въ этотъ день рѣка вышла изъ береговъ, залила часть луговъ и образовала какъ бы озера, съ возвышавшимися купами безлистныхъ вербъ и рядами тополей посрединѣ. Деревья отражались въ зеркальной поверхности неподвижной воды. Возвышавшіеся вдали холмы, усѣянные по склонамъ живописными деревушками, окружали долину, замыкая ее, какъ гигантскій циркъ. Въ промежуткахъ между вершинами открывался далекій горизонтъ, исчезавшій въ легкихъ облакахъ. И надъ всѣмъ этимъ—тонкій холодный налетъ, покрывающій деревья, и прозрачный сѣрый тонъ, придающій предметамъ подвижность волны и прозрачность неба.

Аббатъ казался поглощеннымъ созерцаніемъ природы, и выраженіе лица его смягчилось. Отраженіе нѣжнаго свѣта затеплилось въ его глазахъ. Отецъ мой воспользовался этимъ мгновеніемъ и дружески хлопнулъ его по колѣну.

— Ну, скажи!..—началъ онъ, преодолѣвая тяжелое впечатлѣніе отъ встрѣчи съ Жюлемъ.—Вѣдь пріятно опять встрѣтиться!.. Вѣдь сколько времени прошло!.. больше шести лѣтъ, чортъ возьми!.. Сколько разъ я говорилъ себѣ: конечно, мы уже его больше не увидимъ! Мы часто думали о тебѣ, дорогой Жюль, право!

Жюль не слушалъ и продолжалъ смотрѣть въ даль... Вдругъ онъ воскликнулъ:

— Да вѣдь здѣсь очень красиво!..

Дядя произнесъ это мягкимъ, почти разстроганнымъ голосомъ.

— Очень красиво, очень красиво!

Дѣйствительно, аббатъ въ первый разъ видѣлъ эти мѣста, гдѣ онъ родился и выросъ. Природа ничего не говоритъ ни ребенку, ни юношѣ. Чтобы понять, надо смотрѣть на нее уже состарившимися глазами, съ сердцемъ, любившимъ и страдавшимъ.

— Очень красиво!.. да...—повторилъ снова Жюль.—Эти дома, эта маленькая колокольня... Это вѣдь Бролль?

— Конечно!—отвѣтилъ отецъ, довольный, что братъ его оттаиваетъ.—Это Бролль!.. Да ты все узнаешь!.. А вонъ то, у перелѣска?

— Это домъ дяди Фламана... А онъ живъ еще?

— Представь себѣ, живъ, но ослѣпъ бѣдняга... Ну, да вѣдь ему больше восьмидесяти! Ужъ больше форелей ловить съ нимъ не будешь!..

Аббатъ закашлялся,—что обезпокоило моего отца.

— Тебѣ надо пересѣсть,—сказалъ онъ. — Боюсь, какъ бы ты не простудился у открытаго окна.

— Нѣтъ, нѣтъ... оставь... Мнѣ хорошо.

Я вдоволь насмотрѣлся тогда на замечтавшагося дядю. Въ моей памяти сохранились черты его, какъ блѣдная пастель. Я вспоминалъ теперь знакомыя черты. Я снова находилъ характерные признаки въ его согнувшейся фигурѣ, въ странномъ и некрасивомъ лицѣ, оживляемомъ искрами двухъ живыхъ, задумчивыхъ глазъ, грустныхъ и восторженныхъ, безпокойныхъ и жестокихъ въ одно и то же время. Но какъ онъ состарился! Онъ сгорбился, какъ восьмидесятилѣтній старикъ; узкая, впалая грудь дышала съ трудомъ, и порою изъ нея вырывались чахоточные хрипы. Морщины избороздили во всѣхъ направленіяхъ его худое, зеленое лицо, дряблая кожа отвисла подъ подбородкомъ. На этомъ безобразномъ лицѣ живыми остались только глаза и носъ, поразительной подвижности со вздрагивающими ноздрями, какъ у молодой лошади.

— Тебѣ нехорошо?.. ты боленъ?..—допытывался отецъ.

— Нѣтъ!.. Почему ты меня объ этомъ спрашиваешь?.. Развѣ я измѣнился?

— Измѣнился... измѣнился... Нѣтъ, это не то... И я измѣнился... Годы вѣдь не молодятъ.

— Конечно,—подтвердила мать, не проронившая до сихъ поръ ни слова. И прибавила сухо: — Ну, да и Парижъ... такой опасный городъ!.. Но теперь, это все кончилось. Въ Віантэ спокойно и очень скучно послѣ Парижа. Тутъ ужъ не найдешь никакихъ развлеченій.

Она сдѣлала удареніе на словѣ Парижъ, питая глухую вражду къ городу, вернувшему ей разбитаго и, очевидно, больного родственника: вѣроятно, придется даромъ лѣчить и кормить.

Дядя искоса и злобно взглянулъ на мою мать горѣвшими ненавистью глазами и откинулся въ уголъ кареты. Всю остальную часть дороги, скрытый тѣнью своей широкой шляпы, онъ не проронилъ больше ни слова.

Мы миновали деревню Катръ Ванъ. Спускался вечеръ. Густой туманъ, поднявшійся, какъ мечта, съ луговъ, окуталъ холмы и деревья; оголенныя верхушки ихъ трепетали въ молочномъ воздухѣ.

Когда мы въѣхали въ Віантэ, въ нѣкоторыхъ домахъ свѣтились уже красноватые огни. На площади я замѣтилъ тѣнь; то была тѣнь Робена, размахивавшаго руками въ туманѣ.

Высоко поднявъ надъ головой свою большую шляпу, онъ усердно кланялся нашей каретѣ. Мнѣ было ужасно грустно. Всю дорогу дядя ни разу даже не взглянулъ на меня. Не

смотря на суровость и неприличныя грубости, все же онъ не внушалъ мнѣ страха. Смутная дѣтская проницательность подсказывала мнѣ, что это—несчастная, мятущаяся душа. И я увѣренъ, что если бы въ эту минуту онъ сказалъ мнѣ ласковое слово, поцѣловалъ меня, улыбнулся, какъ улыбался только что природѣ, я полюбилъ бы его.

Въ сопровожденіи моего отца, несшаго дорожный мѣшокъ, дядя съ трудомъ дошелъ до приготовленной для него голубой комнаты. Восхожденіе по лѣстницѣ утомило его, и онъ задохся. Къ тому же онъ былъ сильно возбужденъ. Съ того момента, какъ онъ переступилъ порогъ нашего дома,—нашего родового дома, доставшагося намъ по завѣщанію отъ бабушки, и гдѣ мы жили со дня ея смерти, аббатъ пришелъ въ видимое волненіе. Всякій знакомый предметъ причинялъ ему горе и приводилъ въ раздраженіе. Сожалѣлъ ли онъ, что домъ не принадлежитъ ему? Или, быть можетъ, воспоминанія о прошломъ, связанныя съ вещами, съ безпощадностью указывали ему на неизмѣримую пустоту его жизни? Онъ быстро ходилъ по комнатѣ, пробуждая въ глубинѣ души своей старыя огорченія и не обращая никакого вниманія на слова брата.

— Мы помѣстили тебя здѣсь,—говорилъ мой отецъ,—потому что эта комната выходитъ на югъ, и изъ нея очень красивый видъ на С.-Жакъ... Смотри, вотъ здѣсь у тебя шкафъ, видишь?.. Здѣсь уборная... Я немножко подновилъ весь домъ... Какъ пріятно опять быть вмѣстѣ!.. Принести тебѣ горячей воды?

— Не надо!—отвѣтилъ аббатъ.

Это „не надо“ прозвучало, какъ пощечина. Но отецъ мой продолжалъ:

— Звонокъ здѣсь, въ альковѣ... Ты...

— Оставь меня въ покоѣ!.. — оборвалъ его аббатъ.—Ты меня раздражаешь своими объясненіями... И твоя жена тоже раздражаетъ!.. Я здѣсь не для распросовъ и не для того, чтобы за мной шпіонили... Будьте покойны, я вамъ долго надоѣдать не буду...

— Надоѣдать намъ?.. Ты, вѣрно, шутишь?.. Неужели ты хочешь уже уѣхать?

— Уѣду я, останусь — это не твое дѣло.. Я не люблю, когда ко мнѣ пристаютъ!.. Ты и молчи...

— Ну, не сердись, Жюль!.. Хочу надѣяться, что ты навсегда останешься съ нами.

— Съ вами?—насмѣшливо спросилъ аббатъ.—Пресмѣшная идея!.. Остаться съ вами?..

Онъ съ удивленіемъ и негодованіемъ поднялъ руки къ потолку...

— Съ вами?.. Да что я съ вами дѣлать буду, милосердый Боже?.. Ты совсѣмъ голову потерялъ!..

Отецъ мой, въ свою очередь, вышелъ изъ себя:

— Не дурно!—сказалъ онъ.—Конечно, ты будешь дѣлать, что захочешь... Мы обѣдаемъ въ шесть часовъ. Сегодня у насъ будутъ кюрэ и семейство Робеновъ, наши друзья.

Священникъ при видѣ жабы въ дароносицѣ, вмѣсто св. даровъ, не былъ бы такъ пораженъ, какъ мой дядя, услыхавъ эти слова отца. Сначала онъ какъ бы остолбенѣлъ. Потомъ глаза его округлились и вспыхнули; мало по малу лицо его покрылось красными пятнами и стало эпилептически дергаться. Наконецъ, глухимъ, прерывающимся отъ гнѣва голосомъ, онъ прорычалъ:

— Негодяй!.. Кретинъ!.. Дур-р-ракъ! Не успѣлъ я пріѣхать, а ты уже сзываешь гостей!.. Ты думаешь, что я рѣдкостный звѣрь?.. Что я дамъ представленіе для тебя и для твоихъ друзей?.. Ты ихъ предупредилъ: „аббатъ Жюль... сумасшедшій, оригиналъ, богохульствующій попъ"... Вотъ увидите! Вы можете испытать и убѣдиться, что это настоящая, живая правда. Ты надѣялся доставить себѣ удовольствіе, выставивъ меня на показъ, какъ медвѣдя въ звѣринцѣ, какъ чудовище въ ярмарочномъ балаганѣ, какъ овцу на пяти ногахъ? И ты воображаешь, что я хоть одну секунду останусь въ твоей лачугѣ, съ такимъ дуракомъ, какъ ты, и съ такой кривлякой, какъ твоя жена? Ты думаешь?.. Нѣтъ, я переѣзжаю въ гостиницу... въ гостиницу... слышишь... въ гостиницу!..

Онъ надѣлъ свое ватное пальто, заперъ открытый было мѣшокъ и проворчалъ:

— Ухожу въ гостиницу... До свиданія!

Аббатъ прошелъ мимо остолбенѣвшаго отца, сошелъ съ лѣстницы и скрылся. Слышно было, какъ онъ со злобой хлопнулъ калиткой.

Обѣдъ прошелъ въ тяжеломъ молчаніи. Кюрэ Сортэ ничего не ѣлъ, разстроивъ себѣ желудокъ этимъ необыкновеннымъ происшествіемъ. Время отъ времени онъ только спрашивалъ:

— Какже такъ—такъ и ушелъ?.. такъ и ушелъ?

И послѣ утвердительнаго кивка головы отца, онъ лепеталъ:

— Но вѣдь это странно!.. Изумительно!

Среди глубокаго молчанія мировой судья два раза произнесъ слова, выражавшія плодъ его глубокихъ размышленій:

— Тутъ Парижъ!.. Парижъ!.. это очевидно!..

Г-жа Робенъ сидѣла, выпрямившись, сохраняя достоинство женщины, оскорбленной неприличнымъ уходомъ аббата. Она раскаивалась, что надѣла для него свое муаровое платье,

сохранявшееся лишь для торжественныхъ случаевъ; украсилась драгоцѣнностями; соорудила прическу, гдѣ подъ пучкомъ цвѣтовъ спрятала свои страшныя экзематозныя плѣши. Она не проронила ни слова и, отвернувшись, большимъ и указательнымъ пальцемъ перебирала свою длинную золотую цѣпь движеніями гитариста.

Когда трое мужчинъ безмолвно и серьезно усѣлись грѣться передъ каминомъ, забывъ о поданномъ горячемъ кофе, г-жа Робенъ отвела мою мать къ окну и потихоньку, не договаривая фразъ, съ многозначительнымъ взглядомъ спросила:

— И вы ничего не знаете?.. ничего?..

Мать моя пожала плечами.

— У него нѣтъ даже багажа!.. Какой-то несчастный дорожный мѣшокъ!.. Ахъ, я это все предвидѣла!..

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Прошло два года. Кюрэ Сортэ умеръ отъ разрыва сердца, и преемникъ его, аббатъ Бланшаръ, прежній старшій викарій Віантэ, занимавшійся со мной по-латыни, занялъ его мѣсто у насъ, за семейными обѣдами и въ воскресныхъ играхъ въ лото. Случалось иногда, что игра въ лото сопровождалась музыкой, такъ какъ новый кюрэ былъ весельчакъ и премило игралъ на флейтѣ. Онъ любилъ развлекать насъ небольшими отрывками своего сочиненія. Въ такіе вечера мать угощала чаемъ съ нарѣзаннымъ кусками песочнымъ пирогомъ, и аббатъ, съ жадностью поглощая ихъ, говорилъ, громко смѣясь и потирая себѣ животъ:

— Что выходитъ изъ флейты, то возвращается въ барабанъ.

Что касается Робеновъ, то они все еще ждали своей обстановки, оставаясь въ домѣ сестеръ Лежаръ. Зобы этихъ дѣвицъ разрослись и двигались подъ подбородками, какъ дѣтскіе животы. Медленно и однообразно проходила жизнь. Безмолвныя трапезы, время отъ времени прерываемыя хирургическими объясненіями и комментаріями насчетъ аббата Жюля; скучные вечера съ Робенами, когда жена судьи и моя мать штопали все тѣ же чулки, говорили о тѣхъ же вещахъ, изливались въ тѣхъ же жалобахъ, тогда какъ Робенъ и мой отецъ играли ту же партію въ пикетъ. Единственное важное событіе произошло за это время: мы больше не обѣдали по четвергамъ у Сервьеровъ. Первоначально

охлажденіе началось изъ-за аббата Жюля, ставшаго другомъ ихъ дома, а потомъ отношенія наши внезапно порвались послѣ одного пожара, гдѣ поведеніе Сервьера, мэра, очень не понравилось моему отцу, его помощнику. Сей послѣдній громко критиковалъ принятыя мѣры и передъ всѣмъ населеніемъ сложилъ съ себя отвѣтственность за послѣдствія. Произошелъ обмѣнъ весьма ясныхъ упрековъ, окончившійся полнымъ разрывомъ. Мнѣ было жаль этого дома, гдѣ сердце согрѣвалось въ ароматной атмосферѣ, распространяемой коврами и мебелью. Въ особенности я сожалѣлъ о бѣлокурой г-жѣ Сервьеръ, съ такой розовой, нѣжной, пріятной для поцѣлуя кожей. Ея взглядъ вносилъ въ мою, лишенную улыбки и ласки, жизнь маленькій лучъ свѣта. Но прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и я не вспоминалъ о ней больше.

Со времени знаменитаго ухода аббата, мы его почти не видѣли; развѣ только на улицѣ, гдѣ онъ даже намъ не кланялся. Двѣ попытки къ примиренію, сдѣланныя старымъ кюрэ, ни къ чему не привели. Старикъ наткнулся на непоколебимое и окончательное рѣшеніе. Отъ Жюля онъ добился только слѣдующихъ словъ:

— Дур-р-раки!.. Мнѣ надоѣло жить съ дур-р-раками... пусть они отвяжутся отъ меня!

Послѣ неудачныхъ уговоровъ и просьбъ, кюрэ рѣшился пригрозить.

— Послушайте, г. аббатъ,—сказалъ онъ, стараясь придать своему голосу внушительное выраженіе, — вы хотите поселиться здѣсь, какъ викарный священникъ... Вѣдь этого нельзя сдѣлать безъ моего согласія... Ну, а я согласенъ съ однимъ только условіемъ: вы примиритесь съ своей семьей.

— Дурррaки! — продолжалъ рычать Жюль. — Пусть они оставятъ меня въ покоѣ!

— Берегитесь, г. аббатъ!.. Я не знаю вашего положенія, но подозрѣваю, что оно не изъ прочныхъ... Не доводите меня до крайности... Я пожалуюсь епископу.

— Жалуйтесь хоть чорту!.. Убирайтесь вонъ!.. Оставьте меня въ покоѣ!.. Дурррaки!..

Вскорѣ кюрэ умеръ. Новый кюрэ слишкомъ дорожилъ своимъ спокойствіемъ и не старался вникать въ это дѣло. Къ тому же аббатъ сдѣлалъ ему визитъ вскорѣ послѣ его пріѣзда... Все устроилось наилучшимъ образомъ. Назначили часы службъ, обсудили необходимыя мелочи, обязательныя для приходскаго священника, при чемъ Жюль не обнаружилъ ни малѣйшаго противорѣчія. Его смиреніе удивило всѣхъ.

— Онъ былъ очень приличенъ и вѣжливъ!—заявилъ кюрэ Бланшаръ, тотчасъ же явившійся сообщить намъ результатъ

свиданія. — А какъ онъ хорошо говоритъ!.. Онъ настоящій говорунъ... э-э... ораторъ!

— Спросили вы его, что онъ дѣлалъ шесть лѣтъ въ Парижѣ?—поинтересовался отецъ.—Надо же, наконецъ, узнать.

— Да... То есть, я наводилъ разговоръ на это... но при словѣ Парижъ, аббатъ тотчасъ же сталъ въ оборонительное положеніе... и вскорѣ ушелъ...

— Такъ ничего еще неизвѣстно?

— Ничего.

— Быть можетъ, и никогда не станетъ извѣстнымъ!—сказалъ мой отецъ со вздохомъ разочарованія. И вдругъ, исполненный семейной гордости, забывъ всѣ огорченія, причиненныя ему Жюлемъ, онъ хвастливо замѣтилъ:

— Онъ хорошо говоритъ, не правда ли?.. Ну еще бы! вѣдь онъ далеко не глупъ!

Двѣ необыкновенныя новости стали извѣстны одна за другою. Аббатъ купилъ за наличныя деньги усадьбу Капуциновъ... А затѣмъ привезли мебель и шестьдесятъ большихъ ящиковъ съ книгами. Моя мать пожимала плечами, не желая ничему вѣрить.

— Это невозможно!—возражала она.—У него былъ одинъ только дорожный мѣшокъ.

А когда пришлось повѣрить очевидности, она пришла въ негодованіе:

— Онъ, значитъ, обманулъ насъ!.. Онъ богатъ!.. Но гдѣ онъ могъ накрасть столько денегъ?

Обыкновенно такая спокойная, такъ владѣвшая собой, она совсѣмъ потеряла голову, предвидѣла цѣлый рядъ неизбѣжныхъ преступленій, возможныхъ доносовъ и, возбужденная непреодолимымъ чувствомъ мести, кричала:

— Надо узнать, что онъ дѣлалъ въ Парижѣ... надо тотчасъ же узнать!..

Вечеромъ Робенъ высказалъ предположеніе:

— Вѣроятно, онъ игралъ на биржѣ!

Аббатъ, между тѣмъ, устроился въ „Капуцинахъ". Такъ называлась усадьба въ двухстахъ метрахъ отъ города, хотя никто не зналъ происхожденія этого названія. Даже нотаріусъ, подробно изучившій мѣстную исторію, никогда не слыхалъ, чтобы когда-нибудь здѣсь былъ монастырь капуциновъ, или какіе бы то ни были монахи. Усадьба, впрочемъ, нисколько не была похожа на монастырь и скорѣе напоминала старинное убѣжище для таинственныхъ похожденій. Это былъ маленькій, въ стилѣ Людовика XV, домикъ красивой архитектуры, но старый и разрушенный. Онъ состоялъ только изъ одного этажа съ высокими и широкими окнами, какъ въ оранжереѣ. Къ домику вела отъ дороги узкая лавровая аллея, скорѣе тро-

пинка между лаврами. Передъ главнымъ фасадомъ раскинулся круглый дворъ, поросшій травой и окруженный низкими стѣнами. Вдоль стѣнъ разрослись одичавшіе розовые кусты и необыкновенно густая зелень. Изящное и простое крыльцо оканчивалось ступеньками, почти совершенно закрытыми вѣтвями двухъ огромныхъ гортензій. За дворомъ обширный садъ спускался тремя террасами, окаймленными конически подстриженными деревьями, въ глубокій лугъ, похожій на дно высохшаго пруда. Вокругъ луга, на холмахъ раскинулись буковые лѣса и окружали недалекій горизонтъ кудрявой зеленью своей листвы. Какъ разъ противъ дома, въ промежуткѣ между холмами, развертывалась въ видѣ вѣера чудная, прозрачная даль, терявшаяся въ туманѣ. Лишенный долгое время ухода, садъ переполненъ былъ птицами, не боявшимися человѣка. Разрослась трава и дикіе цвѣты. Свободные, роскошные, опьяненные собственымъ ароматомъ, они покрыли всѣ клумбы райски фантастическими букетами; старыя стѣны украсились чудной декораціей изъ нѣжной мозаики камней и подвижныхъ узоровъ виноградныхъ лозъ. Сплетенныя между собою вьющимися растеніями, фруктовыя деревья, нѣкогда изуродованныя садовыми ножницами, безбоязненно протягивали теперь свои узловатые бронзовые сучья съ новыми розовыми вѣточками, гдѣ укрывались птицы. Глубокій миръ царилъ въ этомъ мѣстѣ, и, казалось, само время не осмѣливалось переступать порогъ этого рая. Такъ близко къ человѣку и въ то же время такъ далеко отъ него чувствовалась лишь жизнь вѣчно юной божественной природы, недосягаемая красота, не оскверненная доселѣ человѣческимъ взоромъ. Въ одномъ изъ угловъ этого безмятежнаго уголка, тоненькая стрѣлка солнечныхъ часовъ одна только отмѣчала медленный ходъ времени.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней мысли моихъ родителей заняты были „Капуцинами", не потому, чтобы они думали о суровой поэзіи ихъ красоты, а потому, что тамъ жилъ аббатъ. Ихъ томило страшное любопытство...

Съ утра до вечера я слышалъ только восклицанія, вопросы, предположенія. Что онъ дѣлалъ? Что сказалъ? Почему онъ прячется? Навѣрно, тамъ творятся необыкновенныя вещи. Развѣ онъ не могъ, какъ всѣ, поселиться гдѣ-нибудь въ городѣ, если бы у него не было преступныхъ намѣреній? Со склонностью честныхъ провинціалокъ видѣть страшный грѣхъ въ самыхъ простыхъ привычкахъ, имъ не свойственныхъ, и преувеличивать до ужаса физическую сторону грѣха, моя мать, съ мыслью объ аббатѣ Жюлѣ, несомнѣнно соединяла представленіе о чудовищномъ развратѣ въ тиши его

одиночества. Въ своемъ волненіи она забылась до того, что въ моемъ присутствіи воскликнула:

— Меня не удивитъ, если окажется, что онъ съ собою привезъ изъ Парижа какую нибудь-тварь!

Мой отецъ, подъ впечатлѣніемъ преступленія Верже и бомбъ Орсини, повидимому, представлялъ себѣ аббата приготовляющимъ мрачныя покушенія и адскія машины, среди грудъ пороха и пироксилина.

Аббатъ служилъ свою обѣдню въ семь часовъ утра. Раздовалось три негромкихъ колокольныхъ удара, онъ что-то бормоталъ про себя, затѣмъ будто благословлялъ, нѣсколько разъ склонялся на колѣни, будто пилъ что-то, опять что-то бормоталъ, и конецъ. Когда, запыхавшись, прибѣгали богомолки, священникъ уже шелъ изъ алтаря въ ризницу, неся подъ воздухомъ пустую дароносицу, и торопливо возвращался домой.

Смутно надѣясь что-нибудь узнать и, быть можетъ, повинуясь скрытому желанію сблизиться, моя мать принялась усердно посѣщать эти обѣдни.

— Удобнѣе раньше и провизію покупать, — оправдывалась она.

Нѣсколько разъ она причащалась. Аббатъ торопливо, быстрымъ движеніемъ большого пальца клалъ ей на языкъ бѣлую облатку причастія и, казалось, не замѣчалъ ея. Ей пришло было въ голову исповѣдаться у него, но она отказалась отъ этой мысли.

— Ну, нѣтъ!—спохватилась она. — Еще пойдетъ всюду разсказывать мои грѣхи.

Пришлось на меня возложить важную миссію. Кромѣ дней, когда мой дядя ходилъ къ Серверамъ, его очень рѣдко можно было встрѣтить на улицѣ. Но каждый день, послѣ полудня, онъ гулялъ около часу, съ молитвенникомъ подъ мышкой, хотя никогда не раскрывалъ его.

— Послушай, — сказала мнѣ разъ утромъ мать. — Не хорошо, что ты не видишься съ своимъ дядей, потому только, что мы съ нимъ въ ссорѣ. Вѣдь ты—его крестникъ. Запомни хорошенько, что я тебѣ скажу... Это очень важно... Твой дядя каждый день, между часомъ и двумя, гуляетъ по дорогѣ возлѣ своего дома,—ты знаешь?

— Да, мама.

— Ну, такъ вотъ. Каждый день, между часомъ и двумя, ты тоже будешь ходить туда гулять.

— Хорошо, мама.

— Ты, конечно, встрѣтишь дядю...

— Да.

— Главное, не бойся.

— Хорошо.

— Ты ему поклонишься... Запомни, дитя мое... Если онъ тебѣ отвѣтитъ, ты спроси, какъ его здоровье... Если онъ заговоритъ съ тобой, ты отвѣчай... Будь умникомъ, будь ласковъ и почтителенъ... Ну, покажи, какъ ты поклонишься?

Пришлось прорепетировать сцену возможной встрѣчи съ моимъ съ дядей. Мать изображала аббата.

— Отлично!—одобрила она.—Очень хорошо... Постарайся быть такимъ же и тамъ.

Прогука пришлась мнѣ по вкусу, тѣмъ болѣе, что она совпадала съ латинскимъ урокомъ. Все же я предпочиталъ, чтобы дядя на дорогѣ не встрѣчался мнѣ. Мысль о томъ, что я долженъ заговорить съ нимъ, ужасала меня. Кромѣ того, мнѣ было какъ-то стыдно разыгрывать эту комедію. Въ то же время въ сердце мое заползло тяжелое чувство, точно уменьшилось мое уваженіе и любовь къ матери. Въ продолженіе урока я сталъ замѣчать въ глазахъ ея, съ холоднымъ, металлическимъ блескомъ тоже жестокое и жадное выраженіе, какъ и во время разговоровъ съ г-жей Робенъ о деньгахъ.

Съ легкой дрожью, шелъ я по краю дороги, вперивъ передъ собою взглядъ. Подъ отвѣсными лучами солнца дорога бѣлѣла, какъ сливки, а запыленная и сожженная листва придорожныхъ деревьевъ бросала на нее узорчатую, голубоватую тѣнь съ просвѣчивающими пятнами солнечнаго свѣта. За плетнями, по обѣимъ сторонамъ дороги, тянулись желтые, созрѣвшіе хлѣба. Я шелъ медленно, подавленный страхомъ и зноемъ, ниспадавшимъ съ неба, гдѣ въ безпредѣльной лазури плавало одно забытое облачко, похожее на большую розоватую птицу. Дорога дѣлала внезапный поворотъ, исчезала и вновь появлялась. По мѣрѣ того, какъ я двигался впередъ, тѣни удлинялись, расширялись, принимая форму какихъ-то странныхъ животныхъ... Вдругъ я замѣтилъ страшную рясу, чернѣвшую на бѣлой дорогѣ. За ней слѣдовала маленькая тѣнь, болтавшаяся у ногъ, какъ собаченка. Я остановился, какъ вкопанный. Дядя прошелъ мимо меня маленькими шажками, сгорбившись, точно у него не двигались суставы. Его ряса, блестѣвшая на солнцѣ, какъ панцырь, показалась мнѣ ужасно черной. Видя, что онъ не возвращается, я пошелъ за нимъ. Онъ шелъ по краю дороги, заглянулъ черезъ заборъ, сорвалъ какую-то травинку, потомъ другую и со вниманіемъ сталъ ихъ разсматривать. Я воспользовался этимъ моментомъ и ускорилъ шаги. Очутившись противъ него по другую сторону дороги, я поклонился и быстро прошелъ мимо. Дядя поднялъ голову, взглянулъ на меня мелькомъ и вновь опустилъ глаза въ лупу: черезъ нее онъ разсматривалъ былинку.

На слѣдующій день я не былъ счастливѣе. Но на третій день я увидѣлъ его сидящимъ на межевой тумбѣ. Онъ меня ждалъ.

— Подойди сюда, мальчикъ,—сказалъ онъ почти ласково.

Я приблизился, очень взволнованный. Онъ нѣсколько минутъ смотрѣлъ на меня съ сожалѣніемъ, -такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ показалось.

— Тебя послали сюда твои родители? правда?.. Не лги!— прибавилъ онъ, погрозивъ указательнымъ пальцемъ.

— Да, дядя,—пролепеталъ я,—моя мама...

— А ты знаешь, зачѣмъ она тебя послала?

— Нѣтъ, дядя,—отвѣтилъ я, готовый расплакаться.

— Ну, а я знаю... Твоя мать честная женщина... Твой отецъ тоже честный человѣкъ... И въ то же время они глупые негодяи, мой мальчикъ... какъ и всѣ честные люди... Тебя этому въ школѣ не обучаютъ?.. Учишь ты въ школѣ катехизисъ? Ты въ школу ходишь?

— Со мной занимается кюрэ...—отвѣтилъ я, рыдая.

— Кюрэ?..—повторилъ дядя. — Онъ тоже честный человѣкъ. Ты, бѣдное дитя, тоже будешь честнымъ человѣкомъ.

И, потрепавъ меня по щекѣ, прибавилъ:

— Жаль!.. Ну, а теперь уходи прочь...

Моя мать была страшно раздосадована этимъ результатомъ.

Казалось, ненависть ея къ аббату возрасла, и ко мнѣ она отнеслась очень строго: на меня посыпались упреки за мою неудачу.

— Ты не умѣлъ себя держать... Ты никуда не годишься!.. Изъ тебя никогда ничего не выйдетъ.

Желаніе ея знать объ аббатѣ, между тѣмъ, росло. Какъ и мною, она стала пользоваться нашей кухаркой Викториной и подбивала ее разнюхивать и шпіонить за дядей, разспрашивая у сосѣднихъ лавочниковъ; но все это дало ничтожные результаты. По ея же приказанію, Викторина стала часто бывать у Мадлены, старой служанки аббата. При встрѣчахъ на рынкѣ, въ мясной, въ мелочной лавкѣ, онѣ пускались въ безконечные разговоры, разспросы, восклицанія. Вслѣдствіе свиданій этихъ двухъ кумушекъ, стали извѣстны очень интересныя и таинственныя подробности, оживившія, хотя и не удовлетворившія, ненасытное любопытство моихъ родителей.

Такъ узнали, что аббатъ, поселившись въ своемъ домѣ, сталъ проявлять страшную злобу, все швырялъ, бранилъ рабочихъ и приходилъ въ такую ярость, что никто не хотѣлъ у него работать. Съ тѣхъ поръ, онъ значительно утихъ, не выходилъ изъ себя, не жаловался ни на что. Онъ скорѣе казался

печальнымъ. Впрочемъ, Мадлена видѣла его только за ѣдой и утромъ, когда онъ возвращался изъ церкви и прогуливался въ своемъ саду, оставленномъ въ прежнемъ очаровательно дикомъ безпорядкѣ.

Въ домѣ аббатъ обставилъ самымъ необходимымъ только три комнаты: спальню, столовую и библіотеку. Въ послѣдней онъ просиживалъ цѣлые дни до поздней ночи, когда ложился въ постель. Иногда онъ писалъ, но большею частью читалъ. Онъ читалъ огромныя книги съ краснымъ обрѣзомъ, такія большія и тяжелыя, что ему трудно было одному поднимать ихъ. На дверяхъ своей библіотеки онъ жирными буквами написалъ: *Входъ воспрещается.* И никто до сего времени не осмѣлился переступить ея порогъ. Библіотеку онъ устроилъ безъ помощи рабочихъ; самъ, каждую субботу, вытиралъ въ комнатѣ пыль и подметалъ полъ. Когда онъ выходилъ изъ дому, то тщательно два раза повертывалъ въ замкѣ ключъ и уносилъ его съ собой. А посмотрѣть въ замочную скважину,—то ужасъ, что можно было увидѣть! Все книги, книги, большія, среднія, совсѣмъ маленькія, всевозможныхъ формъ и цвѣтовъ, по всѣмъ четыремъ стѣнамъ отъ пола до потолка, кучи на каминѣ, на столахъ, даже на полу!.. Точно такъ же было запрещено входить въ комнату противъ библіотеки на другомъ концѣ корридора, и бывшую всегда на замкѣ. Между тѣмъ, въ этой комнатѣ лежалъ только одинъ чемоданъ и стоялъ одинъ стулъ. Аббатъ запирался въ ней разъ въ недѣлю на долгіе часы.. Что тамъ происходило—неизвѣстно, но, должно быть, что-нибудь противоестественное, потому что служанка часто слышала, какъ ея господинъ съ яростью бѣгалъ по комнатѣ, топалъ ногой и испускалъ дикіе крики. Одинъ разъ, услышавъ шумъ, она подумала, что аббатъ засталъ у себя воровъ; она стала подслушивать у двери и ясно разслышала слова: „Свинья... свинья... гнусная тварь... Навозъ!..“ Къ кому это относилось?.. Достовѣрно только, что въ комнатѣ, кромѣ аббата, чемодана и стула, никого не было... Когда онъ вышелъ оттуда, то его можно было испугаться: волосы растрепанные, глаза мрачные и страшные, лицо возбужденное, блѣдный, какъ полотно, и запыхавшійся!.. Послѣ этого онъ бросился на постель въ своей комнатѣ и уснулъ. Навѣрно, чемоданъ былъ причиною всего зла. Между тѣмъ, Мадлена видѣла его, видѣла и стулъ. Стулъ былъ соломенный съ деревянными ножками, какъ всѣ стулья; чемоданъ старый, очень старый, съ украшеніями изъ свиной кожи на выпуклой крышкѣ, какъ и всѣ чемоданы... Это не мѣшало, однако, Мадленѣ испытывать сильный страхъ и спрашивать себя иногда, не слѣдуетъ ли предупредить жандармовъ.

Трепетавшая отъ ужаса, Викторія, переполненная всѣми

сверхъестественными и чудесными росказнями, передавая все это моей матери, прерывала себя и спрашивала:

— Ну, какъ по вашему, барыня, что можетъ быть въ этомъ чемоданѣ? Тамъ вѣдь нѣтъ чорта? Нѣтъ также тѣхъ звѣрей, что были при Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ?.. А вотъ, барыня, когда я была маленькая, отецъ мой видѣлъ въ лѣсу звѣря... Какой-то чудной!.. Морда такая длинная, длинная, какъ палка, хвостъ метелкой, а лапы, Господи, какъ лопаты!.. Отецъ не тронулся съ мѣста, и звѣрь ушелъ... Ну, а если бы отецъ двинулся, звѣрь сейчасъ бы его съѣлъ... Не сидитъ ли въ сундукѣ именно такой звѣрь?

— Ну, ну,—говорила моя мать, улыбаясь концами своихъ тонкихъ губъ,—вы говорите глупости, Викторія.

— Глупости! дорогая моя барыня!—вскричала кухарка, смущенная скептицизмомъ своей хозяйки,—нѣтъ, нѣтъ! никто меня не разувѣритъ, что въ „Капуцинахъ“ нѣтъ чертовщины... Вотъ на дняхъ дверной колокольчикъ, большой такой, вдругъ свалился Мадленѣ на голову. Мадлена и не думала о немъ, онъ не звонилъ даже... Вотъ какія вещи происходятъ у вашего зятя, сударыня!

Викторія находила все это совершенно справедливымъ, нормальнымъ и ничему не удивлялась, такъ какъ отъ своей подруги знала, что во всемъ домѣ нельзя было найти ни одного священнаго предмета. Тщетно было бы искать какого-нибудь распятія, изображенія мадонны, кропильницы, медальона, священной вѣтки. Никогда аббатъ не читалъ предъобѣденной молитвы и никогда не осѣнялъ себя крестомъ послѣ трапезы.

Исторія о чемоданѣ разрослась, проникла во всѣ дома городка и страшно возбудила всѣ головы. Наиболѣе невѣрующіе, трактирные вольнодумцы, явно отвергавшіе все сверхъестественное въ жизни, стали безпокоиться. Никто не могъ пройти мимо узкой лавровой аллеи-дороги къ „Капуцинамъ“, безъ того, чтобы его не охватили робкія мысли, а порою не представились и привидѣнія. А что, если вдругъ аббатъ выпуститъ на волю свое страшное чудовище, этого неизвѣстнаго звѣря, что рычитъ на днѣ его чемодана?! Уже начинало казаться, что деревья принимаютъ необыкновенныя формы, что съ полей поднимаются зловѣщіе туманы, а птицы на вѣткахъ цинично смотрятъ на прохожихъ, насвистывая адскія пѣсни. Библіотека, благодаря сплетнямъ обѣихъ кухарокъ, въ разстроенномъ воображеніи обывателей также приняла демоническіе размѣры и характеръ. Моего дядю наряжали волшебникомъ, продѣлывающимъ заклинанія, тогда какъ его книги, одушевленныя бѣсовскою жизнью, какъ

мыши, сползали со своихъ мѣстъ, кричали, какъ совы, и прыгали, какъ лягушки, вокругъ него.

У насъ въ семьѣ эти извѣстія не объяснялись волшебнымъ образомъ, но чемоданъ все же смущалъ. Несомнѣнно, тайна какая-то была, потому что существовалъ чемоданъ. Но въ чемъ эта тайна? И что въ чемоданѣ? По поводу этого чемодана пускались въ сложные комментаріи, въ трагическія предположенія, не удовлетворявшія здраваго смысла. Библіотека возбуждала любопытство въ другомъ смыслѣ.

— Такая библіотека должна стоить очень дорого!—говорила моя мать.

Мой отецъ съ увѣренностью, придавая еще большую цѣнность книгамъ, отвѣчалъ:

— Такая библіотека?.. Неизвѣстно, что она можетъ стоить?.. Можетъ быть, двадцать тысячъ франковъ.

— И подумать только, что онъ не оставитъ ея даже своему крестному сыну!—вздыхала мать.

Но вскорѣ жизнь, взволнованная всѣми этими событіями, приняла свое обычное теченіе. Видно было, что мать моя думаетъ о „Капуцинахъ“ и составляетъ въ головѣ планы, но всетаки она рѣже говорила объ аббатѣ. Съ Викторіей у нея происходили длиннѣйшія таинственныя совѣщанія, не выходившія за порогъ кухни. Отецъ, въ свою очередь, утѣшился въ ссорѣ съ братомъ простымъ признаніемъ:

— Ну, да съ Жюлемъ всегда такъ бывало... Пусть такъ и идетъ... Намъ, слава Богу, его денегъ не надо!

Дѣйствительно, двѣ богатыхъ роженицы, бывшія долго предметомъ разговоровъ за столомъ, отвлекли его отъ домашнихъ дѣлъ и внесли въ нашъ домъ знакомую мнѣ хорошо спеціальную радость. Я каждый день съ грустью уходилъ послѣ обѣда къ кюрэ. Во время уроковъ о. Бланшаръ иногда спрашивалъ меня:

— Ты больше не видалъ своего дяди?.. Какая у него смѣшная фигура!..

Я съ грустью воспринималъ грубую веселость толстаго и безпечнаго попа. Для смягченія моего нрава онъ рѣшилъ обучать меня игрѣ на флейтѣ, одновременно съ молитвами.

— Это прекрасный инструментъ,—сказалъ онъ,—онъ возвышаетъ нравственность.

Должно быть, также для возвышенія моей нравственности отецъ, въ одинъ изъ четверговъ, когда я хорошо велъ себя, взялъ меня съ собой, въ свой кабріолетъ. Я сопровождалъ его въ визитахъ по больнымъ. Безмолвно, подскакивая на выбоинахъ дороги, какъ на морскихъ волнахъ, мы переѣзжали отъ одного больного къ другому. Въ деревняхъ, передъ домами, гдѣ прозябали несчастные страдальцы, мы сходили съ

экипажа. Отецъ привязывалъ лошадь и входилъ въ жалкія помѣщенія, а я оставался у порога двери и сквозь мракъ закопченыхъ и сырыхъ комнатъ различалъ страдающія пожелтѣвшія лица, закинутыя головы, сжатые зубы и остановившійся взоръ глубоко запавшихъ глазъ умирающихъ.

Съ тоскою въ душѣ, напуганный образами смерти, я думалъ о маленькихъ Сервьерахъ, объ ихъ веселой, беззаботной жизни, освѣщенной ласками родителей, окружающихъ ихъ довольствомъ и счастьемъ. Я думалъ также о своемъ дядѣ, о произнесенныхъ имъ съ грустью и лаской словахъ: „какъ жаль!"

Аббатъ показывался еще рѣже и тщательнѣе заперся въ своей библіотекѣ. Казалось, что здоровье его ухудшилось, онъ сильно кашлялъ и часто испытывалъ головокруженія. Обѣдню онъ служилъ только разъ въ три дня. Во время перенесенія мощей св. Реми, покровителя Віантэ, въ праздникъ, когда пріѣзжали три епископа и больше ста священниковъ, мой дядя отказался принять участіе въ процессіи. Отсутствіе его было истолковано не въ его пользу, хотя въ извиненіе онъ приводилъ свою болѣзнь.

Чувствовалось, что здѣсь имѣются другія причины, и между ними—съ трудомъ скрываемое отвращеніе ко всему, что имѣетъ отношеніе къ религіозному культу. На дорогѣ онъ также появлялся рѣже. Любимымъ мѣстомъ прогулокъ для него сдѣлался его садъ. Въ ясные, солнечные дни онъ любилъ сидѣть на травѣ, подъ кругло подстриженной акаціей, и слѣдить за полетомъ быстрыхъ соекъ и за пареніемъ большихъ ястребовъ въ небесной вышинѣ. Была ли то усыпляющая тишина одиночества, были ли то страданія или усталость человѣка, чувствовавшаго себя побѣжденнымъ навѣки? По разсказамъ Мадлены, характеръ ея господина очень измѣнился. Взрывы гнѣва происходили все рѣже; онъ восторженно умилялся передъ растеніями и насѣкомыми; а птицы, получавшія отъ него крошки хлѣба и зерна, стаями летали вокругъ него. Не встрѣчая его больше на улицахъ, всѣ мало по малу стали меньше бояться „Капуциновъ", хотя библіотека и чемоданъ порою и служили предметомъ разговоровъ обывателей по вечерамъ, на сонъ грядущій.

Случайныя обстоятельства сильно укрѣпили нашу дружбу съ мировымъ судьею и его женой и связали насъ близкими узами. Моя мать думала, вѣроятно, найти въ Робенахъ нравственную опору, и кто знаетъ, въ случаѣ процесса, быть можетъ, и матеріальную. Г-жа Робенъ, конечно, была очень рада играть роль повѣренной въ комедіи, гдѣ она была не при чемъ, и гдѣ, наоборотъ, находила пищу для своей злости въ неожиданныхъ и потрясающихъ осложненіяхъ. Кромѣ того, она не

могла простить дядѣ его отказъ отъ обѣда, когда ради него она разрядилась въ пухъ и прахъ. Два года спустя, она все еще сильно сердилась на него за его невѣжливость. Эти двѣ дамы видѣлись теперь гораздо чаще прежняго. Моя мать бѣгала къ своей пріятельницѣ за всякимъ пустякомъ. Съ своей стороны г-жа Робенъ по тому же поводу прилетала къ намъ съ важнымъ и таинственнымъ видомъ. Обѣ онѣ чувствовали необходимость совѣтоваться о всякой бездѣлицѣ, даже внѣ великихъ и малыхъ событій, гдѣ „Капуцины" служили неисчерпаемымъ матеріаломъ.

— Подожди-ка, мнѣ надо посовѣтоваться съ г-жей Робенъ,—сказала моя мать, когда мы разъ проходили мимо дома дѣвицъ Лежаръ.

Дѣвицы Лежаръ жили въ первомъ этажѣ; второй занимали Робены. Взглянувъ вверхъ на этотъ ненавистный для меня домъ, я замѣтилъ въ одномъ изъ оконъ худой профиль Жоржа, склонившагося надъ шитьемъ. Руки мальчика то подымались, то опускались вслѣдъ за иглой.

— Онъ, по крайней мѣрѣ, годится хоть на что-нибудь,— замѣтила моя мать тономъ упрека, въ то время, какъ мы вошли въ темный корридоръ, вымощенный кирпичемъ; въ глубинѣ его крутая лѣстница, безъ перилъ, вела въ квартиру Робеновъ.

Съ нѣкотораго времени г-жа Робенъ прекратила обученіе своего сына. Она разсудила, что уродливый и болѣзненный Жоржъ не можетъ разсчитывать въ будущемъ на какую-нибудь карьеру. Зачѣмъ же въ такомъ случаѣ тратить деньги на ни къ чему не нужное образованіе? Еще будетъ ли онъ жить? Она сомнѣвалась и въ этомъ. Въ виду этого, мать рѣшила приспособить его къ хозяйству и сдѣлала изъ него нѣчто въ родѣ слуги для себя. Она заставляла его исполнять грязныя и непріятныя обязанности, что избавляло ее отъ необходимости нанимать поденщицу. Онъ долженъ былъ мыть посуду, чистить котлы, мести полъ, чистить обувь, а затѣмъ цѣлый день шить. Онъ чинилъ кухонныя полотенца, грубыя простыни, штопалъ старые чулки, или вязалъ кальсоны для своего отца. Сидя у одного и того же окна, всегда склонивъ свое землистое лицо и несчастное тѣло, онъ время отъ времени тяжело кашлялъ; не прерывая работы, изрѣдка взглядывалъ въ окно на играющихъ на площади мальчишекъ, слѣдилъ взоромъ за полетомъ ручныхъ голубей и движеніемъ дѣтскихъ телѣжекъ, удалявшихся въ зеленое облитое солнцемъ поле.

Г-жа Робенъ отворила намъ дверь. Она была въ распашной кофтѣ. Синій холщевый передникъ закрывалъ черную нижнюю юбку, плохо завязанную у пояса и не прикрывав-

шую чулокъ и ногъ, обутыхъ въ ковровыя туфли. Увидѣвъ насъ, она стыдливо спряталась за дверью, сконфуженная, что ее застали въ безпорядкѣ, еще болѣе оттѣнявшемъ ея безобразіе и сыпь на лицѣ.

— Я не могу васъ принять въ такомъ видѣ! — кричала она.—Я какъ разъ въ кухнѣ стряпаю пирогъ... Дайте мнѣ, по крайней мѣрѣ, одѣться...

— Не надо, не надо,—настаивала моя мать,—мы не хотимъ вамъ мѣшать, дорогой другъ... Я пойду съ вами въ кухню... Альбертъ поболтаетъ съ Жоржемъ... У меня есть новости...

Г-жа Робенъ высунула свое лицо, обнаружившее гримасами неудержимое любопытство.

— Все равно, это неприлично... Право, если бы я знала, что вы придете...

Она продолжала кривляться, но мать моя утащила ее въ кухню, а я направился въ комнату, гдѣ сидѣлъ Жоржъ.

Посреди комнаты, подъ бѣлыми занавѣсками, стояла кровать изъ краснаго дерева. Разрозненныя половинки изорванныхъ ширмъ отдѣляли ее отъ желѣзной койки Жоржа, обращенной головою въ уголъ. Орѣховый комодъ съ сѣрой мраморной крышкой, вольтеровское кресло, обитое краснымъ репсомъ, туалетъ на трехъ ножкахъ въ стилѣ Имперіи, цинковые золоченые часы подъ колпакомъ на каминѣ, съ фигурой Маріи Стюартъ, дополняли убранство комнаты. Тамъ и сямъ висѣли распятія, кропильницы, пожелтѣвшія литографіи священныхъ картинъ, въ деревянныхъ рамкахъ.

У окна, безъ занавѣсокъ, передъ грудою тряпокъ и корзинкой, наполненной клубками нитокъ и иголками, сидѣлъ, сильно сгорбившись, Жоржъ и шилъ. Лицо его было подернуто синеватою тѣнью, при свѣтѣ живыхъ лучей солнца. Бѣдный уродецъ боязливо взглянулъ сначала на меня, потомъ на дверь и, увидѣвъ, что я одинъ, улыбнулся.

— Матери тамъ нѣтъ?—спросилъ онъ меня тихо.

— Нѣтъ!

Онъ оставилъ свою работу и, поднявшись съ трудомъ, пошелъ ко мнѣ на встрѣчу. Слабыя ноги не могли держать его тщедушнаго тѣла и сгибались на каждомъ шагу, какъ нѣжные побѣги деревьевъ подъ тяжестью маленькихъ птичекъ.

Мнѣ не часто приходилось оставаться съ нимъ наединѣ. Бѣдняжка почти никогда не выходилъ изъ дому; а у него или даже у насъ между нами всегда стояла леденившая тѣнь его матери. Мы не могли разговаривать, но наши глаза вели живую бесѣду, и его взоръ много сообщилъ мнѣ о его страданіяхъ.

— Сядь возлѣ меня,—сказалъ онъ, подставляя мнѣ табуретъ.

Опираясь на мое плечо, онъ сѣлъ на свое мѣсто, и безмолвно устремилъ на меня глаза. Я также молчалъ. Нѣсколько стѣсняясь, даже немного опечаленный, я смотрѣлъ на него, чувствуя его превосходство надъ собою. У него были матовые свѣтлые волосы, лишенные блеска, какіе бываютъ у больныхъ животныхъ. Безкровное, увядшее лицо слегка оживилось выступившими розовыми пятнами на сильно торчавшихъ скулахъ. Безжизненное, захирѣвшее тѣло чувствовалось подъ ситцевой блузой, окутывавшей его до самыхъ ногъ. Руки его, длинныя и сухія, удивляли меня, такъ какъ я никогда ничего подобнаго у дѣтей не видѣлъ. Темносиніе глаза производили также тяжелое впечатлѣніе странной глубиною взгляда и недѣтской задумчивостью. Мнѣ становился невыносимымъ устремленный на меня взглядъ Жоржа, точно что-то давило мнѣ на черепъ. Вдругъ онъ сказалъ:

— Думалъ ты когда-нибудь уѣхать... далеко... какъ можно дальше?

— Нѣтъ!—отвѣчалъ я...—Почему ты меня спрашиваешь объ этомъ?

Онъ обернулся къ окну и, размахивая своей длинной и сухой рукой, сказалъ:

— Потому что тамъ должно быть прекрасно... тамъ, за этими крышами... далеко, за лѣсами... Вчера вечеромъ, когда мои родители были у тебя, мнѣ хотѣлось уйти... еще дальше, чѣмъ туда... Я всталъ и одѣлся... Но дверь была заперта... Тогда я опять легъ и сталъ думать... Эта Америка далеко, скажи?

— Зачѣмъ ты меня объ этомъ спрашиваешь, Жоржъ?—повторилъ я свой вопросъ.

— Въ прошломъ году я читалъ одну книгу... Въ ней говорилось о дѣтяхъ... Они жили среди полей и лѣсовъ... бѣгали среди цвѣтовъ, гонялись за красивыми животными... На деревьяхъ сидѣли попугаи, райскія птицы, дикіе павлины. У дѣтей не было ни отца, ни матери... Это происходило въ Америкѣ.. Далеко она?

— Не знаю,—отвѣтилъ я съ тревогой въ сердцѣ.

— Ты не знаешь?.. Вотъ бы я хотѣлъ уѣхать въ Америку... или въ другое мѣсто.. Иногда я вижу дѣтей, стерегущихъ коровъ у дороги... Коровы щиплютъ траву... Дѣти рвутъ цвѣты и дѣлаютъ изъ нихъ красивые желтые букеты съ... Или они рвутъ ягоды у изгородей... Должно быть весело пасти коровъ... А у пастуховъ-дѣтей есть родители, не знаешь?

— Не знаю.

— Да ты ничего не знаешь! — сказалъ разочарованно Жоржъ и вздохнулъ. И вдругъ прибавилъ:—Иногда я вижу, какъ черезъ площадь переѣзжаютъ фургоны фокусниковъ... Большія такія колымаги, желтыя, красныя, съ маленькими оконцами и съ дымящейся трубой. И мнѣ хочется уѣхать съ ними... Куда они ѣдутъ, не знаешь?

— Они ѣдутъ въ города... далеко...

— Можетъ быть, и въ Америку?

— Можетъ быть!

Онъ подумалъ немного, потомъ притянулъ меня къ себѣ и поцѣловалъ.

— Ты никому не скажешь?.. Вотъ что... Когда проѣдетъ такая карета, я выйду и пойду за ней... Потомъ я попрошу акробатовъ взять меня съ собой... А ты никогда не собирался уйти?—спросилъ онъ, прерывая себя.

Слова Жоржа причиняли мнѣ боль. Они потрясали меня въ моихъ священныхъ дѣтскихъ вѣрованіяхъ, въ животной привязанности, прикрѣпляющей васъ даже къ тому дому, гдѣ вы страдали, къ семьѣ, лишавшей васъ ласки.

— Послушай, Жоржъ, — заговорилъ я, сильно взволнованный,—нехорошо то, что ты говоришь. Это грѣхъ, и Богъ накажетъ тебя за это... Ты развѣ не любишь ни своей матери, ни отца, что хочешь ихъ бросить?

Несчастный мальчикъ заволновался на своемъ стулѣ. Пламя гнѣва, странное въ такомъ хрупкомъ созданіи, вспыхнуло въ его страшныхъ глазахъ. Сжавъ кулаки, онъ вскричалъ хриплымъ голосомъ:

— Нѣтъ, нѣтъ... я ихъ не люблю!.. нѣтъ!

— Почему?—пробормоталъ я.—За то, что они тебя бьютъ, запираютъ?..

— Нѣтъ, прежде они меня били, запирали, и я ихъ любилъ.

— Почему же ты не любишь ихъ теперь?

Жоржъ склонилъ голову на руки и зарыдалъ.

— Потому что они дѣлаютъ гадости... гадости...

Сухой кашель прервалъ его слова. Я отвелъ глаза, смущенный чѣмъ-то для меня непонятнымъ, но что я чувствовалъ ужаснымъ и постыднымъ.

— Развѣ я могу ихъ любить? — продолжалъ несчастный калѣка. — Вотъ почему я хочу уйти далеко... далеко.. въ страну, гдѣ у дѣтей нѣтъ родителей... гдѣ на прекрасныхъ деревьяхъ распѣваютъ птицы... какъ въ Америкѣ...

За дверью послышался шумъ голосовъ и шаги. Жоржъ опять взялъ свою работу и склонился надъ ней, чтобы скрыть волненіе. Въ комнату вошли г-жа Робенъ и моя мать.

Увидѣвъ насъ сидящими рядомъ въ молчаніи, моя мать

сказала, въ то время, какъ изъ-за ея плеча г-жа Робенъ кинула на меня злобный взглядъ:

— Ну, вижу, что вы вели себя хорошо.

Она подошла къ Жоржу, чтобы поцѣловать его. Но вдругъ, поблѣднѣвъ, протянула руку къ окну и воскликнула:

— А! это ужъ слишкомъ!.. слишкомъ!.. Посмотрите!

Аббатъ Жюль вышелъ на площадь подъ руку съ кузеномъ Дебре. Они шли медленно, разговаривая, какъ близкіе друзья: кузенъ — выпрямившись и жестикулируя; аббатъ — опершись на его руку, съ довольнымъ видомъ. На углу гостиницы Трехъ Королей они исчезли.

Моя мать стояла, какъ пригвожденная. Г-жа Робенъ серьезно смотрѣла на нее.

— Этого вамъ только не доставало!—сказала она.—Капитанъ Дебре вѣдь извѣстный интриганъ!..

Что касается меня, то я не думалъ ни о дядѣ Жюлѣ, ни о кузенѣ Дебре. Подъ впечатлѣніемъ словъ Жоржа, я чувствовалъ что-то ужасное. Я не сводилъ глазъ съ г-жи Робенъ и старался разгадать какую-то тайну.

II.

Кузенъ Дебре, за исключеніемъ старыхъ казарменныхъ воспоминаній и пластическаго знанія нравовъ хорьковъ, обладалъ весьма незначительнымъ умственнымъ багажомъ. Со времени выхода изъ полка, у него была одна мысль, и отъ той онъ принужденъ былъ отказаться. Храбрый кузенъ задумалъ наградить округу пожарными и стать во главѣ ихъ. По поводу этого онъ писалъ одинъ рапортъ за другимъ, одну записку за другой, составлялъ планы, велъ статистику пожаровъ, выдумывалъ прекрасныя правила, но наткнулся на непоколебимую стойкость городского совѣта, отказавшагося возложить на коммуну, и безъ того обремененную долгами, новый расходъ. Капитанъ воспылалъ злобой и, будучи рьянымъ бонапартистомъ, нарочно перешелъ въ оппозицію, но, спѣшу оговориться,—въ оппозицію, выражавшуюся только возгласами „чортъ возьми!“ по адресу мѣстныхъ властей. Благодаря своему чину, онъ занималъ весьма видное положеніе въ Віантэ. Сначала онъ въ полной формѣ появлялся на оффиціальныхъ торжествахъ, а потомъ оказывалъ неисчислимыя услуги матерямъ, имѣвшимъ сыновей въ арміи. Нужно ли было добиться отпуска, отставки или какого-нибудь снисхожденія, тотчасъ же направлялись къ капитану Дебре. Онъ указывалъ пути, исправлялъ прошенія относительно спеціальныхъ выраженій и заваливалъ своими рекомендаціями рекрутскія присутствія и военное

министерство. Пользуясь нѣкоторой популярностью, какъ обязательный человѣкъ, онъ утѣшился въ своей неудачѣ съ планомъ пожарныхъ и съ остервенѣніемъ принялся набивать чучела хорьковъ и ласокъ, убитыхъ въ окрестныхъ лѣсахъ. Каждая семья обладала, по крайней мѣрѣ, хоть однимъ произведеніемъ таланта нашего кузена, и въ то время нельзя было войти ни въ одинъ домъ, чтобы не увидѣть на почетномъ мѣстѣ одного изъ этихъ животныхъ, сидящаго на деревянной дощечкѣ въ рѣзвой позѣ, заимствованной обыкновенно у бѣлокъ. Въ стремленіи къ идеалу, свойственномъ вообще старымъ военныхъ въ отставкѣ, кузенъ въ зоологіи млекопитающихъ исправлялъ все отталкивающее и жестокое. Онъ жилъ уединенно со своей служанкой Меланіей, толстой сорокалѣтней женщиной, и фамильярно звалъ ее: „моя курочка". Интимныя отношенія между хозяиномъ и служанкой были всѣмъ извѣстны. Ни тотъ, ни другая не скрывали этого, и однажды, поссорившись въ кругу чужихъ, капитанъ выразился ясно: „Кричи, кричи, моя курочка... Ты хорошо знаешь, что подушка примиритъ насъ". Изъ-за „курочки" его не принимали въ буржуазномъ обществѣ, но все же уважали его за хорьковъ, бывшихъ чудомъ искусства.

Послѣ случая на площади моя мать разсудила, что не слѣдуетъ оставаться во враждебныхъ отношеніяхъ съ кузеномъ Дебре. Гораздо выгоднѣе приласкать его, осторожно внушить ему стремленіе къ великодушію и воспользоваться имъ, какъ естественной связью между аббатомъ и нами, а впослѣдствіи, какъ и орудіемъ примиренія. Капитанъ сталъ чаще появляться въ нашемъ домѣ; его даже приглашали обѣдать. Не удивляясь такому внезапному повороту и не имѣя привычки доискиваться корня вещей, капитанъ соглашался. Его угощали самымъ лучшимъ дорогимъ виномъ. Увы! тутъ была жестокая ошибка. Кузенъ пилъ, ѣлъ и восклицалъ:

— Ахъ этотъ Жюль! Какой онъ чудакъ, чортъ возьми!

Весь лексиконъ его чувствъ и наблюденій кончался на этомъ. Это „чортъ возьми, чудакъ!" выражало наивысшее удивленіе, и невозможно было добиться отъ него чего-нибудь другого. И не потому, что въ этомъ была хитрость: добрякъ капитанъ былъ младенчески откровененъ. Онъ повторялъ: „чортъ возьми, чудакъ!" при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, измѣняя тонъ восклицанія, согласно степени испытываемаго возбужденія; но форма выраженія никогда не мѣнялась. Тщетно мать моя внушала ему мысли, намѣчала отвѣты, онъ ничего не слышалъ, не понималъ и упорно повторялъ: „чортъ возьми, чудакъ!"

Мать вздыхала и, вызывая взглядомъ сочувствіе, произносила:

— Ахъ! какъ грустно, когда семья разбита!.. Такъ хорошо было бы быть вмѣстѣ, любить другъ друга... А онъ такой одинокій со своимъ слабымъ здоровьемъ!.. За нимъ бы такъ нѣжно ухаживали!.. Мы вѣдь такіе маленькіе люди въ сравненіи съ нимъ, съ такимъ ученымъ и краснорѣчивымъ. Конечно, когда обладаешь такимъ умомъ... Когда побывалъ въ Парижѣ... У насъ, простыхъ людей, ничего нѣтъ, кромѣ сердца...

И голосомъ, и позой, и жестами она, казалось, кричала:

— Да передай же ему это, дуракъ!

На такое изліяніе кузенъ Дебре, съ полнымъ ртомъ и маслеными глазами, отвѣчалъ:

— О! этотъ Жюль! чудакъ, чортъ возьми! Иногда, разговаривая съ нимъ, я не могу удержаться и говорю ему: чудакъ ты, Жюль, чортъ возьми!

— А когда вы съ нимъ разговариваете,—повторяла моя мать, безнадежно цѣпляясь за рѣдкія слова, кромѣ божбы,— что онъ вамъ говоритъ?.. жалуется?.. Говоритъ о Парижѣ, о насъ?..

— Онъ!.. Глупости, кузина!.. Это такой чудакъ, чортъ возьми!

Однажды, наконецъ, онъ сообщилъ, что заходилъ въ библіотеку. Онъ добавилъ даже, что видѣлъ книги, трогалъ ихъ, и Жюль показывалъ ему дорогія и рѣдкія сочиненія...

— Вотъ такъ библіотека, чортъ возьми, дѣти мои! — закончилъ онъ, качая головой.

Итакъ, онъ одинъ только изъ всей семьи былъ принятъ аббатомъ! И онъ не только былъ принятъ, но входилъ даже въ библіотеку, вопреки надписи на ея дверяхъ: входъ воспрещается!.. Былъ въ той самой библіотекѣ, гдѣ ничья нога до сихъ поръ еще не вступала, даже Сервьеровъ... И онъ не только былъ тамъ, но дядя собственноручно показывалъ ему книги, указывая на ихъ цѣнность и рѣдкость.

— А чемоданъ?—спросила мать съ грустью.—Видѣли вы и чемоданъ?

— Нѣтъ!—отвѣчалъ кузенъ Дебре, пересыпавшій свой разсказъ божбой и восклицаніями до десяти часовъ вечера.

Мои родители, погруженные въ думы, не слушали его больше, и онъ клялся въ пустую, поглаживая свои сѣдые усы, еще рѣзче выдѣлявшіеся на его фіолетовомъ, отъ переполненія желудка, лицѣ.

— Ты видишь! — вскричала моя мать, когда кузенъ ушелъ.—Ты видишь!

— Это удивительно!..—отвѣтилъ отецъ, дѣлая удареніе на каждомъ слогѣ.—Кто бы могъ это предвидѣть?

— И ты отлично понимаешь, не правда ли? что если онъ ввелъ этого неуча въ библіотеку, если взялъ на себя трудъ оказать ему такую честь, то только потому, что имѣетъ на него виды...

— Боюсь, что такъ!

— И кузенъ все унаслѣдуетъ!..

— Возможно!.. Это даже вѣроятно... Потому что безъ этого аббатъ не привелъ бы его въ свою библіотеку... Аббатъ его очень хорошо знаетъ.

— Еще-бы не знать!.. Онъ уже, пожалуй, составилъ завѣщаніе... Въ концѣ концовъ, какъ велико его состояніе на самомъ дѣлѣ?

Отецъ сдѣлалъ неопредѣленный жестъ и принялся въ умѣ дѣлать вычисленія.

— Надо вотъ что принять въ разсчетъ!—отвѣтилъ онъ.— За „Капуциновъ" онъ заплатилъ двѣнадцать тысячъ франковъ, не считая расходовъ по купчей... Послѣ моей матери ему досталось шесть тысячъ ливровъ дохода. Теперь... сколько у него?.. Больше, меньше ли?.. Вотъ эти шесть лѣтъ въ Парижѣ, никому неизвѣстныхъ, безпокоятъ меня!.. Что онъ могъ дѣлать въ Парижѣ?

— Ты не упомянулъ библіотеки... А чемоданъ?

—Да... Но Парижъ, Парижъ... Это самое главное!.. Что онъ могъ дѣлать въ Парижѣ?

Онъ всталъ и озабоченно, заложивъ руки въ карманы, сталъ ходить по комнатѣ. Мать разсѣянно звенѣла въ рукахъ связкой ключей, и ихъ металлическій звонъ раздавался тихо и пріятно, какъ отдаленное звяканье бубенчиковъ. Послѣ нѣкотораго молчанія, отецъ сказалъ, ни къ кому не обращаясь:

— Ну, да вѣдь съ нами надо считаться!.. Гм... гм... Что намъ за дѣло до кузена Дебре?

Моя мать сильнѣе тряхнула связкой ключей и пожала плечами.

— Человѣкъ въ незаконной связи... нѣтъ дѣтей!.. Это позоръ!..

— Да, что дѣлать!—закончилъ мой отецъ.—Вотъ тебѣ и справедливость на этомъ свѣтѣ!.. Ничего не подѣлаешь.

Мнѣ давно уже пора было спать. Погруженные въ свои мысли, родители мои не замѣчали меня. Я, впрочемъ, не желалъ обращать на себя ихъ вниманіе, съежился и спрятался поглубже въ кресло, въ темномъ углу. Я страшно заинтересовался не тѣмъ, что говорили о состояніи аббата, чего было бы достаточно для моего усыпленія, а тѣмъ, что говорилось о кузенѣ Дебре. Я хотѣлъ услышать подробности о его жизни, въ особенности о „курочкѣ", бывшей предме-

томъ разговора въ этотъ день. Событія такъ взволновали моихъ родителей, что они забыли всякую сдержанность и не стѣснялись передо мной въ выраженіяхъ и въ строгости своихъ приговоровъ. Я объединялъ „курочку", кузена и Робеновъ. Со времени разсказа Жоржа, передо мной возникъ какой-то новый неясный міръ. Я испытывалъ странныя, незнакомыя ощущенія, не умѣя понять ихъ. Они приводили меня въ ужасъ и въ то же время тянули ко всему запретному, таинственному и очаровательному грѣху, сквозившему теперь въ глазахъ всѣхъ женщинъ... Все это было во мнѣ спутано, неувѣренно, и я надѣялся, что какое-нибудь слово, какая-нибудь фраза о „кузенѣ и курочкѣ" въ устахъ моихъ родителей разсѣетъ мракъ, окутывающій для меня желанную и страшную тайну.

Отецъ поправилъ коптившую лампу и сѣлъ. Онъ, очевидно, все обсудилъ, потому что, видя свою жену по прежнему въ тревогѣ и въ задумчивости, нѣжно погладилъ ее по колѣнямъ и сказалъ:

— Ну, будетъ, малютка. Не стоитъ ломать голову! Будемъ ждать, что будетъ... Мы, слава Богу, ни въ чемъ не нуждаемся... Мнѣ придется лишь побольше поработать на старости, вотъ и все!.. Только бы намъ время отъ времени ниспосылались хорошія эпидеміи!—прибавилъ онъ весело, какъ бы въ шутку.

Но мать моя не успокоилась. Сильно жестикулируя, она заявила:

— Нѣтъ!.. Никто не осмѣлится сказать, что мы остались въ дуракахъ... Я намѣрена защищаться! Прежде всего... прежде всего нужно, чтобы ты пошелъ въ „Капуцины"!..

— Я! —вскричалъ отецъ, привскочивъ на своемъ креслѣ.— Я... О, нѣтъ! нѣтъ!..

— Подожди прежде, чѣмъ говорить нѣтъ... Боже мой! такъ-то ты заботишься о своей семьѣ! Тебѣ необходимо идти въ „Капуцины",—продолжала она торопливо.—Пойми меня... Ты увидишь своего брата... Не унижаясь, не хныча, не умоляя о примиреніи, ты попросишь его взять на себя воспитаніе Альберта... Альбертъ—вѣдь его крестный сынъ, наконецъ!.

— А кюрэ?—прервалъ ее отецъ.—Онъ обидится.

— Кюрэ—мое дѣло! Разъ только ребенокъ попадетъ туда, это, понимаешь, отлично устроитъ наши дѣла... Остальное—будетъ зависить уже отъ нашей ловкости! Не говоря уже о томъ, что онъ можетъ довести Альберта до второго класса... вѣдь это экономія четырехъ лѣтъ коллежа, въ одно и то же время.

— Онъ меня не приметъ!—замѣтилъ отецъ.

— Почему ты знаешь?

— Опять начнутся исторіи!..

— Какія исторіи!.. Гдѣ ты ихъ видишь?.. Что можетъ быть естественнѣе, какъ то, что дядя учитъ своего племянника?.. И потомъ, онъ скучаетъ... это его развлечетъ?..

— А если онъ откажетъ?

— Ну, такъ ты вернешься домой... и все пойдетъ по прежнему... По крайней мѣрѣ, у насъ совѣсть будетъ чиста: мы предприняли что-нибудь.

Отецъ чесалъ себѣ голову, стараясь найти побѣдоноскую реплику. Но ничего больше не приходило въ голову, всѣ аргументы истощились. Съ большой неохотой онъ согласился.

— Ну, такъ и быть!—сказалъ онъ со вздохомъ.—Схожу на дняхъ.

— Зачѣмъ откладывать?.. Съ такимъ здоровьемъ, какъ у него, онъ можетъ умереть каждую минуту... Ты пойдешь завтра!

— Ну, такъ и быть!.. Пойду завтра.

На другое утро отецъ съ блуждающимъ взоромъ мотался по всему дому. Онъ искалъ предлоговъ, чтобы замедлить свой уходъ; ухищрялся находить вдругъ нетерпящія отлагательства дѣла, спѣшные визиты, лишь бы только отдалить на нѣсколько часовъ страшное свиданіе.

Никогда онъ не осмѣлится предложить брату этотъ безумный планъ... Что онъ ему скажетъ? Очевидно, ничего.

— Не взять ли мнѣ съ собою Альберта?—спросилъ онъ. Онъ чувствовалъ необходимость не быть одному при встрѣчѣ съ ужаснымъ аббатомъ. Ему казалось, что если я буду возлѣ него, то онъ будетъ чувствовать себя увѣреннѣе и смѣлѣе. Онъ думалъ также, что въ моемъ присутствіи Жюль будетъ болѣе сдержанъ... И отецъ переходилъ изъ кухни въ свой кабинетъ, оттуда въ гостиную, переставлялъ съ мѣста на мѣсто стулья, ощупывалъ свои карманы, чтобы увѣриться, не забылъ ли чего-нибудь. Мать толкала его къ двери.

— Да иди же!.. Чего ты ищешь?.. Чего боишься?

— Не взять ли съ собой мальчика? Кажется, такъ будетъ приличнѣе.

— Не сумасшествуй!.. Иди-же!.. И постарайся, чтобъ онъ принялъ тебя въ библіотекѣ.

Отсутствіе отца продолжалось меньше часу. Онъ вернулся, переполненный радостью. Шаги его побѣдоносно звучали по твердому грунту двора.

— Ну?—спросила мать, взволнованная и блѣдная.

— Готово!.. Онъ согласенъ... Съ завтрашняго дня Альбертъ можетъ ходить къ нему.

— Ну, вотъ видишь!.. Я это отлично знала!..

Она бросилась въ объятія своего супруга и поцѣловала его.

— Скажи, не была-ли я права?.. Какъ же все это произошло?

Пришлось разсказать о свиданіи. Аббатъ былъ необыкновенно холоденъ, но приличенъ. Онъ прогуливался въ своемъ саду въ чемъ-то въ родѣ зеленаго плаща, не похожаго ни на сутану, ни на пальто. Садъ этотъ—настоящая куча травы, исчезли даже аллеи. При первыхъ же словахъ, Жюль странно улыбнулся, но потомъ сказалъ:

— Отлично. Я займусь съ нимъ. Пусть ходитъ.

Послѣ этого онъ задалъ два-три вопроса о будущемъ ученикѣ, гдѣ онъ учился и что знаетъ?.. Проводивъ брата до поворота въ аллею, онъ высказался слѣдующимъ образомъ:

— Предупреждаю тебя, что нашихъ отношеній я не измѣню и нахожу ихъ прекрасными въ такомъ видѣ... Ни тебя, ни жены твоей я видѣть не желаю.

И они простились.

— Такъ ты ничего не видѣлъ? ни дома? ни библіотеки?

— Ничего. Онъ не пригласилъ меня войти.

— А самъ онъ каковъ?

Отецъ грустно покачалъ головой.

— Бѣдняга чертовски состарился... Меня не удивитъ, если у него окажется порокъ сердца...

Я былъ очень взволнованъ, когда, въ свою очередь, вступилъ въ узкую лавровую аллею „Капуциновъ“. Я не обращалъ вниманія ни на дроздовъ, шумно перелетавшихъ съ одной зеленой кущи на другую, ни на реполововъ, шнырявшихъ съ мышинымъ пискомъ низко надъ землей, подъ вѣтками придорожныхъ кустовъ. Сойка съ громкимъ крикомъ сорвалась съ близкой сосны и такъ испугала меня, что я разронялъ свои книги. Я подобралъ ихъ и, выпрямившись, увидѣлъ въ аллеѣ передъ собой, въ двадцати шагахъ, дядю, высокаго, прямого и чернаго.

— А, пришелъ!—воскликнулъ онъ.

— Да, дядя.

Я дрожалъ. У меня подкашивались ноги, безсильныя и холодныя, какъ ледъ.

Онъ направился къ крыльцу, почти закрытому разросшимися кустами гортензій, и сѣлъ на ступеньку.

— Садись, мой мальчикъ,—сказалъ онъ.—Ты учишься играть на флейтѣ, сказалъ мнѣ твой отецъ?

— Да, дядя.

— И по латыни?

— Да, дядя.

— Что у тебя подъ мышкой?

— Мои книги.

Онъ взялъ и, быстро перелиставъ ихъ, отбросилъ далеко въ траву, одну за другой. Я слышалъ, какъ онѣ тяжело хлопались, перелетая черезъ низкую стѣну, окружавшую дворъ.

— Знаешь ты еще что-нибудь?—спросилъ онъ меня.

— Нѣтъ, дядя.

— Ну, такъ иди, мой мальчикъ, въ садъ... Тамъ увидишь заступъ... Покопай землю... Когда устанешь, прилягъ на траву... Иди!

Это былъ мой первый урокъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

КАПИТАНЪ СТЕПАНОВЪ 2-ой.

I.

Григорій Ивановичъ вернулся съ войны немного похудѣвшій, немного сгорбившійся и блѣдный, но по прежнему веселый и жизнерадостный.

Домашніе не сразу замѣтили, что у него во время разговоровъ о военныхъ дѣлахъ какъ-то странно, не то тоскливо, не то безпокойно, бѣгали и блестѣли глаза. Все свое вниманіе они сначала обратили на рану, полученную имъ во время одной особенно жаркой и отчаянной рукопашной схватки.

Рана была неопасная, но сопровождалась мучительными болями: ударомъ сабли ему перерѣзали на лѣвой рукѣ какія-то артеріи. Григорій Ивановичъ уже не помнилъ, какія именно, и со смѣхомъ разсказывалъ, какъ перепугался его денщикъ Кузьма, какое отчаянное было у него лицо, когда капитана принесли на носилкахъ, и какъ онъ, повѣствуя о его ранѣ товарищамъ, говорилъ, что у Григорія Ивановича обрѣзана на рукѣ „артиллерія".

И опять не сразу замѣтили домашніе, что Григорій Ивановичъ, по возвращеніи изъ кампаніи, какъ-то особенно часто и съ удовольствіемъ смѣется и какіе печальные бываютъ у него въ это время глаза. Онъ былъ живъ,—и Елизавета Львовна, жена Степанова, молодая, но уже зачахшая женщина, съ умнымъ некрасивымъ лицомъ, радовалась безъ конца и служила молебны архангелу Михаилу.

Въ домѣ часто начали появляться священники и дьяконы; много пѣлось молитвъ, и Григорій Ивановичъ слушалъ ихъ равнодушно, но предоставлялъ женѣ полную свободу дѣйствій. Одинъ только разъ онъ заикнулся было о томъ, что его утомляютъ посѣщенія духовенства, но Елизавета Львовна сдѣлала строгіе и испуганные глаза, и онъ покорился.

Елизаветѣ Львовнѣ показалось удивительнымъ, что Гри-

горій Ивановичъ сталъ менѣе религіозенъ, чѣмъ былъ раньше. Передъ отправленіемъ на войну, въ его домѣ часто служились напутственные молебны,—Елизавета Львовна напомнила ему и объ этомъ... Григорій Ивановичъ тотчасъ же согласился съ виноватой и робкой покорностью и больше уже не протестовалъ. Наоборотъ, онъ даже сталъ болѣе внимателенъ къ посѣщеніямъ духовныхъ лицъ. Иногда онъ оставлялъ у себя священниковъ завтракать, иногда вступалъ съ ними въ бесѣды и очень оживлялся, когда разговоръ переходилъ на военныя темы. Одинъ священникъ, о. Петръ, особенно ему нравился. Воззрѣнія его были прямо противоположны тому, что говорилъ самъ Степановъ и прочее духовенство. Обыкновенно священники разсуждали о томъ, что война—печальная необходимость, но что долгъ каждаго гражданина жертвовать своей жизнью за отечество... Все это было такъ заурядно,—и было скучно слушать эти шаблонныя рѣчи, которыя, впрочемъ, повторялъ и самъ Григорій Ивановичъ. Но совсѣмъ нескучнымъ казалось ему слушать „пропаганду“ маленькаго, тщедушнаго о. Петра, всегда горячо доказывавшаго, что война—законъ жизни, необходимое условіе прогресса. Трясясь отъ волненія и захлебываясь словами, маленькій попикъ прославлялъ войну и уничтоженіе „лишнихъ“ людей... Лицо его багровѣло, глаза выкатывались, голосъ хрипѣлъ, и было странно слушать безумно-грозныя слова, вылетавшія изъ тщедушнаго горла. Григорій Ивановичъ всегда подолгу всматривался въ лицо этого священника и иногда внезапно разражался тихимъ, всхлипывающимъ хохотомъ. Слезы ручьями текли у него тогда изъ глазъ, но лицо казалось довольнымъ и даже радостнымъ... Такой смѣхъ его Елизаветѣ Львовнѣ не нравился.

II.

Однако, жизнь Степанова пошла своимъ чередомъ. Маленькая провинціальная жизнь маленькаго военнаго человѣка. Съ утра до завтрака въ домѣ его, если не бывало священниковъ, было тихо, и Григорій Ивановичъ сосредоточенно сидѣлъ у себя за письменнымъ столомъ, гдѣ ничего не писалъ, а лишь переставлялъ съ мѣста на мѣсто разныя пепельницы, чернильницы и раковинки. Иногда онъ не дѣлалъ и этого, а молчаливо, съ напряженнымъ вниманіемъ къ чему-то, словно выжидая, прислушивался или смотрѣлъ на руку, именно на то мѣсто, гдѣ у него находилась рана.

Когда онъ, сидя въ креслѣ, молчаливо къ чему-то прислушивался, лицо у него дѣлалось неестественное и нехо-

рошее. Глаза бѣгали изъ стороны въ сторону, точно отыскивали кого-то, а лобъ морщился, какъ будто умъ его припоминалъ что-то, случившееся не такъ давно, значительное и способное заставить задуматься.

Но вотъ звали къ завтраку, и Степановъ вставалъ съ кресла, непринужденно-добрый и ласковый. Глаза у него, не будь въ нихъ печали, казались бы спокойными и прекрасными, и лицо все дышало спокойствіемъ, когда, входя въ столовую, онъ пѣлъ свою обычную, излюбленную пѣсню:

— Громъ побѣды раздавайся!

Съ этимъ напѣвомъ онъ подходилъ и къ своимъ дѣтямъ, бралъ каждаго изъ нихъ за подбородокъ и потомъ щекоталъ усами имъ щеки, отъ чего дѣти смѣялись.

Дѣтей было четверо, и всѣ мальчики; ими Григорій Ивановичъ гордился и всѣхъ прочилъ въ военные люди. Раньше ему это казалась такъ просто: самъ военный — дѣти, понятно, должны идти по той же дорогѣ. Сперва— корпусъ, потомъ военное училище, затѣмъ полковая служба... тамъ, дальше, понятно, война. И все будущее представлялось такимъ гладкимъ, ровнымъ, какъ ледъ, и спокойнымъ.

Но, по возвращеніи съ войны, вдругъ все то, что раньше было понятно, оказалось непонятнымъ, неяснымъ и неспокойнымъ. Все смѣшивалось въ головѣ; появились какіе-то нелѣпые вопросы, нелѣпая жалость, странная тревога... Въ умѣ рисовались страшныя картины, въ ушахъ звенѣло отъ какихъ то нестройныхъ, ноющихъ звуковъ... и, чтобы заглушить свои думы, Степановъ вдругъ начиналъ смѣяться. И смѣхъ этотъ казался ему естественнымъ; поэтому, замѣчая на себѣ внимательные взгляды Елизаветы Львовны, онъ сердился и блѣднѣлъ, а въ душѣ появлялось свирѣпое желаніе браниться и бить посуду. И нехорошими казались ему его красивыя дѣти; съ рѣзкой непріязнью оглядывалъ онъ ихъ не по росту большія головы, наивные глаза, пухлыя руки. Острое чувство, похожее на тошноту, поднималось въ горлѣ, самому дѣлались слышны перебои въ сердцѣ, и Григорій Ивановичъ поспѣшно выходилъ изъ-за стола.

Послѣ завтрака онъ отправлялся гулять по городу. Стояла весна, солнечные дни были чудесны, и Степановъ чувствовалъ, какъ пропадали на душѣ мучительныя впечатлѣнія, какъ таяло подъ лучами сердце, и что-то мягкое, здоровое, жизнерадостное волнами заливало душу.

Радостный и свѣтлый, Григорій Ивановичъ возвращался домой, садился за столъ пить чай и говорилъ много, просто и естественно, съ славнымъ выраженіемъ лица и ласковый ко всѣмъ своимъ домашнимъ. Если бывалъ въ это время

кто-нибудь изъ друзей, Степановъ непринужденно болталъ и съ нимъ, и счастливая Елисавета Львовна тайкомъ, изъ-за самовара, крестила его дрожащими отъ волненія пальцами и улыбалась своему смѣшному отраженію въ самоварѣ. Въ домѣ Степановыхъ, особенно опрятномъ и свѣтломъ, становилось уютно... Весело обѣдали, опять пили чай, говорили о войнѣ, о хозяйствѣ; Григорій Ивановичъ опять разсказывалъ о своемъ денщикѣ и его „артиллеріи" и спокойно ложились спать... Елизавета Львовна забывала объ утреннихъ странностяхъ своего мужа и вѣрила, что свѣтло впереди; и лишь изрѣдка чудилось ей, что, со времени возвращенія Григорія Ивановича изъ кампаніи, повисло въ домѣ что-то грозное, большое и неумолимое, какъ смерть.

III.

Степановъ спалъ въ своемъ кабинетѣ на турецкомъ диванѣ. Спальная комната у нихъ въ домѣ была крохотная, и въ кабинетъ Григорій Ивановичъ перебрался давно еще потому, что любилъ его какой-то странной, преувеличенной любовью. Въ немъ было не мало книгъ, еще больше висѣло на стѣнахъ оружія; въ углу стоялъ, одѣтый въ кольчугу, латы и шлемъ, манекенъ, державшій въ желѣзной перчаткѣ огромный мечъ. Это старое оружіе досталось Степанову по наслѣдству отъ прадѣда и было единственной цѣнностью, оставшейся отъ предковъ, которыми Григорій Ивановичъ много гордился и разъ даже началъ было писать о нихъ свои воспоминанія.

Ночи Степановъ сначала проводилъ такъ же спокойно, какъ до отправленія на войну. Улица, на которой онъ жилъ, была тихая, стука экипажей не доносилось. Григорій Ивановичъ ложился не поздно и съ разсвѣтомъ вставалъ, но полученная въ бою рана уже не позволяла ему засыпать такъ же скоро, какъ раньше. Иногда ломило руку, часто она нѣмѣла, и Степановъ просыпался съ безсильно повисшею кистью, которую ему приходилось долго растирать, прежде чѣмъ она приходила въ нормальное состояніе. Обычныя съ нѣкотораго времени мысли заползали тогда въ голову; Григорій Ивановичъ начиналъ думать о войнѣ, о всемъ томъ, что онъ говорилъ за день, что дѣлалъ... Голова скоро утомлялась, но сонъ не приходилъ, особенно тогда, когда бывало полнолуніе, и круглый блѣдный мѣсяцъ заглядывалъ въ окно. Мѣсяцъ его не пугалъ; холодный и, чудилось, тонкій какъ бумажный листъ, неизъяснимо скучный и яркій, онъ нравился Степанову своей немного жуткой ледяной красотой.

Григорій Ивановичъ радостно открывалъ глаза и слѣдилъ, какъ сквозь тонкую полотняную занавѣску пробивались серебряные лучи и тончайшими брызгами наводняли комнату. И, весь охваченный невѣдомымъ чувствомъ стремленія, Степановъ вставалъ съ дивана и, подойдя къ окну, отдергивалъ занавѣску, съ какой-то томной любовью впуская къ себѣ въ кабинетъ унылую луну и милліонъ звѣздъ, ее окружавшихъ. Какъ-то спокойнѣе становилось на душѣ. Сонъ пропадалъ, исчезала и боль въ рукѣ; появлялось желаніе думать, не сводя съ мѣсяца глазъ. И кругомъ становилось красивѣе: прозрачные лучи разбѣгались по стѣнамъ, играли на развѣшенныхъ по нимъ стальныхъ клинкахъ. Стеклянные глаза чучела какой-то огромной, похожей на филина, птицы блестѣли, какъ живые; латы и кольчуга сверкали, и точно подъ вздохами груди великана шевелились ея желѣзныя проржавѣвшія кольца.

Мысли, быстрыя, какъ молніи, вертѣлись въ головѣ вихремъ. Григорій Ивановичъ думалъ о себѣ, о своемъ прошломъ, о мѣсяцѣ, о войнѣ, припоминалъ различные ея эпизоды и съ какой-то особенно спокойной легкостью—всю обстановку, при которой онъ былъ раненъ.

— „Dulce et decorum est pro patria mori“,—всплывала въ умѣ изступленно-восторженная фраза тщедушнаго о. Петра, и сейчасъ же въ ухѣ звонко отдавалось его дико-грозное восклицаніе „ффа!“—которымъ онъ всегда сопровождалъ латинскую цитату.

И Степановъ начиналъ думать о томъ, что на самомъ дѣлѣ пріятно и почтенно умереть за отечество. Онъ припоминалъ, что и самъ чуть было не умеръ за родину, потому что *тотъ* хотѣлъ разсѣчь ему голову и уже ударилъ саблей по его шапкѣ... Отъ этого удара Григорій Ивановичъ слабо охнулъ, присѣлъ на колѣна и вытянулъ надъ головой лѣвую руку, которую ему тотчасъ обожгла молнія. Тогда Григорій Ивановичъ вскрикнулъ отъ боли, поднялся на ноги и, зажмуривъ глаза, погрузилъ почти всю свою саблю во что-то мягкое, скользкое и безконечно, казалось, длинное. Неизвѣстно сколько времени прошло послѣ этого: можетъ быть, нѣсколько часовъ, можетъ быть, одно мгновеніе... Только, придя въ себя, Григорій Ивановичъ увидѣлъ у своихъ ногъ *его*, неизвѣстнаго ему, но убитаго имъ человѣка, который не былъ еще мертвъ и лежалъ на спинѣ, равнодушно уставивъ на него свои маленькіе черные глаза. Съ нѣмымъ изумленіемъ смотрѣлъ Степановъ въ эти глаза, а сердце его кричало отъ боли, состраданія и ужаса...

IV.

Больше онъ уже не видѣлъ *его*, но за одно мгновеніе всѣ черты маленькаго скуластаго лица запечатлѣлись въ памяти рѣзче, чѣмъ лица дѣтей и жены. Онъ отлично запомнилъ, что у глазъ и носа неизвѣстнаго ему человѣка было много мелкихъ морщинъ, что у него былъ большой, тонко очерченный ротъ, тогда безобразно искривленный отъ боли, рѣдкіе усы, чахлая борода и жилистая сухая шея.

Удивленіе передъ нимъ охватываетъ Григорія Ивановича. Ему чудится, что именно про него говорилъ о. Петръ свою безумно восторженную фразу; что ему „decorum est" умереть, и что онъ умеръ, именно увѣнчанный и прославленный своей смертью.

Но Григорій Ивановичъ вспоминаетъ о своей ранѣ, о томъ, что *тотъ* хотѣлъ такъ же убить его... и удивленіе начинаетъ меркнуть, смѣняясь холодною мыслью, что онъ вѣдь такъ же убивалъ или хотѣлъ убить... Но смутная зависть къ тому, что, можетъ быть, онъ умеръ, не убивая, начинаетъ точить сердце.

Хаосъ противорѣчій и несообразностей тѣснитъ голову; и жалко бьются въ ней жалкія человѣческія мысли, и, покрытыя мишурою, облѣзшія, облинялыя, длинной вереницей проходятъ увѣнчанныя людьми понятія о гордости, храбрости, добродѣтели и славѣ. Сердце замираетъ отъ жажды протеста... и безконечно-ничтожными кажутся предъ лицомъ смерти выработанные суровою жизнью тезисы.

— Что, если-бъ не убивать?—тоскливо думаетъ Григорій Ивановичъ.—Если-бъ можно было не рѣзать людей?..

И безумно жестокой представляется ему сама жизнь, заставляющая людей уничтожать другъ друга. Но сейчасъ же онъ думаетъ о томъ, что не природа, а сами люди выдумали войну, что они могли бы жить, не убивая... и въ умѣ все ярче разгорается огонь протеста.

— Вѣдь существуютъ же третейскіе суды, дипломатія,—думаетъ онъ дальше.—Наконецъ, евангельское ученіе... ученіе Будды... Отчего же люди все продолжаютъ лить кровь? Раньше, вотъ, за куренье табаку, кажется, казнили людей... жгли на кострахъ за колдовство... люди топили и вѣшали другъ друга изъ-за причинъ, теперь признанныхъ дико нелѣпыми. И вотъ, всѣ предразсудки эти упали. Логично, что долженъ рухнуть и самый нелѣпый изъ предразсудковъ: что убивать необходимо, что войны нельзя избѣжать. И можно

ли чѣмъ-либо оправдать лишеніе людьми другихъ людей жизни?.. Ахъ, все это кончится!.. Только сказать бы!..

И долго, болѣзненно напрягаетъ онъ свой умъ, желая сказать что-то большое... Опять жалко бьются въ головѣ маленькія, жалкія мысли; потомъ Степановъ думаетъ о томъ, что, если бы люди вышли безоружные противъ вооруженныхъ и имѣли бы мужество такъ положить свою жизнь, — кровь ихъ воззвала бы къ небу и — свершилось бы дивное чудо...

— Да, чудо,—съ тоскою шепчетъ Григорій Ивановичъ. Уже самое слово „чудо" уничтожаетъ его, давая знать, что его желанія несбыточны. — Чудеса были... говорятъ, что были... Но вѣдь это все—раньше, все это прошло. И теперь, если скажу я: „Господи! чуда жажду!"—ничего не произойдетъ, ничего не случится.

И ледяной ужасъ отчаянія охватываетъ его. Уже сознательно мучая себя, съ затаеннымъ злорадствомъ думаетъ онъ о томъ, что какъ-то лѣтъ пять назадъ одна знакомая ему дѣвочка, лѣтъ двѣнадцати, дочь его кучера, разсердившись на порученнаго ей грудного ребенка, бросила его въ печь, въ самый огонь, и сожгла живымъ.

— Гдѣ же чудо?—уже громко, точно требуя у кого-то отчета, спрашиваетъ онъ и садится на своемъ диванѣ.— Чуда не случилось. Когда-то, въ сѣдой древности, какъ будто было нѣчто похожее. Какой-то царь приказалъ бросить въ печь какихъ-то трехъ отроковъ, и тѣ вышли изъ огня невредимыми...

Такъ вѣдь то было въ древности. Теперь этого не бываетъ. А вѣдь, собственно говоря, оно теперь было бы, пожалуй, еще нужнѣе... Какой-то царь... какая-то печь... какіе-то отроки...

И Григорій Ивановичъ до головокруженія думаетъ надъ тѣмъ, кто были эти отроки. Мучительно старается онъ припомнить ихъ имена, чтобы хоть этимъ оживить пожелтѣвшую отъ времени сагу... Но, вмѣсто настоящихъ именъ, въ мозгу проплываютъ съ тягучей медленностью слова: „Хеопсъ... Хефренъ... Микеринъ",—названія древнихъ царей... и самыя имена эти звенятъ какъ-то кощунственно-смѣшно, нелѣпо-безпомощно и жалко.

— Вотъ, чуда нѣтъ, а пирамиды есть,—со злобою думаетъ онъ.—Фактъ!—Слово это звучитъ у него, какъ восторженное „ффа!" о. Петра. — Съѣзди въ Египетъ,—увидишь. Фактъ! И я вѣрю въ пирамиды, вѣрю въ царей, создателей пирамидъ. А вотъ въ чудо—не вѣрю!

Степановъ весь трясется отъ бѣшенства. Холодный потъ крупными каплями сбѣгаетъ съ головы на пылающую грудь. Ноющая боль чувствуется въ рукѣ, блестятъ, какъ живые,

стеклянные глаза птицы; закованный въ желѣзо исполинъ страшно и тяжело дышетъ въ углу.

И какое странное у него лицо: отъ глазъ и носа идетъ множество мелкихъ морщинъ, ротъ безобразно искривленъ, жилистая шея вытянута, смотрятъ равнодушно маленькіе черные глаза.

V.

Григорій Ивановичъ вскорѣ заболѣлъ. Докторъ сказалъ, что онъ простудился, и это было возможно, потому что Степановъ началъ подолгу гулять по вечерамъ. Гулять днемъ, послѣ завтрака, ему стало казаться неинтереснымъ. Солнце его уже не занимало, отъ людей онъ началъ сторониться, и единственнымъ его развлеченіемъ было останавливать на улицахъ проходившихъ солдатъ и разспрашивать ихъ, не съ войны ли они пріѣхали. Къ живѣйшему любопытству, съ которымъ глоталъ онъ ихъ отвѣты, примѣшивалось иногда пріятно раздражавшее чувство. Онъ замѣчалъ, что нѣкоторые солдаты говорили о войнѣ неохотно, другіе, видимо, спѣшили съ исполненіемъ порученій начальства. И тѣхъ, и другихъ Григорій Ивановичъ останавливалъ съ удовольствіемъ, бралъ за пуговицы шинели и тѣмъ дольше разспрашивалъ о войнѣ, чѣмъ болѣе замѣчалъ неохоту къ разговорамъ.

Вечеромъ же онъ уходилъ за городъ, на крутой берегъ рѣки и тамъ садился на обрывъ, сосредоточенно думая. Опять носилось въ головѣ, что чуда нѣтъ, что есть пирамиды... въ умѣ появлялся хаосъ, невообразимая путаница. Мысли бѣгали въ разныя стороны, какъ испуганные солдаты, и какой-то исполинъ, закованный въ желѣзо, вытянувъ сухую, жилисту шею, махалъ изъ стороны въ сторону мечомъ, и глаза у него были такіе страшно-равнодушные.

Разстроенный и напуганный, Степановъ возвращался домой, тѣснился и жался къ своимъ домашнимъ, и видъ у него былъ слабаго, запуганнаго ребенка, и глаза мигали съ выраженіемъ непониманія и растерянности.

Когда онъ заболѣлъ и слегъ въ постель, то прежде всего почувствовалъ полное одиночество. Ощущеніе это было настолько остро, что Григорій Ивановичъ не сдержался и заплакалъ.

И было жалко и жутко смотрѣть, какъ плачетъ этотъ пожилой, бородатый человѣкъ, бывшій на войнѣ, среди всякихъ ужасовъ, и какъ искажается отъ рыданій его простое, славное лицо.

Вмѣстѣ со Степановымъ заплакала и его жена. Это его сначала разсердило. Онъ приподнялся было съ дивана и хо-

тѣлъ даже затопать ногами, но внимательно и ровно посмотрѣлъ Елизаветѣ Львовнѣ въ глаза и сказалъ обыкновенныя слова:

— Право, ты напрасно безпокоишься. Я вовсе ужъ не такъ боленъ...—И сказанныя обыкновенныя слова вдругъ задрожали, точно ужасъ вселился въ каждое изъ нихъ... и, звеня, оборвалась фраза, и голосъ показался такимъ далекимъ, какъ бы исходившимъ изъ иного міра.

Самъ Григорій Ивановичъ испугался своего голоса.

Жара у него не было, но голову ломило нестерпимо. Особенно сильныя боли чувствовались въ затылкѣ. Елизавета Львовна накладывала ему какіе-то компрессы, мочила виски уксусомъ, и онъ благодарилъ все тѣмъ же далекимъ, чужимъ голосомъ, отъ котораго вѣяло какимъ-то холодомъ и жутью.

Черезъ сколько-то дней Степановъ сталъ говорить, что ему сдѣлалось лучше. Голову, по его словамъ, не ломило, и была она легкая, какъ бы совсѣмъ даже невѣсомая, такъ что даже не ощущалась на шеѣ. Отсутствіе болевыхъ ощущеній Григорія Ивановича радовало. Ему пріятно, бывало, приподняться на диванѣ и сидѣть, опираясь локтями въ подушки. Въ одну ночь онъ проснулся отъ того, что въ комнатѣ сдѣлалось какъ-то особенно тихо.

Сначала онъ спалъ совершенно спокойно; но потомъ вдругъ ощущеніе тишины и всеобщаго молчанія стало заползать къ нему въ дремлющій умъ. И была эта тишина тяжелая и накатывалась она на мозгъ холодною лентой... Голова вдругъ потяжелѣла и вспыхнула, а лента уже навивалась на сердце, и все тяжелѣе становилось въ груди.

Степановъ проснулся.

Открывши глаза, онъ внезапно почувствовалъ, что окруженъ тишиной отовсюду, что какъ будто бы умерла вся земля, весь міръ или, лучше сказать, всѣ міры... Отъ этого становилось страшно. Григорій Ивановичъ робко осмотрѣлся по сторонамъ и увидѣлъ, что подлѣ него спитъ въ креслѣ, склонивъ на плечо голову, жена, въ темномъ платьѣ, вся темная и некрасивая.

— Лиза!—глухо позвалъ онъ.

Но она не пробудилась. При свѣтѣ луны онъ замѣтилъ, что лицо у жены истомленное, исхудалое, все изрѣзанное морщинами, что особенно много морщинъ собралось около носа и глазъ. Что-то сильно толкнулось въ его сердце. Григорій Ивановичъ замахалъ головой, какъ бы стараясь выбить изъ нея внезапно засѣвшую мысль... но глаза, помимо воли, жадно искали въ лицѣ жены сходства съ чѣмъ-то, *ушедшимъ въ вѣчную тишину* и отъ того безконечно страшнымъ.

Онъ немного пододвинулся на своемъ диванѣ къ женѣ и вдругъ разсмотрѣлъ, что шея у нея сухая и морщинистая, что ротъ безобразно искривленъ, а глаза, маленькіе и черные, смотрятъ на него равнодушно, какъ стеклянные глаза птицы... или *того*, кто когда-то, звѣздною ночью, лежалъ передъ нимъ на землѣ неподвижно, раскинувъ безпомощно руки.

VI.

Въ ужасѣ, Степановъ отшатнулся... Съ неловкимъ, задавленнымъ крикомъ откинулся онъ на диванъ, перевернулся на постели ничкомъ, закрылся съ головой одѣяломъ и скорчился подъ нимъ, поджавъ подъ себя въ мигъ оледенѣвшія ноги. Теперь онъ уже зналъ, кто сидитъ передъ нимъ въ креслѣ. Жена спала въ своей комнатѣ рядомъ, а сидѣлъ передъ нимъ въ креслѣ тотъ, кого онъ встрѣтилъ ночью при полной лунѣ и милліонѣ звѣздъ на чужомъ полѣ и убилъ.

Теперь уже Степанову ясно, почему вокругъ сдѣлалась та мертвая, страшная тишина, отъ которой вѣяло смертью. Міры умерли,—и онъ, Степановъ, причина того, что погибли міры. Онъ не только услышалъ, онъ почувствовалъ, даже *увидѣлъ* тишину,—смерть прекрасныхъ міровъ,—потому что человѣкъ съ его геніально-безсмертной и всемогуще-прекрасной мыслью, съ его хаосомъ чувствъ, то свойственныхъ богамъ, то ничтожныхъ, какъ жизнь,—есть самъ совокупность міровъ, великолѣпныхъ и бренныхъ. Степановъ узналъ, что онъ умертвилъ не одного человѣка, а цѣлый міръ, вселенную великихъ и малыхъ мыслей, божественно-дивныхъ силъ, ощущеній и грезъ... Можетъ быть, хорошо умереть за отечество, но убивать—брр!..

Огромная, безконечно властная дрожь пробѣжала по его тѣлу. Впервые сознанная громадная мысль неумолимо сдавила наболѣвшую душу... и въ то же время мысль другая, тоже неясная и новая, заползла въ умъ:

— Можетъ быть... *онъ* живъ?

Страстное желаніе посмотрѣть, убѣдиться—наростало въ душѣ. Стало казаться, что подъ одѣяломъ ужъ нѣтъ больше воздуха... и тихонько, дрожащей рукой отнялъ Григорій Ивановичъ отъ головы одѣяло и посмотрѣлъ впередъ.

Въ креслѣ, дѣйствительно, не было Елизаветы Львовны, а былъ кто-то другой; онъ даже и не сидѣлъ, а лежалъ въ немъ, раскинувъ въ стороны руки; пальцы этихъ рукъ были судорожно сжаты и, казалось, впились въ ладони. Григорій Ивановичъ неудержимо потянулся къ неподвижно лежавшему въ креслѣ, посмотрѣлъ... и вдругъ уже неоспоримо ясно увидѣлъ передъ собою *того*, кого видѣлъ въ жизни

всего одинъ разъ въ полѣ, среди адскаго шума и стоновъ... ночью.

— А!!—въ невообразимомъ ужасѣ выкрикнулъ онъ и опять упалъ на подушки, силясь закрыть глаза. Но глаза не закрылись, а, вращаясь въ орбитахъ, поползли на мокрый лобъ, надъ которымъ тихо зашевелились волосы. Лежавшій медленно приподнялся съ кресла, медленно подошелъ къ Григорію Ивановичу и усмѣхнулся, тускло и слѣпо блеснувъ глазами.

Степановъ сдѣлалъ нечеловѣческое усиліе, закрылъ глаза... что-то въ немъ дрогнуло и оборвалось, какъ струна, съ тихимъ звономъ... и видѣніе исчезло.

— Взявшіе мечъ отъ меча и погибнутъ,—подумалъ онъ, и какое-то тихое, примиряющее спокойствіе стало наполнять его душу. Онъ думалъ о себѣ и понималъ, что онъ тоже умираетъ отъ меча,—не убитый имъ, а самъ мечомъ убившій. Слово „смерть" уже не пугало его; онъ зналъ, что искупленіе свершилось... и съ тихой, ласковой и привлекательной улыбкой говорилъ кому-то:

— Пусть... пусть...

И въ головѣ, и на сердцѣ было чрезвычайно легко. Душа ужъ не возмущалась и вѣрила. Григорій Ивановичъ уже не сомнѣвался въ томъ, что на землѣ будетъ дивное чудо... не такое, какъ раньше бывало, а понятное, въ сущности своей легко объяснимое и поэтому еще болѣе убѣдительное: не будетъ войны. Онъ вѣрилъ, что жизнь идетъ впередъ, и что съ поступательнымъ движеніемъ ея будетъ связанъ настоящій прогрессъ, когда каждое дѣяніе свое люди будутъ разсматривать не такъ просто, безстрастно и примитивно, какъ теперь. Подобно тому, какъ бѣлый „единый" свѣтъ состоитъ изъ нѣсколькихъ разныхъ цвѣтовъ, такъ и войну будутъ разсматривать не только, какъ ужасъ: явится масса другихъ понятій, которымъ еще не далъ названія языкъ людей, но изъ которыхъ каждое способно будетъ стереть войну съ лица земли. И коснѣющій языкъ его лепеталъ тѣ названія, которыя еще не были бы понятны людямъ, если-бъ они слышали ихъ теперь, но станутъ понятны въ будущемъ... Кругомъ становилось свѣтло отъ этой вѣры въ людей,—смертныхъ боговъ,—и не возмущалась душа отъ того, что онъ не участникъ въ той жизни. Вѣдь все же онъ одинъ изъ рычаговъ прогресса, и смертью его окупается право будущихъ поколѣній на жизнь и счастье...

Лицо его, въ гробу, было спокойно и ровно. Мертвая тишина ужъ не давила его.

Онъ былъ прекрасенъ.

Н. Крашенинниковъ.

Свобода совѣсти и законъ 17 апрѣля 1905 г.

I.

Извлеченія изъ журнала комитета министровъ о введеніи въ Россіи вѣротерпимости даютъ яркую картину того, какъ регулировалась духовная жизнь полутораста-милліоннаго народа еще въ началѣ XX вѣка.

Какъ оказывается изъ „журнала", мы до сей поры жили по законамъ, „относящимся большей частью къ XVIII и началу XIX столѣтія". Съ тѣхъ поръ „творческая рука законодателя къ нимъ почти не прикасалась"... Законы были съ успѣхомъ замѣнены „въ области вѣры" широкимъ примѣненіемъ „административныхъ распоряженій". „Различныя власти", „избѣгая возбуждать новые вопросы въ сложномъ законодательномъ порядкѣ"—законодательствовали сами, или, какъ деликатно выражается журналъ, „устанавливали казавшіяся имъ необходимыми правила". И къ этому, какъ на зло, присоединилось то обстоятельство, что „въ нѣкоторыхъ заселенныхъ почти сплошь иновѣрцами окраинахъ имперіи" родились волненія „политическаго свойства". Само собою разумѣется, что „различныя власти" не задумались издать, помимо всякихъ законовъ, „рядъ ограничительныхъ распоряженій", и еще болѣе естественно, что они не задумались предъ рядомъ „ограничительныхъ распоряженій" „въ религіозномъ бытѣ иновѣрцевъ".

Какъ очевидно, все это складывалось до крайности просто; и, не смотря на торжественное провозглашеніе „свободы вѣры" въ основныхъ законахъ имперіи, никогда и никто изъ „различныхъ властей" не задумывался надъ тѣмъ, что здѣсь дѣло идетъ о самыхъ драгоцѣнныхъ правахъ человѣческой личности, о совершенно особомъ мірѣ нравственныхъ и религіозныхъ отношеній. Вѣра, рожденная изъ глубины человѣческаго духа, молитва, разбивающая оболочку земного существа и подымающая вѣрующаго къ Богу, жажда и алканіе истины, заставляющія переживать его цѣлую трагедію упованія и ужаса, отчаянія и надеждъ—все это

было зачислено подъ рубрику „религіознаго быта", и этимъ бытомъ администрація распоряжалась вполнѣ по своему усмотрѣнію. „Различнымъ властямъ" и въ голову не приходило, что для вѣрующихъ этотъ „религіозный бытъ" есть высшій законъ ихъ жизни, стоящій выше всякой политики и всякихъ государствъ, законъ, исходящій отъ самого божества, велѣніемъ котораго связана ихъ совѣсть. И „различныя власти" распоряжались...

По свидѣтельству комитета министровъ, „100.000 человѣкъ бывшихъ уніатовъ, упорствующихъ въ католицизмѣ", числятся православными, не смотря на свое римское исповѣданіе. 30.000 человѣкъ „латышей, отпавшихъ въ протестантство", приписаны также къ господствующей вѣрѣ. „Въ приволжскихъ губерніяхъ имѣется значительное количество крещеныхъ татаръ, отпавшихъ въ магометанство", которые тоже считаются православными. „Въ разныхъ мѣстностяхъ имперіи встрѣчаются", далѣе, „группы отпавшихъ въ прежнее нехристіанское исповѣданіе инородцевъ, напримѣръ, закавказскія абхазцы, забайкальскіе буряты" и т. д. Наконецъ, „самую большую группу составляютъ раскольники и сектанты, отпавшіе отъ православія, но оффиціально числящіеся православными". Всѣмъ „этимъ лицамъ, православнымъ только по имени, запрещается открыто исповѣдывать свою настоящую религію". Мало того. „Они являются лишенными существенныхъ гражданскихъ правъ. Рожденія, браки и смерти... остаются не записанными въ метрическія книги; они не имѣютъ законной семьи и посему лишены твердыхъ имущественныхъ правъ". Но и этимъ дѣло не ограничивается. Насильственно приписанныхъ къ православію лицъ судятъ за отпаденіе отъ православія, берутъ ихъ имѣнія въ опеку, малолѣтнихъ дѣтей отбираютъ, самихъ упорствующихъ отдаютъ „на увѣщанія духовному начальству", при чемъ отвѣта на то, „какія послѣдствія наступаютъ для совратившагося изъ православія, въ случаѣ, если увѣщанія не подѣйствуютъ, законъ не даетъ"... Практика, однако, даетъ надлежащій отвѣтъ. Какъ сообщаетъ въ своихъ трудахъ А. С. Пругавинъ, такихъ лицъ могутъ подвергнуть медленной смерти въ одиночной монастырской тюрьмѣ или, какъ сообщалъ въ свое время А. М. Бобрищевъ-Пушкинъ, ихъ преслѣдуютъ въ административномъ порядкѣ и отправляютъ въ административную ссылку.

Такъ дѣйствуютъ „различныя власти" при помощи закона и помимо его, такъ хозяйничаютъ онѣ въ душѣ человѣка и водворяютъ среди населенія „религіозный бытъ"... Въ особенности тяжело, однако, было положеніе русскихъ раскольниковъ. „Вѣротерпимость... долгое время не распространялась на раскольниковъ, ибо въ убѣжденіи какъ церкви, такъ и правительства они являлись нарушителями... началъ единаго православнаго государства". Въ силу этого религія раскольниковъ не была признана религіей, ихъ исповѣданіе не почиталось за вѣру, ихъ самихъ н

считали за людей нравственныхъ и религіозныхъ, а самъ „расколъ не былъ признаваемъ самостоятельнымъ вѣроученіемъ“. Очень мало помогли здѣсь законы 1874 и 1883 годовъ. Примѣненіе на практикѣ установленныхъ въ законѣ „льготъ поставлено... было въ зависимость отъ усмотрѣнія министерства внутреннихъ дѣлъ“. Это же послѣднее дѣйствовало „въ сихъ случаяхъ по соглашенію съ вѣдомствомъ православнаго вѣроисповѣданія... Примѣненіе закона стало производиться на практикѣ съ крайнею, иногда излишнею, осмотрительностью...; а съ теченіемъ времени появились для нихъ (т. е. для раскольниковъ) вновь стѣсненія со стороны мѣстныхъ начальствъ, объясняемыя глубоко вкоренившимися привычками и взглядами, уничтожить которые законъ 1883 года оказался не въ силахъ“. И сама церковь содѣйствовала въ высокой степени такой практикѣ. Какъ говоритъ журналъ комитета министровъ, „положеніе обострялось постояннымъ обращеніемъ церкви къ свѣтской власти за содѣйствіемъ въ той или другой формѣ и отсутствіемъ законовъ, сколько-нибудь опредѣляющихъ предѣлы и условія такого „содѣйствія“. И „различныя власти дѣйствительно „содѣйствовали“: самый законъ 1883 года, разрѣшавшій „по точному его смыслу, какъ старообрядцамъ, такъ и сектантамъ творить общественную молитву и исполнять духовныя требы“, былъ замѣненъ сплошнымъ „содѣйствіемъ“. Какъ свидѣтельствуетъ комитетъ министровъ, этотъ законъ „въ отношеніи сектантовъ, менѣе примѣнялся и замѣненъ былъ, въ отношеніи къ нимъ, административными мѣропріятіями“. Въ концѣ концовъ, это „содѣйствіе“ окончилось положеніемъ 1894 года, по которому министръ внутреннихъ дѣлъ и оберъ-прокуроръ синода объявили „секту штундистовъ болѣе вредной“, „новое правило получило широкое примѣненіе, и практика административныхъ и судебно-административныхъ учрежденій пыталась распространить оное на всѣхъ почти сектантовъ, отвергающихъ обрядовую сторону православной вѣры“. Какъ очевидно, „содѣйствіе“ выразилось, благодаря усердію различныхъ властей, въ цѣломъ рядѣ актовъ религіозной нетерпимости и гнета, а само положеніе 1904 года „не могло не вызвать со стороны православнаго духовенства чрезмѣрнаго въ иныхъ случаяхъ стремленія къ охраненію его силы и значенія. Такимъ образомъ, служители церкви привлекались къ дѣятельности, не соотвѣтствующей призванію ихъ и носимому ими сану“. Священники становились полицейскими въ рясѣ, различныя власти „содѣйствовали“. Въ результатѣ „въ жизнь мѣстнаго населенія была... внесена значительная рознь, а иногда и открытая вражда между односельчанами“. Двухвѣковая нетерпимость къ раскольникамъ привела къ „развитію въ нихъ фанатически-враждебнаго отношенія къ православной церкви“...

Отмѣтимъ нѣкоторые отдѣльные случаи административнаго за-

конодательства и полицейскаго содѣйствія православію изъ области отношенія властей къ старообрядцамъ и раскольникамъ. Заслуживаютъ вниманія слѣдующіе случаи. Еще закономъ 1883 года установленъ порядокъ „исправленія, возобновленія, распечатыванія часовенъ и другихъ молитвенныхъ зданій, а также обращенія въ таковыя существующихъ строеній“, — спрашивается теперь, какъ администрація примѣняетъ этотъ законъ? Какъ ясно изъ данныхъ комитета министровъ, „мѣстныя власти весьма осторожно относятся къ этимъ вопросамъ“ и „спрашиваютъ мнѣнія духовныхъ начальствъ, наводятъ самыя подробныя справки о дѣйствительной потребности устройства новаго молитвеннаго помѣщенія и т. д. Министерство внутреннихъ дѣлъ съ своей стороны производитъ по этимъ дѣламъ сношенія съ вѣдомствомъ православнаго вѣроисповѣданія. Вслѣдствіе этого, удовлетвореніе ходатайствъ имѣло мѣсто лишь въ рѣдкихъ случаяхъ“: за 20 лѣтъ при наличности 15 милліоновъ раскольниковъ и сектантовъ было разрѣшено устроить всего на всего 283 молитвенныхъ зданія. Въ то же время закрытіе моленъ производилось самымъ энергичнымъ способомъ: „мѣстныя власти до послѣдняго времени вмѣшивались иногда въ молитвенныя дѣла раскольниковъ и дѣлали распоряженія, вызывающія съ ихъ стороны справедливыя жалобы“. И когда государственный совѣтъ, при отсутствіи правилъ о закрытіи моленъ, постановилъ, что министръ внутреннихъ дѣлъ никоимъ образомъ не имѣетъ права закрывать ихъ своею властью, то министерство внутреннихъ дѣлъ изобрѣло новую тактику. Оно прибѣгло къ судебному порядку, а вслѣдствіе обвинительнаго приговора опечатывались и молитвенныя зданія. Интересно также отношеніе администраціи къ раскольничьимъ школамъ. Закономъ 1864 года было разрѣшено открывать раскольникамъ школы грамотности. Къ тому же заключенію пришла коммиссія 1875 года; „однако, — замѣчаетъ комитетъ министровъ,—какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ указанное предположеніе не получило осуществленія...“ Не смотря на законъ и коммиссію, раскольники остались безъ школы. Не меньшее богатство административныхъ распоряженій, замѣнившихъ собою законъ, встрѣчаемъ мы въ дѣлѣ опредѣленія правъ раскольниковъ и сектантовъ на государственную и общественную службу. Въ 1902 году опредѣленіемъ синода запрещено принимать молоканъ на государственную службу. Въ 1898 г. военное министерство провело особое высочайшее повелѣніе, которымъ ограничено производство въ военные чины и поступленіе въ военное училище раскольниковъ. Даже награжденіе медалями нижнихъ чиновъ изъ сектантовъ допускалось только въ видѣ исключенія за выдающіеся подвиги...

Правила 1874 года и закона 1883 года являются, такимъ образомъ, единственнымъ выраженіемъ законодательнаго регули-

рованія расколо-сектантскаго вопроса, но, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ комитетъ министровъ, правила 1874 года, за отсутствіемъ „яснаго выраженія въ законѣ“ о сектантахъ, были замѣнены „циркулярными распоряженіями министерства внутреннихъ дѣлъ“, а законъ 1883 года былъ „на практикѣ... замѣненъ административными мѣропріятіями“. Направленіе и смыслъ этихъ мѣропріятій мы уже видѣли.

Не менѣе печальную картину представляетъ собой положеніе инославныхъ и иновѣрныхъ исповѣданій въ Россіи. Комитетъ министровъ удостовѣряетъ въ этой области цѣлый рядъ „распоряженій, стѣсняющихъ свободу вѣры и не основанныхъ на законѣ. Значительное развитіе у насъ въ этой области постановленій, изданныхъ административнымъ порядкомъ, объясняется, на ряду съ неполнотой самого закона,—причинами политическаго характера...“ Политическая борьба, при помощи чисто полицейскихъ средствъ, явилась прекрасной ареной для проведенія самой произвольной системы религіознаго преслѣдованія и гнета. „Политическія“ причины покрывали все. Провѣрить наличность политической опасности не было никакой возможности, и администрація, домогаясь безграничнаго расширенія своихъ полномочій, съ логической необходимостью стремилась къ возможно мрачному изображенію „политическихъ причинъ“. Нарисовать возможно страшнѣе всякія опасности, грозящія со стороны населенія, порою даже провоцировать акты недовольства и возмущенія въ его средѣ, испросить затѣмъ чрезвычайныя полномочія и замѣнить при ихъ помощи всякій законъ произволомъ, это—излюбленная метода, направленная къ водворенію полицейскаго всемогущества, ведущая на дѣлѣ къ беззаконнію, къ возбужденію національной вражды, ослабленію государства.

По отношенію къ римско-католической церкви наша бюрократія оказалась особенно изобрѣтательной и создала удивительную практику, не имѣющую ничего общаго съ закономъ. Администраціей была создана прежде всего цѣлая система взысканій, „налагаемыхъ въ административномъ порядкѣ на римско-католическое духовенство“. Отчеты генералъ-губернаторовъ подтверждаютъ „сравнительную многочисленность случаевъ ихъ наложенія...“ Объ этихъ взысканіяхъ журналъ комитета выражается категорически, хоть и кратко: „дальнѣйшее сохраненіе подобнаго порядка наложенія административныхъ взысканій не должно быть допущено“. Другимъ характернымъ фактомъ изъ этой области является опытъ обрусѣнія католическаго духовенства при помощи экзаменовъ изъ русскаго языка. Не смотря на соглашеніе русскаго правительства съ римской куріей 1882—1897 годовъ, министры народнаго просвѣщенія, внутреннихъ дѣлъ и варшавскій генералъ-губернаторъ ввели особую инструкцію для письменныхъ испытаній оканчивающихъ курсъ семинаріи католическихъ кли-

риковъ. Въ результатѣ получилось то, что 156 католическихъ священниковъ не были утверждены въ должности генералъ-губернаторомъ, какъ не сдавшіе русскаго экзамена, и 263 прихода остались вакантными. Само собой разумѣется, что комитетъ министровъ требуетъ отмѣны противозаконныхъ параграфовъ указанной инструкціи. Постройка и открытіе инославныхъ церквей и молитвенныхъ домовъ, закрытіе католическихъ монастырей, запрещеніе католическихъ церковныхъ братствъ, преподаваніе закона Божія на русскомъ языкѣ въ школахъ не русскихъ народностей—все это, по свидѣтельству комитета министровъ, давало просторъ цѣлому ряду административныхъ мѣръ, изданныхъ помимо и вопреки закону, которыя „легко могутъ пріобрѣтать характеръ мѣры религіознаго преслѣдованія“, вызывать „сильное раздраженіе“ и препятствовать „спокойному теченію общественной жизни“.

Изслѣдуя затѣмъ вопросъ о положеніи въ Россіи иновѣрныхъ исповѣданій, комитетъ министровъ опять-таки констатируетъ ихъ „непосредственную зависимость отъ усмотрѣнія губернской и центральной административной власти“. И это одинаково относится, какъ къ вопросу о молитвенныхъ домахъ и о назначеніи муллъ у мусульманъ, такъ и къ вопросу о духовной школѣ магометанъ и о духовномъ управленіи киргизъ. Относительно послѣднихъ дѣйствовали опять-таки различные „политическіе виды“, а цѣлую массу магометанскихъ приходовъ въ Сѣверномъ Кавказѣ и Средней Азіи, по-просту говоря, у насъ взяли, да и забыли: „до настоящаго времени духовныя дѣла означенныхъ магометанъ остаются внѣ правильнаго надзора со стороны правительственныхъ властей“. Такимъ образомъ, получается удивительная картина: „Однѣ религіозныя общины находятся въ непосредственномъ завѣдываніи административной власти, а другія совершенно изъяты отъ какого-либо, за дѣятельностью ихъ, правительственнаго надзора“...

Характеристика, данная комитетомъ министровъ русской религіозной полиціи въ одномъ отношеніи не оставляетъ желать ничего лучшаго. Это — полное признаніе въ томъ, что никакой вѣротерпимости на дѣлѣ у насъ не было, а тѣ весьма скромныя уступки иновѣрцамъ и инославнымъ христіанамъ, которыя были сдѣланы закономъ, на самомъ дѣлѣ были уничтожены цѣликомъ при помощи всемогущаго административнаго усмотрѣнія. Въ XX вѣкѣ мы сумѣли повторить порядки мрачнаго средневѣковья, въ новое столѣтіе электричества мы перенесли религіозный застѣнокъ старой католической и протестантской инквизиціи. Для оцѣнки этого факта трудно найти подходящее выраженіе: до такой степени чудовищна въ наше время самая мысль о полицейскомъ завѣдываніи вѣрою сознательной и нравственной личности, такъ невѣроятна теперь идея о вторженіи административныхъ

„различныхъ властей“ въ отношенія между человѣкомъ и Богомъ. И журналъ комитета министровъ съ удивительной простотой и дѣловитостью констатируетъ самые невозможные фантастическіе факты изъ русской религіозной практики. Магометане, язычники, католики и сектанты считаются православными и судятся за отпаденіе отъ православія. Издаются законы о нѣкоторой терпимости раскольниковъ и сектантовъ, и полиція отмѣняетъ ихъ собственной своей властью. Священники доносятъ и шпіонятъ, преслѣдуютъ еретиковъ именемъ Христа, предаютъ своихъ ближнихъ на мученіе и казни. Съ куріей заключаются международные договоры и не исполняются. Милліоны мусульманъ совершенно лишаются какой бы то ни было законодательной защиты и предаются въ жертву безграничному усмотрѣнію мѣстныхъ властей... Что это такое? Какъ все это возможно въ благоустроенномъ государствѣ? Гдѣ мы? Въ культурной европейской странѣ или въ Центральной Азіи? Въ христіанскомъ государствѣ или среди ордъ Магомета? — Полицейская сила, дѣйствующая помимо всякихъ твердыхъ нормъ и правилъ, топчущая ногами законы страны, рѣшающая важнѣйшіе вопросы жизни многомилліоннаго народа по формулѣ: хочу казню, хочу милую... Законодательство, забывающее о существованіи областей величиною въ любое европейское государство, „неясное и неполное“ тамъ, гдѣ идетъ дѣло о самыхъ дорогихъ правахъ личности, о твердости и нравственности семьи, объ устойчивости гражданскаго строя, о религіозномъ воспитаніи и нравственномъ просвѣщеніи 15 милліоновъ еретиковъ и раскольниковъ, о цѣлыхъ народностяхъ, отданныхъ подъ власть и покровительство Россіи. И къ этому надо присоединить еще тотъ фактъ, что сила и насиліе торжествуютъ здѣсь буквально во „святомъ мѣстѣ“, насаждаютъ ложь и лицемѣріе тамъ, гдѣ покоится алтарь Бога, вносятъ разложеніе и цинизмъ туда, гдѣ расцвѣли лучшія идеальныя силы человѣка, гдѣ жива еще мощь нравственнаго подвига, неудержимо стремленіе къ познанію послѣдней истины, а съ ней и конечнаго призванія человѣка! Увы, сомнѣній въ этомъ больше быть не можетъ. Журналы комитета подтверждаютъ печальный фактъ во всеоружіи безчисленныхъ данныхъ. Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ...

II.

Къ сожалѣнію, журналъ комитета министровъ въ одномъ отношеніи не вполнѣ удовлетворяетъ насъ. Комитетъ словно умышленно останавливается только на нѣкоторыхъ фактахъ, только на нѣкоторыхъ сторонахъ дѣйствующей системы и принципіальнаго ея обоснованія не затрагиваетъ почти совсѣмъ. У читателя, который пожелаетъ почерпнуть изъ журнала комитета всѣ свои

свѣдѣнія о русской вѣротерпимости, неизбѣжно останется въ умѣ весьма неполное представленіе о нашей религіозной системѣ. Съ одной стороны, онъ склонится къ мысли, что виною гоненій за вѣру были у насъ, чуть ли не исключительно, недосмотры законодательства и безпорядки въ администраціи, съ другой же, онъ будетъ склоненъ признать, что, кромѣ указанныхъ въ журналѣ случаевъ религіозной нетерпимости, больше у насъ нигдѣ ея нѣтъ, а съ изданіемъ новаго закона она и совсѣмъ покончила свое позорящее насъ существованіе. Однако и та, и другая мысль были бы ошибочны въ самомъ корнѣ. Причины ужасныхъ фактовъ, перечисленныхъ комитетомъ министровъ, лежатъ гораздо глубже, чѣмъ это можетъ показаться сразу, и только съ устраненіемъ ихъ возможно надѣяться на дѣйствительное водвореніе въ Россіи не только вѣротерпимости, но и свободы вѣроисповѣданія.

Приводя мотивы религіозныхъ преслѣдованій, запятнавшихъ собою нашу исторію въ XX вѣкѣ, комитетъ министровъ неоднократно указываетъ на одностороннее стремленіе нашей администраціи къ „охранѣ православія“, желаніе насильственно устранить все, что только хотя бы въ самомъ отдаленномъ будущемъ „можетъ усилить... хулу на православную церковь“,—однимъ словомъ, комитетъ говоритъ здѣсь про воспріятіе одной только „точки зрѣнія церковной“, про напряженіе всѣхъ силъ для „исключительнаго охраненія интересовъ православія“. Указывая неоднократно на „односторонность“ такихъ мотивовъ, комитетъ приводитъ, съ другой стороны, цѣлый рядъ соображеній уже „съ точки зрѣнія государственной“. Эти послѣднія, однако, не опредѣляются сколько-нибудь точно и обстоятельно. Напротивъ того, они всегда приводятся подъ совершенно неопредѣленными рубриками „государственной опасности“, „государственнаго вреда“, „опасности для общественной нравственности или спокойствія“ или даже подъ еще болѣе неопредѣленнымъ понятіемъ „причинъ политическаго характера“ и т. п. Только въ одномъ мѣстѣ указываетъ комитетъ на болѣе принципіальную основу „продолжавшейся въ теченіе почти двухъ вѣковъ нетерпимости“ и отмѣчаетъ въ качествѣ таковой принятіе со стороны, „какъ церкви, такъ и правительства“, „начала единаго православнаго государства“...

Сопоставляя затѣмъ въ частности всѣ эти мотивы, породившіе религіозную нетерпимость со стороны нашей администраціи, и необходимость измѣненія этой печальной практики, комитетъ министровъ весьма часто склоненъ объяснять самыя тяжелыя мѣры преслѣдованія то недостаткомъ „въ то время“ „всесторонняго освѣщенія вопроса о сектанствѣ у насъ и далеко не полнымъ знакомствомъ съ условіями развитія этого явленія въ русской жизни“, то отсутствіемъ „твердаго и систематическаго отношенія правительства“, то, наконецъ, перемѣнами въ самомъ „раз-

витіи" различныхъ религіозныхъ движеній „отъ времени первоначальнаго ихъ возникновенія" и до настоящихъ дней. Ошибочный взглядъ администраціи на значеніе и смыслъ отдѣльныхъ религіозныхъ движеній, преувеличеніе опасности, грозящей съ ихъ стороны государству и церкви, „исторически сложившіяся" причины „политическаго характера", заставившія дѣйствовать подчасъ тѣ или другія власти въ духѣ излишней „односторонности"— таковы практическія основанія для религіознаго гнета въ теченіе двухъ вѣковъ, которыя явились ближайшимъ поводомъ для проявленія въ томъ или другомъ случаѣ то „излишней осмотрительности" въ толкованіи религіозной свободы, то „чрезмѣрнаго... стремленія" духовенства къ охраненію его силы и значенія, то „для ограничительныхъ распоряженій" и всевозможныхъ репрессій „со стороны мѣстныхъ начальствъ", выработавшихъ въ себѣ въ этомъ отношеніи даже „глубоковкоренившіеся привычки и взгляды".

Два вѣка нетерпимости и религіозныхъ гоненій—и такія случайныя, и почти неуловимыя, причины! Такія глубокія потрясенія во всей религіозной жизни страны—и неосторожность, неосмотрительность, излишнее усердіе въ однихъ случаяхъ, ненужная осторожность въ другихъ, и все это со стороны „различныхъ властей", которымъ, конечно, какъ и всѣмъ людямъ, свойственно ошибаться. Картина получается весьма мирная и невольно вызывающая къ себѣ снисходительное отношеніе. Люди стремились къ благу православной церкви, къ огражденію православія, къ укрѣпленію началъ „единаго православнаго государства". Вслѣдствіе недосмотра, невольныхъ ошибокъ и естественныхъ заблужденій, они усматривали „опасность" тамъ, гдѣ ея не было, видѣли вредъ въ самыхъ безвредныхъ проявленіяхъ духовно-нравственной жизни—„принимали за страшныхъ враговъ отечества мирныхъ гражданъ и стремились искоренить ихъ. Не менѣе естественно, далѣе, что въ своемъ усердіи на благо церкви и государства духовныя и свѣтскія власти въ одномъ мѣстѣ нѣсколько уклонялись то въ сторону излишней осторожности, то излишняго рвенія и въ своемъ стремленіи на пользу общую притѣсняли однихъ, ссылали другихъ, въ одномъ мѣстѣ незаконно запечатывали молельни, въ другомъ—незаконно устраняли духовныхъ лицъ; здѣсь устраивали охоту на раскольничьихъ архіереевъ, тамъ упрятывали въ монастырскую тюрьму безпокойныхъ людей. И если по забывчивости, по ошибкѣ или недосмотру сотни тысячъ людей одной вѣры насильственно принуждались исповѣдывать другую, то и здѣсь опять-таки мы найдемъ столь же простыя, сколь понятныя причины. Вѣдь какъ мы уже знаемъ „различныя власти, не находя въ законѣ отвѣчающихъ вновь слагающимся въ жизни опредѣленіямъ и избѣгая возбуждать новые вопросы въ сложномъ законодательномъ порядкѣ, нерѣдко сами

устанавливали, казавшіяся имъ необходимыми, правила". „Казавшіяся необходимыми"... Какъ это много объясняетъ и вмѣстѣ извиняетъ! „Казавшіяся", да развѣ можетъ быть отвѣтственъ человѣкъ за то, что ему кажется? И если на основаніи того, что „кажется" властямъ, онѣ въ правѣ предупреждать „государственный вредъ" и возможность „хулы" на церковь, то какъ же можно требовать съ нихъ, чтобы онѣ не принимали мирныхъ гражданъ за преступниковъ, а духовное возношеніе молитвы къ Богу—за отвратительное и гнусное преступленіе? Власти, приставленныя къ „предупрежденію и пресѣченію преступленій", совершенно естественно склонны къ нѣкоторому преувеличенію грозящихъ странѣ опасностей; самая должность ихъ состоитъ въ изысканіи таковыхъ, за то и полагается имъ присвоенное по штату содержаніе. И разъ на основаніи того, что имъ „кажется", онѣ получаютъ право распоряжаться „религіознымъ бытомъ населенія" и пресѣкать всяческій „вредъ", то опять-таки съ логической необходимостью слѣдуетъ, что, чѣмъ болѣе имъ „кажется" и чѣмъ усерднѣе онѣ пресѣкаютъ, тѣмъ лучше онѣ исполняютъ возложенную на нихъ государствомъ роль.

Спрашивается, однако, теперь, почему такая перемѣна? Почему этотъ испытанный путь русской религіозной политики долженъ быть оставленъ, и вводится установленная комитетомъ вѣротерпимость? Почему вдругъ оказались негодными тѣ практически испробованныя средства, которыхъ въ теченіе двухъ вѣковъ держалась наша административная практика? И нашъ вопросъ тѣмъ болѣе умѣстенъ, что вѣдь ничто въ нашей администраціи не измѣнилось, и тѣ самыя власти, которыя до сихъ поръ превращали силою иновѣрцевъ въ православныхъ, не признавали законовъ, преслѣдовали еретиковъ, предотвращали „государственный вредъ" и церковную „хулу" вездѣ, гдѣ это имъ только такъ „казалось"—вѣдь онѣ и нынѣ продолжаютъ быть все тѣми же безотвѣтными властями, управляющими страной безъ общественнаго контроля и судебной отвѣтственности? И если до сихъ поръ по неосторожности или въ силу чрезмѣрнаго усердія происходили „порой" нѣкоторыя „ошибки" въ административной практикѣ, то спрашивается, почему эти ошибки должны теперь вдругъ прекратиться, а сотни тысячъ гражданъ получить полную отъ нихъ неприкосновенность и свободу? Наконецъ, и то повергаетъ насъ въ недоумѣніе, что вѣдь, какъ констатируетъ самъ комитетъ министровъ, и до сихъ поръ не было недостатка въ провозглашеніяхъ религіозной терпимости. Недаромъ самъ комитетъ приводитъ прекрасныя слова нашихъ основныхъ законовъ, согласно которымъ „свобода вѣры присвояется не токмо христіанамъ иностранныхъ вѣроисповѣданій, но и евреямъ, магометанамъ и язычникамъ: да всѣ народы, въ Россіи пребывающіе, славятъ Бога Всемогущаго разными языки по закону и испо-

вѣдaнію праотцевъ своихъ“. И подобныхъ провозглашеній вѣротерпимости съ высоты престола мы имѣемъ весьма много въ нашей исторіи. Развѣ не было провозглашено въ 1801 году нижеслѣдующее положеніе: „И разумомъ, и опытами давно уже дознано, что умственныя заблужденія простого народа, преніями и нарядными увѣщаніями въ мысляхъ его углубляясь единымъ забвеніемъ, добрымъ примѣромъ и терпимостью мало по малу изглаживаются и исчезаютъ... увѣщанія никакъ не должны имѣть вида допросовъ, истязаній и открытаго обряду ихъ мыслей насилія; но должны сами собой и непримѣтно изливаться къ нимъ изъ добрыхъ нравовъ духовенства, изъ жизни ихъ, изъ поступковъ и, наконецъ, изъ непринуждаемыхъ... разговоровъ“... Развѣ два года послѣ того не принялъ императоръ Александръ I того „правила“ относительно духоборовъ, что „доколѣ не обнаружено будетъ“ въ нихъ „явняго неповиновенія установленной власти“, „дотолѣ не можно по единому смыслу ихъ ереси судить и обвинять ихъ въ семъ преступленіи“. И въ 1816 году то же было отмѣчено относительно подобныхъ еретиковъ: „Отдаленіе сихъ людей отъ Православной... Церкви есть, конечно, съ ихъ стороны заблужденіе, основанное на нѣкоторыхъ погрѣшныхъ заключеніяхъ ихъ объ истинномъ богослуженіи и духѣ христіанства. Сіе происходитъ въ нихъ отъ недостатка въ просвѣщеніи: „ибо ревность Божію имѣютъ, но не по разуму“. Но просвѣщенному ли правительству христіанскому приличествуетъ заблудшихъ возвращать въ нѣдра Церкви жестокими и суровыми средствами, истязаніями, ссылками и тому подобнымъ? Ученіе Спасителя міра, пришедшаго на землю взыскати и спасти погибшаго, не можетъ внушаемо быть насильствіемъ и казнями, не можетъ служить къ погибели спасаемаго, коего ищутъ обратить на путь истины. Истинная вѣра порождается благодатію Господнею чрезъ убѣжденіе, поученіемъ, кротостью, а болѣе всего добрыми примѣрами. Жестокость же не убѣждаетъ никогда, но паче ожесточаетъ“. Сто лѣтъ тому назадъ превозглашена была вѣротерпимость, и ничто не помѣшало различнымъ властямъ фактически ее совершенно уничтожить. И какъ разъ въ серединѣ столѣтія, черезъ 50 лѣтъ съ небольшимъ, послѣ того, какъ были приняты правительствомъ вышеприведенные принципы, особый комитетъ 1858 года по вопросамъ о расколѣ безсильно жалуется въ своихъ постановленіяхъ: „Незнаніе всѣхъ обстоятельствъ раскола затрудняетъ правительство не только при рѣшеніи частныхъ случаевъ о раскольникахъ, но въ особенности при избраніи правильной и твердой системы дѣйствія въ отношеніи къ расколу вообще“... Во всякомъ случаѣ комитетъ принялъ тогда же за правило, что „при обсужденіи общихъ правительственныхъ мѣръ въ отношеніи къ расколу надлежитъ избѣгать всякихъ принудительныхъ и насильственныхъ средствъ“. Поставленный передъ возмутительнымъ

противорѣчіемъ теоретической вѣротерпимости и практической нетерпимости, тогдашній комитетъ пришелъ къ тѣмъ же самымъ результатамъ, которые въ настоящее время обнародованы комитетомъ министровъ: „неудобства, теперь оказывающіяся,—заявлялъ комитетъ 1858 года,—происходятъ не отъ самой системы дѣйствій... но отъ неточнаго и неправильнаго исполненія оной, происходящаго или отъ неблагонамѣренности исполнителей въ низшихъ инстанціяхъ, или... и отъ неумышленности по недостаточному знанію многочисленныхъ и разнообразныхъ узаконеній, насчетъ раскола въ различное время и по различнымъ вѣдомствамъ изданныхъ"... Другими словами, точь-въ-точь то же самое, что превозглашено теперь въ журналѣ комитета министровъ.

Сто лѣтъ повторяется все одно и то же. Превозглашается вѣротерпимость, но по незнанію и незнакомству съ дѣлами вѣры мы все не можемъ найти новой системы для ея осуществленія. И вотъ „различныя власти" или злонамѣренные и благонамѣренные „исполнители" начинаютъ затѣмъ изобрѣтать свою систему, превращать вѣротерпимость въ религіозную нетерпимость, свободу вѣры въ полицейскую и церковную инквизицію, а всѣ прекрасныя гуманныя слова „просвѣщеннаго и христіанскаго правительства" — въ печальное украшеніе мрачной практики безсмысленныхъ и жестокихъ гоненій, падающихъ на тѣхъ, кто не можетъ и не хочетъ лгать передъ Богомъ! И теперь мы принимаемся опять за старые пріемы для того, чтобы провести новыя реформы, обезпечить „болѣе широкую вѣротерпимость". И послѣ того, какъ за двухвѣковой религіозный гнетъ сдѣланы отвѣтственными „различныя власти" или, другими словами, найденъ тотъ хроническій стрѣлочникъ нашей государственной машины, благодаря которому наша вѣротерпимость постоянно сходитъ съ рельсъ, комитетъ министровъ приступаетъ къ новому повторенію началъ вѣротерпимости, дѣлаетъ новую попытку подновить старое вино въ старыхъ мѣхахъ.

Въ самомъ дѣлѣ. Комитетъ въ своемъ журналѣ не удовлетворяется одной ссылкой на высочайшую волю, исполнителемъ которой онъ долженъ явиться. Комитетъ неоднократно говоритъ о томъ, что тѣ или другія мѣры противорѣчатъ началамъ „цѣлесообразности"; онъ ссылается на требованія „справедливости" и во имя ихъ желаетъ установить различныя измѣненія въ существующемъ порядкѣ. Онъ оцѣниваетъ религію вообще и заключаетъ поэтому, что „едва ли можетъ быть болѣе нежелательный элементъ въ государствѣ, какъ подданные безъ религіи—этого главнаго устоя нравственности". Комитетъ цѣнитъ даже ламаизмъ, какъ религію, „полную высокихъ моральныхъ и философскихъ истинъ". И, въ концѣ концовъ, комитетъ еще разъ повторяетъ всѣ тѣ доводы въ пользу вѣротерпимости, которые были превозглашены у насъ уже сто лѣтъ тому назадъ. „Въ

области вѣры принужденіе не должно быть допускаемо, и насильственное удержаніе кого-либо въ томъ или другомъ вѣроисповѣданіи не можетъ почитаться явленіемъ нормальнымъ". „Убѣжденія совѣсти каждаго человѣка не подлежатъ контролю со стороны государства до тѣхъ поръ, пока они не выразились въ какомъ-либо неправомѣрномъ дѣяніи... Религіозная свобода принадлежащихъ къ... сектамъ лицъ не можетъ быть стѣсняема, пока вредное заблужденіе не проявится въ дѣятельности отдѣльныхъ лицъ... Если же проявленіе вѣрованій сопряжено съ опасностью для общественныхъ нравственности или спокойствія, то мѣры борьбы должны быть направлены не путемъ ограниченія духовной свободы, но пресѣченіемъ и преслѣдованіемъ на основаніи уголовнаго закона... Путемъ „твердаго и опредѣленнаго закона, внѣ зависимости отъ какого-либо усмотрѣнія и отъ не основанныхъ на законѣ административныхъ распоряженій" желаетъ, наконецъ, комитетъ обосновать и осуществить на практикѣ провозглашенную имъ „вѣротерпимость"...

Все это мы уже знаемъ, все это мы слышали уже много разъ; но въ теченіе послѣдняго столѣтія, увы! всѣ эти хорошія слова остались совершенно неосуществимыми. Заколдованный кругъ, въ которомъ безъ конца смѣняются благія пожеланія и произвольная насильственная практика, представляется неразрѣшимымъ... Невольно возникаетъ вопросъ, одни ли „исполнители" виновны въ постоянныхъ крушеніяхъ нашей вѣротерпимости, одно ли незнаніе условій жизни мѣшало у насъ водворенію законченной системы религіозной свободы? Не надо ли, напротивъ того, искать общихъ причинъ столѣтней неудачи въ чемъ то другомъ, въ наличности такихъ серьезныхъ и глубокихъ основаній, которыя осуждаютъ напередъ на полное крушеніе всякую систему вѣротерпимости и свободы личнаго вѣроисповѣданія?

Самъ журналъ комитета министровъ даетъ намъ для того слишкомъ достаточно указаній. Ссылаясь на принципы, онъ нигдѣ не доводитъ ихъ до конца, точно также, какъ дѣлали это и всѣ предшествовавшіе ему комитеты по вѣроисповѣднымъ дѣламъ. Превозгласивъ, съ одной стороны, вѣротерпимость, онъ, съ другой—высказываетъ „рѣшительное убѣжденіе свое, что измѣненіями этими не должно отнюдь быть поколеблено устанавливаемое основными законами государства положеніе, признающее первенствующею и господствующею въ Россійской имперіи вѣру христіанскую, православную, католическую, восточнаго исповѣданія". Отрицая всякое насильственное прикрѣпленіе вѣрующихъ къ опредѣленной религіи, комитетъ въ то же время заявляетъ, что для всякаго, перешедшаго изъ православія въ нехристіанскую религію, „останутся въ силѣ всѣ тѣ перечисленныя выше невыгодныя относительно актовъ гражданскаго состоянія послѣдствія, которыя произойдутъ вслѣдствіе непризнанія государствомъ подобнаго

перехода состоявшимся“. Другими словами, этой мѣрой создается опять-таки то, осужденное комитетомъ, положеніе, при которомъ необходимо рождается такой „нежелательный элементъ въ государствѣ, какъ подданные безъ религіи“, „безъ законной семьи... гдѣ не можетъ быть правильнаго отношенія между родителями и дѣтьми и... этимъ затрудняется строго нравственное воспитаніе подрастающаго поколѣнія“. При введеніи вѣротерпимости, комитетъ министровъ желаетъ остаться на старой почвѣ русской религіозной полиціи, соединяетъ несоединимое. Съ величайшей осторожностью относится онъ къ тому самому строю, результаты котораго такъ плачевны; карая одной рукой, онъ другою поддерживаетъ и охраняетъ то, что такъ рѣшительно заклеймено въ его журналѣ. И характерная черта. Съ одной стороны, самый тонъ комитетскихъ предложеній преисполненъ колебаній и сомнѣній въ ихъ осуществимости, съ другой же—тамъ, гдѣ комитетъ не рѣшается договорить слово до конца, онъ словно скрывается за другія установленія и лица. Всѣ самыя щекотливыя мѣста программы комитета заботливо выдѣлены имъ и предоставлены рѣшенію другого новаго „Особаго совѣщанія“; тамъ, гдѣ комитетъ встрѣчался съ самыми суровыми и рѣзкими проявленіями господствующей системы, онъ стремился передать отдѣльнымъ министрамъ и выработку, и отвѣтственность за дальнѣйшія, болѣе радикальныя мѣры. Мы понимаемъ вполнѣ, что, будучи только собраніемъ высшихъ бюрократовъ, комитетъ не могъ принять на себя полную отвѣтственность за радикальную и послѣдовательную реформу, но нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь были и другія причины. Предъ комитетомъ была цѣльная религіозно-полицейская система, законченная во всѣхъ деталяхъ, охватывающая страну желѣзной цѣпью стараго полицейскаго строя. Не отдѣльные безпорядки и упущенія, а колоссальное зданіе государственнаго гнета въ религіозной области вырисовалось передъ комитетомъ во всемъ своемъ грозномъ величіи. У высшихъ сановниковъ, собранныхъ въ комитетѣ, не достало мужества прямо признать потрясающій фактъ и рѣзко, рѣшительно опредѣлить къ нему отношеніе. Комитетъ расшаталъ части зданія, раскрылъ въ немъ нѣсколько темныхъ удушливыхъ келій, снялъ запоры съ нѣскольких подваловъ, гдѣ томились милліоны людей, но все зданіе стоитъ твердо по прежнему, а изъ другихъ запертыхъ еще религіозныхъ тюремъ доносятся до насъ вопли и стоны заключенныхъ.

Дѣло въ принципѣ, а не въ нѣкоторыхъ несовершенствахъ и временномъ безпорядкѣ; дѣло въ цѣлой системѣ, а не въ частныхъ исправленіяхъ; дѣло въ томъ—быть ли свободѣ вѣрующей личности или нѣтъ, а не въ уступкахъ и компромиссахъ, вынужденныхъ временнымъ стеченіемъ обстоятельствъ. Условія могутъ перемѣниться, и что тогда?

III.

До XVIII вѣка московская Русь строго придерживалась византійской системы государственной религіи, и общимъ правиломъ была обязательная принадлежность коренного населенія къ грековосточному исповѣданію; вѣроотступничество, ересь, расколъ были не только религіознымъ грѣхомъ, но и уголовнымъ преступленіемъ. Въ уложеніи царя Алексѣя Михайловича смерть черезъ сожженіе была назначена, какъ обычная казнь за религіозныя преступленія. И что подобная казнь была у насъ употребительна не только во времена среднихъ вѣковъ, показываютъ: сожженіе „еретика иноземца Квирина Кульмана и найденныхъ у него развратныхъ книгъ и писемъ“ въ 1688 году за то, что онъ „на Москвѣ будучи, чинилъ многія ереси и свою братію иноземцевъ прельщалъ, и вынуты у него многія еретическія и богомерзкія и хульныя книги и письма“; а также сожженіе въ 1738 г. „флото-капитанъ-лейтенанта Возницына за отпаденіе отъ христіанской вѣры, а жида Бороха за превращеніе онаго капитана въ жидовскій законъ“.

Однако, подобная практика силою необходимости была смягчена въ одномъ отношеніи уже въ московскомъ государствѣ. Вѣротерпимость была необходимымъ условіемъ для объединенія съ Москвою всей массы разновѣрныхъ инородческихъ элементовъ, въ особенности татаръ, и вѣротерпимость была имъ обезпечена. Она была построена на чисто политическомъ основаніи и уже тогда получила совершенно опредѣленный племенной и національный характеръ; это была терпимость не вѣры, а тѣхъ или другихъ племенъ и народовъ со всѣми ихъ обычаями и свычаями и, между прочимъ, вѣрой. Такая чисто азіатская терпимость ни въ чемъ не нарушала византійскаго принципа. Для коренного русскаго населенія именно этотъ послѣдній оставался рѣшающимъ. Съ другой же стороны, совершенно логичной была и терпимость вѣры тѣхъ фряжскихъ гостей, тѣхъ различныхъ иноземцевъ, которые такъ нужны были московскому государству для государева дѣла, для военныхъ и промышленныхъ услугъ, для обученія русскихъ людей полезнымъ художествамъ, ремесламъ и т. д. Это все были иноземцы, и терпимость ихъ вѣры даже съ допущеніемъ права богослуженія слишкомъ легко подходила подъ понятіе своего рода внѣземельнаго Ди, которымъ пользовались уже издавна различныя иностранныя слободы и поселенія: русскаго населенія опять-таки подобная терпимость не касалась, здѣсь византійскій принципъ единой государственной религіи оставался не поколебленнымъ.

Когда русское государство вошло въ началѣ XVIII в. въ кругъ

европейскихъ идей и порядковъ, оно опять-таки не имѣло никакой надобности рѣзко мѣнять свою вѣроисповѣдную политику. Начальный періодъ новаго государства въ Западной Европѣ, такъ называемое полицейское государство, само строило вѣротерпимость на чисто-политическихъ основаніяхъ и почти цѣликомъ отождествляло ее съ привилегированіемъ отдѣльныхъ религіозныхъ обществъ. И если теперь юридическая схема была перенесена на русскую почву, то безъ всякихъ логическихъ затрудненій совершилось и у насъ превозглашеніе вѣротерпимости, при чемъ мѣсто отдѣльныхъ религіозныхъ обществъ съ чрезвычайной легкостью заняли у насъ уже издавна привилегированныя племенныя и національныя единицы. Въ этомъ отношеніи западныя идеи принесли намъ только весьма удобную юридическую и государственную формулу, которая потомъ, подъ видомъ гарантіи вѣротерпимости, и примѣнялась всякій разъ, когда путемъ завоевательной или мирной политики совершалось присоединеніе къ Россіи новой народности съ ея особой вѣроисповѣдной организаціей. Та же формула, съ другой стороны, оказывалась вполнѣ пригодной и въ тѣхъ случаяхъ, когда государство, при помощи привлеченія иностранныхъ колонистовъ, стремилось заселить дикія мѣстности въ мало культурныхъ частяхъ страны или призывало иностранцевъ въ промышленныхъ цѣляхъ, или на службу.

На иныхъ основаніяхъ выработалось отношеніе русскаго правительства къ иновѣрцамъ или инославнымъ русской народности. Здѣсь пригодился другой принципъ полицейскаго государства, выработанный имъ въ періодъ увлеченія различными реформами въ религіозной области. Не становясь на точку зрѣнія чисто теократическаго союза, государство переносило центръ тяжести изъ вѣроисповѣдной сферы въ область полицейскаго благочинія. Уже съ начала XVIII вѣка русское государство перестаетъ себя сознавать свѣтской стороной православно-церковнаго организма и, принимая отъ стараго московскаго государства въ наслѣдіе борьбу со схизмой и расколомъ, постепенно придаетъ этой борьбѣ новый, уже чисто свѣтскій уголовно-полицейскій характеръ. Расколъ и схизма, съ этой точки зрѣнія, есть не религіозное преступленіе само по себѣ, а поврежденіе „общаго блага", нарушеніе полицейскаго „благочинія", проявленіе „своевольства", „бунта" „неповиновенія властямъ",—однимъ словомъ, политической неблагонадежности. Ересь и схизма оцѣниваются поэтому уже не столько со своей догматической стороны, сколько со стороны „государственнаго вреда" и „общественной опасности". Въ силу этого, исповѣданія дѣлятся на „вреднѣйшія", „особенно вредныя", „вредныя", „менѣе вредныя", и сообразно съ этимъ организуется полицейская борьба съ „лжеученіями", имѣющая, съ одной сто-

роны, характеръ уголовной репрессіи, а съ другой—различной „предосторожности".

Вѣротерпимость полицейскаго государства носила чисто утилитарный характеръ. Понятіе „полиціи", какъ дѣятельности, направленной къ осуществленію „общаго блага", стало рѣшающимъ началомъ для опредѣленія границъ и „вѣротерпимости". И если просвѣщенные монархи конца XVIII, начала XIX вѣка и принимали разныя мѣры для поддержанія религіи, то это дѣлалось не ради церкви, какъ отдѣльнаго и самостоятельнаго организма, а ради выполненія предначертаній моральной, религіозной, а очень часто, и хозяйственной полиціи. И эта же полиція требовала неминуемо признанія нѣкоторой вѣротерпимости. Меркантильная система стремилась къ возрастанію населенія, къ привлеченію въ страну чужеземныхъ колонистовъ, ремесленниковъ и фабрикантовъ для оплодотворенія туземной промышленности. Непрерывныя завоевательныя войны вели къ постоянному пріобрѣтенію все новыхъ иновѣрныхъ странъ и областей, возрастающій фискальный интересъ лишалъ различныхъ привилегій господствующую церковь, потребность въ большомъ числѣ годныхъ и рослыхъ рекрутъ вела къ ослабленію нормъ церковнаго брачнаго права, къ признанію смѣшанныхъ браковъ. Въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ провозглашеній вѣротерпимости со стороны абсолютныхъ полицейскихъ государствъ Европы, независимо даже отъ ихъ формы правленія. Въ Пруссіи еще въ 1788 году вёлльнеровскимъ религіознымъ эдиктомъ была подтверждена терпимость разныхъ еще раньше принятыхъ сектъ съ запрещеніемъ, однако, ихъ дальнѣйшаго распространенія. Въ 1794 году прусскимъ земскимъ правомъ была установлена довольно широкая свобода вѣроисповѣданія. Въ Австріи закономъ 1781 года были допущены нѣкоторыя исповѣданія, кромѣ господствующей церкви; въ 1803 году Баварія издала свой религіозный эдиктъ, которымъ уравнивались права трехъ имперскихъ религій, а въ 1806 году Вюртембергъ и Баденъ послѣдовали примѣру Баваріи. Послѣ Вѣнскаго конгресса почти во всѣхъ германскихъ конституціяхъ была провозглашена свобода совѣсти, и приверженцы трехъ главныхъ религій были совершенно уравнены въ правахъ.

Однако эта вѣротерпимость нисколько не мѣшала правительству налагать свою тяжелую руку на религіозныя убѣжденія гражданъ. Не смотря на вѣротерпимость, Іосифъ II австрійскій не только превращалъ полицейскими мѣрами римское католичество въ чисто-свѣтскую государственную вѣру, но и не стѣснялся лѣчить „палочными ударами" сектантскія заблужденія, такъ какъ приписывалъ подобныя ереси исключительно „глупости" заблуждающихся. Точно такъ же въ Пруссіи, вопреки земскому праву, Фридрихъ Вильгельмъ III довелъ своими преслѣдованіями до эми-

граціи старо-лютеранъ, которыхъ онъ называлъ „оглупѣвшими фанатиками“. Даже либеральная Англія не стыдилась примѣнять цѣлый рядъ ограничительныхъ законовъ къ своимъ католикамъ до 1829 года, и, хотя эти мѣры вызывались чисто политической борьбой со Стюартами, онѣ были тѣмъ не менѣе въ высшей степени оскорбительны и тяжки для религіознаго сознанія англійскихъ католиковъ. Даже революціонная Франція въ періодъ своей диктатуры не остановилась передъ провозглашеніемъ гражданской конституціи о духовенствѣ 1790 года... Но еще болѣе дѣло ухудшалось тамъ, гдѣ съ религіозными обрядами были связаны тѣ или другія гражданскія права. Въ этихъ случаяхъ государство считало себя въ правѣ вынуждать религіозныя дѣйствія со стороны подданныхъ только потому, что съ ними была связана дѣйствительность чисто гражданскихъ актовъ. Особенно такой практикой была богата въ свое время Пруссія Фридриха Вильгельма III. Массы гражданъ, не имѣя возможности участвовать въ силу религіозныхъ убѣжденій въ цѣломъ рядѣ гражданскихъ и публично правовыхъ актахъ, невольно оказывались чужеземцами въ родной странѣ, лишались правъ въ силу метрики безъ крещенія, являлись повсемѣстно объектомъ полицейскаго преслѣдованія не за вѣру, но за вытекавшія изъ нея послѣдствія. И если во Франціи законами 1806 и 1808 гг. было установлено полное уравненіе евреевъ съ остальными гражданами, подъ условіемъ принятія ими общей „гражданской морали“, общаго долга повиновенія законамъ и исполненія гражданскихъ обязанностей, въ особенности же „священнаго долга военной службы“, то въ Германіи, Австріи и остальныхъ государствахъ Европы они находились на положеніи только терпимыхъ чужеземцевъ. Весьма характерны въ этомъ отношеніи законы: баварскій 1805 года, гдѣ евреи „прямо трактуются, какъ „вредные иностранцы“, и прусскій каб. приказъ 1814 года, въ которомъ относительно лицъ, переходящихъ изъ христіанства въ іудейство, прямо устанавливалось, что съ такимъ переходомъ они становятся для государства иностранцами, которые подлежатъ допущенію въ предѣлы государства только съ особаго каждый разъ разрѣшенія. Даже болѣе мягкій прусскій законъ 1847 года, даруя евреямъ всѣ гражданскія права, прямо объявлялъ въ § 3: „сословныя права не могутъ быть осуществляемы евреями“.

Такая „вѣротерпимость“ была понятна до тѣхъ поръ, пока государство не выходило еще на міровой рынокъ со своими національными интересами, пока оно не нуждалось въ тѣхъ громадныхъ жертвахъ со стороны населенія, которыми оно пользуется теперь. Оно могло замѣнять полицейской вѣротерпимостью свободу вѣры до тѣхъ поръ, пока оно для выполненія гигантской организаціонной и административной работы не нуждалось въ милліонахъ активныхъ и сознательныхъ гражданъ-борцовъ. Оно

безъ особенныхъ неудобствъ могло обходиться въ области нравственной жизни примитивными средствами нехитрой бюрократіи, орудіями элементарнаго фискализма, грубой полицейской „предосторожности“. При такомъ порядкѣ, масса населенія, дѣйствительно, могла оставаться на положеніи пассивнаго человѣческаго стада, состоящаго подъ опекой просвѣщенныхъ благодѣтелей и платящаго безропотно налоги, отбывающаго барщину или натуральныя повинности. Такому человѣческому стаду, конечно, не полагалось давать признанія нравственной личности и свободы вѣры. Нравственность была только постольку важна, поскольку не препятствовала полученію налоговъ и взиманію податей. И при такомъ порядкѣ вполнѣ было возможно наклеить на все населеніе сразу соотвѣтственный религіозный или нравственный ярлыкъ, и дѣло народной нравственности этимъ исчерпывалось вполнѣ. Менѣе всего, конечно, тутъ возникалъ вопросъ, какой вѣры, какой морали придерживается въ дѣйствительности тотъ или другой платежный атомъ. Въ полицейскомъ государствѣ мы встрѣчаемся съ весьма легкимъ и простымъ разрѣшеніемъ вопроса о христіанскомъ характерѣ государства и его жизни. Все христіанство сводится здѣсь къ внѣшнему грубому „оказательству“ внѣшнихъ же обрядовъ, и разъ эти обряды соблюдены, то и само христіанство готово. Полицейское государство извращаетъ религію въ безразличный и пустой обрядъ. Во имя бездушнаго обряда, казнитъ оно и притѣсняетъ тѣхъ, для кого этотъ обрядъ связанъ живыми узами со всѣмъ складомъ его совѣсти. Религіозно-полицейская система убиваетъ всякое высшее нравственное основаніе вѣры, полиція беретъ здѣсь на себя отвѣтственность за спасеніе обывательскихъ душъ, успокоиваетъ ихъ нравственные запросы указаніемъ на свой будто бы христіанскій характеръ, подавляетъ всякое стремленіе къ активной и нравственной жизни.

Не то въ государствѣ правовомъ. Цѣликомъ покоится оно на понятіи гражданина; это же послѣднее обращается въ ничто, если устранить изъ него понятіе разумно-нравственной личности. И это понятіе опять-таки далеко не есть созданіе какой-нибудь заоблачной философіи или естественнаго права, какъ его понимали старые его приверженцы. Нѣтъ, это понятіе есть результатъ живой и насущной государственной потребности, есть средство для удовлетворенія серьезнѣйшаго государственнаго интереса у новаго государства. Дѣло въ томъ, что все растущіе государственные запросы нуждаются въ новой организаціи государственной машины, которой не знало государство полицейское. И, подобно тому, какъ рабовладѣніе продолжалось только до тѣхъ поръ, пока оно было выгодно, и пало, когда оно стало работать „въ убытокъ“, такъ и старая фискально-полицейская система работы „подданнаго“ становится невыгодной и смѣняется работой гра-

жданина, какъ нравственнаго и сознательнаго государственнаго работника.

Признаніе нравственной личности гражданина выгодно современному правовому государству уже потому, что вмѣстѣ съ этимъ удесятеряются хозяйственныя силы населенія, и тамъ, гдѣ раньше инертная масса населенія перебивалась съ хлѣба на воду, лишь быть бы живому, а то и вымирала безропотно при всякомъ случайномъ бѣдствіи, тамъ признаніе личности и ея свободы, отвѣчая новымъ экономическимъ потребностямъ, создало новый типъ энергичнаго, сознательнаго и нравственно-организованнаго бойца за свое и общественное благо, который безъ ущерба для себя и потрясенія народнаго хозяйства могъ свободно отдать странѣ громадныя массы хозяйственныхъ благъ. Подобные государственные расходы въ странѣ полицейско-фискальнаго склада оканчиваются неизбѣжно полнымъ раззореніемъ страны; пассивное, косное населеніе не имѣетъ въ себѣ никакой силы экономическаго сопротивленія и вмѣстѣ съ тѣмъ никакой способности быстро возмѣщать утраченное благо. Нравственно-организованная личность есть, прежде всего, одинъ изъ постулатовъ интенсивной экономической жизни страны; при помощи ея признанія удесятеряются силы работника. Рабовладѣльческое хозяйство при современныхъ экономическихъ условіяхъ уже невыгодно...

Но есть и другое основаніе подобной политики. Правовое государство при выполненіи своихъ громадныхъ національныхъ задачъ нуждается въ работѣ массы лицъ, и при томъ работающихъ дѣйствительно не за страхъ, а за совѣсть. Ему нужны не полчища темныхъ и пассивныхъ податныхъ душъ, а активные дѣятели, которые сознательно, честно и энергично служили бы общему благу. Не понятіе „службы“ и „повинности“, а принципы „представительства“ и „должности“ являются тѣми могучими пружинами, которыя двигаютъ современную государственную машину и придаютъ ей такой своеобразный характеръ. И если правовое государство призываетъ всѣхъ своихъ полноправныхъ гражданъ къ участію въ законодательствѣ страны, то оно вмѣстѣ съ тѣмъ заинтересовано въ высшей степени въ томъ, чтобы эти граждане были нравственными и разумными людьми, которые сами не только умѣютъ различить добро и зло, но и настоять на проведеніи своихъ убѣжденій въ законъ. Если, далѣе, тѣ-же граждане призваны въ судъ присяжныхъ къ рѣшенію участи своего ближняго, то государство не менѣе заинтересовано въ томъ, чтобы это были лица неподкупной совѣсти, самостоятельно умѣющія отличить правду отъ неправды, строгіе каратели преступленія, чуткіе хранители невиннаго. Точно такъ же заинтересовано государство и въ томъ, чтобы его народные представители и земскіе дѣятели были людьми не только свѣдущими, но и независимыми, не только честными, но и въ извѣстной степени самоотверженными, умѣю-

щими принести себя и свой личный интересъ въ жертву на общую пользу.

Вотъ тѣ основанія, въ силу которыхъ правовое государство самымъ кореннымъ образомъ заинтересовано въ томъ, чтобы его граждане были людьми нравственными, вотъ почему для него и дѣло признанія „нравственной личности", и ея свободы есть неизбѣжное требованіе здоровой государственной жизни и развитія. И тотъ изслѣдователь, для котораго останется скрытымъ этотъ нравственный фундаментъ правового государства, никогда не пойметъ тѣхъ необходимыхъ глубокихъ основаній, въ силу которыхъ свобода совѣсти и свобода печати есть незыблемая и интегральная часть западно-европейскаго политическаго строя, атмосфера, при отсутствіи которой правовое государство гибнетъ и извращается. Вотъ почему, между прочимъ, эффектъ тѣхъ или другихъ институтовъ правового государства, перенесенныхъ на другую почву, въ другую нравственную атмосферу, оказывается совершенно инымъ и не оправдывающимъ всеобщихъ ожиданій: нельзя отъ присяжныхъ съ преднамѣреннымъ вѣроисповѣднымъ подборомъ у насъ ожидать въ дѣлахъ объ отступничествѣ того безпристрастія, какое по общему правилу сопровождаетъ судъ присяжныхъ на Западѣ; нельзя отъ земскаго собранія, составленнаго изъ земскихъ начальниковъ, ожидать того независимаго представительства мѣстности, какъ отъ какого-нибудь нѣмецкаго окружного совѣта...

Право свободы вѣроисповѣданія есть одно изъ правъ „нравственной личности", и безъ этого права она существовать не можетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ становится невозможной и вообще всякая нравственность въ странѣ. Подтверждается это положеніе очень простыми соображеніями.

Во-первыхъ, устанавливая обязательный нравственный или религіозный законъ, государство можетъ установить исключительно опредѣленныя формы внѣшняго поведенія, которому, однако, приписывается значеніе не внѣшняго поведенія самого по себѣ, а выразителя внутренняго, нравственнаго настроенія. Именно это значеніе и есть для нравственнаго поведенія рѣшающее, такъ какъ оно состоитъ неразрывно изъ внутренней и внѣшней стороны, при чемъ внѣшняя сторона только постольку получаетъ нравственный характеръ, поскольку выражается въ ней внутренняя. Но государство не имѣетъ никакого доступа къ внутренней сторонѣ человѣческой дѣятельности, въ его сферу входитъ только внѣшнее выраженіе ея. Отсюда и проистекаетъ для государства, желающаго предписывать нравственные и религіозные законы, то въ высокой степени замѣчательное положеніе, при которомъ оно порывается овладѣть тѣмъ, что для него недоступно, т.-е. нравственностью лица, при помощи того, что хотя ему и доступно, т. е. внѣшнее поведеніе, но которое въ свою

очередь только постольку имѣетъ нравственный характеръ, поскольку оно служитъ выраженіемъ нравственнаго внутренняго, недоступнаго государству, момента. Это положеніе живо напоминаетъ то положеніе сказочнаго Ивана царевича, когда онъ, отправившись въ волшебное путешествіе, сталъ управлять Сивкой-Буркой не съ головы, а съ хвоста... Точно такъ же печально положеніе и законодателя, который хочетъ управлять причиной, вліяя исключительно на ея слѣдствіе: подобнаго рода попытки всегда осуждены на безплодіе. Однако здѣсь есть и другая сторона: законодатель, желая вполнѣ овладѣть нравственностью гражданъ, станетъ стараться и всю нравственность, перевести изъ области явленій внутренняго міра исключительно въ міръ внѣшняго поведенія. Онъ попробуетъ всю нравственность обратить въ извѣстную обрядность. Но, конечно, это будетъ уже уничтоженіемъ всякой нравственности и началомъ полнаго народнаго разложенія. Результатомъ такой нравственности можетъ быть только развратъ подъ кровомъ фарисейства. Здоровый государственный строй съ такимъ порядкомъ совмѣстимъ быть не можетъ. Итакъ, какъ очевидно, вмѣшательство государства въ положительное регулированіе нравственности и вѣры или безплодно и только компрометируетъ власть, которая рѣшается на такія безсильныя и безплодныя попытки, или положительно вредно съ точки зрѣнія нравственной.

Но еще яснѣе станетъ нравственная цѣнность подобныхъ попытокъ, когда мы обратимся къ тѣмъ мѣрамъ, при помощи которыхъ онѣ проводятся въ жизнь. Такими мѣрами могутъ быть или прямое принужденіе, или косвенное. Первое здѣсь невозможно, остается второе. Государство дѣйствуетъ при помощи мотивовъ страха, съ одной стороны, и корысти и выгоды—съ другой. Формула здѣсь та же, что была и въ языческомъ Римѣ: принесешь жертву богамъ—будешь богатъ и счастливъ; откажешься—будешь казненъ или наказанъ. Здѣсь, какъ къ противоядію противъ заблужденія, прибѣгаютъ къ корысти и страху. Здѣсь высшему нравственному началу въ душѣ человѣка противопоставляютъ его низшіе животные инстинкты. Здѣсь, какъ къ союзнику, законъ обращается къ „звѣрю" въ человѣкѣ противъ его совѣсти и въ страшной пыткѣ раскалываетъ его личность альтернативой: или цѣльность и правдивость нравственнаго „я" и гибель всего остальнаго земного счастья, или измѣна своему внутреннему Богу и внѣшнее благополучіе, купленное такой цѣной? Немногіе выдерживаютъ эту альтернативу. Лицемѣріе становится участью большинства. Ложь становится привычкой. Нравственная дряблость и низкіе инстинкты берутъ верхъ. Трусость по отношенію сильнѣйшихъ, наглость и цинизмъ по отношенію слабѣйшихъ становятся общественной добродѣтелью. Полное отрицаніе нравственности, полный развратъ является здѣсь неотвратимымъ и неизбѣжнымъ результатомъ подобной системы. „Горе вамъ, книж-

ники, фарисеи и лицемѣры!"... Но есть еще одна тяжелая сторона у подобной системы. Право, воспринимая чуждые ему элементы объективной истины, теряетъ одну изъ своихъ высокихъ нравственныхъ сторонъ, измѣняетъ одному изъ величайшихъ своихъ принциповъ, именно равенству всѣхъ передъ его закономъ. При подобной системѣ одному позволено то, что запрещено другому. И только потому, что одинъ молится Богу по одному обряду, а другой по другому; совершенно равнозначные и тождественные акты религіозной и нравственной жизни судятся одинъ по одной мѣрѣ, другой—по другой, при чемъ то, что для одного сопряжено съ лишеніемъ правъ и каторгой, для другого есть поступокъ и благочестивый, и похвальный. Такое раздвоеніе права въ его приложеніи къ религіознымъ дѣяніямъ также никакого нравственнаго значенія имѣть не можетъ. Отрицая совершенно нравственную личность одного, только потому, что она выражена иначе, чѣмъ личность другого, право само отнимаетъ у себя всякую способность содѣйствовать нравственной жизни страны, такъ какъ подрываетъ ея основаніе.

Таковы простыя и очевидныя соображенія, которыя привели правовое государство къ признанію въ правѣ нравственной личности и ея свободы. Правовое государство пожелало опереться не только на силу свою и другихъ общественныхъ союзовъ, но и на нравственныя силы индивида; оно пожелало стать само въ извѣстной степени нравственнымъ порядкомъ и не нашло для этого лучшаго средства, какъ вызвать къ жизни и дѣятельности нравственную личность своего гражданина и дать ей права свободы; одно изъ этихъ правъ зовется: „право свободнаго исповѣданія"; оно есть основаніе нравственнаго порядка правового государства.

IV.

Русская вѣротерпимость даже послѣ указа 17 апрѣля далеко еще не является свободой совѣсти въ современномъ смыслѣ слова. Этотъ указъ далеко не предоставляетъ каждому возможность вѣрить въ то, во что онъ хочетъ, или даже не вѣрить ни во что. Законъ 17 апрѣля есть по существу только норма, расширяющая привилегіи инославныхъ и частью иновѣрныхъ исповѣданій. Принципъ остается старый, но, въ награду за хорошее поведеніе и благодаря болѣе точному ознакомленію съ сектантствомъ, признано теперь возможнымъ устранить нѣкоторыя изъ прежнихъ ограниченій. Сектантство, какъ признано журналомъ комитета министровъ, „далеко ушло отъ прежнихъ своихъ крайнихъ теченій" и болѣе „не представляетъ опасности". Соображенія, которыя въ 1894 году привели комитетъ министровъ къ суровымъ мѣрамъ относительно штундизма, теперь тоже считаются устарѣвшими. И

если штундизмъ десять лѣтъ тому назадъ отвергалъ будто бы „всѣ церковные обряды и таинства, не признавалъ никакихъ властей, возставалъ противъ присяги и военной службы, проповѣдывалъ соціалистическіе принципы и т. д.“, то „въ настоящее время, повидимому, эти указанія къ большинству сектантовъ не примѣнимы“. Сектанты, какъ оказывается, за 10 лѣтъ чрезвычайно исправились, и естественнымъ результатомъ этого является уравненіе ихъ съ другими благонадежными элементами, а въ частности—съ терпимымъ расколомъ или, по новой терминологіи, со старообрядцами. Точно также, говоря о католическомъ духовенствѣ, комитетъ упоминаетъ о политическихъ тенденціяхъ и антиправительственной дѣятельности католическаго духовенства, только какъ о явленіяхъ прошлаго, хотя при томъ и весьма недавняго. Еще въ 1902 году католическое духовенство настолько было опасно и неблагонадежно, что нужно было издать особую инструкцію о повѣрочныхъ экзаменахъ. Въ послѣдніе три года, однако, благонадежность католиковъ настолько возрасла, что относительно ихъ оказалось возможнымъ отмѣнить чрезвычайныя мѣры. Но особенно благосклонно выражается комитетъ министровъ о мусульманскихъ подданныхъ Россіи и считаетъ ихъ заслужившими дальнѣйшихъ привилегій. „Мусульманское населеніе внутреннихъ губерній исполняло всегда долгъ свой предъ государствомъ наравнѣ съ его коренными подданными и не доставляло правительству какихъ-либо особыхъ заботъ въ отношеніи политическомъ. Будучи, затѣмъ, весьма твердымъ въ правилахъ своего вѣроученія, населеніе это никогда, однако, не проявляло стремленія къ прозелитизму среди русскаго народа. Кромѣ того, несмотря на сохранившіяся еще нѣкоторыя отличія внутренняго и внѣшняго быта, населеніе это сроднилось съ Россіей и вполнѣ ей дружественно“. Итакъ, и сектанты исправились, и католическое духовенство переродилось, и мусульманинъ за свою политическую благонадежность заслужилъ похвалу комитета. Результатомъ этого явилось расширеніе вѣротерпимости.

Отнынѣ всѣ существующія въ государствѣ христіанскія вѣроисповѣданія получили значительное преимущество сравнительно съ нехристіанскимъ. Если до сихъ поръ отъ православія совсѣмъ нельзя было отступить, а переходъ изъ одного христіанскаго вѣроисповѣданія въ другое былъ значительно стѣсненъ, то теперь дѣло сложилось иначе. Переходъ изъ одного христіанскаго исповѣданія въ другое такое же—совершенно открытъ и преслѣдованію больше не подлежитъ. Къ сожалѣнію, законъ нигдѣ не указываетъ прямо возможности перехода изъ нехристіанства въ одно изъ христіанскихъ вѣроисповѣданій. По самому духу закона, однако, надо предположить, что переходъ евреевъ, мусульманъ и буддистовъ въ одно изъ христіанскихъ вѣроисповѣданій также никакимъ преслѣдованіямъ не подлежитъ. Въ противоположность

положеніямъ о христіанахъ запрещеніе перехода въ нехристіанство остается. Такимъ образомъ, переходъ изъ христіанства въ одно изъ нехристіанскихъ вѣроисповѣданій по прежнему полиціей признаваться не будетъ, а лицо, отпавшее отъ христіанства, подвергнется всѣмъ тѣмъ тяжкимъ послѣдствіямъ, которыя влечетъ за собою отсутствіе гражданскихъ актовъ состоянія, законной семьи и безконечныя духовныя увѣщанія со стороны всевозможныхъ духовныхъ властей. Исключеніе тутъ сдѣлано только для тѣхъ иновѣрцевъ, которые отпали отъ православія въ свою прежнюю вѣру т. е., попросту говоря, вовсе не были православными. Насиліе надъ вѣрой и совѣстью осталось. Вмѣсто кары за отпаденіе отъ православія, осталось наказаніе за отступленіе отъ христіанства. Комитетъ министровъ полагаетъ, что „прямое разрѣшеніе въ законѣ принятія... нехристіанскихъ исповѣданій не соотвѣтствовало бы глубокому сознанію истинности высокихъ началъ, лежащихъ въ основѣ вѣры Христовой, и едва ли вызывается надобностью въ виду несомнѣнной исключительности подобныхъ случаевъ“. Соображенія эти правильными признать нельзя. Осужденное комитетомъ принужденіе въ дѣлахъ вѣры вводится здѣсь опять, и при томъ во имя „высокихъ началъ“ христіанства. Принципъ нетерпимости остается старый, суживается только кругъ его примѣненія. „Несомнѣнная исключительность“ переходовъ христіанъ въ нехристіанство не можетъ служить оправданіемъ свѣтской кары за перемѣну религіи. Гдѣ за перемѣну вѣры страдаетъ хоть одинъ мирный и честный подданный, исполняющій законы государства, тамъ не можетъ быть рѣчи о свободѣ совѣсти, тамъ преслѣдуютъ за вѣру, тамъ караютъ за честное и открытое исповѣданіе религіозныхъ убѣжденій.

Принципъ религіозно-административной привилегіи, пронизывающій собою законъ 17 апрѣля, находитъ еще болѣе яркое подтвержденіе въ томъ обстоятельствѣ, что милости, дарованныя исправившимся сектантамъ, оказываются совершенно недоступными многомилліонному народу, исповѣдующему еврейскую вѣру. Очевидно, евреи еще не заслужили благоволенія начальства, не сумѣли доказать ему въ достаточной степени свою благонадежность. За исповѣданіе ереси никакихъ наказаній не полагается, за принадлежность къ еврейской религіи человѣкъ ссылается въ черту осѣдлости, лишается основныхъ правъ гражданина, подвергается унизительнымъ преслѣдованіямъ со стороны полиціи, подлежитъ особымъ податямъ и поборамъ. Этотъ фактъ уничтожаетъ совершенно все значеніе свободы совѣсти, установленной комитетомъ министровъ. 15 милліоновъ раскольниковъ получили свободу, сотни тысячъ уніатовъ, мусульманъ, католиковъ и протестантовъ освобождены отъ всякихъ наказаній за вѣру. Только 6 милліоновъ, исповѣдующихъ еврейскую вѣру, продолжаютъ нести тяжкія кары за принадлежность къ іудейству; только съ нихъ не сни-

маетъ законъ заржавѣлыхъ оковъ полицейскаго государства. Не свободу совѣсти, а временное изъятіе изъ системы всеобщаго гнета представляетъ собой та мѣра, которая установлена комитетомъ. Личность остается связанной, совѣсть насилуется, за вѣру наказываютъ. Внѣ христіанства нѣсть спасенія и на стражѣ его стоитъ по прежнему полицейская сила... Вся недостаточность новаго закона выясняется, наконецъ, въ томъ, что онъ совершенно не предусматриваетъ возможности уклоненія лица отъ какихъ бы то ни было религіозныхъ рамокъ, установленныхъ въ настоящее время. Указъ говоритъ только о переходѣ „въ христіанское вѣроисповѣданіе“; но указъ совершенно не представляетъ себѣ, что можно отпасть отъ христіанства, не присоединяясь вмѣстѣ съ тѣмъ ни къ одному изъ наличныхъ исповѣданій. Въ настоящее время сплошь и рядомъ личная этика выработываетъ свой автономный законъ. Личность сама создаетъ религію для своей совѣсти, ее можетъ не удовлетворить ни одна изъ существующихъ „вѣръ“, она можетъ найти въ своей душѣ новаго, ни въ какихъ катехизисахъ неописаннаго Бога, можетъ уйти отъ всѣхъ сектъ и исповѣданій, построить алтарь кантовскому категорическому императиву, вольтеровскому деизму, наконецъ, пролетарской религіи Лассаля—что станется съ такимъ человѣкомъ въ силу русской вѣротерпимости, гдѣ найдетъ онъ защищающую его норму, кто гарантируетъ свободу вѣры ему, пришедшему сквозь узкія врата къ спокойствію духа, къ религіи гуманности и культуры? Такой религіи нашъ законъ не знаетъ, такой свободы совѣсти въ немъ нѣтъ. Привилегія свободнаго исповѣданія дарована только „христіанамъ“.

Останавливаясь ближе на тѣхъ привилегіяхъ, которыми въ частности награждены инославныя церкви, мы находимъ здѣсь слѣдующія уступки со стороны правительства: во-первыхъ, значительно облегчается постройка, возобновленіе, ремонтъ церквей и молитвенныхъ домовъ. Законъ устанавливаетъ здѣсь условія, при которыхъ сооруженіе подобныхъ зданій должно быть непремѣнно допущено. Во-вторыхъ, вводится преподаваніе Закона Божія инославныхъ исповѣданій непремѣнно на природномъ языкѣ учащихся, при чемъ преподаваніе поручается духовнымъ лицамъ подлежащаго исповѣданія. Въ-третьихъ, разрѣшено основаніе церковныхъ братствъ изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ инославныхъ исповѣданій. Эти мѣры относятся ко всѣмъ инославнымъ исповѣданіямъ. Кромѣ того, римско-католическому духовенству сдѣланы слѣдующія уступки: отмѣненъ особый экзаменъ при участіи учебнаго вѣдомства изъ „русскихъ предметовъ“ кончающимъ курсъ клирикамъ, прекращено закрытіе монастырей въ Царствѣ Польскомъ и принципіально допущенъ пріемъ новиціевъ въ монастыри.

Раскольники и сектанты получили сравнительно также не

особенно много; они уравнены въ общемъ съ инославными исповѣданіями, хотя и не во всѣхъ отношеніяхъ. Уравненіе это простирается на владѣніе имуществами отъ имени религіозныхъ обществъ, на сооруженіе молитвенныхъ домовъ, на устройство скитовъ и обителей, на права и преимущества духовенства, печатаніе богослужебныхъ книгъ, преподаваніе Закона Божьяго, веденіе метрическихъ книгъ своими духовными лицами и устройство особыхъ кладбищъ. Подобно членамъ инославныхъ христіанскихъ исповѣданій, старообрядцы и сектанты освобождены отъ всѣхъ ограниченій, стѣсняющихъ ихъ право на государственную и общественную службу. Однако, права, полученныя религіозными обществами раскольниковъ и сектантовъ, всетаки значительно менѣе преимуществъ инославныхъ церквей. Духовенство старообрядцевъ и сектантовъ не имѣетъ права носить іерархическихъ наименованій, во многихъ случаяхъ ему запрещается одѣвать священно-служительское облаченіе, а духовныя школы должны содержаться насчетъ самихъ вѣрующихъ. Какъ очевидно, раскольники и сектанты перемѣщены государствомъ съ низшей ступени іерархической лѣстницы исповѣданій на болѣе высокій уровень и зачислены въ разрядъ признанныхъ государствомъ религіозныхъ обществъ. Къ терпимымъ въ Россіи націямъ и народамъ присоединены теперь религіозныя общества раскольниковъ и сектантовъ и награждены аналогичными правами. Это—не актъ вѣротерпимости или дарованія свободы вѣры, а только переводъ расколо-сектантскихъ обществъ изъ одного разряда въ другой, съ подчиненіемъ ихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, бдительному административному надзору. И подобно тому, какъ администраціи предоставлены широкія права по надзору за духовенствомъ инославныхъ исповѣданій, точно такой же надзоръ теперь установленъ относительно расколо-сектантскихъ обществъ. Уставы богоугодныхъ заведеній, сооруженіе молитвенныхъ домовъ, устройство скитовъ и обителей, выборы настоятелей и наставниковъ — всѣ эти акты подлежатъ утвержденію со стороны административной власти, и только въ нѣкоторыхъ случаяхъ ея усмотрѣнія связаны предписаніями закона.

Изъ иновѣрныхъ нехристіанскихъ исповѣданій получили коечто только мусульмане и буддисты. Хотя имъ больше обѣщано въ будущемъ, чѣмъ даровано въ настоящемъ. Во всякомъ случаѣ, магометане и ламаиты будутъ вполнѣ уравнены въ правахъ съ расколо-сектантскими обществами, а мусульманское духовенство освобождается отъ призыва на дѣйствительную военную службу. О евреяхъ и еврейскихъ обществахъ въ новомъ законѣ не говорится ничего...

Указаннымъ нами переводомъ расколо-сектантовъ въ высшій разрядъ и дарованіемъ нѣкоторыхъ привилегій признаннымъ религіознымъ обществамъ и ограничиваются по существу тѣ милости, которыя непосредственно дарованы инославнымъ и иновѣрнымъ исповѣданіямъ. До паритета или равноправія этихъ исповѣданій съ господствующей православной церковью еще очен далеко. Ея право на исключительное право пропаганды, на духовную цензуру, на полицейскую поддержку при миссіонерской

дѣятельности остаются прежними, и даже новое уголовное уложеніе предполагаетъ карать въ уголовномъ порядкѣ всѣхъ виновныхъ „въ произнесеніи или чтеніи публично проповѣди, рѣчи или сочиненія, или въ распространеніи, или публичномъ выставленіи сочиненія или изображенія, возбуждающихъ къ переходу православныхъ въ иное исповѣданіе или секту, если сіи дѣянія учинены съ цѣлью совращенія православныхъ...“ И хоть министру юстиціи повелѣно согласовать уголовный законъ съ принципами вѣротерпимости, однако до сихъ поръ еще „совращеніе православнаго въ иное христіанское исповѣданіе“ карается лишеніемъ правъ и арестанскими отдѣленіями; тотъ же, кто распространяетъ „существующіе уже между отпадшими отъ православной церкви ереси и расколъ“, а также виновный „въ заведеніи какихъ бы то ни было новыхъ, повреждающихъ вѣру сектъ“— лишается правъ состоянія и идетъ въ ссылку. Только въ одномъ отношеніи принудительное и насильственное преобладаніе господствующей вѣры отмѣнено. Пріемныя, подкинутыя дѣти воспитываются принявшими ихъ лицами въ своей, а не православной вѣрѣ. Дѣти до 14-лѣтняго возраста, при переходѣ родителей въ другую вѣру, слѣдуютъ за ними, а смѣшанные браки православныхъ съ раскольниками и сектантами совершаются на тѣхъ же основаніяхъ, какъ съ лицами инославныхъ исповѣданій. Обязанность родителей воспитывать дѣтей въ православіи, разъ одинъ изъ супруговъ православный, пока оставлена въ прежнемъ положеніи и умѣряется только тѣмъ, что по достиженію 21 года дѣти отъ такихъ браковъ могутъ принять религію инославнаго родителя.

Въ заключеніе остается упомянуть, что раскольникамъ поповщинскихъ сектъ, сохраняющимъ обряды православной церкви, даровано названіе „старообрядцевъ“, а ламаитовъ воспрещено называть идолопоклонниками и язычниками.

Вотъ и все, что даруетъ законъ 17 апрѣля о вѣротерпимости. До свободы совѣсти этимъ мѣрамъ очень далеко и, повторяемъ, онѣ не устанавливаютъ даже паритета или равноправія между признанными въ Россіи исповѣданіями. Гоненія за вѣру остались въ полной силѣ для всѣхъ, кто отказывается отъ какой-нибудь христіанской вѣры и въ то же время не переходитъ въ другую тоже христіанскую вѣру. Религія продолжаетъ быть признакомъ лишеннаго гражданскихъ и политическихъ правъ еврея, за вѣру отцовъ ссылаютъ его въ черту осѣдлости, лишаютъ возможности образованія, обращаютъ его въ жалкаго парія среди остальныхъ народностей Россіи. Полицейское государство торжествуетъ по прежнему: оно по произволу милуетъ одни исповѣданія и караетъ другія, оно по прежнему создаетъ изъ религіозныхъ обществъ покорную іерархію духовныхъ властей, по прежнему оно ихъ опекаетъ и направляетъ, завѣдуетъ ихъ вѣроученіемъ, культомъ и внутренней дисциплиной. По прежнему не существуетъ для него человѣческой личности съ ея міромъ нравственной духовной свободы, и, какъ прежде, оно не останавливается предъ мѣрами насилія тамъ, гдѣ встрѣчается съ рели-

гіей внѣ догмы казеннаго благонравія, съ религіознымъ энтузіазмомъ, не желающимъ признать монополію проповѣди государственной вѣры.

Монополія религіозной пропаганды господствующей церкви есть послѣднее и величайшее препятствіе, о которое должна разбиться наша вѣротерпимость. Тамъ, гдѣ одна лишь церковь имѣетъ монополію на высшую истину, тамъ, гдѣ всякая проповѣдь должна умолкнуть предъ лицомъ привилегированнаго миссіонера, а всѣ религіозныя общества должны, молча, раскрыть свои нѣдра для чуждыхъ и враждебныхъ имъ ученій,—тамъ нѣтъ вѣротерпимости, нѣтъ даже равноправія церковныхъ обществъ. Одна православная церковь имѣетъ право проповѣдывать всѣмъ народамъ имперіи свою истину, всѣ же другія церкви и общества должны безропотно переносить это вторженіе въ ихъ самое святое святыхъ. И духовная цензура слѣдитъ за тѣмъ, чтобы ни одно слово, опасное для привилегированной господствующей церкви, не проникло въ сознаніе 140.000,000 населенія Россіи. Полицейскій надзоръ внутри каждой церкви и уголовное законодательство внѣ ея блюдутъ за тѣмъ, чтобы совращенія не случилось, чтобы не произошло опять „государственнаго вреда“ или „хулы“ на православіе...

Полицейское государство торжествуетъ; своей системѣ не измѣнило оно, не смотря на послѣднія уступки... Только въ представительномъ государствѣ возможна полная свобода религіознаго исповѣданія.

М. Р.

Стихотворенія.

I.

Какъ сердце дрогнуло! Какъ громко бьетъ тревогу!
Мнѣ шумъ послышался среди ночной тиши...
Бѣгу за дверь—и жадно на дорогу
Гляжу, гляжу... Ни звука, ни души!
Опять обманутъ я тревогой ожиданья,
Измученной души фантазіей больной!
Повсюду тишь, холодное молчанье,
Да я съ моей безумною тоской...
Таинственна какъ сонъ, загадочна какъ грёза,
На землю смотритъ ночь мирьядами очей;
Лишь сосенка порой застонетъ отъ мороза,
Роняя жемчугъ слезъ съ серебряныхъ вѣтвей.
Ни звука, ни души... На снѣговомъ просторѣ,
Какъ въ небѣ, звѣздочки бриллиантами горятъ,
И небо, и земля сномъ безмятежнымъ спятъ
Въ своемъ торжественномъ, сверкающемъ уборѣ.
А тамъ, по склонамъ горъ, прекрасна какъ мечта,
Какъ сказка, полная чудесъ и обаянья,

Застыла въ царственномъ молчаньи
Во власти чаръ красавица-тайга.

. . . .

Ни звука, ни души... Мнѣ кажется порой,
Что люди вымерли, что нѣтъ ужъ ни страданья,
Ни счастья на землѣ,—есть лишь одно молчанье,
Да я съ своей безумною тоской...

II.

Убогая, бѣдная юрта моя,—
Какъ все въ ней печально, угрюмо, тоскливо!
Отвсюду,—со стѣнъ, изъ угловъ—на меня
Мракъ смотритъ такъ робко, пытливо,
Какъ будто бы хочетъ мнѣ въ душу взглянуть,
Какъ будто бы хочетъ узнать, что́ такъ гложетъ,
Такъ давитъ и ночи, и дни мою грудь,
И сердце больное тревожитъ...
Раскрытая книга лежитъ въ уголкѣ
(Давно ужъ все та же страница),
Дымя, догораютъ дрова въ камелькѣ,
Буранъ бьется въ окна, какъ птица,
И тѣни безшумной, безплотной толпой
Все ближе меня обступаютъ,
Мнѣ въ очи глядятъ и свинцовой тоской
До боли мнѣ сердце сжимаютъ...

. . . .

Дрова догорѣли... О, если-бъ уснуть,
Хотя бы на время забыться!

III.

Съ юга родимаго, съ юга далекаго,
Вѣсти дошли до меня, одинокаго,
Въ эту глухую страну,
Словно въ темницу сырую, холодную, —
Пѣсни про радость, про долю свободную,
Счастье, любовь и весну.
Чудо вы сдѣлали, вѣсти отрадныя!
Будто разсѣялась тьма непроглядная
Долгихъ восточныхъ ночей...
Сердце забилось счастливой тревогою,
Ожило все,—даже стѣны убогія
Юрты убогой моей.
Ожило прошлое... Грезы разбитыя,
Силы уснувшія, силы убитыя,
Снова проснулись во мнѣ,
Снова несусь я мечтой легкокрылою
Съ прежнею страстью, съ удвоенной силою
Къ жизни, къ простору, къ веснѣ!

Наумовъ-Яковлевъ.

ЧТО ЕСТЬ ИСТИНА?

Романъ *Конрада Тильмана.*

Переводъ съ нѣмецкаго Р. Б.

I.

Дважды спрашивалъ уже Готхольдъ у проходящихъ, гдѣ живетъ пасторъ Мейнертъ, и оба раза ему не могли дать никакихъ свѣдѣній. Только когда онъ напомнилъ извѣстное всѣмъ „кладбище св. Іакова“, ему указали направо. Казалось страннымъ, зачѣмъ онъ долженъ былъ прибавить эту подробность, такъ какъ отлично могъ бы найти дорогу и самъ: миновавъ темныя улицы, съ высокими узкими старыми домами, онъ пересѣкъ площадь и слѣва увидѣлъ возвышавшуюся неуклюжую колокольню церкви св. Іакова. Онъ пошелъ медленнѣе. Взоръ его глубоко сидящихъ, темныхъ глазъ былъ устремленъ на старую кирпичную постройку, изъ щелей которой торчали тамъ и сямъ зеленые прутья, и на усѣянную галками аспидную крышу колокольни.

Площадь вокругъ церкви, тѣсно застроенная домами, поросла липами и цвѣтущимъ кустарникомъ. Домъ пастора, расположенный сзади, въ тихомъ скрытомъ углу, имѣлъ очень печальный видъ, тѣмъ болѣе, что, повидимому, солнце никогда не проникало сюда. Въ то время, какъ Готхольдъ осматривалъ старый домъ, оттуда вышла фигура и спустилась по вымытымъ каменнымъ ступенькамъ наружной лѣстницы. Къ своему изумленію, онъ узналъ въ ней католическаго священника. Это былъ худощавый, слегка согнувшійся старикъ, смиреннаго и робкаго вида. Онъ поклонился входившему въ домъ Готхольду. Пріятный запахъ свѣжеиспеченныхъ пироговъ встрѣтилъ его, когда онъ поднялся по деревянной лѣстницѣ, усыпанной, такъ же какъ и полъ въ сѣняхъ наверху, бѣлымъ пескомъ и носившей еще слѣды сырости. Въ домѣ было совершенно тихо, какъ будто въ немъ никто не жилъ. Готхольдъ боялся даже дернуть звонокъ.

Когда онъ, наконецъ, рѣшился позвонить, послышались легкіе шаги, и дверь безшумно отворилась.

— Могу я видѣть пастора Мейнерта?—спросилъ онъ.

Миловидная и опрятная дѣвушка, съ такими же бѣлыми волосами, какъ ея тюлевый чепчикъ и передникъ, привѣтливо поклонилась.

— Какъ доложить о васъ?

Готхольдъ передалъ ей свою карточку, на которой было написано: „баронъ Готхольдъ фонъ-Венденъ, пасторъ прихода св. Іакова". Его пріятно удивило, что дѣвушка не прочитала карточки, пока несла ее по длинному корридору. Она вернулась очень скоро.

— Пожалуйте.

Пасторъ встрѣтилъ гостя на порогѣ своего рабочаго кабинета. Это былъ человѣкъ высокаго роста, худощавый, съ густыми, расчесанными посерединѣ, сѣдыми волосами и узкими сѣдыми баками. Онъ былъ одѣтъ въ безукоризненный черный костюмъ, въ ослѣпительно бѣломъ галстухѣ и рубашкѣ. Губы и подбородокъ были тщательно выбриты. На немъ не было ни пылинки, такъ же какъ и на простой старинной мебели въ комнатѣ, на корешкахъ безчисленныхъ книгъ, размѣщенныхъ на высокихъ полкахъ по стѣнамъ, или на бумагахъ и разныхъ матеріалахъ, которыми былъ заваленъ письменный столъ у окна. На окнахъ висѣли бѣлоснѣжныя гардины, и въ уютной, тихой комнатѣ пахло цвѣтущей геранью, стоявшей на подоконникахъ, и курительными свѣчками. Пасторъ протянулъ своему гостю обѣ руки.

— Добро пожаловать, дорогой товарищъ! Да благословитъ Богъ вашъ приходъ! Давно ли вы въ нашемъ городѣ?

Онъ увлекъ Готхольда на обитый сѣрымъ кретономъ и украшенный бѣлыми вязаными салфеточками диванъ, гдѣ лежали вышитыя бисеромъ подушки и удобные валики. При этомъ взоръ его большихъ свѣтлыхъ глазъ, совершенно чуждый всего земного и какъ бы постоянно возвращавшійся откуда-то издалека, блуждалъ по тонкой, стройной фигурѣ молодого человѣка, тихо освобождавшаго свои узкія аристократическія руки изъ рукъ пастора. Готхольдъ производилъ впечатлѣніе холодной важности, но за ней чувствовался, однако, скрытый огонь. Какая-то печаль и сдержанность замѣчались въ мягкихъ чертахъ его лица и въ глубинѣ его, загоравшихся по временамъ, глазъ. По складкамъ лба было видно, что онъ много и серьезно работалъ.

Въ то время, какъ Готхольдъ, откинувшись слегка назадъ, давалъ различныя свѣдѣнія и говорилъ о себѣ пріятнымъ модулирующимъ голосомъ, граціозно жестикулируя, онъ не переставалъ наблюдать стараго господина; послѣдній, въ свою

очередь, слушалъ съ полузакрытыми глазами, сложивши руки на колѣняхъ; иногда онъ то разсѣянно улыбался, то вставлялъ добродушно-привѣтливое слово.

— Вы всего годъ, какъ стали пасторомъ, любезный товарищъ? — спросилъ, немного погодя, заинтересованный Мейнертъ.

— Да. Это мое второе назначеніе.

— Вы плохо себя чувствовали въ деревнѣ?

Въ вопросѣ звучало какъ бы утомленное ожиданіе.

— О, конечно,— возразилъ Готхольдъ, слегка удивленный.— Но только поэтому: это вѣдь не наша задача. Мнѣ нуженъ былъ болѣе широкій кругъ дѣятельности; я чувствовалъ себя призваннымъ и обязаннымъ разрѣшать болѣе трудныя задачи. Надѣюсь, что здѣсь я буду на своемъ мѣстѣ.

Мейнертъ провелъ рукою по своимъ слегка волнистымъ волосамъ.

— Конечно, да,—сказалъ онъ, нѣсколько разсѣянно глядя въ пространство,—конечно, молодыя силы... Это понятно. И, съ Божьей помощью, можно сказать навѣрное, что здѣсь, въ нашемъ городѣ... я полагаю, что здѣсь вы найдете то, чего ищете, дорогой товарищъ. Мало возни съ начальствомъ. Благодаря Бога, живемъ мирно.

Готхольдъ сдвинулъ нѣсколько брови.

— Вотъ отвѣтъ звучитъ нѣсколько иначе, чѣмъ я ожидалъ,—сказалъ онъ съ нѣкоторой рѣзкостью.

Мейнертъ вздохнулъ и, не глядя на собесѣдника, потеръ указательнымъ пальцемъ свой носъ.

— Ахъ, да-да,—протянулъ онъ,—фабрики, неправда ли? Васъ предупреждали насчетъ фабрикъ? Ну, знаете ли, дорогой товарищъ, свѣтъ, въ которомъ мы живемъ, далеко несовершененъ... нѣтъ, конечно, нѣтъ. Но, я убѣжденъ, все преувеличиваютъ. Нѣтъ, нѣтъ, совсѣмъ не такъ плохо, какъ говорятъ. Видите ли, здѣсь все трудящіеся люди; не бѣда, если они иногда въ воскресенье и не придутъ въ церковь: лучше отдохнуть дома для предстоящей рабочей недѣли. Вопреки тому, что говорятъ, я все же не могу еще жаловаться на пустую церковь, нѣтъ, не могу.

— А спасеніе душъ, — возразилъ Готхольдъ, лобъ котораго омрачался все болѣе и болѣе, — спасеніе душъ, любезнѣйшій господинъ пасторъ! Какъ обстоитъ съ нимъ дѣло? Я долженъ напередъ сказать вамъ, что главное вниманіе я думаю обратить на спасеніе душъ.

— Да, да, конечно,—замѣтилъ Мейнертъ и бросилъ страдальческій взглядъ на свой письменный столъ,—конечно, спасеніе душъ, спасеніе душъ.—Онъ снова слегка вздохнулъ. Наступила маленькая пауза. Казалось, Готхольдъ старался

нѣсколько разъ подавить то, что готово было сорваться съ языка. Но вдругъ на его серьезномъ лицѣ появилась добродушная улыбка.

— Вы еще, повидимому, большой ученый, многоуважаемый товарищъ?—спросилъ онъ полунасмѣшливо.

Мейнертъ густо покраснѣлъ; онъ имѣлъ видъ сконфузившагося юноши и казался совершенно безпомощнымъ. Тѣмъ не менѣе въ его глазахъ, точно затуманенныхъ пылью, собранной со всѣхъ угловъ этого мирнаго и опрятнаго дома, блеснуло удовлетвореніе.

— Почему вы такъ полагаете?

— Я хорошій наблюдатель, а вы нѣсколько разъ взглянули на ваши книги съ такой симпатіей. Ну, что, развѣ я неправъ? — Въ его словахъ чувствовалось благодушное сознаніе превосходства. Мейнертъ провелъ рукою по лбу.

— Я... да, въ сущности... я давно занятъ научной работой... такъ сказать, это—работа моей жизни. Если она мнѣ удастся...— Голосъ его усилился и на поблекшее лицо легла кроткая задумчивость.—Если Богъ поможетъ мнѣ закончить работу... для нея и въ ней я живу, существую и дышу.

Казалось, что онъ унесся куда-то мыслью.

— Можно узнать, о чемъ трактуетъ ваше сочиненіе? — спросилъ Готхольдъ холодно.

— Оно будетъ называться „Истина библіи“, — отвѣтилъ Мейнертъ съ мечтательнымъ взглядомъ своихъ какъ бы затуманенныхъ глазъ.

Готхольдъ безпокойно задвигался.

— Нуждается ли это въ доказательствахъ, многоуважаемый товарищъ?

— Для насъ, конечно, нѣтъ. Но для всѣхъ невѣрующихъ, а ихъ, какъ песку въ морѣ, — да. Однимъ словомъ, дорогой товарищъ, я хотѣлъ бы примирить вѣру и знаніе, религію съ наукой, теперь непримиримыхъ противниковъ, для блага всего страждующаго человѣчества.

— Всѣ науки отъ Бога,—сказалъ Готхольдъ угрюмо.

— Именно поэтому, — прервалъ Мейнертъ съ жаромъ. — Только потому, что вслѣдствіе божественнаго просвѣтлѣнія великимъ людямъ науки удается дѣлать громадныя открытія; только потому, что результатовъ ихъ изслѣдованій можно достичь съ помощью Бога,—наука и не можетъ находиться въ противорѣчіи со словомъ Божьимъ. Для насъ это ясно изъ библіи. Лишь человѣческая слѣпота и предубѣжденіе могутъ не видѣть этого. Значитъ, необходимо уничтожить кажущееся противорѣчіе, указать на совмѣстимость ученій обоихъ лагерей, чтобы вернуть разсѣянное стадо въ одинъ загонъ; разбредшееся человѣчество тогда образуетъ снова боль-

шое общество и со сложенными руками будетъ молиться: „Слава въ вышнихъ Богу!"

Готхольдъ выслушалъ со вниманіемъ эту горячую рѣчь, не выразивъ ничего своимъ лицомъ.

— И вы надѣетесь достичь всего этимъ сочиненіемъ? — спросилъ онъ холодно.

По лицу Мейнерта пробѣжала тѣнь.

— На то воля Божья. Я тружусь, работаю. Мнѣ нужно много силы для борьбы, дорогой собратъ!.. Гора, которую я долженъ срыть, эта гора изъ предразсудковъ, противорѣчій и ошибокъ представляется мнѣ иногда растущей все больше и больше, по мѣрѣ того, какъ я ее срываю. Но когда мнѣ удастся, дорогой товарищъ, когда я достигну цѣли, то получится дѣло, на завершеніе котораго стоитъ потратить человѣческую жизнь.

Готхольдомъ овладѣло нетерпѣніе.

— Если *только* ваше дѣло не будетъ результатомъ компромисса!—сказалъ онъ, качая ногой.—Болѣзнь нашего времени — пристрастіе ко всему незаконченному и неопредѣленному! Если бы вы *только* не прибѣгали ни къ какимъ сдѣлкамъ!

— Сдѣлки?—Мейнертъ взглянулъ на него съ удивленіемъ.—Развѣ отъ *меня* зависитъ, чего я хочу или не хочу? Я ищу истину, любезный братъ, — ничего больше, только истину.

Готхольдъ порывисто всталъ, прошелся нѣсколько разъ взадъ и впередъ по ковру, скрестивши руки и опустивъ голову,

— „Я есть свѣтъ и истина", сказалъ Христосъ,—пробормоталъ онъ и остановился передъ Мейнертомъ. — Въ другой разъ мы побесѣдуемъ объ этомъ подробнѣе, многоуважаемый товарищъ. Ваша работа меня очень интересуетъ, и впослѣдствіи я буду просить васъ сообщать мнѣ о ней. Сегодня нѣчто другое ближе моему сердцу. Я пришелъ для того, чтобы получить отъ васъ наставленія для моей духовной дѣятельности, которую я думаю спеціально развить въ рабочемъ кварталѣ. *Но объ этомъ* въ другой разъ. Я считалъ бы непозволительнымъ безпокоить васъ долѣе. Отъ души желаю вамъ здоровья, и до скораго свиданія!—Онъ протянулъ ему руку. Готхольдъ чувствовалъ, что здѣсь, въ этомъ тихомъ, уютномъ домѣ, съ его пріятнымъ, нѣжнымъ ароматомъ, съ этимъ не знающимъ свѣта мечтателемъ, который изъ-за безцѣльной фантастической книги, упускаетъ свои высшія и существенныя обязанности,—здѣсь ему нечего дѣлать, ему не мѣсто *здѣсь*, онъ не найдетъ помощи въ томъ, что считаетъ своею обязанностью.

Мейнертъ также поднялся. Глаза его будто старались проникнуть черезъ заслонявшій ихъ легкій туманъ, чтобы яснѣе разсмотрѣть дѣйствительность.

— О, да!—сказалъ онъ.—Когда я увижу васъ въ другой разъ, ближе — съ удовольствіемъ! Съ удовольствіемъ! А вы развѣ хотите уже уходить, любезный товарищъ? Мнѣ очень жаль... Насчетъ спасенія душъ, да... знаете ли, мнѣ пришло въ голову: если бы вы обратились къ нашему милѣйшему коммерціи совѣтнику фонъ-Виллингу, онъ могъ бы дать вамъ самыя точныя свѣдѣнія относительно положенія рабочаго населенія. Владѣлецъ большого завода желѣзныхъ издѣлій — это вамъ извѣстно, конечно. Онъ содержитъ свою рабочую колонію въ образцовомъ порядкѣ, ввелъ настоящіе законы... тамъ все по стрункѣ. Очень богобоязненный человѣкъ этотъ г. фонъ-Виллингъ. Онъ—шуринъ его превосходительства г. министра внутреннихъ дѣлъ, Фрейдорфа. Въ немъ вы найдете большую поддержку.

— О, я знаю,—прервалъ, смѣясь, Готхольдъ.—Виллингъ— мой дядя. Я думалъ, это вамъ извѣстно.

Пораженный Мейнертъ выпустилъ руку собесѣдника, которую до того держалъ своими обѣими руками, и провелъ рукою по лбу.

— Какъ-такъ? Что вы говорите!.. Да, да, конечно, я слышалъ... Разумѣется. Какъ можно такъ забывать! Да, моя разсѣянность, моя забывчивость—большое неудобство. Когда голова занята исключительно однимъ... Впрочемъ, это уже изъ посланія къ Галатамъ...

Готхольдъ сдѣлалъ снова нетерпѣливое движеніе, но въ эту минуту словоохотливый старикъ былъ прерванъ легкимъ стукомъ въ дверь, и кто-то сказалъ кроткимъ голосомъ:

— Милый Михаэль, кофе готовъ. Если бы ты пришелъ...

Мейнертъ хлопнулъ себя слегка по лбу.

— Вотъ видите! — вскричалъ онъ. — Боже, какая разсѣянность! Я чуть не далъ вамъ уйти, любезный товарищъ, не угостивши васъ ничѣмъ и не познакомивши со своими. Прямо непозволительно.—Онъ взглянулъ на часы.—Дѣйствительно, часъ нашего кофе! Да, если бы моя добрая Анна не напоминала мнѣ аккуратно каждый день объ ѣдѣ... Ну, вы должны идти со мной, дорогой товарищъ, должны безъ всякихъ отговорокъ. Я никогда не простилъ бы себѣ, если бы я... Пожалуйста! Пожалуйста!—Онъ взялъ Готхольда подъ руку и ласковымъ движеніемъ увлекъ его въ сосѣднюю комнату.

Фрау Анна Мейнертъ совершенно соотвѣтствовала представленію, которое составилъ себѣ объ ней Готхольдъ по ея голосу. Благодаря долгой совмѣстной жизни, она пріобрѣла такое сходство съ мужемъ, что ее можно было принять за

его сестру. Это была сѣдая женщина, высокаго роста, худощавая, какъ и Мейнертъ, съ кроткой, привѣтливой внѣшностью, одѣтая въ плотно облегавшее черное платье, съ бѣлымъ воротничкомъ и бѣлыми манжетами. Она имѣла нѣсколько монашескій видъ въ своемъ бѣломъ чепчикѣ и со своей неслышной и изящной походкой. Черты ея носили отпечатокъ грусти, какъ и ея голосъ и манера произносить нараспѣвъ послѣднее слово предложенія. Въ комнатѣ все говорило о доброй старинѣ и такъ блестѣло чистотой, какъ будто только что была окончена большая уборка. На одномъ концѣ дивана лежалъ, свернувшись, котъ и лѣниво смотрѣлъ своими жмурящимися зеленовато-желтыми глазами на незнакомаго посѣтителя. Кофе былъ приготовленъ въ старомодномъ, бѣломъ фарфоровомъ кофейникѣ. Фрау Мейнертъ принялась разливать его въ чашки послѣ того, какъ Готхольдъ былъ представленъ ей и принятъ ею съ сердечной простотой. Говорили о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ. Готхольдъ разсказывалъ, что онъ будетъ жить вмѣстѣ съ своей старшей сестрой, которая будетъ вести хозяйство. Онъ былъ полонъ плановъ и преисполненъ энергіи для выполненія большихъ задачъ, предстоящихъ ему въ новомъ кругу дѣятельности. Сильное нетерпѣніе сквозило во всемъ, что онъ говорилъ. Но разъясненій того, что было всего ближе его сердцу, онъ не могъ получить и отъ фрау Анны Мейнертъ. Для этихъ спокойныхъ, мирныхъ людей, казалось, не было жгучихъ вопросовъ времени, назрѣвшихъ гдѣ-то тамъ, внѣ ихъ жизни, хотя вопросы эти пылали, какъ зажженые факелы и желѣзными кулаками стучались во всѣ двери. Дѣйствительно ли эти люди ничего не знали, или только прятались отъ всего?

— Мы такъ рѣдко выходимъ, — сказала фрау Анна своимъ тихимъ, жалобнымъ голосомъ.—Книга Михаэля... вы, конечно, знаете о ней, совершенно поглощаетъ его. Всѣ эти безчисленныя, безбожныя книги, постыдные революціонные пасквили онъ такъ близко принимаетъ къ сердцу и долженъ ихъ читать; въ нашемъ кругу ихъ не боятся. А Михаэль мягокъ, и ему такъ больно, что существуютъ такія книги и люди, пишущіе и читающіе эти книги. Вы не повѣрите, г. пасторъ, какъ глубоко все это трогаетъ его. Онъ долженъ многое изучить для своей же работы.

— Ну, ну, ну,—произнесъ Мейнертъ, ласково и съ благодарностью погладивъ руку женѣ. — Не забывай своей больницы, Анна, — прибавилъ онъ какъ бы съ оттѣнкомъ состраданія

— Больницы?—участливо спросилъ Готхольдъ.

Анна Мейнертъ взяла съ дивана мурлыкавшаго кота къ

себѣ на колѣни и своими костлявыми пальцами стала гладить его мягкую, блестящую шерсть.

— Ахъ, Михаэль только дразнитъ меня! Видите ли, я такъ жалѣю больныхъ животныхъ, въ особенности кошекъ, что мнѣ часто приносятъ люди несчастныхъ созданій, съ которыми они не знаютъ что дѣлать, и я беру бѣдняжекъ подъ свое покровительство. Внизу, въ дровяномъ сараѣ я отгородила помѣщеніе, гдѣ они лежатъ на соломѣ и старыхъ одѣялахъ, живутъ въ теплѣ и получаютъ свое пропитаніе; иногда я приношу ихъ наверхъ. Цвѣты и кошки — моя слабость. Они не производятъ шума, къ тому же въ нихъ пріобрѣтаешь друзей.

На губахъ Готхольда появилась горькая, полунасмѣшливая улыбка. Онъ хотѣлъ возразить, но въ это время послышался легкій шумъ отворявшейся двери, и въ комнату вошла высокая, молодая дѣвушка. Въ ея лицѣ было несомнѣнное сходство съ супругами Мейнертъ, но черты были мягче, круглѣе. Ее можно было назвать красивой, но ей не хватало свѣжести; глаза свѣтились холоднымъ блескомъ, вокругъ губъ было что-то строгое, что не понравилось Готхольду.

— Наша дочь, — сказалъ Мейнертъ, въ то время, какъ Готхольдъ вскочилъ, — наше единственное дитя Магдалина.

Молодая дѣвушка холодно поклонилась.

— Прошу извинить,—сказала она, когда всѣ снова сѣли,— я запоздала.

— Къ сожалѣнію,—подтвердила фрау Анна жалобно,—въ послѣднее время это случается часто, Магдалина.

— Ну, ну,—произнесъ успокоительно Мейнертъ.

Магдалина промолчала. Она не принимала никакого участія въ разговорѣ, который завязался снова, и сидѣла, холодно и безучастно выпрямившись на стулѣ, съ полузакрытыми глазами, закусывая по временамъ розовую нижнюю губу своими бѣлыми, острыми зубами. Готхольду казалось, что она насторожѣ и зорко наблюдаетъ его. Можетъ быть, это именно побудило его еще разъ заговорить о своихъ желаніяхъ и стремленіяхъ съ большей твердостью, чѣмъ прежде.

— Моя задача, это, такъ сказать, внутреннее миссіонерство, — сказалъ онъ. — Ради этой цѣли и и призванъ сюда моимъ дядей Виллингомъ. Я предвижу напряженную и тяжелую работу. Но я страстно желаю выполнить ее во имя того, чему мы служимъ. Я буду проповѣдывать Евангеліе, какъ будто нахожусь въ дикой странѣ, но изъ него я сдѣлаю оружіе и буду побѣждать имъ. Народъ жаждетъ слова исцѣленія и усталъ отъ своихъ порочныхъ пророковъ. Прежде всего нужно учить, что человѣкъ долженъ самъ заботиться о вѣчномъ благѣ, а не о временномъ, и что люди

должны больше думать о безсмертной душѣ, чѣмъ о хлѣбѣ насущномъ. Они забыли это потому, что имъ перестали напоминать. Они думаютъ о своей плоти и ничего не знаютъ о Богѣ. Съ помощью молитвъ и угрозъ, ангельской кротости и небеснаго грома, я хочу снова приблизить ихъ къ Богу. Они должны чувствовать Его въ Его словахъ, передъ Нимъ трепетать и Ему молиться. Тогда они снова увѣруютъ, будутъ любить и станутъ дѣтьми Отца небеснаго. Тогда исчезнутъ волненія, непослушаніе, зависть, крамола, и люди увидятъ, что стоитъ умирать за нѣчто большее, чѣмъ богатство, пожираемое молью и ржавчиной; что послѣдніе здѣсь,—будутъ первыми тамъ. Въ этомъ заключается задача, возложенная на насъ, служителей Божьяго слова, великими вопросами времени. Мы призваны разрѣшить ее, и мы это сдѣлаемъ, если будемъ честны. Съ нами Богъ!

Глаза его загорѣлись фанатическимъ блескомъ, и блѣдный лобъ покраснѣлъ. Въ комнатѣ наступило тяжелое молчаніе. Казалось, изъ другого міра прозвучалъ призывъ, неслыханный здѣсь еще никогда. Фрау Мейнертъ гладила рукою своего уснувшаго кота, а пасторъ, разсѣянно блуждая взглядомъ, произнесъ послѣ продолжительной паузы:

— Да, если они не вѣрятъ, конечно, прекрасная задача. Печатью и словомъ... да, такъ должно быть... Это послужитъ къ успокоенію.

Готхольдъ взглянулъ на Магдалину, и ему вдругъ показалось, что онъ говорилъ исключительно для нея одной. Ошибался онъ, или глаза ея дѣйствительно заискрились теплымъ свѣтомъ? Она смотрѣла на него пытливо, съ полуоткрытыми губами, но всетаки выраженіе строгости не исчезло. Лишь едва замѣтное дрожаніе лица указывало на то, что гдѣ-то въ ея душѣ были затронуты струны, звучавшія, однако, еще не вполнѣ сочувственно. Что за жизнь могла вести молодая дѣвушка въ этомъ домѣ, такомъ спокойномъ и уютномъ, куда едва ли проникало солнце? Неужели и она ничего не знаетъ о суровой и бурной жизни тамъ, внѣ ихъ дома? Она представлялась ему загадкой, дразнившей его.

Мейнертъ, желая, повидимому, дать другое направленіе разговору, спросилъ, посѣтилъ ли уже Готхольдъ ихъ общаго товарища Гадебуша, пастора церкви св. Петра и Павла. Готхольдъ отвѣтилъ отрицательно и прибавилъ, слегка нахмурясь:

— Онъ, говорятъ, раціоналистъ? Я думаю, это несправедливо.

— О, о! — возразилъ Мейнертъ съ сожалѣніемъ, — какъ можно говорить такъ? Онъ такой добрый, религіозный и ми-

лый человѣкъ. Нѣтъ, нѣтъ, я не думаю этого. Всѣ его такъ любятъ. Замѣчательный характеръ! Вы очень хорошо будете чувствовать себя у него.

— Пасторъ Гадебушъ—лучшій другъ моего мужа,—прибавила фрау Анна.

— Да, да, представьте—еще съ университетской скамьи! И здѣсь, въ этомъ городѣ мы снова встрѣтились! Мы старые друзья и никогда не ссорились, никогда.

— Вотъ это для меня цѣнное ручательство, — сказалъ Готхольдъ.

— Онъ, правда, нѣсколько грубоватъ, рѣзокъ, этотъ добрый Гадебушъ, г. пасторъ, — прибавила жалобно фрау Анна.—Это вѣрно. По его манерамъ ему скорѣе слѣдовало бы быть сельскимъ священникомъ, чѣмъ городскимъ. Но у него всегда хорошее расположеніе духа, онъ веселъ. Божья милость на этомъ человѣкѣ! Онъ облегчаетъ сердце Михаэлю, когда приходитъ къ намъ.

— Да,—подтвердилъ Мейнертъ и усмѣхнулся про себя.— Его прихожане пойдутъ за него въ огонь. И какъ его любятъ, моего стараго чудака! А какія проповѣди онъ произноситъ!

— Ну, милый Михаэль,—сказала фрау Анна со скромной увѣренностью,—тебя тоже любятъ. И притомъ, пасторъ Гадебушъ имѣетъ очень снисходительныхъ прихожанъ. Въ его приходѣ почти всѣ люди низшаго сословія, между тѣмъ какъ у насъ... Но я вижу, г. пасторъ, вы совершенно ничего не хотите попробовать изъ моихъ печеній. Они собственнаго приготовленія. Михаэль очень любитъ ихъ, и я часто приготовляю. Магдалина, угости же г. пастора! Коричневыя самыя вкусныя. Мы предпочитаемъ, когда они посыпаны сахаромъ, но это не на всякій вкусъ.

Готхольдъ отказался и всталъ.

— Я пробылъ у васъ гораздо дольше, чѣмъ намѣревался, сударыня. Къ тому же мой многоуважаемый товарищъ, навѣрно, соскучился о своихъ книгахъ. Еще только одинъ вопросъ. Идя сюда, я встрѣтилъ католическаго священника, уходившаго изъ вашего протестантскаго дома. Вы понимаете, какъ это меня удивило. Вы задумали какое-либо общее благотворительное дѣло или?..

Мейнертъ слегка покраснѣлъ.

— О,—сказалъ онъ,—это былъ, конечно, патеръ Бенедиктъ Гегелеръ. Да, этотъ достойный человѣкъ заходитъ къ намъ часто. Насъ свела, знаете ... моя книга. У него есть библіотека, очень большая библіотека, заключающая въ себѣ разныя цѣнныя книги. Иногда онъ помогаетъ мнѣ, какъ ученый, тѣмъ болѣе, что въ концѣ своей книги я говорю о католицизмѣ... Когда дѣло идетъ о невѣріи интеллигенціи, мы спла-

чиваемся всѣ, не смотря на глубину раздѣляющей насъ пропасти. Впрочемъ, дорогой товарищъ,—онъ взглянулъ на свои длинные, бѣлые ногти,—какъ я уже сказалъ вамъ, съ Божьей помощью, мы живемъ здѣсь мирно вообще между собой, такъ же и въ религіозномъ отношеніи. Маленькая католическая община никогда не даетъ намъ повода къ раздраженію. Даже евреи...—онъ откашлялся съ нѣкоторымъ смущеніемъ.

На губахъ Готхольда заиграла улыбка, не скрасившая, однако, его лица.

— Да, да, я замѣтилъ уже въ этомъ домѣ большую терпимость,—сказалъ онъ, безуспѣшно пытаясь пошутить.—Хорошо намъ, если мы можемъ быть такими, уважаемый товарищъ. Но я боюсь, что мы живемъ въ такое время, когда дѣло не въ христіанскомъ смиреніи, а именно въ томъ, чтобы указывать и бороться за вѣру. „Кто не со мною, тотъ противъ меня“, сказалъ Христосъ. Впрочемъ, объ этомъ мы поговоримъ лучше въ другой разъ. Сегодня же я очень благодаренъ за радушный пріемъ, и прошу позволенія придти опять. Благодарю также и васъ, сударыня! Благослови васъ Богъ, фрейлейнъ Мейнертъ!

Готхольдъ отклонилъ намѣреніе Мейнерта проводить его, быстро вышелъ изъ комнаты, прошелъ черезъ свѣтлый корридоръ и спустился съ лѣстницы. Ему казалось, что онъ слышитъ вздохъ облегченія, съ которымъ Михаэль Мейнертъ садится теперь за свой письменный столъ. Когда Готхольдъ вышелъ снова на церковную площадь, подъ липы, лицо его стало мрачнымъ. Теперь онъ понялъ, почему ему не могли указать, гдѣ живетъ пасторъ Мейнертъ. Этого человѣка люди знали такъ же мало, какъ и онъ ихъ. Онъ говорилъ имъ проповѣди съ каѳедры по воскресеньямъ, произносилъ надгробныя слова, рѣчи при бракосочетаніи и крещеніи, но ничего не зналъ о тѣхъ, кто былъ ввѣренъ его защитѣ. Весь міръ для него заключался въ его книгѣ. Онъ не понялъ своего времени, и не въ немъ искать помощника.

— Сухая вѣтвь,—думалъ онъ,—и миръ, царящій въ этомъ домѣ, не настоящій Божій миръ.

Всю дорогу его преслѣдовали пытливые глаза на красивомъ, холодномъ лицѣ Магдалины Мейнертъ.

II.

За городомъ, въ предмѣстьи были расположены фабрики. Впрочемъ, съ тѣхъ поръ, какъ были разрушены крѣпостныя стѣны, едва ли можно было говорить о предмѣстьи: новые

дома, выросшіе на мѣстѣ прежней крѣпости, соединяли старый городъ съ предмѣстьемъ, и никто не зналъ, гдѣ кончается первый и начинается второе. Только внѣшній видъ домовъ внезапно измѣнялся, и глазамъ представлялись высокія, различной формы, дымовыя трубы, возвышавшіяся до небесъ, потемнѣвшихъ на большомъ пространствѣ отъ огромныхъ облаковъ дыма. Въ одномъ мѣстѣ улица то имѣла видъ длинной, бѣлой полосы, какъ будто посыпанной пудрой отъ вальцовыхъ мельницъ; то представлялась сѣрой отъ угольной пыли желѣзныхъ заводовъ. Въ этой части города воздухъ до того былъ насыщенъ густымъ дымомъ и тяжелыми испареніями, что становилось трудно дышать. Человѣкъ, лишенный зрѣнія и обонянія, но обладавшій слухомъ, могъ безъ ошибки, съ первыхъ же шаговъ, сказать, куда онъ попалъ. Уже издали слышался грохотъ машинъ, стонущій визгъ паровыхъ крановъ и угрожающій стукъ молотовъ. Глухой смѣшанный гулъ, точно морской прибой, несся на встрѣчу. Гулъ этотъ разростался въ оглушительный шумъ и стукъ, тотчасъ охватывавшій и проникавшій всюду вмѣстѣ съ гудѣніемъ паровыхъ свистковъ, грохотомъ узкоколейной желѣзной дороги, пыхтящимъ звукомъ дымовыхъ трубъ и стономъ вѣтра. Длинная прямая улица постоянно оживлялась рядами нагруженныхъ вагончиковъ и измученныхъ тощихъ рабочихъ лошадей. Стѣны построекъ дрожали отъ безпрерывныхъ толчковъ и потрясающаго шума катившихся по мостовой колесъ, обшитыхъ широкими желѣзными шинами. Свистящее хлопанье длинныхъ бичей, проклятія, крикъ, звонъ колокольчиковъ наполняли воздухъ, не заглушая, однако, жужжанія исполинскихъ маховыхъ колесъ и рѣзкаго лязга желѣза. Густыя облака пыли вились вокругъ нагруженныхъ и перетянутыхъ канатами товарныхъ вагоновъ. Только въ обѣденное время затихалъ на часъ гулъ этой мощной сложной силы, какъ будто этотъ, до крайней степени истерзанный, организмъ внезапно обезсиливалъ, и измученныя легкія требовали притока свѣжаго воздуха. Почти наводящая страхъ тишина наступала послѣ этого дикаго шума, производимаго легіономъ духовъ, изо-дня въ день отбывающихъ свою повинность съ жалобнымъ шумомъ и воплемъ Улица дѣлалась пустынной, вѣтеръ гналъ клубы пыли, какъ будто хотѣлъ освободить путь для чего-то новаго. Но прежде, чѣмъ можно было опомниться, уже возобновлялось глухое жужжаніе, словно отголосокъ адскаго шума въ ушахъ; снова раздавался пронзительный свистокъ, передаточные ремни начинали вертѣться, угольныя лопатки подбрасывали новый запасъ пищи въ зіяющія огненныя пасти раскаленныхъ печей; вдвигались и выдвигались

блестящіе поршни машинъ, какъ когти хищныхъ звѣрей, и освобожденное животное ревѣло, стонало и шипѣло, точно всѣ злые духи преисподней соединились для бѣшенной борьбы съ существующимъ. Только когда на башнѣ большого чугуннаго завода Виллинга, видимой на далекомъ разстояніи, стрѣлка часовъ на освѣщенномъ изнутри циферблатѣ, выдѣлявшемся въ наступившей темнотѣ, указывала 7 часовъ вечера и электрическій звонокъ возвѣщалъ объ этомъ среди ужаснаго вопля фабрикъ,—стократно расчлененное чудовище, извергавшее дымъ и огонь, наконецъ, успокоивалось. Все затихало постепенно за закопчеными, во многихъ мѣстахъ разбитыми въ дребезги окнами высокихъ кирпичныхъ стѣнъ; огонь потухалъ, чадящее дыханіе дымовыхъ трубъ прекращалось. И сквозь дымный туманъ, окутывавшій тонкимъ покровомъ погруженную въ сумерки улицу предмѣстья, слышались только тяжелые, усталые шаги подбитыхъ гвоздями сапогъ и виднѣлись темныя, безмолвныя группы рабочихъ, мужчинъ и женщинъ, идущихъ съ опущенными головами и выдавшимся впередъ туловищемъ. Они шли съ шапками, надвинутыми на лобъ, въ болтавшихся курткахъ, неся въ рукахъ то свои жестяные сосуды, то глиняные кувшины, корзинки или узелки. Рѣдко можно было услышать слово, смѣхъ, восклицаніе. Молча расходились они по своимъ жилищамъ, и въ фабричномъ кварталѣ воцарялся миръ, точно здѣсь ничего не знали о сокрушительной борьбѣ и о губящемъ людей произволѣ. Такъ бывало, конечно, не всегда. Случалось, что фабрики работали безъ остановки, и эти тысячи гремящихъ, вертящихся одно въ другомъ колесъ не знали отдыха. Когда выполнялись большіе заказы, взятые фирмою на извѣстный срокъ, то, для побѣды въ неумолимой борьбѣ съ конкурренціей, грохотъ машинъ и гудѣніе молотовъ не прекращались ни днемъ, ни ночью. Тогда бѣловато-голубой свѣтъ электрическихъ лампъ освѣщалъ гигантское учрежденіе, смѣнялось рабочее войско, обслуживавшее ненасытныя машины, и не было ни одного часа покоя. Безжалостная, исполинская работа издѣвалась надъ ночнымъ отдыхомъ и потребностями людей до тѣхъ поръ, пока заказъ не былъ исполненъ до конца и фирма не торжествовала побѣды надъ своимъ соперникомъ.

Послѣ перваго посѣщенія рабочаго квартала Готхольдъ фонъ-Венденъ, жившій до этого въ мирной студенческой обстановкѣ или въ деревенской тиши, почувствовалъ себя охваченнымъ какимъ-то мракомъ. Онъ очутился здѣсь лицомъ къ лицу съ новыми, незнакомыми силами. Хотя онъ и сознавалъ, что онѣ побѣждены человѣкомъ, но могущество

ихъ наполняло его одновременно глубокимъ изумленіемъ и страхомъ.

Онъ чувствовалъ себя маленькимъ передъ этимъ чудовищемъ; онъ положительно робѣлъ передъ гигантской задачей, поставленной имъ себѣ, въ виду этой новой жизни, до сихъ поръ ему невѣдомой и уничтожавшей его своимъ грознымъ величіемъ. Въ первый же день пріѣзда Готхольдъ ходилъ со своимъ дядей, коммерціи совѣтникомъ, по обширнымъ фабричнымъ помѣщеніямъ, хотѣлъ все видѣть собственными глазами, все себѣ объяснить, но не успѣлъ еще получить полнаго представленія объ этой сложной системѣ колесъ большого машиннаго производства. Все его смущало и поражало. Не смотря на благосклонно - небрежныя объясненія коммерціи совѣтника, знаній Готхольда по механикѣ было слишкомъ недостаточно, чтобы оріентироваться здѣсь, въ этомъ мірѣ величественной и иногда устрашающей дѣятельности. Обиліе новыхъ, быстро смѣнявшихся впечатлѣній, ошеломило его, а эта масса механизмовъ, движущихся среди жара, дыма и адскаго гула, пробуждала въ немъ совершенно неиспытанныя, разнородно перекреіщивавшіяся ощущенія, грозившія подавить его раньше, чѣмъ онъ въ состояніи будетъ разобраться въ нихъ. Готхольдъ хотѣлъ бы опуститься на колѣни и молиться. Душу его волновали великіе, святыя планы.

„Также и въ этомъ Его твореніи я могу любить Творца“— думалъ онъ.—„Онъ живетъ и здѣсь“.—Именно потому, что все пугало и приводило его въ отчаяніе, онъ чувствовалъ, что здѣсь его настоящее мѣсто. И чувство это было тѣмъ сильнѣе, чѣмъ труднѣе представлялась его задача и чѣмъ больше страданій сулила она. Онъ былъ увѣренъ, что призванъ Богомъ. Тутъ было какое-то самобичеваніе фанатика, и Готхольдъ радовался при мысли, что для исполненія своего назначенія онъ долженъ обречь себя на муки въ этомъ учрежденіи, среди адскаго жара и шума. Здѣсь онъ узнаетъ, достаточно ли сильны въ немъ вѣра и терпѣніе, истинный ли онъ служитель Того, Кто призывалъ всѣхъ взять свой крестъ и слѣдовать за Нимъ. Онъ просилъ коммерціи совѣтника разрѣшить ему свободный доступъ на фабрики, куда посторроннимъ входъ былъ строго воспрещенъ. Появленіе его дяди на фабрикѣ напоминало посѣщеніе коронованной особы, и Готхольдъ инстинктивно чувствовалъ это. Во всѣхъ осмотрѣнныхъ ими отдѣленіяхъ фабрики встрѣча посѣтителей была торжественна, и глубокая почтительность, оказываемая владѣльцу фабрики всюду, гдѣ онъ показывался, имѣла характеръ скорѣе благоговѣнія, чѣмъ простаго уваженія къ хозяину. Къ просьбѣ Готхольда коммерціи совѣтникъ отнесся

не особенно милостиво. Хотя онъ и исполнилъ ее, позвавъ одного изъ старшихъ инженеровъ и представивъ своего племянника, но въ то же время заявилъ, что не видитъ цѣли въ тратѣ времени на занятія, не имѣющія ничего общаго съ его специальностью. Время дорого, и ни у кого на фабрикѣ нѣтъ досуга, чтобы наставлять несвѣдующихъ; къ нему отнесутся недовѣрчиво; здѣсь, гдѣ каждый работаетъ, не покладая рукъ, его примутъ за праздношатающагося, даже больше, за соглядатая. Не смотря на всѣ эти доводы, Готхольдъ снова вернулся къ тому же вопросу.

— Я не могу дѣйствовать среди людей, мнѣ неизвѣстныхъ, — сказалъ онъ, — я долженъ чувствовать себя среди нихъ, какъ дома.

Но онъ чувствовалъ, что коммерціи совѣтникъ правъ. Этотъ вполнѣ увѣренный въ себѣ человѣкъ, со словами твердыми, какъ желѣзо, распоряжавшійся здѣсь, какъ царь въ своихъ владѣніяхъ, конечно, былъ всегда правъ: это было не ново для Готхольда. Молодого человѣка встрѣчали на фабрикѣ недружелюбно. Ни у кого не было времени отвѣчать на его праздные вопросы, всѣмъ онъ мѣшалъ. Тѣмъ, что инженеры и мастера были съ нимъ изысканно вѣжливы, онъ былъ обязанъ, какъ самъ отлично понималъ, только своему положенію племянника хозяина фабрики, но не своему облаченію или своимъ цѣлямъ. Рабочіе относились недовѣрчиво къ его посѣщеніямъ. На его вопросы они давали всегда краткіе, уклончивые отвѣты, и часто Готхольдъ встрѣчалъ мрачные взгляды, устремленные на него. Здѣсь родство его съ фабрикантомъ еще больше служило помѣхой, чѣмъ его платье. Онъ понималъ, что рабочіе не могутъ имѣть къ нему никакого довѣрія, что онъ не узнаетъ отъ нихъ ничего такого, чего не могутъ и не должны знать также ихъ начальники и его дядя. Но онъ хотѣлъ привыкнуть, по крайней мѣрѣ, къ атмосферѣ, въ которой эти люди работаютъ. Онъ старался войти въ міръ мыслей и чувствъ людей среди этого ужаснаго гула и стука машинъ, оглушавшихъ его разсудокъ и раздиравшихъ его нервы. Въ душѣ его росли изумленіе, состраданіе и горячее желаніе помочь.

Рабочій кварталъ числился въ приходѣ св. Іакова впредь до окончанія постройки новой церкви въ предмѣстьи. Готхольду было предложено занять въ ней мѣсто перваго проповѣдника. Его оффиціальная дѣятельность въ церкви св. Іакова должна была быть, по его разсчетамъ, только временной и дать ему случай освоиться съ его будущимъ полемъ дѣятельности. Таково, по крайней мѣрѣ, было желаніе его дяди, сумѣвшаго воспользоваться своимъ широкимъ

вліяніемъ, какъ одного изъ видныхъ гласныхъ городской думы, принявшей подъ свое покровительство обѣ церкви. Онъ устроилъ временную молельню для воскресныхъ службъ въ рабочемъ кварталѣ, гдѣ долженъ былъ служить Готхольдъ, пока церковная постройка не будетъ закончена и храмъ наверху въ предмѣстьи не будетъ освященъ. Теперь этотъ моментъ казался довольно отдаленнымъ, потому что церковь, воздвигавшаяся на средства, собранныя изъ добровольныхъ взносовъ, съ субсидіей отъ города, поглотила гораздо больше денегъ, чѣмъ предвидѣла смѣта, и постройкѣ грозило быть прекращенной, чуть ли не наканунѣ ея окончанія. Нѣкоторые жертвователи были того мнѣнія, что многое было построено слишкомъ дорого, и все дѣло объяснялось тѣмъ, что коммерціи совѣтникъ фонъ-Виллингъ не хочетъ молиться въ бѣдной церкви. Въ началѣ онъ обѣщалъ сдѣлать все возможное; а теперь обвиняетъ другихъ богатыхъ людей города въ скряжничествѣ, что совершенно не согласуется съ ихъ прославленной набожностью, и поведеніе ихъ объясняется просто тѣмъ, что церковь стоитъ на его землѣ. Впрочемъ, онъ надѣется черезъ своего шурина, министра, найти болѣе высокіе источники для притока суммъ въ фондъ постройки. Слѣдовательно, дѣло лишь въ кратковременномъ кризисѣ.

Во время своего перваго богослуженія Готхольдъ нашелъ молельню переполненной. Казалось, присутствовали всѣ рабочіе заводовъ Виллинга, потому что, когда Готхольдъ окинулъ взоромъ собравшихся прихожанъ, большинство лицъ было ему знакомо. Это очень порадовало бы его, если бы онъ вдругъ не вспомнилъ, что на фабрикѣ его дяди воскресное посѣщеніе церкви вмѣняется въ обязанность и входитъ въ кодексъ обязательныхъ правилъ, изложенныхъ въ цѣлой тетради, вручаемой каждому при его поступленіи, съ требованіемъ исполнять всѣ правила подъ страхомъ немедленнаго увольненія. Готхольдъ читалъ эти правила и былъ пораженъ строгостью и ясностью этого свода законовъ, не знающаго снисхожденія. Но коммерціи совѣтникъ говорилъ, что только такими мѣрами можно держать въ рукахъ эту безпокойную массу, противостоять вліянію соціалъ-демократіи и установить порядокъ. И Готхольдъ долженъ былъ согласиться, что слова его подтверждаются фактами. Эти фабрики, далеко превосходящія своею величиной всѣ другія въ округѣ, можетъ быть, даже самыя большія въ странѣ, пользовались самой лучшей репутаціей. Рабочее населеніе исполняло здѣсь свои обязанности среди такого спокойствія, что едва ли могло предполагать о несогласіяхъ и опасностяхъ, существовавшихъ на другихъ фабрикахъ.

Одинъ изъ параграфовъ виллинговскихъ правилъ исклю-

чалъ изъ числа рабочихъ его фабрикъ всякаго соціалъ-демократа и грозилъ увольненіемъ даже и тѣмъ, кто былъ заподозрѣнъ въ соціалъ-демократическомъ образѣ мыслей, или кто читалъ соціалъ-демократическую газету.

— Радикаловъ вонъ!—говорилъ коммерціи совѣтникъ Готхольду,—потому что мы ведемъ борьбу на жизнь и на смерть.

И опять-таки результаты показали, что онъ безспорно правъ. На фабрикахъ Виллинга во время выборовъ подавались всегда консервативные избирательные листки, между тѣмъ какъ вездѣ въ окружности фабричные рабочіе подавали свой голосъ за извѣстныхъ соціалистовъ.

Готхольдъ всегда чувствовалъ безграничное удивленіе передъ непреклонной твердостью и разумнымъ управленіемъ своего дяди; сегодня въ первый разъ у него закралось сомнѣніе, когда онъ со своей каѳедры посмотрѣлъ внизъ, на эти жесткія, измученныя работой лица бѣдняковъ, сидѣвшихъ на узкихъ деревянныхъ скамейкахъ. Пришли ли бы они всѣ также сюда, если бы не существовало этой неволи, этой угрозы, подкарауливавшей и оставлявшей ихъ безъ работы и крова? А если нѣтъ, какую пользу приноситъ набожность, поддерживаемая ударами кнута? Мысли эти не оставляли его и смущали даже тогда, когда онъ началъ свою проповѣдь. Въ основу послѣдней онъ положилъ слова апостола Павла: „Нѣтъ здѣсь ни іудея, ни язычника; ни раба, ни свободнаго; нѣтъ мужескаго пола, ни женскаго; ибо всѣ вы едино во Христѣ“. Онъ хотѣлъ говорить о человѣческомъ достоинствѣ рабочихъ и о томъ, что передъ Богомъ всѣ равны, что значеніе имѣетъ только искупленная Іисусомъ человѣческая душа. Этимъ онъ хотѣлъ заложить фундаментъ, на которомъ строилъ бы затѣмъ, среди этихъ людей, свое вліяніе; они должны были бы вѣрить ему и, такимъ образомъ, найти путь къ спасенію, уготованному на землѣ какъ для нищихъ, такъ и для самыхъ могущественныхъ. И вдругъ онъ не находилъ словъ; внезапно въ головѣ его пронеслось: если они люди съ свободнымъ самоопредѣленіемъ, равные намъ, зачѣмъ тогда гонятъ ихъ на богослуженіе, почему не предоставятъ ихъ собственному рѣшенію, ихъ настроенію, ихъ склонности соединиться въ общей молитвѣ со всѣми прихожанами или нѣтъ?

Его слова потеряли душевную теплоту, которую онъ хотѣлъ вдохнуть въ нихъ, онъ чувствовалъ самъ, что рѣчь его лишена силы, увлекающей сердца. То, что онъ говорилъ, звучало въ его собственныхъ ушахъ холодно и безучастно. Никогда еще недовольство самимъ собой не было такъ сильно, какъ сегодня, когда онъ спускался съ каѳедры. Ему казалось, что онъ упустилъ драгоцѣнный, невозвратимый случай, что

онъ потерялъ нѣчто цѣнное, чѣмъ легко могъ бы овладѣть. Съ поникшей головой прошелъ онъ послѣ благословенія въ комнату, служившей ризницей. Лобъ его былъ покрытъ потомъ. Когда онъ снялъ облаченіе, къ нему вошелъ черезъ узкую дверь коммерціи совѣтникъ. Высокій, широкоплечій человѣкъ долженъ былъ согнуться. Его лицо, обрамленное выхоленной, слегка засеребрившейся, бѣлокурой бородой, отличалось въ высшей степени прямыми линіями и рѣзкими контурами. Онъ взглянулъ съ сознаніемъ своего превосходства на разстроенное лицо Готхольда Его свѣтлые, умные и выразительные глаза, смягчавшіе строгій видъ его самоувѣренной и тяжеловѣсной фигуры, приняли добродушно-снисходительное выраженіе, когда онъ произнесъ, положивъ на плечо Готхольда свою выхоленную, украшенную только узкимъ обручальнымъ кольцомъ руку, которой онъ нѣсколько кокетничалъ:

— Ну что-жъ! все было очень хорошо. Нѣкоторое смущеніе понятно, конечно, для перваго раза. Нѣсколько больше увлеченія, немного больше жара,—все это дѣйствуетъ. Эти люди должны вернуться изъ церкви подавленными, иначе они ничего не поймутъ. Ну, все это еще придетъ. Ты сегодня будешь, конечно, у насъ?

Въ душѣ Готхольда поднялся протестъ противъ покровительственнаго, утѣшающаго и наставительнаго тона дяди.— „Точно дѣло идетъ о первомъ выходѣ актера!" — думалъ онъ. Ему вдругъ стала невыносима эта критика проповѣди. Когда проповѣдникъ сообщаетъ слово Божіе ожидающимъ его прихожанамъ, ни одинъ мірянинъ не долженъ порицать его слова, какъ какую-либо лекцію или представленіе; только совѣсть самого проповѣдника призвана быть судьей. И развѣ знаютъ міряне, какъ жестока и мучительна судьба того, кто говоритъ имъ? Онъ вытеръ свой лобъ.

— Да, я приду сегодня, послѣ обѣда,—отвѣтилъ онъ коротко, подъ звуки прощальнаго церковнаго пѣнія прихожанъ.

Коммерціи совѣтникъ повернулся къ выходу, наклонившись.

— Приведи съ собою Ирму! — сказалъ онъ, повернувъ голову.

Готхольдъ мрачно покачалъ головой.

— Едва ли она меня послушается. Всякій часъ, который она проводитъ не въ молитвѣ, она считаетъ потеряннымъ въ грѣхѣ.

Коммерціи совѣтникъ пожалъ плечами, поклонился, сказавъ „до свиданія", и вышелъ. Церковное пѣніе стихло, и послѣдніе звуки маленькаго органа медленно замирали.

III.

Послѣ обѣда Готхольдъ не долго оставался дома. Его охватило безпокойство. Сколько ему еще придется пережить, прежде чѣмъ онъ сдѣлаетъ хотя бы первые шаги по пути, ведущему его къ намѣченной цѣли. Онъ намѣревался непремѣнно въ первое же воскресенье начать посѣщеніе жилищъ рабочихъ, гдѣ онъ хотѣлъ стать своимъ человѣкомъ: здѣсь поле его дѣятельности, какъ духовнаго пастыря; здѣсь его призваніе. Онъ самъ нуждался сегодня, возвратившись домой послѣ богослуженія, въ искреннемъ утѣшеніи; но оно было возможно для него только въ томъ случаѣ, если бы онъ могъ дать это утѣшеніе и счастіе другимъ.

Ирма фонъ-Венденъ давно уже была въ своей комнатѣ, когда братъ ея уходилъ изъ дому. Проходя мимо ея двери, Готхольдъ услышалъ молитву, произносимую ея особеннымъ всхлипывающимъ голосомъ. Онъ ускорилъ шаги, чтобы не подслушать, но всетаки до него долетѣли слова: „и потому, что я такъ горячо люблю Тебя, мой возлюбленный, — люблю, люблю, люблю“.

Онъ нахмурилъ лобъ.

— „Не слѣдовало бы такъ называть Его,—думалъ онъ,— по крайней мѣрѣ, женщинамъ“. — Громкая молитва была вообще противна его натурѣ, и онъ не могъ понять, какъ можно кричать такъ о самомъ сокровенномъ и святомъ, когда лежишь распростертымъ въ своей комнатѣ, передъ своимъ Господомъ. Какъ будто это дѣлается изъ боязни, что иначе Онъ не услышитъ. Но Ирма была несчастная, внѣ молитвы она не знала никакихъ радостей въ мірѣ: онъ не могъ осуждать ее.

Когда онъ вышелъ на улицу, на него повѣяло теплымъ весеннимъ воздухомъ, показавшимся ему сегодня въ молельнѣ гнетущимъ зноемъ. Теперь онъ нашелъ воздухъ только душнымъ и непріятнымъ.

Длинная улица предмѣстья кишѣла народомъ, двигавшимся то въ городъ, то изъ города на лѣсистыя горы или по направленію къ загороднымъ увеселительнымъ садамъ. Всѣ были одѣты въ праздничныя платья. Семьи отправлялись за городъ большими группами, иногда везя самаго юнаго своего члена въ дѣтской колясочкѣ. На всѣхъ лицахъ было довольство. Судя по внѣшнему виду, это были преимущественно ремесленники, мелкіе чиновники и купцы; иногда попадались, конечно, и семьи рабочихъ и изрѣдка даже извозчикъ съ веселой компаніей, ѣдущей въ городъ, изъ болѣе „высокихъ

слоевъ общества". —„Послѣобѣденная служба соберетъ мало народа",—думалъ Готхольдъ. Вѣроятно, и въ жилищахъ рабочихъ онъ застанетъ не многихъ, но за то тѣ, кого онъ застанетъ, будутъ больные или несчастные, а вѣдь имъ то онъ и нуженъ. Онъ составилъ списокъ больныхъ и инвалидовъ на фабрикѣ, провѣривши свои замѣтки разсказами завѣдующихъ различными фабричными отдѣлами мастеровъ, при ближайшихъ сношеніяхъ ихъ съ подчиненными. Не смотря на это, онъ желалъ случайности, видя въ ней перстъ Всемогущаго. Онъ будетъ руководить имъ.

Рабочій кварталъ былъ расположенъ у рѣки. Процвѣтавшая промышленность постоянно привлекала въ городъ новый притокъ рабочихъ. Въ долинѣ, гдѣ земля была дешева, а матеріалъ легко добывался, предпріимчивые подрядчики выстроили для рабочихъ цѣлую колонію домовъ, быстро заселившихся отъ чердака до подвала. Мѣстность была, конечно, не изъ здоровыхъ, вслѣдствіе болотистой почвы и сырыхъ тумановъ, тянувшихся по вечерамъ съ другого берега рѣки. Не рѣдко наблюдались эпидеміи лихорадки и воспалительныя заболѣванія, принимавшія большею частью быстрое и смертельное теченіе.

Сюда достигалъ также, не прекращаясь съ утра до ночи, ґулъ фабрики, усиливавшійся безпрерывными ударами молота, шумомъ на маленькой верфи на рѣкѣ, трескомъ и грохотомъ нагрузки фабричнаго матеріала на громадныя баржи. Тѣмъ не менѣе квартиры рѣдко оставались пустыми, такъ какъ цѣна ихъ была низкая, а разстояніе до фабрики незначительное.

Коммерціи совѣтникъ фонъ-Виллингъ поселилъ своихъ инженеровъ и мастеровъ на участкѣ, гдѣ онъ, стремясь вообще устраивать свои учрежденія въ патріархальномъ духѣ, постепенно строилъ жилища и для своихъ старыхъ, испытанныхъ рабочихъ: во всѣхъ благотворительныхъ дѣлахъ онъ шелъ впереди другихъ. Но количество рабочихъ, сообразно съ особенностями его промышленныхъ предпріятій, безпрерывно измѣнялось въ связи съ большими и скорыми заказами, требовавшими быстраго исполненія, а слѣдовательно, и значительнаго усиленія персонала. Въ тихое время снова являлась необходимость въ увольненіи рабочихъ, чтобы не слишкомъ обременять бюджетъ. Поэтому, во избѣжаніе массовыхъ неминуемыхъ увольненій, большое число рабочихъ на фабрикахъ Виллинга принималось поденно. Эти рабочіе, съ недѣли на недѣлю ожидавшіе объявленія, что они больше не нужны, жили большею частью въ приречномъ кварталѣ какъ вмѣстѣ съ товарищами, постоянными служащими, которые пока не могли быть по-

мѣщены въ Виллинговской рабочей колоніи, такъ и съ многочисленными рабочими другихъ фабрикъ. Сюда-то и направилъ Готхольдъ фонъ-Венденъ свои шаги. Онъ былъ знакомъ съ жилищами для рабочихъ Виллинга. Коммерціи совѣтникъ самъ водилъ его сюда съ понятной гордостью. Но при видѣ привѣтливой опрятности этихъ простыхъ жилищъ, Готхольдъ пришелъ къ убѣжденію, что здѣсь живутъ только избранные, хотя можетъ быть, и тутъ его обманываютъ пріятнымъ наружнымъ видомъ, скрывающимъ подъ собою грязь и бѣдность. Здѣсь, въ рабочемъ кварталѣ у рѣки, онъ еще не былъ: здѣсь ему все станетъ ясно.

Плохо содержимыя улицы, ведущія къ рѣкѣ, были полны дѣтей. Цѣлыя дюжины бѣлокурыхъ ребятишекъ сидѣли у крылецъ, плескались въ оставшихся отъ послѣдняго дождя лужахъ, рѣзвились на кучахъ досокъ и грудахъ камней. Они таращили глаза съ робкимъ любопытствомъ на проходившаго Готхольда, толкали другъ друга локтями, шептались и хихикали. Но никто изъ этихъ босоногихъ дѣтей, одѣтыхъ въ грязное разорванное платье, не подошелъ къ нему, не подалъ руки, не поклонился,—какъ это дѣлали дѣти въ деревнѣ; они даже не вынули изо рта пальцевъ, когда Готхольдъ самъ сказалъ имъ: „здравствуйте“, но застѣнчиво отвернулись и засмѣялись, закрывшись руками. Не смотря на яркое небо, ему казалось, что удушливая атмосфера царитъ надъ этими узкими улицами съ ихъ рабочими казармами. По стѣнамъ ихъ развѣвалось развѣшанное у окошекъ бѣлье; изъ дверей и подвальныхъ помѣщеній вѣяло чѣмъ то затхлымъ и угарнымъ. Влажный вѣтеръ съ рѣки приносилъ съ собой запахъ дегтя и асфальта. Все имѣло видъ чего-то ненужнаго, заброшеннаго: разбитыя стекла въ окнахъ, заклеенныя бумагою, и кучи мусора у дверей домовъ. Изъ трактировъ раздавались хриплые голоса и грозные удары кулакомъ по столу. Отвратительный запахъ сивухи проникалъ сквозь щели плохо закрывавшихся стеклянныхъ дверей. Въ домахъ не слышно было никакого шума, они казались необитаемыми.

Готхольдъ медленно ходилъ нѣкоторое время по улицамъ, какъ будто для того, чтобы освоиться съ общимъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на него отсутствіемъ чего-нибудь пріятнаго. Но ничто не мѣшало оживленной дѣтской вознѣ. Завладѣвши на противоположномъ краю улицы сломанной ручной телѣжкой, ребятишки съ шумомъ и крикомъ, толкая другъ друга, стремились повиснуть на ея колесахъ или же взобраться на дышло. Въ это время изъ дома, мимо котораго какъ разъ проходилъ Готхольдъ, вышелъ хромой старикъ, въ

очкахъ, безъ сюртука, въ шапкѣ съ торчащими изъ-подъ нея длинными тонкими прядями сѣдыхъ волосъ.

— Эй вы, негодяи!—закричалъ онъ, грозя кулакомъ, испещреннымъ черными морщинами,—перестанете ли вы шумѣть! Развѣ вы не знаете, чертово отродье, что въ домѣ лежитъ тяжело больная? Убирайтесь или я задамъ вамъ!

Дѣти съ крикомъ разсыпались въ разныя стороны, захвативъ съ собой телѣжку и не обращая вниманія на угрозы. Готхольдъ подошелъ ближе къ старику и, поклонившись, быстро спросилъ:

— Вы говорите, что здѣсь лежитъ тяжело больная?

Старикъ, сдвинувъ свою грязную шапку съ безбородаго, покрытаго морщинами пергаментнаго лица, посмотрѣлъ на говорившаго сквозь очки долгимъ, испытующимъ взглядомъ.

— Да-а, — протянулъ онъ, засунувъ руки въ карманы брюкъ. — Тамъ Мютцельша. — Въ его манерѣ держать себя было и недовѣріе, и что-то вызывающее.

— Чѣмъ же больна эта женщина?—продолжалъ спрашивать Готхольдъ.

— Голодухой, — послѣдовалъ надменный отвѣтъ, и изъ беззубаго ввалившагося рта послышался злобный смѣхъ.

Готхольдъ нахмурилъ лобъ.

— Вашъ отвѣтъ—неудачная шутка, мой милый. Вы, вѣроятно, не знаете, кто я?

— Нѣтъ, не имѣю чести.—Старикъ ни на іоту не измѣнилъ своего поведенія. Въ его словахъ звучало насмѣшливо-холодное упрямство. Сгорбленная фигура, со впалой грудью и изможденнымъ лицомъ, казалось, даже нѣсколько выпрямилась. Мозолистой рукой онъ поправилъ очки на хрящеватомъ переносьѣ, какъ будто для того, чтобы лучше разсмотрѣть, кто противорѣчитъ ему.

— Я—пасторъ Венденъ.

Старикъ комично расшаркался.

— Очень радъ,—привѣтливо осклабился онъ.—Мое имя Бедовъ.

— Я духовникъ этого прихода.

— Но уже не мой.

— Вы—католикъ?

— Нѣтъ, я забочусь самъ о своей душѣ, съ вашего благосклоннаго позволенія.

Онъ продолжалъ свои язвительныя насмѣшки; на губахъ его все время играла желчная улыбка издѣвательства.

На Готхольда повѣяло холодомъ. Такъ вотъ каковы его первые шаги тамъ, гдѣ онъ желаетъ дѣйствовать! Но въ сущности онъ самъ искалъ этого.

Не къ твердымъ въ вѣрѣ посланъ онъ, но къ заблудшимъ

душамъ и ожесточеннымъ сердцамъ: на небесахъ вѣдь одинъ обращенный грѣшникъ доставитъ больше радости, чѣмъ сто праведниковъ.

— Милый другъ,—сказалъ онъ мягко,—придетъ часъ, и онъ уже не очень далекъ, когда вамъ станетъ страшно за увѣренность въ своей правотѣ. Тогда и вы увѣруете во Христа.

Глаза старика засверкали за стеклами очковъ.

— Вы хотите этого дождаться. Но и тогда мнѣ васъ не нужно будетъ. Вообще, я думаю, вы напрасно пришли сюда, г. пасторъ. Здѣсь мы умремъ и безъ васъ. Идите лучше туда, въ образцовый исправительный домъ Виллинга: тамъ живутъ праведники страны. Тамъ расправляются кнутомъ и библіей, по казенному. Здѣсь же мы не нуждаемся въ лицемѣріи.

— Вы рабочій?—спросилъ Готхольдъ, дѣлая усиліе, чтобы казаться спокойнымъ.

— Былъ имъ, пока машина не переломала мнѣ кости. Теперь я занимаюсь бритьемъ, съ вашего благосклоннаго позволенія, только грязныхъ лицъ рабочихъ. Большое удовольствіе!

Онъ показалъ съ улыбкой на мѣдный тазъ, качавшійся у двери на желѣзномъ прутѣ, какъ вывѣска его ремесла.

— Гдѣ лежитъ больная? Я хочу пройти къ ней. Проведите меня!

— Къ Мютцельшѣ-то? Ахъ, оставьте, пожалуйста! Къ чему? Вы ей не нужны. Вы будете здѣсь совершенно не кстати. Духовнымъ утѣшеніемъ здѣсь ничего не подѣлаешь. Вы рискуете ни болѣе ни менѣе, какъ быть выгнаннымъ Люде. Впрочемъ, тамъ теперь, вѣроятно, барышня. Я видѣлъ, какъ она входила въ домъ.

— Какая барышня?

— Да докторша. Она приноситъ всегда болѣе реальное утѣшеніе, чѣмъ, знаете, это: „блажени нищіе, ибо ихъ есть царствіе небесное“. Это у насъ не идетъ. — Онъ желчно засмѣялся.

— Барышня — дочь общиннаго доктора?—спросилъ Готхольдъ, стараясь придти въ себя.

— Да нѣтъ, Господи! У него еще нѣтъ дочерей. Онъ только что начинаетъ свою практику. Чего требовать отъ него? Чтобы человѣкъ съ высшимъ образованіемъ, за тридцать пять пфениговъ, соглашался выкладывать свои знанія въ этой вонючей трущобѣ, — этого еще не хватаетъ! Есть изъ-за чего! Они всегда рады убраться скорѣе отсюда. Масса должна дать въ часъ полъ-дюжины посѣщеній, иначе не стоитъ пачкаться... И какъ это все просто предписывается..

что? Все равно... Главное — какъ можно дешевле. А если даже двѣ дюжины рабочихъ изъ-за этого околѣетъ, тѣмъ лучше. Ихъ и такъ здѣсь уже слишкомъ много, и еще сколько растетъ.

Готхольдъ не могъ больше выносить такого тона.

— Скажите мнѣ, наконецъ, гдѣ я могу найти больную. Остальное—мое дѣло!

— Какъ прикажете. Пожалуйте!—онъ снова насмѣшливо расшаркался и указалъ на дверь.

— Высоко?—спросилъ Готхольдъ, входя.

— Совсѣмъ нѣтъ. Бельэтажъ, въ погребѣ. Доложить, пожалуй, будетъ некому. Возьмите съ собою кстати немножко о-де-колону: внизу не пахнетъ гіацинтами.

Готхольдъ обернулся еще разъ съ верхней ступеньки подвальной лѣстницы.

— Эта фрау Мютцель—жена рабочаго?—спросилъ онъ.

— Говорятъ. По свидѣтельству изъ ратуши, она не могла бы сойти за таковую. Она носитъ другую фамилію, чѣмъ онъ, и дѣти крещены по ней. Впрочемъ, этотъ Люде уже давно не рабочій. Водка отбила у него охоту къ работѣ.

— Чѣмъ же живутъ эти люди? — спросилъ Готхольдъ, приходившій все въ болѣе угнетенное состояніе.

— Они, можно сказать, совсѣмъ не живутъ. Живетъ ли, вообще, кто-нибудь изъ насъ? Впрочемъ, тутъ есть доходная статья, ея сестра Мице, она имъ помогаетъ. И потомъ старикъ. Этотъ почти слабоумный, но все же кладетъ заплаты на сапоги. А затѣмъ, какъ я сказалъ, барышня-докторша. Она помогаетъ всюду. Пока они еще не умерли съ голода. Ну, а дойдетъ до этого — плыви дальше! Они не первые и не будутъ послѣдними.

— Значитъ, здѣсь много нищихъ?

Голосъ Готхольда дрожалъ; онъ схватился рукою за перила лѣстницы.

Цирюльникъ злобно засмѣялся.

— Отъ подвала и вплоть до слухового окна наверху, изъ дома въ домъ, все набито нищими, мой достойный господинъ! Не подумайте, что я шучу. Поэтому я вамъ и говорю: не начинайте здѣсь со своего небеснаго утѣшенія. Оно никого не насытитъ и никого не сдѣлаетъ здоровымъ. Оставьте всѣхъ въ покоѣ, пусть все идетъ, какъ шло до сихъ поръ. Думаю, ужъ не долго такъ протянется.

Онъ сдѣлалъ неопредѣленное движеніе рукою въ воздухѣ и, не поклонившись, повернулъ къ своей цирюльнѣ, расположенной совсѣмъ въ землѣ.

Готхольдъ спустился внизъ по ступенькамъ и постучался въ дверь. Послышался звонкій голосъ: „войдите“. Войдя, онъ

увидѣлъ молодую дѣвушку, стоявшую у окна передъ зеркаломъ въ бѣломъ лифчикѣ и корсетѣ съ голыми руками и расчесывавшую свои длинные рыжевато-бѣлокурые волосы. Отъ прикосновенія гребня они трещали.

— Это что?—вскричала она, пораженная, повернувъ къ нему красивое, удивительно бѣлое лицо, съ усталыми мигающими глазами.—Что вамъ здѣсь нужно?

Въ полутемной комнатѣ, изъ окна которой видны были только ноги проходившихъ мимо по улицѣ, пахло чѣмъ-то острымъ, дѣйствовавшимъ непріятно на нервы Готхольда. Это, однако, не заглушало сыраго, затхлаго запаха, какъ бы исходившаго отъ стѣнъ, отъ раскрытыхъ ящиковъ комода, отъ наваленной кучи лохмотьевъ, отъ неубранной и смятой постели. Разбитая чашка для умыванья съ грязной мыльной водой стояла на полу. На столѣ, передъ кроватью лежали завядшіе цвѣты, а на расшатанныхъ стульяхъ — различное грязное платье и бѣлье.

— Я хочу видѣть вашу больную сестру, — сказалъ Готхольдъ,—вы, конечно, ея сестра?

Дѣвушка, по виду едва семнадцати лѣтъ, кокетливо закрыла полотенцемъ свою развитую грудь, выступавшую изъ корсета.

— Погодите! — сказала она съ небрежнымъ книксомъ и съ улыбкой, непріятно задѣвшей Готхольда.—Я не думаю, что съ Рикой настолько плохо, чтобы она нуждалась въ пасторѣ. Наша сестра живуща и умираетъ медленно. Или, можетъ быть, она посылала за вами? Это, однако, на нее не похоже.— Она снова стала расчесывать свою рыжую гриву, съ очевиднымъ желаніемъ понравиться ему , и подмигнула ему черезъ голое плечо.

— Ваша сестра лежитъ здѣсь, рядомъ? — спросилъ онъ, такъ какъ изъ сосѣдней комнаты до него долетали шумъ и болѣзненные стоны.—Пойдите, пожалуйста, и приготовьте ее. Я могу напугать ее своимъ появленіемъ.

— Ахъ!—сказала она презрительнымъ тономъ, продолжая причесываться.—Развѣ вамъ такъ не нравится здѣсь? У меня веселѣе, чѣмъ тамъ.

Она засмѣялась, показавши блестящіе зубы.

Между тѣмъ, дверь сосѣдней комнаты тихо пріотворилась, и блѣдное дѣтское личико, съ большими испуганными глазами выглянуло въ щель.

— Сузе,—вскричала дѣвушка обращаясь къ ребенку, — скажи тамъ, что пасторъ здѣсь и хочетъ произнести вамъ послѣобѣденную проповѣдь. Приготовьте-ка носовые платки!— Она покатилась со смѣху. Готхольдъ хотѣлъ было сдѣлать ей строгое внушеніе, какъ личико ребенка исчезло, дверь от-

крылась, и въ комнату вошла молодая дама, въ простомъ, темномъ костюмѣ для гулянья. Первое, что поразило Готхольда, это ея легкая, скользящая походка. Въ полутемной комнатѣ онъ не могъ хорошенько разсмотрѣть ее. Средняго роста, стройная, съ чрезвычайно выразительными глазами; въ лицѣ выраженіе такой спокойной серьезности, какую онъ не могъ себѣ представить въ молодомъ существѣ.

Невольно онъ сдѣлалъ болѣе глубокій поклонъ.

— Пасторъ Венденъ,—сказалъ онъ.

Она привѣтливо поклонилась.

— Вы хотите видѣть больную?—спросила она голосомъ глубокимъ и мягкимъ, безъ тѣни любопытства и удивленія.— Я думаю, вы можете войти. Она теперь спокойнѣе, но, конечно, очень слаба. Можетъ быть, вы не долго пробудете у нея.—Она произнесла эти слова съ мягкой рѣшительностью, очень понравившейся Готхольду. Съ новымъ поклономъ она хотѣла пройти мимо него къ выходу.

— Вы уходите, фрейлейнъ...? — спросилъ онъ почти смущенно.

— Леръ, — закончила она, такъ какъ „фрейлейнъ" онъ произнесъ вопросительнымъ тономъ. — Да, у меня еще есть другіе дѣла сегодня, — прибавила она, поклонилась и, не обращая вниманія на рыжую дѣвушку у зеркала, вышла.

Дѣвушка свистнула сквозь зубы ей вслѣдъ. Готхольду показалось, что даже это созданіе робѣетъ передъ ушедшей. Ни одного дерзкаго слова не сорвалось съ ея языка. Онъ повернулся и вошелъ въ сосѣднюю комнату.

Такъ какъ глаза его привыкли уже къ сумеркамъ, царившимъ въ подвалѣ, то онъ вскорѣ различилъ кровать съ больной въ альковѣ, а также безпорядокъ и убогость окружающей обстановки. На подоконникѣ сидѣлъ, скорчившись на скамейкѣ, старикъ и старался прошить дратвой кожу разорваннаго грубаго сапога, надѣтаго на его лѣвую руку. На лобъ были надвинуты круглыя очки въ роговой оправѣ; онъ посмотрѣлъ на вошедшаго тупымъ и мутнымъ взглядомъ своихъ припухшихъ, слезившихся глазъ. Сморщенное лицо старика было покрыто бѣлой щетиной, нижняя губа отвисла. Весь подоконникъ былъ заваленъ сапожными инструментами, кусками кожи и старыми сапогами. Внизу, подъ окошкомъ, сидѣли, съежившись, двое дѣтей: младшій, съ худыми голыми ногами и съ красновато-бурыми язвами, покрывавшими все тѣло; старшій, выглядывавшій раньше изъ-за двери, блѣдный, робкій, съ своими большими влажно блестящими глазами, напоминалъ забитаго щенка. Они оба играли шиломъ и парой старыхъ подошвъ, искоса поглядывая на старика, очевидно, ожидая каждую минуту, что онъ съ бранью

вырветъ у нихъ игрушку. Дверь въ сосѣднюю комнату, похожую на чуланъ, но служившую какъ будто кухней, была открыта. За ней виднѣлся разный разбросанный хламъ и слышался громкій храпъ спящаго.

Поклонъ Готхольда остался безъ отвѣта. Больная, стонавшая тихо про себя, могла не разслышать, какъ онъ вошелъ; дѣти испуганно прятались и бросали на него боязливые взгляды. Старикъ безумно бормоталъ про себя:

— Возможно ли! У насъ пасторъ, у насъ пасторъ!

Онъ отыскалъ свое шило и снова сталъ работать, держа дратву въ зубахъ. Изъ комнаты, только что оставленной Готхольдомъ, доносились звонкія трели рыжей дѣвушки. Онъ подошелъ къ постели больной, лежавшей на своихъ подушкахъ, истощенной, съ красными пятнами на щекахъ. Она, очевидно, была когда-то красива. Готхольдъ взялъ исхудавшую, пылавшую отъ лихорадки руку, безсильно лежавшую на голубовато клѣтчатомъ ситцевомъ верхѣ шерстяного одѣяла.

— Какъ вы себя чувствуете?—спросилъ онъ. У него внезапно захватило духъ, и онъ почувствовалъ страхъ.—„Хоть бы барышня осталась, — подумалъ онъ: — зачѣмъ ей понадобилось уйти, когда я пришелъ?“—Ему казалось, что близость ея придала бы ему больше увѣренности и силы. Какимъ чуднымъ спокойствіемъ дышали ея черты!

Больная взглянула на говорившаго расширенными, лихорадочно блестѣвшими глазами.

— Хорошо,—сказала она совсѣмъ тихо,—гораздо лучше. Барышня была здѣсь. — Готхольду показалось, что свѣтлая улыбка промелькнула по ея обострившимся чертамъ.

„Барышня была здѣсь“ — этимъ она хотѣла какъ будто объяснить, почему ей стало лучше. Онъ почувствовалъ что-то, похожее на ревность.

— Она принесла вамъ угощеніе? — спросилъ онъ, взглянувъ на корзинку, стоявшую на деревянномъ стулѣ, возлѣ кровати, съ торчавшимъ оттуда горлышкомъ бутылки.

— Да, и новое лѣкарство, присланное ея отцомъ. Теперь все будетъ хорошо. — Она сложила руки поверхъ одѣяла и улыбнулась тихо и устало, закрывая глаза.

— Я тоже хотѣлъ бы дать вамъ нѣчто, — сказалъ Готхольдъ съ нѣжностью.—Поэтому и пришелъ. Лѣкарства и тѣлесное укрѣпленіе не помогутъ, если къ вашей *душѣ* не вернется покой. Помолимтесь вмѣстѣ, чтобы Богъ послалъ вамъ здоровье, а если не будетъ на это Его святой воли, то тихую, легкую смерть, съ твердой вѣрой въ нашего Искупителя. Хотите ли вы соединиться со мной въ молитвѣ? —

Больная снова раскрыла глаза и взглянула на говорившаго съ робкимъ испугомъ.

— Да, да,—устало прошептала она.

Старикъ на своей скамейкѣ на подоконникѣ, раскачивая головою въ разныя стороны, продолжалъ время отъ времени повторять:—У насъ пасторъ! Вотъ какъ! Пасторъ у насъ!

— Такъ какъ вы не можете посѣтить сегодня храма Божія, я хочу прочитать вамъ прежде всего сегодняшнее воскресное евангеліе. Гдѣ библія?

— Какая библія?—спросила больная съ удивленіемъ.

— Ваша библія. Вы должны имѣть ее всегда возлѣ себя, у постели, чтобы всегда, во время мучительныхъ болей, черпать оттуда утѣшеніе и наставленія. Гдѣ я могу найти библію?

— Мы... У насъ нѣтъ библіи.—Больная смотрѣла на Готхольда, совершенно не понимая его.

— Въ домѣ нѣтъ библіи?!—Онъ вскочилъ.

— И вы удивляетесь, что Богъ посѣтилъ вашъ домъ нуждой и горемъ и ждете помощи отъ лѣкарствъ и докторскихъ напитковъ? Вы развѣ не молитесь Богу?

Она невнятно пробормотала что-то.

— Нѣтъ времени,—послышалось ему.

— Пока нужда не научитъ васъ молиться, не правда ли? Теперь у васъ больше времени, чѣмъ вамъ хотѣлось бы. Развѣ вообще не молятся въ этомъ бѣдномъ кварталѣ? Развѣ здѣсь живутъ только язычники и безбожники? Если такъ, то, конечно, никто не долженъ удивляться, что нищета здѣсь постоянный гость. Жизнь безъ Бога всегда ведетъ къ разврату и гибели. Надъ Богомъ нельзя смѣяться. Но Онъ постигаетъ вашу нужду, и Его милосердіе безгранично. Когда вы Ему довѣритесь, Онъ васъ пробудитъ и отпуститъ вамъ грѣхи. И я пришелъ, чтобы служить слабымъ орудіемъ Его всемогущей руки. Нѣтъ ли у васъ въ домѣ, по крайней мѣрѣ, сборника гимновъ?

Больная тихо покачала головой.

— Вонъ у этой Притцки, наверху, должна быть такая книга,—сказала она послѣ нѣкотораго размышленія, — она ходитъ иногда въ церковь. Вообще же, ходятъ немногіе. Рады бываютъ, если можно хоть отдохнуть въ воскресенье; дома все равно и въ воскресенье достаточно дѣла. И потомъ, не во что одѣться, чтобы идти въ церковь. Въ грязноой одеждѣ рабочаго вѣдь никто не пойдетъ. По правдѣ сказать, почему бы и нѣтъ? Хотя отъ этого сытъ не будешь, но послушать иногда все же можно съ удовольствіемъ. — Она говорила, тяжело дыша, съ полузакрытыми глазами, не глядя больше на Готхольда, какъ будто боялась его взгляда. Его самого волно-

вали противорѣчивыя ощущенія, но больше всего, онъ чувствовалъ состраданіе. Однако и священный гнѣвъ, загорѣвшійся въ немъ, не угасалъ. Какая тьма предъ нимъ! Какое бремя здѣсь свалилось на его плечи! Здѣсь достигнуть чего-либо, здѣсь побѣдить,—вотъ былъ бы трудъ, угодный Всемогущему. Но удастся ли ему?

— Молитва укрѣпитъ васъ,—произнесъ онъ, и его голосъ сталъ постепенно крѣпнуть, — потому что, сами того не сознавая, вы алчете и жаждете исцѣленія, исходящаго сверху.— Затѣмъ, опустившись на скамейку у кровати и сжимая по временамъ ея лихорадочно горячіе, исхудалые пальцы своими спокойными руками, холодными, потому что вся кровь его прилила къ головѣ и сердцу, онъ продолжалъ рѣчь. Онъ говорилъ о ея дѣтствѣ, когда впервые въ школѣ она услышала священную исторію библіи, и мать каждый вечеръ, складывая ея маленькія ручки, учила ее молиться. Не была ли она спокойна, не была ли счастлива тогда? И такъ же внутренно спокойна и такъ же счастлива она могла бы быть теперь и становиться счастливѣе съ каждымъ днемъ, если бы она захотѣла обратиться къ Богу. Что значатъ печаль и нищета, что значатъ болѣзни и муки! Когда, въ мучительномъ смертельномъ страхѣ, устремляешь взоръ на увѣнчанную терновымъ вѣнцомъ, окровавленную главу Того, Кто взялъ на Себя грѣхи міра и Кто умеръ мучительнѣйшей смертью, радость и утѣшеніе снисходятъ въ отягченное страданіями сердце, и любовь, сама себя принесшая въ жертву, разливаетъ неизсякаемый потокъ благодати на всѣхъ вмѣстѣ и каждаго въ отдѣльности изъ страдальцевъ, если даже ему суждены были мученія Іова.

Все теплѣе, все убѣдительнѣе, все вдохновеннѣе говорилъ Готхольдъ. Увлеченіе овладѣло имъ, глаза его горѣли. Больная не сводила своего лихорадочнаго взора съ пастора; иногда то холодный трепетъ пробѣгалъ по ея тѣлу, то судорожный кашель потрясалъ исхудалую грудь. Щеки ея горѣли, и, наконецъ, потекли медленно слезы. Старикъ на подоконникѣ пересталъ работать и, качая головой, пристально смотрѣлъ безумными глазами вокругъ. Стуча время отъ времени молоткомъ, чтобы вбить деревянный гвоздикъ въ подошву, онъ бормоталъ всякій разъ: „пасторъ у насъ! Пасторъ говоритъ проповѣдь у насъ! Вотъ оно что!“ Окончательно запуганныя и замолкнувшія дѣти сидѣли, скорчившись, тѣсно прижавшись другъ къ другу, не осмѣливаясь двинуться. Не понимая того, что здѣсь происходитъ, они испытывали только страхъ. Этотъ черный человѣкъ, казавшійся такимъ возбужденнымъ, поднимавшій по временамъ высоко руку, какъ будто съ угрозой уговаривавшій ихъ мать,

плакавшую изъ за этого, внушалъ имъ страхъ. Они крѣпко держали другъ друга за руки, а маленькій, съ голыми ногами, даже тихо взвизгнулъ, когда этотъ человѣкъ одинъ разъ слишкомъ повысилъ голосъ. Однажды открылась даже дверь, и рыжеволосая дѣвушка, теперь уже въ полномъ праздничномъ нарядѣ и въ гигантской шляпѣ, съ массой торчащихъ кверху черныхъ перьевъ, просунула голову, посмотрѣла съ любопытствомъ и со словами: „ну, и выдался денекъ!“ быстро попятилась назадъ, со смѣхомъ.

Готхольдъ ничего не замѣчалъ. Онъ все продолжалъ говорить. Онъ рисовалъ землю, какъ одну изъ подготовительныхъ ступеней къ тому, что будетъ потомъ, и объяснялъ, что жизнь въ иномъ мірѣ будетъ удѣломъ только тѣхъ, кто страдалъ здѣсь, если они умрутъ въ Іисусѣ Христѣ. Вѣрить, каяться, спасаться—въ этомъ все дѣло. Даже самый великій грѣшникъ можетъ еще спастись, если онъ раскается въ своихъ грѣхахъ и избавится отъ своего ожесточенія, чтобы обнять съ горячей вѣрой подножіе креста, пасть во прахъ къ Его ногамъ, биться головой, взывая: „Господи! Господи! умилосердись надо мною!“

Слезы больной становились все обильнѣе, ея горячія руки все крѣпче сжимали руки говорившаго и измученное, исхудавшее лицо выражало безумный страхъ и горячее чувство. Въ это время раздался вдругъ хриплый голосъ:

— Тысяча чертей! кто тамъ такъ кричитъ. Никогда не имѣешь покоя. Святой крестъ, я хочу имѣть покой!

Больная почти привскочила съ испуганнымъ громкимъ стономъ и разразилась сильнымъ кашлемъ, до удушья. Лицо ея вдругъ посинѣло и, взмахивая въ воздухѣ руками, она этимъ какъ будто облегчала себѣ дыханіе. Смертельно уставшая, съ выраженіемъ ужаса, она опустилась на постель.

— Кто это тамъ?—спросилъ Готхольдъ, показывая въ ту сторону, откуда продолжала раздаваться безпутная ругань.

— Это онъ, — отвѣтила она, лежа апатично съ закрытыми глазами.

— Вашъ мужъ?

— Я всегда жила съ нимъ,—прошептала она.

— Женщина,—сказалъ онъ,—вы великая грѣшница! Вы сильно нуждаетесь въ милосердіи.

Она кивнула, не открывая глазъ.

— И это ваши дѣти? — продолжалъ онъ спрашивать. И когда она снова кивнула утвердительно головой, онъ прибавилъ:—дѣти грѣха! Они также нуждаются въ большемъ состраданіи, чѣмъ другія, потому что вы предали ихъ жизнь проклятію. Почему этотъ человѣкъ не женился на васъ?

— Намъ было не до того, г. пасторъ. Да мы объ этомъ

и не думали. Хорошо было и такъ... Насъ всѣ принимали за мужа и жену; вѣдь всѣ живутъ такъ. Когда Люде уволили съ фабрики...

— Почему его уволили?

— Изъ-за водки. Онъ помѣщался внизу, возлѣ комнаты, гдѣ находилась топка; онъ говорилъ, что ни одинъ человѣкъ не вытерпѣлъ бы въ этомъ палящемъ зноѣ: необходимо было принимать противоядіе. Однажды напился, и его тотчасъ же прогнали.

Она продолжала свой разсказъ. Казалось, ей доставляло большое облегченіе говорить о своемъ несчастіи; но разговоръ утомлялъ ее, и она схватывалась за руку пастора, все время остававшуюся въ ея рукѣ, пока она лежала съ закрытыми глазами. Она говорила, запинаясь, безсвязно, часто прерывая себя припадками кашля и одышки. Это была длинная исторія страданій, простая, но захватывающая. И надъ всѣмъ ясно звучала одна жалоба на „фабрику".

Фабрика запретила имъ жениться, потому что они не могли указать средствъ, требуемыхъ по статуту Виллинга; фабрика погубила Людвига Мютцеля, самаго дѣльнаго и прилежнаго рабочаго, потому что принудила его пить водку; фабрика сдѣлала тупымъ и сумасшедшимъ того старика у окна, не обезпечивъ его искалѣченную жизнь на столько, чтобы онъ могъ существовать. А затѣмъ ея собственная болѣзнь! Зародышъ чахотки они, конечно, носятъ въ себѣ всѣ: двѣ сестры и одинъ братъ уже умерли. Но если бы она была въ состояніи беречь себя, не было бы такой вспышки, по крайней мѣрѣ, такъ скоро. Но какъ беречь себя при ежедневныхъ заботахъ о насущномъ хлѣбѣ! И потомъ эти трое родовъ... одинъ трехмѣсячный ребенокъ умеръ, и смерть его была, разумѣется, счастіемъ. Но самое худшее — здѣшній воздухъ. Онъ вызываетъ лихорадку. Такъ во всѣхъ этихъ домахъ здѣсь, внизу; то она поражаетъ одного, то другого. Съ этимъ прибавленіемъ для ея слабой груди все, конечно, пошло подъ гору. Если бы не докторъ и фрейлейнъ, давно былъ бы конецъ всему. Они умерли бы съ голода, потому что кто сталъ бы помогать имъ? Здѣсь, въ рѣчномъ кварталѣ, развѣ кто имѣетъ больше, чѣмъ ему нужно; напротивъ, у многихъ гораздо меньше. А Мице, ея сестра,—постоянная рана, которая точитъ ея сердце. Она всетаки любила всегда своего Люде, какъ онъ ни былъ грубъ и пьянъ; а теперь ясно, что онъ женится на Мице, какъ только она закроетъ глаза. А пока... они, вѣроятно, давно уже въ связи. Она не отдастъ мужа сестрѣ. Хотя онъ уже и забилъ ее до полусмерти, все же онъ былъ ея мужемъ и отцомъ этихъ драчуновъ, а что пьянство довело его до такого безпутства, въ

этомъ онъ не виноватъ. Но Мице всегда была скверная, въ этомъ она готова держать пари. Она, конечно, ей не сознается, но можно прямо сказать навѣрное, что она больше, чѣмъ съ однимъ въ связи, если не готова отдаться каждому. Работаетъ ли она еще вообще на хлопчато-бумажной фабрикѣ, гдѣ работала раньше, этого никто не знаетъ. На шляпы съ перьями и на различныя моды ни въ какомъ случаѣ не хватитъ того, что она тамъ заработываетъ; кромѣ того, она всегда суетъ потихонько сколько-нибудь Людвигу, чтобы онъ могъ выпить. И такая должна стать матерью этихъ бѣдныхъ дѣтокъ, такихъ хилыхъ, носящихъ въ себѣ, вѣроятно, уже зачатки ея болѣзни, въ особенности маленькая Густа, покрытая язвами, плачущая цѣлыми ночами! Страхъ передъ тѣмъ, что Мице заступитъ ея мѣсто, и что малюткамъ придется у нея плохо, дѣлаетъ ей смерть еще тяжелѣе, какъ будто все еще уже наступило. Вообще она не хочетъ умереть, нѣтъ, по правдѣ—не хочетъ. Для этого она слишкомъ молода. Что дала ей жизнь до сихъ поръ? Только теперь она должна была бы начаться, и только теперь она узнала, что можно было бы получить отъ нея. Вѣритъ ли онъ, Готхольдъ, что ей станетъ лучше? Докторъ говоритъ „да“ и барышня также; они ее, навѣрное, никогда не оставятъ. Люде и Мице, конечно, не понравится, если она останется жива.

Она говорила все съ большей и большей торопливостью, исполненной страха, сжимая все сильнѣе руки Готхольда; казалось, лихорадка жгла ее. Лицо ея горѣло, и безумная жажда жизни сквозила въ ея торопливыхъ словахъ. Она имѣла видъ умирающей; дыханіе ея участилось.

Готхольдъ былъ объятъ ужасомъ, но пересиливалъ себя.

— Не спрашивайте, что опредѣлилъ вамъ Господь: жизнь или смерть? — сказалъ онъ, поднявъ руку, — вручите Ему свою душу и примиритесь съ Нимъ! Не предавайтесь душою земному, но думайте о томъ, какъ вы предстанете предъ судомъ Всевышняго, когда Онъ призоветъ васъ. Освободитесь отъ праха и предоставьте заботы о вашихъ сиротахъ и обо всемъ, что будетъ послѣ васъ, Тому, Кто управляетъ тучами и вѣтромъ. Молитесь! Вы должны еще много молиться, потому что на вашей душѣ еще много грѣховъ.

И онъ снова началъ молиться горячо и страстно, еще страстнѣе, чѣмъ прежде. Казалось, что онъ молился о своихъ собственныхъ страданіяхъ.

Старикъ на окошкѣ давно уже пересталъ стучать и пристально смотрѣлъ передъ собою; дѣти плакали, потому что боялись, сами не зная чего, а больная тихо стонала отъ

О правѣ женщинъ быть адвокатами.

Въ настоящее время у насъ, по сообщеніямъ газетъ, возбужденъ вопросъ объ открытіи юридическаго факультета при высшихъ женскихъ курсахъ. Повидимому, вопросъ этотъ въ соотвѣтственныхъ научныхъ кругахъ принципіально уже рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ и только нуждается для своего разрѣшенія въ правительственной санкціи. Такимъ образомъ, движеніе по пути къ полному равноправію женщинъ съ мужчинами, сдѣлавшее такіе крупные шаги на Западѣ, въ Америкѣ и Австраліи, и у насъ въ Россіи проявляется все съ большею и большею силою. Еще только въ прошломъ году первый выпускъ женщинъ-врачей изъ женскаго медицинскаго института получилъ вполнѣ равныя права съ мужчинами. Признаніе законодателя за женщинами-врачами полнаго равноправія съ мужчинами-врачами явилось признаніемъ несправедливости установившагося ранѣе взгляда, что единственными профессіями для женщины, при самостоятельной борьбѣ за существованіе, могутъ быть скромная педагогическая дѣятельность, фельдшерская и акушерская. Теперь за женщинами предположено признать право на изученіе юридическихъ и соціальныхъ наукъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ страны, а отсюда одинъ шагъ и до признанія въ законодательномъ порядкѣ за женщинами права примѣнять къ жизни пріобрѣтенныя ими юридическія познанія и, слѣдовательно, вступать въ ряды присяжной адвокатуры. И несомнѣнно, что, какъ только женщинамъ предоставлена будетъ у насъ возможность проходить курсъ юридическихъ наукъ и получать соотвѣтствующіе дипломы, онѣ будутъ добиваться признанія за ними права на занятіе адвокатурой и отмѣны ст. 406^{29} учр. суд. уст., запрещающей нынѣ женщинамъ быть повѣренными по чужимъ дѣламъ. Вотъ поэтому-то я и хотѣлъ бы въ послѣдующемъ изложеніи дать нѣкоторые матеріалы для болѣе или менѣе правильнаго разрѣшенія даннаго вопроса, разсмотрѣть законодательныя постановленія иностранныхъ государствъ о правѣ женщинъ на занятіе адвокатурою, литературу, созданную попытками женщинъ добиться признанія за ними этого права, и мотивы, вызвавшіе у насъ появленія ст. 406^{29} учр. суд.

уст., запретившей женщинамъ ходатайство по чужимъ дѣламъ, а, слѣдовательно, и занятіе адвокатурой.

I.

Въ древнемъ Римѣ женщинамъ сначала было предоставлено право выступать на форумѣ, но вскорѣ „вслѣдствіе своей болтливости, а въ частности вслѣдствіе неприличнаго поведенія нѣкоей Кафраніи“, онѣ были лишены этого права. Изданъ былъ законъ (I, § 5, Dig III, 1, de postulando), гласившій: „Преторъ сдѣлалъ изъятіе для одного пола, запретивъ женщинамъ вести чужія дѣла. Основаніемъ же этого запрещенія явилось соображеніе не дать женщинамъ возможности (вопреки свойственной полу стыдливости) впутываться въ чужія дѣла, насилуя свойственную ихъ полу стыдливость, и выполнять мужскія обязанности. Поводъ же къ изданію закона подала Кафранія, въ высшей степени безчестная женщина, безпокоившая только судъ своими несправедливыми исками“. Въ Ѳеодосіевомъ кодексѣ за женщинами еще признано было право выступать на судѣ въ защиту собственныхъ интересовъ (De postulando II, 10), но Юстиніаново законодательство категорически высказалось за отнятіе у женщинъ права выступать на судѣ, установивъ въ видѣ общаго правила, что „женщины устраняются отъ выполненія всякихъ должностей, какъ общественныхъ, такъ и частныхъ: онѣ не могутъ быть судьями, нести административныя обязанности, выступать на судѣ, ходатайствовать по чужимъ дѣламъ, быть попечителями“. Средневѣковое право цѣликомъ заимствовало постановленія римлянъ по вопросу о правѣ женщинъ на занятіе адвокатурою, и Швабское Зерцало, напр., устанавливая, что женщины не могутъ выступать повѣренными на судѣ, сдѣлало оговорку, что это право женщины потеряли еще въ Римѣ вслѣдствіе недостойнаго поведенія Кафраніи. Такимъ образомъ Кафранія, сама того не подозрѣвая, сыграла роль злого генія не только для римскихъ, но и для средневѣковыхъ женщинъ. Въ „Coutumes de Beauvoisis“ мы тоже встрѣчаемъ запрещеніе женщинамъ выступать на судѣ, но съ оговоркой относительно защиты собственныхъ интересовъ. До половины XIX столѣтія женщины въ соціальномъ отношеніи находились повсемѣстно въ такомъ положеніи, что ни законодательство не считало нужнымъ отмѣнять освященныхъ вѣками постановленій о запретѣ женщинамъ вести свои и чужія судебныя дѣла, ни сами женщины не дѣлали серьезныхъ попытокъ освободиться отъ такого ограниченія ихъ свободы и доказать, что онѣ, не смотря на „свойственную ихъ полу стыдливость“, могутъ исполнять мужскія обязанности, и что кара, наложенная на римскихъ женщинъ за грѣхи Кафраніи и

болтливость первыхъ женщинъ-адвокатовъ на римскомъ форумѣ, не должна быть распространяема на нихъ. Лишь изрѣдка въ теченіе цѣлаго ряда столѣтій мы встрѣчаемъ случаи, когда женщинамъ удавалось добиться разрѣшенія выступить на судѣ въ защиту собственныхъ интересовъ. Такъ упоминаютъ о маркизѣ Креки (de Créqui), получившей разрѣшеніе выступить по своему дѣлу передъ парижскимъ парламентомъ. Въ 1807 году такая же милость была оказана кассаціоннымъ судомъ m-lle Legracieux de Lacoste. Со второй половины XIX вѣка поднятъ былъ вопросъ о женской эмансипаціи, женщины стали тяготиться тою экономическою зависимостью отъ мужчины, въ которую ихъ ставила невозможность быть самостоятельными въ борьбѣ за существованіе, и явилась потребность пріобрѣсти эту самостоятельность. Для этого необходимо было уничтожить тѣ преграды, которыя установлены были для ихъ дѣятельности закономъ, а еще болѣе нравами, традиціонными взглядами общества на особенности пола женщины, будто бы уступающаго мужчинамъ не только въ физическомъ, но и въ умственномъ и въ нравственныхъ отношеніяхъ. Нужно было доказать, что женщины смогутъ и должны быть не дорогою игрушкою для мужчинъ, предназначенною служить удовлетворенію ихъ прихотей, а друзьями, равноправными товарищами въ борьбѣ съ жизнью, которыми нужно дорожить, такъ какъ въ противномъ случаѣ онѣ всегда сумѣютъ обойтись и безъ мужчины и не остаться безпомощными. Женщины, при содѣйствіи передовыхъ людей всего міра, энергично принялись за осуществленіе этой задачи и медленно, но вѣрно, не смотря на ожесточенное противодѣйствіе и насмѣшки мужчинъ, желавшихъ сохранить свою власть и женщинъ изъ „кукольнаго дома", стали разрушать воздвигнутые исторіей на ихъ пути препятствія и добиваться признанія за ними со стороны закона ихъ права „человѣка".

Однимъ изъ препятствій на этомъ пути явилось запрещеніе женщинамъ заниматься адвокатурою, и вотъ мы видимъ, что, начиная съ 1869 года, прежде всего въ Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, возникаетъ движеніе въ пользу предоставленія женщинамъ права свободнаго занятія этого рода дѣятельностью. Въ нѣкоторыхъ штатахъ союза условія допущенія къ занятію адвокатурою (полученія званія attorney, counsellor) не были опредѣлены законодательнымъ порядкомъ, въ другихъ они были опредѣлены въ общихъ выраженіяхъ: напримѣръ, требовалось, чтобы адвокатъ былъ „гражданиномъ", „избирателемъ" и пр. Такая неопредѣленность законодательныхъ постановленій повела къ тому, что въ суды нѣкоторыхъ штатовъ въ періодъ времени съ 1869 года стали во множествѣ поступать просьбы женщинъ о допущеніи ихъ къ принесенію адвокатской присяги. Въ большинствѣ случаевъ къ просьбамъ этимъ отнеслись вполнѣ сочувственно, и черезъ ко-

роткій промежутокъ времени въ двѣнадцати штатахъ женщины получили разрѣшеніе вступить въ адвокатуру, хотя право это и не было опредѣленно предоставлено имъ закономъ. Не опираясь, однако, на твердую почву закона, разрѣшенія эти носили чисто случайный характеръ, выдача ихъ зависѣла отъ усмотрѣнія того или другого суда, и, такъ какъ подобное разрѣшеніе было дѣйствительно только для суда, выдавшаго его, то и выходило, въ особенности въ большихъ городахъ, раздѣленныхъ въ судебномъ отношеніи на нѣсколько округовъ, что женщины-адвокаты, признанныя въ одномъ округѣ, не признавались въ другомъ. Такое положеніе дѣла, конечно, не являлось удовлетворительнымъ, тѣмъ болѣе, что высшіе суды, увидѣвъ, что женское движеніе въ этомъ направленіи принимаетъ все большіе размѣры, перестали давать женщинамъ просимыя ими разрѣшенія, указывая на неполноту и неясность закона по этому вопросу. Особенно упорно стали оказывать сопротивленіе этимъ не находящимъ себѣ прямого обоснованія въ законѣ притязаніямъ женщинъ суды штатовъ Новой Англіи *). Женщины и тутъ сдѣлали попытку бороться и доказать, что, для признанія за ними права избирать себѣ свободно профессію для борьбы за существованіе, не нужно издавать спеціальныхъ законовъ, а это само собою разумѣется изъ общаго смысла конституціи. Въ 1872 г. одна дама (г-жа Бродуэлль), получившая отказъ на свою просьбу о допущеніи ее къ занятію адвокатурой въ высшемъ судѣ штата Иллинойсъ, обжаловала это постановленіе въ федеральный судъ и доказывала, что оно, вопреки прим. къ п. XIV федеральной конституціи, ограничиваетъ ея естественное право „человѣка“ на свободное занятіе тою или другою профессіей въ борьбѣ за существованіе. Жалоба ея, однако, не имѣла успѣха, т. е. высшій судъ Соединенныхъ Штатовъ призналъ, что занятіе адвокатурой не является однимъ изъ тѣхъ „правъ и преимуществъ“, которыхъ законодательство штата не могло бы ограничить, и что прим. XIV къ федеральной конституціи не касается права каждаго штата или установленія своихъ условій для пріема въ сословіе адвокатовъ.

Такимъ образомъ, стремленія женщинъ добиться признанія за ними правъ „человѣка“, признанныхъ за мужчинами, равно какъ и получить наравнѣ съ мужчинами доступъ въ адвокатуру безъ изданія по этому поводу спеціальныхъ законодательныхъ постановленій, не увѣнчались полнымъ успѣхомъ, но энергія и настойчивость, проявленныя женщинами для достиженія этой цѣли, были такъ велики *), что законодательство штатовъ само поспѣшило

---

*) Въ западныхъ штатахъ женщинъ постоянно охотно допускали въ адвокатуру (напр. штатъ Утаха. Englishwomen's Review 1883 г. р. 18.

**) Г-жа Бродуэлль, получивъ отказъ въ своей просьбѣ, во главѣ кружка женской молодежи принялась за издательство юридическаго журнала „The Chicago Legal News“, а затѣмъ стала издавать „Сводъ рѣшеній апелляціон-

стать на сторону ихъ, и мы видимъ, какъ одинъ штатъ за другимъ какъ бы торопятся издавать спеціальные законы, признающіе за женщинами право на занятіе адвокатурой. За время съ 1878 по 1886 годъ спеціальные законы по этому вопросу были изданы въ штатахъ: Висконсинъ, Огіо, Иллинойсъ, Калифорнія, Миннезота, Массачузетсъ, Іова и Нью-Іоркъ. Законы Иллинойса и Калифорніи установили въ видѣ общаго правила, что никому, не взирая на его полъ, не возбраняется осуществлять свое призваніе въ жизни и заниматься любой профессіей, развѣ только она не воспрещена. Законы Іова и Миннезота опредѣлили, что *каждый* можетъ заниматься профессіей атторнея на условіяхъ... Законы Массачузетса, Нью-Іорка, Огіо и Висконсина прямо говорятъ, что вопросъ идетъ о допущеніи женщинъ въ адвокатуру *). Въ этотъ же промежутокъ времени — 15 февраля 1879 г. — изданъ былъ и федеральный законъ, открывшій женщинамъ доступъ въ адвокатуру высшаго суда Соединенныхъ Штатовъ. Въ силу этого закона, каждая женщина, пробывшая три года въ составѣ адвокатуры при высшемъ судѣ отдѣльнаго штата или территоріи, пріобрѣтала право вести дѣла въ высшемъ судѣ союза. Такимъ образомъ былъ окончательно открытъ американкамъ доступъ къ адвокатской трибунѣ; и онѣ въ самое короткое время сумѣли доказать, что онѣ не только съ честью могутъ осуществлять признанное за ними съ такимъ трудомъ право, но ни въ чемъ не уступаютъ мужчинамъ, какъ юристы-практики и юристы-теоретики. Въ 1886 году образовывается первое общество женщинъ-юристовъ (The Equity Club), черезъ два года— международное общество женщинъ-адвокатовъ (Womans International Bar Association), поставившее себѣ цѣлью: 1) открытіе новыхъ юридическихъ школъ для женщинъ, 2) устраненіе препятствій къ допущенію женщинъ въ адвокатуру, 3) распространеніе свѣдѣній, касающихся юридическаго положенія женщины и 4) стремленіе къ улучшеніе этого положенія. Къ 1893 году въ 23 штатахъ Америки было уже 158 женщинъ, занесенныхъ въ списки повѣренныхъ по судебнымъ дѣламъ, изъ коихъ 12 могли вести дѣла въ высшемъ судѣ штатовъ. Въ 1893 году состоялся въ Чикаго первый конгрессъ женщинъ-адвокатовъ, въ 1894 году (3—5 сентября)—второй въ Нью-Іоркѣ подъ предсѣдательствомъ миссъ Альмеды Гайтченъ („Юрид. Газ." 1894 г. № 66). Своею неутомимою дѣятельностью и энергіею женщины въ Соединенныхъ Штатахъ

наго суда штата Иллинойсъ", слѣдомъ за первымъ появился и второй юридическій журналъ „Chicago Law Times" подъ редакціей г-жи Уайтъ. Въ короткое время журналы эти стали первоклассными мѣстными органами („Право" № 46. 1904 г., ст. Г. М. Португалова).

*) Одними изъ послѣднихъ законовъ, касавшихся признанія за женщинами права на занятіе адвокатурою въ Америкѣ, явились законы штатовъ Невада, Онтаріо и Нью-Джерсея.

добились даже признанія за ними права быть экзаменаторами оканчивающихъ юридическія школы, кандидатовъ на судебныя должности и ходатаевъ при судахъ, то есть раздавать дипломы тѣмъ самымъ мужчинамъ, собратья которыхъ въ старой Европѣ и до настоящаго времени стремятся сохранить въ женщинѣ во что бы то ни стало „Das ewig weibliche" и не пустить ее дальше кухни и дѣтской, съ комичной въ нѣкоторыхъ случаяхъ настойчивостью и упорствомъ отстаивая старое римское положеніе, что „tutela mulierum perpetua est propter sexus imbecillitatem", и забывая, что все на свѣтѣ растетъ, движется впередъ, а двѣ съ половиною тысячи лѣтъ являются срокомъ черезчуръ достаточнымъ, чтобы всякое дитя успѣло вырости изъ пеленокъ и потребовать освобожденія отъ опеки.

II.

Въ Западной Европѣ женское движеніе, возникшее въ Америкѣ, и успѣхи, достигнутые тамъ женщинами, оказали свое вліяніе и вызвали рядъ попытокъ со стороны отдѣльныхъ женщинъ снять тѣнь, наброшенную на всѣхъ женщинъ въ теченіе тысячелѣтій образомъ „improbissi mae Cafraniae", и проникнуть въ ряды адвокатуры.

Попытки эти носили частный характеръ и, какъ не имѣвшія опоры въ постановленіяхъ законодательныхъ, встрѣтили суровый отпоръ. По случайному совпаденію одна изъ первыхъ такихъ попытокъ была сдѣлана именно въ Италіи, на родинѣ Кафраніи, въ 1883 году докторомъ права Туринскаго университета Лидіей Поэто де-Пиньероло. Она обратилась въ совѣтъ туринскихъ адвокатовъ съ просьбой о допущеніи ея въ сословіе. Совѣтъ принялъ ее большинствомъ голосовъ, но главный прокуроръ обжаловалъ это постановленіе въ апелляціонный судъ, который и отмѣнилъ его (14 ноября 1883 г.).

Г-жа Поэтъ перенесла дѣло въ кассаціонный судъ, но тотъ утвердилъ постановленіе палаты, оставивъ ея жалобу безъ послѣдствій. Судъ мотивировалъ свое заключеніе тѣмъ, что адвокатская профессія не можетъ быть сравниваема съ другими профессіями, для занятія которыми достаточно прослушать курсъ наукъ и получить дипломъ. Обязанности адвоката нѣчто большее, чѣмъ только профессія; это — служеніе общественное, и въ то время, какъ лица другихъ профессій вольны принять предлагаемыя имъ дѣла или отказаться отъ нихъ, адвокаты не могутъ отказываться отъ предлагаемыхъ имъ дѣлъ, въ особенности, если предложеніе исходитъ отъ судебной власти. Признавая адвокатовъ вспомогательнымъ органомъ юстиціи, итальянское законодательство организовало изъ адвокатовъ сословіе съ законнымъ

представительствомъ, установивъ для нихъ особыя преимущества, при переходѣ въ магистратуру, для полученія званія судьи, должностей члена апелляціоннаго и кассаціоннаго судовъ. Разъ женщины будутъ допущены въ адвокатуру, имъ нельзя будетъ отказать въ правѣ на занятіе судейскихъ должностей, чего безусловно не предусматривалъ законодатель. Такъ какъ адвокатская профессія является въ то же время общественнымъ служеніемъ, или, по крайней мѣрѣ, чѣмъ-то въ родѣ общественнаго служенія, то недостаточно для допущенія женщинъ въ адвокатуру одного заявленія, что въ дѣйствующемъ законодательствѣ нѣтъ прямого запрещенія женщинамъ этого рода дѣятельности. Необходимо, чтобы было издано постановленіе, разрѣшающее женщинамъ занимать должности и исполнять обязанности, имѣющія не только частно-правовой, но и публичный характеръ (Полное изложеніе рѣшеній апелляціоннаго и кассаціоннаго судовъ по этому дѣлу можно найти въ книгѣ M. Santoni de Sio „La donna et l'avvocatura“ Roma 1894 г., стр. 8—26). Съ такою мотивировкою рѣшенія съ формальной стороны нельзя не согласиться. Судъ исключительно сталъ на почву закона, за точнымъ соблюденіемъ котораго онъ призванъ слѣдить, и призналъ, что выполненіе просьбы Поэтъ де-Пиньероло явилось бы прецендентомъ, за которымъ послѣдовало бы множество другихъ просьбъ, и который раздвинулъ бы рамки законовъ въ предѣлахъ, не предусмотрѣнныхъ законодателемъ. Но нельзя не пожалѣть, что, отказывая Поэтъ въ ея просьбѣ, судъ, какъ можно думать, съ своей стороны не обратилъ вниманія законодателя на этотъ случай, указывавшій на новое, не предусмотрѣнное непосредственно имъ жизненное теченіе. Съ другой стороны, категорическій отказъ суда въ одномъ случаѣ лишилъ на долгое время женщинъ въ Италіи смѣлости дѣлать другія подобныя же попытки въ этомъ направленіи, а, слѣдовательно, возможности испробовать свои силы на практикѣ прежде разрѣшенія этого вопроса въ законодательномъ порядкѣ, и накопить достаточно матеріала, который убѣдилъ бы законодателя, что женщинамъ Италіи можетъ быть предоставлено это право общественнаго служенія, и что онѣ, подобно своимъ американскимъ сестрамъ, найдутъ въ себѣ силы съ честью осуществлять его. Америка на первыхъ порахъ, какъ мы видѣли выше, шире и менѣе формально взглянула на дѣло въ нѣкоторыхъ штатахъ, и потому разрѣшеніе вопроса о женской адвокатурѣ послѣдовало въ ней скорѣе и проще. Дѣло Лидіи Поэтъ де-Пиньероло вызвало цѣлую литературу въ Италіи по вопросу о правѣ женщинъ заниматься адвокатурою. Въ одинъ годъ (1884), кромѣ указаннаго выше сочиненія M. Santoni de Sio, появились изслѣдованія проф. Моргіери „La donna avvocate“, проф. Видари, „La donna puo far l'avvocato?“, Габба „La donna non avvocato“ („Суд. Газ.“ 1884, № 42, „Журн. Гр. и Уг. Пр.“ 1884, кн. 8). Я позволю себѣ нѣсколько остано-

виться на работахъ Видари и Габбо, какъ представителей двухъ противоположныхъ мнѣній; подробное изложеніе этихъ работъ имѣется въ статьѣ г. Вульфертъ въ „Ж. Гр. и Уг. Пр.“ 1884 г. кн. 8, стр. 34—37, „Вопросъ о женской адвокатурѣ въ Италіи“. Габба — горячій и убѣжденный противникъ допущенія женщинъ въ адвокатуру. По его мнѣнію, вопросъ этотъ долженъ обсуждаться не на почвѣ положительнаго права, а на почвѣ историческихъ условій жизни женщины, всегда стоявшей въ зависимости отъ мужчины, на почвѣ доктрины о соціальныхъ отношеніяхъ половъ. Женщины и мужчины не могутъ быть разсматриваемы, какъ равныя существа, на которыя можно смотрѣть съ точки зрѣнія ученія о свободѣ индивидуумовъ. Это — два пола, взаимно дополняющіе другъ друга, и истинная свобода заключается въ томъ, чтобы каждому изъ половъ была предоставлена свобода дѣйствія и развитія въ той сферѣ, которая предопредѣлена ему самой природой. Истинное равенство и состоитъ въ томъ, чтобы „неравно“ трактовать неравныхъ индивидуумовъ. Женская адвокатура—безуміе; назначеніе женщины—семья, душою которой она является, а не публичная жизнь и занятіе должностей, которымъ женщина можетъ только вредить. Еще можно согласиться съ предоставленіемъ женщинѣ права заниматься акушерствомъ, медициною, педагогіей, но занятіе адвокатурой противорѣчитъ даже правовому понятію свободы адвоката, такъ какъ женщина, въ особенности замужняя, ограничена въ своей юридической правоспособности и дѣеспособности, и тѣмъ болѣе, значитъ, не можетъ отстаивать права и интересы другихъ. Съ этими разсужденіями Габба, однако, трудно помириться. Разсматривая оба пола, только какъ „дополняющія другъ друга“ начала, и считая, что съ этой точки зрѣнія назначеніемъ женщины можетъ быть только семья, онъ упустилъ изъ виду ту, очень значительную за послѣднее время, категорію женщинъ, которыхъ судьба обошла и не дала возможности найти свое „дополняющее“ начало, выполнить свое назначеніе и устроить семью. Затѣмъ онъ не остановилъ своего вниманія и на тѣхъ женщинахъ, которыхъ смерть мужа или утрата имъ работоспособности заставляетъ именно въ интересахъ семьи, какъ своего назначенія, искать себѣ заработка въ занятіи той профессіей, къ которой она чувствуетъ себя способною, и, наконецъ, онъ совершенно не выяснилъ тѣхъ причинъ, которыя „безсемейному“, не нашедшему себѣ „дополняющаго начала“ мужчинѣ позволяютъ считаться цѣльнымъ индивидуумомъ и осуществлять въ жизни то или другое призваніе или назначеніе, женщину же, при тѣхъ же условіяхъ, какъ не выполняющую своего назначенія, совершенно вычеркиваютъ изъ общаго дѣла жизни. Противоположнаго Габба взгляда на женщинъ-адвокатовъ держится Видари. Онъ—сторонникъ признанія за женщинами права на занятіе адвокатурой, но въ

своемъ изслѣдованіи совсѣмъ не затрогиваетъ тѣхъ общихъ вопросовъ о назначеніи женщины, отношеніяхъ половъ, на которыхъ строитъ свои соображенія Габба, а старается опровергнуть доводы палаты въ рѣшеніи по дѣлу Лидіи Поэтъ де-Пиньероло, а затѣмъ обосновать правильность своего взгляда на толкованіи отдѣльныхъ статей положительнаго права. Онъ указываетъ, что ссылка, сдѣланная палатой въ своемъ рѣшеніи, на Ульпіана не можетъ имѣть рѣшающее значеніе въ данномъ вопросѣ, такъ какъ Ульпіанъ не является законодателемъ Италіи; съ другой стороны, то соображеніе, что женщины, будучи допущены въ адвокатуру, согласно законамъ о судоустройствѣ, не получатъ возможности, подобно мужчинамъ-адвокатамъ, быть назначаемыми на должности судей, членовъ апелляціонной и кассаціонной палаты, тоже не имѣетъ существеннаго значенія, такъ какъ назначеніе на должности адвокатовъ — право правительства, а не обязанность. Затѣмъ онъ останавливается на аргументахъ палаты, что помѣхою для женщинъ къ допущенію ихъ въ адвокатуру является ихъ костюмъ и свойственная ихъ полу красота, которая будто бы можетъ оказывать нежелательное вліяніе на судей-мужчинъ и присяжныхъ, и совершенно справедливо замѣчаетъ, что костюмъ является только внѣшнимъ обстоятельствомъ, которое женщины, искренно стремящіяся къ достиженію своей цѣли, могутъ и устранить, замѣнивъ его другимъ, болѣе похожимъ на мужской, красота же женщины-адвоката ничуть не болѣе опасна для судей и присяжныхъ, чѣмъ красота женщины-подсудимой, красивой кліентки. Переходя къ обзору положительнаго права, Видари приходитъ къ заключенію, что и публичное право не различаетъ настолько положенія женщины и мужчины, чтобы дать основаніе къ закрытію женщинамъ доступа въ адвокатуру. Ст. 1 гражд. улож. гласитъ, что „всякій гражданинъ пользуется всѣми гражданскими правами, если не лишенъ таковыхъ по судебному приговору"; изъ ст. же 24 итальянскаго статута, по мнѣнію его, можно сдѣлать выводъ, что женщина за исключеніемъ случаевъ, положительно оговоренныхъ въ законѣ, принадлежитъ къ обывателямъ, пользующимся всѣми гражданскими и политическими правами. Что касается замужнихъ женщинъ, ограниченныхъ въ своихъ правахъ на полученіе довѣренностей властью мужа (ст. 1743 гр. ул.), то и для нихъ можно обойти это препятствіе къ пріему въ адвокатуру путемъ выдачи мужемъ женѣ общаго положенія на полученіе довѣренностей для веденія дѣлъ. Эти доводы Видари представляются, конечно, мало убѣдительными, такъ какъ для всѣхъ ясно, что итальянское законодательство, говоря о „гражданахъ и обывателяхъ", опредѣляя ихъ права общественной и частной дѣятельности, имѣло въ виду только мужчинъ и не предусматривало предъявленія претензіи со стороны женщинъ на участіе въ общественной жизни, но за этой попыткой придать

столь распространительное толкованіе закону нельзя не признать серьезнаго значенія, такъ какъ она выдвинула на очередь назрѣвшій вопросъ о необходимости болѣе урегулировать законодательнымъ порядкомъ положеніе женщины, какъ субъекта публичнаго права, и опредѣлить сферу ея дѣятельности. Видари не скрываетъ, что онъ считаетъ истиннымъ призваніемъ женщины, ея царствомъ—домъ и семью, но всетаки онъ нашелъ необходимымъ выступить на защиту ея правъ „человѣка". „Только при рѣшительномъ и непреодолимомъ призваніи къ адвокатурѣ,—заканчиваетъ онъ свое разсужденіе,—пусть женщина не найдетъ препятствій со стороны судей, долженствующихъ примѣнять законъ, равный для всѣхъ" (см. Вульфертъ „Ж. Гр. и Уг. Пр." 1884 г. кн. 8).

Въ Швейцаріи вопросъ о допущеніи женщинъ въ адвокатуру тоже возникъ въ 1887 году. Въ Цюрихѣ (гдѣ нѣтъ спеціально адвокатнаго сословія) докторъ права г-жа К. выступила на судѣ въ качествѣ адвоката, но не была допущена судомъ къ защитѣ, на основаніи ст. 174 процессуальнаго кодекса, требующаго, чтобы повѣренные на судѣ имѣли права „дѣйствительнаго гражданина" (de citoyen actif). Г-жа К. подала жалобу въ федеральный судъ, признавая кассаціоннымъ поводомъ то обстоятельство, что цюрихскій кантональный судъ запрещеніемъ ей практики нарушилъ ст. 4 федеральной конституціи, согласно коей въ Швейцаріи не существуетъ привилегій ни по мѣсту, ни по рожденію, ни для семействъ, ни для лицъ. Федеральный судъ не уважилъ просьбу просительницы, хотя и не далъ прямого отвѣта на вопросъ, нарушена ли конституція непризнаніемъ за женщинами права „дѣйствительнаго гражданина". Онъ нашелъ: 1) что вопросъ касается толкованія кантональнаго закона и выходитъ изъ предѣловъ его компетенціи, 2) что въ федеральной конституціи не содержится постановленій для выясненія, въ какомъ смыслѣ право „дѣйствительнаго гражданства" предполагаетъ возможность выступать повѣреннымъ третьихъ лицъ въ судахъ, и 3) что, допустивъ предположеніе, что въ Цюрихѣ подъ правомъ „дѣйствительнаго гражданина" разумѣется право голосованія, нельзя въ данномъ случаѣ усмотрѣть нарушеніе конституціи, такъ какъ право голоса имѣютъ только мужчины, а не женщины (M. Ostrogorzky „La femme au point de vue du droit publique. Paris 1892 г. p. 155; Entscheidungen des Schweitzerischen Bundesgerichts 1887. vol XIII. p. I.). Такимъ образомъ ясно, что и въ Швейцаріи, какъ и въ Италіи, судъ не счелъ возможнымъ признать право женщинъ на занятіе адвокатурою ихъ естественнымъ правомъ „человѣка", вытекающимъ изъ того, что мужчинамъ предоставлено это право законодателемъ, но, съ другой стороны, онъ отмѣтилъ въ этомъ вопросѣ неполноту закона, не предусмотрѣвшаго подобныхъ случаевъ *).

---

*) Въ 1895 году, однако, цюрихскій кантональный судъ измѣнилъ свой

Въ слѣдующемъ 1888 г. тотъ же вопросъ возникъ въ Бельгіи. Кандидатъ правъ, Марія Попеленъ обратилась въ брюссельскій судъ съ просьбой допустить ее къ принесенію адвокатской присяги. На судѣ генеральный прокуроръ Фанъ-Шооръ доказывалъ, что при современномъ положеніи бельгійскаго законодательства не можетъ быть и рѣчи о допущеніи женщинъ въ адвокатуру; для этого необходимо изданіе новаго, спеціальнаго закона. Если обратиться къ исторіи, то можно увидѣть, что еще Дигесты— болѣе 1200 лѣтъ назадъ—запретили женщинамъ плэдировать на судѣ; законъ 1810 года хранитъ молчаніе относительно женщинъ, но, зная отношеніе Наполеона къ адвокатамъ, какъ къ „сословію болтуновъ", можно съ увѣренностью сказать, что онъ не допустилъ бы женщинъ, которыхъ онъ еще болѣе не любилъ, въ это сословіе. Проектъ новаго кодекса, по мнѣнію прокурора, проводитъ тоже основную идею, что право занятія адвокатурой принадлежитъ мужчинамъ (hommes), такъ какъ въ противномъ случаѣ законодатель употребилъ бы не терминъ „hommes", а терминъ „toute personne" (на это противникъ его, Галери остроумно возразилъ, что при такой терминологіи весь уголовный кодексъ, гдѣ говорится только объ „hommes"—непримѣнимъ къ женщинамъ). Помимо этого, служеніе адвоката—общественное служеніе, которое настолько высоко цѣнится законодателемъ, что онъ предоставляетъ адвокатамъ замѣнять (monter aux siéges) судей. При такихъ условіяхъ невозможно предоставить это званіе женщинѣ, даже имѣющей дипломъ, тѣмъ болѣе, что женщины, въ особенности замужнія, не имѣютъ необходимой самостоятельности и даже въ зародышѣ (en germe) не обладаютъ полной гражданской правоспособностью. Наконецъ, материнство, возможность наступленія даже родовъ (!) въ судѣ являются непреодолимымъ препятствіемъ, которое должно устранять женщину отъ общественной дѣятельности. Защитники Попеленъ, Галери и Л. Франкъ доказывали, что основнымъ положеніемъ бельгійскаго законодательства является юридическая правоспособность женщины, и что въ законѣ нѣтъ постановленій, запрещающихъ женщинѣ заниматься адвокатурою, въ то время какъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда законодатель почему-либо желалъ ограничить ея сферу дѣятельности (какъ, напр., въ законѣ о нотаріусахъ отъ 25 вантоза XI года), онъ это прямо оговаривалъ. Поэтому необходимъ спеціальный законъ, *запрещающій* женщинамъ занятія адвокатурою, въ противнымъ же случаѣ при молчаніи закона судьи должны стать на точку зрѣнія естественной справедливости, согласно которой

взглядъ на этотъ вопросъ, допустивъ въ январѣ этого года выступить на судѣ въ качествѣ адвоката кандидата правъ цюрихскаго университета г-жу Макенротъ (Жен. юрид. кал. 1904 года), а въ 1899 году женщины во всѣхъ швейцарскихъ судахъ допущены къ занятію адвокатурой (Браунъ, „Женскій вопросъ" стр. 123).

женщины должны быть признаваемы равными съ мужчинами. Что же касается права адвокатовъ „замѣнить судей“, то оно не говоритъ противъ женщинъ, такъ какъ и при настоящемъ положеніи вещей ясно не распространяется, напр., на иностранныхъ адвокатовъ, выступающихъ во французскихъ судахъ, а слѣдовательно, и не является столь существеннымъ для дѣятельности адвоката, чтобы лишніе этого права не давало возможности заниматься адвокатурой. „Мы просимъ,—заключилъ свою рѣчь Галери,—чтобы вы провозгласили равенство женщины; просимъ васъ объ этомъ во имя христіанства, которое, явившись протестомъ противъ развращенности и порочности Рима, возстановило право и свободу женщины, матери, супруги, всѣхъ тѣхъ, кого мы привыкаемъ чтить и любить съ момента нашего появленія на свѣтъ Божій (Indépendance belge 4 и 13 декабря 1888 г.; Л. Франкъ „La femme avocat“, Brux. 7888).

Такимъ образомъ обѣ стороны сошлись въ томъ, что по вопросу о допущеніи женщинъ въ адвокатуру въ бельгійскомъ законодательствѣ нѣтъ прямыхъ указаній закона, но въ то время, какъ одна сторона, указывая на особый общественный характеръ адвокатской профессіи, требовала на основаніи неполноты закона отказать Попеленъ въ ея просьбѣ, другая—на этомъ же основаніи, во имя естественной справедливости, поддерживала ея просьбу. Судъ согласился съ мнѣніемъ прокурора, и это рѣшеніе нельзя не признать правильнымъ. Не смотря на несостоятельность ссылокъ прокурора на выработанныя 1200 лѣтъ тому назадъ положенія дигестъ, на нѣкоторую даже абсурдность его доводовъ о возможности родовъ у женщины-адвоката на судѣ, судъ не могъ принять на себя предлагаемую защитою задачу и „провозгласить равенство женщины“. Это уже дѣло законодателя, и суду, убѣдившемуся въ неполнотѣ закона по данному вопросу, оставалось только сообщить законодательной власти о новомъ, предъявленномъ жизнью, требованіи, тѣмъ болѣе, что, дѣйствительно, адвокатская профессія является профессіей исключительной, носящей общественно-правовой характеръ. На разсмотрѣніи этого вопроса останавливается и, между прочимъ, при изложеніи дѣла Марія Попеленъ, М. Я. Острогорскій въ своей интересной книгѣ „La femme au point de vue du droit publique (Paris 1892 г. p. 150 — 155). По его мнѣнію, если въ законодательствѣ той или другой страны нѣтъ прямыхъ постановленій, открывающихъ женщинамъ доступъ въ адвокатуру, то это право имъ можетъ быть предоставлено лишь при томъ условіи, если будетъ признано, что занятіе адвокатурой является частной профессіей, своего рода промысломъ и отнюдь не представляетъ изъ себя общественнаго служенія. Эту точку зрѣнія и отстаиваютъ защитники женщинъ, ссылающіеся на постановленія частнаго права, на соціальныя

науки, христіанство, несправедливость излишняго ограниченія гражданской правоспособности женщинъ, наконецъ, на то обстоятельство, что адвокаты, свободные въ своей дѣятельности, не назначаются правительствомъ и не охраняются имъ отъ возможныхъ посягательствъ на ихъ личность при исполненіи и по поводу исполненія адвокатами своихъ обязанностей такъ, какъ охраняются должностныя лица. Но со всѣми этими доводами нельзя согласиться.

Адвокатъ, хотя и стоитъ независимо отъ правительства, свободенъ въ своихъ убѣжденіяхъ и выборѣ кліентовъ, не является „чиновникомъ", правительственнымъ должностнымъ лицомъ, но онъ въ то же время несетъ важное общественное служеніе. Тѣ факты, что онъ не назначается правительствомъ, не охраняется правительствомъ, какъ другія должностныя лица, касаются только его личнаго положенія, его отношенія къ правительству, но, какъ общественный дѣятель, онъ составляетъ необходимый элементъ правосудія, безъ котораго судъ не можетъ функціонировать правильно, и въ судѣ онъ всегда стоитъ на стражѣ общества. Нельзя говорить, что служеніе адвоката, въ противовѣсъ службы правительственной, не налагаетъ обязанностей. Отдѣльный адвокатъ свободенъ въ выборѣ кліентовъ (и это его драгоцѣннѣйшее право) такъ же, какъ и кліентъ свободенъ въ выборѣ адвоката, но не должно быть такого дѣла въ судѣ, при разборѣ котораго не было бы „адвоката". „Si non habebunt advocatum, ego dabo" гласитъ старое преторское правило, и въ тѣхъ случаяхъ, когда подсудимый не имѣетъ защитника, законъ (ст. 294 Code d'instr. crim) беретъ на себя обязанность дать ему его. Если дѣятельность адвоката и носитъ до нѣкоторой степени характеръ профессіи, то во всякомъ случаѣ она не должна становиться промысломъ, и, вступая въ стѣны суда, адвокатъ долженъ быть только служителемъ правосудія, несущимъ на себѣ всю отвѣтственность передъ обществомъ за выполненіе этого служенія. Денежная сторона вопроса должна играть столь незначительную роль въ дѣятельности адвоката, что, по правиламъ, напримѣръ, французской адвокатуры, адвокатъ, позволившій себѣ взыскать судомъ гонораръ съ кліента, подлежитъ исключенію изъ сословія. Доказательствомъ того, что можно нести общественное служеніе, не будучи „чиновниками", является институтъ присяжныхъ засѣдателей, имѣющій много общаго съ адвокатурой. Присяжные засѣдатели не входятъ въ составъ „суда", они выбираются по жребію и, по выполненіи своей миссіи, снова возвращаются въ ряды народа. Такимъ образомъ нужно придти къ заключенію, что адвокатъ, не являясь чиновникомъ, несетъ общественное служеніе, а если такъ, то женщины, справедливо или несправедливо, исключенныя законодателемъ изъ участія въ обще-

ственной жизни, не могутъ быть допускаемы въ сословіе адвокатуры. Послѣ дѣла Маріи Попеленъ вопросъ о допущеніи женщинъ въ адвокатуру въ Бельгіи, такъ же какъ и въ Италіи послѣ дѣла Поэтъ, заглохъ до настоящаго времени, и всѣ попытки женщинъ въ этомъ направленіи остались безрезультатными (Браунъ „Женскій вопросъ“ с. 889) *).

Изъ другихъ странъ Европы въ Даніи указомъ 12 мая 1882 года женщинамъ предоставлено было право держать нѣкоторые экзамены по юридическимъ наукамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ оговорено, что этимъ онѣ не пріобрѣтаютъ права на занятіе адвокатурой, и указъ этотъ сохранилъ свою силу до настоящаго времени. Въ Германіи и Австріи вопросъ о женской адвокатурѣ еще и не подымался, такъ какъ въ этихъ странахъ женское движеніе шло сравнительно медленно; въ Англіи до настоящаго времени женщины получили лишь право занимать должность юрисконсультовъ, но не быть адвокатами (см. Браунъ, с. 121); Швеція же, слѣдомъ за своею сосѣдкою Норвегіею, съ 1898 года, оффиціально разрѣшила женщинамъ доступъ въ адвокатуру (ibid. с. 127). Наиболѣе правильно изъ всѣхъ европейскихъ странъ вопросъ о женской адвокатурѣ былъ разрѣшенъ во Франціи. Здѣсь вопросъ этотъ возникъ съ неизбѣжною послѣдовательностью вслѣдъ за допущеніемъ женщинъ къ изученію юридическихъ наукъ. Первою піонеркою явилась Жанна Шовэнъ, блестяще окончившая курсъ юридическаго факультета, пожелавшая добиться разрѣшенія вступить въ адвокатское сословіе. Попытки ея, однако, не имѣли успѣха, такъ какъ парижскій апелляціонный судъ, подобно судамъ бельгійскому и итальянскому, отказалъ ей въ ея просьбѣ (30г-о ноября 1897 г.) на томъ основаніи, что въ законѣ нѣтъ никакихъ постановленій для разрѣшенія вопроса въ ея пользу. Тогда въ мартѣ 1898 г. депутаты Леонъ Буржуа, Левейле, Поль Дешанель и Пуанкаре приняли на себя иниціативу закона о допущеніи женщинъ въ адвокатуру.

Законопроектъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1898 г. былъ выработанъ особой коммиссіей. Особенно поддерживалъ право женщинъ на занятія адвокатурой депутатъ-соціалистъ Вивіани. Онъ подвергъ критикѣ рѣшеніе парижскаго апелляціоннаго суда по дѣлу Жанны Шовэнъ и доказывалъ, что женщины, имѣя полную гражданскую правоспособность, могутъ пользоваться и публичными правами, за исключеніемъ правъ политическихъ; поэтому нѣтъ

*) Впрочемъ, въ 1894 г. въ Брюсселѣ была образована спеціальная коммиссія изъ адвокатовъ для выработки доклада по женскому вопросу, и большинствомъ голосовъ коммиссія эта разрѣшила вопросъ въ пользу женщинъ, признавъ, что нѣтъ никакихъ разумныхъ основаній преграждать женщинамъ доступъ къ профессіи, къ какой онѣ чувствуютъ призваніе. („Юрид. Газета“ 1894 г. № 34.)

никакихъ основаній отказывать имъ въ правѣ на занятіе адвокатурою, въ особенности разъ имъ дано право на полученіе дипломовъ кандидата и доктора правъ, запрещеніе же заниматься свободной профессіей дѣлаетъ дипломъ безполезнымъ для женщины. Между тѣмъ, при правильномъ толкованіи старинныхъ текстовъ закона, слѣдуетъ придти къ заключенію, что законъ никогда не отказывалъ женщинамъ категорически въ своихъ благодѣяніяхъ, а при такихъ условіяхъ, вносимое предложеніе не является чѣмъ-то новымъ, имѣющимъ задачею уничтожить старыя традиціи, а скорѣе однимъ изъ способовъ переоцѣнки старыхъ взглядовъ, болѣе правильнаго ихъ освѣщенія съ цѣлью устраненія на будущее время неправильныхъ толкованій, пагубныхъ для свободы и права цѣлой категоріи французовъ. Въ заключеніе Вивіани указывалъ на примѣръ Норвегіи, Швеціи, Румыніи и Соед. Штатовъ, гдѣ женщины получили право пледировать на судѣ. Затѣмъ въ комиссіи подняты были два вопроса: каково должно быть положеніе замужнихъ женщинъ, въ случаѣ проведенія закона о правѣ ихъ на занятіе адвокатурой, должны ли онѣ для занятія профессіей получать отъ мужа особое разрѣшеніе, и насколько можетъ быть примѣнимо къ женщинамъ-адвокатамъ предоставленное адвокатамъ закономъ право „замѣны судей". По первому вопросу нѣкоторые предлагали признать за мужемъ право слѣдить за нравственностью жены и запрещать ей занятіе адвокатурою въ случаѣ, если бы онъ призналъ ея адвокатскую дѣятельность заслуживающею порицанія съ нравственной точки зрѣнія. Но большинство коммиссіи все же вполнѣ справедливо пришло къ заключенію, что нельзя за мужемъ признать такого права быть цензоромъ нравственности жены, и коммиссія, согласно съ заключеніемъ министра юстиціи, порѣшила не затрогивать въ проектѣ закона этого вопроса, предоставивъ разрѣшеніе его судамъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ при примѣненіи новаго закона. По второму вопросу постановлено было, по просьбѣ министра юстиціи, внести въ законопроектъ, что женщинамъ-адвокатамъ не предоставляется права, въ случаѣ недостатка судей, замѣнять ихъ. Проектъ коммиссіи обсуждался въ палатѣ депутатовъ 30 іюня 1899 года. Противъ него возражали Массаво и Comte du Perrier de Larsan, которые указывали на особую роль женщины въ обществѣ, на ея миссію, какъ матери и супруги, на интересы семьи, которые будутъ принесены въ жертву выполненію обязанностей, мало совмѣстимыхъ съ природными свойствами женщины. Проектъ принятъ былъ большинствомъ 319 противъ 174 голосовъ. 1 іюля 1899 года законопроектъ былъ доложенъ въ сенатѣ сенаторомъ Tillayé, и къ тексту, принятому палатой, не предложено было никакихъ измѣненій. Окончательно законъ обсуждался въ засѣданіи сената 13 ноября 1900 года, при чемъ здѣсь противъ закона возсталъ сенаторъ Гуржу. Указывая на физическій и умственный трудъ,

выпадающій на долю адвокатовъ при осуществленіи ихъ профессіи, онъ настаивалъ на томъ, что такой трудъ не могутъ выполнять женщины по ихъ естественнымъ свойствамъ и по тѣмъ обязанностямъ, которыя налагаетъ на нихъ ихъ полъ.

Ссылаясь на примѣры иностранныхъ государствъ, гдѣ женщины допущены къ занятію адвокатурою, Гуржу доказывалъ, что примѣры эти совсѣмъ не имѣютъ того характера и значенія, какіе имъ стараются придать защитники закона.

Послѣ краткаго возраженія докладчика Тиллайе, къ которому присоединился хранитель печати Monis, сенатъ принялъ законъ большинствомъ 172 голосовъ противъ 34.

1 декабря 1900 г. законъ этотъ вступилъ въ дѣйствіе, а черезъ три мѣсяца была торжественно приведена къ присягѣ на основаніи положительнаго закона первая женщина-адвокатъ въ Европѣ г-жа С. Балаховская-Пти (Браунъ, стр. 123).

III.

Въ Россіи попытки женщинъ добиться разрѣшенія на занятіе адвокатурой вскорѣ послѣ введенія судебныхъ уставовъ императора Александра II встрѣтили суровый отпоръ со стороны министра юстиціи, а затѣмъ и со стороны законодателя, который прямо постановилъ, что „женщины не могутъ получать званіе частнаго повѣреннаго по судебнымъ дѣламъ, установленное ст. 406^{1}" (ст. 406^{19} учр. суд. уст.). Въ дореформенное время права женщинъ вести судебныя дѣла были ничѣмъ не ограничены по сравненію съ правами мужчинъ *) и, основываясь на этомъ положеніи, женщины въ Сибири до послѣдняго времени, какъ увидимъ ниже, занимались адвокатской практикой. Судебные уставы тоже не сдѣлали оговорки, запрещающей женщинамъ занятіе адвокатурой, и, пользуясь этимъ умолчаніемъ закона, женщины продолжали веденіе чужихъ дѣлъ. Послѣ изданія правилъ 25 мая 1874 г. о частныхъ повѣренныхъ, онѣ стали домогаться въ судахъ полученія званія частнаго повѣреннаго, прося о допущеніи ихъ къ установленному закономъ экзамену, и суды, въ виду молчанія закона, не признавали возможнымъ отказывать имъ въ ихъ просьбахъ. Словомъ, русскіе суды правильно или неправильно, но отнеслись на первыхъ порахъ къ просьбамъ женщинъ о разрѣшеніи веденія чужихъ дѣлъ точно такъ же, какъ суды нѣкоторыхъ американскихъ штатовъ, но, въ противоположность Америкѣ, законодатель не пошелъ на встрѣчу желаніямъ женщинъ. Какъ только женское движеніе въ этомъ направленіи начало

*) У В. Д. Спасовича есть указаніе на нѣкоторыхъ ходатаевъ-женщинъ, имѣвшихъ до введенія судебной реформы значительную практику (Кег. Шаповаловъ, «Женское движеніе» стр. 180).

расти (въ Петербургѣ, напримѣръ, организовался спеціальный кружокъ женщинъ, готовившихся къ адвокатской дѣятельности, устроившій домашніе юридическіе курсы съ практическими занятіями; въ провинціи стало увеличиваться число желающихъ выдержать экзаменъ на званіе частнаго повѣреннаго и т. д.), министръ юстиціи издалъ циркуляръ отъ 30 апрѣля 1875 г. за № 4953 слѣдующаго содержанія: „Изъ свѣдѣній, доставляемыхъ министерству юстиціи о лицахъ, получившихъ на основаніи правилъ 25 мая 1874 г. свидѣтельства на право хожденія по чужимъ дѣламъ, видно, что нѣкоторыя судебныя мѣста находятъ возможнымъ выдачу этихъ свидѣтельствъ лицамъ женскаго пола. Между тѣмъ высочайшимъ повелѣніемъ 14 января 1871 года, распубликованнымъ въ указѣ правительствующаго сената отъ 19 февраля того же года, лица женскаго пола устранены отъ всякихъ постоянныхъ занятій при правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ за исключеніемъ случаевъ, точно указанныхъ пп. 1—4 означеннаго высочайшаго повелѣнія. Принимая во вниманіе, что полученіе свидѣтельства на право хожденія по чужимъ дѣламъ даетъ лицамъ, получившимъ ихъ, право на постоянныя занятія въ судебныхъ установленіяхъ и подчиняетъ ихъ надзору сихъ послѣднихъ, и усматривая въ выдачѣ сихъ свидѣтельствъ лицамъ женскаго пола нарушеніе вышеупомянутаго высочайшаго повелѣнія, имѣю честь покорнѣйше просить васъ, милостивый государь, принять зависящія мѣры къ точному исполненію высочайшаго повелѣнія 14 января 1871 года и къ прекращенію выдачи лицамъ женскаго пола свидѣтельствъ". Если, однако, обратиться къ тексту высочайшаго повелѣнія 14 января 1871 года, которое министръ юстиціи призналъ нарушеннымъ фактомъ выдачи женщинамъ свидѣтельствъ на право хожденія по чужимъ дѣламъ, то мы увидимъ, что пунктомъ 5-мъ этого высочайшаго повелѣнія воспрещенъ лишь „пріемъ женщинъ даже и по найму на канцелярскія и другія должности во всѣхъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, гдѣ мѣста предоставляются по назначенію отъ начальства и по выборамъ". Между тѣмъ полученіе свидѣтельства отъ суда на веденіе чужихъ дѣлъ никоимъ образомъ не можетъ быть приравнено, какъ это сдѣлалъ министръ юстиціи, къ „полученію мѣста" по назначенію отъ начальства или по выборамъ. Толкованіе министромъ юстиціи высочайшаго повелѣнія 14 января 1871 г. явилось черезчуръ расширительнымъ, и вполнѣ понятно, что циркуляръ 30 апрѣля 1875 г. вызвалъ протестъ въ печати.

„Судебный Вѣстникъ" (1875 г. № 101), разбирая въ передовой статьѣ циркуляръ, высказался, что разъясненіе министра юстиціи не согласно ни съ существующими узаконеніями на на этотъ предметъ, ни съ высочайшимъ повелѣніемъ, на которомъ оно основано. Ст. 2296 Т. X, ч. I гласитъ, что „служа-

щимъ въ Сибири чиновникамъ, равно *женамъ* ихъ... не дозволяется быть повѣренными". Изъ этой статьи закона слѣдуетъ выводъ, что женщины *вообще* могутъ быть повѣренными. Правила же 25 мая 1874 г. не сдѣлали никакихъ измѣненій въ этомъ отношеніи и, ограничивая кругъ лицъ, имѣющихъ право быть повѣренными по чужимъ дѣламъ, законъ не установилъ изъятій для женщинъ. Высочайшее повелѣніе 14 января 1871 г. касается права женщинъ на поступленіе на „службу", на занятіе „должностей", но частный повѣренный не „назначается" на „должность", а получаетъ лишь „дозволеніе" на веденіе дѣлъ отъ подлежащаго судебнаго установленія, и потому высочайшее повелѣніе 14 января 1871 г. не можетъ имѣть примѣненія къ хожденію по чужимъ дѣламъ.

Въ томъ же смыслѣ появилась передовая статья и въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" (1875 г. № 135). Газета выражала недоумѣніе по поводу появленія циркуляра 30 апрѣля, указывая на ст. 2294, 2296 т. X, ч. I, ст. ст. 245, 246 уст. гр. суд. и циркуляръ министерства юстиціи отъ 7 мая 1875 г., которыми женщинамъ не только не запрещается принимать на себя ходатайство по чужимъ дѣламъ, но даже разрѣшается по общей довѣренности посвящать себя веденію дѣлъ какого-либо семейства. Циркуляръ 30 апрѣля 1875 г., слѣдовательно, можетъ только имѣть въ виду выдачу женщинамъ свидѣтельствъ по закону 25 мая 1874 г., но такъ какъ полученіе званія частнаго повѣреннаго не равносильно поступленію на службу (что противорѣчило бы высочайшему повелѣнію 14 января 1871 г.), то почему же женщины не могутъ держать установленный экзаменъ и быть добросовѣстными, что только и требуется для полученія свидѣтельства.

Протестъ печати противъ циркуляра 30 апрѣля 1875 г. въ томъ же году встрѣтилъ поддержку и со стороны правительствующаго сената. Московская судебная палата отказала г-жѣ Е. Ф. Козьминой, получившей въ 1875 г. званіе частнаго повѣреннаго въ нижегородскомъ окружномъ судѣ (П. Аріянъ „Первый женскій календарь" 1899 г.), въ допущеніи ея къ экзамену на это званіе при московской судебной палатѣ. По жалобѣ Козьминой (въ сентябрѣ мѣсяцѣ), дѣло разсматривалось въ сенатѣ, и сенатъ, признавъ, что высочайшее повелѣніе 14 января 1871 г. не воспрещаетъ женщинамъ быть повѣренными и что разъясненіе циркуляра 30 апрѣля 1875 г. не соотвѣтствуетъ содержанію высочайшаго повелѣнія 14 января 1871 г., отмѣнилъ постановленіе московской судебной палаты и предписалъ ей допустить Козьмину къ экзамену („Суд. Вѣстн." 1875 г. № 251, „Право" 1904 г. № 46. Полянскій. „Рус. женщ. на госуд. и общ. службѣ". М. 1901 г., стр. 234—235.) Тогда черезъ нѣсколько недѣль послѣ этого указа по особому докладу министра юстиціи состоялось

слѣдующее высочайшее повелѣніе: „Государь Императоръ по всеподданнѣйшему докладу министра юстиціи 7 января 1876 г. высочайше повелѣть соизволилъ: разъяснить, что высочайшее повелѣніе 14 января 1871 г., коимъ между прочимъ (п. 5), воспрещается пріемъ женщинъ даже по найму на канцелярскія и другія должности во всякихъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, гдѣ мѣста предоставляются по назначенію и по выборамъ, распространяется и на званіе частнаго повѣреннаго, установленное правилами 25 мая 1874 г. (Собр. узак. и расп. прав. 1876 г. № 158^{12})". Такимъ образомъ, министръ юстиціи одержалъ побѣду не только надъ мнѣніемъ печати, но и надъ мнѣніемъ правительствующаго сената; его разъясненіе закона 14 января 1871 г. удостоилось аутентическаго толкованія, которое вошло въ учр. суд. уст. въ видѣ ст. 406^{19} и отрѣзало женщинамъ не только доступъ въ присяжную адвокатуру, но и къ званію частнаго повѣреннаго.

Не разъясненнымъ остался вопросъ, можетъ ли быть примѣнима къ женщинамъ ст. 406^{18} учр. суд. уст. относительно права веденія, въ качествѣ повѣренныхъ, трехъ дѣлъ въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ и могутъ ли быть женщины допускаемы къ уголовнымъ защитамъ. На практикѣ послѣ 1876 г. такіе вопросы возникали, и мировые съѣзды рѣшали ихъ въ смыслѣ, благопріятномъ для женщинъ. Такъ, мировой съѣздъ г. Троицка въ 1886 году призналъ возможнымъ примѣнить къ женщинѣ ст. 406^{18} („Судебн. Газета", 1886 г. № 43), 22 января 1893 г. въ ковенскомъ съѣздѣ мировыхъ судей дворянка Олимпія Даршновичъ выступила повѣреннымъ истца Александра Войткуса по иску о признаніи права собственности на имущество, описанное судебнымъ приставомъ въ охранительномъ порядкѣ послѣ смерти Христины Войткусъ, и предсѣдатель съѣзда допустилъ повѣренную къ объясненіямъ за силою 406^{18} ст. учр. суд. уст. („Судебн. Газета", 1893 г. № 8). Въ томъ же съѣздѣ 21 апрѣля разбиралось дѣло мѣщанина Шахновскаго, обвиняемаго по 41^{1} ст. уст. о нак. Со стороны его у мирового судьи выступила повѣренною по отзыву на заочное рѣшеніе судьи мѣщанка Шейнъ. Мировой судья не допустилъ Шейнъ къ защитѣ, оставивъ въ силѣ заочное рѣшеніе и оштрафовавъ Шахновскаго за неявку на 10 рублей, но съѣздъ постановилъ опредѣленіе мирового судьи отмѣнить и дѣло возвратить мировому судьѣ для разсмотрѣнія по существу („Суд. Газета" 1893 г., № 21). Такимъ образомъ, попытки женщинъ, не смотря даже на отрицательное отношеніе къ нимъ законодателя, добиться возможности выступать на судѣ въ качествѣ повѣренныхъ продолжались, и суды относились сочувственно къ этимъ попыткамъ. Въ Сибири же, какъ мы упоминали выше, до введенія судебныхъ уставовъ, женщины, основываясь на молчаніи закона, открыто и съ успѣхомъ занимались адвокатурой, хотя

впрочемъ, имъ иногда и приходилось встрѣчать отказы со стороны предсѣдателей судовъ, желавшихъ примѣнить къ нимъ законъ 14 января 1871. Такъ, въ Томскѣ занимались адвокатурою, по словамъ „Сибирскаго Вѣстника“, г-жи Маркакова и Аршаулова („Сѣв. Вѣстн.“ 1893 г., № 6, стр. 40—42. Обл. отд.).

Въ „Судебной Газетѣ“ за 1889 г. (№ 23) помѣщенъ отчетъ о дѣлѣ, разбиравшемся 12 мая того года въ томскомъ губернскомъ судѣ по обвиненію крестьянъ Куренкова и Мельникова въ оскорбленіи дѣйствіемъ кандидата по управномъ старшинѣ Кусаимова (288 ст. ул. о нак). Защитницей подсудимыхъ выступила г-жа Аршаулова, которая, по словамъ корреспондента, произнесла очень красивую и сильную рѣчь, доказывая, что подсудимые лишь оборонялись отъ самоуправства сельскихъ властей. Начала она свою рѣчь указаніемъ, что хотя женщины-адвокаты и являются пока исключеніемъ въ рядахъ защитниковъ, но онѣ могутъ нести эти обязанности, и что въ адвокатуру, какъ и въ другія свободныя профессіи, долженъ быть открытъ доступъ женщинамъ. Окружный судъ, признавъ подсудимыхъ виновными по 288 ст. ул. о нак., приговорилъ Куренкова къ заключенію въ тюрьмѣ на три мѣсяца, а Мельникова—на два; губернскій же судъ послѣ рѣчи защитницы отмѣнилъ приговоръ окружнаго суда и оправдалъ обвиняемыхъ. Въ Иркутскѣ занималась долгое время адвокатурою домашняя учительница В. Л. Кичеева, пока, наконецъ, по одному иску въ 24 тысячи рублей 15 февраля 1893 г. иркутскій губернскій судъ не отказалъ ей въ ея просьбѣ о допущеніи къ дѣлу въ качествѣ повѣренной, ссылаясь на законъ 14 января 1871 г. и циркуляръ министра юстиціи 30 апрѣля 1875 г. Кичеева жаловалась иркутскому губернскому совѣту, который, однако, не принялъ ея жалобы, находя, что вопросъ о правѣ ходатайства по чужимъ дѣламъ относится къ существу дѣла. Тогда Кичеева перенесла дѣло въ порядкѣ надзора въ сенатъ и лично поддерживала свою жалобу въ сенатѣ. Сенатъ постановилъ: предписать иркутскому губернскому совѣту разсмотрѣть жалобу Кичеевой и постановить о ней опредѣленіе на новомъ основаніи, не стѣсняясь прежнимъ („Судебная Газета“ 1893 г. № 49).

Намъ, къ сожалѣнію, не удалось найти свѣдѣній, какое новое рѣшеніе постановилъ иркутскій губернскій совѣтъ. Во всякомъ случаѣ, дѣло Кичеевой подвергалось обсужденію въ сибирской печати, которая отстаивала то положеніе, что законъ 1871 г. касается лишь мѣстностей, гдѣ введены судебные уставы и, слѣдовательно, не распространяется на Сибирь, и отмѣчала, что запрещеніе предсѣдателемъ суда практики Кичеевой совпало съ полученіемъ судомъ строгаго разъясненія отъ сената по одному дѣлу, которое велось именно Кичеевой.

Всѣ приведенные факты допущенія женщины къ занятію адвокатурой, конечно, не могутъ имѣть юридическаго значенія

въ виду существованія у насъ ст. 406[19] учр. суд. уст. и не могутъ служить прецедентами для обхода закона; но они имѣютъ важное значеніе, такъ какъ являются доказательствомъ, что и русскія женщины, подобно своимъ американскимъ собратьямъ, могутъ, не смотря на свой полъ, слабость голоса, костюмъ, наружность и другія особенности, которыя всегда выставляются ихъ противниками, выполнять, и даже съ успѣхомъ, обязанности адвоката, и что у законодателя нѣтъ достаточныхъ основаній тормазить во что бы то ни стало возможность осуществленія этой дѣятельности.

Въ высочайше учрежденной комиссіи для пересмотра законоположеній по судебной части вопросъ о допущеніи женщинъ къ полученію званія частнаго повѣреннаго тоже разсматривался, и большинство членовъ комиссіи, во главѣ съ предсѣдателемъ, высказалось за сохраненіе въ „Новыхъ Уставахъ“ ст. 406[19]. Противнаго же мнѣнія держались А. А. Боровиковскій, В. Д. Спасовичъ и Н. Н. Мясоѣдовъ (стр. 173—176), при чемъ послѣдній подалъ свое особое мнѣніе по этому вопросу (Прил. V, стр. 17—19). Записка его слѣдующаго содержанія: „Большинство членовъ II отдѣла коммиссіи предположило исключить ст. 406[19], меньшинство высказалось за сохраненіе ея на томъ основаніи, что означенное запрещеніе вызвано общей государственной мѣрой, принятой при обсужденіи въ совѣтѣ министровъ въ высочайшемъ присутствіи, коей опредѣленъ кругъ полезной для государства и общества дѣятельности женщинъ. Меньшинство высказалось, что отмѣна ст. 406[19] могла бы послѣдовать, когда бы вновь въ видѣ общей государственной мѣры были установлены новыя правила относительно круга общественной дѣятельности женщинъ. Это мнѣніе принято большинствомъ членовъ общаго собранія отдѣловъ коммиссіи, и я не могу не протестовать противъ него по слѣдующимъ соображеніямъ: коммиссія должна пересмотрѣть всѣ законоположенія по судебной части. При этомъ общемъ пересмотрѣ могутъ встрѣтиться отдѣльныя узаконенія, введеніе которыхъ въ судебные уставы объясняется принятіемъ той или другой общей государственной мѣры. Повѣрка основаній принятія такой мѣры внѣ компетенціи коммиссіи, но свободное сужденіе, насколько удержаніе или отмѣна такихъ законовъ согласуется съ проектируемымъ судебнымъ строемъ—прямая обязанность коммиссіи. Согласованіе же высказаннаго коммиссіей сужденія съ общими государственными интересами—дѣло законодательнаго учрежденія.

„Мѣра о женщинахъ принята болѣе 25 лѣтъ назадъ, не коренится на непремѣнныхъ, устойчивыхъ основаніяхъ, а обусловлена временнымъ состояніемъ общества. Теперь можно предполагать объ измѣненіи взглядовъ высшаго правительства на этотъ предметъ. Если не измѣнился взглядъ на отношеніе женщинъ къ государственной службѣ, то взглядъ на доступъ женщины къ об-

щественной дѣятельности измѣнился. Дальнѣйшее измѣненіе можетъ послѣдовать въ двухъ направленіяхъ: 1) въ смыслѣ признанія за женщинами вообще правъ на общественное служеніе, причемъ точному опредѣленію подлежалъ бы не кругъ допускаемой для нихъ дѣятельности, а кругъ занятій, исключенный изъ общаго правила, и 2) въ смыслѣ только расширенія нынѣ начертаннаго круга дозволенной женщинамъ общественной дѣятельности. Въ послѣднемъ смыслѣ для расширенія общественной дѣятельности женщинъ имѣются твердыя основанія, и есть данныя объ измѣненіи на это взгляда правительства. Молчаніе же коммиссіи по этому вопросу могло бы быть оправдано единственно невозможностью подобнаго рода перемѣны. Я же по этому соображенію полагаю: 1) что въ дѣятельности частнаго повѣреннаго не замѣчается условій, указывающихъ на несовмѣстимость его съ принадлежностью лица къ женскому полу; 2) что за послѣднее время уровень общаго образованія женщинъ значительно поднялся, и къ пріобрѣтенію ими юридическихъ познаній открытъ тотъ же доступъ, какой имѣютъ и мужчины внѣ университетовъ и другихъ учебныхъ заведеній, почему и слѣдуетъ полагать, что и женщины въ состояніи будутъ удостовѣрить судебныя мѣста въ своихъ познаніяхъ; 3) что замѣчаемая среди женщинъ потребность въ занятіяхъ, дающихъ средства къ жизни, будетъ удовлетворена при допущеніи ихъ къ полезной дѣятельности безъ малѣйшаго по меньшей мѣрѣ ущерба для этой послѣдней, и 4) что вообще при неимѣніи въ виду положительныхъ указаній на причины недопущенія женщинъ къ частной аквокатурѣ въ связи съ тѣмъ, что во многихъ случаяхъ женщины, предоставленныя собственной инициативѣ, справляются съ такъ называемыми „дѣлами“ по управленію имѣніями и приведенію въ порядокъ состояній, разстроенныхъ ихъ мужьями, вполнѣ удовлетворительно доказываютъ возможность отмѣны ст. 406[19]. Дореформенное законодательство указывало нѣсколько категорій лицъ, коимъ воспрещалось быть повѣренными (ст. 195, т. X, ч. II, изд. 1857 г.), а затѣмъ всякое лицо могло заниматься свободно веденіемъ чужихъ дѣлъ“.

Съ доводами Мясоѣдова о возможности допущенія женщинъ къ полученію званія частнаго повѣреннаго нельзя не согласиться. Несомнѣнно вѣрно, что 25 лѣтъ такой промежутокъ времени, за который условія жизни государства настолько измѣняются, что законоположенія, вызванныя отдѣльными случаями или,—какъ произошло у насъ въ Россіи, по вопросу о женщинахъ частныхъ повѣренныхъ, — циркулярами отдѣльныхъ министровъ, могутъ и должны быть пересмотрѣны и отмѣнены законодателемъ. Вызванныя отдѣльными обще-государственными мѣрами и во время не отмѣненныя законоположенія и привели судебные уставы имп. Александра II въ такой видъ, при которомъ они,

какъ это признано было и печатью, и обществомъ по случаю 40-лѣтія ихъ существованія, сохранили лишь свое названіе, внѣшнюю форму и наполнились содержаніемъ, не имѣющимъ ничего общаго съ начертаніями творцовъ судебной реформы 1864 года. Вѣрно и то, что, какъ это мы и указывали выше на примѣрахъ, жизнь не даетъ никакихъ основаній для признанія женщинъ неспособными къ пріобрѣтенію званія частнаго повѣреннаго, т. е. къ полученію доступа въ адвокатуру. Пробѣломъ въ мнѣніи Н. Н. Мясоѣдова является лишь то обстоятельство, что онъ, ратуя за отмѣну ст. 406[19], не настаиваетъ на необходимости „замѣны“ ея положительною статьею, разрѣшающею вопросъ о допущеніи женщинъ къ веденію чужихъ дѣлъ въ положительномъ смыслѣ. Только при положительномъ разрѣшеніи этого вопроса въ законодательномъ порядкѣ онъ можетъ быть признанъ разрѣшеннымъ правильно, въ противномъ случаѣ явится всегда мѣсто для произвола предсѣдателей судебныхъ мѣстъ, какъ это мы и видѣли выше въ дѣлѣ Кичеевой. Въ 1900 году еще не былъ поднятъ вопросъ о допущеніи женщинъ въ Россіи къ полученію юридическаго образованія, и потому Н. Н. Мясоѣдовъ и не могъ высказать своего мнѣнія по вопросу о возможности допущенія женщинъ въ сословіе присяжной адокатуры. Въ настоящее время и у насъ въ Россіи, какъ и на Западѣ, съ неумолимою послѣдовательностью передъ законодателемъ становится вопросъ не только объ отмѣнѣ ст. 406[19] учр. суд. уст., но и о допущеніи женщинъ какъ къ полученію званія частнаго повѣреннаго, такъ и въ ряды присяжной адвокатуры

IV.

Изъ предшествующаго общаго очерка вопроса о правѣ женщинъ заниматься адвокатурою мы видимъ, что, не смотря на широкое распространеніе по всему цивилизованному міру женскаго движенія въ смыслѣ стремленія къ достиженію этого права, вопросъ этотъ въ разныхъ странахъ рѣшается далеко не одинаково.

Въ Россіи, гдѣ женщины не пользуются пока правомъ на полученіе высшаго юридическаго образованія, законодатель высказался отрицательно по вопросу о правѣ женщинъ вести чужія дѣла въ качествѣ частныхъ повѣренныхъ и обошелъ молчаніемъ вопросъ о правѣ женщинъ вести, на общихъ основаніяхъ съ остальными россійскими обывателями мужского пола, по три гражданскихъ дѣла въ годъ въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ и уголовныя защиты. Это молчаніе закона дало поводъ нѣкоторымъ судамъ, расширительно толкуя законъ, удовлетворять просьбы женщинъ о допущеніи ихъ къ уголовнымъ защи-

тамъ и къ ходатайству по тремъ чужимъ дѣламъ въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ, но, конечно, такое расширительное толкованіе закона, не имѣя подъ собой твердой почвы въ буквѣ закона, получило случайный характеръ. Въ Италіи, Бельгіи, Швеціи, Норвегіи и Швейцаріи законодательство не внесло никакихъ постановленій, касающихся непосредственно права женщинъ на занятіе адвокатурой, но попытки женщинъ, получившихъ высшее юридическое образованіе, истолковать это молчаніе закона въ свою пользу и добиться отъ судовъ разрѣшенія заниматься адвокатурой встрѣтили различное отношеніе со стороны судовъ Италіи и Бельгіи, съ одной стороны, и судовъ Швеціи, Норвегіи и Швейцаріи,—съ другой. Въ Италіи и Бельгіи суды упорно отрицаютъ за женщинами право, хотя и предоставленное закономъ „гражданамъ" этихъ странъ, но не оговоренное спеціально законодателемъ въ примѣненіи къ женщинамъ, и тѣнь „improbissimae Cafraniae" до сихъ поръ, болѣе чѣмъ черезъ двѣ тысячи лѣтъ, является церберомъ, преграждающимъ ея соотечественницамъ, не смотря на ихъ дипломы, доступъ къ адвокатной трибунѣ. Въ Швеціи, Норвегіи и Швейцаріи суды распространяютъ на женщинъ права на выполненіе общественной дѣятельности адвоката, предоставленныя законодателемъ „гражданамъ" этихъ странъ... Въ Америкѣ и во Франціи законодательнымъ путемъ признано за женщинами право на занятіе адвокатурою.

Этотъ очеркъ современнаго положенія вопроса о правѣ женщинъ на занятіе адвокатурою въ разныхъ странахъ неизбѣжно приводитъ къ выводу, что для правильнаго разрѣшенія поставленнаго въ заголовкѣ этой статьи вопроса, необходимо выяснить и разрѣшить два положенія: можетъ ли быть женщинамъ, получившимъ высшее юридическое образованіе, предоставлено право на занятіе адвокатурою наравнѣ съ мужчинами, и если да, то какимъ путемъ должно быть признано за женщинами это право? Отвѣтъ на первый вопросъ слѣдуетъ искать въ самой жизни, и жизнь даетъ несомнѣнно отвѣтъ утвердительный: да, не только можетъ, но и должно быть предоставлено женщинамъ право не только частной, но и общественной дѣятельности. Развившееся, въ особенности за послѣднее время, общественное самосознаніе всѣхъ цивилизованныхъ народовъ міра властно указываетъ, что разъ женщины могутъ наравнѣ съ мужчинами преодолѣвать всѣ трудности университетскаго образованія, получать дипломы на ученыя степени и т. д., то онѣ должны и получить право примѣнять эти свои познанія къ практической жизни; что, если женщины теоретически могутъ, даже съ мужской точки зрѣнія, правильно разрѣшать общественные вопросы и отстаивать свои положенія передъ экзаменаціоннымъ столомъ, то никакими побужденіями, кромѣ самыхъ низменныхъ, въ родѣ боязни „конкурренціи" женщинъ на полѣ битвы жизни, не оправдывается

стремленіе во что бы то ни стало закрыть имъ доступъ къ общественной, практической дѣятельности.

Мы видимъ, съ какой неуклонный энергіей женщины шагъ за шагомъ доказываютъ мужчинамъ, что, не смотря на слабость ихъ пола, на особенности ихъ физической и духовной организаціи, онѣ не желаютъ въ жизни ограничиваться только тою ролью „прекрасной половины", которую имъ, во что бы то ни стало, стремятся навязать ихъ наиболѣе ярые противники изъ среды мужчинъ. Онѣ не отказываются отъ выполненія тяжелыхъ обязанностей жены и матери, но онѣ домогаются, чтобы для тѣхъ изъ нихъ, которыхъ природа или экономическія условія жизни лишили возможности свободно найти себѣ друга и спутника на жизненномъ пути въ лицѣ мужчины, не создавались такія условія, при которыхъ имъ приходилось бы изъ-за куска хлѣба либо предаваться разврату въ прямомъ или переносномъ смыслѣ, въ видѣ выхода замужъ по необходимости за нелюбимаго человѣка, или влачить полуголодное существованіе. И эта энергія дѣлаетъ свое дѣло, постепенно разрушая всѣ преграды, поставленныя закономъ, въ видѣ пережитковъ отъ стараго времени, для свободной дѣятельности женщинъ, обходя ихъ и сводя къ нулю попытки законодателя въ болѣе отсталыхъ странахъ тормазить свободное развитіе жизни. Яркимъ примѣромъ всего только что сказаннаго является у насъ въ Россіи законъ 14 января 1871 года. Законъ этотъ, изъ котораго выросла ст. 406[19] учр. суд. уст., запретилъ женщинамъ доступъ на службу въ правительственныя и общественныя учрежденія. Прошло немного болѣе тридцати лѣтъ, и во многихъ правительственныхъ, а въ особенности общественныхъ, учрежденіяхъ канцеляріи заполнены женщинами. Правда, пока ихъ трудъ плохо оплачивается, пока онѣ стоятъ въ зависимомъ, подчиненномъ положеніи, но главное дѣло онѣ сдѣлали: онѣ заняли позицію, онѣ заставили мужчинъ обойти законъ и этимъ настойчиво заявили о своемъ правѣ, въ которомъ имъ желалъ отказать законодатель. Противники допущенія женщинъ въ адвокатуру ссылаются на общественный характеръ дѣятельности адвоката и на неспособность женщинъ къ общественной дѣятельности, но въ исторіи съ незапамятныхъ временъ мы постоянно видимъ женщину въ рядахъ борцовъ не только за общественныя, но и за политическія права „человѣка" и, если потомъ, по окончаніи борьбы въ благопріятномъ смыслѣ, мужчины въ въ качествѣ законодателей отстраняютъ своихъ союзницъ-женщинъ отъ пользованія плодами побѣды, то это не является доказательствомъ неспособности женщинъ къ осуществленію той дѣятельности, за полученіе правъ на которую для всѣхъ „людей" онѣ боролись. И мы видимъ, что Жанна Шовэнъ, напр., въ своемъ прошеніи въ судъ о допущеніи ея въ адвокатуру, именно и ссылалась, какъ на доказательство правильности своихъ притя-

заній, на участіе женщинъ въ борьбѣ за „права человѣка“ въ 1789 году. Съ справедливостью этого довода нельзя не согласиться. Лучшимъ цѣнителемъ и судьей адвоката въ его практической и общественной дѣятельности является публика. Она заставитъ женщинъ, если послѣднія окажутся неспособными, вслѣдствіе недостатка умственныхъ способностей, голосовыхъ средствъ и пр., къ дѣятельности адвоката, выйти изъ рядовъ адвокатуры, сама устранитъ ихъ отъ работы на поприщѣ, къ занятію котораго онѣ неспособны. Но изъ боязни этого будущаго „суда жизни“ законъ не долженъ устанавливать для женщинъ ограниченій, не долженъ также и обходить молчаніемъ назрѣвающій въ жизни вопросъ. Въ государствѣ не должно быть „изгоевъ“ передъ лицомъ закона. Передъ закономъ всѣ равны, и закономъ каждому члену общества, безъ различія пола, должно быть предоставлено право свободно развивать свои силы и, съ соблюденіемъ извѣстныхъ условій, эксплуатировать ихъ.

На второй поставленный выше вопросъ, какимъ путемъ за женщинами должно быть признано право въ государствѣ на занятіе адвокатурой, необходимо отвѣтить, что только путемъ законодательнымъ. Дѣятельность адвоката—не только профессія, а прежде всего, общественная дѣятельность, и это значеніе ея слишкомъ серьезно, чтобы за судебными учрежденіями можно было признать право, путемъ расширительнаго толкованія молчанія закона, предоставлять женщинамъ осуществленіе этой дѣятельности. Да, кромѣ того, практика судовъ носитъ слишкомъ случайный, непостоянный характеръ, чтобы одной ей предоставить разрѣшеніе вопроса такой первостепенной важности. Поэтому, хотя мы и видимъ, что въ странахъ, гдѣ законодательный механизмъ плохо дѣйствуетъ и медленно реагируетъ на явленія жизни, или гдѣ законодатель не рѣшается еще, за недостаткомъ матеріала, даннаго жизнью, высказать свое мнѣніе, судьи берутъ на себя задачу выяснить вопросъ путемъ расширительнаго толкованія закона и дать возможность жизни развиваться, но эти опыты судовъ нельзя признать безусловно правильными и имѣющими рѣшающее значеніе. Право заниматься адвокатурою, въ предоставленіи котораго нѣтъ нравственныхъ и юридическихъ основаній отказывать женщинамъ, получившимъ высшее юридическое образованіе, касается области правъ политическихъ и должно быть предоставлено женщинамъ только авторитетнымъ словомъ закона. Поэтому остается пожелать, чтобы въ близкомъ будущемъ женщины не только получили доступъ къ высшему юридическому образованію, но и въ будущемъ судѣ, истинно „правомъ, милостивомъ, скоромъ и равномъ для всѣхъ“, женщинамъ, наравнѣ съ мужчинами, закономъ было предоставлено право защищать интересы другихъ и вступать въ составъ присяжной адвокатуры.

Н. Павловъ-Сильванскій.

Наши газеты и журналы.

(„Московскія Вѣдомости",—„Русскій Вѣстникъ", „Гражданинъ").

Фактически у насъ уже существуетъ полусвобода печати, существуетъ, хотя бы въ томъ смыслѣ, что теперь вы можете найти въ прессѣ слова, на которыя администрація накладывала раньше строжайшее вето: „конституція", „народное представительство", „неприкосновенность личности и жилища" и т. п. Правда, нельзя сказать, чтобы вы могли безпрепятственно развивать свои мысли по поводу этихъ понятій. Но уже то обстоятельство, что упомянутыя слова начинаютъ входить въ обиходъ періодической печати, имѣетъ крупное историческое значеніе. Причины такого перелома въ фактическомъ положеніи прессы довольно многочисленны и сложны, чтобы ихъ можно было пріурочить къ какому-либо одному событію, послужившему гранью между старымъ и и новымъ порядкомъ вещей,—какъ это дѣлалось нѣкоторыми публицистами, видѣвшими, напримѣръ, въ кончинѣ В. К. Плеве и въ замѣнѣ его кн. Святополкомъ-Мирскимъ причину всѣхъ послѣдующихъ измѣненій въ отношеніяхъ между правительствомъ и страной.

Спору нѣтъ, исчезновеніе съ исторической сцены человѣка, который всего менѣе могъ считаться „историческимъ", такъ какъ воображалъ, будто на великіе общественные вопросы можно отвѣчать полицейскими мѣрами,—исчезновеніе,—говорю я,—этого человѣка было очень крупнымъ политическимъ событіемъ. И надо быть заядлымъ доктринеромъ и педантомъ, чтобы отрицать важность этого акта на томъ основаніи, что отдѣльныя личности значатъ, молъ, очень мало въ общей эволюціи великой страны. Говорящіе такъ забываютъ, что люди, поставленные судьбою въ узлѣ переплетающихся нитей, которыя приводятъ въ движеніе государственный механизмъ, пріобрѣтаютъ неизмѣримо большее вліяніе на судьбы данной страны, чѣмъ того можно было бы ожидать лишь на основаніи ихъ индивидуальныхъ свойствъ.

Но, съ другой стороны, вѣрно то, что кончина В. К. Плеве могла произвести все свое дѣйствіе только потому, что въ странѣ проявились къ тому времени новыя общественныя силы, которыя вступили въ борьбу со старымъ порядкомъ вещей и своимъ выступленіемъ болѣе или менѣе ясно показали, что возвратъ или продолженіе прежней системы реакціи немыслимо. „Политика довѣрія" къ странѣ, провозглашенная кн. Святополкомъ-Мирскимъ, была въ сущности вынуждена „политикой довѣрія" къ старому режиму, которую подавляемое бюрократіей общество практиковало издавна, хотя въ крайне робкихъ и нерѣшительныхъ фор-

махъ. Правящія сферы поняли, что паденіе Плеве должно было повести за собой крушеніе,—хотя бы и частное,—политики боевого министра внутреннихъ дѣлъ; и что, если можно было пытаться возобновить нѣкоторыя стороны тактики „зажима", то цѣликомъ пустить ее въ ходъ по отношенію къ русскому обществу становилось вещью невозможною. Извнѣ и внутри страны событія работали на пользу прогрессивныхъ элементовъ общественной жизни. На крайнемъ Востокѣ неудачи слѣдовали за неудачами, пораженія смѣнялись пораженіями, обнаруживая всю несостоятельность нашей бюрократіи справиться съ задачами военнаго времени. Внутри Россіи. и въ центрѣ и на окраинахъ, росли и обнаруживались оппозиціонныя теченія, которыя сдерживались до поры до времени административными плотинами, но теперь тѣмъ съ большею силою выливали изъ береговъ и сливались въ одинъ разноводный, но широкій потокъ. Эти элементы оппозиціи не явились, конечно, по волшебству на второй день послѣ того, какъ Плеве сошелъ въ могилу, напутствуемый рѣзкой или сдержанной критикой большинства органовъ прессы и рѣдкими заупокойными похвалами крайнихъ реакціонеровъ. Упомянутые оппозиціонные элементы развивались и при Плеве и, въ извѣстномъ смыслѣ можно даже сказать, культивировались его политикой безпощаднаго подавленія самомалѣйшихъ признаковъ общественной дѣятельности.

Въ земствахъ, въ печати, среди ученыхъ и техническихъ обществъ, между адвокатами и педагогами, въ широкихъ слояхъ трудящагося населенія какъ города, такъ и деревни росъ и зрѣлъ протестъ противъ ревнивой опеки становившагося взрослымъ общества со стороны администраціи. Система Плеве доводила себя этими пріемами до абсурда. Когда такіе умѣренные дѣятели, какъ Д. Н. Шиповъ, преслѣдовались министромъ, возведшимъ „зажимъ" на высоту правильнаго учрежденія, какъ серьезные враги общественнаго порядка, то пограничная линія между лояльной оппозиціей, — которую можно было бы назвать, согласно англійской политической терминологіи, „оппозиціей ея величества", — и между революціонерами совершенно стиралась самой же властной рукой Плеве. Въ результатѣ получалось ожесточеніе среди самыхъ скромныхъ фракцій оппозиціи; онѣ начинали соображать, что если административные перуны поражаютъ столь же легко умѣренныхъ либераловъ или даже славянофиловъ, какъ и представителей революціонныхъ партій, то традиціонная политика русскихъ либераловъ, основанная на крайней подчиненности власти, должна уступить мѣсто болѣе самостоятельному отношенію къ ней. Потому-то, когда режимъ Плеве палъ, — по крайней мѣрѣ, отчасти — съ самимъ Плеве, и новый министръ внутреннихъ дѣлъ счелъ нужнымъ ослабить нѣсколько давленіе административнаго гидравлическаго пресса, то на всемъ пространствѣ

обширной Имперіи общественное мнѣніе различныхъ соціальныхъ слоевъ и взгляды разныхъ учрежденій высказались съ достаточной опредѣленностью. Не было, можно сказать, ни одного вопроса, касающагося политическаго или экономическаго положенія страны, который бы не былъ затронутъ съ разныхъ точекъ зрѣнія представителями различныхъ мнѣній.

И,—фактъ довольно новый и знаменательный для Россіи, — эти различныя мнѣнія связали вокругъ себя личностей въ извѣстныя группировки, которыя можно, не смотря на ихъ сравнительную примитивность и неразвитость, уподобить политическимъ партіямъ старыхъ цивилизованныхъ странъ. Соотвѣтственно съ этимъ и русская печать стала носить въ настоящее время характеръ, напоминающій политическую прессу Западной Европы и Америки.

Передовыя статьи на жгучіе вопросы дня; перепечатка резолюцій различныхъ корпоративныхъ учрежденій относительно тѣхъ или другихъ пунктовъ политической программы; корреспонденціи, то разоблачающія злоупотребленія мѣстной администраціи, то описывающія борьбу мѣстныхъ же партій, вплоть до подвиговъ „черной сотни", наталкивающей то нашу мелкую буржуазію, то крестьянъ, то босяковъ противъ „студентовъ"; наконецъ, ожесточенная, все чаще и чаще становящаяся принципіальной полемика между органами различныхъ направленій,—все это представляетъ зрѣлище, необычное для Россіи, и заставляетъ думать, что мы у преддверія рѣшительныхъ перемѣнъ, которыя окончательно пріобщатъ нашу родину къ общеміровой политической и культурной жизни.

Въ такой историческій моментъ чтеніе нашей періодической прессы начинаетъ пріобрѣтать большой интересъ. И я увѣренъ, что будущій историкъ русскаго освободительнаго движенія обратится къ изученію нашей современной печати, чтобы отдать себѣ отчетъ въ силахъ, вызвавшихъ большую встряску и спасительный кризисъ, переживаемый Россіею въ началѣ XX вѣка. А пока что, присмотримся къ политической прессѣ нашего охранительнаго лагеря, за которымъ такъ долго, ко вреду русскаго прогресса, сохранялась монополія поносить своихъ противниковъ, связанныхъ по рукамъ и ногамъ.

Остановимся на нѣкоторыхъ статьяхъ „Московскихъ Вѣдомостей", органа, который интересенъ въ томъ отношеніи, что выражаетъ мнѣнія крайней правой нашихъ „охранителей" и потому даетъ намъ хорошее понятіе о томъ, чѣмъ стала бы Россія, если бы историческому фатуму угодно было отдать великую страну на потокъ и разграбленіе фирмѣ Грингмута и К°. Передо мною лежитъ съ полторы дюжины номеровъ „Московскихъ Вѣдо-

мостей", за первую половину апрѣля, и въ нихъ есть, по крайней мѣрѣ, десятокъ статей, характеризующихъ, какъ нельзя лучше, міровоззрѣніе этой газеты сыска по преимуществу. Беру наугадъ одинъ изъ вопросовъ, занимающихъ въ настоящее время общественное мнѣніе страны, вопросъ о „безпорядкахъ". Дѣйствительно, на всемъ пространствѣ Имперіи, среди разныхъ классовъ, слоевъ и группъ населенія, обнаруживается сильное недовольство современнымъ межеумочнымъ положеніемъ вещей, которое не представляетъ собою вполнѣ чистой реакціи и въ то же время далеко не удовлетворяетъ нормальнымъ требованіямъ общественнаго развитія. Волнуются рабочіе, волнуются студенты. Индѣ подозрительные элементы въ трогательномъ союзѣ съ мѣстными Держимордами пытаются „высаживать днище" у интеллигенціи. Адвокаты, инженеры, педагоги, земцы, купцы, промышленники, вплоть до лицъ духовнаго званія, заявляютъ о томъ, что такъ дальше жить нельзя, что нужно вывести страну изъ состоянія страшнаго недомоганія, въ которомъ она находится. А тамъ, въ деревняхъ, какъ въ самой Россіи, такъ и на окраинахъ, наголодавшееся крестьянство, вертясь на своемъ нищенскомъ надѣлѣ и изнемогая подъ бременемъ налоговъ, фатально тянется къ землѣ и сталкивается съ привилегированнымъ владѣніемъ. Какъ видите, повсюду накопилось много горючихъ матеріаловъ. Повсюду насъ обступаетъ цѣлая чаща вопросовъ, настоятельно ищущихъ разрѣшенія. И мыслящіе русскіе люди, къ какимъ бы направленіямъ ни принадлежали, задумываются надъ устраненіемъ препятствій, лежащихъ на пути къ установленію нормальной жизни въ странѣ. Лишь одни руководители „Московскихъ Вѣдомостей" тянутъ свою старинную пѣсню, ту пѣсню, которую, какъ имъ уже давно было сказано, они переняли у волка. Подавленіе силой общественныхъ стремленій—вотъ единственная политика, рекомендуемая центральной власти г. Грингмутомъ и его приспѣшниками. Эта программа проста до наивности: если передъ вами человѣкъ корчится отъ боли и издаетъ стоны, вертясь съ боку на боку и не находя себѣ, какъ говорится, мѣста, то заткните ему ротъ и надѣньте на него горячечную рубашку. Паціентъ умолкнетъ и принужденъ будетъ лежать смирно. Его болѣзнь не проявляется ни въ чемъ внѣшнемъ и, стало быть, радикально излѣчена—не такъ ли? Лишь когда субъектъ, подвергшійся этому способу лѣченія, предлагаемому эскулапами изъ „Московскихъ Вѣдомостей", успокоится—успокоится, можетъ быть, навсегда,—тогда можно будетъ, согласно мнѣнію этихъ ученыхъ господъ, спросить больного, точно ли онъ страдалъ и не надо ли ему было чего. Уже Маколей опредѣлилъ точку зрѣнія, на которой стоятъ люди направленія „Московскихъ Вѣдомостей", сказавъ о реакціонныхъ правительствахъ: „когда народъ требуетъ реформъ и волнуется, они отказываются выслушать его подъ тѣмъ предлогомъ, что для проведенія новыхъ мѣръ нужно обще-

ственное спокойствіе; а когда народъ молчитъ и терпѣливо ждетъ реформъ, они опять-таки ничего не дѣлаютъ для него подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ спокоенъ и, стало быть, не желаетъ ничего лучшаго". Въ настоящее время „Московскія Вѣдомости" полагаютъ, что реформъ ни въ какомъ случаѣ не надо, ибо въ странѣ идутъ „безпорядки".

Въ № 94 почтенной газеты передовица какъ разъ трактуетъ о „Мѣрахъ противъ безпорядковъ". Оказывается, что г. Грингмутъ получилъ „цѣлый рядъ писемъ, касающихся этого предмета". Но остался недоволенъ большинствомъ ихъ, ибо „авторы" ихъ не лучше, молъ, понимаютъ практическія требованія минуты, чѣмъ и „наши либералы, начитавшіеся западно-европейскихъ книжекъ и надоѣвшіе всѣмъ своими пошлыми криками о томъ, что только всевозможныя „свободы" способны вернуть Россіи то спокойствіе, въ которомъ она такъ нуждается". Исключеніе сдѣлано, впрочемъ, газетой для одного письма. Сдѣлано въ виду особыхъ достоинствъ ея автора. Имъ является „одинъ изъ видныхъ представителей русской арміи, знающій хорошо не только солдата, но и потребности населенія Россіи, и выступающій съ предложеніемъ, способнымъ дѣйствительно привести къ желаемой цѣли".

„Видный представитель русской арміи", письмо котораго г. Грингмутъ печатаетъ въ томъ самомъ номерѣ, что и передовицу, совѣтуетъ завести по всей Россіи „временно" генералъ-губернаторства съ обширными полномочіями, простирающимися какъ на военныя, такъ и на гражданскія дѣла. Въ планѣ автора письма предлагается, такимъ образомъ, съ одной стороны, „децентрализація" власти, ибо генералъ-губернаторствъ предлагается нѣсколько, съ другой стороны, усиленія ея въ предѣлахъ каждаго дѣленія, ибо лицо, обладающее такими полномочіями, явится настоящимъ диктаторомъ. Планомъ военнаго человѣка мы не намѣрены, впрочемъ, много заниматься, ограничиваясь лишь замѣчаніемъ, что отъ „виднаго представителя русской арміи" можно было бы скорѣе ожидать плана кампаніи по его спеціальности,—ну, хотя бы для военныхъ дѣйствій на Крайнемъ Востокѣ, гдѣ наши дѣла, какъ извѣстно, идутъ очень плохо и на сушѣ, и на морѣ,—чѣмъ плана гражданской войны, или, точнѣе выражаясь, плана похода русскаго бюрократическаго строя противъ русскаго же народа.

Но не мѣшаетъ нѣсколько болѣе остановиться на передовицѣ, представляющей схолію или глоссу,—какъ любили выражаться древніе комментаторы,—къ стратегическимъ соображеніямъ военнаго человѣка. Авторъ передовицы находитъ, что „видный представитель русской арміи" пошелъ еще недостаточно далеко по пути мѣръ, имѣющихъ въ виду сокрушеніе націи. „Московскія Вѣдомости" полагаютъ, что всѣ отдѣльныя генералъ-губернатор-

ства должны быть объединены учрежденіемъ еще особой центральной власти, которая носила бы характеръ настоящей диктатуры. Итакъ, вотъ ключъ къ рѣшенію всѣхъ трудностей момента. Подавляй и управляй! Понятно, тамъ, гдѣ пройдетъ нога этого представителя сильной власти, какъ ее понимаютъ „Московскія Вѣдомости", этого диктатора, и трава не должна расти: свѣжіе побѣги новой жизни, которые только что стали пробиваться изъ подъ начавшей оттаивать почвы, должны быть безжалостно растоптаны людьми, не способными остановиться ни передъ „западно-европейскими книжками", ни передъ „пошлыми криками о свободахъ". А, ты устраиваешь стачки, рабочій! Ты организуешь забастовки, студентъ! Ты болтаешь о законности, адвокатъ! Ты желаешь свободы печати, писатель! Ты рвешься къ землѣ, мужикъ! Вы всѣ, люди оппозиціи, вы желаете строя, при которомъ потребности народа могли бы выражаться при помощи вашихъ представителей, а не составлять предмета безчисленныхъ „входящихъ" и „исходящихъ", надъ которыми работаетъ, скрипя, лѣсъ чиновничьихъ перьевъ! Вотъ ужо, погодите: всѣ эти страшные „безпорядки" и всѣ они должны быть безжалостны искоренены тѣмъ доблестнымъ диктаторомъ, тѣмъ Цинциннатомъ охранительства, необходимость котораго провозгласитъ сенатусъ-консультъ эпигоновъ Каткова и котораго изберетъ на этотъ важный постъ доблестный мужъ Consul Gringmuthus.

Недаромъ органъ г. Грингмута и К° все время и спитъ, и видитъ враговъ отечества, и все время пропагандируетъ военные законы, кары, висѣлицы и т. п. Вотъ вамъ статья „Временныя мѣры и постоянные законы", изображающая яркими красками современную „смуту" въ Россіи и предлагающая лѣчить ее драконовскими мѣрами. Смута обрисована очень чувствительно, и при чтеніи нижеслѣдующихъ строкъ читателя даже страхъ пробираетъ: „Попраны законы не только божескій, но и человѣческій. Воцарился такой хаосъ, въ вихрѣ котораго слышатся одни дерзкіе и наглые голоса революціонныхъ бандъ, водворившихся и въ различныхъ ученыхъ и иныхъ обществахъ. Прокламаціи безбоязненно не только печатаются, но и разсылаются (не за казенною ли еще печатью)?.. Да, что же это такое?.."

Болѣзнь описана хорошо, но не менѣе удачно и энергично охарактеризовано и лѣченіе: „Необходимо положить этому конецъ,—но не въ видѣ уступокъ, не въ видѣ приступа къ выработкѣ, подъ насиліемъ, какихъ-либо постоянныхъ законовъ, — а принятіемъ мѣръ временныхъ, но мѣръ непремѣнно энергичныхъ, рѣшительныхъ; потребуется сила, потребуются жертвы, — что же дѣлать? Этихъ жертвъ будетъ во всякомъ случаѣ меньше,

чѣмъ, если будетъ продолжаться смута. Провозгласите военное положеніе, введите военные законы, но положите конецъ бунту, смутѣ, заставьте исполнять законъ, и нарушителей его карайте. Попустительство же полнаго пренебреженія законовъ только усиливаетъ смуту и, опьяняя бѣсноватыхъ, вводитъ даже здравые и трезвые элементы общества въ сомнѣніе: да, полно, есть ли на самомъ дѣлѣ въ Россіи власть, дѣйствуютъ ли въ ней какіе-либо законы?“

Наши охранители любятъ громыхать негодующимъ краснорѣчіемъ въ сторону „революціонеровъ“, „варваровъ“, „разрушителей культуры“, которые яко бы обуреваются кровожадными побужденіями и которые ставятъ человѣческую жизнь ни во что. Но присмотритесь къ психологіи самихъ охранителей. Прямо—Мараты да и только! „Потребуется сила, потребуются жертвы,—что же дѣлать! Этихъ жертвъ будетъ во всякомъ случаѣ меньше, чѣмъ, если будетъ продолжаться смута“. Каковъ размѣръ энергіи подавленія, какова амплитуда зажима! Вѣдь и Маратъ требовалъ въ извѣстный моментъ французской революціи триста тысячъ головъ измѣнниковъ отечества, чтобы патріоты не были послѣ вынуждены гильотинировать милліонъ! Г. Грингмутъ представляетъ собою Марата навыворотъ, ибо столпъ „Московскихъ Вѣдомостей“ проповѣдуетъ насиліе, требуетъ жертвъ, алчетъ крови, имѣя въ виду примѣнить эту тактику по отношенію ко всей современной „смутѣ“, т. е. ко всей мыслящей Россіи и активнымъ элементамъ трудящихся массъ, ради интересовъ бюрократіи и самыхъ реакціонныхъ слоевъ привилегированнаго владѣнія.

Чтобы видѣть, какъ мало публицисты Страстного бульвара стѣснялись бы, съ точки зрѣнія пропагандируемой ими сильной власти, „диктатуры“ и т. д., прибѣгать къ самымъ крутымъ мѣрамъ въ борьбѣ съ противниками, достаточно пробѣжать въ № 100-мъ статью нѣкоего г. Николая Васильева. Она посвящена соображеніямъ, которыя внушены автору сообщеніемъ, помѣщеннымъ въ „Новомъ Времени“ о томъ, что „резолюція помощниковъ московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ требовала учрежденія республики“. Г. Васильевъ доказываетъ, что такая резолюція подходитъ подъ статью 99 уголовнаго уложенія и, стало быть, въ качествѣ „тяжко-преступнаго дѣянія“, должна наказываться „смертною казнью и каторгою безъ срока“. Совершивъ эту юридическую экскурсію, авторъ статьи разражается дальше слѣдующей филиппикой, которой, очевидно, надѣется повергнуть въ трепетъ и смятеніе помощниковъ московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ: „Въ виду всего этого,—*умѣстенъ ли* приведенный въ газетномъ сообщеніи отзывъ о разъясненномъ тяжкомъ преступленіи только какъ о „*неумѣстной*“ (стало быть, чуть чуть не невинной) „петиціи“?

„При крайней развинченности нервовъ у нашей интеллиген-

ціи, — нервовъ, нисколько не воспріимчивыхъ къ злодѣйскимъ убійствамъ крамольныхъ бомбометателей и къ инымъ дѣяніямъ этихъ и иныхъ водворителей „правового порядка“, — иныхъ людей (?) изъ среды этой интеллигенціи можетъ взволновать суровая строгость вышеуказанныхъ каръ, установленныхъ закономъ.

„Ну — это кто какъ судитъ. Но, если бы, — допущу невозможный, по моему убѣжденію, случай, — если бы, напримѣръ, лично я и самые близкіе мнѣ люди оказались виновными въ томъ, что совершили гг. помощники московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ, и были бы мы, — совершено заслуженно — приговорены къ смертной казни или къ безсрочной каторгѣ, — могли ли бы мы, предъ исполненіемъ этого приговора, сказать что-либо, кромѣ словъ разбойника, распятаго одновременно съ Господомъ Іисусомъ Христомъ: „Мы достойное по дѣламъ нашимъ пріяли?“

Какъ argumentum ad hominem очень хорошо! На алтарѣ своего политическаго идеала г. Васильевъ предположительно закалаетъ себя и даже „самыхъ близкихъ ему людей“. Но уже совсѣмъ не предположительно требуетъ „смертной казни или безсрочной каторги“ для помощниковъ московскимъ присяжныхъ повѣренныхъ. Теперь вдумайтесь въ положеніе вещей. Какъ бы безупречны съ чисто юридической точки зрѣнія ни были доводы г. Васильева, публицистъ, пропагандирующій драконовскія мѣры устрашенія, забываетъ, что само уголовное уложеніе въ своемъ настоящемъ видѣ является историческимъ анахронизмомъ въ пробуждающейся Россіи; что теперь именно и идетъ рѣчь о выработкѣ правовыхъ нормъ, болѣе соотвѣтствующихъ современной ступени общественнаго самосознанія. Не хочетъ онъ знать и того, что высочайшій указъ правительствующему сенату отъ 18 февраля предоставляетъ собраніямъ и частнымъ лицамъ право вносить въ совѣтъ министровъ пожеланія объ обще-государственныхъ нуждахъ. Стало быть, какъ бы крайни и рѣзки ни были эти пожеланія, они могутъ казаться упомянутому совѣту „неумѣстными“ (это и было съ резолюціей, о которой идетъ рѣчь), — но считать ихъ преступными было бы верхомъ чудовищности. Разъ эти пожеланія касаются „общегосударственныхъ нуждъ“, они могутъ и должны безпрепятственно выражаться. И если бы ихъ рѣзкій и радикальный характеръ долженъ влечь за собою страшныя наказанія, призываемыя на главу составителей резолюцій „Московскими Вѣдомостями“, то тѣмъ самымъ высочайшій указъ 18 февраля оказывался бы провокаціонной западней, устроенной представителями современнаго политическаго режима русскому общественному мнѣнію и наиболѣе сознательнымъ и инициативнымъ гражданамъ. Ибо онъ клонился бы къ тому, чтобы, вывѣдавъ путемъ резолюцій мнѣнія лицъ и учрежденій въ области общегосударственныхъ нуждъ, вырвать насильственно изъ рядовъ оппозиціонной арміи наиболѣе энергичныхъ людей, т. е.

тотъ элементъ, который и долженъ играть наибольшую роль въ дѣлѣ предположеннаго политическаго и соціальнаго преобразованія страны. Словомъ, наказывать высказываемыя легальнымъ путемъ пожеланія могло только придти въ голову „Московскимъ Вѣдомостямъ", которыя, очевидно, не могутъ видѣть политическія дѣйствія иначе, какъ сквозь призму сыска...

Но „Московскія Вѣдомости" не только считаютъ преступленіемъ, заслуживающимъ самыхъ страшныхъ каръ, даже самое „пожеланіе" республики. Онѣ стараются свести все предстоящее у насъ разнообразіе борьбы политическихъ партій къ столкновенію двухъ единственныхъ враждебныхъ силъ, совершенно въ духѣ своего аляповато-реакціоннаго міровоззрѣнія, не считающагося съ оттѣнками борющихся фракцій. Такъ, по поводу „земско-дворянскаго съѣзда", который долженъ былъ состояться въ Москвѣ и на которомъ долженъ былъ выступить, между прочимъ, и Д. Н. Шиповъ, комично считаемый „Московскими Вѣдомостями" „коноводомъ революціоннаго движенія въ Россіи", публицисты со Страстного бульвара выражаются съ № 98 слѣдующимъ образомъ:

„...Въ Россіи въ настоящее время могутъ быть только двѣ партіи съ ясно очерченными программами и планами дѣйствій: 1) партія *монархическая*, недопускающая ни малѣйшаго ограниченія самодержавной царской власти, и 2) партія *революціонная*, желающая ограничить или даже уничтожить самодержавіе русскихъ царей.

„Всѣ „промежуточныя" партіи, желающія соединить несоединимое, самодержавіе съ народовластіемъ, самодержавіе подъ надзоромъ „народа",—въ видѣ земскаго собора, или западнаго парламента,—всѣ эти партіи политическаго *двуличія* являются ничѣмъ инымъ, какъ проповѣдниками лживыхъ и вредныхъ фантазій, отъ осуществленія которыхъ да хранитъ Господь Россію...

„Мы организуемъ строгую, безусловную *монархическую* партію на основѣ высочайшаго манифеста 18-го февраля, которому, какъ мы уже неоднократно доказывали, высочайшій рескриптъ 18-го февраля нисколько не противорѣчитъ.

„Наша партія никакихъ компромиссовъ съ народовластіемъ не знаетъ; она требуетъ прежде всего немедленнаго водворенія нормальнаго и законнаго порядка во внутренней жизни Россіи, неуклоннаго продолженія войны до полной побѣды надъ внѣшнимъ врагомъ, а затѣмъ уже плодотворныхъ реформъ при непремѣнномъ условіи сохраненія основъ царскаго самодержавія".

Итакъ вотъ: двѣ партіи, монархическая и революціонная. Что бы вы ни говорили г. Грингмуту и его присныхъ по духу относительно того, что такое дѣленіе дѣтски-грубо и невѣрно; что „монархическая" партія, какъ ее понимаютъ „Московскія Вѣдомости", составляетъ лишь одну и, вѣроятно, незначительную

фракцію въ лагерѣ монархистовъ, между которыми найдутся и сторонники конституціи, и сторонники совѣщательнаго земскаго собора; что относить къ революціонерамъ всѣхъ тѣхъ, кто только не хочетъ остаться на разрыхленной событіями и колеблющейся почвѣ стараго режима, значитъ не имѣть ровно никакого понятія о современномъ политическомъ движеніи въ Россіи,—всѣ эти ваши возраженія не могутъ поколебать взглядовъ такого знатока нашего положенія, какимъ является руководитель „Московскихъ Вѣдомостей". Сказано „монархическая" и „революціонная", и кончено. Монархисты, это—люди, стоящіе цѣликомъ на точкѣ зрѣнія заядлыхъ реакціонеровъ à la Грингмутъ. Революціонеры, это—люди, желающіе хоть какого-нибудь измѣненія въ современномъ положеніи. Такъ что является большимъ вопросомъ, въ какой степени столпы „Московскихъ Вѣдомостей" представляютъ себѣ возможность проведенія „плодотворныхъ реформъ при непремѣнномъ условіи сохраненія основъ царскаго самодержавія", если подъ этимъ разумѣть неприкосновенность современнаго бюрократическаго строя. Вѣдь зачисляютъ же „Московскія Вѣдомости" въ категорію „революціонеровъ" Д. Н. Шипова, того самого г. Шипова, который занятъ теперь организаціей самой умѣренной фракціи оппозиціоннаго движенія и котораго ужъ, конечно, нельзя обвинить въ томъ, что онъ желаетъ колебать основы самодержавія.

Не надо быть особымъ психологомъ, чтобы понимать, что въ сущности вся программа „Московскихъ Вѣдомостей" сводится къ упорному, къ свирѣпому охраненію statu quo; и что въ злобно-старчески шепелявящихъ устахъ г. Грингмута всякое упоминаніе о реформахъ звучитъ жесточайшей ироніей. Sint, ut sunt, aut non sint!—пусть дѣло идетъ, какъ до сихъ поръ шло, а иначе пусть сгинетъ лучше вся Россія,—такъ ежедневно, ежечасно долженъ повторять въ безсильной злобѣ на происходящее нынѣ повсюду движеніе русскій патріотъ изъ инородцевъ, руководящій „Московскими Вѣдомостями". И, дѣйствительно, какъ только заходитъ рѣчь о самомалѣйшей реформѣ, такъ сейчасъ же на столбцахъ охранительной газеты раздаются скрежетанья зубовъ и пронзительный призывъ къ властямъ не допускать новшествъ и сокрушить чающихъ движенія воды и общественнаго прогресса. Въ этомъ отношеніи высоко знаменательна та позиція, которую „Московскія Вѣдомости" взяли по отношенію къ реформѣ православной церкви. Суть дѣла, какъ уже, конечно, извѣстно читателю, заключалась въ томъ, что высшіе іерархи выразили пожеланіе, чтобы церковь снова была построена на соборномъ началѣ и патріаршествѣ, какъ духовной и независимой власти, вытекающей изъ свободныхъ выборовъ представителей клира. Дѣлалась попытка превратить православіе изъ духовнаго жан-

дарма русскаго государства въ самодовлѣющій организмъ, который пользовался бы широкими полномочіями въ области духовныхъ вопросовъ. Замѣтьте, сами „Московскія Вѣдомости“ въ лицѣ слишкомъ извѣстнаго г. Л. Тихомирова, когда реформа эта относилась лишь къ категоріи смутныхъ чаяній, были не противъ соборной организаціи церкви и патріаршества. Но вотъ смутное чаяніе стало принимать опредѣленную форму и идти къ осуществленію. Этого охранительной газетѣ было достаточно, чтобы вывернуть свою хламиду на изнанку и начать сжигать то, чему она поклонялась, и поклоняться тому, что она сжигала.

Когда преосвященный Исидоръ выразилъ свой рѣзкій протестъ противъ статьи „Церковный переворотъ“, написанной во Христѣ воинствующимъ инородцемъ Грингмутомъ и направленной противъ митрополита Антонія, который высказался за реформу православной церкви, то г. Левъ Тихомировъ счелъ нужнымъ взять на себя роль россійскаго Вёйльо, надзирающаго за правовѣрностью самихъ представителей церкви, и написалъ пр. Исидору письмо или отповѣдь, заключающую въ себѣ взглядъ на отношеніе русскихъ реакціонеровъ къ церковной реформѣ. Г. Тихомировъ, изволите-ли видѣть (см. № 95 „Московскихъ Вѣдомостей“), стоитъ „безусловно за патріаршество и за соборы“. Но въ настоящее время онъ и люди его направленія, „мы,—какъ говоритъ онъ,—вовсе не желаемъ подъ видомъ церковнаго возрожденія служить политическимъ (и отчасти очень опаснымъ и подозрительнымъ) планамъ“. А въ результатѣ—формула такого тактическаго отношенія къ предмету, которое должно свестись на практикѣ къ рѣшительному ничегонедѣланію во имя реформы, признанной, однако, раньше желательной. Ибо, въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны, „мы“ г. Тихомирова „желаетъ собора, и пусть, де, соборъ рѣшитъ, что нужно дѣлать. Достаточно насильничали надъ церковью. Пусть ее устроитъ не Витте, не митрополитъ Антоній со штатомъ, а соборъ“. Но, съ другой, „мы желаемъ отстранить политикановъ отъ дѣла“. Значитъ, разъ политиканы (въ эту общую скобку г. Тихомировъ заключаетъ—и г. Витте, и митрополита Антонія) не захотятъ „отстраниться отъ дѣла“, то нашъ русскій Вёйльо,—я говорю, разумѣется, о претензіяхъ г. Тихомирова, а не о его маленькой, жалкой, чисто патологической фигуркѣ и объ окончательно вывѣтрившемся талантѣ,—не можетъ сдѣлать ни шагу для практическаго осуществленія реформы.

Пр. Исидоръ прибѣгъ по поводу этого письма къ пріему, не лишенному остроумія, а именно, онъ напечаталъ посланіе нашего ревнителя просвѣщенія въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ вмѣстѣ съ отвѣтомъ и комментаріями на него и тѣмъ повергъ г. Тихомирова въ немалое смущеніе. Стараясь парировать ударъ, нанесенный ему балахнинскимъ епископомъ, г. Тихомировъ забавно

старается выдать свое письмо къ пр. Исидору за частное или даже конфиденціальное и еще болѣе забавно называетъ письмо пр. Исидора „доносительнымъ сообщеніемъ“ въ виду того, что „я, г. Тихомировъ, не стѣсняясь, говорилъ въ немъ „о лицахъ и событіяхъ“. Этого г. Тихомировъ со свойственнымъ его настоящей физіономіи своеобразнымъ горделивымъ молчалинствомъ не могъ переварить. Помилуйте, въ своемъ письмѣ онъ чуть-ли не „истину царямъ съ улыбкой говоритъ“, или, точнѣе выражаясь, не совсѣмъ почтительно отзывается о „Сергѣѣ Юльевичѣ Витте“ и „митрополитѣ Антоніи“. И вдругъ лицо, которому писались эти широковѣщательныя назиданія и эти отзывы о людяхъ, занимающихъ извѣстное положеніе въ свѣтской и духовной іерархіи, пускаетъ эту эпистолу г. Тихомирова въ обращеніе, публикуетъ ее и дѣлаетъ по ея поводу свои замѣчанія. Изъ политическаго документа г. Тихомировъ хочетъ теперь превратить свое письмо въ чисто личное и конфиденціальное и съ уморительнымъ ужасомъ кричитъ о веревкѣ въ домѣ повѣшеннаго, толкуя о „доносительномъ сообщеніи“ на столбцахъ „Московскихъ Вѣдомостей“, тѣхъ самыхъ „Московскихъ Вѣдомостей“, вся дѣятельность которыхъ вотъ уже въ теченіе 45 лѣтъ выражается въ сплошномъ „доносительномъ сообщеніи“ на все, что было въ Россіи великаго, честнаго и благороднаго.

Впрочемъ, всѣ эти попытки потопить суть вопроса въ посторонних мелочахъ и сдвинуть его въ сторону отъ центральной оси ни на минуту не могутъ ввести въ заблужденіе мало-мальски внимательнаго читателя „Московскихъ Вѣдомостей“. Соборная организація православной церкви и патріаршество представляютъ собою несомнѣнныя реформы для застарѣлой государственной религіи Россіи. И этого вполнѣ достаточно для того, чтобы наши охранители ополчились всѣми силами своей злобствующей души противъ нововведенія, къ которому стремится, — замѣтьте это, — даже такое консервативное учрежденіе, какимъ является русская православная іерархія. Недреманное око Spectator'а (въ вольномъ русскомъ переводѣ „соглядатая“) узрѣло крокодила на днѣ сего злокозненнаго новшества. А какого крокодила, о томъ достаточно ясно говоритъ статья только что упомянутаго столпа „Московскихъ Вѣдомостей“. Статья эта носитъ многозначительное, почти трагическое названіе „Чего они хотѣли“. Отъ нашего провидца и чтеца въ чужихъ сердцахъ меньшаго и ожидать было трудно. Итакъ, „чего они хотѣли“? А вотъ чего: „Явилась идея расколоть несокрушимую доселѣ вѣковую тріединую силу Россіи—православіе, самодержавіе и народность, возстановить, хотя бы призрачно, церковь и народъ противъ царя, и черезъ нихъ потребовать отъ царя немедленнаго прекращенія войны и все того же позорнаго мира. Чтобы достигнуть этого, необходимымъ являлось созданіе

фикціи „народной воли“ въ лицѣ земскаго собора, государственной думы или иного „представляющаго народъ“ собранія, а съ другой стороны, фикціи „воли Божьей“ въ лицѣ церковнаго собора и послушнаго внѣшнему вліянію патріарха. Развѣ тогда самодержавіе могло бы устоять противъ дружнаго натиска „церкви“ и „народа“, если бъ они одновременно потребовали немедленнаго заключенія мира?“.

Оставимъ въ сторонѣ вопросъ о мирѣ и войнѣ, какъ объ очень важномъ, но все же случайномъ явленіи въ жизни страны, и посмотримъ, что собственно удручаетъ охранительное сердце Spectator'а. Дѣло очень просто. Если на Западѣ наука была служкою теологіи, theologiae ancilla, то у насъ на Востокѣ религія и ея внѣшнее выраженіе, церковь, были слугами въ сущности сложной системы единоличныхъ воль безчисленныхъ бюрократовъ. Вотъ противъ измѣненія такого-то положенія дѣлъ и протестуютъ „Московскія Вѣдомости“. Онѣ совершенно логично разсуждаютъ, что стоитъ только хоть въ одномъ какомъ-нибудь пунктѣ стараго административнаго порядка завестись выборному началу, возникнуть мало-мальски самостоятельному органу, независящему отъ бюрократіи, и крупная брешь будетъ пробита въ современномъ политическомъ строѣ, и ферментъ броженія разойдется мало-по малу по всѣмъ частямъ отживающаго организма.

Съ этой точки зрѣнія мы можемъ смѣло утверждать, не обращая вниманія на лицемѣрные протесты людей, держащихся направленія „Московскихъ Вѣдомостей“, что „православіе“ имѣетъ значеніе для нашихъ охранителей лишь постольку, поскольку оно является политическимъ орудіемъ закрѣпощенія общества и народа въ интересахъ уже упомянутаго бюрократическаго господства. Мы видѣли, съ какимъ нескрываемымъ раздраженіемъ „Московскія Вѣдомости“ накидываются на „политикановъ“, требующихъ соборной организаціи православной церкви. И видѣли, что въ число этихъ „политикановъ“ гг. Грингмуты и Тихомировы не прочь помѣстить даже и высшихъ іерарховъ, въ родѣ митрополита Антонія, разъ они желаютъ хоть тѣни самостоятельности церкви. Можно быть увѣреннымъ, что повторись у насъ теперь времена Іоанна Грознаго и заведись пастыри въ родѣ Филиппа, „Московскія Вѣдомости“ съ истиннымъ наслажденіемъ подвели бы протестующую и обличительную дѣятельность такихъ печальниковъ народа русскаго подъ соотвѣтствующія статьи уголовнаго уложенія, грозя имъ излюбленными карами „смертной казни или безсрочной каторги“, и написали бы восторженный диѳирамбъ „зажиму“ и бюрократической „твердости“ руки какого-нибудь Малюты Скуратова, умѣющаго во время заткнуть ротъ неудобнымъ обличителямъ. Это ужъ въ традиціяхъ русскихъ охранителей, которые очень много говорятъ о православіи и о его роли, какъ одного изъ трехъ „вели-

кихъ“ принциповъ нашей жизни, но которые на практикѣ съ необыкновенной охотой подчиняютъ это духовное начало свѣтскому или даже военно-бюрократическому. Вспомнимъ только исторію святѣйшаго синода при Николаѣ, когда оберъ-прокуроромъ учрежденія былъ, если не ошибаюсь, графъ Протасовъ, приходившій на засѣданія въ военномъ мундирѣ и въ ботфортахъ со шпорами и который чисто по военному же отдавалъ и приказы императора ихъ святѣйшествамъ..

Такъ смотрятъ на одну изъ скромнѣйшихъ реформъ въ религіозной области „Московскія Вѣдомости“, злобно преслѣдующія мысль о соборномъ началѣ въ организаціи православія. Посмотримъ, какъ они относятся къ реформамъ въ общественной жизни. Хорошимъ пробнымъ камнемъ въ этомъ смыслѣ является крестьянская реформа, которой, хочешь не хочешь, приходится теперь заняться въ виду безпримѣрнаго аграрнаго движенія, охватившаго и сѣверо-западъ, и западъ, и югъ, и востокъ, и центръ Россіи.

Мы сейчасъ увидимъ, какія мысли внушаетъ „Московскимъ Вѣдомостямъ“ фактъ образованія особаго совѣщанія по вопросу о мѣрахъ къ укрѣпленію крестьянскаго землевладѣнія, предсѣдателемъ котораго назначенъ тайный совѣтникъ Горемыкинъ. Замѣтимъ прежде всего, что это совѣщаніе является въ смыслѣ бюрократичности шагомъ назадъ по сравненію съ той коммиссіей или, выражаясь оффиціально, тѣмъ особымъ совѣщаніемъ о трудахъ сельско-хозяйственной промышленности, которое работало на основаніи матеріаловъ, собранныхъ сельско-хозяйственными комитетами и въ которомъ такую роль игралъ С. Ю. Витте. Тамъ центральная власть могла хоть въ неполной степени, но все же познакомиться съ мнѣніемъ страны. Здѣсь же мы имѣемъ дѣло цѣликомъ съ бюрократической обработкой вопроса, предполагающей безконечное строченіе чиновниками бумагъ по приказу начальства въ полнѣйшей разобщенности отъ жизни. Этого, конечно, вполнѣ было достаточно, чтобы органъ г. Грингмута съ особымъ чувствомъ принялся за восхваленіе новой коммиссіи и предстоящей ей дѣятельности.

Любопытны опять-таки взгляды „Московскихъ Вѣдомостей“ на смыслъ современнаго аграрнаго движенія и отношенія къ нему общественнаго мнѣнія, равно какъ на задачи, которыя, по крайнему убѣжденію благопопечительнаго г. Грингмута, должны быть рѣшены правительствомъ, желающимъ блага народу. „Особому совѣщанію подъ предсѣдательствомъ И. Л. Горемыкина,“— гласитъ статья въ № 102 „Московскихъ Вѣдомостей“, носящая заглавіе „Укрѣпленіе крестьянскаго землевладѣнія“—„поставлено задачей приложить заботы къ завершенію отграниченія крестьян-

скихъ надѣловъ отъ земель прочихъ владѣльцевъ, дабы тѣмъ самымъ вящшимъ образомъ *утвердить въ народномъ сознаніи убѣжденіе въ неприкосновенности всякой частной собственности* (многозначительный курсивъ „Московскихъ Вѣдомостей", которыя, видимо, неизмѣримо больше заняты „утвержденіемъ" въ народѣ этого понятія о табу, чѣмъ „укрѣпленіемъ собственно крестьянскаго землевладѣнія". В. П.)... „Между тѣмъ,—продолжаетъ авторъ,—подстрекательства къ ликвидаціи частной земельной собственности даже слышатся въ послѣднее время со стороны quasi-ученыхъ профессоровъ. Всѣмъ еще памятна лекція профессора Мануилова, явно пропагандирующая идеи чернаго передѣла... Раздаются подобныя воззванія и въ нашей печати, при ея нынѣшней безшабашной свободѣ. Напримѣръ, еще недавно въ одной изъ петербургскихъ газетъ такъ-таки прямо и было напечатано, что для рѣшенія крестьянскаго вопроса прежде всего необходимо увеличить площадь крестьянскаго землепользованія, а для осуществленія этой, въ высшей степени важной, мѣры правительство можетъ (хорошо еще, что не должно!) предпринять *выкупъ частновладѣльческихъ земель* (опять многозначительный курсивъ „Московскихъ Вѣдомостей", которыя, очевидно, выражаютъ имъ весь ужасъ, обуревающій ихъ душу при видѣ такого революціоннаго проекта, какимъ является „выкупъ частновладѣльческихъ земель". В. П.), которыя и должны быть предоставлены въ пользованіе крестьянъ... Если такая пропаганда открыто ведется на столбцахъ газетъ, то что сказать о подпольныхъ листкахъ и воззваніяхъ, которые нынѣ почти свободно, въ огромномъ количествѣ, распространяются по Россіи? При такомъ положеніи дѣла,—при той свободѣ распространенія ложныхъ и ничѣмъ не оправдываемыхъ слуховъ, какая нынѣ допущена,—тайному совѣтнику Горемыкину придется положить не мало труда и умѣнья, чтобы парализовать всѣ эти кривотолки. Высочайшій указъ отъ 10-го апрѣля разъясняетъ, что всякая собственность неприкосновенна, и что всякое поползновеніе на частное имущество будетъ строго наказываемо, не только въ уголовномъ порядкѣ, но виновные понесутъ и имущественную отвѣтственность. Всѣ эти истины должны быть всюду оглашены въ деревняхъ и при томъ съ церковныхъ каѳедръ, такъ какъ иначе онѣ останутся народу неизвѣстными... Только при этихъ условіяхъ прекратятся аграрные безпорядки"...

Эта статья по истинѣ „примѣчательна", какъ любили у насъ выражаться въ 30-хъ годахъ прошлаго вѣка. Въ ней, какъ нельзя лучше, обрисовывается дѣйствительное отношеніе нашихъ охранителей къ трудящимся массамъ, къ народу, на широкой спинѣ котораго они желали бы цѣлый вѣкъ вести шулерскую карточную игру. Паладины „Московскихъ Вѣдомостей" и присные имъ по духу увѣряютъ, что они ужасно любятъ народъ, любятъ по-

настоящему, по-искреннему, безъ лести, какъ то практикуютъ, молъ, зловредные „либералы“ и „революціонеры“: недаромъ, народъ является реальнымъ носителемъ той грандіозной абстракціи, которая подъ именемъ „народности“ представляетъ одну изъ ипостасей знаменитой уваровской троицы. Словомъ, мы могли бы, казалось, въ данномъ случаѣ ожидать отъ гг. Грингмутовъ и прочихъ Тихомировыхъ проявленія настоящихъ симпатій къ народу, и въ частности къ русскому мужику, вотъ уже сколько столѣтій поддерживающему въ видѣ скорбной каріатиды то зданіе, гдѣ пируютъ привилегированные классы и бюрократія Россіи. Посмотрите же, какими помыслами проникнута народолюбивая душа нашихъ охранителей, когда дѣло заходитъ объ обезпеченіи хотя бы самыхъ минимальныхъ условій существованія народу русскому. Цитированная нами статья носитъ, какъ мы видѣли, заглавіе „Укрѣпленіе крестьянскаго землевладѣнія“. О таковомъ укрѣпленіи въ ней, однако, нѣтъ ни слова, а все время говорится, о томъ, какъ бы это оставить мужика въ теперешней земельной нуждѣ, но за то внушить ему понятіе, „утвердить въ народномъ сознаніи“, что думать объ измѣненіи этого невыносимаго положенія — величайшее преступленіе.

Фактъ тотъ, что у насъ при современныхъ условіяхъ сельскаго хозяйства, основаннаго въ громадномъ большинствѣ случаевъ на экстенсивной культурѣ, крестьянство не можетъ кормиться съ своего надѣла, едва превосходящаго въ мѣстностяхъ съ сильно увеличившимся народонаселеніемъ десятину на душу, а то и не доходящаго до этихъ нищенскихъ размѣровъ. Съ другой стороны, сосѣднее съ крестьянскими надѣлами частное землевладѣніе держится въ немалой степени на арендѣ мужикомъ помѣщичьихъ земель, эксплуатируемыхъ, такимъ образомъ, не самимъ собственникомъ, а непосредственными производителями. Покойный Карышевъ показалъ всю важность крестьянскихъ арендъ въ Россіи. Ясное дѣло, что сами условія нашей хозяйственной жизни выработываютъ въ сознаніи мужика необыкновенно прочную ассоціацію идей между мозолистыми, незнающими устали руками, которыя обрабатываютъ нужную и—увы!—все еще недостаточную для пропитанія землю, и самою этою землею, принадлежащею зачастую человѣку, который палецъ о палецъ не ударитъ и не сумѣетъ путемъ отличить рожь отъ пшеницы или ячменя. Земля земледѣльцу!—громко кричитъ мужику весь обиходъ хозяйственной жизни, и этотъ лозунгъ раздается у него въ ушахъ на всемъ широкомъ пространствѣ родины-матери. Говоря такъ, я разумѣю не однихъ только нашихъ крестьянъ-общинниковъ, составляющихъ четыре пятыхъ нашего сельскаго населенія и самимъ складомъ общинныхъ распорядковъ пріученныхъ къ мысли о землѣ мірской да божьей, изъ общаго фонда которой человѣкъ, желающій работать, имѣетъ право получить

потребную для труда и пропитанія долю. Но о правѣ на землю человѣка, способнаго работать и лишеннаго своей части въ земельномъ фондѣ, говоритъ на разныхъ языкахъ все разношерстное деревенское населеніе Россійской имперіи. Говоритъ о землѣ „индивидуалистъ"-малороссъ; говоритъ сохранившій привычки первобытнаго коммунистическаго режима горецъ Гуріи; говоритъ торпарь Финляндіи; говорятъ эстъ и латышъ, съ завистью смотря на обширныя помѣстья потомковъ нѣмецкихъ феодаловъ; говоритъ польскій батракъ, требуя работы не только въ экономіи пана, но и на полосѣ, которую онъ могъ бы назвать своей. А теперь извольте-ка читать всѣмъ этимъ людямъ, мучимымъ неистребимой жаждой земли, прописную мораль насчетъ необходимости „утвердить убѣжденіе въ неприкосновенности всякой частной собственности". Да они и не думаютъ посягать на земли такихъ же бѣдняковъ, такихъ же тружениковъ, какъ они сами. Но какъ вы хотите, чтобы они не смотрѣли съ жадностью на крупныя, наполовину запущенныя имѣнія, съ ихъ, трудовой, точки зрѣнія несвязанныя ничѣмъ съ ихъ владѣльцами, кромѣ клочка писанной бумаги, устанавливающей, опять-таки по ихъ, трудовому, мнѣнію, чрезвычайныя, въ ихъ глазахъ необъяснимыя права на вѣчное употребленіе и злоупотребленіе кормилицей землей. Да, римское понятіе собственности, какъ juris utendi et abutendi, какъ право употреблять и злоупотреблять великими силами природы и въ томъ числѣ землей, обращая ее въ монопольное владѣніе, чуждо воззрѣнію непосредственнаго производителя. Прямое общеніе рабочаго человѣка съ орудіемъ производства, представляемымъ землею, разбиваетъ въ немъ тотъ юридическій фетишизмъ передъ „моимъ" и „твоимъ", который съ такимъ усердіемъ стараются поддержать въ трудящихся массахъ представители капитала и владѣнія. Ибо они и почти только они одни въ современномъ строѣ пользуются реальными выгодами, вытекающими изъ религіи квиритской собственности.

Можно, конечно, сокрушаться надъ такой психологіей трудящихся массъ деревни; можно желать выработки среди нихъ болѣе опредѣленныхъ понятій о границахъ чужой и своей собственности. Но какъ, будучи искренними друзьями народа, каковыми любятъ выдавать себя наши охранители, какъ, говорю я, дѣйствительно любя рабочій, не покладающій рукъ народъ, можно оставаться на той узко-формальной, мало того, злобствующей точкѣ зрѣнія, которая опредѣляетъ отношенія хотя бы „Московскихъ Вѣдомостей" къ крестьянству? Допустимъ, въ самомъ дѣлѣ, что, какъ бы крестьянство Россійской Имперіи ни алкало и ни жаждало земли, между этимъ предметомъ его желаній и его руками, ищущими возможности работать и кормиться, стоятъ современныя отношенія собственности. Допустимъ, что, вполнѣ сознавая всю, если можно такъ выразиться, зоологическую неумолимость

трудового инстинкта мужика, тянущагося къ землѣ, вы рѣшительно противъ насильственнаго рѣшенія аграрнаго вопроса, противъ передачи орудія производства изъ праздныхъ рукъ въ руки трудящихся. Но какъ при такихъ условіяхъ не поставить вопроса о выкупѣ частновладѣльческихъ земель правительствомъ съ цѣлью предоставить ихъ въ пользованіе крестьянъ? И, однако, „Московскія Вѣдомости“ именно противъ этой, по современнымъ русскимъ условіямъ, минимальной земельной реформы возстаютъ съ комичнымъ ужасомъ и негодованіемъ. Я уже обратилъ вниманіе читателей на то обстоятельство, что органъ г. Грингмута напечаталъ фразу, заключающую въ себѣ упоминаніе объ этомъ, становящемся нынѣ въ Россіи популярнымъ, проектѣ, самымъ чернымъ курсивомъ, словно бы то было названіе какого-нибудь страшнаго преступленія, которое надлежитъ пригвоздить къ позорному столбу. И, однако, не знаю, съ какимъ кругомъ привилегированныхъ владѣльцевъ имѣетъ дѣло г. Грингмутъ въ первопрестольной. Но мнѣ, живущему въ провинціи, приходится сплошь и рядомъ слышать отъ мѣстныхъ крупныхъ собственниковъ, что по теперешнимъ временамъ самое лучшее и, можетъ быть, даже прибыльное для нихъ дѣло, это—устроить обязательный выкупъ земли. Есть такіе откровенные помѣщики, которые прямо говорятъ, что если имъ уже одинъ разъ, послѣ 19 февраля 1861 г., удалось проѣдать въ теченіе стольких лѣтъ выкупныя свидѣтельства, то отчего бы не повторить эту операцію снова, пока не поздно... И при мысли о возможности заняться вторично „потребительными священнодѣйствіями“,—какъ выражался Бѣлинскій,— насчетъ государства, т. е., въ концѣ концовъ, насчетъ мужика, ибо „ёнъ заплатитъ“,—при мысли, говорю, о такой перспективѣ наши современные Ноздревы, Собакевичи и даже Маниловы зажмуриваютъ отъ удовольствія глаза и сладостно улыбаются. А вотъ г. Грингмутъ, который стремится быть бо́льшимъ папистомъ, чѣмъ самъ папа, болѣе православнымъ,—какъ мы видѣли,—чѣмъ „митрополитъ Антоній“, и болѣе помѣщикомъ, чѣмъ все русское землевладѣльческое сословіе, въ ужасѣ отскакиваетъ назадъ передъ одною мыслью о выкупѣ и грозитъ людямъ, выдвигающимъ такой проектъ, дрекольями, бичами и скорпіонами.

Очень интересенъ также для психологіи нашихъ охранителей и тотъ политическій образъ мыслей, который выражается у этихъ любителей „сильной власти“, когда они пускаются объяснять нѣжно любимому ими мужичку, что, согласно указу отъ 10 апрѣля, „всякая частная собственность неприкосновенна, и всякое поползновеніе на чужое имущество будетъ строго наказываемо, не только въ уголовномъ порядкѣ, но виновные понесутъ и имущественную отвѣтственность“. Это все, видите ли, въ интересахъ „укрѣпленія крестьянскаго землевладѣнія“. Поневолѣ, это шипѣніе и это обѣщаніе въ конецъ доѣхать мужика не только

дубиной „уголовнаго порядка“, но и полтиной „имущественной отвѣтственности“ вызываютъ въ вашей памяти того смотрителя острога изъ „Мертваго Дома“ Достоевскаго, который, когда задумывалъ высѣчь арестанта, приказывалъ ему читать „Отче нашъ“, и лишь только его жертва доходила до произносимыхъ на народный ладъ словъ „на небеси“, вдругъ соскакивалъ съ мѣста и сладострастно взвизгивалъ: „а ты ему поднеси“. И розга начинала усиленно гулять по тѣлу „паціента“, вызывая у него вопли боли, а у начальства крики специфическаго удовольствія... „Только при этихъ условіяхъ прекратятся аграрные безпорядки“,—вспоминается вдругъ намъ заключительная фраза статьи, которая носитъ кажущееся теперь жестоко ироническимъ названіе „Укрѣпленіе крестьянскаго землевладѣнія“. И, дѣйствительно „иже еси на небеси, а ты ему поднеси“ является и для „Московскихъ Вѣдомостей“ альфой и омегой рѣшенія всѣхъ общественныхъ и политическихъ вопросовъ и укрощеніемъ строптивыхъ гражданъ, недостаточно проникнувшихся „историческими завѣтами“ во вкусѣ г. Грингмута и К°.

Не довольно ли, однако, намъ рыться въ коллекціяхъ газетъ охранительнаго лагеря? По самому характеру своему, это—эфемерныя произведенія, напоминающія роль легкой кавалеріи, которая производитъ рекогносцировку непріятельскихъ позицій и своими летучими эскадронами тревожитъ непріятеля или довершаетъ побѣду, преслѣдуя бѣгущихъ подъ напоромъ тяжелой артиллеріи и грозно волнующейся пѣхоты. Взглянемъ теперь на самое эту тяжелую артиллерію; остановимся нѣсколько надъ „теоретическими“ статьями, которыми угощаютъ насъ реакціонные ежемѣсячники и въ которыхъ надо искать обоснованія тѣхъ „завѣтовъ“, что лишь подразумѣваются, но не доказываются въ ежедневной партизанской войнѣ, ведущейся между различными партіями на газетныхъ столбцахъ... Увы! написалъ я фразу „насъ угощаютъ реакціонные ежемѣсячники“ и по чувству безпристрастія меланхолично вздохнулъ по адресу нашихъ охранителей, ибо вспомнилъ, что этотъ лагерь располагаетъ лишь однимъ собственно литературнымъ журналомъ. Я разумѣю „Русскій Вѣстникъ“, перешедшій въ новыя руки съ апрѣля 1902 г., когда его редакторами сдѣлались г. Комаровъ и (нынѣ покойный) Величко, а теперь продолжающій издаваться по этой обновленной программѣ однимъ г. Комаровымъ.

Мнѣ нечего распространяться о предыдущей судьбѣ этого ежемѣсячника, которому рѣшительно не везло со смерти Каткова и который, не смотря на всевозможныя измѣненія въ личномъ персоналѣ руководителей и сотрудниковъ, всегда возбуждалъ очень умѣренный восторгъ въ читателяхъ и не успѣвалъ стать вліятель-

нымъ теоретическимъ органомъ своего направленія. Признаться, и эти прошедшія времена я употребляю больше изъ вѣжливости, ибо, по совѣсти, не вижу, чтобы и подъ новой редакціей „Русскій Вѣстникъ“ особенно процвѣталъ и пользовался хотя бы, употребляя французское выраженіе, „успѣхомъ скандала“. Можно въ крайнемъ случаѣ сказать, что вотъ уже въ теченіе трехъ лѣтъ новая редакція продолжаетъ издавать журналъ, и что съ нимъ не произошло еще никакихъ финансовыхъ пертурбацій, которыя характеризовали его прежнее существованіе. Но, конечно, я оставляю будущему рѣшить вопросъ, не изнеможетъ ли и „Русскій Вѣстникъ“ новѣйшей формаціи въ борьбѣ съ равнодушіемъ публики. Гораздо интереснѣе болѣе общій вопросъ, почему у насъ въ Россіи такъ плохо прививается охранительная журнальная пресса, тогда какъ газеты того же направленія все же могутъ болѣе или менѣе тянуть свое существованіе. Нѣкоторыя соображенія сейчасъ же приходятъ въ голову, когда касаешься этого вопроса. Дѣло въ томъ, что ежедневная печать можетъ обходиться безъ принципіальнаго развитія своей точки зрѣнія, а требуетъ только непосредственныхъ выводовъ и отзвука на злобы дня. Журналу же приходится волей-неволей разъяснять свое міросозерцаніе, пытаться и доказывать, и защищать его. Съ другой стороны, еще недавно условія нашей печати были таковы, что среди ежедневной прессы лишь охранительнымъ органамъ возможно было безпрепятственно пропагандировать свои взгляды, и какъ разъ по наиболѣе жгучимъ задачамъ современности. Вотъ эта-то фактическая монополія охранителей по части свободы печати и возможность, которою располагаетъ газета, ограничиваться, такъ сказать, декретирующимъ пріемомъ высказыванія мнѣній, не прибѣгая къ теоретической аргументаціи, давали искусственную поддержку реакціонной газетной прессѣ. Ея органы дѣйствительно могли существовать, не смотря на отсутствіе какихъ бы то ни было литературныхъ и политическихъ достоинствъ, и порою даже составлять серьезную конкурренцію газетамъ другихъ направленій, обреченнымъ на вынужденную тусклость, вялость и неопредѣленность. Не совсѣмъ такъ обстоитъ дѣло съ журнальной прессой, которой можно больше держаться на почвѣ общихъ вопросовъ и, благодаря этому, страдать если, можетъ быть, и не меньше, то нѣсколько по иному отъ „независящихъ условій“... Здѣсь фактическая монополія свободы прессы не проявляется съ такимъ сокрушающимъ перевѣсомъ въ пользу реакціонныхъ органовъ, какъ въ ежедневной печати. Здѣсь же приходится не только декретировать, взывать, проклинать и „доносить общественному мнѣнію“ (употребляю этотъ безсмертный перифразъ полицейскаго доноса, выдуманный сыскнымъ воображеніемъ покойной баталинской „Минуты“), но и обосновывать болѣе или менѣе серьезно свой идеалъ. И вотъ мы видимъ, что нашему

охранительному направленію никогда не удавалось создать сколько нибудь прочной и серьезной журнальной прессы: такъ аляповато и примитивно, такъ лишено всякой критики ихъ міровоззрѣніе. Припомнимъ, кромѣ довольно-таки перемѣнчивыхъ судебъ самого „Русскаго Вѣстника“, исторію „Русскаго Обозрѣнія“, обстоятельства смерти котораго напоминаютъ нѣкоторыми сторонами агонію печальной памяти „Берега“ г. Цитовича.

Чтеніе „Русскаго Вѣстника“, которое занимало меня эти последніе дни, еще разъ убѣждаетъ меня въ томъ мнѣніи, что, дѣйствительно, у нашего охранительнаго направленія нѣтъ ничего за душой; и что пресловутые „завѣты“ могутъ импонировать читателей лишь тогда, когда они излагаются въ формѣ строжайшихъ предписаній или своеобразнаго полицейскаго „категорическаго императива“ съ указаніемъ на относящіяся сюда статьи уголовнаго уложенія, грозящія всяческими карами. А когда охранительствующіе теоретики пытаются придать имъ научное, будь то историческое или, по крайней мѣрѣ, логическое обоснованіе, то скудость содержанія этихъ „завѣтовъ“ и ужасающій архаизмъ всего міровоззрѣнія вырисовываются предъ читателемъ съ поразительною ясностью и рельефностью.

Грѣшный человѣкъ, въ четырехъ вышедшихъ номерахъ, кромѣ кой-какихъ мѣстъ изъ „Современной лѣтописи“ г. Николая Энгельгардта да еще неоконченной длинной-предлинной статьи г. Н. М. Соколова, озаглавленной „Догмы русскаго нигилизма“, я ничего не нашелъ, что могло бы хоть сколько-нибудь интересовать читателя. Такъ все плоско, старо, беззубо, вплоть до полемическихъ красотъ нѣкоторыхъ сотрудниковъ, которые претендуютъ на злое остроуміе, но вызываютъ лишь зѣвоту и воспоминаніе о чемъ-то слышанномъ сто разъ. Этюдъ г. Соколова заслуживаетъ, однако, нѣкотораго вниманія потому, что въ немъ авторъ пытается охарактеризовать, съ точки зрѣнія охранительства, все идейное движеніе современной Россіи, такъ какъ оно цѣликомъ покрывается для нашихъ реакціонеровъ понятіемъ „нигилизма“... Но вотъ, подите-жъ, самъ же я сказалъ, что длиннѣйшая статья г. Соколова заслуживаетъ нѣкотораго вниманія. А теперь, принимаясь за нее, крайне затрудняюсь вамъ передать ея содержаніе. Въ ней говорится обо всемъ и говорится очень широковѣщательно. Упоминается и о Ничше, и о Зомбартѣ, и о Милюковѣ. Бичуется космополитизмъ и метафизичность русской интеллигенціи. Бросается взглядъ и нѣчто на борьбу „свободомыслящихъ и свобододѣйствующихъ“ въ Горномъ институтѣ, при чемъ, конечно, мыслящая часть профессоровъ и студенчества подвергается упрекамъ въ „безжизненномъ схематизмѣ“. Разбирается книжка г. С. Н. Прокоповича: „Мѣстные люди о нуждахъ деревни“. И опять-таки и здѣсь г. Соколовъ бросаетъ обвиненія по адресу автора въ метафизичности и—книжности. Книжность

эту онъ видитъ даже въ названіи труда г. Прокоповича, аргументируя съ изумительнымъ остроуміемъ: „Характерно уже самое заглавіе книги—его книжностью. Если есть „мѣстные“ люди, то, значитъ, есть люди и неумѣстные, даже совсѣмъ безмѣстные, т. е. существующіе внѣ пространства и времени. Если это намекъ на интеллигенцію и бюрократію, смыслъ въ этомъ словѣ будетъ, но только въ томъ случаѣ, если будетъ доказано, что „мѣстные“ люди съ толкомъ и сознательно сидятъ на мѣстѣ. Если же этого доказано не будетъ, мы будемъ присутствовать при той, всѣмъ набившей оскомину игрѣ въ слова, которая представляетъ изъ себя единственный вѣнецъ мудрости у нашихъ метафизиковъ и нигилистовъ“ (апрѣль, стр. 429). Какова иронія, какова сила сарказма! Заглавіе, данное г. Прокоповичемъ своей работѣ, книжно, потому, видите ли, что въ немъ встрѣчается слово „мѣстный“, какъ будто этотъ терминъ былъ изобрѣтенъ авторомъ книги. Неужели г. Соколовъ забылъ, что это слово употребляется и даже подчеркивается въ тѣхъ произведеніяхъ нашей бюрократической литературы, передъ которыми хранителями „завѣтовъ“ принято

...Преклоняться,
Въ безмѣрной разности теряться
И благодарны слезы лить...

Что касается до слѣдующей фразы г. Соколова: „если есть „мѣстные“ люди, то, значитъ, есть люди и неумѣстные, даже совсѣмъ безмѣстные, т. е. существующіе внѣ пространства и времени“,—то, признаться, если бы этимъ ребяческимъ остроуміемъ занялся кто-нибудь изъ людей нашего лагеря, намъ пришлось бы краснѣть. А подобные каламбуры въ устахъ отечественныхъ реакціонеровъ могутъ лишь радовать сердце людей, мужественно и энергично любящихъ молодую Россію, ибо такое отношеніе къ серьезнымъ вещамъ дорисовываетъ политическую физіономію нашихъ охранителей, глумящихся надъ здоровыми элементами возрождающейся къ новой жизни страны...

Какъ бы то ни было, постараемся хоть приблизительно познакомить читателя съ „Догмами русскаго нигилизма“. Суть этой статьи, повидимому, такова. Говорю „повидимому“, потому что, не смотря на складность и даже нѣкоторую витіеватость—не безъ дурного вкуса, впрочемъ,—отдѣльныхъ фразъ г. Соколова, общее развитіе его мысли отличается удивительною хаотичностью и неопредѣленностью: прямо порою можно подумать, что то прорвался мѣшокъ, и изъ него въ безпорядкѣ и по чистой случайности вываливаются одна за другой готовыя фразы безъ особой внутренней связи, кромѣ желанія автора служить „завѣтамъ“ и обличать ихъ отрицателей... Итакъ, суть статьи, повторяю, повидимому, такова. Народъ русскій—великій народъ, ибо онъ, какъ надѣется г. Соколовъ, никогда не измѣнитъ своего отношенія

къ гнетущему его строю, а будетъ по прежнему терпѣливо сносить всю тяжесть политическихъ и общественныхъ условій, громадными историческими пластами залегшихъ на немъ. Не то наша космополитическая интеллигенція, которая насквозь пропитана идеалами инородца, презираетъ народъ г. Соколова и подрываетъ устои отечественной жизни... Больше изъ этюда сокрушителя нигилизма вы, хоть убейте, ничего не выжмите. Что иное, въ самомъ дѣлѣ, обозначаетъ хотя бы слѣдующая вереница фразъ: „Не мятежный рабъ, не скованный титанъ, все еще непокорный гнѣвному Юпитеру, темный и невѣжественный, русскій народъ, не землетрясеніями онъ жалуется на свои страданія, не грозитъ Олимпу и не вѣритъ, что побѣждаетъ только сила. Онъ вѣритъ въ побѣду правды и ждетъ, когда гордые и властные люди, сбросившіе его на дно и завалившіе его камнями поймутъ свою ошибку, поймутъ, что безъ него жить нельзя, и что только онъ одинъ хранитъ и бережетъ сѣмена болѣе высокой правды и болѣе строгой совѣсти и прямой чести. Лилипуты напрасно вбиваютъ кольями въ землю волоса спящаго Гулливера...

„Много печальнаго и обиднаго въ томъ, что не наши богатыри духа по прямоѣзжей дорогѣ повели русскую интеллигенцію на трудный и святой подвигъ честнаго и умнаго служенія народу, къ ласковому князю Владиміру, а переметныя суммы по какимъ-то татарскимъ сакмамъ, какъ полонянниковъ, поволокли въ общечеловѣческій, т. е. общеинородческій станъ. Но вѣдь и плѣнъ не позоръ для того, кто, какъ могъ, честно стоялъ за свое дѣло. Постыдно и позорно то, что это не плѣнники, а перебѣжчики, ничтожные люди, которымъ не подъ силу былъ честный подвигъ великой обороны, трусы, у которыхъ не хватило мужества вѣрить въ себя и свой народъ.

„А русскій народъ все еще вѣритъ въ своихъ богатырей, все еще ждетъ, что они придутъ и станутъ честно и грозно на великой богатырской заставѣ“ (февраль, 716—717).

Если вы подавите въ себѣ чувство нетерпѣнія, вызываемое этой безконечно размазываемой канителью и попробуете вдуматься въ то, что она должна обозначать, то вы не можете не остановиться передъ поразительной пустотой и вмѣстѣ фальшивостью этого набора фразъ. Допустимъ, что „русскій народъ“ таковъ дѣйствительно, какимъ рисуетъ его г. Соколовъ: онъ „не землетрясеніями жалуется на свои страданія, не грозитъ Олимпу и не вѣритъ, что побѣждаетъ только сила“, — хотя событія послѣднихъ мѣсяцевъ и доказываютъ, что легенда о титанахъ не совсѣмъ не приложима и къ реальному русскому народу, который рѣшительно не хочетъ походить на народъ г. Соколова. Но, спрашивается, кто эти „гордые и властные люди, сбросившіе его на дно и завалившіе его камнями“, которые „поймутъ свою ошибку,

поймутъ, что безъ него жить нельзя, и что только онъ одинъ хранитъ и бережетъ сѣмена болѣе высокой правды"? Очевидно, та самая интеллигенція, тѣ самые „перебѣжчики", „ничтожные люди", „которымъ не подъ силу былъ честный подвигъ великой обороны, трусы, у которыхъ не хватило мужества вѣрить въ себя и свой народъ". Это ясно слѣдуетъ изъ всей статьи г. Соколова, противополагающей народъ интеллигенціи и прямо обвиняющей послѣднюю въ томъ, что она эксплуатируетъ и презираетъ русскій народъ. Но достаточно сказать это, чтобы всякій живой и порядочный человѣкъ, знакомый съ ходомъ русской исторіи и жизни, почувствовалъ приливъ самаго искренняго негодованія на писателя, позволяющаго себѣ умышленно такую колоссальную неправду, такое вопіющее извращеніе истины. Какъ, это русская интеллигенція-то должна разумѣться подъ тѣми гордыми и властными людьми, которые сбросили народъ на дно, завалили его камнями, забыли, что безъ него жить нельзя? Это ей-то былъ не подъ силу честный подвигъ великой обороны? Это у нея-то не хватило мужества вѣрить въ себя и свой народъ? Мы понимаемъ, что г. Соколовъ могъ бы, если бы хотѣлъ говорить истину, не смущаясь условною ложью „завѣтовъ", бросить названіе „гордыхъ и властныхъ людей" въ лицо тѣмъ представителямъ бюрократіи, которые, начиная съ министра „зажима" и кончая урядникомъ и полицейскимъ стражникомъ, дѣйствительно сбросили на самое „дно" нищеты и гнета великій русскій народъ и завалили его „камнями" всяческихъ регламентовъ и притѣсненій. Но сказать это объ интеллигенціи, которая принесла столько жертвъ, какъ разъ для того, чтобы жить одною жизнью, дышать однимъ воздухомъ съ народомъ, хотя бы и на „днѣ", хотя и подъ грудой „камней", страдать его историческими страданіями, радоваться его рѣдкими и мизерными радостями,—написать чернымъ по бѣлому эту, поистинѣ, чудовищную фразу, значитъ, независимо отъ направленія, быть человѣкомъ или близорукаго ума, или неискренняго сердца. Не будемъ заходить далеко; оставимъ въ покоѣ скорбныя тѣни и Радищева, и декабристовъ, и петрашевцевъ, и руководителей „Современника". Но ближе къ намъ, въ самый разгаръ идейнаго движенія 70-хъ годовъ, когда русская интеллигенція платилась долгими годами каторги и ссылки за то, что нынѣ безъ улыбки нельзя считать не только что преступленіемъ, но проступкомъ,—въ эту самую пору душу этой интеллигенціи развѣ уже не проникало то жертвенное настроеніе, то страстное желаніе равенства съ мужикомъ даже въ нищетѣ и гнетѣ его жизни, которое, нѣсколькими годами позже, Н. К. Михайловскій схватилъ въ рельефной фразѣ: „пусть сѣкутъ, мужика сѣкутъ же". Неужели г. Соколовъ ничего не слыхалъ объ этомъ движеніи? Неужели, если у него есть хоть доля сочувствія къ безкорыстному порыву, онъ не припомнилъ хожденія въ народъ

съ его, если хотите, комическими, но въ то же время и героическими чертами? Неужели, даже и относясь съ улыбкой къ увлеченіямъ этой интеллигенціи, у него не находится ни одного слова, не скажу сочувствія, а снисхожденія, которымъ чуткій человѣкъ не можетъ не отозваться на зрѣлище альтруистической, хотя бы и не цѣлесообразной дѣятельности? А позже, когда проповѣдь евангелія труда въ деревнѣ смѣнилась проповѣдью того же благовѣстія въ городѣ, и пролетарій смѣнилъ въ думахъ русской интеллигенціи крестьянина, развѣ и въ этотъ періодъ, со всѣми его увлеченіями, не было опять-таки мужественныхъ и исполненныхъ энтузіазма дѣятелей? По отношенію къ тѣмъ и другимъ слова г. Соколова о „перебѣжчикахъ", о „ничтожныхъ людяхъ", о „трусахъ, у которыхъ не хватило мужества вѣрить въ себя и свой народъ", должны показаться жесточайшей клеветой.

И всего курьезнѣе, что такія широковѣщательныя слова, такія жестокія осужденія произноситъ человѣкъ, который въ теоретическомъ отношеніи способенъ заблудиться, что называется, въ трехъ соснахъ: нисколько не смущаясь, ставитъ рядомъ нѣсколько противорѣчивыхъ положеній и даже не понимаетъ ихъ полнѣйшей несовмѣстимости. Беру для примѣра первое попавшееся на глаза мѣсто:

„Мы уже видѣли, въ какой уродливой, болѣзненной и каррикатурной формѣ проникали въ сознаніе русской интеллигенціи догмы западной психологіи. Нелѣпое понятіе о стихійности общественнаго прогресса унесло послѣднія крохи энергіи и здраваго смысла. Какъ разслабленный у силоамской купели, она безсильно и почти безнадежно ждетъ момента, когда въ невѣдомый часъ и невѣдомо откуда придетъ эволюція и возмутитъ воду. Она до такой степени безцвѣтна, безжизненна и безвольна, что всякое озорство, всякое дикое упорство ей кажется „здоровымъ своекорыстнымъ духомъ эгоизма", „нормальнымъ матеріализмомъ" „хитраго животнаго", проявленіемъ разумной энергіи и жизненности. Уже одно слово „протестъ" обладаетъ для нея магическими чарами. Протестъ даже противъ разума и культуры приводитъ ее въ дикій восторгъ. Кто протестуетъ, тотъ правъ. Противъ чего же протестуютъ ея любимые герои, опрощенные босяки, бродяги и хулиганы? Вѣдь это орда первобытныхъ дикарей, хищниковъ и варваровъ въ каждой складкѣ мысли и чувства поднимаетъ свою сучковатую дубину надъ всѣми и всякими алтарями честной и разумной жизни, а интеллигентные вандалы цинично хохочутъ, когда подъ этими ударами падаютъ драгоцѣнные плоды великихъ трудовъ многихъ вѣковъ и поколѣній" (февраль, стр. 722).

Трудно напугать больше и съ большимъ апломбомъ въ такомъ ограниченномъ количествѣ строкъ. Авторъ, очевидно, слы-

шалъ звонъ о существовавшемъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ увлеченіи среди извѣстныхъ слоевъ русской интеллигенціи, а именно среди значительной части нашихъ марксистовъ, теоріей „естественнаго хода вещей“, „фатальности развитія“ и т. п. Но онъ не знаетъ, что обозначаетъ этотъ звонъ, не знаетъ, какія были психилогическія основанія упомянутаго увлеченія, какъ не знаетъ, что оно кончилось и кончилось, когда кончился періодъ ужасной реакціи 80-хъ годовъ, наложившій свой отпечатокъ и на наиболѣе живые элементы послѣдующаго общественнаго развитія. Любопытнѣе же всего то обстоятельство, что авторъ, игнорируя отливъ этого настроенія и даже разсматривая его, какъ типичную черту русской интеллигенціи вообще, выводитъ изъ него ни много ни мало, какъ современное стремленіе ея къ „протесту“, ко „всякому озорству“ и ко „всякому дикому упорству“. И аргументируетъ это удивительное психологическое чудо не менѣе удивительнымъ способомъ. Нынѣшняя интеллигенція, согласно автору, потому и видитъ во всякомъ „протестѣ“ и „озорствѣ“ проявленіе „энергіи“ и „жизненности“, что сама „безцвѣтна, безжизненна и безвольна“. Казалось бы, что кто протестуетъ, кто „озорствуетъ“, какъ угодно выражаться автору, тотъ обнаруживаетъ извѣстную энергію, — дурно или хорошо направленную, другой вопросъ. Для г. Соколова это, наоборотъ, является признакомъ и чуть ли даже не прямымъ слѣдствіемъ безвольности. Казалось бы, что дѣйствія „орды первобытныхъ дикарей, хищниковъ и варваровъ“, расправляющихся „сучковатою дубиною“ со „всякими алтарями“, передъ которыми повергается ницъ авторъ „Догмъ“ и присные его по духу, казалось бы, говорю я, что эти дѣйствія могутъ раздражать, могутъ приводить въ крайнее негодованіе—и приводятъ, какъ мы видимъ,—хранителей „завѣтовъ“. Но какъ это активное отношеніе къ дѣйствительности поставить въ причинную связь съ міровоззрѣніемъ, основанномъ на парализующихъ энергію человѣка преувеличеніяхъ вѣры въ „стихійность общественнаго прогресса“, въ неизбѣжность „эволюціи“, это уже секретъ гг. Соколовыхъ, которые взваливаютъ на интеллигенцію всяческія, самыя противоположныя и не могущія существовать рядомъ, вины. Пусть авторъ „Догмъ русскаго нигилизма“ сведетъ на очную ставку свои пляшущія мысли. Пусть онъ разъ навсегда и для самого себя уяснитъ позицію, въ которую онъ долженъ становиться, критикуя злокозненную русскую интеллигенцію. Пусть онъ обвинитъ ее въ озорничествѣ и протестѣ, или въ безвольности; въ циничномъ занесеніи „сучковатой палки“ надъ отечественными святынями, или въ сидѣніи у моря „стихійности“ и выжиданіи погоды. Но пусть же онъ не предъявляетъ къ этой интеллигенціи исключающія одно другое обвиненія, пусть въ своей охранительской злобѣ на нее онъ не выговариваетъ сразу

двухъ словъ, одно изъ которыхъ говоритъ „да“, тогда какъ другое говоритъ „нѣтъ“.

Г. Соколовъ еще не кончилъ и, повидимому, не собирается скоро кончить свою статью. Но смѣю заранѣе увѣрить читателя, что, кромѣ блужданія въ трехъ соснахъ да обычной охранительской фразеологіи насчетъ „завѣтовъ“ или поношенія людей прогресса, онъ ничего не найдетъ и въ не напечатанныхъ еще частяхъ этюда г. Соколова. Ибо авторъ, говорящій о „метафизичности“ русской интеллигенціи, самъ-то стоитъ, не скажу даже на метафизической, а на теологической точкѣ зрѣнія, характеризующей взгляды нашихъ ретроградовъ, наивно воображающихъ, что критическая мысль современнаго русскаго человѣка можетъ сложить свое оружіе и пасть покорно къ подножію охранительнаго символа вѣры. А въ качествѣ такого метафизика или, лучше сказать, теолога отживающей архаической Россіи, г. Соколовъ не только плохо истолковываетъ себѣ смыслъ эволюціи страны въ прошломъ, но не видитъ того, что происходитъ на его глазахъ въ настоящемъ, и вовсе не понимаетъ смысла неизбѣжно надвигающагося грядущаго. Авторъ „Догмъ русскаго нигилизма“, вмѣсто того, чтобы бить воздухъ на протяженіи десятковъ страницъ „жалкими“ словами, хорошо бы сдѣлалъ, если бы заглянулъ... ну, хоть въ „Современную Лѣтопись“ своего товарища по журналу, г. Николая Энгельгардта, отличающагося бо́льшимъ нюхомъ и большею шустростью. Прислушайтесь-ка, что говоритъ о современномъ положеніи вещей вашъ коллега:

„Правительство безсильно. Власти нѣтъ. Режимъ государственный распадается на нашихъ глазахъ уже, даже и не мѣсяцами, а днями. Голосовъ за благоразумное проведеніе реформъ мало. Крайніе торжествуютъ. Резолюціи о созывѣ учредительнаго собранія для выработки конституціоннаго, парламентскаго правленія привлекаютъ большинство умовъ. Вѣдь если инженеры требуютъ конституціи, то значитъ ея требуютъ ихъ давальцы—капиталисты Если адвокаты требуютъ учредительнаго собранія, значитъ и кліенты ихъ того же желаютъ. Если ученые и литераторы требуютъ западнаго строя—вся молодежь и все передовое въ странѣ этого требуетъ. Самодержавіе сохранить очень трудно. Возможно ли ему уцѣлѣть? Какой результатъ дадутъ будущіе выборы народныхъ представителей, когда всѣ орудія предвыборной агитаціи— и печать прежде всего—въ рукахъ крайнихъ и инородцевъ? Разъѣхавшіеся по всей странѣ десятки тысячъ распущенной до 1-го сентября молодежи—вотъ могучій кадръ проповѣдниковъ крайнихъ реформъ! Значитъ, чего потребуетъ будущее учредительное собраніе? Что оно учредитъ? А что какъ соціальную республику? Или создастъ особые областные сеймы и потребуетъ раздѣла Имперіи и федераціи отдѣльныхъ, составляющихъ ее народностей?

„Кто отвѣтитъ намъ на всѣ эти вопросы? И кто безпеченъ и слѣпъ настолько, чтобы не понимать, что эти вопросы стоятъ у дверей, какъ древній сфинксъ? У консервативныхъ, умѣренныхъ элементовъ общества и народа есть только одни платоническія пожеланія и воздыханія. Но орудій для борьбы нѣтъ. Нѣтъ печати—ни газетъ, ни журналовъ. А въ каждомъ городѣ теперь нужна національная газета. Нѣтъ книгоиздательствъ. Нѣтъ газетокъ для народа, изданій, брошюръ, листковъ. Въ народѣ и обществѣ вращаются только крайнія идеи. Никакого противовѣса крайней печати ни въ обществѣ, ни въ народѣ нѣтъ. И взять это неоткуда. Ибо въ одинъ день этого всего не создать. А времени больше нѣтъ.

„Орудій борьбы у сторонниковъ самодержавія, православія и народности въ ихъ идеальномъ выраженіи—нѣтъ. Нѣтъ библіотекъ, союзовъ, обществъ, клубовъ. Школа и каѳедра не въ ихъ рукахъ. Въ умахъ идеи національныя не укрѣплены, но впали въ полное презрѣніе" (апрѣль, стр. 677)...

Здѣсь мы можемъ остановиться, ибо дальше авторъ доходитъ въ пылу неудовольствія на современное положеніе вещей до того, что даже о русскомъ народѣ, о томъ самомъ народѣ, передъ абстрактнымъ обликомъ котораго охранители считаютъ своимъ оффиціальнымъ долгомъ преклоняться, да и насъ приглашаютъ заняться этой операціей, произноситъ такое рѣзкое сужденіе: „народъ невѣжественъ, пьянъ, вороватъ. Еще Пушкинъ сказалъ, что въ Россіи все продажно. Скупятъ голоса евреи и представителей поставятъ своихъ". Во всякомъ случаѣ эта страница изъ „Современной Лѣтописи" г. Энгельгардта не нуждается въ комментаріяхъ, которые бы лишь ослабили ея значеніе. И вотъ въ то время, какъ прислушивающіеся и принюхивающіеся къ настоящей русской жизни, а потому и подмѣчающіе реальныя теченія въ ней, охранители новаго типа описываютъ дрожащимъ отъ страха перомъ небывалое, поистинѣ апокалиптическое безпокойство, овладѣвшее всей нынѣшней Россіей, и страстную жажду перемѣнъ и новаго, лучшаго существованія, въ это самое время находятся еще охранители прежней школы, продолжающіе взывать къ старой Россіи:

Побудь со мной, продли очарованья,
Дай сладкаго вкусить воспоминанья!..

Этимъ людямъ хочется стать плакучими ивами на кладбищѣ историческихъ воспоминаній: на то ихъ добрая воля. Но пусть они откажутся отъ мысли понимать современную Россію, вся почва которой дрожитъ и колеблется подъ напоромъ новыхъ и свѣжихъ силъ, неудержимо рвущихся изъ мрака подземелья къ солнцу свѣта и свободы.

Pour la bonne bouche познакомимъ читателей съ истиннымъ происшествіемъ, которое приключилось недавно съ княземъ Мещерскимъ и выдѣляется комической въ общемъ нотой изъ хора обличеній и проклятій, раздающихся въ лагерѣ охранителей, испуганныхъ аллюрами современнаго движенія. Какъ-то характеризуя нѣсколько лѣтъ тому назадъ литературную физіономію сіятельнаго публициста, я назвалъ его enfant perdu русской реакціи и Роландомъ охранительнаго безстыдства. Ибо сей славный внукъ Карамзина лишенъ чувства неловкости и откровенно высказываетъ вслухъ мысли, какія благоразумно скрываются въ глубинѣ злобной души болѣе его сдержанными, тактичными паладинами охранительства. Приключеніе это—психологическаго распорядка и изображено кн. Мещерскимъ въ „Дневникахъ“, напечатанныхъ въ № 30-мъ „Гражданина“. Оно заслуживаетъ того, чтобы мы уступили мѣсто самому лѣтописцу, являющемуся, такимъ образомъ, Омиромъ и Ахилломъ эпопеи.

„Не знаю какъ кому,—пишетъ кн. Мещерскій,—но мнѣ, признаюсь, не по сердцу всѣ партіи, начиная съ условныхъ приверженцевъ самодержавія и кончая революціонерами, и всѣ по одинаковой причинѣ: у всѣхъ этихъ партій главный двигатель—это личный интересъ свой и своей партіи, а это значитъ, что для всѣхъ этихъ партій народъ, какъ главный интересъ, или вовсе не существуетъ, или отодвинутъ на задній планъ.

„Но вотъ намедни мнѣ пришлось впервые услышать о партіи соціалъ-демократовъ. Дотолѣ я сомнѣвался въ ея существованіи, такъ какъ всѣ либералы неумѣренные, казалось мнѣ, были ни чѣмъ другимъ, какъ разрушителями-анархистами; такими казались мнѣ наши адвокаты, наши профессора, наши агрономы, наши статистики,—словомъ, всѣ представители интеллигенціи либеральной, неумѣренной, и понятіе, которое они о себѣ создали въ умахъ всѣхъ людей умѣренныхъ образовъ мыслей, исключаетъ всякое отношеніе ихъ къ интересамъ народа. О соціалъ же демократахъ я узналъ вотъ по какому поводу: были будто бы здѣсь сборища разнаго рода интеллигентовъ-либераловъ, и вотъ на одномъ изъ засѣданій, въ разгарѣ самыхъ-оживленныхъ преній, одинъ изъ членовъ собранія, назвавъ себя соціалъ демократомъ, бросилъ всѣмъ ораторамъ въ лицо упрекъ, что всѣ ихъ рѣчи—фальшь и ложь, такъ какъ все, о чемъ они говорятъ, чуждо народу, проникнуто партійнымъ эгоизмомъ, подъ вліяніемъ котораго никто не думаетъ о служеніи народу.

„Много ли такихъ соціалъ-демократовъ въ лагерѣ нашихъ ультра-либераловъ, не знаю, но мнѣ представляется, что тотъ фактъ, что они отличаются отъ другихъ либераловъ тѣмъ, что они думаютъ только о народѣ, тогда какъ остальные думаютъ прежде всего о себѣ, дѣлаетъ соціалъ-демократовъ симпатичнѣе не только либераловъ-анархистовъ, но даже консерваторовъ-

конституціоналистовъ, ибо послѣдніе такъ же, какъ и всѣ либералы, думаютъ всего менѣе о народѣ. Во всякомъ случаѣ, у этихъ соціалъ-демократовъ, если они искренни, есть точка соприкосновенія съ самодержавіемъ, тогда какъ у либераловъ и у консерваторовъ-конституціоналистовъ никакихъ точекъ соприкосновенія съ самодержавіемъ нѣтъ, и такъ или иначе, но очевидно, что монархистъ-конституціоналистъ есть ренегатъ по отношенію самодержавія и ренегатъ по отношенію къ народу, ибо онъ перешелъ въ лагерь, гдѣ благо народа, какъ главная забота, отсутствуетъ. Соціалъ же демократъ имѣетъ соприкосновеніе съ самодержавіемъ, выражающееся въ слѣдующей формулѣ: самодержавіе имѣетъ одну заботу и цѣль—благо народа; соціалъ-демократъ имѣетъ одну цѣль и одну заботу—благо народа. Но сойтись въ осуществленіи этой цѣли они не могутъ, такъ какъ соціалъ-демократы изъ себя сдѣлали политическую партію изъ вражды къ самодержавію и стремятся къ дѣйствію будто бы потому, что самодержавіе не даетъ народу блага".

Дальше продолжать цитату не имѣетъ смысла, ибо дальше кн. Мещерскій пытается доказать свою обычную тему, что самодержавіе и осуществленіе „народнаго блага" неразрывно связаны между собой, и одно немыслимо безъ другого. Но въ высокой степени поучителенъ слѣдующій фактъ. Вотъ передъ нами старый и опытный публицистъ реакціонной партіи. Временами его значеніе выражалось не только въ томъ, что правящія сферы справлялись съ его мнѣніемъ, но и въ томъ, что онъ,—какъ говоритъ молва,—являлся „перомъ" этихъ сферъ. Отъ такого человѣка позволительно, да что позволительно: необходимо ждать знанія политическихъ партій и направленій въ странѣ, на судьбы которой онъ можетъ имѣть косвенно такое вліяніе. И что же? Этотъ старый дѣятель реакціоннаго лагеря является въ то же время такимъ ребенкомъ въ смыслѣ знанія русскихъ партійныхъ отношеній, что прямо приходится задаваться вопросомъ: да полно, не представляетъ ли это поразительное, это круглое невѣжество простого тактическаго пріема? Какъ, князь Мещерскій только теперь узнаетъ о существованіи „партіи соціалъ-демократовъ"? Онъ только впервые знакомится съ нѣкоторыми взглядами этой партіи, ея отношеніемъ къ либераламъ, и т. д. Гдѣ же жилъ кн. Мещерскій все это время? На лунѣ, на берегахъ загадочныхъ каналовъ Марса? И какъ же онъ могъ писать, какъ могъ быть публицистомъ своей партіи, не имѣя понятій о существованіи одной изъ фракцій русскаго соціализма, имя которой пестритъ вотъ уже сколько лѣтъ на столбцахъ газетъ и страницахъ журналовъ и слышится на устахъ всѣхъ мало-мальски сознательныхъ русскихъ людей? И, однако, люди, направленія и оффиціальнаго значенія кн. Мещерскаго, могли и еще могутъ очутиться у власти, управлять судьбами великой

страны, принимать дѣятельное участіе въ борьбѣ политическихъ партій, обрушиваться громами взысканій и строжайшихъ наказаній на того или другого изъ борющихся. Какова честь и каковъ вмѣстѣ съ тѣмъ комизмъ положенія для искренняго борца за демократію и прогрессъ—быть вычеркнутымъ, можетъ быть, на долгіе-долгіе годы, изъ списка живыхъ и дѣйствующихъ гражданъ властнымъ росчеркомъ пера какого-нибудь обитателя нашего туманнаго россійскаго Олимпа, который даже и не знаетъ, къ какой партіи вы принадлежите, какова ваша политическая программа, за что вы боретесь, во имя чего вы жертвуете своею жизнью и личнымъ счастіемъ!

Вонъ кн. Мещерскій не знаетъ, что такое русская соціалъ-демократія. По всей вѣроятности, онъ не знаетъ ни дѣятельности, ни даже имени другой фракціи русскаго соціализма. И, между тѣмъ, всѣ эти люди реакціи и охранительства съ важностью толкуютъ о врагахъ отечества и отрицателяхъ „завѣтовъ", судятъ и рядятъ объ отношеніи передовыхъ русскихъ партій къ народу, клеймятъ членовъ ихъ измѣнниками.

Кн. Мещерскій лишь „намедни услыхалъ" о соціалъ-демократахъ. Онъ лишь случайно узналъ, что есть люди, которые страстно желаютъ существенныхъ перемѣнъ въ политической области, но идеалы которыхъ заходятъ далеко за программы чистаго либерализма, тогда какъ интересы народа, трудящихся массъ, являются для нихъ главнымъ путеводнымъ маякомъ... Невольно вашу душу проникаетъ жгучее чувство стыда за неразвитость, за грубость нашихъ политическихъ отношеній. И страстно хочется, чтобы между европейскимъ Западомъ и Востокомъ стерлась та черта въ области власти и правленія, которая позволяетъ въ Россіи людямъ въ родѣ гг. Грингмутовъ, Соколовыхъ и князей Мещерскихъ, не смотря на все ихъ абсолютное ничтожество, играть роль вершителей судебъ великаго народа...

В. Г. Подарскій.

Холерный карантинъ на девяти-футовомъ рейдѣ.

(Страничка изъ недавняго прошлаго).

«...Обязанности Мымрецова состояли въ томъ, чтобы, во-первыхъ, *«тащить»*, а во-вторыхъ, *«не пущать»*. Тащилъ онъ обыкновенно туда, куда рѣшительно не хотѣли попасть, а не пускалъ туда, куда этого смертельно желали».

(Гл. Успенскій «Будка»).

И быша имъ послѣдняя горше первыхъ.

I.

Въ 1891 и 1892 годахъ, какъ извѣстно, Россію посѣтилъ страшный, небывалый еще по размѣрамъ голодъ, а за голодомъ пришла холера.

И голодъ, и холера сопровождались обычными у насъ, на Руси, явленіями: недовѣріемъ народа къ такъ называемымъ правящимъ и культурнымъ классамъ и мрачными легендами. Одна изъ этихъ „голодныхъ" легендъ, распространенная очень широко, гласила, между прочимъ, что тѣ добровольцы изъ общества, которые несли народу не казенную, а вольную помощь на средства, собранныя изъ добровольныхъ пожертвованій, посланы никѣмъ инымъ, какъ антихристомъ. Реакціонная печать съ большимъ злорадствомъ подхватила тогда эту глупую бабью сказку, сначала по отношенію къ Толстому, а затѣмъ и относительно другихъ представителей „интеллигенціи" съ ихъ необязательной и нечиновничьей помощью. Лично мнѣ пришлось сталкиваться въ деревняхъ лукояновскаго уѣзда съ тѣми же подозрѣніями, которыя пускались въ ходъ людьми древляго склада и темнаго умонастроенія и поддерживались преимущественно старухами. И, однако, нигдѣ, ни разу эта мрачная сказка не пошла дальше заугольнаго шипѣнія и вздоховъ. Всюду она падала передъ очевидностью: въ вольныхъ столовыхъ давали хлѣбъ, а не камень, и никого туда не гнали насильно. И вотъ, въ очеркахъ голоднаго года мнѣ пришлось отмѣтить, что тѣ самые люди, которые изобрѣтали или повторяли легенду объ антихристовой печати,—приводили своихъ дѣтей въ столовыя и сами просили внести ихъ въ списки. Такъ жизненный фактъ побѣждалъ изувѣрныя теоріи.

Совершенно иная судьба постигла легенду холерную... Еще болѣе дикая, еще болѣе изувѣрная и нелѣпая,—она гласила, что

кому-то нужно сѣять заразу и смерть среди народа, что кто-то нарочно отравляетъ колодцы, что, наконецъ, врачи отъ кого-то получаютъ приказы не лѣчить, а морить народъ и закапывать живыхъ людей въ могилы... И между тѣмъ, какъ голодныя легенды безсильно стихали передъ очевидностью помощи, встрѣтивъ послѣдній пріютъ на страницахъ отсталой печати,—легенда холерная облеклась въ плоть и кровь и, поднявшись въ низовьяхъ Волги, промчалась мрачнымъ ураганомъ кверху, захвативъ Астрахань, Дубовку, Царицынъ, Саратовъ... И всюду лилась кровь, —сначала врачей и медицинскаго персонала, а затѣмъ и жестоко „усмиряемаго" народа...

„Должны же быть этому какія-нибудь причины",—этимъ вопросомъ я закончилъ свои очерки голоднаго года 12 лѣтъ назадъ... Тогда же я пытался посильно отвѣтить на этотъ вопросъ въ отдѣльномъ очеркѣ, посвященномъ анализу холерныхъ безпорядковъ, но тогдашняя цензура нашла эту пытливость ума совершенно излишней. „Бѣдствіе" миновало, гг. приволжскіе губернаторы и другіе чиновники получили должныя награжденія за проявленную ими энергію, „бунтовщики" понесли „заслуженное наказаніе"... Значитъ, разговаривать было не о чемъ, и тревожить недавнія событія было бы „нетактично" и „безцѣльно".

Но вотъ, теперь, какъ и тогда, призракъ холеры опять появился на нашихъ окраинахъ и ходитъ гдѣ-то недалеко, какъ будто выжидая благопріятнаго времени, чтобы къ остальнымъ трудностямъ данной минуты присоединить и свои усложненія, и свой ужасъ, и свои легенды.

И мнѣ кажется, что теперь моя попытка кинуть взглядъ назадъ, на событія недавняго еще прошлаго, на ихъ происхожденіе и причины—будетъ далеко не лишней.

II.

Какъ извѣстно, слухи о холерѣ носились давно. Газеты указывали на то, что она свила себѣ гнѣздо въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пограничной Персіи, но, какъ это бываетъ обыкновенно, на слухи не обращали особеннаго вниманія, и пока все было „благополучно" въ предѣлахъ Россіи,—о возможности холеры велась лишь безплодная секретная переписка въ нѣдрахъ различныхъ канцелярій...

Но вотъ, слухи стали превращаться въ настоящую и близкую угрозу. Холера уже появилась у самой границы, холерные случаи, еще тщательно скрываемые мѣстными начальствами, уже обнаружились въ прикаспійскихъ степяхъ.

Тогда начались „приготовленія". Приготовленія на нашемъ бюрократическомъ языкѣ это значитъ: проявленіе административ-

ной энергіи въ видѣ циркуляровъ, предписаній, негласныхъ совѣщаній чиновниковъ, выработка таинственныхъ мѣропріятій, которыя должны настигнуть обывателя болѣе или менѣе врасплохъ. Это значитъ, что гг. врачебные инспектора шлютъ предписаніе врачамъ городовымъ и уѣзднымъ, тѣ кидаются къ полиціи, полиція во дворы обывателей, обросшіе горами навоза. Сыплются протоколы и штрафы, а надъ всѣмъ этимъ властно гремятъ и рокочутъ приказы гг. губернаторовъ и спеціально командированныхъ высшихъ медицинскихъ чиновниковъ „съ особыми полномочіями". Но такъ какъ, разумѣется, приказывать всегда легче, чѣмъ исполнять приказы, то и выходитъ обыкновенно, что господа губернаторы, медицинскіе чины съ особыми полномочіями, врачебные инспектора и полицейскіе пристава „развиваютъ огромную энергію", за которой никакъ не могутъ поспѣть никакія обывательскія старанія. Обывателя казнятъ и мировые судьи, и газеты, административная энергія выступаетъ въ наивыгоднѣйшемъ свѣтѣ, и никому какъ-то не приходитъ въ голову, что вѣдь и для проявленія этой энергіи предоставлялось обширное поле дѣйствій въ болѣе спокойное время... Но тогда она дремала вмѣстѣ съ обывательской доморощенной санитаріей...

Такъ какъ на этотъ разъ холера шла изъ Персіи, то на господъ губернаторовъ бакинскаго и астраханскаго пала почетная обязанность встрѣтить опасную гостью и не допустить ее въ предѣлы Россіи.

И господа губернаторы приступили „во всеоружіи власти" къ исполненію отвѣтственной миссіи. Къ сожалѣнію, о Баку мы имѣемъ не особенно полныя извѣстія. Какъ наиболѣе интересную черту героической борьбы бакинской администраціи съ холерой, газеты того времени отмѣтили,—будто бакинскій губернаторъ (г. Рогге) прежде всего счелъ цѣлесообразнымъ удалиться на нѣкоторую почтительную дистанцію въ горы, откуда, повидимому, можно было лучше обозрѣвать поле предстоявшей борьбы.

О приготовленіяхъ къ этой борьбѣ города Астрахани мы имѣемъ нѣсколько болѣе подробныя извѣстія. Прежде всего были приготовлены очень эффектныя повозки. Къ сожалѣнію, для исторіи не осталось фотографическихъ снимковъ этихъ замѣчательныхъ сооруженій. Компетентные свидѣтели сообщали, что они имѣли форму большихъ ящиковъ, отчасти напоминавшихъ тележки для ловли бродячихъ собакъ, только значительно больше. Они были выкрашены черной краской, по которой бѣлыми буквами виднѣлась ободряющая надпись: „холера". Впослѣдствіи врачебный инспекторъ, г. Краевичъ, сообщалъ въ своемъ отчетѣ что „сдѣланные гор. управленіемъ экипажи вызвали открытое неудовольствіе со стороны обывателей" *). Это—болѣе чѣмъ

*) „Астрах. Листокъ", № 194.

вѣроятно. Но тогда возникаетъ вопросъ: почему г. Краевичъ, видный членъ административной коммиссіи, взявшей всецѣло въ свои руки верховное распоряженіе противохолерной борьбы въ г. Астрахани,—не произнесъ своей компетентной критики ранѣе? Что замѣчательные экипажи были построены на городскія средства,—это совершенно вѣрно. Но вѣрно также и то, что городское управленіе не имѣло „своего" самостоятельнаго голоса въ этихъ дѣлахъ, и что гласные, въ какомъ-нибудь отношеніи противодѣйствовавшіе или не соглашавшіеся съ намѣреніями администраціи, немедленно попадали въ „неблагонадежные" и выдворялись административнымъ порядкомъ изъ города. „Нѣсколькимъ лицамъ предложено оставить Астрахань",—читали мы въ то время въ „Саратовскомъ Дневникѣ" *), а въ мѣстной газетѣ „Астраханскій Листокъ", хорошо освѣдомленной и выходившей подъ цензурой мѣстной же администраціи,—появилось слѣдующее нѣсколько загадочное извѣстіе: „Постановленіемъ губернскаго правленія отъ 27 августа, купецъ Н. И. Артемьевъ имѣетъ быть подвергнутъ административной высылкѣ въ Енотаевскъ на неопредѣленный срокъ". И далѣе: „вслѣдствіе отношенія г. начальника губерніи г. городскому головѣ, купецъ Н. И. Артемьевъ устраненъ отъ участія въ засѣданіяхъ думы" *).

Мы, разумѣется, ничего не знаемъ ни о преступленіяхъ купца Н. И. Артемьева, ни о томъ, одинъ ли онъ изъ гласныхъ думы (и земства) почувствовалъ на себѣ всю силу астраханскаго губернскаго правленія и г-на астраханскаго губернатора, или эту же участь уже ранѣе испытали и другіе строптивые представители самоуправленія, которыхъ имена утонули въ общей формулѣ: „нѣсколькимъ лицамъ предложено оставить городъ"... Намъ важно одно: тамъ, гдѣ администрація *можетъ* примѣнять такія мѣры и гдѣ она ихъ *дѣйствительно примѣняла*, — думу можно винить развѣ въ слишкомъ пассивномъ подчиненіи административному произволу. Но за этой,—важной, правда, и тяжелой оговоркой, необходимо также признать, что отвѣтственность за всѣ дальнѣйшія предпріятія на отвоеванныхъ у самоуправленія позиціяхъ ложится уже цѣликомъ на одну администрацію, такъ какъ управа стала ея исполнительнымъ органомъ, а не органомъ самоуправленія. Такимъ образомъ, и заготовленныя этой покорной управой „повозки", очевидно, должны быть признаны вполнѣ отвѣчавшими требованіямъ начальства: какъ бы то ни было,—аппараты для ловли больныхъ были заблаговременно готовы, и обывателю приходилось впередъ утѣшаться мыслью, что, случись съ нимъ на улицѣ дурно,—его ждетъ уже „приличное помѣщеніе"...

*) 1892, № 192.
**) „Астрах. Л.", 3 сентября 1892, № 191.

Дальнѣйшія мѣропріятія вполнѣ соотвѣтствовали этому эффектному началу. Тотъ же, цитированный уже нами выше медицинскій инспекторъ, г. Краевичъ, сообщалъ въ своемъ интересномъ докладѣ, что уже въ 1890 году были большія основанія ожидать появленія холеры изъ Персіи, и по этому поводу въ тайникахъ канцелярій уже два года велась переписка, и даже намѣчались пункты для врачебно-санитарнаго надзора. Разумѣется, всѣ эти переговоры административныхъ инстанцій велись наисекретнѣйшимъ образомъ: холера разсматривалась, какъ предстоящее нашествіе иноплеменныхъ, а мѣры борьбы съ нею охранялись отъ преждевременнаго оглашенія, какъ охраняются отъ нескромныхъ взоровъ дипломатическая переписка или планы минныхъ загражденій. Все это до обывателя какъ бы и не относилось и должно было непремѣнно застигнуть его съ извѣстной внезапностью и врасплохъ.

И все это, разумѣется, повело къ тому, что въ два года ровно ничего путнаго не было сдѣлано, и все пришлось начинать сначала, когда (26 мая) начальникъ Закаспійской области телеграфировалъ, что болѣзнь появилась въ аулѣ у ст. Каука, Закаспійской жел. дороги, и что въ Узунъ-Ада установленъ трехдневный карантинъ. Кромѣ того, сообщалось также, что товары изъ персидскаго гор. Мешхеда, наиболѣе пораженнаго холерой, направляются, въ обходъ карантинныхъ пунктовъ на русской границѣ, прямо въ Асхабадъ, откуда зараза легко могла быть занесена и въ Астраханскую губернію" *).

Итакъ, диспозиція была ясна: холера грозила изъ Персіи, почему и слѣдовало встрѣчать ее съ этой стороны посредствомъ „обсерваціи, изоляціи и дезинфекціи". Г. астраханскій губернаторъ (Тевяшевъ), черезъ пять дней по полученіи этого извѣстія (и вѣроятно, послѣ конфиденціальнаго совѣщанія съ г. Краевичемъ и другими чиновниками)—призвалъ къ себѣ доктора Арустамова и возложилъ на него исполненіе своихъ плановъ, снабдивъ, разумѣется, соотвѣтствующей инструкціей... Докторъ Арустамовъ долженъ былъ отправиться немедленно на передовыя позиціи, въ Каспійское море, съ цѣлью во что бы то ни стало *задержать* персидскую холеру и „не пущать" ее въ гор. Астрахань...

III.

У Глѣба Ивановича Успенскаго въ его „Очеркахъ переходнаго времени" (гл. XI) есть очень яркое описаніе своеобразнаго мѣстечка, которое „на географическихъ картахъ носитъ странное, „нежилое", если можно такъ выразиться, названіе „*Девять футъ*".

*) Отчетъ медиц. инсп. Д. Д. Краевича. „Астрах. Вѣстникъ" № 925.

„Подъѣзжая къ этому мѣстечку ночью,—говоритъ авторъ,— уже за десять—пятнадцать верстъ начинаешь замѣчать какую-то массу едва мерцающихъ и скученныхъ въ одномъ мѣстѣ огней. Скоро пароходъ вступаетъ въ водяную улицу, обставленную, точь въ точь, какъ на Невскомъ, съ обѣихъ сторонъ фонарями, укрѣпленными на вѣхахъ въ якоря... Къ огнямъ фонарей начинаютъ прибавляться огни судовъ... и вотъ, наконецъ, пароходъ останавливается въ самой серединѣ огромнаго каравана всевозможнаго вида и названія судовъ... Это и есть *Девять футъ*".

Еще дальше въ морѣ стоитъ другой такой же пловучій городокъ, носящій названіе *Двѣнадцати футъ*. Расположенъ онъ въ 70—80 верстахъ отъ Астрахани, на взморьѣ, гдѣ струи великой Волги сливаются съ солеными волнами Каспія. Здѣсь идетъ перегрузка изъ глубоко сидящихъ морскихъ судовъ (если товаръ идетъ въ Астрахань) въ мелко-сидящія рѣчныя, и наоборотъ,—здѣсь же волжскія суда перегружаютъ свою кладь на морскія суда, отправляющіяся въ море, по всему побережью Россіи и Персіи...

Сюда-то и былъ командированъ астраханскимъ губернаторомъ Тевяшевымъ докторъ Арустамовъ, съ цѣлью встрѣтить и задержать здѣсь холеру, какъ задерживаютъ пограничную контрабанду. Для этой цѣли доктору Арустамову было приказано устроить немедленно обсерваціонные пункты и карантинъ, т. е. „учредить плавучую больницу, бактеріологическій кабинетъ, дезинфекціонную камеру, аптечку для больныхъ и пассажировъ". Предписаніе это было получено докторомъ Арустамовымъ 3 іюня, и уже черезъ пять дней онъ исполнилъ предписаніе, водворившись со своимъ небольшимъ отрядомъ на „Девяти" и „Двѣнадцати футахъ", на разстояніи 70 верстъ отъ Астрахани и въ 30 верстахъ по ближайшему направленію отъ берега, по сосѣдству съ мысомъ, носящимъ зловѣщее названіе „Могильный бугоръ", гдѣ былъ устроенъ баракъ и дезинфекціонная камера. Что это былъ за отрядъ и насколько онъ соотвѣтствовалъ важности задачи, видно изъ того, что „даже въ самое горячее время весь медицинскій персоналъ (на трехъ пунктахъ) состоялъ изъ врачей: Коханова, Воробьева, Опоговича и самого д-ра Арустамова. Изъ этихъ лицъ врачъ Опотовичъ занялъ „Могильный бугоръ", докторъ Воробьевъ обосновался на „Двѣнадцати футахъ" съ однимъ фельдшеромъ. Было еще двое (!) санитаровъ, одна повивальная бабка (!) и одинъ поваръ для больницы. Ни сидѣлокъ, ни прачекъ, ни санитарныхъ фельдшеровъ вовсе не было" *).

Таковъ былъ авангардъ, выдвинутый энергичнымъ распоряженіемъ г-на астраханскаго губернатора въ море, для того,

---

*) Докладъ д-ра Арустамова обществу врачей. „Астрах. Вѣстникъ", № 929.

чтобы задержать холеру и не допустить ея въ устья Волги. Безъ сомнѣнія, „бумага“, которая по этому поводу была послана въ Петербургъ, имѣла очень приличный видъ. Далеко, въ морѣ, уже ждетъ эпидемію цѣлый отрядъ, выдвинутый попечительнымъ начальствомъ, съ бактеріологическими станціями, съ санитарами, съ поваромъ, даже съ повивальною бабкой, и главное—съ строжайшими инструкціями: задержать холеру и подвергнуть ее „обсерваціи, изоляціи и дезинфекціи“... А пока превосходная бумага шла изъ астраханской канцеляріи въ канцеляріи петербургскія, „единственная карантинная пристань“ на „Девяти футахъ“ покачивалась на морскихъ волнахъ, въ ожиданіи исполненія своей, поистинѣ исторической, миссіи.

Ждать пришлось недолго. На дальнемъ горизонтѣ показывался дымокъ за дымкомъ. Это шли пароходы изъ Баку и изъ Персіи съ товарами для нижегородской ярмарки. Они сначала остановились на „Двѣнадцати футахъ“, гдѣ, вѣроятно, подвергались первоначальному досмотру, потомъ переходили къ главному карантину на „Девяти футахъ“, гдѣ уже должны были получать свидѣтельства на пропускъ въ Астрахань, если на нихъ все обстояло благополучно.

Такъ какъ, согласно инструкціямъ, холера должна была придти изъ Персіи, то вниманіе наблюдателей естественно и было направлено на персидскіе пароходы. Оказалось, однако, обстоятельство неожиданное и даже странное: „суда, шедшія изъ Персіи, за все время не доставили санитарно-обсерваціонной станціи ни одного больного“, рѣшительно обманувъ ожиданія и диспозиціи начальства. Что же касается до судовъ, приходившихъ изъ Баку, то тутъ по диспозиціямъ все, наоборотъ, должно было бы обстоять вполнѣ благополучно, такъ какъ городъ Баку самъ по оффиціальнымъ даннымъ долженъ былъ очищать, обсервировать и дезинфецировать зараженныя суда, шедшія изъ Персіи черезъ его пристань. Въ виду этого и согласно инструкціи,—всѣ суда, приходившія изъ Баку подъ русскимъ и персидскимъ флагами, пропускались на законнѣйшемъ основаніи и спокойно исчезали въ мглистыхъ устьяхъ Волги, по направленію къ Астрахани.

Оказалось, однако, что и здѣсь ожиданія инструкціи были обмануты: къ тому времени въ Баку уже съ начала іюня умирали отъ холеры, въ городѣ начиналась паника и спѣшные массовыя побѣги, но бакинская администрація (руководимая г. Рогге изъ прекраснаго далека?) еще не признавала „подозрительныя заболѣванія“ холерными, очевидно, предпочитая, чтобы „во ввѣренномъ краѣ“, для утѣшенія высшаго начальства, какъ можно дольше все обстояло благополучно.

И вотъ, 9 іюня изъ Баку, въ качествѣ „вполнѣ по холерѣ благополучнаго“, вышелъ пароходъ „Александръ“, который и прибылъ 12-го къ „Девяти футамъ“. На немъ было пассажировъ:

126 мужчинъ, 73 женщины и 66 дѣтей,—всего, значитъ, 265 человѣкъ. Изъ нихъ одинъ (шестилѣтній ребенокъ) скончался въ морѣ, съ несомнѣнными признаками холеры, а нѣсколько человѣкъ были въ безнадежномъ состояніи. „Если бы не это обстоятельство,—говорилъ впослѣдствіи докторъ Арустамовъ въ своемъ докладѣ обществу врачей,—то санитарная станція, согласно данныхъ ей инструкцій, должна была пропустить этотъ пароходъ *безъ обсерваціи и дезинфекціи*". Теперь пароходъ былъ задержанъ. Къ 14-му іюня число умершихъ на немъ дошло до пяти. Къ 15-му на девяти-футовую плавучую больницу было доставлено еще 4 больныхъ съ ясными признаками азіатской холеры... Слѣдовательно, „Александръ" привезъ (изъ оффиціально благополучнаго гор. Баку) на „Двѣнадцати-футовой рейдъ" девять холерныхъ и сомнительныхъ больныхъ, изъ коихъ 5 умерло уже къ 16-му іюня. Затѣмъ, „13 іюня прибылъ изъ Баку другой пароходъ „Цесаревичъ Александръ", сдавшій въ Петровскѣ двухъ больныхъ холерой, и послѣ этого „число пароходовъ и зараженныхъ пассажировъ оттуда все увеличивалось"...

Такимъ образомъ, маленькій сторожевой отрядъ очутился лицомъ къ лицу съ ожидаемымъ непріятелемъ, подоспѣвшимъ, однако, совсѣмъ не съ той стороны, съ какой его ожидали. Изъ зараженной Персіи пароходы приходили здоровые, изъ благополучныхъ владѣній бдительнаго губернатора Рогге они то и дѣло подвозили умирающихъ. Врагъ былъ уже тутъ и, что всего хуже,—онъ успѣлъ уже совершить обходное движеніе и проникъ въ Астрахань...

14-го іюня былъ констатированъ несомнѣнный случай холернаго заболѣванія въ городѣ *). Откуда бы ни проникла болѣзнь,—проѣхала ли она съ отличными рекомендаціями на бакинскихъ пароходахъ еще до начала обсерваціи, или пробралась сухимъ путемъ,—во всякомъ случаѣ, съ этихъ поръ роль доктора Арустамова, повидимому, была кончена, а главное—было очевидно, что задача обсерваціи на „Девяти футахъ" далеко превышала средства отряда. Но все это съ точки зрѣнія существа дѣла, а докторъ Арустамовъ обязывался смотрѣть также и съ точки зрѣнія инструкціи. По предписанію онъ былъ присланъ, по предписанію задержалъ 265 человѣкъ на одномъ пароходѣ и столько же, вѣроятно, на другомъ, по предписанію же только и могъ прекратить эти операціи, допустивъ истомленныхъ людей въ Астрахань, гдѣ, конечно, было больше возможности справиться съ задачей...

Но такого предписанія не было, и потому „обсервація" продолжалась (до 3 іюля) съ такой неуклонностью, которая способна повергнуть всякаго сторонняго наблюдателя въ глубочайшее изум-

*) „Астрахан. Вѣстникъ", 18 сентября 1902 г. № 933.

леніе передъ необычайной энергіей исполнителей... Еще нѣсколько дней, и съ каждымъ дымкомъ, появлявшимся на южномъ горизонтѣ,—бѣдствіе росло, число задержанныхъ увеличивалось. „Появились наливныя шкуны, на которыхъ были сотни пассажировъ, бѣжавшихъ изъ Баку". Это было безпорядочное бѣгство населенія, напуганнаго внезапностью появленія болѣзни и, думаемъ также,—таинственностью угрожавшихъ обывателю „административныхъ воздѣйствій". Люди заболѣвали и умирали въ дорогѣ, а, между тѣмъ, „на всѣхъ прибывавшихъ судахъ не было не только врача, но даже фельдшера и аптечки" *).

Что же, съ своей стороны, предлагалъ больнымъ отрядъ на „Девяти футахъ"? Мы уже видѣли: три врача (на трехъ пунктахъ), поваръ, два фельдшера и... повивальная бабка. „Обстановка больницы,—по словамъ самого доктора Арустамова,—была такова: *кромѣ 10 кроватей, больше ничего не имѣлось.* Бѣлья для больныхъ не хватало, не было стульчаковъ, гидропультовъ, клеенчатыхъ халатовъ, резиновыхъ галошъ и... гробовъ"... *).

Иначе сказать,—не было ничего, что нужно для больныхъ и умирающихъ, а была одна Мымрецовская инструкція: „тащить" больныхъ на обсервацію и „не пущать" въ Астрахань... Это ясное приказаніе высшей астраханской администраціи маленькій „санитарный" отрядъ выполнилъ образцово: съ своими ничтожными средствами онъ далъ сигналъ, и на „водномъ Невскомъ проспектѣ" (употребляю выраженіе Г. И. Успенскаго) движеніе было остановлено, какъ останавливается оно на настоящемъ Невскомъ проспектѣ по мановенію подчаска. Пароходы переставали дымить, опускали якоря, и вотъ у карантинной пристани покорно, смиренно, безъ ропота, ошвартовались сотни судовъ. За время обсерваціи были задержаны на Каспійскомъ взморьѣ ни много, ни мало... 263 (двѣсти шестьдесятъ три!) парохода и 214 (двѣсти четырнадцать!) баржей. „По минимальному разсчету,—писалъ докторъ Арустамовъ въ своемъ докладѣ,—на *Девяти футахъ* скопилось (одновременно!) до десяти тысячъ человѣкъ"... И, сообщивъ эти поразительныя цифры, докторъ Арустамовъ ставитъ вопросъ:

„Чѣмъ только питались эти люди?!"...

. . . .

IV.

Да, это вопросъ, отъ котораго у свѣжаго человѣка волосы подымаются дыбомъ... „Какъ чѣмъ питались?—спроситъ, навѣрное, читатель,—да развѣ, давая приказы объ остановкѣ каравановъ

---

*) Докладъ д-ра Арустамова. „Астрах. Вѣстникъ", № 929.

**) Ib.

въ морѣ, астраханская администрація не подумала заранѣе, что задержанные будутъ нуждаться въ пищѣ?"

Именно такъ: астраханская административная коммиссія, во главѣ съ губернаторомъ г. Тевяшевымъ, составляя свои строгія инструкціи, имѣла въ виду только холеру, которую слѣдовало „задержать" совершенно такъ, какъ задерживаютъ неодушевленную контрабанду, но совсѣмъ не имѣла въ виду живыхъ людей и ихъ потребностей. Среди этого десятка тысячъ людей, остановленныхъ въ морѣ для *„обсерваціи, изоляціи и дезинфекціи"*,—находились *подозрительные и неблагонадежные* по холерѣ личности... Ну, значитъ, ихъ и надлежало подвергнуть медицинскому аресту, для чего имѣлись 10 кроватей, поваръ и повивальная бабка. Что же касается здоровыхъ, то для нихъ не было приготовлено даже хлѣба и, что еще важнѣе,—воды! А кругомъ было соленое море!

„Санитарная станція,—гласитъ краснорѣчивый докладъ доктора Арустамова,—по мѣрѣ возможности (!) доставляла провіантъ. Къ концу обсерваціи (только къ концу!) нѣкоторыя пароходныя общества стали подвозить провизію для своихъ пассажировъ..: Но это,—эпически прибавляетъ докладчикъ,—*была лишь капля въ морѣ*". При этомъ еще „буфетчики и судовая команда на пароходѣ, пользуясь тяжелымъ положеніемъ пассажировъ, безсовѣстно эксплуатировали послѣднихъ". *„Только тотъ*,—продолжаетъ этотъ замѣчательный докладъ,—*кто присутствовалъ при ужасныхъ сценахъ плача, жалобъ и проклятій здоровыхъ пассажировъ, находившихся вмѣстѣ съ больными и разлагающимися трупами* (!!)—только тотъ можетъ имѣть понятіе о томъ, какое благодѣяніе оказывали быстрая и тщательная дезинфекція людей и вещей на „Могильномъ бугрѣ" и устроенные тамъ бараки"...

Конецъ этого періода, неожиданно прославляющій благодѣянія быстрой дезинфекціи, для которой задержано 10 тысячъ людей безъ воды и пищи,—признаемся откровенно,—ни мало не убѣждаетъ насъ въ томъ, что эта дезинфекція представляла для кого бы то ни было благодѣяніе, а не ужасающее бюрократическое преступленіе. „Другая же больница,—продолжаетъ докладчикъ,—была устроена только къ 20 іюня, почему въ пловучей больницѣ *стали накопляться больные и мертвые*". Часть труповъ Арустамовъ съ своими помощниками свозилъ на берегъ (30 верстъ!) и хоронилъ своими средствами, а больныхъ, въ числѣ 45 человѣкъ, и 17 труповъ отправилъ съ 19-го на 20-ое іюня на Благословенный промыселъ.

Между тѣмъ, съ утра и до поздней ночи, одни за другими, подходили суда къ санитарной станціи за свидѣтельствами. И большая часть привозила больныхъ и умирающихъ, или люди заболѣвали во время стоянки, что, разумѣется, при описанныхъ условіяхъ должно было идти въ усиленной степени...

При этомъ справедливость требуетъ отмѣтить, что личный составъ отряда дѣлалъ настоящія чудеса. „Въ продолженіе десяти дней медицинскій персоналъ (мы видѣли—какой) работалъ безъ отдыха и сна". „Кругомъ станціи стояла масса судовъ съ тысячами пассажировъ. Необходимо было снимать трупы, возможно скорѣе свозить ихъ на берегъ и предавать землѣ", тѣмъ болѣе, что „много труповъ привозилось съ моря уже разложившимися", а земля была на разстояніи 30—40 верстъ отъ станціи. „Берега настолько мелководны, что даже на лодкахъ нельзя было приставать къ нимъ. *Больныхъ и трупы нужно было переносить на рукахъ*, по колѣно въ водѣ" *)...

Далѣе: „необходимо было самимъ врачамъ снимать больныхъ со шкунъ въ больницу, ибо команда шкунъ и пассажиры отказывались помогать въ этихъ случаяхъ. Нужно было самимъ врачамъ снимать платье съ больныхъ, обмывать ихъ, переодѣвать и переносить въ палаты, гдѣ больные лежали на сѣнѣ (въ мѣшкахъ), тѣсно другъ около друга; надо было ежеминутно обеззараживать изверженія больныхъ. По причинѣ такой неурядицы, одинъ фельдшеръ, Земскій, умеръ отъ холеры"...

Вотъ каково было положеніе вещей, изображенное докторомъ Арустамовымъ, главнымъ дѣятелемъ Девяти-футовой обсерваціи, и вотъ, при какихъ условіяхъ передовой санитарный пикетъ встрѣтилъ холеру въ Каспійскомъ морѣ передъ Астраханью. А вѣдь это и была *первая встрѣча*, которая опредѣлила очень многое въ дальнѣйшемъ.

Разумѣется, поведеніе доктора Арустамова и всего этого передового отряда, если смотрѣть на нихъ, какъ на исполнителей выработанныхъ астраханскимъ губернаторомъ инструкцій,—стоитъ выше всякихъ похвалъ. Впослѣдствіи мы читали, въ связи съ этой холерной кампаніей, много приказовъ о наградахъ и благодарностяхъ, начиная съ гг. приволжскихъ губернаторовъ и кончая какимъ-то прапорщикомъ морской артиллеріи В. И. Гловацкимъ, котораго Н. М. Барановъ печатно благодарилъ „за быстрое изготовленіе фонарей и флаговъ" **). О награжденіи или хотя бы благодарности доктору Арустамову мы ничего не помнимъ. А между тѣмъ, когда всѣ фонари разобьются и истреплются всѣ флаги, — имена доктора Арустамова съ товарищами должны перейти въ бытовую исторію русской общественности, какъ примѣръ истиннаго героизма, который, однако, на службѣ у безсмысленныхъ чиновничьихъ усмотрѣній, оказался не только безплоднымъ, но прямо гибельнымъ и вреднымъ.

*) „Докладъ". Тамъ же.
**) „Волгарь", 1892 г., № 169.

V.

Къ сожалѣнію, эта послѣдняя оцѣнка совершенно неоспорима. Отрядъ исполнилъ свою задачу (т. е. выполнилъ инструкцію) съ истиннымъ, а не мишурнымъ героизмомъ, но было бы, вѣроятно, гораздо лучше, если бы на мѣстѣ этихъ упорныхъ людей, сумѣвшихъ задержать сотни судовъ и десятки тысячъ людей у временного городка въ открытомъ морѣ, безъ воды и хлѣба, при наличности десяти кроватей, двухъ санитаровъ, акушерки и повара, — если бы на ихъ мѣстѣ явились люди малодушные, которые сбѣжали бы передъ этой тучей отчаянія и смерти, и явились бы къ г. астраханскому губернатору съ докладомъ, что его инструкція нелѣпа и неисполнима, и что мымрецовская формула „тащить и не пущать“ не есть лучшее средство борьбы съ эпидеміей... Что было бы тогда?.. Астрахань, волей-неволей, вынуждена была бы принимать больныхъ у себя (какъ это и случилось послѣ 3 іюля), сдавать ихъ въ свои больницы, хоронить на своей землѣ... Тогда „казенное благополучіе“ Астрахани прекратилось бы днями десятью раньше,—и только... Но за то можно сказать навѣрно, что не было бы многаго, гораздо болѣе мрачнаго, что зародилось впервые на „Девяти футахъ“.

А зародилась тамъ (для меня это несомнѣнно), или, по крайней мѣрѣ, *тамъ приняла значеніе очевидности, облеклась плотью и кровью позорная и кровавая легенда, — что врачамъ приказано морить народъ подъ предлогомъ холеры.*

„Чѣмъ эти люди питались?“ — спрашивалъ, какъ мы видѣли, докторъ Арустамовъ, и самъ же отвѣчалъ, что всѣ старанія станціи въ этомъ отношеніи были только „капля въ морѣ“,—то есть въ морѣ искусственнаго голода и жажды... Что должны были испытывать жертвы этой бездушной и слѣпой якобы санитарной канцелярщины, которая произвела скопленіе тысячъ людей въ самой ужасной обстановкѣ, которая держала живыхъ людей вмѣстѣ съ разлагающимися трупами, и къ бѣдствіямъ, порождаемымъ холерой, прибавила бѣдствія, порождаемыя безсмысленнымъ распоряженіемъ. Одинъ капитанъ зевекинскаго парохода передавалъ моему брату, какъ очевидецъ, что пароходныя команды продавали *стаканъ воды по 20 копѣекъ* — тѣмъ, разумѣется, кто могъ платить эту цѣну. А кто не могъ?.. А вѣдь такихъ были именно тысячи...

И еще одна подробность, которую докторъ Арустамовъ не внесъ въ свой докладъ, но которую я, живя и разъѣзжая въ то время по холернымъ районамъ Приволжья, слышалъ отъ многихъ въ устной передачѣ. Въ одинъ изъ дней этого ужаснаго томленія, когда, даже по словамъ самого докладчика, на задер-

жанныхъ пароходахъ происходили сцены въ родѣ дантова ада, на горизонтѣ со стороны Астрахани показался дымокъ... Бѣжалъ казенный пароходикъ, который сразу привлекъ вниманіе и возбудилъ въ истомленныхъ сердцахъ радостныя надежды: навѣрное, это везутъ изъ Астрахани припасы, а можетъ быть, даже приказъ снять этотъ жестокій и нелѣпый арестъ баржей и пароходовъ въ открытомъ морѣ. Сотни глазъ жадно всматривались въ выроставшее темное пятнышко съ казеннымъ флагомъ... Но, когда пароходъ присталъ къ карантину, оказалось, что на немъ не было ни запасовъ прѣсной воды, ни хлѣба для арестованныхъ... Вмѣсто всего этого пароходъ привезъ... гробы...

Мы, люди, нѣсколько знакомые съ бюрократическими порядками, можемъ дать „трезвое" объясненіе этому явленію. Въ самомъ дѣлѣ, оно такъ понятно: мы уже видѣли, что докторъ Арустамовъ указывалъ въ своемъ докладѣ на отсутствіе „гидропультовъ, клеенчатыхъ халатовъ, резиновыхъ галошъ и — гробовъ..." Мы, увѣрены, конечно, что въ своихъ донесеніяхъ по начальству онъ не забылъ и объ отсутствіи воды и хлѣба. Но... „административная коммиссія" ближе всего, конечно, приняла къ сердцу то, что касалось дезинфекціи, изоляціи, вообще,—что непосредственно касалось преслѣдуемой болѣзни. Забота о здоровыхъ—выходила за предѣлы ея компетенціи. Послѣдовало, разумѣется, соотвѣтствующее распоряженіе, кто-нибудь, быть можетъ, получилъ даже благодарность „за быстрое изготовленіе гробовъ", какъ прапорщикъ морской артиллеріи Гловацкій — за фонари и флаги. И вотъ, заботливое начальство спѣшитъ порадовать свой передовой отрядъ... Гробы, дѣйствительно, необходимы, такъ какъ въ это время доктора на своихъ плечахъ выносили въ лодки трупы, завернутые одними простынями, и везли ихъ для похоронъ къ Могильному бугру... Кто же могъ предвидѣть обстоятельства, при которыхъ этотъ полезный подарокъ появится передъ глазами истомленной толпы, и тотъ логическій выводъ, который она сдѣлаетъ?

А выводъ, который она сдѣлала, былъ необыкновенно простъ: приказано уморить еще столько людей, сколько прислано гробовъ... А тамъ,—можетъ быть, подошлютъ еще...

Одинъ изъ корреспондентовъ столичныхъ газетъ, описывая нѣкоторые эпизоды этого „сидѣнія", — высказывалъ удивленіе, что толпа не расправилась съ докторомъ Арустамовымъ такъ, какъ впослѣдствіи расправлялась съ другими. Объясненіе этого факта довольно просто: во-первыхъ, толпа была въ непривычной обстановкѣ, на разрозненныхъ судахъ; а во-вторыхъ, по разсказамъ очевидцевъ, докторъ Арустамовъ импонировалъ необыкновеннымъ мужествомъ и самоотверженіемъ, съ которомъ исполнялъ свою, къ сожалѣнію, совершенно нелѣпую миссію. Толпа прощала своему санитарному тюремщику, видя, что этотъ че-

ловѣкъ является самъ первой жертвой какого-то таинственнаго и непонятнаго „приказа". Но что приказъ состоялъ въ томъ, чтобы переморить въ морѣ возможно больше людей,—въ этомъ—темная и изстрадавшаяся толпа не сомнѣвалась.

И вотъ, на „Девяти футахъ", въ открытомъ морѣ на палубахъ арестованныхъ санитарной полиціей пароходовъ, назрѣвали мрачныя событія, и человѣконенавистный призракъ, родившійся изъ невѣжества, тьмы и страданія, — облекался здѣсь живою плотью и кровью...

VI.

Теперь нѣсколько моихъ личныхъ воспоминаній.

Въ двадцатыхъ числахъ іюня этого злополучнаго года мнѣ пришлось ѣхать по Волгѣ, къ Саратову. Плыли мы на прекрасномъ большомъ пароходѣ, не видѣвшемъ еще ни одного холернаго случая. Вообще, заботами администраціи и цензуры общественное спокойствіе въ то время еще довольно успѣшно ограждалось отъ точныхъ извѣстій о холерѣ; слухи о ней доходили до общества, но мало его тревожили: они ходили два года, какъ отголоски чего-то еще далекаго, быть можетъ, не имѣющаго реальнаго значенія, а точныя извѣстія газетамъ самостоятельно печатать воспрещалось. Можно было только заимствовать изъ „Правительственнаго Вѣстника". Но правительственный органъ молчалъ... Значитъ, все еще обстояло на Руси благополучно.

Былъ вечеръ. Въ большой каютѣ второго класса, освѣщенной электричествомъ, сидѣло веселое общество, и въ томъ числѣ очень общительный и милый помощникъ капитана. А въ открытыя двери и окна глядѣла темная, ласковая ночь, во тьмѣ которой неясно проплывали очертанія береговыхъ возвышенностей.

Пароходъ подходилъ къ Вольску, и въ открытую дверь виднѣлась уже кучка огней, казавшаяся намъ какимъ-то спутаннымъ созвѣздіемъ. Но помощникъ капитана вглядѣлся въ это созвѣздіе, и на его лицѣ появилось выраженіе недоумѣнія и нѣкотораго безпокойства. Онъ подошелъ къ двери и крикнулъ вахтеннаго.

— Посмотри-ка,—сказалъ онъ матросу:—вѣдь это у пристани стоитъ наша „Вѣра" *).

— Такъ точно,—отвѣтилъ матросъ...

Мы всѣ не могли понять ни того, какъ они узнаютъ свою „Вѣру" въ этой неясной и безпорядочной кучкѣ огней, ни того, почему это ихъ обоихъ видимо безпокоитъ. Но для волгарей рѣка была точно открытая книга, въ которой они читали свободно.

*) Не могу теперь поручиться за точность названія.

— Плохо, господа,—сказалъ помощникъ капитана на наши разспросы.—„Вѣра“ шла книзу, и по росписанію должна быть въ Астрахани. Ее вернули, примѣрно, изъ Царицына,—значитъ, въ Астрахани холера...

И это оказалось правдой. Когда нашъ пароходъ тихо причалилъ къ борту стоявшей у пристани „Вѣры“, то уже всюду, въ каютахъ и на палубахъ, говорили, что въ Астрахани эпидемія въ разгарѣ, и люди умираютъ сотнями. Многіе пассажиры роптали даже на то, что мы такъ безпечно пристаемъ къ борту опаснаго парохода.

Я съ однимъ изъ знакомыхъ перешелъ по кинутымъ мосткамъ на „Вѣру“, чтобы разспросить очевидцевъ... На нижней палубѣ, въ такъ называемомъ четвертомъ классѣ, въ повалку лежали мужики-рабочіе. Это были люди съ землистыми лицами, съ выраженіемъ угрюмымъ и печальнымъ. Когда намъ приходилось порой переступать черезъ нихъ,—они не двигались и только провожали насъ недружелюбными взглядами; кое-гдѣ раздавалось сердитое ворчаніе... Не было слышно ни пѣсенъ, ни шутокъ, ни гармоніи, ни обычныхъ волжскихъ разговоровъ. Какое-то тяжелое настроеніе нависло надъ этой толпой. Чувствовалось, что эти люди недавно пережили голодъ; на низовьяхъ Волги они искали обычнаго заработка и теперь возвращались оттуда въ мрачномъ разочарованіи.

Большинство пассажировъ верхняго этажа, т. е. второго и третьяго классовъ, ѣхали только отъ Царицына и Саратова, и потому не могли намъ сообщить ничего интереснаго. Одно было несомнѣнно: низовья уже были захвачены эпидеміей.

— Вотъ этотъ господинъ ѣдетъ изъ Баку,—спросите у него,—посовѣтовалъ намъ одинъ изъ собесѣдниковъ.

Господинъ, на котораго намъ указали, стоялъ на кормѣ и, облокотясь на перила, смотрѣлъ на темную рѣку. Видъ у него былъ тоже задумчивый и угнетенный, и онъ не особенно дружелюбно повернулся ко мнѣ, когда я, извинившись, предложилъ ему свои вопросы.

— Да, все правда,—отвѣтилъ онъ неохотно...—Все правда: холера въ Баку и Астрахани. Я ѣду изъ Баку... выдержалъ карантинъ на „Девяти футахъ“.

И вдругъ, повернувшись совсѣмъ, такъ что электрическая лампочка освѣтила его блѣдное лицо, онъ спросилъ:

— Видѣли внизу... на палубѣ?..

— Бурлаковъ?

— Да... Они тоже выдержали карантинъ. Это первая партія выпущенныхъ съ „Девяти футъ“... Первыя ласточки. Погодите,—двинутся еще остальные...

И онъ въ общихъ чертахъ разсказалъ мнѣ все то, что болѣе подробно и точно изложено выше. Говорилъ онъ съ перерывами,

неохотно, не особенно связно, какъ человѣкъ, не оправившійся отъ угнетенія. Но выводъ изъ разсказа былъ совершенно опредѣленный: онъ предсказывалъ неизбѣжные безпорядки, по мѣрѣ того, какъ эти тысячи народа двинутся изъ карантиновъ, кверху, по Волгѣ...

Я пробылъ дня три въ Саратовѣ, гдѣ тоже начиналась холера и уже назрѣвали близкія событія... Затѣмъ я вернулся въ Нижній, и еще дня черезъ два съ низовыми пароходами пришли извѣстія о холерѣ и холерныхъ безпорядкахъ въ Астрахани, въ Дубовкѣ, въ Царицынѣ и въ Саратовѣ... Убивали санитаровъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прямо на глазахъ у господъ губернаторовъ. Въ Саратовѣ губернаторъ въ самую критическую минуту уѣхалъ изъ города, и когда пришлось призвать войска, то не было ни его, ни полиціймейстера. Войска были приглашены низшимъ полицейскимъ чиномъ (фактъ, установленный судомъ и оглашенный въ газетахъ). Тѣмъ не менѣе, войска всетаки были призваны, и опять полилась кровь, на этотъ разъ кровь охваченной настроеніемъ дикой легенды и усмиряемой войсками толпы, которая должна была впослѣдствіи расплачиваться еще за вѣру въ мрачную сказку передъ военнымъ судомъ...

Сказка, правда, старая, повторявшаяся не разъ. Но вѣдь много, среди искусственно поддерживаемой тьмы, бродитъ по свѣту старыхъ сказокъ, которыя, какъ легенда объ антихристовой помощи во время голода, рождаются въ изувѣрныхъ умахъ, повторяются съ недоумѣніемъ и зарождающейся уже въ народѣ критикой, и падаютъ въ безсиліи передъ всякой попыткой культурной работы... Но холерная легенда, наоборотъ, получила видимое подтвержденіе на карантинѣ „Девяти футовъ“. Тамъ она облеклась плотью и кровью и двинулась старымъ историческимъ путемъ: прослѣдите послѣдовательность возникновенія холерныхъ бунтовъ, и вы увидите, какъ они захватывали одинъ городъ за другимъ снизу вверхъ. Какъ будто кто-то идетъ по великой рѣкѣ и зажигаетъ на ней пожаръ за пожаромъ. И дѣйствительно, это шли толпы истомленныхъ людей, разсказывавшихъ всюду то, что было съ ними на карантинахъ въ Каспійскомъ морѣ...

Въ селѣ Работкахъ (большая приволжская лѣсная пристань) я встрѣтилъ знакомаго водолива съ остановившагося у пристани каравана. Это былъ необразованный, но разумный и пріятный человѣкъ, который недавно женился на вполнѣ грамотной и читавшей книги горожанкѣ. Я былъ увѣренъ, что здѣсь я встрѣчу трезвое отношеніе къ событіямъ. Къ моему удивленію, водоливъ былъ тоже во власти дикой легенды...

— Правда!—говорилъ онъ съ упрямой энергій.—Господинъ!.. Владиміръ Галактіоновичъ!.. Вѣрьте моей совѣсти, потому что я самъ это видѣлъ.

И онъ опять разсказалъ мнѣ о томъ, что на „Девяти футахъ“ держали людей безъ воды и припасовъ, здоровыхъ вмѣстѣ съ больными, живыхъ съ разлагающимися трупами, а вмѣсто хлѣба, въ самую страшную минуту, прислали гробы...

— Что-же это значитъ?.. Для чего?.. Какъ по вашему?

Мнѣ стоило большого труда объяснить ему и другимъ, что это была благонамѣренная „обсервація, изоляція и дезинфекція“, а не адское желаніе морить народъ... Что чудовищнаго приказа морить людей ни откуда не было и быть не могло, а были только циркуляры о безпрекословномъ повиновеніи неограниченной власти господъ губернаторовъ. Ну, а господа губернаторы, и вообще чиновники, въ особенности облеченные экстренными полномочіями, имѣютъ въ виду прежде всего непремѣнно переловить всѣхъ больныхъ, изолировать ихъ (то есть попросту арестовать) и затѣмъ уже облагодѣтельствовать по силѣ возможности лѣченіемъ и дезинфекціей. Бѣда только въ томъ, что весь механизмъ, находящійся въ ихъ распоряженіи, отлично приспособленъ для уловленія и арестованія больного и здороваго человѣчества, но очень плохъ для лѣченія и уже совсѣмъ не имѣетъ въ виду другихъ потребностей живого человѣка, въ особенности человѣка простого званія, не всегда располагающаго „карманными“ деньгами. Отъ этого происходитъ нѣкоторое прискорбное несоотвѣтствіе: ловятъ больныхъ и въ одиночку, и массами отлично, но лѣчатъ плохо, кормить же иной разъ совсѣмъ забываютъ... И отъ этого чиновничьи заботы становятся порой хуже и грознѣе самой эпидеміи.

Но „невѣжественная толпа“ этого не понимаетъ, не хочетъ относиться спокойно къ „маленькимъ недостаткамъ механизма“ и кидается на ближайшихъ исполнителей чиновничьей программы.

VII.

Я не имѣлъ въ виду писать полную исторію того времени, и ограничиваю свои воспоминанія наиболѣе, по моему мнѣнію, яркимъ и опредѣляющимъ его эпизодомъ. Будущему историку не трудно доказать, что всюду въ большей или меньшей степени повторялись тѣ же мотивы: всюду администрація брала дѣло въ свои руки, высылала возражателей и недовольныхъ, приглашала „покорныхъ“ гласныхъ и приглашала врачей лишь въ качествѣ чиновниковъ-консультантовъ или слѣпыхъ исполнителей и затѣмъ принудительно осуществляла „указанія науки“ чисто полицейскими мѣрами, совершенно не считаясь съ самыми ясными и законными требованіями жизни. Стоило врачамъ въ Самарѣ и Саратовѣ указать на то, что квасъ нужно варить изъ кипяченой воды,—какъ всѣ квасныя посудины на пристаняхъ

внезапно, точно бурей, опрокинуты полиціей, и тысячи бурлаковъ вынуждены были пить грязную воду прямо изъ волжскихъ затоновъ, какъ будто она была кипяченая. И всюду, гдѣ строился холерный баракъ,—передъ населеніемъ вставалъ призракъ принудительнаго, при содѣйствіи полиціи, водворенія въ это учрежденіе даже сомнительно больныхъ или заболѣвшихъ другою болѣзнью...

Результаты всѣмъ еще памятны: въ Астрахани, въ Дубовкѣ, въ Царицынѣ, въ Саратовѣ, не считая мелкихъ городовъ и поселковъ, населеніе жгло холерные больницы и бараки. Въ одномъ мѣстѣ фельдшера облили керосиномъ и зажгли, докторовъ и сидѣлокъ убивали, въ Саратовѣ убили реалиста Пемурова, который заступился за санитара...

Потомъ начался судъ... Въ виду важности обстоятельствъ, это былъ судъ военный, и въ одной Астрахани онъ приговорилъ: 20 человѣкъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе; 22 человѣка—въ каторжныя работы на 15 лѣтъ, одного—на 20 лѣтъ, двухъ—на 12 и 33 человѣка—къ меньшимъ наказаніямъ *).

И, какъ всегда въ такихъ случаяхъ,—двери суда были тщательно закрыты отъ гласности. Почему? Потому, конечно, что передъ судомъ должны были предстать дѣйствія господъ „высшихъ губернскихъ администраторовъ“, а это могло уронить ихъ престижъ. Одной изъ гибельнѣйшихъ сторонъ нашего бюрократическаго строя является полное отсутствіе обобщающаго и контролирующаго аппарата. Судъ играетъ эту роль во всѣхъ странахъ. Но у насъ поучительныя черты изъ дѣятельности гг. губернаторовъ астраханскаго, бакинскаго и саратовскаго прошли въ закрытомъ помѣщеніи и только смутными отголосками проникли въ общество... А затѣмъ; все это было сдано въ архивъ, и никому не пришло въ голову свести на очную ставку хотя бы данныя, добытыя судебнымъ слѣдствіемъ, съ донесеніями господъ губернаторовъ.

А гг. губернаторы, разумѣется, торопились установить свою собственную точку зрѣнія: и въ страшныхъ размѣрахъ, которые приняла эпидемія, и въ холерныхъ бунтахъ оказались виновными всѣ факторы мѣстной жизни, кромѣ того, который присвоилъ себѣ наибольшую власть, а, значитъ, принялъ и наибольшую отвѣтственность за послѣдствія... У насъ вышло, что власть принадлежала администраціи, отвѣтственность предоставлялась общественнымъ учрежденіямъ. Какъ только холера ослабѣла, народъ пересталъ умирать и волноваться, а бунтовщики были разсажены по тюрьмамъ,—такъ господа губернаторы немедленно пустили въ ходъ свое властное обвинительное красно-

*) „Гражданинъ“, 1893 г., № 7. Смертная казнь была замѣнена безсрочной каторгой.

рѣчіе. Едва-ли слѣдуетъ при этомъ удивляться, что самыми строгими судьями явились при этомъ губернаторы Бакинской и Астраханской губерній...

Г. Рогге (вернувшійся изъ горныхъ мѣстностей?) тотчасъ же сдѣлалъ гласное („пропечатанное" въ газетахъ) внушеніе врачамъ, которые, по его мнѣнію, не были на высотѣ положенія (если г. Рогге дѣйствительно былъ въ горахъ, то немудрено, что онъ чувствовалъ себя гораздо выше!), а г. Тевяшевъ въ Астрахани отчиталъ гласныхъ думы. „Его превосходительство, — почтительно сообщалось въ хроникѣ мѣстныхъ газетъ, — сказалъ, между прочимъ, что онъ не принялъ гласныхъ въ тотъ разъ, когда, послѣ бунта, они пожаловали выразить свое сочувствіе (удивительные люди!), — потому что они не оправдали надеждъ, возлагавшихся на нихъ во время бунта: не рѣшились идти повліять на толпу"... Правда, исторія не говоритъ о томъ, чтобы и самъ г. губернаторъ на это рѣшился, а астраханскіе жители говорили совсѣмъ другое, но это, повидимому, нисколько не вліяло на тонъ губернаторской рѣчи. „Не умолчу, — сказалъ далѣе его превосходительство, — что нѣкоторыя лица изъ торговаго сословія позволили себѣ неумѣстные и неблаговременные разговоры. А въ послѣднихъ надо быть очень осторожными.." *) Невольно возникаетъ вопросъ: не были ли эти лица свидѣтелями того, что происходило на „Девяти-футовомъ рейдѣ" и не говорили ли они о значеніи такой обсерваціи?..

Оставалась еще для оцѣнки событій газетная гласность. Газеты, правда, дали не мало матеріала для будущей исторіи этого періода. Было даже одно короткое время, когда казалось, что мѣстныя газеты скажутъ *все* объ этомъ замѣчательномъ и мрачномъ эпизодѣ, и что послѣ этого останется только подвести для всѣхъ очевидные итоги. Дѣло въ томъ, что между Астраханью и Баку начались нѣкоторые взаимные счеты по вопросу, — кто повиненъ въ „незадержаніи" холеры... Врачебный инспекторъ Краевичъ заявилъ категорически, что гор. Баку не исполнилъ своего долга передъ отечествомъ и пропускалъ персидскія суда безъ обсерваціи. И это было напечатано въ астраханскихъ газетахъ *). Тогда и въ бакинскомъ органѣ съ благословенія цензуры стали появляться замѣтки, разоблачавшія нѣкоторыя стороны изъ дѣятельности администраціи астраханской. Благодаря такимъ благопріятнымъ для гласности обстоятельствамъ, которыми судьба изрѣдка балуетъ провинціальные органы, — картина начинала понемногу выясняться, и, можетъ быть, выяснилась бы до конца совершенная непригодность чиновничьей гегемоніи въ такихъ

---

*) „Астрах. Листокъ" № 193.

**) „Астрах. Вѣстникъ", 13 Сент. 1902.

вопросахъ, если бы это цензурное междоусобіе не было прекращено на половинѣ.

И когда, послѣ этого я, въ качествѣ скромнаго бытописателя провинціальной жизни, сдѣлалъ попытку свести (въ „Русской Мысли") въ одну картину весь этотъ (цензурный) матеріалъ,—то московская цензура, какъ уже сказано, вырѣзала мою статью изъ журнала.

Вѣроятно, такая же участь постигла не мало другихъ статей о томъ же предметѣ, и послѣ этого ничто уже не могло нарушить общаго оптимистическаго колорита губернаторскихъ самооцѣнокъ. Общество, конечно, знало ихъ дѣйствительную стоимость, но когда подошло время „административныхъ" итоговъ, то все Поволожье съ удивленіемъ узнало о... многочисленныхъ наградахъ.

Награждены съ одинаковой благосклонностью и г. Рогге, котораго Астрахань обвиняла въ небреженіи интересами отечества, и г. Тевяшевъ, устроившій образцовую обсервацію на „Девяти футахъ", и кн. Мещерскій, котораго не могли разыскать въ городѣ въ самую критическую минуту, когда требовались его распоряженія... И, въ концѣ концовъ, образцовая кампанія 1892 года была возведена въ систему,—въ видѣ устава 11 августа 1903 года, благополучно существующаго и донынѣ... Родился онъ, какъ мы видѣли, на „Девяти-футовомъ рейдѣ", подъ „стоны и проклятія" задержанныхъ для обсерваціи голодавшихъ людей, окрѣпъ вмѣстѣ съ холерной легендой подъ крики озвѣрѣлой толпы, убивавшей врачей, и окончательно отдалъ обывателя и его представителей въ распоряженіе „административныхъ коммиссій"...

Докторъ Арустамовъ награжденъ не былъ. Даже, кажется, наоборотъ... Такъ, по крайней мѣрѣ, можно заключить изъ отчета о любопытномъ засѣданіи астраханскаго общества врачей (10 сент. 1902 г.), на которомъ докторъ Арустамовъ оправдывался противъ обвиненій г. Краевича, будто онъ пропустилъ холеру въ Астрахань, хотя имѣлъ въ своемъ распоряженіи двухъ фельдшеровъ, повара и акушерку. Когда, во время преній выяснилась вся картина девяти-футовой обсерваціи, то г. Краевичъ отвѣтилъ, что вся эта трагедія есть — результатъ недоразумѣнія. Д-ръ Арустамовъ просто не понялъ инструкціи: администрація имѣла въ виду устроить пунктъ только обсерваціонный, а въ результатѣ онъ оказался и карантиннымъ. На вопросы изумленныхъ врачей,—какая разница этихъ двухъ терминовъ, и что же долженъ былъ дѣлать г. Арустамовъ, если бы правильно понялъ инструкцію,—г. медицинскій инспекторъ отвѣтилъ, не обинуясь, что—онъ долженъ былъ снимать больныхъ, а пароходы „отправлять обратно въ Баку для тщательной дезинфекціи"... *).

*) № 930 „Астрах. Вѣстника". Тамъ же помѣщены замѣчательныя

Въ этой замѣчательной програмиѣ, очевидно, оживали традиціи дореформенныхъ становыхъ, взаимно перебрасывавшихъ мертвыя тѣла черезъ границу своихъ становъ. Но такъ какъ и бакинское начальство могло стать на ту же точку зрѣнія (пароходы изъ Баку вышли оффиціально благополучными), то въ воображеніи невольно встаетъ совершенно фантастическая картина: если бы докторъ Арустамовъ правильно понялъ мудрую инструкцію, то въ водахъ Каспія, между Баку и „Девяти-футовымъ рейдомъ" появилась бы цѣлая флотилія легендарнаго Летучаго Голландца, осужденная, во имя инструкціи, на безконечную изоляцію въ открытомъ морѣ. И всѣ тѣ сцены дантова ада, которыя описалъ докторъ Арустамовъ, хотя и происходили бы въ еще болѣе сильной степени, но за то... это было бы за предѣлами Астраханской губерніи, на нейтральномъ морскомъ просторѣ...

Можетъ быть, это и было бы настоящимъ торжествомъ обсерваціи, изоляціи и дезинфекціи, такъ какъ черезъ нѣкоторое время оставалось бы только потопить или сжечь безпріютныя суда, на которыхъ болѣзнь прекратилась бы „за отсутствіемъ матеріала"...

VIII.

Такова эта краткая, но поучительная исторія. Теперь холера опять грозитъ явиться въ наши предѣлы, и мысль невольно бѣжитъ на Каспійское взморье, къ пловучимъ городкамъ, гдѣ, вѣроятно, опять покачивается на соленыхъ волнахъ „одинокая карантинная пристань", и какой-нибудь новый докторъ Арустамовъ готовится повторить героическія дѣйствія своего предшественника, быть можетъ, даже имѣя въ своемъ распоряженіи ту же, обогащенную прошлымъ опытомъ, повивальную бабку...

А если и нѣтъ,—то развѣ мало другихъ мѣстъ, въ которыхъ, подъ просвѣщеннымъ руководствомъ всевластной администраціи, будетъ такъ же принудительно и такъ же казенно настигать обывателя все та же пресловутая тріада: обсервація... изоляція... дезинфекція...

Вл. Короленко.

1892—1905.

слова г. Краевича, что все, что происходило на 9 футовомъ рейдѣ, было результатомъ „человѣколюбія"... „Астраханская администрація вовсе не была обязана усиленно работать, а если работала, то изъ человѣколюбія, а не на основаніи закона!"

Рабочіе союзы.

(Письмо изъ Германіи).

I.

Въ Германіи такъ же, какъ въ другихъ государствахъ Европы, было много хлопотъ съ челядью и рабочими въ „доброе старое время“. Послѣ тридцатилѣтней войны „очень тягостенъ былъ для землевладѣльцевъ недостатокъ въ прислугѣ и рабочихъ среди безлюдныхъ мѣстностей. Всѣмъ сельскимъ обывателямъ было запрещено отдавать комнаты въ наемъ холостымъ мужчинамъ и незамужнимъ женщинамъ; всѣ подобные жильцы должны были быть заявлены начальству и засажены въ тюрьму, разъ только они не желаютъ пойти въ услуженіе, если даже они содержатъ себя какой-нибудь другой дѣятельностью: сѣютъ у крестьянъ хлѣбъ за поденную плату или за деньги торгуютъ хлѣбомъ. Въ теченіе цѣлаго столѣтія въ повелѣніяхъ государей постоянно высказывались горькія жалобы на то, что злая и самовольная челядь не желаетъ подчиняться суровымъ условіямъ службы и не довольствуется закономъ установленной платой; отдѣльнымъ владѣльцамъ запрещалось платить больше, чѣмъ сколько было установлено земской таксой“ *). Въ Саксоніи правительство, рыцарство въ сельскихъ мѣстностяхъ и господствующій патриціатъ въ городахъ цѣлыя столѣтія соперничали другъ съ другомъ именно въ законодательномъ уменьшеніи заработной платы. Еще въ 1714 г. лейпцигскій совѣтъ самымъ рѣшительнымъ образомъ дѣйствовалъ противъ бездѣльниковъ челяди, которые стыдятся работы, бросаютъ службу и охотнѣе предаются „грѣховному и непорядочному пропитанію, всяческому распутству, обжорству, пьянству и блудодѣянію“. Тюрьма и каторга должны были возродить рабочую ревность и трудолюбіе. Когда военные безпорядки семилѣтней войны и разстроенная монетная система привели къ возвышенію заработной платы, то правительство повелѣло установить плату ремесленникамъ и рабочимъ въ мѣрѣ, „соотвѣтствующей справедливости и новой монетной единицѣ“ (!). Дрезденскіе каменщики и плотники при этомъ жестоко поплатились. Ихъ поденная плата зимой была уменьшена съ 8 грошей на 6, а лѣтомъ съ 9 на 7, при чемъ на нихъ была возложена обязанность ежегодно еще работать для двора отъ 4 до 8 недѣль за 4 гроша поденной платы. Въ сельскихъ мѣстностяхъ Саксоніи было не лучше. Съ

*) Max Schippel. Gewerkschaften und Koalitionsrecht der Arbeiter. Berlin, 1899, стр. 5.

каждымъ постановленіемъ тамъ все понижалась плата сельскимъ рабочимъ, и мандаты 1766 и 1769 г. являются высшимъ пунктомъ этого движенія. Никогда не стояли такъ низко размѣры заработной платы въ сельскихъ мѣстностяхъ въ соразмѣрности съ цѣною на хлѣбъ, какъ именно въ это время, и, не смотря на то, помѣщики не переставали жаловаться на ея крайнюю высоту *)...

При такомъ отношеніи къ наемному труду было совершенно естественнымъ, что даже въ началѣ XIX вѣка въ Германіи не могло быть и рѣчи о правѣ рабочихъ соединяться въ цѣляхъ повышенія заработной платы. Даже провозглашеніе свободы промысла ничего въ этомъ дѣлѣ не помогло. И если еще „достопочтенное имперское цеховое положеніе" 1731 г. угрожало тюрьмой, каторгой, крѣпостной работой и галерами всѣмъ тѣмъ рабочимъ или подмастерьямъ, которые „подъ какимъ бы то ни было предлогомъ позволятъ себѣ прельститься и вмѣстѣ совокупиться для учиненія возстанія и не будутъ болѣе исполнять никакой работы или скопомъ уйдутъ, пока имъ въ той или другой ихъ мнимой претензіи или жалобѣ не послѣдуетъ удовлетворенія", и даже грозило смертью въ случаѣ „слишкомъ далеко зашедшаго сопротивленія и дѣйствительно причиненнаго ущерба",—то и болѣе позднее законодательство, хоть и менѣе сурово, но все же рѣшительно, воспрещало всякія стачки и союзы рабочихъ. Такія запрещенія были и въ прусскомъ земскомъ положеніи 1794 г., и въ баварскомъ законѣ 1809 г., назначавшимъ за всякое участіе въ соединеніяхъ съ промысловыми стремленіями до 6 мѣсяцевъ тюрьмы и соотвѣтственную порцію розогъ. А 3-го декабря 1840 г. подкрѣпило эти отдѣльныя постановленія своимъ авторитетомъ и союзное собраніе, которое рѣшило принять „однообразныя мѣропріятія относительно тѣхъ ремесленныхъ подмастерьевъ, которые совершили бы проступки противъ отдѣльныхъ узаконеній участіемъ въ недозволенныхъ подмастерскихъ соединеніяхъ, судахъ, стачечныхъ объявленіяхъ и тому подобныхъ злоупотребленіяхъ". Въ силу этихъ постановленій каждый фабричный или подмастерье, подвергнутый наказанію за одинъ изъ названныхъ проступковъ, долженъ былъ съ соотвѣтственной отмѣткой въ паспортѣ или путевой книжкѣ быть отправленъ назадъ въ свое отечественное государство и здѣсь отданъ подъ надзоръ полиціи. Никакое другое государство послѣ этого не должно было его допускать въ свои предѣлы **).

Подобный запретъ всякихъ рабочихъ соединеній въ Германіи продержался чрезвычайно долго, не смотря на постоянное проникновеніе сюда французскихъ конституціонныхъ идей. Много

*) Schippel. Gewerkschaften, 6.
**) Schippel. Gewerkschaften, 11—12.

помогло здѣсь и реакціонное теченіе 50-хъ годовъ, которое въ промысловыхъ соединеніяхъ готово было видѣть чуть ли не покушеніе противъ существующаго строя.

Совершившійся въ Германіи послѣ 1848-го года крупный промышленный переворотъ принесъ съ собою всѣ основныя черты капиталистической формы производства, а вмѣстѣ съ тѣмъ выбросилъ на рынокъ цѣлыя арміи пролетаріевъ. На арену хозяйственной борьбы явился массами свободный рабочій, который, подъ давленіемъ перспективы голоданія, принесъ на рынокъ свой единственный товаръ—свои руки. „Постепенно узнали теперь, и въ кругахъ не посвященныхъ,—говоритъ проф. Зомбартъ,—что такое представляетъ собою современный наемный рабочій,—этотъ юридически свободный человѣкъ, который не обладаетъ ни надлежащими средствами для того, чтобы жить, какъ рентьеръ или самостоятельный производитель, ни необходимымъ образованіемъ или способностями и знаніями, чтобы жить, какъ ученый, художникъ, чиновникъ и т. п., но который располагаетъ только единственнымъ источникомъ пріобрѣтенія: рабочей силой своихъ рукъ, которую онъ и представляетъ за плату во временное пользованіе собственнику средствъ производства и организатору промышленнаго предпріятія... Наша система хозяйства основывается на совмѣстной дѣятельности двухъ отдѣльныхъ классовъ населенія: владѣльцевъ средствъ производства и обладателей... „рабочей силы“,—взаимодѣйствіе между которыми осуществляется въ исторически опредѣленной формѣ свободнаго договора, „договора найма“ *). И нужно отмѣтить, что обѣ эти стороны, рабочій, продающій свой трудъ, и покупающій трудъ предприниматель, не смотря на все свое юридическое равенство, на самомъ дѣлѣ далеко не равны. Трудъ, какъ товаръ, ставитъ своего продавца въ самое невыгодное положеніе. Прежде всего, въ то время, какъ рабочій имѣетъ величайшій личный интересъ въ продажѣ своего труда, и при томъ на условіяхъ, обезпечивающихъ ему и его семьѣ возможное существованіе, покупатель труда не имѣетъ никакого личнаго интереса въ жизни, здоровьи и работоспособности рабочаго, а, напротивъ того, существенно заинтересованъ въ томъ, чтобы какъ можно дешевле купить этотъ трудъ и какъ можно полнѣе его использовать. И, если при существованіи рабства, во многихъ случаяхъ собственный интересъ рабовладѣльца заставлялъ его бережно относиться къ силамъ и здоровью раба, какъ дорогой и доходной „скотины“, то интересы современнаго предпринимателя нисколько не нарушаются тѣмъ, что работающіе у него люди будутъ хворать отъ нездоровыхъ условій работы, будутъ переутомляться отъ чрез-

---

*) Werner Sombart. Dennoch! Aus Theorie und Geschichte der gewerkschaftlichen Arbeiterbewegung. 1900. 6.

мѣрнаго труда, или даже умирать въ результатѣ недостаточнаго питанія, отравленія на фабрикѣ и полнаго истощенія силъ. Интересъ предпринимателя отъ этого нисколько не страдаетъ: на мѣсто одного умершаго по первому требованію станутъ сотни новыхъ; больного и слабаго можно всегда разсчитать и замѣнить свѣжимъ и сильнымъ, а ужасъ голодной безработицы заставитъ всякаго примириться и съ гнилыми помѣщеніями, и съ отравой вреднаго промысла, и съ полной недостаточностью питанія при низкой заработной платѣ. „По всему своему экономическому положенію,—замѣчаетъ Шиппель,—предприниматель есть „самый жестокій господинъ, какого только можно себѣ представить“ *).

Не личныя отношенія или сердечные порывы, а экономическій разсчетъ и сила рѣшаютъ въ настоящее время вопросы о покупкѣ или продажѣ на современномъ рынкѣ. „Теперь всякій ребенокъ знаетъ“, что рабочій въ своей борьбѣ за лучшія условія труда уже потому является слабѣйшей стороной, что онъ вынужденъ къ болѣе скорой утилизаціи своей рабочей силы, чѣмъ капиталистъ къ примѣненію своего капитала, и изъ этого положенія сама собою вытекаетъ болѣе обостренная конкурренція рабочихъ между собою, чѣмъ капиталистовъ другъ съ другомъ. Съ другой стороны, цѣлый рядъ обстоятельствъ еще болѣе обостряетъ эту борьбу за работу среди пролетаріевъ и дѣлаетъ ихъ безпомощной жертвой страшнаго закона спроса и предложенія. Вмѣстѣ съ рабочей силой на рынокъ брошенъ при капиталистическомъ строѣ хозяйства и самъ рабочій. Его жизнь и жизнь близкихъ ему людей зависитъ отъ стихійнаго качанія вверхъ и внизъ рыночнаго маятника. Постоянная угроза повышенія предложенія труда и пониженія спроса, кажется, готова лишить его послѣдняго самообладанія: чрезвычайные успѣхи техники замѣняютъ паровыми лошадьми живую силу рабочаго человѣка; современныя средства сообщенія дѣлаютъ всегда возможнымъ привозъ до крайности дешевыхъ и непритязательныхъ рабочихъ изъ некультурныхъ и отсталыхъ странъ; техническій прогрессъ дозволяетъ привлеченіе на фабрику дешеваго труда дѣтей и женщинъ; наконецъ, постоянно разлагающееся мелкое владѣніе и карликовое хозяйство высылаетъ на трудовой рынокъ все большія и большія толпы раззоренныхъ и обѣднѣвшихъ людей. Все это приводитъ отдѣльнаго рабочаго къ полной беззащитности въ борьбѣ за трудовую плату, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ неизбѣжному порабощенію его капиталистомъ. „Теоретически,—говоритъ Брентано въ своемъ замѣчательномъ трудѣ о рабочихъ гильдіяхъ,—работодатель и рабочій теперь уравнены, однако фактически рабочій связанъ волей покупщика въ отношеніи условій продажи своего товара. При изолированномъ по-

*) Schippel, Gewerkschaften, 22—23.

ложеніи для него оставался только одинъ выборъ: или покориться, или остаться безъ работы". Такую „полную безпомощность изолированнаго рабочаго по отношенію къ его мощному сконтрагенту" совершенно справедливо фонъ-Лёвенфельдъ называетъ „опасностью для культуры настоящаго и будущаго". „Она дѣлала возможной, а часто и въ дѣйствительности порождала опасность фактическихъ, построенныхъ на силѣ капитала, отношеній насилія и крѣпостничества надъ рабочими, которыя только тѣмъ отличаются, къ ихъ ущербу, отъ правовыхъ отношеній древности и средневѣковья, что у новыхъ властителей нѣтъ никакихъ обязанностей заботиться о подвластныхъ имъ людяхъ". Подобныя утвержденія со стороны теоретиковъ-экономистовъ, къ сожалѣнію, далеко не оказываются преувеличенными. Какъ писалъ проф. Клейнверхтеръ въ 1890 г. на основаніи подлинныхъ отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ: „когда читаешь, какимъ, воистину, ужаснымъ образомъ относятся безсовѣстные работодатели къ своимъ рабочимъ, какія жестокости они себѣ позволяютъ по отношенію къ нимъ, какъ они менѣе всего думаютъ о томъ, чтобы защитить здоровье и жизнь рабочихъ отъ вредныхъ вліяній или опасностей работы, при томъ даже тамъ, гдѣ требуемыя мѣры предосторожности могли быть приняты при незначительныхъ жертвахъ, какъ они стремятся, по возможности, держать на низкомъ уровнѣ заработную плату, какъ они не останавливаются передъ мелочными придирками... даже передъ прямымъ обманомъ... чтобы только оттянуть что-нибудь у рабочаго изъ его безъ того уже низкой платы,—тогда необходимо приходишь къ выводу, что именно эти безсовѣстные работодатели, а не рабочіе являются истинными виновниками и распространителями соціалистическаго движенія, которое въ настоящее время пронизываетъ весь міръ" *).

II.

Тамъ, гдѣ безпомощны и безсильны единицы, тамъ на поле борьбы должны выступить организованныя и сплоченныя массы. „При помощи коалиціи (соединенія),—говоритъ Брентано,—рабочій получаетъ контроль надъ предложеніемъ своего товара на рынкѣ; при помощи ея становится для него возможнымъ предлагать свой товаръ съ оговоркой и вставлять и свое слово при установленіи условій продажи; при ея помощи онъ пріобрѣтаетъ независимость такую же, какъ и другіе продавцы... Его товаръ отдѣляется отъ него самого и, вслѣдствіе этого, дѣлается такимъ же

*) Sombart, Dennoch, 11, Schippel. Gewerkschaften. 23—25. C. Legien. Das Koalitionsrecht der deutschen Arbeiter in Theorie und Praxis, Hamburg, 1899, 4—5.

товаромъ, какъ и всѣ другіе. Только благодаря союзамъ рабочихъ, трудъ становится впервые дѣйствительно товаромъ, а рабочій дѣйствительно продавцомъ" *). Эти слова Брентано не должны быть признаны преувеличенными. Задача освобожденія труда и установленія равновѣсія на рабочемъ рынкѣ такъ громадна, что только широко организованныя и прекрасно дисциплированныя рабочія массы могутъ выполнить ихъ путемъ неустанной и напряженной работы. И если соціалъ-демократія, какъ политическая представительница рабочихъ, беретъ на себя задачу полнаго преобразованія современнаго хозяйственнаго строя и введеніе такъ называемаго соціалистическаго государства, то на долю остальныхъ, „нейтральныхъ", рабочихъ соединеній приходится вся тяжесть ежедневной борьбы на рабочемъ рынкѣ, вся положительная дѣятельность на пользу пролетарія въ предѣлахъ наличныхъ экономическихъ условій. Именно на эти профессіональные, промысловые или рабочіе союзы ложится борьба съ многочисленными врагами рабочаго на рынкѣ, и только такіе союзы могутъ доставить рабочему, если и не побѣду, то, по крайней мѣрѣ, сносный міръ въ экономической борьбѣ. Прежде всего эти союзы воспитываютъ въ рабочемъ человѣка, а вмѣстѣ съ тѣмъ и желаніе борьбы за достойныя человѣка условія существованія. Они выводятъ его изъ безпросвѣтной тьмы пассивнаго, безсознательнаго существованія и указываютъ ему на его обязанности по отношенію къ его нравственному и физическому „я"; они указываютъ ему,—говоря словами Шиппеля,—какъ грѣшитъ онъ противъ собственнаго здоровья, разъ онъ безъ разбора предлагаетъ себя для двѣнадцати, четырнадцати или даже шестнадцати-часовой работы предпринимателю, какъ медленно убиваетъ онъ свою жизнь, принимая на себя чрезмѣрную работу, какъ онъ и духовно, и нравственно дичаетъ, если сверхъ времени эксплуатаціи своего труда онъ получаетъ еще только время для сна; какъ онъ, наконецъ, погрѣшаетъ противъ своего потомства, если оно, лишенное попеченія со стороны общества, теряетъ и послѣдніе остатки домашняго ухода и воспитанія. Такъ пробуждаютъ рабочіе союзы въ пролетаріи чувство человѣческаго достоинства и нравственной отвѣтственности; такъ повышаютъ они въ немъ уровень его духовныхъ и матеріальныхъ потребностей и дѣлаютъ изъ забитаго и на все готоваго, со всѣмъ примиряющагося рабочаго-животнаго борца за свои человѣческія потребности на рынкѣ труда, человѣка, который скорѣе согласится терпѣть временно съ товарищами тяжкую нужду, чѣмъ продастъ свою рабочую силу въ ущербъ и себѣ, и своимъ товарищамъ. Такъ рабочіе союзы организуютъ нравственную опору для своей дѣятельности въ самосознаніи рабочаго и ведутъ его на борьбу за справедливыя условія труда во

*) Цитирую по Legien'у, das Koalitionsrecht, 6.

имя его высшихъ интересовъ. Товаръ, который рабочій несетъ на рынокъ, такимъ образомъ, очищается отъ элемента личной жертвы своимъ „я“ ради прибыли капиталиста и получаетъ этимъ путемъ хотя бы въ нѣкоторой степени дѣйствительно видъ товара *). Однако, этимъ не ограничивается дѣятельность союзовъ. Они принимаютъ еще самыя рѣшительныя мѣры и въ томъ отношенія, чтобы, по возможности регулируя механически спросъ и предложеніе, тѣмъ самымъ держать на извѣстномъ уровнѣ заработную плату. А такъ какъ весьма часто избытокъ предложенія рабочихъ рукъ является результатомъ неправильнаго территоріальнаго распредѣленія свободныхъ рабочихъ, то вполнѣ естественно, что въ этой области громадную службу можетъ сослужить правильно организованное посредничество для пріисканія мѣстъ и цѣлесообразно устроенная выдача путевыхъ вспомоществованій. При помощи этого аппарата излишніе рабочіе, слишкомъ обременяющіе собою рынокъ, передвигаются въ тѣ мѣстности, гдѣ спросъ превышаетъ предложеніе, и тѣмъ самымъ водворяется нѣкоторое равновѣсіе на рынкѣ, и конкурренція теряетъ свой ожесточенный характеръ. Само собою разумѣется, что, получивъ въ свои руки этотъ аппаратъ для территоріальнаго регулированія рынка, союзы пользуются имъ и для другой, не менѣе важной, цѣли: тамъ, гдѣ пришлось прибѣгнуть въ борьбѣ съ капиталомъ къ такому крайнему и рискованному орудію, какъ стачки, при помощи указанныхъ средствъ всегда можно предупредить, или, по крайней мѣрѣ, ослабить обманный подвозъ и приглашеніе ломающихъ стачку постороннихъ рабочихъ. Другимъ очень важнымъ средствомъ въ рукахъ союзовъ для регулированія рынка является помощь и поддержка безработныхъ. При помощи этой мѣры опять-таки ослабляется конкурренція въ средѣ рабочихъ въ случаяхъ временнаго угнетенія рынка и создается возможность даже для незанятыхъ рабочихъ пережидать кризисъ, безъ особенно сильнаго, по крайней мѣрѣ, паденія заработной платы. Помощь безработнымъ, по утвержденію проф. Зомбарта, является „одной изъ важнѣйшихъ задачъ рабочихъ союзовъ“; такимъ образомъ, поддерживаются рабочіе, „которые и могли бы работать, и желали бы, но не должны работать въ интересахъ стоящихъ на работѣ товарищей“ *).

Одного регулированія рынка въ цѣляхъ равновѣсія между спросомъ и предложеніемъ было бы, однако, слишкомъ недостаточно для прочнаго улучшенія участи рабочихъ. Установленіе условій работы далеко не происходитъ съ точностью часового механизма, который автоматически повышалъ бы вознагражденіе рабочаго въ случаѣ болѣе выгодной для него конъюнктуры или при значи-

*) Schippel, Gewerkschaften, 27 и сл.
**) Sombart, Dennoch, 8—10.

тельномъ вздорожаніи цѣнъ на квартиру и средства существованія. Даже при крайне повышенной прибыльности предпріятія, никогда добровольно капиталистъ не станетъ дѣлиться со своими рабочими прибылью въ видѣ повышенія заработной платы. Онъ долженъ быть вынужденъ къ этому. Вопросъ о повышеніи заработной платы или улучшеніи условій труда является, такимъ образомъ, вопросомъ силы, и крайнимъ средствомъ для конечнаго его разрѣшенія, какъ ни какъ, является стачка. И само собою разумѣется, что рабочіе союзы, не смотря на все свое стремленіе уменьшить количество стачекъ и замѣнить ихъ коллективными переговорами и условіями съ работодателями, тѣмъ не менѣе должны были силою необходимости стать своего рода постоянной боевой арміей пролетаріата, предназначенной, въ случаѣ крайности, и къ веденію стачекъ. „Рабочіе союзы называютъ организаціей стачекъ.—И это съ такимъ же правомъ,—говоритъ Зомбартъ,—съ какимъ современное войско можно назвать организаціей войны. Однако, войны являются столь же мало цѣлью нашихъ вооруженій, какъ стачки—цѣлью рабочихъ союзовъ; и тѣ, и другія являются скорѣе только средствами для общей цѣли развитія мощи. Не заслуживая упрека въ парадоксальности, можно обѣ организаціи точно также назвать организаціями мира: и это—исходя изъ того соображенія, что между двумя другъ противъ друга направленными державами только тогда возможенъ миръ, т. е. тогда будетъ подавленъ всякій соблазнъ борьбы, когда онѣ обѣ достигли крайней степени развитія своей силы и совершенной боевой готовности. Стачки, такимъ образомъ, являются только крайнимъ средствомъ веденія борьбы, и во время ихъ рабочіе союзы развиваютъ двоякую дѣятельность: съ одной стороны, они заботятся о томъ, чтобы „мѣсто, оставленное однимъ рабочимъ, склоннымъ переждать извѣстное время, не было занято другимъ“, а съ другой, „чтобы выжидающій, а слѣдовательно, и лишенный заработка рабочій могъ существовать“. Но еще болѣе благодѣтельна дѣятельность союзовъ въ томъ случаѣ, когда обѣ враждующія партіи, рабочіе и предприниматели, являются склонными къ взаимнымъ уступкамъ и переговорамъ. Тогда рабочіе союзы заключаютъ съ организаціями предпринимателей особые договоры относительно общихъ для цѣлыхъ областей промысла условій труда, которые затѣмъ и становятся общей основой для всѣхъ отдѣльныхъ договоровъ найма. Таковы тарифныя общенія, которыя должны быть признаны лучшимъ средствомъ для предупрежденія раззорительныхъ и равно тяжкихъ для обѣихъ сторонъ стачекъ *).

Не менѣе понятнымъ является, наконецъ, и то обстоятельство, что только путемъ соединенія рабочихъ въ такіе союзы и

*) Sombart. Dennoch, 11—13.

организаціи они могутъ доставить себѣ удовлетвореніе тѣхъ высшихъ духовныхъ, а отчасти и профессіональныхъ потребностей, которыя, съ одной стороны, оставляются безъ вниманія государствомъ и общиной, съ другой же—не могутъ быть удовлетворены и средствами отдѣльныхъ рабочихъ. Къ таковымъ принадлежитъ прежде всего потребность въ общемъ и спеціально профессіональномъ образованіи. Только при помощи болѣе крупныхъ рабочихъ соединеній оказывается возможной организація соотвѣтственныхъ библіотекъ, читаленъ, публичныхъ лекцій и курсовъ, въ особенности-же чтеній по экономическимъ наукамъ и по рабочему вопросу. Не менѣе важнымъ является, далѣе, и предоставленіе рабочимъ дешевой юридической помощи, въ особенности въ вопросахъ рабочаго права, дешевой медицинской помощи, совѣта по разнымъ профессіональнымъ дѣламъ, посредничества между рабочими и предпринимателями, такъ же какъ и посредничества между рабочими и фабричной инспекціей, т. е. всего того, что обыкновенно входитъ въ компетенцію такъ называемыхъ рабочихъ секретарей, содержимыхъ рабочими союзами. Не менѣе важна, конечно, организація рабочихъ массъ и въ тѣхъ цѣляхъ, чтобы доставить своимъ сочленамъ вообще возможно большія жизненныя удобства при самыхъ слабыхъ денежныхъ средствахъ, чтобы организовать для нихъ и ночлежные пріюты, и залы для собраній, и мѣста для различныхъ увеселеній...*) Рабочіе союзы, это—единственная организація, которая при существующихъ условіяхъ рабочаго рынка способна доставить трудящимся дѣйствительное спасеніе отъ новаго рабства золотому тельцу, и необходимымъ всемірно-историческимъ явленіемъ должно поэтому считать появленіе рабочихъ организацій тамъ, гдѣ водворяется капиталистическій способъ производства, и на рынокъ выбрасывается въ качествѣ „товара“ не только рабочій трудъ, но и въ извѣстной степени неизбѣжно-связанная съ нимъ человѣческая личность.

III.

Гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно,—вотъ положеніе, которымъ вполнѣ можно характеризовать движеніе въ пользу права соединеній и рабочихъ неполитическихъ союзовъ въ Германіи еще до уничтоженія запрета всякихъ соединеній и стачекъ. Еще въ 1848 г. возникъ было скоро погибшій національный союзъ книгопечатниковъ, отличавшійся отъ послѣдующихъ соединеній тѣмъ, что заключалъ въ себѣ и работниковъ, и работодателей. Въ концѣ 50-хъ годовъ, подъ вліяніемъ чрезвычай-

---

*) Сравн. Paul Umbreit. Die Bedeutung und Aufgaben der Gewerkschaftskartelle. Berlin, 1903, стр. 13 и слѣд.

наго промышленнаго подъема и громаднаго увеличенія числа рабочихъ, рабочіе союзы начали постепенно зарождаться, а въ періодъ съ 1861—1863 г., по выраженію Бебеля, они стали расти „изъ почвы, словно грибы подъ вліяніемъ теплаго лѣтняго дождя". Первоначальной формой такихъ соединеній были территоріально ограниченные мѣстные союзы. Въ 1861 г. былъ отмѣненъ запретъ права соединеній въ Саксоніи, и это какъ разъ совпало со временемъ особенно живого профессіональнаго движенія. Въ февралѣ 1861 г. былъ основанъ лейпцигскій союзъ рабочихъ (Gewerblicher Biedungsverein), въ который и устремились всѣ рабочіе передовые элементы въ цѣляхъ самостоятельной политической дѣятельности. Однако большинство союза было противъ этой группы, и оно привела союзъ къ расколу. Былъ образованъ тогда новый союзъ подъ названіемъ „Vorwärts", а изъ его среды былъ избранъ впослѣдствіи рабочій комитетъ, который вошелъ въ сношеніе съ Лассалемъ и получилъ отъ него, ставшее потомъ знаменитымъ, письмо. Какъ извѣстно, вскорѣ послѣ созваннаго комитетомъ „всеобщаго нѣмецкаго рабочаго конгресса" былъ основанъ „всеобщій нѣмецкій рабочій союзъ", изъ нѣдръ котораго затѣмъ и вышла нѣмецкая соціалъ-демократическая партія. Цѣлый рядъ неудачно окончившихся стачекъ, которыя возникли на почвѣ промышленнаго подъема 1864—1866 г., повелъ къ признанію среди рабочихъ полнаго безсилія одиночной борьбы съ капиталомъ и къ созданію извѣстныхъ профессіональныхъ соединеній, къ какимъ, напр., принадлежалъ и союзъ книгопечатниковъ въ Лейпцигѣ. Однако, въ то же время, мы встрѣчаемся и съ болѣе широкими организаціями. Такъ, въ 1865 г., мы встрѣчаемся уже съ „всеобщимъ", распространяющимъ свое дѣйствіе на всю Германію, „союзомъ нѣмецкихъ сигарныхъ и табачныхъ рабочихъ", который носилъ довольно ясно выраженный соціалистическій характеръ. Иначе дѣйствовали книгопечатники, основавшіе свой всеобщій строго-централизованный союзъ въ 1866 г. Этотъ союзъ былъ совершенно чуждъ всякой политической окраски и держалъ себя въ этомъ отношеніи вполнѣ нейтрально. За этими союзами весьма скоро послѣдовали другіе. Такъ, въ 1867 г., былъ основанъ нѣмецкій союзъ плотниковъ, и въ томъ же году нѣмецкій союзъ портныхъ. Совершенно естественнымъ было, поэтому, что рядомъ съ усиленіемъ рабочаго движенія шла и самая оживленная агитація, особенно въ Пруссіи, въ пользу предоставленія рабочимъ полной свободы коалицій или соединеній. Въ одномъ 1865 г., послѣ единогласной резолюціи въ этомъ смыслѣ со стороны громаднаго публичнаго собранія въ Берлинѣ, въ теченіе восьми дней въ прусское министерство были поданы, не менѣе какъ изъ 33 мѣстъ, петиціи, покрытыя 6.500 подписями. И нужно отмѣтить, что моментъ для проведенія закона тогда былъ весьма удачный. Хотя прогрессисты,

принадлежавшіе по большей части къ промышленной буржуазіи и занимавшіе тогда въ ландтагѣ выдающееся мѣсто, и не были особенно расположены удовлетворить требованіямъ рабочихъ въ полной мѣрѣ, такъ какъ опасались для себя неблагопріятныхъ экономическихъ послѣдствій, однако, подъ давленіемъ обстоятельствъ, и они были вынуждены провести „прогрессивную“ мѣру, которая встрѣтила тогда поддержку и со стороны правительства. Бисмаркъ, при помощи освобожденія труда, желалъ нанести ударъ своимъ противникамъ-прогрессистамъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, противопоставивъ имъ рабочихъ, разбить сплоченность лѣвыхъ. Не смотря на то, что слышались многіе голоса, совѣтывавшіе „не разнуздывать бестію“, въ 1864 г. были начаты дебаты по этому вопросу въ ландтагѣ, и были отмѣнены §§ 181 и 182 промышленнаго устава; въ 1866 г. правительство внесло законопроектъ объ уничтоженіи запрета коалицій для всѣхъ рабочихъ, а въ 1867 г. этимъ вопросомъ занялся первый рейхстагъ сѣверо-германскаго союза. Шульце-Деличъ и „красный“ Беккеръ внесли туда соотвѣтственный законопроектъ, который долженъ былъ устранить „всѣ запреты и наказанія противъ работодателей и рабочихъ всѣхъ отраслей промышленности—включая сельское хозяйство, горное и рудное дѣло, рѣчное плаваніе, домашнее услуженіе и поденный трудъ—вслѣдствіе уговоровъ и соединеній съ цѣлью достиженія благопріятныхъ условій платы и труда, въ особенности же при помощи остановки работы или увольненія рабочихъ“. Однако воплощеніе этихъ требованій не было проведено въ полномъ объемѣ; въ 1867 г. было издано постановленіе, которое, хотя и отмѣняло запретъ коалицій, но исключало изъ этого разрѣшенія прислугу и водоносовъ; и только въ 1869 г., при изданіи имперскаго промышленнаго устава, было придано закону о коаліціяхъ или соединеніяхъ то выраженіе, которое осталось въ видѣ дѣйствующаго права и по настоящее время. Въ § 152 законъ этотъ постановляетъ: „Всѣ запреты и наказанія противъ лицъ, производящихъ промыслы, промышленныхъ подручныхъ, подмастерьевъ или фабричныхъ рабочихъ, вслѣдствіе уговора или соединенія въ цѣляхъ достиженія благопріятныхъ условій платы или работы, въ особенности при помощи остановки работы или увольненія рабочихъ—отмѣняются. Каждому участнику ихъ оставляется свободнымъ отступленіе отъ такихъ соединеній и уговоровъ, и на основаніи этихъ послѣднихъ не допускается ни жалобъ, ни возраженій“. § 153, далѣе, слѣдующимъ образомъ защищаетъ установленную „свободу“ уклоненія отъ уговора: „Кто побуждаетъ или пытается побуждать другихъ при помощи примѣненія физическаго принужденія, угрозъ, оскорбленій или позорящихъ объявленій принять участіе въ такихъ уговорахъ или послѣдовать имъ, или препятствуетъ или пытается препятствовать другимъ,

при помощи тѣхъ же средствъ отступить отъ такихъ уговоровъ, наказуется тюрьмой до 3-хъ мѣсяцевъ, въ случаѣ, если по общему уголовному закону не назначено болѣе высшее наказаніе". Законъ этотъ удержалъ исключеніе прислуги и судоходныхъ рабочихъ изъ права пользованія коалиціей или соединеніями, которое было сдѣлано въ 1867 г. Такъ, наконецъ, хотя и въ ограниченныхъ предѣлахъ, имперское законодательство открыло рабочимъ путь къ коллективной защитѣ и борьбѣ въ области трудового рынка. Возникновеніе послѣ этого профессіональныхъ организацій въ Германіи пошло болѣе правильнымъ ходомъ *).

Здѣсь мы должны отмѣтить весьма важное обстоятельство, которое рѣзко отличаетъ развитіе рабочихъ союзовъ въ Германіи сравнительно съ Англіей и безспорно должно быть приписано незаконченности и пестротѣ нѣмецкихъ государственныхъ порядковъ. Это—особенное вліяніе и связь, которыя здѣсь близко объединяли политическія партіи и чисто профессіональное движеніе. И хотя нѣкоторые рабочіе союзы, какъ, напр., книгопечатниковъ, съ самаго начала сумѣли остаться нейтральными, однако далеко нельзя сказать того же про другіе промысловые союзы, возникшіе послѣ 1867 г. Впрочемъ, такъ оно и должно было быть. Нѣмецкій парламентаризмъ, возникшій путемъ весьма неохотныхъ и не всегда искреннихъ уступокъ силѣ обстоятельствъ, совершенно не представлялъ собою того широкаго и просторнаго русла для политическаго движенія, которое уже давно было присуще англійскому народному представительству. Загроможденное старыми плотинами сословнаго строя, сдавленное остатками и обломками полицейскаго государства, нѣмецкое политическое движеніе совершенно естественно просачивалось въ смежныя области и вводило въ политическую борьбу, казалось бы, нейтральныя организаціи. Такъ случилось и съ нѣмецкими рабочими союзами. Они стали при самомъ своемъ началѣ ареной партійной борьбы и должны были нести на себѣ результаты сильнаго вліянія враждующихъ партій. Прежде всего, на ихъ развитіи отразился тотъ расколъ соціалистическихъ партій Германіи, который продолжался до 1875 г. Лассалеанцы, правда, не препятствовали фонъ-Швейцеру и Фриче созвать въ Берлинѣ въ 1868 г. всеобщій нѣмецкій рабочій конгрессъ, на которомъ 200 делегатовъ представляли собою 142.008 рабочихъ изъ 110 различныхъ мѣстъ. Точно также

---

*) Timm. Entwicklungsgang, 6—8.—Sombart. Dennoch, 43 и слѣд.—C. Legien. Koalitionsrecht, 10 и слѣд.—August Bebel. Gewerkschafts-Bewegung und Politische Parteien, Stuttg, 1900, 7—9.—Carl Legien. Die deutsche Gewerkschafts-Bewegung, Berlin, 1901, 3—4.—Führer durch das Vereins-und Versammlungs-Recht, Berlin, 1902, 6—7

допустили они и основаніе „всеобщаго соединенія рабочихъ“ подъ руководствомъ фонъ-Швейцера, при чемъ это „соединеніе“, ставя на первый планъ борьбу при помощи стачекъ, образовало изъ себя какъ бы вспомогательное крыло „всеобщаго рабочаго союза“. Однако, принципіально „союзъ“ держался мысли Лассаля о непригодности экономической борьбы, и какъ только „соединеніе рабочихъ“, уже подъ новымъ названіемъ „союза для вспомоществованія рабочимъ“, потеряло, вслѣдствіе своего увлеченія стачками безъ твердой профессіональной организаціи, большую часть своихъ сочленовъ, общее ихъ количество съ 35.200 человѣкъ (въ 1869 г.) сошло всего на 4.200 (въ 1873 г.): оно лишилось всякой поддержки у „союза“ и подъ вліяніемъ начавшихся преслѣдованій со стороны администраціи распалось въ 1874 г. на составныя части. Иначе обстояло дѣло съ другимъ крыломъ соціалистовъ, съ такъ называемыми эйзенахцами. Здѣсь уже то обстоятельство говорило въ пользу профессіональнаго движенія, что выдѣлившійся, подъ предводительствомъ либеральныхъ и демократическихъ элементовъ послѣ 1863 г., союзъ нѣмецкихъ рабочихъ ферейновъ въ 1868 г. принялъ марксистскую программу и подъ вліяніемъ Бебеля и Либкнехта не только примкнулъ къ интернаціональной рабочей ассоціаціи, но и рѣшилъ основать цѣлый рядъ особыхъ интернаціональныхъ рабочихъ союзовъ. Когда же въ слѣдующемъ (въ 1869 г.) образовалась, подъ предводительствомъ тѣхъ же лицъ, соціалъ-демократическая рабочая партія, то она, слѣдуя тому же духу марксизма, весьма энергично взялась за дѣло основанія нейтральныхъ, неполитическихъ рабочихъ союзовъ. Во главѣ этого движенія сталъ одинъ изъ рабочихъ, столяръ Иоркъ, и уже въ 1872 г. партіей была принята слѣдующая его резолюція: „принимая во вниманіе, что власть капитала въ равной степени сильно угнетаетъ и эксплуатируетъ всѣхъ рабочихъ, будутъ ли они консерваторы, прогрессисты, либералы или соціалъ-демократы, — конгрессъ объявляетъ священнымъ долгомъ всѣхъ рабочихъ отложить въ сторону всякую партійную вражду съ тѣмъ, чтобы на нейтральной почвѣ единой профессіональной организаціи создать необходимыя условія для успѣшнаго и мощнаго сопротивленія, обезпечить свое подвергнутое угрозѣ существованіе и завоевать улучшеніе своего классового положенія“. Однако, такое благопріятное для рабочихъ союзовъ теченіе не было исключительно господствующимъ среди соціалистической партіи и впослѣдствіи. Послѣ соединенія обѣихъ группъ соціалъ-демократической партіи въ 1875 г. еще долго среди основанныхъ партіей союзовъ господствовало по отношенію къ ней нѣкоторое недовѣріе, а среди самой партіи не рѣдкимъ было воззрѣніе на союзы, какъ на своего рода рекрутскую школу партіи. Эти колебанія во взглядахъ на принципіальное значеніе профессіональныхъ союзовъ и

примѣсь къ нимъ политическаго элемента, конечно, не могли не тормозить въ извѣстной степени ихъ правильнаго хода *).

Раздробленности рабочаго движенія способствовало въ не меньшей степени и то обстоятельство, что и другія партіи, въ особенности же свободомыслящіе или прогрессисты, старались въ свою очередь завладѣть движеніемъ и направить его въ своихъ партійныхъ цѣляхъ. Въ то же самое время, какъ фонъ-Швейцеръ работалъ надъ организаціей соціалистическихъ союзовъ, и Максъ Гиршъ, по своемъ возвращеніи изъ Англіи, рѣшилъ завести рабочіе союзы на манеръ англійскихъ. Послѣ исключенія Гирша и его союзниковъ изъ числа членовъ нѣмецкаго рабочаго конгресса въ Берлинѣ (1868 г.), онъ немедленно же созвалъ особое собраніе и затѣмъ въ союзѣ съ Францемъ Дункеромъ организовалъ рядъ рабочихъ соединеній, которыя и получили названіе гиршъ-дункеровскихъ рабочихъ ферейновъ. Эти ферейны со времени своего основанія и донынѣ находятся подъ непосредственнымъ вліяніемъ радикально-бюргерскихъ партій – сначала прогрессистовъ, а затѣмъ свободомыслящихъ—и въ основѣ своей организаціи опираются на принципъ гармоніи интересовъ рабочихъ и предпринимателей. Главное вниманіе этихъ союзовъ было обращено на развитіе всевозможныхъ кассъ вспомоществованія; самая же борьба за лучшія условія труда и заработной платы велась настолько слабо и боязливо этими „апостолами гармоніи“, что проф. Зомбартъ считаетъ ихъ не безъ основаній носителями подлиннаго прекраснодушія самого Макса Гирша *).

Вполнѣ понятнымъ является послѣ этого, что нѣмецкое рабочее движеніе до закона о соціалистахъ не могло похвалиться особыми успѣхами. Какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ Тиммъ, „рабочіе союзы должны были переболѣть всѣми дѣтскими болѣзнями юнаго движенія“. Но, уже послѣ соединенія обѣихъ соціалистическихъ партій въ 1875 г., наступилъ поворотъ и въ жизни соціалистическихъ союзовъ, какъ интернаціональныхъ ассоціацій, съ одной стороны, такъ и уцѣлѣвшихъ союзовъ швейцеровскаго направленія—съ другой. Эти всѣ рабочія соединенія также объединились при помощи особой конференціи (1875 г.), гдѣ и была принята резолюція бывшаго врага профессіональнаго движенія, Тельке, слѣдующаго содержанія: „не смотря на то, что рабочія организаціи не въ состояніи радикально и на продолжительное время улучшить положеніе рабочихъ, однако, онѣ всегда пригодны на то, чтобы повысить временно ихъ матеріальное положеніе, способствовать ихъ образованію и привести ихъ къ сознанію ихъ классового положенія“. Поэтому и было тогда же

---

*) Timm. Entwicklungsgang, 8—9. Sombart. Dennoch. 43—44. Bebel, Parteien 9—11. Legien. Bewegung, 4—5.

**) Sombart. Dennoch, 45—46. Timm. Entwicklungsgang, 9.

объявлено долгомъ всѣхъ рабочихъ „присоединиться къ какому-нибудь рабочему союзу или, если въ его промыслѣ таковаго еще не существуетъ, основать его". Съ другой стороны, было опредѣлено также на конференціи и отношеніе къ политикѣ: было постановлено держаться въ средѣ самихъ союзовъ далеко отъ всякой политики, хотя въ общемъ рабочимъ и рекомендовалось внѣ рабочихъ союзовъ держаться соціалъ-демократіи, какъ политической представительницы четвертаго сословія. И эти мѣры дѣйствительно послужили рабочему движенію на пользу. Въ январѣ 1878 г. была опубликована кассиромъ союзовъ Гейбомъ статистика, изъ которой видно было, что въ Германіи, не считая гиршъ-дункеровскихъ ферейновъ, было уже 30 союзовъ съ 49,055 членами. По сравненію съ огромнымъ числомъ эфемернаго швейцеровскаго союза, въ которомъ считалось (?) 142,008 рабочихъ, это, конечно, былъ не Богъ вѣсть какой прогрессъ, однако, надо замѣтить, что только послѣ 1875 г. все движеніе впервые вступило на правильный путь „нейтральнаго", въ политическомъ отношеніи, и дѣйствительно профессіональнаго развитія. Изъ указанныхъ 30 союзовъ давали вспомоществованіе при стачкахъ 25, при безработицѣ по другимъ причинамъ 3, при взысканіи съ рабочихъ 2, на путевые расходы 17, на погребеніе 8, на инвалидовъ 5, на больныхъ 16 *).

IV.

Начавшееся было возрожденіе рабочаго движенія, однако, было очень скоро прекращено насильственной рукой. Не постигая всей громадной пользы профессіональнаго движенія въ интересахъ нормальнаго и мирнаго развитія трудового рынка, буржуазія очень скоро вынудила правительство къ административнымъ и судебнымъ репрессіямъ по отношенію рабочихъ. Начало здѣсь сдѣлало—какъ нерѣдко и въ другихъ случаяхъ—реакціонное саксонское правительство. Когда послѣ политическаго процесса противъ Бебеля и Либкнехта въ 1873 г. рабочіе, принадлежащіе къ саксонскимъ союзамъ, чрезвычайно ожесточились и дали выраженіе своему чувству негодованія на публичныхъ собраніяхъ и въ прессѣ, то правительство начало преслѣдованія противъ рабочихъ союзовъ подъ тѣмъ предлогомъ, что оно считало отдѣльныхъ членовъ союза въ опредѣленной мѣстности за отдѣльныя политическія общества и примѣняло къ нимъ различныя мѣры, именно какъ къ таковымъ. Къ той же, не вполнѣ достойной, уловкѣ прибѣгъ и Бисмаркъ послѣ того, какъ въ рейхстагѣ провалился его законопроектъ объ уголовномъ наказаніи

---

*) Bebel. Parteien, II. Timm. Entwicklungsgang, II. Sombart.Dennoch, 47

за нарушеніе договора. Прославившійся своей крайней „быстротою и натискомъ“, прокуроръ Тессендорфъ взялъ на себя роль бисмарковскаго фактотума, былъ переведенъ въ Берлинъ и здѣсь, слѣдуя примѣру саксонскихъ юристовъ, принялся за самое ревностное преслѣдованіе рабочихъ соединеній. А такъ какъ въ то время соединеніе политическихъ ферейновъ было еще воспрещено, то онъ и началъ съ величайшимъ успѣхомъ распускать и преслѣдовать профессіональные союзы подъ видомъ политическихъ. Къ этой практикѣ присоединились, подъ давленіемъ Бисмарка, и прусскіе суды. Наконецъ, какъ завершеніе всей этой крайне близорукой политики гнета и преслѣдованій, явился блаженной памяти законъ о соціалистахъ, который и нанесъ послѣдній ударъ молодой организаціи рабочаго профессіональнаго движенія. Съ 23 октября по 31 декабря 1878 г. изъ 25 рабочихъ союзовъ было распущено 16, профессіональные журналы были подвергнуты запрещенію, а нѣкоторые изъ союзовъ прибѣгли къ самораспущенію, чтобы избѣжать полицейскихъ мѣропріятій. Направленные противъ „общественныхъ стремленій“ соціалъ-демократіи, законы были примѣнены на практикѣ ко всѣмъ союзамъ и сообществамъ, гдѣ только были малѣйшіе слѣды представительства рабочихъ интересовъ. Уцѣлѣли только союзы книгопечатниковъ, корабельныхъ плотниковъ, сѣдельниковъ, обойщиковъ и кожевниковъ. Союзъ книгопечатниковъ только тѣмъ спасъ себѣ существованіе, что предоставилъ на утвержденіе правительства членовъ своего правленія, и даже гиршъ-дункеровскіе ферейны, которые славились своей благонадежностью и смиреніемъ по отношенію къ работодателямъ, ввели у себя особую подписку при пріемѣ новыхъ членовъ, что де данное лицо не принадлежитъ къ соціалъ-демократіи *).

Такъ, говоря словами Зомбарта, „песчаный вихрь полицейскихъ мѣропріятій“ смелъ „нѣжные ростки возникающей организаціи рабочихъ союзовъ: корней, однако, вырвать онъ не могъ“. „Едва только прошла первая буря, сейчасъ же повсюду стали развиваться новыя образованія“. Какъ это ни покажется страннымъ, но именно „въ самое мрачное время... новой Германіи, въ тѣ злыя времена, когда померанскій духъ, чисто и неподдѣльно воплощенный въ—недоброй памяти—министрѣ Путткамерѣ, еще болѣе исключительно, чѣмъ когда-нибудь, указывалъ пути прусскому управленію, во время пресловутаго циркуляра о стачкахъ того же самаго полицейскаго министра, который видѣлъ „позади каждой стачки гидру революціи“, — въ это самое время съ непреодолимой внутренней силой, вопреки всѣмъ враждебнымъ дѣйствіямъ, начинаетъ снова развиваться идея профессіональнаго союза. И исторія врядъ ли знаетъ лучшее доказа-

*) Timm. Entwicklungsgang, 11—14. Bebel. Parteien 12—13.

тельство въ пользу безсилія реакціонныхъ полицейскихъ мѣръ противъ прорыва бьющихся силъ новаго времени, чѣмъ тотъ фактъ, что, вопреки всѣмъ „мощнымъ людямъ“ изъ Помераніи и смежныхъ областей, въ тотъ моментъ, когда палъ законъ о соціалистахъ, было уже 350.000 человѣкъ, организованныхъ въ рабочіе союзы, стоявшихъ готовыми къ борьбѣ, т. е. въ 7 разъ больше, чѣмъ въ началѣ этого недобраго періода нѣмецкой исторіи“. И въ самомъ дѣлѣ, не смотря на то, что въ теченіе 10 лѣтъ, съ 1878 по 1888 г., было закрыто не менѣе 20 профессіональныхъ центральныхъ соединеній и 98 мѣстныхъ союзовъ, тѣмъ не менѣе, при отмѣнѣ закона о соціалистахъ, въ 1890 г. было на лицо 53 однихъ центральныхъ соединеній съ 227.733 и 5 централизованныхъ соединеній съ 73.467 сочленами, а вмѣстѣ 301.500 человѣкъ. Съ паденіемъ закона о соціалистахъ немедленно же возобновилась организаціонная работа рабочихъ союзовъ, которые съ этого времени вступили въ новую фазу своего развитія. Прежде всего на очереди стояли, конечно, организаціонные вопросы. Надо было установить единую и мощную организацію, которая бы, съ одной стороны, застраховывала рабочихъ отъ разрозненной борьбы и излишней потери силъ, съ другой же—могла бы устоять, не смотря на все разнообразіе мѣстныхъ законодательствъ и полицейскихъ узаконеній. Уже въ 1899 г. конференція представителей союзовъ установила особую „генеральную коммиссію рабочихъ союзовъ Германіи“ (Generalkommission der Gewerkschaften Deutschlands), которая получила первоначально, какъ особую задачу, поддержку оборонительныхъ стачекъ. Въ 1891 г. конференція представителей союзовъ собралась снова и не только ознакомилась съ отчетомъ, но и убѣдилась въ томъ, что задача генеральной коммиссіи была далеко нелегкой. Дѣйствительно, ей пришлось поддержать цѣлый рядъ стачекъ, направленныхъ противъ пониженія заработной платы и увеличенія рабочаго времени. Въ 9 случаяхъ предприниматели требовали отъ рабочихъ выхода изъ числа членовъ рабочихъ союзовъ. Для одной стачки гамбургскихъ табачныхъ рабочихъ, направленной къ признанію рабочаго союза, потребовалось выдать вспомоществованій въ размѣрѣ 149.541 марки. Для всѣхъ этихъ стачекъ генеральной коммиссіи пришлось выдать вспомоществованій 183.996 марокъ. Въ 1899 г. былъ созванъ первый конгрессъ союзовъ послѣ паденія закона о соціалистахъ, и на немъ 208 делегатовъ явились въ качествѣ представителей 303.519 организованныхъ рабочихъ. На этомъ конгрессѣ былъ подвергнутъ обсужденію весьма важный для дальнѣйшаго развитія всего движенія организаціонный вопросъ, который вызвалъ троякаго рода предложенія.

Приверженцы идеи „Unionen“, или профессіональныхъ союзовъ въ основу организаціи полагали центральный союзъ центра-

лизованныхъ соединеній по отдѣльнымъ профессіямъ, при чемъ каждое изъ нихъ должно было учредить особыя платежныя отдѣленія на мѣстахъ, гдѣ это возможно, а тамъ, гдѣ этого по „независящимъ причинамъ“ сдѣлать нельзя, установить связь между центральнымъ правленіемъ и отдѣльными членами при помощи особыхъ довѣренныхъ лицъ, избираемыхъ членами. Изъ профессіональныхъ союзовъ родственныхъ промысловъ, какъ, напр., всѣхъ работниковъ по дереву, по желѣзу, строительныхъ рабочихъ, должны были быть созданы, далѣе, болѣе широкія группы, „уніоны“, при чемъ правленія отдѣльныхъ союзовъ соединялись въ правленіи группы или „уніона“. Во главѣ всѣхъ союзовъ предполагалась, какъ объединяющая и вмѣстѣ посредствующая инстанція, особая генеральная коммиссія.

Представители „индустріальныхъ“ союзовъ желали объединить въ центральныя соединенія только болѣе широкія группы по отдѣльнымъ отраслямъ индустріи, напр., желѣзодѣлательной, древообрабатывающей и т. п., оставивъ профессіональнымъ соединеніямъ мѣстныя организаціи, при чемъ здѣсь мѣстныя правленія вѣдали бы самостоятельно профессіональныя дѣла, во всемъ же остальномъ были бы подчинены центральному управленію индустріи.

Наконецъ, третій проектъ былъ предложенъ защитниками такъ называемыхъ мѣстныхъ ферейновъ, которые на первый планъ выдвигали мѣстныя соединенія съ избранными въ открытыхъ собраніяхъ довѣренными и платежными коммиссіями, при чемъ высшей инстанціей былъ бы конгрессъ изъ делегатовъ, избранныхъ также въ открытыхъ собраніяхъ.

При обсужденіи всѣхъ этихъ предложеній, въ средѣ конгресса произошли весьма серьезныя разногласія, и, когда большинство делегатовъ стало на сторону централизованныхъ союзовъ, то приверженцы мѣстныхъ организацій заявили противъ этого протестъ и покинули залъ засѣданій. Остальныя двѣ группы делегатовъ пришли къ компромиссу, при чемъ было рѣшено предпринять объединеніе отдѣльныхъ центральныхъ союзовъ при помощи мѣстныхъ картелей, предоставивъ уже практикѣ и дальнѣйшему развитію картелей рѣшить вопросъ о томъ, какія высшія группы— уніоны или индустріальные союзы—должны явиться высшими единицами союзной организаціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, было оставлено на дальнѣйшее время существованіе генеральной коммиссіи, которая получила съ тѣхъ поръ слѣдующія основныя задачи: быть посредствующимъ органомъ между отдѣльными организаціями; при помощи правильно ведущейся статистики постоянно освѣдомлять союзы объ ихъ составѣ и дѣятельности; вести агитацію въ пользу союзовъ тамъ, гдѣ еще нѣтъ организованныхъ рабочихъ; наконецъ, вести изданіе центральнаго органа для всѣхъ

профессіональныхъ союзовъ. Непосредственная помощь стачкамъ была изъята изъ вѣдѣнія коммиссіи.

На второмъ конгрессѣ, 1896 г., были закончены всѣ главные организаціонные вопросы, и третій конгрессъ, 1899 г., уже могъ заняться дальнѣйшимъ завершеніемъ внутренняго строя союзовъ. На четвертомъ конгрессѣ, 1902 г., былъ, наконецъ, принятъ окончательный регламентъ для дѣятельности генеральной коммиссіи и для слѣдующаго конгресса намѣченъ вопросъ о положеніи картелей въ общемъ движеніи союзовъ *).

Само собою разумѣется, что при такихъ условіяхъ общей работы союзы имѣли возможность сильно развиться и возрасти, какъ въ численности своихъ центральныхъ соединеній, такъ и въ количествѣ членовъ. Приведемъ нѣкоторыя данныя относительно роста союзовъ съ 1890 г., дополнивъ ихъ свѣдѣніями по отчету генеральной коммиссіи на конгрессѣ 1902 г. Съ общаго числа 229,890 членовъ, примкнувшихъ къ генеральной коммиссіи по отчетамъ 1893 г., уже въ 1894 г. количество организованныхъ въ союзы рабочихъ повысилось до 252.044 человѣкъ. Подобное же увеличеніе мы замѣчаемъ и дальше. Въ 1895 г. число членовъ союзовъ считалось въ 269.956 челов., въ 1896 — въ 335.088, въ 1897—419.162, въ 1898—511.242, въ 1899—596.419, въ 1900—690.287, наконецъ, въ 1901 г.—698.870. Параллельно съ этимъ расли доходы и расходы союзовъ. Въ 1891 г. поступленія въ союзныя кассы составляли 1.116.588 мар., въ 1893 г. они возрасли уже до 2.246.366 мар. На этомъ дѣло, конечно, не остановилось; въ 1894 г. итогъ поступленій исчисляется въ 2.685.564 мар., въ 1895—въ 3.036.803, въ 1896—въ 3·616.444, въ 1897 г. эта сумма достигаетъ уже до 4.083.696, въ 1898 г. она поднимается до 5.508 667, къ концу 1899 г. даетъ уже 7.687.154 и завершаетъ десятилѣтіе непрестаннаго повышенія солидной цифрой въ 9.454.075 мар. Гиршъ-дункеровскіе ферейны не могутъ похвастаться подобными успѣхами. Почти совершенно не затронутые преслѣдованіями полиціи и прокуратуры во время „недобраго“ времени до 1890 г., находясь подъ покровительствомъ самихъ господъ капиталистовъ, тѣмъ не менѣе эти ферейны съ 16.500 чел. 1878 г. поднялись въ 1895 г. только до 67.226; въ 1899 г. число членовъ здѣсь возрасло до 86.777, въ 1900 г. оно представляло собою только 91.661 чел.— цифры, по сравненію съ числомъ соціалистическихъ или свободныхъ союзовъ, далеко не особенно высокія. Къ этимъ союзамъ болѣе ранняго происхожденія, однако, надо присчитать еще нѣкоторыя новообразованія въ области профессіональнаго движенія, которыя носятъ на себѣ довольно своеобразный характеръ; это — такъ называемые „христіанскіе“ союзы, которые въ 1899 г. послали своихъ делегатовъ на первый конгрессъ въ Ульмъ.

---

*) Timm, Entwicklungsgang, 18—21. Sombart. Dennoch, 49—50.

Эти союзы явились результатомъ постановленій католическаго конгресса 1893 г., который рѣшилъ среди католическихъ рабочихъ ферейновъ открыть особыя секціи профессіональнаго характера. За этими постановленіями послѣдовалъ въ 1894 г. протестантскій съѣздъ въ Кельнѣ. Вскорѣ за появленіемъ такихъ секцій были основаны и самостоятельные „христіанскіе“ рабочіе союзы, которые частью развились въ централизованныя соединенія, а на первомъ своемъ съѣздѣ основали общій союзъ и установили центральный комитетъ изъ 7 сѣверно-нѣмецкихъ и 6 южно-нѣмецкихъ членовъ. Въ 1900 г. состоялся уже второй конгрессъ, а въ 1903 г. собралась конференція изъ представителей христіанскихъ союзовъ при „первомъ нѣмецкомъ рабочемъ конгрессѣ“. Эти союзы имѣютъ, повидимому, весьма сильную притягательную силу для нѣмецкихъ рабочихъ, находящихся подъ вліяніемъ католическаго и протестантскаго духовенства. Въ 1899 году эти союзы считали число своихъ членовъ въ 112.160 человѣкъ; въ 1900 году эта цифра поднялась уже до 159.770; а если вѣрить цифрамъ, приведеннымъ на пресловутомъ „рабочемъ конгрессѣ“, на которомъ дѣйствовали и духовные, и депутаты, и представители ремесла въ качествѣ рабочихъ, то у насъ получатся слѣдующія цифры: общій союзъ христіанскихъ рабочихъ союзовъ—93.000 членовъ, евангелическіе рабочіе ферейны—102.500 и „остальныя рабочія соединенія“ (?) 158.000 чел. Если не считать даже послѣдней группы, весьма неопредѣленнаго состава, то у насъ всетаки получается солидная цифра въ 195.500 чел., которая въ извѣстной степени соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Сводя теперь же пестрыя данныя къ общей картинѣ, мы получимъ слѣдующія цифры, которыя дадутъ намъ достаточно вѣрный взглядъ на все движеніе. Въ 1900 г., на рубежѣ столѣтія, по свѣдѣніямъ генеральной коммиссіи, всего организованныхъ во всѣхъ, самыхъ различныхъ, профессіональныхъ соединеніяхъ было около милліона (995.436 чел.) рабочихъ *). Въ 1902 году въ мѣстныхъ соціалъ-демократическихъ союзахъ было 10.090 человѣкъ. Въ 60 центральныхъ организаціяхъ 733.206 членовъ. Къ 1 апрѣля 1903 года ко всѣмъ христіанскимъ союзамъ принадлежало 20 организацій, раздѣленныхъ на 972 мѣстныхъ группы съ числомъ членовъ въ 84.652 человѣка; внѣ ихъ было еще 10 христіанскихъ организацій съ 105.248 членами. 1992 гиршъ-дункеровскихъ союза охватывали собой 102.581 че-

---

*) Sombart, Dennoch, 48—51 (сравн. его же Die deutsche Volkswirtschaft im neunzehnten Jahrhundert, 1903, Anlage 60, тамъ же стр. 570). Timm. Entwicklungsgang, 18—35. Legien. Bewegung, 6—8. Protocoll der Verhandlungen des vierten Kongresses der gewerkschaften Deutschlands, Hamburg, 1902. s 2; 14 Jahres-Bericht dis Arbeiter-Sekretariats Berlin. 1902. Berlin; 15 Jahres-Bericht 1903 des Arbeiter-Sekretariats Berlin. 1904. Berlin.

ловѣкъ. Къ рабочимъ союзамъ, наконецъ, могутъ быть причислены нѣкоторыя независимыя соединенія, охватывающія собой круглымъ счетомъ 80.000 человѣкъ. Принимая во вниманіе всѣ эти данныя, не будетъ преувеличеніемъ сказать, что къ началу 1905 года въ Германіи было уже не менѣе 2 милліоновъ организованныхъ рабочихъ.

По послѣднему отчету за 1904 г. соціалъ-демократическіе рабочіе союзы чрезвычайно возросли; къ нимъ принадлежатъ теперь, кромѣ 70 союзовъ, еще нѣсколько отдѣльныхъ организацій, такъ что всего они охватываютъ собою 83 организованныхъ группы. Число всѣхъ членовъ въ концѣ 1904 года равнялось 174.192 человѣкамъ. Самыми могучими союзами являются союзъ рабочихъ по металлу, который въ Берлинѣ имѣетъ не менѣе 44.875 членовъ. Изъ числа всѣхъ организацій только 46 заключаютъ въ себѣ менѣе 1.000 членовъ. Доходы всѣхъ присоединившихся къ союзной коммиссіи организацій простирались въ истекшемъ году до 4.846,804 марокъ. Изъ нихъ было выдано дорожныхъ пособій 3.201 марка, помощи безработнымъ 567.707 марокъ, больнымъ 320.089 марокъ, на похороны 40.285 марокъ, пособій инвалидамъ 26.363 марки, особыхъ пособій 998.980 марокъ и т. д. Стачки и забастовки поглотили чрезвычайно много средствъ, выданныхъ частью изъ союзныхъ кассъ, частью изъ пожертвованныхъ суммъ; всего стачки въ 1904 г. стоили выдачъ деньгами 2.398.657 марокъ, къ этому надо еще причислить потерю заработной платы, которая равняется 7.584.369 марокъ; такимъ образомъ, стачки стоили рабочимъ не менѣе 10.000,000 марокъ, при чемъ изъ 230 стачекъ 118 окончились полной побѣдой рабочихъ. Большой прогрессъ дѣлаютъ также тарифныя соглашенія рабочихъ; тарифы въ настоящее время приняты въ 64 отрасляхъ труда и охватываютъ собой 75.000 рабочихъ.

Какъ очевидно, нѣмецкому рабочему движенію нельзя не удивляться: его быстрый ростъ при исключительно неблагопріятныхъ обстоятельствахъ показываетъ крайнюю его силу и живучесть. Къ сожалѣнію, ему пока еще не достаетъ необходимаго единства, его разбиваютъ на разныя части политическія и даже религіозныя вліянія; но изъ приведеннаго нами историческаго очерка все же нельзя не видѣть, что въ главной своей части профессіональное движеніе находится на правильномъ пути, а тождественность экономическихъ цѣлей дастъ въ концѣ концовъ рабочимъ союзамъ и общую почву для единства классовой борьбы.

V.

Въ юго-восточной части Берлина живетъ совсѣмъ иное населеніе, чѣмъ на его знаменитомъ Западѣ (Berlin, W). Правда, здѣсь тоже есть широкія и свѣтлыя аллеи, прямыя, какъ стрѣла, ведущія за городъ на просторъ зеленыхъ берлинскихъ предмѣстій, а подъ сводами тѣнистыхъ липъ, среди свѣжаго ковра молодой травки, цвѣтутъ куртины и бьютъ фонтаны кристальной струей. Однако, не такова общая картина этихъ кварталовъ стараго Берлина, протянувшихся на сѣверъ, заполнившихъ собою весь его сѣверо-востокъ. Старые узкіе дома съ темными обвѣтренными стѣнами, причудливые закоулки и извилины улицъ, узкіе проходы, мрачныя ворота съ холодными сырыми дворами—все это живо переноситъ насъ въ неурядицу отжитой эпохи, и только безукоризненный асфальтъ напоминаетъ намъ о времени новѣйшаго прогресса. Въ темныхъ маленькихъ квартирахъ, лишенныхъ воздуха и свѣта, въ мрачныхъ углахъ (Nachtstelle) среди невѣроятной тѣсноты, подъ сводами, впитавшими въ себя жизнь многихъ поколѣній, ютится берлинскій рабочій-бѣднякъ, и недаромъ въ послѣднее время вопросъ о рабочихъ жилищахъ сталъ однимъ изъ самыхъ жгучихъ среди всѣхъ круговъ, такъ или иначе прикосновенныхъ къ соціальной проблемѣ... Когда-нибудь я дамъ читателю „Русскаго Богатства“ подробную характеристику жилищныхъ условій бѣдноты среди нѣмецкой міровой столицы. Теперь ограничусь однимъ. Какъ выяснено на послѣднемъ партейтагѣ прусской соціалъ-демократіи, 50,38% берлинскихъ жилищъ состоятъ изъ одной только отопляемой комнаты, при чемъ въ такихъ норахъ живетъ въ Берлинѣ не менѣе 43,64% всего населенія. Львиная доля этихъ помѣщеній падаетъ именно на „Berlin, O“ и „Berlin, N“. „Въ этихъ тѣсныхъ и душныхъ, переполненныхъ квартирахъ, безъ воздуха и свѣта, находитъ свое богатѣйшее питаніе страшный бичъ пролетаріата—чахотка, и до тѣхъ поръ всѣ попытки борьбы съ этой болѣзнью будутъ безплодны, пока не будетъ сдѣланъ первый шагъ къ самой энергичной борьбѣ противъ нездоровыхъ жилищъ“... *) Надо ли прибавлять, что если въ Берлинѣ встрѣчаются единичные случаи эпидемическаго менингита, то опять-таки большая часть изъ нихъ приходится на рабочія части этого громаднаго города.

И въ этихъ частяхъ живетъ другой народъ, чѣмъ публика на Friedrichstrass'ѣ; этотъ народъ очень мало извѣстенъ путешествен-

*) Protokoll des Parteitages der sozial-demokratischen Partei Preussens. Berlin, 1905, 12.

никамъ и иностранцамъ. Мужскіе представители этого народа одѣты по буднямъ въ рабочее платье, ходятъ безъ галстука и воротничка. Чисто и очень прилично одѣтыя дамы ходятъ здѣсь по большей части безъ шляпокъ и не стѣсняются везти съ собой колясочку, нести сакъ-вояжъ и корзинку, а молодежь въ этой части, поскольку она не посѣщаетъ школы, объединилась въ пестрыя массы крохотныхъ гражданъ, кучами заполняетъ собой многочисленные скверы, бѣгаетъ и рѣзвится по узкимъ улицамъ, не боясь ни проѣзжающаго воза, ни быстраго велосипеда... Этотъ народъ создаетъ своими руками все то, что такъ плѣняетъ взоръ господствующихъ классовъ въ роскошныхъ магазинахъ и витринахъ „W". Онъ строитъ великолѣпные дворцы, переполняющіе собой банкирскій кварталъ у Тиргартена; онъ разбиваетъ для нихъ парки и сады, приготовляетъ предметы роскоши, экипажи и одежду; онъ доставляетъ своимъ повелителямъ возможность праздной и спокойной жизни, самъ же работаетъ въ нищетѣ, не покладая рукъ.

И такъ было бы вѣчно, если бы не соціальное движеніе въ его политической и профессіональной формѣ; если-бъ не объединеніе пролетаріата въ дисциплинированную армію рабочей партіи и рабочихъ союзовъ. Подъ вліяніемъ этихъ факторовъ происходитъ чудо. Слабые становятся сильными. Порабощенные находятъ орудіе борьбы, беззащитные строятъ могучія крѣпости и это—подъ кровомъ капиталистическаго строя, при помощи современной техники,—даже при содѣйствіи самого капитала, перешедшаго изъ частныхъ рукъ во власть рабочихъ соединеній... Въ 1899 году было закончено постройкой грандіозное зданіе рабочаго дворца, выросшаго въ самомъ центрѣ рабочаго квартала. Каменная четырехъэтажная громада поднимается въ строгихъ изящныхъ очертаніяхъ на самомъ берегу тѣнистаго Engel-Ufer'a. Сразу видно, что при постройкѣ зданія гнались не только за дешевизной, но и за тою красотой, которую даютъ простота и благородство фасада, гармоничное сочетаніе частей, отсутствіе всякихъ вычурныхъ и лишнихъ украшеній. Это—домъ германскихъ рабочихъ союзовъ, это—крѣпость пролетаріата, объединеннаго въ экономической и соціальной борьбѣ. Этотъ домъ называетъ проф. Зомбартъ „знаменательнымъ памятникомъ соціальной исторіи нашего времени". „И если,—говоритъ онъ,—кто-нибудь дѣйствительно серьезно желаетъ постичь современное движеніе рабочихъ, то онъ нигдѣ не можетъ лучше изучить его сущности, какъ на этой, воплощенной въ камень, союзной идеѣ". „У меня ощущеніе,—продолжаетъ этотъ ученый,—что уже одно описаніе этого зданія и одинъ взглядъ на его внутренность могутъ болѣе освѣтить нашъ предметъ, нежели длинная глава теоретическихъ разсужденій". Нельзя не присоединиться къ мнѣнію почтеннаго соціалъ-эконома. И да не посѣтуетъ на насъ чи-

татель, что, пользуясь хорошимъ майскимъ днемъ, мы поведемъ его внутрь рабочей крѣпости, этой высѣченной изъ камня союзной „идеи“.

Въ переднемъ зданіи, выходящемъ на улицу, находится генеральный секретаріатъ и помѣщеніе бюро отдѣльныхъ союзовъ. Большія помѣщенія занимаютъ здѣсь союзъ работниковъ по металлу и работниковъ по дереву. Первый занимаетъ не менѣе шести комнатъ, при чемъ цѣлыя стѣны въ его бюро заставлены особой карточной регистратурой, благодаря которой можно въ каждый данный моментъ не только найти всѣ свѣдѣнія относительно отдѣльнаго сочлена, но и установить всю его трудовую біографію. Эти два исторически старшіе и самые большіе союзы обладаютъ отдѣльными библіотеками для своихъ. сочленовъ, при чемъ въ одной библіотекѣ рабочихъ по металлу находится болѣе 4.100 названій, раздѣленныхъ на 11 отдѣловъ Библіотека эта составлена замѣчательно умѣло. Помимо отдѣловъ соціальныхъ наукъ и профессіональныхъ знаній, въ ней находится обширный отдѣлъ беллетристики, охватывающій собой около 2.000 нумеровъ и заключающій, между прочимъ, въ себѣ помимо всѣхъ классиковъ еще полный подборъ произведеній русской литературы: Пушкинъ, Тургеневъ, Гончаровъ, Достоевскій, Левъ Толстой, Чеховъ, Короленко, Андреевъ, Горькій, даже Потапенко; всѣ они представлены въ библіотекѣ, предназначенной для рабочихъ нѣмецкаго союза, не смотря на то, что ни одинъ изъ этихъ писателей спеціально желѣзнымъ производствомъ не занимался.

... Самое бюро устроено замѣчательно практично, чисто и красиво. Простая, но изящная мебель, громадные шкафы съ безчисленными ящичками и этикетками, красивыя рѣшетки, высокія конторки по послѣднему слову канцелярской техники наполняютъ собою обширныя свѣтлыя залы, даютъ впечатлѣніе богатой банкирской конторы или канцеляріи правительственнаго учрежденія. Порядокъ вездѣ образцовый, но отличіе этихъ прекрасныхъ залъ отъ всякихъ иныхъ канцелярій заключается въ одномъ: въ этомъ министерствѣ труда, въ этихъ благоустроенныхъ канцеляріяхъ по поддержкѣ безработныхъ, по выработкѣ тарифныхъ соглашеній съ предпринимателями, по организаціи стачекъ, юридической защитѣ рабочихъ, по пріисканію мѣстъ для лицъ, временно находящихся безъ занятій — въ этихъ бюро властвуютъ и распоряжаются не директора департаментовъ и столоначальники, не банковскіе диктаторы съ подвластными имъ клерками и комми; здѣсь царятъ и господствуютъ сами рабочіе, имъ служатъ ихъ непосредственные избранники, въ ихъ пользу направляются милліоны трудовыхъ грошей, собранныхъ съ сочленовъ союза, передъ ними отвѣтствуютъ всѣ эти рабочіе секретари, бухгалтеры правленія и т. п. члены громадной и сложной организаціи.

Министерство труда, созданное самими рабочими,—иначе нельзя назвать всѣ эти бюро, объединенныя въ стройную и сильную машину. Министерство, созданное безъ малѣйшаго принужденія, помимо всякихъ казенныхъ начальствъ и располагающее цѣлой сѣтью провинціальныхъ учрежденій, строго централизованное въ своей республиканской главѣ. И лучше, чѣмъ всякія статистики, дѣлаютъ наглядной силу этого министерства тѣ громадныя, несгораемыя кассы, которыя стоятъ въ помѣщеніи каждаго союза. Для иллюстраціи нѣсколько цифръ.

Передъ нами отчетъ союза рабочихъ по дереву за 1904 г. Согласно его даннымъ было выдано въ указанномъ году на поддержку безработныхъ на мѣстѣ 36.891,43 мар., на разъѣзды безбезработныхъ 30.804,69 мар., на поддержку оштрафованныхъ фабрикантами товарищей 4.181,70 мар., на пособіе для погребенія 3.905 мар., на пособія при перемѣнѣ квартиры 22.04,18 мар. и, наконецъ, на поддержку забастовщиковъ 373.708,95 мар... Вмѣстѣ съ остальными выдачами одинъ этотъ союзъ израсходовалъ за годъ 564.816,76 мар., или другими словами, болѣе полмилліона марокъ. Это счетъ центральной кассы. Въ мѣстной кассѣ Берлина общій оборотъ превышаетъ эту сумму и доходитъ до 564.939,82 м., а къ этому еще присоединяется капиталъ мѣстной кассы въ 98.191,16 мар. Интересно отмѣтить, что общими силами союза при помощи различныхъ пожертвованій за 1904 годъ было выдано на поддержку забастовокъ всего 655.205,12 марокъ, которыя были израсходованы всего за пять зимнихъ мѣсяцевъ стачекъ рабочихъ по дереву *).

Изъ административнаго отдѣла рабочаго дворца перейдемъ теперь въ слѣдующія зданія. За главной передней постройкой открывается обширный свѣтлый дворъ, съ одной стороны котораго идетъ большой флигель, а съ другой—тянется высокая чугунная рѣшетка, сплошь обвитая зеленью; стѣна прилегающаго дома, между которой и рѣшеткой идетъ отдѣльный ходъ во второй и третій дворы, украшена живописными шпалерами винограда, покрывающими ее больше, чѣмъ до половины. Свѣтлый и чистый дворъ сплошь покрытъ столиками ресторана, сданнаго въ аренду фирмѣ Schuldheiss, и производитъ замѣчательно уютное впечатлѣніе; окружающія его съ трехъ сторонъ зданія рабочаго дома даютъ ему сходство съ внутреннимъ дворомъ среди настоящаго княжескаго замка; и съ этого двора вы входите въ великолѣпное зданіе народнаго дома, заключающее въ себѣ его парадную часть, его торжественныя залы. Двери отворяются въ громадный, производящій сильное впечатлѣніе, вестибюль, украшенный цѣлымъ рядомъ дорическихъ колоннъ. Изъ вестибюля под-

*) Bericht über die Pätigkeit der Zahlstelle Berlin für das Jahr 1904. Deutscher Holzarbeiter-Verband.-Zahlstelle Berlin. 1905, Berlin.

нимается широкая лѣстница наверхъ, развѣтвляется затѣмъ направо и налѣво и приводитъ васъ въ громадный залъ въ два свѣта, съ двумя сценами съ галлереями, колоннами, трибуной для оратора и массою отдѣльныхъ столиковъ и стульевъ; это — тронный залъ рабочихъ союзовъ. Здѣсь празднуютъ они первое мая, здѣсь слушаютъ своихъ ораторовъ и вождей и, независя отъ милости администраціи и ресторатороеъ, устраиваютъ свои митинги и собранія, созываютъ свой рабочій парламентъ. И, какъ въ настоящемъ парламентѣ, къ большому залу примыкаетъ цѣлый рядъ другихъ помѣщеній и залъ, предназначенныхъ для засѣданій коммиссій и комитетовъ, для меньшихъ собраній отдѣльныхъ профессіональныхъ группъ. Въ одномъ большомъ залѣ помѣщается 1.200 человѣкъ, малыя залы могутъ вмѣстить отъ 200—350 въ каждой. Архитектура всѣхъ этихъ залъ въ высшей степени проста и благородна, обстановка и отдѣлка лишены всякой роскоши, но поражаютъ своимъ комфортомъ и изяществомъ. И на этихъ залахъ, какъ на всемъ зданіи, ясно отражается мысль, высказанная при самой постройкѣ народнаго дворца. „Здѣсь идетъ дѣло о томъ, чтобы дѣйствовать образовательно на вкусъ рабочихъ и при помощи красоты и солидности постройки развивать среди многочисленной публики союзнаго дома стремленіе къ порядку и чистотѣ“. Въ зданіи, соединяющемъ административную часть съ залами союзовъ, кромѣ ресторана, внизу находятся еще помѣщенія для мелкихъ союзовъ, не имѣющихъ большихъ средствъ; въ этихъ помѣщеніяхъ они, въ опредѣленное время, пользуются столами для своихъ операцій; далѣе расположены три большихъ кегельбана и образовательная школа для рабочихъ; въ этой послѣдней они не только совершенствуются въ чтеніи и письмѣ, но и слушаютъ курсы рабочаго законодательства, политической экономіи, изучаютъ ораторское искусство, готовятся для общественной работы.

Второй дворъ отдѣляетъ отъ корпуса залъ третье и послѣднее зданіе рабочаго дворца; оно состоитъ изъ главнаго корпуса и двухъ большихъ флигелей и, въ свою очередь, образуетъ третій дворъ. Эта часть построекъ отдана цѣликомъ помѣщенію рабочей гостиницы (Herberge). Эта послѣдняя имѣетъ свой непосредственный входъ съ улицы и совершенно изолирована отъ остальныхъ зданій; она представляетъ собою большой четырехъэтажный корпусъ съ длинными корридорами, вокругъ которыхъ расположена цѣлая масса комнатъ и отдѣленій. Наверху находятся спальни, вмѣщающія въ себѣ отъ 2 до 11 кроватей. Въ общемъ всего 200 кроватей съ соотвѣтственными приспособленіями для мытья. Кровати всѣ устроены одинаково на продольныхъ пружинныхъ матрацахъ, съ очень хорошимъ мягкимъ тюфякомъ, съ подушкой и двумя байковыми одѣялами. И одѣяла, и сама постель одѣты чистымъ и свѣжимъ бѣльемъ, при чемъ

послѣднее мѣняется съ приходомъ каждаго новаго постояльца, во всякомъ случаѣ не рѣже одного раза въ недѣлю. Стоимость ночлега колеблется отъ 45 пфен. до 1,50 м., въ зависимости отъ числа находящихся въ спальнѣ кроватей. Ночлегъ въ комнатѣ съ 2 кроватями стоитъ 75 пфен., съ одной кроватью 1,50 м. Всѣ эти спальни изобилуютъ воздухомъ и свѣтомъ и отличаются чрезвычайной чистотой. Мраморные умывальники просто великолѣпны. Въ переднихъ помѣщеніяхъ партера находятся два большихъ зала, изъ которыхъ въ одномъ помѣщается ресторанъ, предназначенный исключительно для постояльцевъ, а въ другомъ—очень помѣстительный читальный залъ. Въ ресторанѣ хозяйство ведется администраціей дома, и цѣны на все до крайности дешевыя. 40 пф. стоитъ обѣдъ, состоящій изъ супа, жаркого и картофеля или какихъ-нибудь другихъ овощей, столько же стоитъ и мясной горячій ужинъ. Большая кружка пива стоитъ 10 пф., малая—5. Въ самомъ низу находятся ванны, заключающія въ себѣ, кромѣ двухъ ваннъ, 13 отдѣльныхъ душей съ горячей и холодной водой. Рядомъ съ этимъ помѣщеніемъ находится дезинфекціонная камера съ печью, а также прачешная. Здѣсь же вблизи помѣщается складъ для сбереженія сундуковъ, чемодановъ и всякаго имущества посѣтителей, которые по пріѣздѣ въ гостиницу немедленно принимаютъ ванну и отдаютъ на храненіе все лишнее платье. Эта ванна обязательна для всѣхъ поступающихъ, если же ихъ платье оказывается недостаточно чистымъ и внушаетъ подозрѣніе при первомъ осмотрѣ, то оно дезинфицируется немедленно. Въ самомъ низу, при входѣ, находится пріемная, кухни и квартиры служащихъ. Всѣ эти помѣщенія поражаютъ цѣлесообразнымъ устройствомъ, а посѣтители—порядкомъ и дисциплиной. Нечего и говорить, что эта гостиница всегда наполнена и при томъ не только членами союзовъ, но и посторонними. По общему правилу отдѣльное лицо пребываетъ въ гостиницѣ не болѣе 6 сутокъ, хотя бываютъ и исключенія.

Приведемъ нѣкоторыя цифры, характеризующія положеніе вещей въ гостиницѣ за 1904 годъ. Оборотъ гостиницы по содержанію спаленъ и ванныхъ простирался до 34.885,75 м., причемъ сумма эта была цѣликомъ покрыта доходомъ съ предпріятія. Ресторанъ точно также цѣликомъ оплатилъ себя въ размѣрѣ 35.506,47 м.: всѣ затраты на провизію, напитки, сигары, освѣщеніе, отопленіе, плату для прислуги и т. п. были покрыты изъ ежедневныхъ поступленій со стороны посѣтителей. Самое посѣщеніе гостиницы выражается въ слѣдующихъ цифрахъ. Пріѣзжихъ было въ 1904 году 18.407. Эти лица провели въ гостиницѣ 65.154 ночи и взяли 181.801 ванну. Дезинфекція была произведена въ 307 случаяхъ. Изъ числа посѣтителей къ организованнымъ рабочимъ принадлежало 14.436 человѣкъ, остальные

были неорганизованы. Въ среднемъ время пребыванія каждаго лица въ гостиницѣ опредѣлялось 3,9 дня. Интересную картину представляетъ распредѣленіе посѣтителей рабочей гостиницы по профессіямъ. Среди нихъ мы находимъ: 1 врача, 1 архитектора, 15 фабрикантовъ, 8 учителей, 28 редакторовъ, 15 музыкантовъ, 2 актера, 7 писателей и 23 студента... Какъ очевидно, интеллигентная богема не чуждается гостепріимства своихъ братьевъ-пролетаріевъ. Курьезное исключеніе представляютъ здѣсь только 15 фабрикантовъ. Отчетъ умалчиваетъ, правда, что это за фабриканты: прошедшіе или настоящіе. Онъ не называетъ ихъ, однако, „предпринимателями". Впрочемъ, и „хозяева гостиницъ" не пренебрегаютъ рабочимъ пріютомъ: ихъ за годъ было не менѣе 14. Въ заключеніе остается упомянуть, что весь годовой оборотъ рабочаго дворца охватываетъ собой болѣе полутора милліона марокъ (1.609.595,38 м.) *).

„Если что-нибудь,—говоритъ проф. Зомбартъ,—дѣйствительно ярко даетъ выраженіе жизни рабочихъ союзовъ въ новое время, то это именно гордое зданіе на Engel-Ufer... Не такъ уютно, не такъ тепло, какъ старые гильдейскіе и цеховые пріюты, лежавшіе полускрытыми со своимъ шумомъ и гуломъ среди узкихъ улицъ средневѣкового города... Но бросающееся въ глаза свѣтлое, на солнечномъ мѣстѣ, быстро сооруженное всѣми средствами расточительной техники, оно раціоналистично и практично до послѣдняго своего уголка: настоящее выраженіе нашего яснаго, слишкомъ яснаго, просвѣщеннаго и подчасъ нѣсколько сухого времени. И въ это время оно является памятникомъ той самостоятельной борьбы за побѣду, которую ведутъ теперь трудящіеся классы. Да, это—знаменіе борьбы, а вмѣстѣ съ тѣмъ ея законченное произведеніе, крѣпость среди этой борьбы. Но это не мѣсто, гдѣ создаются бомбы и адскія машины. Здѣсь проникнутыя трезвымъ дѣловымъ духомъ конторскія книги являются оружіемъ; это — домъ борьбы, но онъ скрываетъ въ себѣ „три превосходныхъ кегельбана", въ немъ раздается смѣхъ и шутка и юмору отводится мѣсто. Люди, которые входятъ и выходятъ изъ этого дома, они хотятъ смотрѣть жизни прямо въ глаза, они берутъ ее, какъ она есть, и дѣлаютъ сносной, они борются съ ней и надъ ней смѣются, а вмѣстѣ съ тѣмъ твердо стоятъ обѣими ногами на нашей землѣ" **).

Среди рабочаго квартала, гдѣ ютятся въ невѣроятной тѣснотѣ берлинскіе пролетаріи, ихъ руками созданъ грандіозный дворецъ и въ немъ отдыхаютъ, работаютъ, учатся они сами. Мрачные углы и клѣтушки наемныхъ жилыхъ казармъ смѣнились здѣсь

*) „Gewerkschaftshaus". Geschäfts-Bericht für das Jahr 1904. Fünftes Betriebsjahr.

**) Sombart. „Dennoch!" 120—121.

обширными залами, освѣщенными электричествомъ, отдѣланными свѣтлыми шпалерами, колоннами и рѣзьбой. Грязная харчевня уступила здѣсь мѣсто прекрасному ресторану; пропитанный міазмами ночлежный домъ—рабочей гостиницѣ по послѣднему слову техники и гигіены. Тотъ особый народъ, о которомъ мы говорили выше, создалъ въ рабочемъ домѣ первую ступень въ своемъ восхожденіи навстрѣчу требованіямъ нормальной, здоровой и красивой жизни. Самъ изъ себя далъ онъ нужныя силы, отъ себя оторвалъ онъ тѣ милліарды грошей, которыми движется стройная союзная машина, питается рабочее министерство, библіотеки, школы, кассы и страховыя установленія. Грязна и оборвана подчасъ рабочая блуза, запачканы въ пыли, искривлены мозолистыя руки, безъ воротничковъ ходятъ по буднямъ мужчины, безъ шляпокъ женщины, на асфальтѣ и улицѣ играютъ и рѣзвятся ихъ дѣти... Но уже построенъ ими въ Берлинѣ прекрасный дворецъ, и нашли въ его стѣнахъ свой пріютъ сыны рабочаго народа... Они тамъ вымыты и сыты, поддержаны и обласканы, они тамъ чувствуютъ себя дома, подъ крыломъ цѣлаго рабочаго класса. И такіе же дома союзовъ высятся уже и въ Штуттгартѣ, и въ Лейпцигѣ, и въ Франкфуртѣ на Майнѣ. Тамъ, гдѣ безсильна единица, богатъ и могущественъ союзъ...

Въ единеніи — сила!

Реусъ.

Новыя книги.

Танъ. Стихотворенія. 2-е дополненное изданіе. Спб. 1905. Изд Н. Глаголева.

Новое изданіе стихотвореній г. Тана существенно разнится отъ прежняго. Въ немъ мы не нашли многихъ вещицъ, знакомыхъ намъ по первому сборнику. За то, вмѣсто нихъ, мы встрѣтили новыя произведенія, написанныя на жгуче-современныя темы. Кромѣ того, порядокъ размѣщенія стихотвореній въ этомъ сборникѣ совсѣмъ иной. То же можно сказать и про внѣшній видъ книги. Въ общемъ, новому изданію приданъ болѣе настойчивый политическій характеръ, и для русскаго читателя сборникъ стихотвореній г. Тана въ настоящемъ его видѣ представляетъ довольно любопытное явленіе, какъ попытка создать лирику переживаемаго нами момента.

Г. Танъ—поэтъ исключительно политическій. Въ этомъ и сильныя, и слабыя его стороны. Отъ старой школы русской гражданской поэзіи, отъ Некрасова, Плещеева и Надсона, его отдѣ-

ляетъ рѣзкость и выпуклость текущей политической злобы, близость къ сегодняшнему дню и увѣренность въ завтрашней побѣдѣ. Если Некрасовъ звалъ въ станъ борцовъ, „погибающихъ за великое дѣло любви“, и требовалъ подвига; если Надсонъ говорилъ, что его поколѣніе „юности не знаетъ“ и что „завѣса сброшена“,—то г. Танъ, наоборотъ, вѣритъ въ близкій успѣхъ. У него нѣтъ сомнѣній. Онъ убѣжденъ, что „судьба найдетъ дорогу“, и поэтому не хочетъ тратить силъ на преодолѣніе внутренней тревоги. „Передъ лицомъ народа девизъ провозглашенъ“, и онъ повторяетъ этотъ девизъ и зоветъ всѣхъ, „въ комъ искра чести есть, въ комъ совѣсть не заснула“, встать въ общіе ряды и бороться подъ всенародный кличъ:

Долой безправіе! Да здравствуетъ свобода!
И учредительный да здравствуетъ соборъ!

Эта бодрость, эта увѣренность не индивидуальная особенность г. Тана, какъ поэта-художника: это сегодняшній, бодрый, неожиданно загорѣвшійся надъ Русью день, когда всѣхъ осѣнило сознаніе, что

Насъ много, насъ много! Какъ всходы на нивѣ
Изъ рыхлой сырой борозды,
Какъ свѣжія волны въ шумящемъ приливѣ
Встаютъ за рядами ряды.

Пришла весна, которую никто и ничто не удержитъ; пришла весна, любящая опасность и съ пѣсней идущая на приступъ: такова мысль поэта. Время одинокаго святого подвига, бывшаго недавно удѣломъ всякаго послѣдовательнаго и не знавшаго компромиссовъ борца, отошло въ область исторіи. Мѣсто героя-человѣка заняла герой-толпа. Ударилъ девятый валъ. Снова поднято „не знавшее побѣдъ, но не запятнанное знамя“,—

Его изгибъ горитъ, какъ пламя,
То кровь работниковъ на немъ.

О художественной сторонѣ произведеній г. Тана приходится сказать немногое. Стихъ у него часто неотдѣланъ, шероховатъ и грубъ. Въ отдѣльныхъ вещахъ много риторики. Мѣстами замѣтно сильное вліяніе Лермонтова и Надсона. Огня настоящей поэзіи, пламени непосредственнаго чувства—у г. Тана нѣтъ. Про него ни въ какомъ случаѣ нельзя сказать, что онъ поетъ, какъ Тиртей, что пѣснь его „вдохновенной отваги полна“. И причину этого грустнаго обстоятельства мы видимъ не въ борьбѣ, которая Некрасову „мѣшала быть поэтомъ“. Борьба здѣсь не причемъ. Дѣло въ блѣдности художественнаго дарованія и слабости поэтическаго чутья.

Что же касается до переводовъ изъ иностранныхъ поэтовъ,

то большая часть изъ нихъ насъ вовсе не удовлетворила. Возьмемъ для примѣра „Смерть Стаха" (Изъ Маріи Конопницкой) и сравнимъ переводъ г. Тана съ другимъ, имѣющимся въ русской литературѣ.

У г. Тана:

Какъ собрался Стахъ на битву,
Онъ въ пути творилъ молитву,
А поля ему шептали
Вѣсть несчастья, вѣсть печали (стр. 36).

У другого поэта:

А какъ Стахъ шелъ на войну
Въ чуже-дальнюю страну,
Зашумѣла рожь по полюшку
На кручину, на недолюшку.

Насколько второй переводъ поэтичнѣе и вѣрнѣе передаетъ народный духъ поэзіи М. Конопницкой, читатель, если онъ знакомъ съ произведеніями симпатичной польской поэтессы, можетъ судить самъ.

Вѣстовой (И. С. П—въ). Струны сердца. Стихотворенія. Петербургъ. 1905 г.

Г. Вѣстовой собралъ всѣ (повидимому) стихотворенія, написанныя имъ въ 1887 г., снабдилъ ихъ не только числовыми датами, но и указаніями, гдѣ, именно, они были написаны, и очень заботливо ихъ издалъ. Эта заботливость, въ связи съ другими признаками, заставляетъ насъ думать, что мы имѣемъ дѣло съ *первымъ* печатнымъ сборникомъ стихотвореній г. Вѣстового. Къ сожалѣнію, авторъ слишкомъ пристрастенъ къ своему творчеству и, не смотря на то, что со времени, когда были написаны многія изъ его произведеній, прошло болѣе 10—15 лѣтъ, онъ не замѣчаетъ, что ихъ не слѣдовало бы печатать. У г. Вѣстового временами попадаются довольно красивыя и интересныя строфы, но все это, во-первыхъ, не выдержано до конца въ одномъ тонѣ и, во-вторыхъ, положительно, заглушается общей массой далеко не удовлетворяющихъ вещей...

Что, напримѣръ, общаго съ поэзіей имѣютъ хотя бы такія строки:

Въ столицѣ оттепель стояла,
И таялъ снѣгъ на мостовой,
И атмосфера обдавала
Прохожихъ влажною струей.

Вѣдь это даже не литературный языкъ, а не только—не поэзія!

Между тѣмъ такіе образцы въ сборникѣ г. Вѣстового совсѣмъ не рѣдкость, хотя онъ и способенъ говорить иначе, когда вспоминаетъ, напримѣръ, въ осенній петербургскій вечеръ о своей

далекой кавказской родинѣ. Первая часть стихотворенія („Осенній вечеръ въ Петербургѣ"), посвященная характеристикѣ Петербурга, заставляетъ читателя охотно вѣрить автору, что онъ писалъ стихотвореніе подъ „тиканье" часовъ, которые

Какъ-то тикаютъ тоскливо,
Навѣвая сонъ уму.

Но вотъ на этомъ фонѣ „тиканья" и осенняго вечера въ Петербургѣ передъ авторомъ вырисовывается, по контрасту, весна въ родномъ городѣ (приводимъ эту лучшую часть цѣликомъ):

..... мерещится невольно
Мнѣ въ дремотѣ въ этотъ часъ
Городъ дальній и привольный
Мой родной Владикавказъ.

У подножья великановъ,
У стѣны кавказскихъ горъ,
Стражемъ горныхъ каравановъ
Онъ раскинулъ свой шатеръ.

Терекъ шумный съ грани снѣжной
Жизнь полямъ его несетъ;
Ароматъ акацій нѣжный
На его бульварахъ льетъ.

Съ высоты волшебно-синей
Звѣзды шлютъ снопы лучей
На уборы снѣжныхъ линій,
На лѣса, на гладь полей...

И, купаясь въ кроткомъ свѣтѣ,
Слились въ образъ, полный грезъ:
Башни, церкви, тѣнь мечети
И надъ-теречный утесъ...

Вотъ, у берега чернѣя,
Гулко мельница шумитъ;
Тополей прямыхъ аллея
Въ полумракѣ шелеститъ.

Въ тишинѣ часовъ полночныхъ
Дремлетъ садъ у береговъ;
Вѣтви грушъ и яблонь сочныхъ
Гнутся, полныя плодовъ...

Какъ бы я хотѣлъ умчаться
О, Капкай *), къ твоимъ мѣстамъ;
Въ садъ зайти, къ горамъ пробраться,
Подышать всей грудью тамъ.

Становится досадно, что стихотвореніе кончается такъ же „дѣланно" и прозаично, какъ и начинается.

Есть еще отдѣльныя недурныя мѣста въ религіозныхъ стихотвореніяхъ г. Вѣстового (они составляютъ главное ядро сборника), въ родѣ слѣдующаго отрывка (начала) „Изъ пѣсенъ первыхъ христіанъ":

О, нѣтъ, никто во всей вселенной
Свободы вѣрныхъ не лишитъ!
Пусть плоть боится цѣпи плѣнной
И пусть тюрьма ее страшитъ!
Но мысли, тьмой порабощенной,
Самъ Богъ любви свободу далъ,
И цѣпи ей, освобожденной,
Донынѣ міръ не отковалъ!

Но *ни одного цѣльнаго*, выдержаннаго по формѣ и поэтичнаго по содержанію, стихотворенія мы не могли бы указать и въ этой области.

---

*) Туземное названіе Владикавказа (Примѣчаніе автора).

На нашъ взглядъ, существенный недостатокъ автора заключается въ томъ, что онъ не умѣетъ и точно боится ярко думать и чувствовать: его точно преслѣдуетъ боязнь, какъ бы его „струны сердца“ не издали какого-нибудь рѣзкаго звука, къ которому корректные люди не привыкли. А это, конечно, двѣ вещи несовмѣстимыя: душевная аккуратность и поэзія. Только смѣшеніемъ этихъ двухъ понятій и можно объяснить совѣты, версифицированные авторомъ, какъ онъ не забываетъ отмѣтить, на ст. Куоккала, Финляндской ж. д., 20 іюля 1904 г., о томъ, чтобы близкій автору человѣкъ не довѣрялъ дерзновенности „плотскаго (?) ума“ при рѣшеніи вопросовъ о смыслѣ жизни, а жилъ, какъ человѣкъ, „умомъ смиренный“. Едва ли при этихъ условіяхъ близкій г. Вѣстовому человѣкъ будетъ обладать тѣмъ „мечомъ духовнымъ“, о которомъ онъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ:

Нашъ мечъ не изъ стали блестящей,
Не молотомъ кованъ людскимъ —
Онъ, пламенемъ правды горящій,
Дарованъ намъ Богомъ самимъ.

Такъ же „ни теплъ, ни холоденъ“ г. Вѣстовой и въ „мірскихъ“ темахъ. Онъ что-то говоритъ о „великихъ“ словахъ: свобода, равенство и братство, которыя его такъ волновали въ бытность въ Парижѣ (23 мая 1895 г.); что-то говоритъ о переселенцахъ, которыхъ онъ видѣлъ возвращающимися чрезъ его родной городъ:

..... голодной толпою они
Возвращаются въ край свой унылый,
Чтобъ влачить еще горшие дни.

Но отъ всего этого вѣетъ неизмѣнно отсутствіемъ красочности и силы мысли.

Мысль о тайнѣ жизни скрытой
Осаждаетъ *робкій умъ*.

Это и есть главная бѣда г. Вѣстового, Онъ чувствуетъ, „какъ всѣ“ и думаетъ „какъ всѣ“. Но тогда въ чемъ же его роль поэта (если даже не имѣть въ виду недостатковъ со стороны формы), на которую онъ, конечно, разсчитывалъ, выпуская свой сборникъ?

Александра Костомарова. Двѣ лиліи.—Очарованный лѣсъ.—Мертвые герои.—Наводненіе 12 ноября 1903 года. Петербургъ, 1904 г.

Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ относительно г-жи Костомаровой приходится повторить то же, что и относительно г. Вѣстового. Изданіе такое же заботливое, содержаніе въ общемъ такое же малозначущее. Разница въ томъ, что книжка г-жи Костомаровой украшена двумя автотипіями и отъ ея высоко-нравственныхъ стиховъ остается ароматъ розоваго масла, а не обык-

новеннаго лампаднаго, какъ (иногда) отъ версифицированныхъ правилъ благочестія г. Вѣстового. За то у г-жи Костомаровой нѣтъ ни одной сколько-нибудь удачной строфы, на которой можно было бы остановиться съ облегченіемъ рецензенту. Все—сплошная проза въ стихахъ, да еще вдобавокъ—скучная проза и претенціозная (чего не было у г. Вѣстового)...

Кто страдаетъ земнымъ наслажденіемъ
И любви кто желаетъ съ небесъ,
Пусть идетъ за моимъ вдохновеніемъ...

Такъ поетъ пѣвецъ въ изображеніи г-жи Костомаровой.

Увы! мы боимся, что, если кто-нибудь изъ читателей послѣдуетъ этому приглашенію „пѣвца“ въ „Двухъ лиліяхъ“, продиктованному г-жей Костомаровой, то ему (читателю) выпадетъ роль Гастона въ „Очарованномъ лѣсѣ“, а сама поэтесса окажется въ роли Клотильды.

„... Клотильда удивленно смотритъ на него (Гастона), совсѣмъ не понимая, отчего мужчины всегда говорятъ такъ увѣренно и всегда такъ скоро готовы осуждать дамъ. Чтобы быть любезной, она ломаетъ себѣ голову найти то, что можетъ ему показаться интереснымъ и, увы! не находитъ. Остается говорить о томъ, что нисколько не интересуетъ обоихъ“...

Впрочемъ, г-жа Костомарова жалуется въ стихахъ даже на Божію Матерь:

..... Царица святая,
Заступница, гдѣ же? Услыши мольбу
И лилью возьми подъ защиту твою.

Такъ молится поэтесса за аллегорическую лилію (дѣвицу, конечно) но, увы! безрезультатно:

Но Матери Божьей всѣ люди равны,
И гибнутъ слова мои. (Стр. 17—18).

Справедливость требуетъ отмѣтить, что нѣкоторыя основанія для выдѣленія себя изъ „всѣхъ людей“ г-жа Костомарова имѣетъ: во-первыхъ, у нея душа святая, не въ примѣръ всѣмъ людямъ безъ изъятья: объ этомъ она сама сообщаетъ, умоляя небо послать покой ея душѣ:

О, сонъ душѣ моей святой (стр. 28)!

во-вторыхъ, она можетъ считать себя избранницей, такъ какъ чувствовала свою близость къ небу и даже „въ молчаніи“...

Восторгомъ *свыше* вдохновлялась.

Адамъ Эленшлегеръ. Ярлъ Гаконъ. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. Перев. съ датскаго Анны Ганзенъ. Изд. С. Скирмунта. Москва 1904.

„Ярлъ Гаконъ“ принадлежитъ въ серіи выдающихся произведеній скандинавской литературы, время отъ времени выпускаемыхъ въ русскомъ переводѣ книгоиздательствомъ г. Скирмунта. „Ярлъ Гаконъ“ считается лучшей изъ историческихъ трагедій Эленшлегера, крупнѣйшаго національнаго поэта Даніи (1779—1850), и представляетъ живой интересъ и для современнаго читателя, если ему не чужды вопросы объ отношеніи „христіанства“ и „язычества“, какъ двухъ системъ человѣческаго міроотношенія, все еще не нашедшихъ себѣ гармоническаго примиренія въ современной культурѣ.

Представителемъ язычества въ трагедіи Эленшлегера является ярлъ Гаконъ, который держитъ въ своихъ рукахъ верховную власть надъ Норвегіей X вѣка въ моментъ торжества христіанства, пришедшаго въ Норвегію въ лицѣ послѣдняго потомка законныхъ королей норвежскихъ—христіанина и короля ирландскаго, Олафа. Олафъ и религія самоотреченія торжествуютъ, а ярлъ Гаконъ и религія человѣческихъ силъ и человѣческой мощи терпятъ пораженіе. Все это совершается по праву. Религія человѣческихъ силъ, которую Тореръ, сторонникъ ярла, характеризуетъ въ словахъ:

...Недаромъ грозный Одинъ
далъ людямъ силы разныя; не смѣемъ
мы ни одной пренебрегать, должны мы
въ себѣ цѣнить и развивать ихъ всѣ,—

привела къ *законной* тираніи такихъ могучихъ, какъ ярлъ Гаконъ, надъ слабыми, такъ какъ—все „отъ боговъ“, включая и жестокость. И эта религія *должна была* пасть передъ религіей Олафа, который сомнѣвается даже въ правѣ желать себѣ личнаго счастья внѣ подвига во имя Бога, которому онъ служитъ:

Я не грѣшу, себѣ желая счастья,
что отъ рожденья быть моимъ должно?

въ сомнѣньи спрашиваетъ Олафъ своего духовника.

Но со всѣмъ тѣмъ Эленшлегеръ далекъ отъ признанія стараго міроотношенія не имѣвшимъ никакой цѣны: оно погибло, потому что не избѣжало „заблужденій времени“, но не отъ того, что было лишено здоровой силы вообще...

. . . . когда
рукой своей сотретъ всѣ краски время,
оставивъ только рѣзкія черты,
ты уцѣлѣешь въ памяти народной
лишь, какъ язычникъ, лютый, кровожадный,
чье имя будетъ въ трепетъ повергать.
Но я, мой Гаконъ, трепетать не стану:
тебя я знала! Мощная душа

въ стремленѣ къ благу стала жертвой рока
и заблужденій времени. Теперь
усни, мой Гаконъ, съ миромъ!..

Этими словами напутствуетъ Тора виноватаго передъ ней, но „ушедшаго“ изъ жизни Гакона, и этими же словами Эленшлегеръ напутствуетъ ушедшее изъ жизни язычество. Въ глазахъ его язычество было настоящей „сѣверной“ религіей. „Южное ученіе“ (христіанство), говоритъ Олафу Одинъ, годится для мягкихъ душъ, не сѣверянъ:

Въ долинахъ южныхъ духъ иной царитъ:
тамъ зелень вьется нѣжно, льнетъ любовно
къ домамъ; стволы не рвутся дерзко ввысь,
а какъ-то все смиренно гнутся долу,—
точь въ точь твои монахи...

а здѣсь, на сѣверѣ, гдѣ „чаще встрѣтишь камни, чѣмъ цвѣты“, гдѣ „душа въ молчаньи зимней ночи почерпаетъ мужество и силу“ и гдѣ боговъ не красками „малюютъ на доскахъ“, а „высѣкаютъ изъ скалъ могучихъ“, язычество было, по словамъ Одина, такъ же красиво и величаво, какъ сама сѣверная природа.

Взгляни на эти сосны, эти скалы!
Стремленье ввысь вершинъ ихъ горделивыхъ,—
вотъ, такъ сказать, ихъ вѣра...

Эта „вѣра“ сѣверныхъ скалъ и сосенъ и нужна сѣверянину, думаетъ Одинъ, защищающій передъ Олафомъ язычество.

Эта „вѣра“, смягченная христіанствомъ (читателямъ Ибсена эти мотивы, вѣроятно, не покажутся незнакомыми), нужна, конечно, не только сѣверу: она нужна вообще человѣчеству, если слово „человѣкъ“ должно когда-нибудь „гордо“ звучать. Но нуженъ, конечно, синтезъ, а не простое воскрешеніе религіи ярла Гакона вплоть до „заблужденій его времени“, вплоть до воскрешенія общежитія на звѣриныхъ началахъ, какъ объ этомъ приходилось слышать читателю почти вчера—черезъ девять вѣковъ послѣ пораженія норвежскаго ярла.

Если поэзія человѣческаго духа отвѣчаетъ общему настроенію читателя, величавая трагедія Эленшлегера, переведенная г-жей Ганзенъ, окажется для читателя произведеніемъ живымъ, хотя она и написана въ 1806 году.

К. А. Калитинъ. Третій Римъ. Изд. Суворина. Спб. 1905.

По дорогѣ на театръ военныхъ дѣйствій подпоручикъ Гриша Рожковъ проводитъ день въ Москвѣ, у своего пріятеля Яхонтова. Подзаголовокъ повѣсти такъ и гласитъ: *День въ Москвѣ.* За этотъ день въ „третьемъ Римѣ“ поручикъ Рожковъ успѣваетъ выслушать много разнообразныхъ разговоровъ, влюбиться въ

жену пріятеля, узнать о ея взаимности, воспользоваться этой взаимностью — и уѣхать; впрочемъ, уѣзжаетъ онъ на другое утро.

Это голый остовъ повѣсти, наполненный очень злободневнымъ, острымъ и часто ядовитымъ содержаніемъ. Дѣло не въ подпоручикѣ Рожковѣ, который по существу не многимъ отличается отъ знаменитаго поручика Пирогова: важны его московскія встрѣчи и вдохновенныя рѣчи Яхонтова, его пріятеля, который является очевиднымъ выразителемъ мнѣній автора. Даже на не краснѣющихъ и никого не удивляющихъ страницахъ „Новаго Времени" повѣсть Калитина останавливала вниманіе своимъ дикимъ, изступленнымъ націонализмомъ. Представителемъ воззрѣній, непріятныхъ автору, является Юліанъ Мартыновичъ Юрскій, господинъ подозрительной національности, разумѣется, съ длиннымъ острымъ носомъ, писатель изъ „Русскаго Прогресса". Это газета, конечно, еврейская, и Юліанъ Мартыновичъ такъ говоритъ о современныхъ событіяхъ: „Намъ нуженъ урокъ, чтобы мы знали свое мѣсто: самомнѣніе въ насъ еще азіатское, хвастовство. А ужъ чѣмъ, кажется, хвастать?.. Куда ужъ намъ тянуться за Европой? Да намъ однѣ наши окраины сто очковъ впередъ дадутъ. Потому что онѣ насъ культурнѣе. Надо же, наконецъ, сознаться. Евреи насъ культурнѣе, финны культурнѣе, армяне культурнѣе. Про Польшу и говорить нечего; ее знаетъ Европа. А насъ? Что и кто у насъ есть? Одинъ Левъ Толстой. Да и тотъ тѣмъ и прославился, что отрицаетъ наше право на политическое существованіе. Пора бы понять, кажется... А то мы да мы! Шапками закидаемъ! Нѣтъ, врете! Прошли тѣ времена..." И такъ далѣе. Казалось бы, въ этихъ взглядахъ есть возможныя преувеличенія, но нѣтъ ничего ужаснаго; ихъ сплошь и рядомъ высказывали чисто русскіе люди, составляющіе гордость нашей литературы. Но здѣсь ихъ выразителемъ является подозрительный Юліанъ Мартыновичъ, либеральный писатель, который рекомендуетъ героинѣ „не отрицать" любовь, но „устроиться" такъ, чтобы не было дѣтей, который не только набиваетъ папиросы своей редакторшѣ, Ревеккѣ Марковнѣ, но даже покупаетъ калоши самому Борису Израилевичу. Пусть то, что онъ говоритъ, твердили до него выдающіеся русскіе люди: въ его паспортѣ нечисто—и все, что онъ говоритъ, получаетъ совсѣмъ иной характеръ. „Насъ обманываютъ,—поучаетъ Яхонтовъ Гришу Рожкова:—мы имъ чужіе, они смѣются надъ нами, они плюютъ намъ въ глаза... Они стравливаютъ насъ, какъ котятъ... Наша молодежь... Посмотри, какими растерянными ходятъ русскіе студенты. Увѣрены и тверды среди нихъ только евреи и вообще инородцы; эти знаютъ, чего хотятъ. А у нашихъ бѣднягъ, у каждаго—такой комъ въ головѣ свалялся... Литература имъ не поддержка. Да и можно ли отъ нея ожидать чего-нибудь, когда она въ лапахъ у

того же Шельмензона?.. Кто же хозяева на книжномъ рынкѣ? За что тамъ платятъ деньги? Что рекламируется, расхваливается, навязывается? Только то, что ведетъ къ одному же—убить остатки вѣры въ себя... Заплевать, не оставить даже признаковъ національнаго чувства... И отговорка есть прекрасная.—„Помилуйте! Въ русской литературѣ всегда было сильно отрицательное направленіе... Гоголь, напримѣръ“... Да, господинъ Шэльмензонъ, Гоголь... у него сквозь смѣхъ слышались слезы, слышалась безмѣрная любовь къ Россіи и вѣра въ нее... А у васъ?“

Обличительно-пророческій монологъ Яхонтова тянется на протяженіи многихъ страницъ. Онъ обѣщаетъ, что турки будутъ набирать изъ нашихъ дочерей гаремы, нѣмцы будутъ подрѣзывать язычки нашимъ дѣтямъ, чтобы они правильнѣе произносили по-нѣмецки, наши жены будутъ стирать пеленки на жиденятъ барона Ротшильда. Пусть бы стирали на дѣтей Разуваева: это совсѣмъ не то. „Что наши кулаки? Они всетаки русскіе люди. На нихъ много налгали. Посмотри въ Москвѣ: кто строитъ милліонныя клиники, театры, картинныя галлереи? Все это отдано честно, безъ задней мысли, широко, съ русскимъ размахомъ“. Далѣе монологъ—онъ произносится въ Кремлѣ—переходитъ въ длинные нескладные стихи, а затѣмъ ораторъ становится посреди площади на колѣни и плачетъ. Это предвѣстіе „припадка“, для котораго онъ пропадаетъ на цѣлую ночь, послѣ чего отъ него пахнетъ виномъ. Едва ли авторъ хотѣлъ этимъ сказать, что изувѣрскія тирады, въ родѣ яхонтовскихъ, признакъ болѣзненнаго запоя. Наоборотъ, эти злобныя и своекорыстныя словоизверженія чаще всего слышны отъ людей, которые весьма себѣ на умѣ. Они не націоналисты: они стяжатели; если они и фанатики,—то только фанатики своего благополучія.

Зин. Венгерова. Литературныя характеристики. Книга вторая. Спб. 1905.

Хорошо знакомая съ современной западно-европейской литературой, г-жа Венгерова, какъ извѣстно, особенное вниманіе удѣляетъ представителямъ новыхъ теченій. Въ ихъ творчествѣ она неизмѣнно старается оттѣнить одну сторону, не только мало знакомую русскимъ читателямъ, но прямо взятую ими—и не безъ основанія—подъ сомнѣніе. Новое искусство считается по преимуществу безъидейнымъ, аморальнымъ, чуть не анти-соціальнымъ. Г-жа Венгерова въ своихъ характеристикахъ охотно останавливается на данныхъ, могущихъ привести къ инымъ заключеніямъ. Въ развитіи Метерлинка она видитъ „путь отъ эстетизма къ морали“; „красота отожествляется имъ съ призывомъ къ добру“. Въ примиреніи „жажды сокровеннаго“ съ жаждой живаго дѣла, живого подвига во имя любви и справедливости и заклю-

чается великое значеніе Метерлинка для нашего времени съ его широкими духовными запросами и великими жизненными задачами". Характеристика французскаго символиста Гюстава Кана приходитъ къ выводу, довольно далекому отъ былыхъ декадентскихъ панегириковъ „искусству для искусства"; наоборотъ, въ дѣятельности его авторъ видитъ доказательство того, что „символизмъ, который считается порожденіемъ умственнаго аристократизма, равнодушія къ живымъ запросамъ общества, въ дѣйствительности вовсе не оторванъ отъ жизни, а совмѣстимъ съ истинно-демократической дѣятельностью, съ чуткимъ отношеніетъ къ правдѣ и справедливости". Романъ бельгійскаго мистика Роденбаха „идейнымъ замысломъ" спасенъ для автора характеристики отъ „безпринципнаго эстетизма". Заслугой Рескина представляется г-жѣ Венгеровой то, что онъ „связалъ искусство съ нравственнымъ чувствомъ, съ общимъ стремленіемъ къ духовному совершенству и тѣмъ далъ ему возможность войти въ обиходъ жизни". Наконецъ, дѣятельность практическаго эстетика и практическаго соціалиста Вильяма Морриса вызываетъ такую характеристику: „красота не была для Морриса внѣшней формой, а символизировала гармонію всей жизни. И потому, служа ей, онъ принималъ близко къ сердцу всѣ человѣческія страданія, вызванныя общественными условіями, непониманіемъ людьми того, во что они должны превратить жизнь... Близость его эстетическихъ идеаловъ къ жизни ясно сказалась въ томъ, что она его привела въ концѣ жизни къ общественной дѣятельности, къ борьбѣ за улучшеніе общественнаго строя".

Надо, однако, сказать, что въ статьѣ объ Вальтерѣ Пэтерѣ г-жа Венгерова относится безъ всякаго осужденія къ его проповѣди эпикурейскаго эстетизма. Въ этой проповѣди она усматриваетъ даже идейное значеніе англійскаго критика. По существу, здѣсь нѣтъ противорѣчія. И для эстетовъ, и для автора ихъ характеристикъ общественная дѣятельность художника есть нѣчто плохо связанное съ его творчествомъ. Г-жа Венгерова показала, что оно можетъ и не быть безъидейнымъ; но она благоразумно не бралась и не смогла бы доказать, что оно всегда было идейнымъ. А вѣдь въ этомъ все дѣло для тѣхъ, кто хочетъ видѣть въ художественномъ творчествѣ общественную дѣятельность.

Кромѣ указанныхъ писателей, мы находимъ въ книгѣ этюды, посвященные А. Франсу, Эмилю Зола, Э. Верхарну, А. де Ренье, Сенкевичу, Фр. Ведекинду. Нѣкоторые изъ нихъ совсѣмъ неизвѣстны русскимъ читателямъ, которые найдутъ въ книгѣ г-жи Венгеровой достаточно матеріала для знакомства съ ними. Пойти дальше этого перваго знакомства едва ли соблазнится кто-нибудь. Вина падаетъ на г-жу Венгерову, которая, очевидно, увлекается сама и не можетъ увлечь своими характеристиками чи-

тателей. У нея есть знанія, есть добросовѣстность, есть умѣніе оцѣнить литературныя явленія съ чутьемъ и вниманіемъ. У нея нѣтъ только паѳоса, нѣтъ темперамента, который есть жизненный нервъ всякаго творчества — въ томъ числѣ и критическаго.

Николай Николаевичъ Ге, его жизнь, произведенія и переписка. Составилъ **В. В. Стасовъ**. Изданіе „Посредника". Москва, 1904.

В. В. Стасовъ не написалъ біографію художника Ге, а „составилъ" книгу о его жизни и произведеніяхъ, другими словами: собралъ матеріалы для его біографіи и не обработалъ ихъ. Съ обычнымъ многословіемъ, отступленіями, полемикой и лирикой, онъ соединилъ эти матеріалы—личныя воспоминанія, свои и чужія, письма Ге и его близкихъ, обширныя цитаты изъ газетъ и журналовъ—и представилъ все это въ видѣ пестрой груды, нерѣдко любопытной, но подчасъ поражающей ненужностью того, что въ нее попало. Какого-нибудь цѣльнаго впечатлѣнія своеобразная фигура Ге въ книгѣ г. Стасова не производитъ; нѣтъ не только попытки найти ключъ къ этой душевной сложности, нѣтъ даже стремленія изобразить эту сложность въ какомъ-либо объединяющемъ образѣ; мелкія и крупныя черты не связаны перспективой, мелькаютъ предъ читателемъ и разсыпаются безъ пользы. Меньше всего въ работѣ г. Стасова того, что было бы въ ней необходимо: исторіи. Для минувшей половины вѣка Ге былъ характерной фигурой, во многомъ типичной, не смотря на свою исключительность; въ книгѣ о немъ мы не найдемъ никакого желанія поставить его въ потокъ историческихъ событій и настроеній. Даже такое любопытнѣйшее явленіе, какъ толстовство Ге, этого „толстовца avant la lettre", пришедшаго къ толстовству чуть не раньше всѣхъ и ушедшаго въ немъ дальше другихъ, не получаетъ въ книгѣ г. Стасова никакого достойнаго освѣщенія, ни индивидуально-психологическаго, ни общественно-историческаго. Ге былъ выдающійся русскій художникъ, а въ книгѣ, посвященной ему маститымъ художественнымъ критикомъ, нѣтъ общей оцѣнки его художественнаго значенія, нѣтъ попытки опредѣлить его роль въ развитіи русскаго искусства. Вмѣсто этого—длинные разсказы о томъ, какъ писались отдѣльныя картины и какъ отнеслась къ нимъ современная критика. Конечно, нельзя упрекнуть г. Стасова въ томъ, что онъ не выполнилъ принятой имъ на себя задачи; онъ и не брался за настоящую біографію, онъ и самъ хотѣлъ только воспользоваться возможностью передать читателямъ біографическій и художественный матеріалъ, находившійся у него. Но у насъ такъ много разныхъ матеріаловъ и такъ мало ихъ обработки, такъ много склонности къ механическому накопленію и такъ мало стремленія сжать собранный матеріалъ въ обобщенія научной работы, что мы не

могли не указать г. Стасову на почетную задачу, которая естественно возникала предъ нимъ, и отъ которой онъ отверулся.

Въ матеріалахъ, сведенныхъ имъ, много интереснаго и не только для тѣхъ, кто когда либо воспользуется свѣдѣніями, имъ сообщенными, для историко-критической работы, но и для рядовыхъ читателей, которые найдутъ въ его книгѣ не мало любопытнаго. Нельзя не отмѣтить успѣшную энергію, съ которой г. Стасовъ защищаетъ шестидесятые годы отъ обвиненія въ „отрицаніи искусства" и въ пагубномъ вліяніи этого отрицанія на развитіе искусства. Отрицаніе, конечно, было—не у Писарева и Чернышевскаго, какъ показываетъ г. Стасовъ,—а у толпы, у того студента, подъ вліяніемъ котораго и Рѣпинъ, по его разсказу, „усомнился въ надобности искусства и прибѣжалъ искать помощи у Крамского". Вотъ, отвѣтъ Крамского и есть настоящее практическое выраженіе русской эстетики шестидесятыхъ годовъ: „художникъ есть критикъ общественныхъ явленій... Настоящему художнику необходимо колоссальное развитіе, если онъ сознаетъ свой долгъ—быть достойнымъ своего призванія. Я не скажу: быть руководителемъ общества—это слишкомъ; а быть хоть выразителемъ важныхъ сторонъ его жизни. И для этого нужна гигантская работа надъ собою, необходимъ титаническій трудъ изученія". И рядомъ фактовъ г. Стасовъ показываетъ, какой блестящей эпохой художественнаго творчества было это антихудожественное время; его жизненная атмосфера была важнѣе всякихъ эстетическихъ теорій, которыя безсильны создать и безсильны убить искусство; она рождала искусство, не смотря на его отрицаніе, она наполняла его высокимъ содержаніемъ. Для эстетики этой эпохи не было выбора: или искусство совсѣмъ не нужно, или оно должно быть необходимо для жизни и требуетъ серьезнаго къ себѣ отношенія. Можно спорить о томъ, какое непосредственное вліяніе произвела эта теорія на міровоззрѣніе Ге; но она несомнѣнно вошла устойчивымъ элементомъ въ его взгляды. И оттого его творчество было такъ значительно: что бы онъ ни говорилъ своими произведеніями, чувствовалось, что онъ хочетъ и умѣетъ говорить въ нихъ только о самомъ важномъ въ жизни. Это рѣшающее и располагающее впечатлѣніе подкрѣпляется и данными, собранными въ цѣнной—къ сожалѣнію, менѣе цѣнной, чѣмъ слѣдовало—книгѣ В. В. Стасова.

Ю. И. Гессенъ. Великская драма. Изъ исторіи ритуальныхъ процессовъ. Петербургъ. 1905.

„Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ"... Въ данномъ случаѣ наоборотъ: „преданіе" старое, а вѣрится ему совсѣмъ легко, какъ будто разсказанное случилось всего только вчера... Когда вспомнишь о современномъ спеціальномъ правосудіи кишиневско-го-

мельскаго образца, вѣрится съ трудомъ только одной детали: не легко повѣрить, что такая хорошо налаженная драма могла рухнуть три четверти столѣтія тому назадъ изъ-за вмѣшательства товарища министра юстиціи (гр. Панинъ) и члена государственнаго совѣта (гр. Мордвиновъ), въ ущербъ такъ называемому авторитету власти въ лицѣ витебскаго генералъ-губернатора (кн. Хованскій), бывшаго главнымъ режиссеромъ въ велижской драмѣ, исчерпавшимъ всѣ средства противъ 42 обвиняемыхъ евреевъ, вплоть до ссылокъ на „чудесныя событія", въ которыхъ „воля Божія (относительно судьбы привлеченныхъ) открывается явственно".

Дѣло, о которомъ сжато разсказываетъ г. Ю. Гессенъ (на основаніи первоисточниковъ), настолько громоздко, что не поддается цѣльной передачѣ въ предѣлахъ возможнаго для рецензіи, и мы попробуемъ передать только самую основу, отсылая читателя за подробностями и доказательствами возможности того, что существовало, къ самой книгѣ г. Гессена. Въ 1823 г. въ первый день Пасхи исчезъ изъ дому мальчикъ-христіанинъ и черезъ нѣсколько дней былъ найденъ убитымъ, и трупъ оказался „чѣмъ-то въ нѣсколькихъ мѣстахъ пронзеннымъ". Не смотря на то, что всего за 6 лѣтъ передъ этимъ управляющимъ губерніями была объявлена „монаршая воля", чтобы „впредь евреи не были обвиняемы въ умерщвленіи христіанскихъ дѣтей безъ всякихъ уликъ, по единому предразсудку, что яко бы они имѣютъ нужду въ христіанской крови", въ Велижѣ начато было слѣдствіе именно въ этомъ направленіи съ завѣдомымъ устраненіемъ христіанъ изъ числа возможныхъ виновниковъ убійства. Это оказалось тѣмъ легче, что нашлась одна гадалка и одна прорицательница (христіанки), которыя указали даже *домъ*, въ которомъ совершилось ритуальное убійство, а родители убитаго заявили, что ни на кого, кромѣ евреевъ, подозрѣнія не имѣютъ. Тѣмъ не менѣе дѣло, въ концѣ концовъ, было судомъ прекращено и прекратилось бы навсегда, если бы *гадалка* при проѣздѣ Александра I чрезъ Велижъ не подала ему *ложной* жалобы, что евреи убили *ея* сына, и она не можетъ найти на нихъ суда. По жалобѣ дѣло вновь началось, при чемъ жалобщица вскорѣ объявила себя самое *участницей* въ въ убійствѣ, сообща съ евреями. Для чего была налажена и какъ именно была инсценирована велижская драма, начиная съ этого самообличенія, такъ и осталось неизвѣстнымъ, хотя Мордвиновъ не находилъ возможнымъ сомнѣваться въ наличности чьего-то „сильнаго вліянія" на велижскую драму, начиная съ факта, что пьяная нищенка (гадалка) взяла на себя роль обманной заявительницы передъ государемъ въ качествѣ потерпѣвшей отъ преступленія. Подъ этимъ „сильнымъ вліяніемъ", предположеннымъ гр. Мордвиновымъ, дѣло росло, какъ лавина. Появились новые свидѣтели; появились новые христіане-участники въ преступленіи такъ же подробно (хотя и не согласно съ предыдущими) и такъ,

же странно изобличавшіе самихъ себя въ содѣйствіи евреямъ. Преступленіе оказалось уже совершеннымъ (въ отмѣну прежнихъ показаній) не въ частномъ домѣ, а въ *синагогѣ*, т. е. пріобрѣло характеръ общееврейскаго преступленія; жертвъ ритуальнаго преступленія оказалось-семь, вмѣсто первоначальной одной, хотя и безъ возможности установить личности остальныхъ жертвъ, кромѣ первой; въ пользованіи результатами преступленія (кровью убитыхъ) оказались виновными евреи не только г. Велижа, но и другихъ городовъ; и т. д. и т. д. Самое обвиненіе, построенное сначала на противорѣчивыхъ показаніяхъ, принимало болѣе стройный характеръ, такъ какъ противорѣчія въ показаніяхъ первоначальныхъ самообличительницъ-христіанокъ постепенно сглаживались, насколько это оказывалось возможнымъ, и окончательныя показанія ихъ пріобрѣтали характеръ согласныхъ съ „уликами“, ясныхъ, детальныхъ и опредѣленныхъ. Въ результатѣ, въ тюрьмѣ оказалось свыше 40 человѣкъ, изъ которыхъ 4 умерло, не дождавшись освобожденія.

Дѣло пріобрѣло громкую извѣстность, нѣсколько разъ вызывало вмѣшательство императора Николая I, въ своихъ резолюціяхъ требовавшаго строжайшей истины отъ слѣдователей (между прочимъ, одна изъ резолюцій требовала раскрытія новоуказанныхъ жертвъ ритуальныхъ преступленій: „Надо непремѣнно узнать, кто были несчастныя сіи дѣти. Это должно быть легко, если все это не гнусная ложь“), но эти резолюціи никого и ни къ чему не обязывали; посылались по Высочайшему повелѣнію для участія въ слѣдствіи особыя лица, но это ничего, по существу, не измѣняло. Наоборотъ, даже ухудшало положеніе обвиняемыхъ, такъ какъ со стороны мѣстной власти, въ лицѣ генералъ-губернатора, слѣдовали контръ-пріемы. Правильность послѣднихъ въ Петербургѣ не могла быть провѣрена, но они въ результатѣ дали возможность добиться—по докладу генералъ-губернатора объ опасности, которая угрожала правосудію, если къ исключительному велижскому дѣлу примѣнять всѣ обычныя судебныя гарантіи (обвиняемые жаловались сенату на „пристрастіе“ *) и на нарушеніе закона),—высочайшаго повелѣнія о томъ, чтобы „правительствующій сенатъ, впредь до совершеннаго окончанія слѣдствія, оставилъ производство онаго въ полное распоряженіе генералъ-губернатора“; по докладу о буйствѣ и дерзостномъ поведеніи обвиняемыхъ—высочайшаго разрѣшенія наказывать ихъ *плетьми;* по докладу (въ самомъ началѣ дѣла) о вѣроятности общерелигіозныхъ мотивовъ преступленія—высочайшаго повелѣнія „*въ страхъ и примѣръ другимъ*“ запретить общественныя богослуженія велижскимъ евреямъ. Это высочайшее

---

*) Одну изъ обвиняемыхъ (молодую замужнюю женщину) слѣдователь держалъ подъ стражей у себя на квартирѣ.

повелѣніе было исполнено „не въ примѣръ прочимъ“ и даже распространено (совсѣмъ современное „дѣло“!): евреямъ было запрещено собираться для богослуженія и въ частныхъ домахъ, а скрижали „отданы въ присмотръ полиціи“.

Одного не могъ сдѣлать князь Хованскій: сдѣлать правдоподобнымъ результаты слѣдствія, и они вызвали со стороны императора Николая I, черезъ 6 лѣтъ послѣ начала дѣла, запросъ князю Хованскому, „увѣренъ ли онъ, что коммиссія (слѣдственная) дѣйствуетъ правильно и безпристрастно“...

Тѣмъ не менѣе, въ сенатѣ, куда законченное дѣло поступило послѣ многолѣтняго слѣдствія, обвиненіе нашло благопріятную почву. Фактъ существованія ретуальныхъ преступленій былъ признанъ, хотя и отнесенъ не за счетъ всего еврейства, а только неизвѣстной секты; всѣ привлеченные были признаны виновными, и разногласіе между сенаторами-судьями исчерпывалось вопросомъ о мѣрѣ наказанія. Только вмѣшательство, сначала гр. Панина, а затѣмъ, когда дѣло, вслѣдствіе разногласія въ сенатѣ, перешло на разсмотрѣніе государственнаго совѣта, графа Мордвинова измѣнило положеніе вещей: первый, тщательно разобравшись въ судебныхъ данныхъ, разрушилъ обвиненіе съ чисто-судебной точки зрѣнія (въ отношеніи къ привлеченнымъ лицамъ), а второй взялъ на себя трудъ разобраться въ общемъ вопросѣ о существованіи среди евреевъ ритуальныхъ преступленій. Департаментъ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, предсѣдателемъ котораго состоялъ Мордвиновъ, хотя и полагалъ, какъ гласила докладная записка департамента, что „при настоящемъ состояніи просвѣщенія, дѣло сіе (велижское) не долженствовало бы входить въ кругъ предметовъ судебнаго разсмотрѣнія, но такъ какъ такое „разсмотрѣніе“ было фактомъ (возможнымъ даже для сенаторовъ), то „гражданскій департаментъ вмѣнилъ себѣ въ обязанность разсмотрѣть всѣ обстоятельства онаго съ подробностью и полнымъ вниманіемъ, *дабы такимъ образомъ положить конецъ предубѣжденію, наносящему укоризну просвѣщенному вѣку*“. Общее собраніе государственнаго совѣта не приняло только одного предложенія графа Мордвинова: о государственномъ вознагражденіи оправданныхъ евреевъ, въ качествѣ пострадавшихъ при явномъ отсутствіи вины. Въ остальномъ „велижская драма“, если не считать умершихъ въ тюрьмѣ, кончилась „благополучно“. Велижскимъ евреямъ разрѣшено было вновь молиться не только въ одиночку, но и сообща.

Во всемъ этомъ современному читателю кажется страннымъ только наличность въ николаевской Россіи государственныхъ людей, которымъ существенно важно было, чтобы ихъ родина не наносила „укоризны просвѣщенному вѣку“. Все остальное, если не по буквѣ, то по духу, свѣжо, какъ будто бы вчера было... То же правосудіе, тѣ же дикія легенды о невѣдомыхъ никому

евреяхъ сектантахъ-убійцахъ христіанъ, находящія распространеніе среди профессорскаго персонала (въ этомъ намъ пришлось убѣдиться лично) и даже среди органовъ печати, если считать органомъ печати, напр., „Новое Время". Разница только въ отсутствіи Мордвиновыхъ.

М. Г. Блоквадзе. Исповѣдь адвоката. II-ое (?) изд. Кіевъ, 1904.

Если вы хотите обогатить литературу новымъ произведеніемъ и при этомъ не гонитесь за лаврами, а ставите себѣ болѣе скромныя и болѣе реальныя цѣли, то послѣдуйте примѣру г. М. Блоквадзе. Придумайте пикантный заголовокъ, способный заинтриговать читателя нѣкоторой таинственностью: „исповѣдь", „откровенныя признанія" или что-нибудь къ этомъ родѣ. Затѣмъ наберите дюжину истинныхъ происшествій, изъ которыхъ половина можетъ даже не имѣть никакого отношенія къ вашей темѣ, а если и это вамъ не подъ силу, то просто сочините ихъ, обозначивъ дѣйствующихъ лицъ вымышленными именами, а мѣсто дѣйствія—какимъ-нибудь иниціаломъ или буквой N. Надергайте полъ-дюжины цитатъ изъ первыхъ попавшихся подъ руку авторовъ и при этомъ не стѣсняйтесь: если, напр., вы говорите о Россіи, а цитаты будутъ относиться къ Франціи или Германіи,—это не бѣда; или если вы разсуждаете, напр., о присяжной адвокатурѣ, а въ подвернувшейся вамъ выдержкѣ рѣчь идетъ о магистратурѣ,—равнымъ образомъ не смущайтесь ни въ какомъ случаѣ, ибо ничто не мѣшаетъ вамъ сказать, что, дескать „это отчасти примѣнимо и ко многимъ адвокатамъ". Ваши „факты" должны быть по возможности вопіющіе: кража адвокатомъ документа изъ канцеляріи суда, обманъ суда, предательство относительно кліента и т. п. Ударяя себя въ грудь, вы должны вопить,—обязательно суконнымъ языкомъ,—что воровство и мошенничество гнусны, а сдираніе шкуры съ человѣка—отвратительно. Если при этомъ вамъ вспомнится прискорбный случай изъ собственной практики, когда вы сами хотѣли, для взысканія долга съ отвѣтчика, „описать все, даже лишній его костюмъ", а жертва ускользнула отъ васъ, благодаря вѣроломству вашего коллеги,—тѣмъ лучше: это придастъ вашему изложенію неподдѣльный пафосъ, котораго въ литературномъ произведеніи ничто замѣнить не можетъ. Въ качествѣ *бывшаго* адвоката вы можете безбоязненно цитировать по газетѣ „Новости" слова Фридриха-Вильгельма I изъ указа 1793 года: „Адвокатовъ и имъ подобныхъ людей, которые подговариваютъ мирныхъ и спокойныхъ обывателей къ сутяжничеству, вѣшать безъ суда",—и при этомъ вполнѣ умѣстно выразите „сожалѣніе", что „означенная газета имѣла въ виду лишь подпольныхъ адвокатовъ". Почерпая свои ученые рессурсы изъ газетъ, вы можете бичевать невѣжество

адвокатовъ, тѣмъ болѣе непозволительное, что „адвокату нужно знать сущность всѣхъ предметовъ, подлежащихъ научному изслѣдованію (sic!), имѣть ясное понятіе обо всѣхъ явленіяхъ". И счастливымъ образцомъ такого знанія сущности всѣхъ предметовъ сможетъ послужить ваше собственное мнѣніе, что всѣ „истцы" суть „потерпѣвшіе граждане". Вообще вы должны обладать тѣмъ апломбомъ, который дается большимъ невѣжествомъ и малой грамотностью,—иначе вамъ никогда не написать такого произведенія. Если же у васъ есть эти качества, въ соединеніи съ соотвѣтствующей предпріимчивостью, то вы не только напишете его, но и благополучно напечатаете, помѣтите его II-мъ изданіемъ такъ, чтобы нельзя было разобрать, второе оно или одиннадцатое, на обложкѣ изобразите: впереди—эпиграфъ изъ Толстого, а сзади—„цѣна 60 коп."... И ваше дѣло въ шляпѣ.

Е. В. Бѣлявскій. Педагогическія воспоминанія. Москва. 1905.

Въ ожиданіи общаго и коренного обновленія русской жизни, затихли разговоры объ отдѣльныхъ реформахъ, какъ ни казались онѣ настоятельны. Среди этихъ реформъ на первомъ планѣ обновленіе средней школы; это невниманіе было бы не такъ страшно, если бы вмѣстѣ съ общественнымъ обсужденіемъ школьнаго дѣла пріостановились также чиновничьи попытки создать какія-то новыя условія его постановки. Но разъ пущенная въ ходъ машина чиновничьихъ обсужденій и рѣшеній продолжаетъ свою работу; что-то обсуждается, что-то,—конечно, безъ вѣдома общества — предпринимается, вѣроятно, за всѣмъ этимъ послѣдуютъ соотвѣтственныя рѣшенія. Въ этихъ условіяхъ, особенно своевременно нелицепріятное свидѣтельство о старомъ школьномъ режимѣ, представленное столь компетентнымъ и несклоннымъ къ обличеніямъ лицомъ, какъ авторъ лежащихъ предъ нами педагогическихъ воспоминаній. Два свойства сближаютъ среднюю школу прошедшаго сорокалѣтія съ той, которую обѣщаетъ намъ предстоящая реформа: во-первыхъ, она была также результатомъ канцелярскаго творчества; во-вторыхъ, она также имѣла въ виду не просвѣтительныя, а политическія цѣли. Книга Е. В. Бѣлявскаго даетъ цѣнные матеріалы для сужденія о томъ, что изъ этого вышло. Съ половины шестидесятыхъ годовъ до начала девятисотыхъ онъ былъ учителемъ, инспекторомъ, потомъ директоромъ гимназіи. Онъ былъ въ эту эпоху однимъ изъ тѣхъ необычайныхъ, исключительныхъ педагоговъ, которые, не навлекая на себя гнѣва начальства, пользовались любовью и уваженіемъ учениковъ. Его политическое міровоззрѣніе можно назвать по преимуществу почтительнымъ. Достаточно сказать, что о своемъ назначеніи на должность члена совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати онъ пишетъ въ своихъ воспомина-

ніяхъ слѣдующее: „въ предстоящей перемѣнѣ службы меня сильно ободряло то, что я буду на ней имѣть дѣло съ литературой, которою, въ качествѣ преподавателя словесности, занимался все время своей службы, ободряло и то, что предшественниками моими были такія лица, какъ знаменитый романистъ Н. А. Гончаровъ, поэты Тютчевъ и Майковъ“. Какъ говорится, комментаріи излишни. Тѣмъ цѣннѣе, конечно, свѣдѣнія, сообщаемыя старымъ педагогомъ.

Онъ былъ словесникомъ и преподавалъ въ военной гимназіи, когда ему предложили „разбирать произведенія словесности не со стороны ихъ содержанія, а только со стороны стиля“. Это было прямо подсказано статьями „Московскихъ Вѣдомостей“, нашедшихъ, что „преподаваніе русской словесности болѣе всего развращаетъ юношество, сбивая его съ толку зловредными идеями“. На совѣтѣ авторъ воспоминаній пытался выяснить всю нелѣпость этого требованія, но остался почти въ одиночествѣ — и нашелъ въ себѣ смѣлость отказаться отъ уроковъ. Въ классической гимназіи, — хотя это было до реформы 1871 года, въ серединѣ шестидесятыхъ годовъ, — было не лучше. „Учителя, какъ и всѣ чиновники, должны были брить усы, а также пробривать и бороду дорожкой посрединѣ“. Авторъ попытался исполнить требованіе начальства, но получилъ такой чудовищный видъ, что пугалъ дѣтей. Онъ рѣшилъ не бриться, но попечитель учебнаго округа, генералъ Левшинъ, сказалъ директору: „я его на барабанѣ обрѣю“. Помощникъ попечителя князь Мещерскій, „внукъ исторіографа Карамзина, считалъ неприличнымъ для себя подавать руку учителю, когда онъ входилъ въ классъ“. Учителямъ пришлось проучить князя: они не встали, когда онъ пришелъ на экзаменъ. „Будь такая штука позднѣе, въ министерство гр. Толстого, вѣроятно, она худо бы для насъ кончилась, да и для всей гимназіи, а тутъ ничего, только послѣ этого князь сталъ подавать руку учителямъ“. Онъ же, ставъ попечителемъ, по поводу стиховъ Пушкина „такъ тяжкій млатъ, дробя стекло, куетъ булатъ“, простодушно спрашивалъ автора: „скажите, пожалуйста, какъ вы понимаете это мѣсто? объясните мнѣ технически, какимъ образомъ изъ битья стекла долженъ выйти булатъ?“

Шестидесятые годы всетаки оставили отрадное воспоминаніе въ учительской карьерѣ автора. „Легко дышалось въ гимназіи; міръ юности, дѣйствительно, былъ свѣтлый, не подавленный, и учитель дышалъ свободно, не угнетенный массой правилъ, циркуляровъ, предписаній, которые не даютъ ступать свободно... Любви къ наукѣ, къ образованію въ это время положительно больше было въ ученикахъ, чѣмъ послѣ введенія толстовской реформы; поэтому и развитіе ученика шло сильно и своеобразно“. Авторъ разсказываетъ о классѣ, гдѣ первымъ ученикомъ былъ Н. И. Карѣевъ, вторымъ—Влад. Соловьевъ.

Затѣмъ пришла „оздоровляющая“ реформа Толстого. Говорить объ общемъ значеніи этой „злой системы“ авторъ отказывается, но факты, сообщаемые имъ, достаточно краснорѣчивы. „Устройство гимназій было таково, что оно само, поддерживая внѣшнимъ образомъ классиковъ, внутреннимъ образомъ подрывало это значеніе. Пришлось прибѣгать къ грознымъ мѣрамъ для поддержанія классицизма. Начались разгромы гимназій одной за другой“. Нѣсколько примѣровъ авторъ приводитъ. „Инспекторъ и нѣкоторые преподаватели (второй московской гимназіи), недовольные не совсѣмъ благовиднымъ образомъ дѣйствій одного изъ преподавателей, рѣшили отстраниться отъ него и не подавали ему руки. Но этотъ преподаватель былъ классикъ, переводчикъ греческой грамматики Курціуса, знакомый Каткову и Леонтьеву“. Гимназію рѣшили разгромить, „*тѣмъ болѣе*“, что директоромъ въ ней былъ естествовѣдъ (впослѣдствіи директоръ Петровской академіи въ Москвѣ), а инспекторомъ — извѣстный педагогъ В. И. Шереметевскій. „Система“ въ педагогахъ, да еще извѣстныхъ, не нуждалась; инспектора удалили, учителей перемѣстили, директоръ самъ ушелъ. Въ третьей гимназіи уволили по 3-му пункту директора за то, что ученики на испытаніи зрѣлости списали латинскую работу. Въ четвертой — директора заставили уйти за такой случай: въ классъ пришелъ съ директоромъ попечитель; стульевъ въ классѣ два, а имѣющихъ претензію на стулъ, вмѣстѣ съ преподавателемъ, трое. Попечитель положилъ на одинъ изъ стульевъ свою шляпу и стоялъ; стояли, конечно, и ученики, и такъ продолжался урокъ. Когда попечитель съ директоромъ вышли, одинъ изъ учениковъ сказалъ: „всѣ стояли, а шляпа сидѣла“. Послѣдовалъ взрывъ хохота, за которымъ вылетѣли изъ гимназіи учитель и директоръ. „Еще энергичнѣе творились разгромы въ провинціи. Объ этомъ, конечно, не публиковалось, но до меня доходили извѣстія вопіющія и вѣрныя“.

Въ результатѣ образовалась какая-то оргія взаимнаго шпіонства, доносовъ и недовѣрія, производящая впечатлѣніе тягостнаго кошмара. Система коверкала людей; лучшія намѣренія сводились на нѣтъ: „Что-то какъ будто въ атмосферѣ педагогической было убивающее у людей чувство любви, жалости, состраданія“. Было нѣчто безконечно наивное въ тѣхъ грубыхъ и гнусныхъ средствахъ, которыми система разсчитывала достигнуть своихъ цѣлей: какое-то удивительное презрѣніе къ человѣку—и все ради недостижимаго фантома казенной благонамѣренности. Составляя списокъ книгъ для библіотеки тверской гимназіи, авторъ внесъ въ него сочиненіе Шиллера; но предсѣдатель библіотечной коммиссіи ополчился: „Зачѣмъ Шиллера? Воспитаніе и образованіе должно быть въ народномъ духѣ, а тутъ Шиллера! Мельниковъ (Печерскій) выше Шиллера, онъ можетъ вполнѣ и съ большой

выгодой замѣнить Шиллера". Члены коммиссіи не осмѣлились прекословить предсѣдателю. Такъ Шиллеръ и провалился въ Твери...

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ. Взрывъ общественнаго негодованія осудилъ „злую систему" съ такой силой и такимъ рѣдкимъ единодушіемъ, что, казалось, не только дни, но минуты ея сочтены. А между тѣмъ едва ли кто-либо рѣшится сказать, что наша средняя школа ступила на путь здороваго развитія. Очевидно, нужна новая трата общественныхъ силъ, новое возбужденіе, новыя обличенія. Среди нихъ сыграетъ роль поучительная книга г. Бѣлявскаго.

Записки И. Д. Якушкина. Москва, 1905 г.

Уже сто лѣтъ почти бѣжитъ тотъ освободительный потокъ, который долженъ размыть, въ концѣ концовъ, историческія плотины, перегораживающія русло русской исторіи и уже давно отжившія свой вѣкъ, и который теперь все шире, все вольнѣе, все могучѣе разливается по русской равнинѣ. „Записки И. Д. Якушкина" переносятъ насъ почти къ истокамъ этого потока. Авторъ былъ декабристъ. Онъ пережилъ всѣ страданія, которыя выпали на долю первыхъ борцовъ освободительнаго движенія, но онъ сохранилъ свой духъ свѣжимъ и крѣпкимъ, какимъ тотъ былъ въ дни его молодости, когда мысль юноши впервые начала останавливаться надъ негодностью существующаго строя, искать выхода для народа изъ невозможно тяжелыхъ условій, въ которыя его ставили правящіе классы.

„Записки" И. Д. Якушкина дышатъ глубокой искренностью. Въ этомъ ихъ главная прелесть. Онъ нигдѣ не пытается стать на ходули. Онъ съ вдумчивой строгостью относится къ другимъ (см. напр., стр. 95: „только при появленіи моемъ въ комитетѣ я вполнѣ понялъ, что, доставивши мнѣ письмо отъ жены, меня хотѣли поймать въ ловушку; я смотрѣлъ на всѣхъ членовъ коммиссіи съ какимъ-то омерзѣніемъ"), но и съ суровою правдою слѣдитъ за всѣми изгибами своей души („тюрьма, желѣзо и другого рода истязанья произвели свое дѣйствіе, они развратили меня. Отсюда начался цѣлый рядъ сдѣлокъ съ самимъ собой, цѣлый рядъ придуманныхъ мною же софизмовъ"). Это серьезное отношеніе къ своему труду, сознаніе отвѣтственности принятой на себя задачи—помочь новымъ поколѣніямъ разобраться въ одномъ изъ важнѣйшихъ актовъ русской исторіи—кладетъ отпечатокъ нѣкоторой сухости на все изложеніе. Мѣстами записки эти обращаются въ лѣтопись страданій первыхъ борцовъ за свободу народа. Но были моменты въ жизни автора, относительно которыхъ онъ не былъ въ силахъ сохранить это эпическое спокойствіе; тогда разсказъ блещетъ и яркостью красокъ, и образностью

языка, и драматичностью изложенія. Такова вся вторая часть, посвященная пребыванію въ Петропавловской крѣпости, слѣдствію и суду.

Тяжесть и жестокость удара, обрушившагося на декабристовъ, въ значительной степени объясняется тѣмъ, что здѣсь, у истоковъ освободительнаго движенія, революціонныя силы страны и императорская власть стали лицомъ къ лицу. Это положеніе лучше всего, намъ кажется, можно иллюстрировать слѣдующимъ отрывкомъ, взятымъ изъ „Записокъ".

„Вselect ломбернаго стола стоялъ новый императоръ. Онъ сказалъ мнѣ, чтобы я подошелъ ближе, и началъ такимъ образомъ:

— Вы нарушили присягу?

— Виноватъ, государь.

— Что васъ ожидаетъ на томъ свѣтѣ? Проклятіе. Мнѣніе людей вы можете презирать, но что ожидаетъ васъ на томъ свѣтѣ, должно васъ ужаснуть. Впрочемъ, я не хочу васъ окончательно губить: я пришлю къ вамъ священника. Что же вы мнѣ ничего не отвѣчаете?

— Что вамъ угодно, государь, отъ меня?

— Я, кажется, говорю вамъ довольно ясно; если вы не хотите губить ваше семейство и чтобы съ вами обращались, какъ съ свиньей, то вы должны по всемъ признаться.

— Я далъ слово не называть никого; все же, что зналъ про себя, я уже сказалъ его превосходительству,—отвѣтилъ я, указывая на Левашова, стоящаго поодаль въ почтительномъ положеніи.

— Что вы мнѣ съ его превосходительствомъ и съ вашимъ мерзкимъ честнымъ словомъ!

— Назвать, государь, я никого не могу.

Новый императоръ отскочилъ три шага назадъ, протянулъ ко мнѣ руку и сказалъ: „заковать его такъ, чтобы онъ шевельнуться не могъ"...

Слова императора оказались, конечно, не простой угрозой, и декабристамъ, повторяемъ, почти въ теченіе всей своей жизни приходилось чувствовать на себѣ всю силу удара, который направилъ на ихъ головы тогда императоръ Николай.

Всякое произведеніе въ родѣ „Записки" И. Д. Якушкина для насъ, русскихъ, имѣетъ особенно большое значеніе въ виду того, что, когда наступитъ время разобраться въ текущей и только что минувшей дѣйствительности, русскій изслѣдователь будетъ почти лишенъ соотвѣтственныхъ матеріаловъ. Въ самомъ дѣлѣ, за русскимъ освободительнымъ движеніемъ наша всемогущая бюрократія не признавала даже права на имя общественнаго движенія. Для нея это было просто крамола, которую слѣдовало раздавить, а изучать... слишкомъ много чести. Результаты такого положенія дѣлъ на лицо.—Если историку придется пользоваться

только оффиціальными актами, то элементарная добросовѣстность не позволитъ ему по этимъ источникамъ набросать картину того или другого момента общественной жизни, такъ какъ ко многимъ изъ этихъ документовъ вполнѣ приложима характеристика, сдѣланная И. Д. Якушкинымъ о докладѣ слѣдственнаго комитета по дѣлу декабристовъ. „Для достиженія своей цѣли,—говоритъ онъ,— члены комитета нашли удобнымъ при составленіи доклада, опираясь безпрестанно на собственныя признанія и показанія подсудимыхъ, помѣстить въ своемъ донесеніи только то изъ этихъ признаній и показаній, что бросало тѣнь на тайное общество и представляло членовъ его въ смѣшномъ или отвратительномъ видѣ, умалчивая о томъ, что могло бы возбудить къ нимъ сочувствіе“... Гдѣ же тутъ отыскать историческую правду?

Такимъ образомъ, „Записки“ И. Д. Якушкина имѣютъ большое значеніе и историческое, и литературное.

Аф. Петрищевъ. Замѣтки учителя. Спб. 1905 г. Изд. т-ва „Знаніе“.

„Педагогика является слугою политики“, съ грустью резюмируетъ авторъ положеніе нашей школы. И какой политики!.. Въ другомъ мѣстѣ онъ указываетъ на ту путаницу понятій, которая царитъ въ слабыхъ головахъ большинства руководителей нашихъ учебныхъ заведеній. Наиболѣе популярная педагогическая теорія утверждаетъ, что школа должна учить вѣчнымъ истинамъ и не считаться съ преходящими политическими модами. Школа поэтому „обязана держаться началъ охранительныхъ, т. е. консервативныхъ, и другихъ началъ, кромѣ консервативныхъ, для нея не существуетъ и существовать не можетъ“...

„Само по себѣ“, замѣчаетъ нашъ авторъ,—„это ученье было бы достаточно вѣскимъ, какъ и другія серьезныя ученія; но въ его основѣ лежитъ каламбуръ: оно говоритъ о консерватизмѣ, какъ методѣ дѣйствій, а имѣетъ въ виду консерватизмъ, какъ боевую политическую партію, программа которой формулируется кратко, но выразительно: „Искоренимъ реформы шестидесятыхъ годовъ“. На практикѣ это логическое противорѣчіе, конечно, вскрывается и ученіе, излагаемое „педагогикой“, пріобрѣтаетъ вполнѣ точный смыслъ: „Учитель долженъ слѣдовать указаніямъ „консервативныхъ“ органовъ печати, т. е. „Московскихъ Вѣдомостей“, „Гражданина“, „Русскаго Вѣстника“ и т. п.

Можно себѣ представить, во что обращается наше школьное дѣло въ результатѣ подобнаго руководительства! О нашемъ школьномъ нестроеніи вопіетъ сама жизнь. Нынѣшній годъ принесъ съ собою въ этомъ отношеніи такую массу самыхъ разнообразныхъ фактовъ, что они, несомнѣнно, въ изобиліи на памяти у каждаго читателя повседневной прессы. Заслуга г. Петрищева заключается

въ томъ, что онъ шагъ за шагомъ прослѣживаетъ, какъ изъ года въ годъ, при благосклонномъ участіи административнаго произвола, накоплялись всѣ эти несообразности, какъ нагромождалась эта вавилонская башня всевозможныхъ нелѣпостей и противорѣчій. И въ этомъ отношеніи авторъ проявляетъ чрезвычайную добросовѣстность и даже кропотливость: онъ не оставляетъ безъ тщательнаго осмотра ни одного темнаго уголка печальнаго храма нашей науки и просвѣщенія; отбрасывая всякую брезгливость, онъ твердой рукой перерываетъ всю пыль, всю паутину, накоплявшуюся тамъ десятки лѣтъ. Учитель, его матеріальное положеніе, его подготовка, его общественное и служебное положеніе, школьныя и народныя библіотеки, надзоръ за школьнымъ дѣломъ и школьными программами, школьная дисциплина, религіозно-нравственное воспитаніе въ школѣ, національный вопросъ въ школѣ и современные учебники и еще цѣлый рядъ болѣе второстепенныхъ вопросовъ являются темами для замѣтокъ г. Петрищева. Надо прибавить, что замѣтки эти написаны очень живо и ярко. Большая личная практика въ области педагогической дѣятельности и продолжительная журнальная и газетная работа предоставили въ распоряженіе автора такой огромный запасъ конкретныхъ фактовъ, что онъ щедрой рукой иллюстрируетъ ими каждое свое положеніе, каждое свое обобщеніе. Этотъ способъ изложенія дѣлаетъ книгу легкой и доступной для широкихъ круговъ читающей публики... Впрочемъ, значительная часть этихъ очерковъ должна быть извѣстна читателю „Русскаго Богатства“, такъ какъ была помѣщена въ нашемъ журналѣ.

Г. Ф. Шершеневичъ, проф. Казанскаго университета. **Земскій соборъ**, публичная лекція, прочитанная 15 марта 1905 г. въ Казани. Казань, 1905 г. — **М. Клочковъ. Земскіе соборы въ старину.** Изд. „Общественной Пользы“. Спб. 1905 г. — **В. В. Водовозовъ. Всеобщее избирательное право на Западѣ.** Изд. „Донской Рѣчи“—, **Ф. Мускатблитъ. Народное представительство**, съ предисловіемъ А. С. Изгоева. Изд. Вл. Распопова. Одесса. 1905 г.—**Что такое земскій соборъ?** Изд. Н. М. Лагова. Спб. 1905 г.

Событія послѣднихъ дней вырвали у докучной исторіи одно существенное право,—право говорить и писать о представительномъ правленіи. Еще совсѣмъ недавно всѣ вопросы этой категоріи были запретнымъ плодомъ и хранились подъ безчисленными цензурными печатями, за безчисленными замками. Въ настоящій моментъ потребность уяснить себѣ различныя стороны организаціи и дѣйствія представительнаго правленія настолько велика въ русскомъ обществѣ, что за разъясненіями и поученіями въ этой области тянутся не только широкіе круги нашихъ интеллиген-

товъ, но и обширныя массы просто грамотнаго люда. Такимъ образомъ, чувствуется неотступная необходимость въ соотвѣтствующей популярной литературѣ по даннымъ вопросамъ. Названныя выше брошюры и должны, повидимому, отвѣчать этой назрѣвшей потребности русской жизни.

Начнемъ съ брошюры В. В. Водовозова. Она, прежде всего, выгодно выдѣляется умѣньемъ точно и опредѣленно поставить вопросъ, предназначенный для широкой популяризаціи. Этимъ умѣньемъ въ значительной степени опредѣляется удача или неудача популярной работы. У нашего автора тема для небольшого очерка опредѣляется очень точно: „Всеобщее избирательное право". Но въ самомъ изложеніи онъ ограничиваетъ себя еще больше: онъ останавливается исключительно лишь на принципіальныхъ вопросахъ избирательнаго права и совершенно не касается его технической стороны. Въ указанныхъ рамкахъ работа исполнена вполнѣ хорошо. Можно указать лишь нѣкоторые второстепенные пробѣлы, на которые желательно было бы обратить вниманіе автора при слѣдующихъ изданіяхъ этой полезной брошюрки. Такъ, въ числѣ элементовъ, ограничивающихъ активное избирательное право, не указано требованіе (имѣющее мѣсто въ нѣкоторыхъ конституціяхъ), чтобы избиратель не пользовался общественной помощью. Несправедливость этого требованія по отношенію къ рабочему классу при кризисахъ современной промышленности слишкомъ велика, чтобы съ ней не считаться въ популярномъ очеркѣ о всеобщемъ избирательномъ правѣ. Нельзя, дальше, не пожалѣть о томъ, что авторъ сохранилъ слишкомъ эпическое спокойствіе въ вопросѣ объ активномъ избирательномъ правѣ для женщинъ. Приведя рядъ соображеній за и противъ него, г. Водовозовъ оставляетъ читателя безпомощно барахтаться въ этомъ ворохѣ противорѣчивыхъ соображеній. Приходится сожалѣть также о томъ, что на стр. 9, гдѣ авторъ приводитъ доводы противъ распространенія всеобщаго избирательнаго права на дикарей, онъ ни словомъ не обмолвился о новозеландской конституціи, которая даровала это право маори, бывшимъ всего какихъ-нибудь 50 лѣтъ тому назадъ типичнѣйшими людоѣдами,—тѣмъ болѣе, что опытъ этотъ оказался удачнымъ. Но все это, конечно, сравнительно мелкія поправки. Главный же недостатокъ брошюры: это трудность языка и изложенія. Для широкихъ народныхъ массъ она поэтому совершенно не годится.

Брошюра г. Мускатблита написана гораздо проще, но за то она отличается крайней неопредѣленностью въ самой постановкѣ темы: „Народное представительство". Вѣдь подъ это понятіе подходитъ и избирательное право, и законодательная процедура, и взаимоотношенія между короной и народными избранниками. Эта неясность въ постановкѣ темы невыгодно отразилась на

конструкціи всей брошюры... Обо всемъ сказано понемногу, но недостаточно. Возьмемъ хотя бы вопросъ о конституціонализмѣ и парламентаризмѣ. Авторъ останавливается здѣсь лишь надъ вопросомъ о томъ, передъ кѣмъ отвѣтственно министерство: передъ короной или народными избранниками, но ничего не говоритъ о бюджетномъ правѣ. А между тѣмъ это такое важное орудіе въ рукахъ народныхъ представителей, особенно, если это бюджетное право у палаты не является иллюзорнымъ. На другихъ, менѣе существенныхъ, промахахъ останавливаться мы здѣсь не будемъ. Замѣтимъ только, что брошюра переполнена общими разсужденіями и почти не даетъ фактическаго матеріала, а это безусловно крупный недостатокъ для популярной работы, особенно, если она предназначена для самыхъ низовъ читательскаго міра.

По мѣрѣ того, какъ сталъ выростать интересъ къ вопросамъ избирательнаго права, оживился, повидимому, интересъ и къ нашимъ земскимъ соборамъ, которые, одно время, тоже были запретнымъ плодомъ для нашей публицистики. Брошюра г. М. Клочкова въ дѣлѣ популяризаціи даннаго явленія русской жизни можетъ сослужить очень хорошую службу, благодаря обстоятельному изложенію при небольшихъ размѣрахъ отдѣльныхъ главокъ. Тщательно выяснена научная цѣнность матеріаловъ, положенныхъ въ основу рѣшенія различныхъ вопросовъ, связанныхъ съ темой. Указаны различныя точки зрѣнія ученыхъ на данный предметъ. Въ общемъ, авторъ относится къ земскимъ соборамъ отрицательно: „земскіе соборы—дѣла давно минувшихъ дней: они жили и умерли, наглядно показавши собою все свое несовершенство, а подъ конецъ и непригодность“... Изложеніе—простое и живое. Его можно рекомендовать самой широкой публикѣ.

Просто и общедоступно написана и брошюрка, изданная Н. М. Лаговымъ: „Что такое земскій соборъ?“ Въ предисловіи къ ней сказано, что въ этой работѣ „собраны и приведены въ систему лишь главнѣйшія, наиболѣе яркія и характерныя данныя о соборахъ, съ возможной полнотой рисующія это учрежденіе во всѣхъ фазисахъ его существованія“. Авторъ, однако, не показываетъ намъ, чѣмъ онъ руководился при выборѣ „главнѣйшихъ, наиболѣе яркихъ и характерныхъ данныхъ“... И вопросъ о земскихъ соборахъ, въ концѣ концовъ, рѣшается имъ слишкомъ субъективно: учрежденію этому отводится слишкомъ большая историческая роль. Но за то предметъ въ данной брошюрѣ рѣзче расчлененъ, а потому и легче усваивается.

Совершенно особо отъ названныхъ брошюръ стоитъ лекція проф. Шершеневича (стоющая, кстати сказать, очень дорого: 50 к.). Наиболѣе любопытной является въ ней вторая половина, гдѣ авторъ подвергаетъ анализу извѣстный рескриптъ 18 февраля и

оказываетъ, что этимъ государственнымъ документомъ безусловно устанавливается созывъ народныхъ представителей для планомѣрной парламентской работы. Самъ авторъ—сторонникъ всеобщаго и прямого голосованія, но находитъ его пока,—на первые пять-шесть лѣтъ, — непримѣнимымъ къ русской жизни, въ виду чрезвычайной сложности проведенія этого принципа въ русскую жизнь и въ виду неотложной необходимости собрать народныхъ представителей въ возможно непродолжительный срокъ, для разрѣшенія совершенно запутавшихся вопросовъ внутренней и внѣшней жизни. Первая часть брошюры посвящена у автора земскимъ соборамъ древней Руси, которые онъ немного идеализируетъ и въ которыхъ видитъ историческихъ предтечъ грядущаго представительнаго правленія.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала *не продаются.* Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Сборникъ т-ва „Знаніе“ за 1905 г. Книга шестая. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Семенъ Юшкевичъ. Разсказы. Томъ второй. Изд. т-ва „Знаніе“. Спб. 1905. Ц. 1 р.

А. Н. Вознесенскій (Усталый). Пѣсни молчанія. М. 1905. Ц. 1 р.

М. Арцыбашевъ. Разсказы. Т. I. Изд. С. Скирмунта. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Полное собраніе сочиненій ***Гергарта Гауптмана.*** Изд. С. Скирмунта. М. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Оскаръ Уайльдъ. De profundis. Перев. Ек. Андреевой. Изд. „Грифъ“. М. 1905. Ц. 1 р. 25 к.

Анна Радклифъ. Удольфскія тайны. Романъ. Перев. съ англ. Л. Гей. Изд. А. С. Суворина. Спб. 1905. Ц. за два тома 3 р.

И. Т. Коноревъ. Саввушка. Повѣсть. Дешевая библіотека А. С. Суворина. Спб. 1905. Ц. 15 к.

Сѣверные цвѣты ассирійскіе. Альманахъ IV. Изд. „Скорпіонъ“. М. 1905. Ц. 6 р.

Двѣ книги: книга любви и книга поэта. Стихотворенія ***Н. Я. Искенееe-Емельянова.*** Кутаисъ. 1905. Ц. 1 р.

Стихотворенія ***А. К.*** Спб. 1905. Ц. 1 р.

Робкіе звуки. Стих. ***Ольги Лье.*** Спб. 1904. Ц. 1 р.

Евгеній Мазепинъ. Два разсказа: Торговцы и Фельдшеръ. Изд. А. Б. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Поволжье. Сборникъ. Подъ ред. А. Я. Лопуховскаго. Саратовъ. 1905.

К. П. Злинченко. Лакей. Разсказъ. Изд. В. Распопова. Одесса. 1905. Ц. 3 к.

А. Өедоровъ. Земля. Романъ. Изд. С. Скирмунта. М. 1905. Ц. 1 р.

Сборникъ молодыхъ писателей. Изд. Я. Левенштейнъ и О. С. Іодко. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Станиславъ Пшибышевскій. Собраніе соч. Книга 2-ая. Изд. „Скорпіонъ“. М. 1905. Ц. 2 р. 40 к.

В. Пуришкевичъ. За кѣмъ? Пьеса въ одномъ дѣйствіи. 2-ое изд. Спб. 1905. Ц. 30 к.

Свящ. ***К. С. Стефановичъ.*** Наболѣвшее сердце. М. 1905. Ц. 30 к.

Стихотворенія о русско-японской войнѣ. Іеродіакона ***Өеофиланкта Куницына.*** Воронежъ. 1904. Ц. 8 к.

Н. П. Карабчевскій. Приподнятая завѣса. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

В. Анучинъ. Сказанія. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1905. Ц. 50 к.

Бригъ „Эммануилъ". Русскій на французскомъ кораблѣ. Дневникъ ***Александра Кара.*** 2-ое изд. Одесса. 1905. Ц. 1 р. 20 к.

О. А. Елецъ. Изъ моихъ скитаній. Спб. 1935. Ц. 1 р.

По азіатской и европейской Турціи. ***Г. Гроте.*** Перев. О. Романовой. Подъ ред. С. Григорьева. М. 1904.

П. Ю. Шмидтъ. Островъ изгнанія (Сахалинъ). Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1905. Ц. 30 к.

Ф. Мускатблитъ. Битва при Ляоянѣ. Критическій очеркъ. Изд. Е П. Распопопова. Одесса. 1905. Ц. 30 к.

I. Скартаццини. Данте. Перев. А. Введенской и со вступ. статьей проф. Д. К. Петрова. Спб. 1905. Ц. 1 р. 20 к.

Критическая литература о произведеніяхъ М. Е. Салтыкова-Щедрина. Съ портретомъ и біограф. очеркомъ, написанномъ ***Н. Денисюкъ.*** Вып. I, (1856—1863 г.г.) М. 1905. Ц. 1 р.

А. Ермоловъ. Народная сельскохозяйственная мудрость въ пословицахъ, поговоркахъ и примѣтахъ. Т. IV. Спб. 1905. Ц. 2 р. 50 к.

Алексѣй Мошинъ. Краткая критико-біограф. замѣтка. Изд. Ан. К—ръ. Спб. 1905. Ц. 10 к.

О. Маргильеръ. Альбрехтъ Дюреръ. Критическая біографія. Великіе художники, ихъ жизнь, ихъ произведенія. Изд. А. С. Суворина. Спб. 1905.

Georges Pillissier. Etudes de Littérature et de Morale contemporaines. Paris. 1905. Prix. 3 fr. 50 к.

Г. П. Задера. Медицинскіе дѣятели. А. П. Чехова въ оцѣнкѣ д-ра М. А. Штерна. Изданіе „Медицинскаго журнала" д-ра Окса. Спб. 1905. Ц. 15 к.

Ѳ. А. Кудринскій. Екатерина II и раздѣлъ Польши. Вильна. 1905.

Изъ исторіи общественныхъ теченій въ Россіи. Статьи ***М. В Довнаръ-Запольскаго.*** Изд. А. П. Сапунова. Кіевъ. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

П. П. Мельгуновъ. Очерки по исторіи русской торговли IIX—XVII вв. Изд. магаз. „Сотрудникъ школъ". М. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Карлъ Марксъ. Рѣчь о свободѣ торговли. Изд. Е. М. Алексѣевой. Одесса. 1905. Ц. 15 к.

Карлъ Марксъ. Нищета философіи. Съ прим. и предисл. Фр. Энгельса. Перев. съ франц. С. А. Алексѣева. Одеесса. 1905. Ц. 65 к.

Сочиненія ***Н. Г. Чернышевскаго.*** Статьи по крестьянскому вопросу. Изд. М. Н. Чернышевскаго. Спб. 1905. Ц. 2 р.

Н. Карѣевъ. Polonica. Сборникъ статей по польскимъ дѣламъ (1831 — 1905). Спб. 1905. Ц. 1 р. 25 к.

Современное положеніе русскаго дѣла на Финляндской окраинѣ. Изд. Русскаго Собранія. 1905.

А. Л. Лоуэллъ. Правительства и политическія партіи въ госуд. зап. Европы. Перев. съ англ. О. Полторацкой подъ ред. Ѳ. Смирнова. Изд. С. Скирмунта. Спб. 1905. Ц. 2 р.

Земля и люди. Всемірная географія. Соч. ***Элизе Реклю.*** Вып. VIII. Италія. Перев. съ франц. Д. А. Коропчевскаго. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1905. Ц. 1 р. 80 к.

Краткій курсъ географіи Россіи. Составилъ ***Э. Лесгафтъ.*** Спб. 1905. Ц. 1 р.

Ѳ. Кудринскій. Бѣлоруссы (Общій очеркъ). Вильна. 1904. Ц. 30 к.

М. Ковалевскій. Современные соціологи. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 1905. Ц. 2 р. 50 к.

В. В. Лункевичъ. Основы жизни. Популярная біологія. 2-ое изд. Ф. Павленкова. Спб. 1905. Ц. 4 р.

Мистическая роза. Изслѣдованіе о первобытномъ бракѣ. ***Эрнеста Кра улей.*** Перев. съ англ. М. Чепинской. Спб. 1905. Ц. 3 р.

Очерки реалистическаго міровоззрѣнія. Сборникъ статей по философіи, общественной наукѣ и жизни. Изд. 2-ое. С. Дороватовскаго и А. Чарушикова. Спб. 1905. Ц. 2 р. 50 к.

Иммануилъ Кантъ. Рѣчи А. Рилля и В. Виндельбанда. Пер. съ нѣмецкаго Б. В. Яковенко. М. 1905. Ц. 30 к.

В. Эйгесъ. Критика феноментализма. Брянскъ. 1905. Ц. 85 к.

Ѳ. Е. Рыбаковъ. Гипнотизмъ и психическая зараза. М. 1905.

Успѣхи физики. Сборникъ статей по важнѣйшимъ открытіямъ послѣднихъ лѣтъ въ общедоступномъ изложеніи. Подъ ред. „Вѣст. опытной физики и элементарной математики" Одесса. 1905. Ц. 75 к.

Дыханіе и положеніе гортани. Двѣ лекціи по физіологіи пѣнія. Д-ра ***П. П. Геллата.*** Спб. 1905. Ц. 40 к.

Ф. Ауэрбахъ. Царица міра и ея тѣнь. Общедоступное изложеніе основаній изученія объ энергіи и энтропіи. Одесса. 1905. Ц. 50 к.

В. Оствальдъ. Школа химіи. 2-ая часть. Перев. съ нѣм. О. В. Писар-

жевской. Изд. В. Распопова. Одесса. 1905. Ц. 1 р.

Проф. *С. Ньюкомъ.* Астрономія для всѣхъ. Одесса. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Проф. *А. П. Павловъ.* Реформа средняго образованія. М. 1005. Ц. 25 к.

Н. Карѣевъ. Выборъ факультета. Изд. 3-ье. Спб. 1905. Ц. 50 к.

А. Бычковъ. Систематическій указатель журнальныхъ статей и книгъ для чтенія по вопросамъ общаго образованія. Томскъ. 1905. Ц. 40 к.

Указатель книжнаго маг. „Трудъ" по составленію школьвыхъ и народныхъ библіотекъ. Составилъ *Н. Петлинъ.* Спб. 1905. Ц. 30 к.

Матеріалъ по вопросамъ проф. образованія и поощренія ремесленнаго труда среди евреевъ въ Россіи. Изд. Еврейскаго колонизац. общ. Спб. 1905. Ц. 1 р. 25 к.

Самосудъ въ наукѣ. *С. А. Монржецкаго.* Симферополь. 1905.

В. Бузескулъ. Проф. М. М. Лунинъ, „Харьковскій Грановскій". Къ столѣтію харьк. университета. Спб. 1905.

Р. Келеръ. Правдивое слово властямъ, обществу и народу по поводу проекта новаго аптекарскаго устава. М. 1904. Ц. 1 р.

Ин. Багашевъ. Минеральные источники Забайкалья. Изд. М. Д. Бутина. М. 1905. Ц. 1 р. 25 к.

П. И. Межеричеръ. Черченіе съ натуры. Изд. Н. П. Карбасникова. Спб 1905. Ц. 75 к.

Къ еврейскому вопросу въ Россіи.

Сборникъ матеріаловъ объ экономическомъ положеніи евреевъ въ Россіи. 2 тома. Изданіе еврейскаго колонизаціоннаго общества. Спб. 1904.

I.

Въ тяжкихъ испытаніяхъ внѣшнихъ неудачъ и внутренней смуты искупаемъ мы наши грѣхи, которые—увы!—мы еще не въ правѣ назвать „грѣхами прошлаго". Они еще давятъ насъ и въ настоящее время. Мы еще только ждемъ избавленія и отмѣны тѣхъ условій, которыя подготовили и создали современное горестное положеніе, но которыя не торопятся очистить мѣсто новому лучшему будущему... Все еще будущему, а не настоящему.

Въ числѣ самыхъ бѣдственныхъ и самыхъ неправыхъ сторонъ истекающаго историческаго періода находится и положеніе евреевъ въ строѣ русскаго политическаго и общественнаго быта. Свыше пяти милліоновъ человѣческихъ существъ лишены гражданскихъ правъ единственно за то, что исповѣдуютъ древнюю религію пророка Моисея, славную религію, отнюдь не признаваемую вредною по своему вѣроученію. Да и какъ можетъ признать ее вредною христіанское государство, почитающее ея священныя книги тоже священными, откровеніе этихъ книгъ—своимъ откровеніемъ? Наказываются эти милліоны (въ томъ числѣ младенцы) никакъ не за религію. И не за происхожденіе, потому что перемѣна религіи даруетъ равноправность. За что же? Формулировать точный и ясный отвѣтъ на этотъ вопросъ не возможно, если не прибѣгнуть

къ разнымъ баснямъ объ употребленіи христіанской крови при пасхальныхъ обрядахъ, о тайномъ союзѣ для преданія страны иноземцамъ, о фанатической ненависти къ христіанскому населенію, и т. д., и т. д. Всякіе Крушеваны могутъ пробавляться этими сплетнями, но не законодательство, хотя бы бюрократическое... Поэтому, вопросъ „за что же?“ такъ и остается безъ отвѣта.

Въ газеты проникъ слухъ, что рѣшеніе еврейскаго вопроса предположено отложить до созванія народныхъ представителей, которые пусть, молъ, сами и разбираются въ его сложномъ составѣ. Составъ, правда, очень сложный, но есть одна очень несложная сторона вопроса, именно отмѣна лишенія гражданскихъ правъ за исповѣданіе еврейской религіи. Это потребовало бы даже меньше усилія, чѣмъ уже состоявшаяся отмѣна такого же ограниченія правъ за исповѣданія старообрядчества. Въ послѣднемъ случаѣ надо распечатывать храмы, возвращать отобранное церковное имущество, возвращать сосланныхъ и заточенныхъ, регулировать отношенія къ вновь признанному духовенству, разверстывать паству между православнымъ и старообрядческимъ духовенствомъ и многое другое, совершенно отсутствующее въ еврейскомъ вопросѣ. Здѣсь религія сама по себѣ давно признана, храмы построены, духовенство организовано, паства точно отграничена, нѣтъ ни отобраннаго церковнаго имущества, ни запечатанныхъ храмовъ, ни тайныхъ пастырей, ни заточенныхъ, ни сосланныхъ. Существовавшіе въ этомъ смыслѣ грѣхи составляютъ совершенно незначительное пятнышко на общемъ мрачномъ фонѣ картины. Этотъ мракъ имѣетъ первоисточникомъ отнятіе общегражданскихъ правъ у людей, никакого преступленія не совершившихъ, а затѣмъ выросшіе на этой почвѣ плоды: экономическое бѣдствіе лишенныхъ правъ и ихъ отчужденіе отъ прочаго населенія. Такимъ образомъ, еврейскій вопросъ въ Россіи естественно состоитъ изъ трехъ элементовъ: *политическаго* (раскрѣпощеніе или дарованіе общегражданскихъ правъ), *экономическаго* (устройство благосостоянія раскрѣпощаемаго обнищавшаго населенія) и *культурнаго* (развитіе условій для взаимнаго пониманія и сближенія еврейской народной массы и другихъ элементовъ населенія). На этотъ разъ я намѣренъ остановиться на второмъ элементѣ еврейскаго вопроса, воспользовавшись для этого матеріаломъ, собраннымъ въ обширномъ изслѣдованіи, заглавіе котораго выше выписано въ подзаголовкѣ этой статейки.

Авторы названной книги такъ излагаютъ планъ своей работы и его выполненіе („Матеріалы“, I, стр. VII—VIII):

„По выработанному въ іюлѣ 1898 года, подъ руководствомъ Э. Меерсона и при участіи А. Берля, плану, подготовительная работа разбилась на три главныя категоріи: А) сгруппировать при содѣйствіи корреспондентовъ основныя свѣдѣнія по всѣмъ

населеннымъ евреями въ предѣлахъ 25 губерній черты осѣдлости городскимъ пунктамъ (городамъ, мѣстечкамъ, посадамъ), а именно: о численности еврейскаго населенія, количествѣ неимущихъ семействъ, распредѣленіи занятій, состояніи благотворительныхъ и учебныхъ заведеній; Б) подробно обслѣдовать, путемъ подворнаго описанія, существующія въ Западномъ краѣ еврейскія колоніи и земледѣльческія хозяйства; В) изучить по имѣющимся даннымъ бытъ евреевъ-ремесленниковъ, живущихъ внѣ черты осѣдлости".

„По всѣмъ этимъ тремъ группамъ вопросовъ намѣчены были подробные формуляры. Отъ многихъ рубрикъ, включенныхъ въ первоначальные формуляры, пришлось, однако, *по нѣкоторымъ причинамъ* (курсивъ авторовъ) совершенно отказаться. Такому устраненію подлежали, напр., всѣ вопросы, имѣющіе отношеніе къ еврейской торговлѣ, что повлекло за собою исключеніе изъ сферы обслѣдованія не только свѣдѣній о евреяхъ-купцахъ, но и о приказчикахъ, мелкихъ лавочникахъ, всѣхъ занимающихся разноснымъ и развознымъ торгомъ, мелкихъ посредникахъ и т. п. По тѣмъ же (?) мотивамъ пришлось отказаться и отъ нѣкоторыхъ вопросовъ, относящихся къ быту рабочихъ и ремесленниковъ (въ родѣ продолжительности рабочаго времени, размѣра платы на фабрикахъ и т. п.). Кромѣ того, обслѣдованіе не могло быть произведено иначе, какъ частнымъ образомъ".

Авторы предупреждаютъ, такимъ образомъ, что не могли выполнить всего задуманнаго плана, и что и въ выполненной части имѣются пробѣлы. Это надо помнить при нижеслѣдующей характеристикѣ экономическаго положенія евреевъ въ Россіи.

II.

Лежащее передъ нами изслѣдованіе коснулось болѣе или менѣе полно экономическаго состоянія слѣдующихъ составныхъ элементовъ еврейскаго населенія въ 25 губерніяхъ „черты осѣдлости": ремесленниковъ, земледѣльцевъ, чернорабочихъ, фабрично-заводскихъ рабочихъ и пауперовъ. Не коснулось оно четырехъ категорій: торговли, либеральныхъ профессій, живущихъ на доходы безъ занятій, и прислуги. Эти четыре категоріи составляютъ во Франціи около 20% всего населенія, въ Пруссіи — около 25% (включая сюда и армію). Конечно, среди евреевъ „черты осѣдлости" эти отношенія должны быть иныя, потому что сосредоточенные въ городахъ и почти не допущенные къ земледѣлію, главному промыслу страны, они посвящаютъ себя торговлѣ и либеральнымъ профессіямъ сравнительно больше, нежели при свободномъ распредѣленіи по занятіямъ и профессіямъ. Сводя и группируя данныя „Матеріаловъ", мы находимъ возможнымъ дать

слѣдующую табличку распредѣленія евреевъ „черты осѣдлости" по профессіямъ:

Ремесленниковъ	33,1	проц.
Пауперовъ	18,8	„
Чернорабочихъ	10,0	„
Фабр.-завод. рабочихъ	2,1	„
Земледѣльцевъ	2,0	„
Занятыхъ торговлей		
Либ. проф.	34,0	„
Прислуга		
Живущіе доходами		
	100,0	проц.

Такимъ образомъ, старинныя, издревле установившіяся занятія, ремесло и торговля, и теперь занимаютъ двѣ трети евреевъ; остальная треть большею частью впала въ пауперизмъ (18,8%) и меньшая успѣла отвоевать себѣ нѣкоторую долю въ занятіяхъ другими отраслями труда (такихъ всего около 14%). Эти цифры очень краснорѣчивы. Если уже цѣлой трети евреевъ „черты" пришлось оставить занятія предковъ, то значитъ въ этихъ занятіяхъ стало очень тѣсно. Большинство этихъ вытѣсненныхъ (около милліона) прямо впало въ пауперизмъ и только меньшинству удалось пробиться къ новымъ отраслямъ труда. На пути этого обращенія къ новымъ отраслямъ труда стоитъ законъ. Кто до восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія не успѣлъ обратиться къ земледѣлію, тому это нынѣ невозможно. Обширные лѣсные промыслы края тоже возбранены, потому что находятся внѣ городовъ и мѣстечекъ, а также и работы на лѣсопильняхъ, большею частью помѣщающихся при лѣсахъ же, внѣ городовъ и мѣстечекъ. Сахарные и винокуренные заводы, составляющіе первенствующую отрасль фабрично-заводской промышленности литовскихъ и украинскихъ губерній, тоже большею частью расположены въ селахъ. Внѣ городовъ находятся и рудокопни, а при нихъ и металлургическіе заводы, куда, такимъ образомъ, тоже закрытъ доступъ еврею-рабочему. Такимъ образомъ, земледѣліе и фабрика еврею рабочему почти закрыты и пробиться туда ему очень трудно. Удалось это только 4% всего еврейскаго населенія. При очерченныхъ условіяхъ, и это очень не мало. Профессія чернорабочихъ (поденщики на всякую работу, носчики, возчики, погонщики и пр.) въ большихъ городахъ доступнѣе, и ей занялось около 10%. И за всѣмъ тѣмъ около 20%, не менѣе милліона, не нашло себѣ занятія и пользуется благотворительностью. Другіе, свыше милліона, принуждены были выѣхать за границу, самая энергичная, предпріимчивая и сильная часть населенія. Мы не можемъ усчитать, сколько еще унесла преждевременная смерть

въ непосильной борьбѣ за существованіе, сколько подъ давленіемъ безысходной нужды впало въ преступленіе...

Интересно сопоставить между собою два ряда ограниченій, жертвою которыхъ является злосчастная еврейская масса. Запрещенія евреямъ пріобрѣтать и арендовать недвижимое имущество внѣ городовъ и мѣстечекъ и вновь селиться внѣ этихъ же поселеній влекутъ за собою невозможность обращаться къ сельскому хозяйству и закрываютъ доступъ на работу въ очень значительномъ количествѣ фабрично-заводскихъ предпріятій. Все значеніе этихъ запрещеній какъ бы обнаруживаетъ желаніе не дать евреямъ возможности переходить къ новымъ отраслямъ труда и удержать ихъ въ кругу традиціонныхъ занятій ремеслами и торговлей. Ограниченіе пріема въ учебныя заведенія ведетъ къ сокращенію перехода и къ либеральнымъ профессіямъ, а равно и ограниченія въ пріемѣ въ число присяжныхъ повѣренныхъ и т. д. Этотъ рядъ мѣропріятій, изданныхъ въ теченіе послѣднихъ двадцати-пяти лѣтъ, какъ бы предписываетъ евреямъ держаться стародавнихъ традиціонныхъ занятій. „Будьте по прежнему ремесленниками и купцами и не стремитесь къ расширенію этой ограниченной сферы занятій“, приблизительно таково приглашеніе, обращенное къ евреямъ со стороны этого длиннаго ряда актовъ, соединенныхъ общностью руководящаго намѣренія и послѣдовательно проводившихся въ жизнь въ теченіе цѣлой четверти вѣка. Изъ этого какъ будто слѣдуетъ, что, насильно удерживая евреевъ при ремеслахъ и торговлѣ, имъ даютъ просторъ въ этихъ отрасляхъ хозяйства. Однако, цѣлый рядъ административныхъ мѣропріятій, повлекшихъ выселеніе изъ внутреннихъ губерній въ „черту осѣдлости“ огромнаго числа уже водворившихся внѣ черты евреевъ, явился актомъ прямо противоположнаго значенія. Въ „чертѣ“ ремесленниковъ и торговцевъ уже болѣе, чѣмъ надобно, при свободномъ и нормальномъ распредѣленіи занятій, и вгонять туда новыя массы евреевъ значитъ приглашать ихъ искать другихъ отраслей труда, что, однако, именно одновременно и не допускалось или затруднялось. Законодательные акты, какъ изгнаніе евреевъ изъ Москвы, Ялтинскаго уѣзда и Донской области, новыя ограниченія для нихъ въ Сибири, совершенное ихъ недопущеніе въ Пріамурскій край были того же значенія, какъ и упомянутыя административныя распоряженія, повлекшія значительное выселеніе евреевъ изъ другихъ губерній въ „черту“.

Итакъ, одинъ рядъ мѣропріятій насильно навязывалъ евреямъ старыя занятія, а другой рядъ одновременно принимаемыхъ мѣръ ихъ выживалъ изъ старыхъ занятій и гналъ къ новымъ, одновременно съ тѣмъ запрещаемымъ... Чего же въ самомъ дѣлѣ желали наши мудрые бюрократы? Если удержать евреевъ при старыхъ занятіяхъ, то надо ихъ выпустить изъ „черты“. Если

же направить на новыя отрасли труда, то надо пустить ихъ въ деревню, допустить къ землѣ, раскрыть для нихъ двери школы. Одновременно же *гнать* и *не пускать* значитъ бросить въ нищету, не измѣнивъ по существу того положенія, которое вызывало эти мѣры, предназначенныя, надо думать, къ измѣненію положенія вещей.

Вся эта „политика“ привела къ тому, что милліонъ сильнѣйшихъ понесъ свой трудъ, свои средства и свои дарованія другимъ странамъ, а милліонъ слабѣйшихъ впалъ въ нищету и опустился до состоянія пауперовъ. Остальные же четыре милліона, покинутые (поневолѣ покинутые) сильнѣйшими и обремененные слабѣйшими, стоятъ въ большинствѣ случаевъ передъ тою же дилеммою, эмиграція или нищета. Это отчаянное для евреевъ столько же, сколько для насъ стыдное положеніе и взываетъ къ чести и совѣсти русскаго народа, требуя отмѣны всего этого бюрократическаго хитросплетенія, опутавшаго милліоны людей сѣтями медленнаго, но непрерывнаго и несомнѣннаго истребленія.

III.

Ремесло и торговля—давнишнія традиціонныя занятія евреевъ. Причину такой спеціализаціи легко понять. Эти отрасли труда суть единственныя, при которыхъ можно всегда взять свой посохъ и пуститься въ путь. Конечно, и для ремесленника, и для торговца покидается насиженное мѣсто не безъ жертвъ и тяжелыхъ убытковъ, но все же, сохранивъ хоть часть капитала, купецъ можетъ и на новомъ мѣстѣ возобновить свою торговлю, а ремесленникъ съ своими, въ оно время, очень несложными инструментами переноситъ самое главное свое традиціонное, отъ отцовъ и дѣдовъ унаслѣдованное искусство. При постоянныхъ гоненіяхъ, которыхъ жертвою были евреи, сначала при языческихъ римскихъ императорахъ, вмѣстѣ и наравнѣ съ христіанами, а потомъ въ средніе вѣка еще сильнѣе отъ католическаго духовенства и фанатизуемаго клиромъ народа, такое свойство торговли и ремесла, дозволяющее передвигаться въ менѣе жестокія мѣста, было драгоцѣнно для гонимыхъ. Изгнанные изъ Италіи уже въ началѣ среднихъ вѣковъ, евреи перешли Альпы и нашли убѣжище въ Германіи. Во время крестовыхъ походовъ начались ужасающія гоненія и въ Германіи, кровавыя избіенія, раззореніе, изгнанія то изъ той, то изъ другой области. Перекочевывая съ мѣста на мѣсто, они находили временное убѣжище то въ одномъ, то въ другомъ изъ безчисленныхъ нѣмецкихъ княжествъ, и къ концу среднихъ вѣковъ они стали массами выселяться въ сосѣднія славянскія земли, въ Чехію, Польшу, Венгрію, Галицію, а затѣмъ въ Литву и на Украину, гдѣ нашли

еврейскія общины, поселившіяся здѣсь еще во времена первыхъ князей (упоминаются уже при Владимірѣ св.), и скоро ихъ поглотили, распространивъ и между ними нѣмецкій языкъ, вынесенный изъ Германіи. Здѣсь на обширныхъ равнинахъ отъ Дуная до Балтики и отъ Эльбы до Днѣпра и сосредоточилась мало по малу значительнѣйшая часть еврейскаго народа. Условія жизни были нѣсколько иныя, нежели въ Германіи, и терпимости было больше. Тѣмъ не менѣе, и тутъ не было ни полной личной, ни имущественной безопасности. Это одно должно было удержать евреевъ при ремеслѣ и торговлѣ. То же обстоятельство, что страна была очень бѣдна именно торговпами и ремесленниками, а земля обработывалась исключительно рабами, естественно фиксировало занятіе евреевъ, которые одно время даже стали почти исключительными представителями торгово-промышленной профессіи. Въ такомъ видѣ страна перешла подъ русское владычество. Сначала все оставалось по старому. Земля была собственностью дворянъ. Обработывалась она исключительно рабами (въ „чертѣ осѣдлости"). Ремесло и торговля оставались въ рукахъ евреевъ. Однако, въ первой половинѣ XIX вѣка правительство пожелало уничтожить это положеніе, превратившее евреевъ въ касту. По тогдашнему обыкновенію, думали измѣнить положеніе просто распоряженіями. Приказали снять традиціонные лапсердаки и ермолки и надѣть европейскую одежду. Евреи сняли. Приказали обрѣзать пейсы. Евреи обрѣзали. По существу, ничего не измѣнилось. Задумали, наконецъ, сдѣлать евреевъ земледѣльцами и основали еврейскія земледѣльческія колоніи, привлекая туда желающихъ освобожденіемъ отъ воинской повинности, субсидіями и льготами. Небольшое количество еврейскихъ семействъ прельстилось этими обѣщаніями и основало колоніи подъ опекою попечительнаго колоніальнаго управленія. Это, конечно, очень мало измѣнило положеніе вещей. Включеніе въ „черту осѣдлости" лѣвобережныхъ украинскихъ и новороссійскихъ губерній (Екатеринославской, Полтавской, Таврической, Херсонской и Черниговской), нуждавшихся въ торговцахъ и ремесленникахъ, открыло новое поле для дѣятельности евреевъ, и при томъ въ предѣлахъ традиціонныхъ профессій. Уже очень стѣсненные на прежнихъ мѣстахъ жительства, они получили клапанъ для выхода излишнихъ элементовъ, которые и начали постепенно заселять новыя страны (настолько постепенно, что и теперь, болѣе нежели черезъ столѣтіе, евреи на новыхъ мѣстахъ представляютъ гораздо меньшую составную часть населенія, чѣмъ на старыхъ, а передвиженіе съ сѣвера на югъ и съ запада на востокъ и теперь понемногу продолжается). При старыхъ условіяхъ жизни, когда землевладѣльцами могли быть только рабовладѣльцы, земледѣльцы только рабы, фабрики и заводы почти не существовали, либеральныя профессіи были открыты единственно привилегированнымъ сословіямъ, имъ

же единственно и государственная служба, а общественной не было, при этихъ условіяхъ ремесло и торговля составляли попрежнему единственную, доступную евреямъ профессію.

Такъ обстояло дѣло, когда наступила эпоха крупныхъ коренныхъ реформъ, преобразовавшихъ основы быта. Упразднены рабовладѣніе и рабство, земля могла быть достояніемъ всякаго, земледѣліе перестало быть удѣломъ раба. Государственная служба и либеральныя профессіи перестали быть привилегіей. Создалась общественная служба. Создалась фабрика и начался процессъ перехода отъ натуральнаго хозяйства къ денежному. Каста торговцевъ и ремесленниковъ перестала быть замкнутою въ силу историческихъ условій жизни. Изъ нея открылся выходъ къ земледѣлію, на фабрику, въ либеральныя профессіи, на государственную и общественную службу. Вмѣстѣ съ тѣмъ, цѣлыя категоріи евреевъ получили право повсемѣстнаго жительства и, въ томъ числѣ, цѣлая половина еврейскаго народа, ремесленники. Изъ другой половины, торговцевъ, то же право получили крупнѣйшіе съ семьями и приказчиками. Наконецъ, выпущены изъ гетто и всѣ, выходящіе изъ традиціонныхъ занятій, люди либеральныхъ профессій, служащіе на государственной и общественной службѣ. Казалось, мы были совсѣмъ у желанной цѣли полнаго равноправія, и все направленіе законодательства обнаруживало эту цѣль

Что такое сдѣлали евреи, что эта, хотя и очень постепенно прогрессировавшая, но все же освободительная политика была внезапно и круто замѣнена совершенно противоположною? Не только мы, современники, но и никакіе историки будущаго не найдутъ ни въ событіяхъ, ни въ архивахъ отвѣта на этотъ вопросъ, потому что евреи ничего не сдѣлали противнаго общественнымъ интересамъ (не объ отдѣльныхъ личностяхъ идетъ рѣчь; такія всюду найдутся), ничего такого, чего не дѣлали бы до освободительныхъ реформъ. Въ массѣ они жили по прежнему, занимаясь торговлей и ремеслами, но въ эту традиціонную среду проникли свѣжія теченія, стремленіе къ ученію, исканіе новыхъ путей жизни, желаніе общественной дѣятельности.. На эти новыя теченія обрушилась желѣзная рука русской бюрократіи и, безъ всякаго повода или вызова, состоялся рядъ мѣръ, которыя уже выше очерчены. Массы, нашедшія себѣ трудъ и пропитаніе внѣ „черты“, насильно вогнаны въ это огромное гетто. Изгнаніе изъ деревень лишило возможности обратиться къ сельскому хозяйству и очень ограничило возможность обращенія къ фабрично-заводскому труду. Доступъ на государственную службу воспрещенъ. Доступъ къ общественной дѣятельности уничтоженъ съ уничтоженіемъ избирательныхъ правъ. Доступъ къ либеральнымъ профессіямъ ограниченъ, а равно къ школамъ. Все это, какъ уже выше сказано, создало совершенно отчаянныя условія

существованія, а быстрое экономическое развитіе, выдвигающее фабрику на мѣсто ремесленной мастерской, и крупнаго негоціанта на мѣсто лавочника, довершало работу бюрократическихъ усмотрѣній. Выходъ необходимъ и необходимъ онъ безотлагательно.

IV.

Выше мы привели цифры, изъ которыхъ видно, что традиціоннымъ занятіямъ, ремесламъ и торговлѣ, посвящаютъ себя двѣ трети еврейскаго населенія „черты осѣдлости“, приблизительно поровну. Эту картину мы основываемъ на слѣдующихъ данныхъ, извлеченныхъ изъ двухъ томовъ „Матеріаловъ“.

Всего евреевъ-ремесленниковъ зарегистровано „Матеріалами“—500.986 душъ обоего пола, что составляетъ только 13,2 проц. ко всему обслѣдованному еврейскому населенію, но это число *работающихъ*, а намъ нужно или число *кормящихся*, или же, если только работающихъ, то въ процентахъ къ работающимъ возрастамъ. Вообще въ возрастѣ старше 10 лѣтъ (когда начинается „ученичество“ ремесленника, а ученики уже состоятъ въ записѣ) 2 мил. 700 тыс. евреевъ въ „чертѣ“. Ремесленники составляютъ, стало быть,—18,4 проц. Однако это не даетъ дѣйствительной картины отношенія ремесленнаго населенія (включая не работающихъ домочадцевъ) ко всему еврейскому населенію. Въ числѣ зарегистрованныхъ ремесленниковъ находится 76.548 женщинъ и 424.438 мужчинъ. Всего же евреевъ-мужчинъ возраста больше 10 лѣтъ обслѣдованнаго „Матеріалами“ населенія оказывается—1.208,000 душъ, къ каковому число евреевъ ремесленниковъ-мужчинъ и составитъ 33,1 проц. Полагаю, что это minimum, потому что не всѣ женщины-ремесленницы принадлежатъ къ семьямъ-ремесленниковъ мужчинъ.

Что касается категоріи торговцевъ, то мы видѣли, что на ихъ долю, вмѣстѣ съ либеральными профессіями, прислугою и живущими на доходы, остается 34 проц. Либеральныя профессіи на Западѣ занимаютъ отъ $1^1/_2$ до 5 проц. населенія. Среди евреевъ „черты“ они могутъ занимать едва лишь minimum. Поляки пользуются большею частью услугами своихъ профессіоналовъ. Русскіе чиновники и армія имѣютъ своихъ казенныхъ. Народная христіанская масса никакими услугами не пользуется. Остается еврейское населеніе, слишкомъ бѣдное, чтобы содержать значительный процентъ профессіоналовъ. Живущіе доходами всюду вербуются преимущественно изъ землевладѣльцевъ и пенсіонеровъ. Это не изъ еврейской жизни. Наконецъ, прислугою для ремесленниковъ служатъ ученики, для мелкихъ торговцевъ мелкіе employés, для чернорабочаго и паупера никто, то же и для земледѣльцевъ и фабричныхъ рабочихъ. Остаются крупные тор-

говцы и профессіоналы, у которыхъ едва ли не въ большинствѣ служатъ мѣстные христіане. По этимъ соображеніямъ, мы и думаемъ, что въ числѣ 34 проц. едва-ли болѣе 1—2 проц. падаетъ на профессіоналовъ, прислугу и живущихъ на доходы. Остальные 32—33 проц. посвящаютъ себя торговлѣ.

Евреи въ двадцати пяти губерніяхъ осѣдлости составляютъ около 12 проц. всего населенія; слѣдовательно, евреи-ремесленники составляютъ около 4 проц. и столько же евреи-торговцы, вмѣстѣ около 8 проц. Къ сожалѣнію, на Западѣ ремесленники не подсчитываются отдѣльно отъ прочихъ, занятыхъ промышленностью, но о торговцахъ и перевозчикахъ кое-какія свѣдѣнія имѣемъ. Такъ, въ Пруссіи въ 1875 году торговый классъ составлялъ 1,9 проц., въ Англіи (1872)—3,6 проц., во Франціи (1872) до 4 проц., въ Австріи—2,1 проц., въ Италіи—1,8 проц., въ Испаніи—0,5 процента. Мы останавливаемся на болѣе старыхъ данныхъ, какъ болѣе сравнимыхъ съ современными русскими. Такимъ образомъ, если мы даже предположимъ, что торговцы въ „чертѣ осѣдлости“ исключительно евреи, то и тогда 4 проц. сравнимы лишь съ Франціей (гдѣ сюда включены и желѣзнодорожные служащіе, вообще весь транспортъ), много превосходя даже самыя коммерческія страны. Но между торговцами не мало и не евреевъ... Очевидно, торговцамъ болѣе, нежели тѣсно. Очевидно, имъ надо или выселяться, или искать другихъ занятій...

То же самое и относительно ремесленниковъ, которыхъ обыкновенно нѣсколько даже меньше, нежели торговцевъ. Евреи-ремесленники составляютъ, по даннымъ объ отдѣльныхъ губерніяхъ въ „Матеріалахъ“, отъ $^3/_5$ до $^3/_4$ всего числа ремесленниковъ, что въ среднемъ можетъ дать около $^2/_3$, т. е. все число ремесленниковъ поднимается до 6 проц., что при конкурренціи фабрикъ становится совершенно немыслимымъ. Отсюда есть два выхода (кромѣ эмиграціи и пауперизма): переселэніе здѣсь же въ деревню, гдѣ ремесленникъ еще долго будетъ нуженъ (этотъ путь преградило уже не разъ цитированное запрещеніе) и переселеніе во внутреннія губерніи, куда законъ разрѣшилъ евреямъ-ремесленникамъ свободное переселеніе. Эта свобода переселенія, однако, очень напоминаетъ знаменитое донесеніе старосты барону, что его „медвѣдь находится на полной свободѣ на привязи“. И привязь эта двойная. Съ одной стороны, переселившійся ремесленникъ не можетъ перечислиться по мѣсту новаго жительства, оставаясь навсегда членомъ общества, изъ котораго фактически выбылъ. Тамъ онъ уплачиваетъ налоги, тамъ несетъ воинскую повинность, тамъ онъ несетъ общественныя повинности, оттуда получаетъ паспортъ и, при безвыходной бѣдности этихъ еврейскихъ общинъ, оттуда лежитъ на немъ гнетъ этой бѣдности, которую онъ долженъ раздѣлять. Общество всегда можетъ отка-

зать въ паспортѣ, а это уже полное раззореніе. Приходится мириться съ полураззореніемъ и удовлетворять нужды уже чуждой общины. Это одна и очень существенная привязь. Другая, едва ли не болѣе еще важная: необходимость безпрерывнаго занятія ремесломъ и невозможность устроить свою жизнь въ направленіи, наиболѣе удобномъ. Ни пріобрѣтеніе недвижимости, ни участіе въ общественныхъ дѣлахъ, ни переходъ просто къ другой профессіи невозможны. Пріѣхалъ слесаремъ, такъ и оставайся слесаремъ. Само по себѣ это создаетъ широкое поле для полицейскаго произвола, а слѣдовательно, и для поборовъ. Если же во главѣ мѣстной администраціи оказывается антисемитъ, то это положеніе дѣлъ создаетъ предлогъ для высылокъ и раззоренія. Высылка и раззореніе грозятъ и ремесленнику, потерявшему способность работать, хотя бы заработокъ семьи или его сбереженія и позволяли ему существовать безъ работы. Высылка и раззореніе грозятъ и семьѣ умершаго ремесленника. При этихъ условіяхъ, сколько-нибудь значительнаго разселенія евреевъ-ремесленниковъ не могло быть, и, дѣйствительно, „Матеріалы“ насчитываютъ не болѣе девяти тысячъ евреевъ-ремесленниковъ внѣ „черты“.

Изъ этихъ бѣглыхъ замѣтокъ очевидно явствуетъ, что число евреевъ-ремесленниковъ и евреевъ-торговцевъ во много разъ превышаетъ то число, которое должно было бы быть въ „чертѣ“ въ случаѣ свободнаго и нормальнаго распредѣленія занятій. Такое внѣ всякой мѣры переполненіе рынка этими занятіями влечетъ къ массовому обѣднѣнію ремесленниковъ и большей части торговцевъ и къ массовому же ихъ переходу въ разрядъ пауперовъ, на эту первую ступень къ преждевременной смерти или къ преступленію. Современное положеніе еврейской народной массы въ „чертѣ“ именно таково, что непрерывно и неослабно гонитъ еврея за границу, въ могилу или въ тюрьму.

V.

Интересно такъ же остановиться, хотя бы бѣгло, на новыхъ отросляхъ труда, въ которыхъ небольшому проценту евреевъ удалось себя пристроить. Разрядъ чернорабочихъ не требуетъ большихъ поясненій: это тяжелый поденный трудъ съ необезпеченнымъ завтрашнимъ днемъ. Только крайняя нужда загоняетъ рабочаго человѣка въ кадръ чернорабочихъ. Это сосѣди пауперовъ. И если тѣ, кто уже не помѣщаются въ предѣлахъ традиціонныхъ занятій, въ большинствѣ опускаются въ пауперы, то естественно, если рядомъ становятся чернорабочіе (около 10 проц. всего еврейскаго населенія, съ пауперами около 29 проц.). Въ профессіи настолько же устойчивыя, какъ и ремесло, постоянные рабочіе на фабрикѣ и земледѣльцы, удалось проникнуть лишь около 4 проц., поровну между обоими родами занятія.

Проникновеніе евреевъ-рабочихъ на фабрику, явленіе сравнительно новое, выросшее въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ. Въ семидесятыхъ годахъ это было рѣдкость. И теперь контингентъ не великъ: безъ Одессы немного больше 22 тыс. мужчинъ и 12 тыс. женщинъ, что съ семьями дастъ 110—115 тыс. или 2,1 проц. обслѣдованнаго населенія. Это новое и быстро растущее, не смотря на всѣ препятствія и препоны, явленіе имѣетъ большое историческое значеніе. Здѣсь происходитъ объединеніе интересовъ евреевъ-рабочихъ и христіанъ рабочихъ, за чѣмъ не можетъ не слѣдовать и солидарность въ дѣйствіяхъ и въ чувствахъ, огромная лабораторія, упраздняющая въ горнилѣ борьбы съ капиталистами духовное „гетто", явившееся естественнымъ послѣдствіемъ матеріальнаго „гетто". Не менѣе велико и экономическое значеніе этого проникновенія евреевъ рабочихъ на фабрику. Русская промышленность находится въ состояніи развитія и роста, и рабочіе ей надобны. Иначе говоря, лишь бы сняты были запреты и препоны, масса нынѣшнихъ пауперовъ и чернорабочихъ, мелкихъ бѣдствующихъ торговцевъ и ремесленниковъ найдутъ себѣ обезпеченіе на фабрикахъ и заводахъ. Уничтоженіе запрета селиться въ деревняхъ откроетъ евреямъ лѣсные промыслы, винокуренные и сахарные заводы, рудные промыслы, металлургическую промышленность. Уничтоженіе запрета селиться внѣ „черты" еще шире откроетъ ворота русской промышленности для участія въ ней евреевъ трудомъ и капиталомъ.

Запасъ не приложеннаго и не находящаго себѣ приложенія еврейскаго труда очень великъ, и эта массовая безработица, ввергая въ нищету сотни тысячъ, вмѣстѣ съ тѣмъ лишаетъ страну всей той суммы цѣнностей, которая была бы произведена этими трудоспособными руками. Нельзя сказать того же о еврейскомъ капиталѣ. Не считая нѣсколькихъ богачей, вдобавокъ большею частью основавшихся внѣ „черты", капиталы евреевъ не обширны. Данныя, собранныя въ „Матеріалахъ", освѣщаютъ эту сторону вопроса. Показателемъ силы капитала, затраченнаго въ торгово-промышленное заведеніе, являются: 1) примѣненіе искусственныхъ двигателей и 2) число рабочихъ. Вотъ факты:

	Всѣхъ фабрикъ съ двигат.	Евр. фабр. съ двиг.	Процентъ.	Фабр. безъ двигат.	Евр фабр. безъ двиг.	Процентъ.
Сѣверо-западный край. .	513	377	73,5	1137	1024	90,0
Юго-западный „ .	543	277	51,0	646	509	78,8
Южный „ .	187	97	51,9	159	125	78,6
Итого.	1243	751	60,4	1943	1658	85,3

Эта табличка показываетъ, что еврейскіе капиталы, затраченные въ фабричныя предпріятія, значительно слабѣе христіанскихъ

капиталовъ. Обзавестись двигателями евреямъ удалось въ меньшей мѣрѣ, нежели другимъ фабрикантамъ. Изъ 2.409 еврейскихъ предпріятій были въ силахъ поставить двигатели только 751, или 31,1 проц., менѣе одной трети. Между тѣмъ, изъ 777 не еврейскихъ предпріятій имѣютъ искусственныхъ двигателей—492, или 63,3 проц. Иначе говоря, по этимъ даннымъ не еврейскія предпріятія вдвое сильнѣе еврейскихъ. Въ дѣйствительности, дѣло обстоитъ еще менѣе благопріятно для евреевъ, какъ то показываетъ число рабочихъ, занятыхъ въ еврейскихъ и христіанскихъ предпріятіяхъ.

Если мы возьмемъ фабрики съ двигателями, то получимъ слѣдующую таблицу числа рабочихъ, занятыхъ въ еврейскихъ и не еврейскихъ предпріятіяхъ:

	Среднее число рабочихъ на 1 фабрику съ двигателями:	
	Евр. предпр.	Не еврейскія.
Сѣверо-западный край. .	37,2	50
Юго-западный „ .	40,7	229
Южный „ .	21,2	314

Не менѣе краснорѣчивы цифры и для фабричныхъ заведеній безъ двигателей.

	Еврейскія.	Не еврейскія.
Сѣверо-западный край. .	17,2	26,4
Юго-западный „ . .	17,0	17,7
Южный „ . .	11,0	48,0

Эти данныя указываютъ на слабосиліе еврейскихъ капиталовъ, затраченныхъ въ промышленность. Двадцать лѣтъ тому назадъ эту черту уже подмѣтила коммиссія по еврейскому вопросу, работавшая подъ предсѣдательствомъ графа Палена. Въ трудахъ этой коммиссіи находимъ (цитируемъ по „Матеріаламъ“ II, 213—214): „Сравнительно слабые обороты еврейскихъ фабрикъ объясняются неимѣніемъ у евреевъ достаточно большихъ капиталовъ для крупнаго дѣла; здѣсь мы встрѣчаемся съ той же особенностью, какъ и въ еврейской торговлѣ: несоразмѣрно большое отношеніе оборотнаго капитала къ основному (*признакъ, присущій всѣмъ слабымъ и бѣднымъ предпріятіямъ*). Сами евреи, по преимуществу, устраиваютъ заведенія, не требующія большихъ капитальныхъ затратъ“. Таково-то скопленіе евреями-капиталистами большихъ богатствъ въ ущербъ остальному населенію!

Еще одна черточка. На стр. 220 „Матеріаловъ“ (т. II) приведена табличка распредѣленія рабочихъ-евреевъ и не евреевъ, по разнымъ фабрично-заводскимъ производствамъ, при чемъ евреи составляютъ даже большинство въ производствахъ: *перчаточномъ, щетинномъ, спичечномъ, табачномъ, мыловаренномъ*, сплошь особо вреднымъ для здоровья: это новый и неопровержимый показатель нужды.

VI.

Переходимъ къ земледѣльцамъ.

Это было давно, въ 1858 году, безъ малаго полстолѣтіе тому назадъ, когда я восьмилѣтнимъ мальчикомъ посѣтилъ нѣсколько разъ еврейскую земледѣльческую колонію Еффингаръ. Помѣстье моихъ родителей лежало (Херс. губ., Херс. уѣзда) въ двѣнадцати верстахъ. У насъ занимались выводкою шелковичныхъ червей и добычею коконъ, но собственная тутовая плантація была незначительная, и тѣмъ лѣтомъ одна изъ проживавшихъ у насъ особъ была командирована въ Еффингаръ, гдѣ была обширная превосходная тутовая плантація. Мы нѣсколько разъ туда ѣздили, и я отлично помню эту колонію, и однообразную архитектуру домовъ, и чудную шелковичную рощу на высокомъ берегу Ингула. Наша шелковичная дама проживала въ нѣмецкомъ семействѣ, потому что для образца евреямъ нѣсколько нѣмецкихъ колонистскихъ семействъ было прислано въ еврейскія колоніи. Нѣмцы занимались хозяйствомъ по своему, а евреи были обязаны во всемъ слѣдовать ихъ примѣру. Изъ среды же нѣмцевъ былъ назначенъ колоніальнымъ управленіемъ и шульцъ, т. е. староста, съ очень широкими полномочіями по части пріученія колонистовъ-евреевъ къ земледѣльческому труду.

Въ одинъ изъ нашихъ пріѣздовъ мы застали колонію въ большомъ волненіи. Дѣло въ томъ, что шульцъ превзошелъ мѣру долготерпѣнія колонистовъ, которые его жестоко избили. Теперь ждали начальства и соотвѣтственной расправы. Мнѣ запомнились разговоры по этому поводу, такъ что я могу себѣ ясно представить то ужасное угнетеніе, жертвами котораго были колонисты, именовавшіеся, однако, свободными людьми. Положеніе ихъ было хуже сосѣднихъ крѣпостныхъ. Шульцъ, подобно римскому консулу, ходилъ всегда въ сопровожденіи ликторовъ съ розгами и подробно осматривалъ дома, дворы, огороды, посѣвы колонистовъ и, если находилъ какую-либо неисправность, подвергалъ домохозяевъ безпощадному наказанію. Въ то лѣто правившій колоніей шульцъ былъ особенно жестокъ, и дѣло кончилось его избіеніемъ. Что совершило прибывшее за тѣмъ мудрое начальство, не знаю. Эта картинка очень характерна, и, конечно, это не тѣ средства, которыя могли привязать людей съ земледѣльческому труду.

Прошло лѣтъ десять, и я снова былъ въ Еффингарѣ проѣздомъ. Колоніальное управленіе болѣе не существовало, не было и образцовыхъ нѣмцевъ, ни назначаемаго шульца. Рабство пало и здѣсь, но память о немъ жила еще свѣжая и болѣзненная. Чудная тутовая роща была вырублена, земледѣліе было тоже не въ авантажѣ. Колонисты относились съ ненавистью ко всему, что

могло напомнить тѣ ужасныя времена. Прошло, однако, еще лѣтъ восемь, и снова я проѣзжалъ Еффингаръ. Раны явно были залѣчены. Огороды и поля были порядочно обработаны и всюду виднѣлись работающіе евреи-земледѣльцы. Съ удовольствіемъ узнаю изъ „Матеріаловъ", что и теперь въ Еффингарѣ дѣла идутъ хорошо. Евреи постепенно стали такими-же земледѣльцами, какъ и сосѣдніе крестьяне.

Данныя, собранныя въ „Матеріалахъ", громко свидѣтельствуютъ о томъ, что евреи могутъ стать такими же искусными земледѣльцами, какъ теперь являются искусными торговцами и ремесленниками. Стремленіе къ землѣ у евреевъ проснулось, но для его удовлетворенія они ѣдутъ за океанъ, въ Соединенные Штаты, въ Аргентину. Организація переселенія евреевъ на свободныя земли въ предѣлахъ Россіи является одною изъ насущнѣйшихъ задачъ современности и должна быть введена въ общій планъ аграрныхъ реформъ, настойчиво требуемыхъ исторіею.

Этотъ бѣглый обзоръ экономическаго состоянія евреевъ въ Россіи показываетъ съ непререкаемой очевидностью, что раскрѣпощеніе евреевъ требуется не только справедливостью, не только честью и совѣстью, но и настоятельною экономическою необходимостью.

С. Южаковъ.

Хроника внутренней жизни.

X. О расположившихся на „средней позиціи". XI. Почему нужно непремѣнно всеобщее и непремѣнно прямое голосованіе. XII. Источникъ либеральной народобоязни. XIII. Соціальная проблема въ ея отношеніяхъ къ политической.

X.

Формулированная „Московскими Вѣдомостями" дилемма: самодержавіе или народовластіе послужитъ, вѣроятнѣе всего, той разграничительной чертой, которая отдѣлитъ правыя партія отъ лѣвыхъ. Но вопросъ объ избирательной системѣ и среди сторонниковъ „западно-европейскихъ теорій" вызываетъ споры.

Однимъ изъ первыхъ противъ всеобщаго, прямого и равнаго голосованія выступилъ В. Д. Кузьминъ-Караваевъ въ докладѣ, прочитанномъ имъ въ с.-петербургскомъ юридическомъ обществѣ еще въ началѣ марта *). Это не принципіальный противникъ. Напротивъ:

---

*) См. „Русь" отъ 8 марта, гдѣ докладъ изложенъ самимъ г. Кузьминымъ-Караваевымъ.

Право гражданина участвовать въ отправленіи государственной дѣятельности—говорилъ г. Кузьминъ-Караваевъ—вытекаетъ изъ факта подданства въ смыслѣ принадлежности къ данному государственному союзу. Логически оно ограничивается только способностью осуществлять свои права и нравственнымъ цензомъ, т. е. физической и психической зрѣлостью и неопороченностью по суду. Отсюда—подача голосовъ всеобщая. Всѣмъ гражданамъ должна быть предоставлена одинаковая степень воздѣйствія на исходъ выборовъ. Отсюда—подача голосовъ прямая и равная. Людямъ слабой воли необходимо обезпечить свободу дѣйствій. Отсюда—подача голосовъ тайная.

И отправныя положенія, и ихъ юридическая конструкція просты и ясны. Ничего искусственно подобраннаго въ нихъ нѣтъ. Въ практикѣ Запада они испытаны. При отвлеченномъ сужденіи едва ли можно противопоставить имъ какія-либо иныя, столь же твердо обоснованныя.

Но...

Но г. Кузьминъ-Караваевъ полагаетъ, что логику и справедливость въ сужденіяхъ объ избирательномъ правѣ слѣдуетъ допускать лишь „примѣнительно къ даннымъ обстоятельствамъ и фактамъ русской дѣйствительности". Въ послѣднихъ же онъ нашелъ достаточное „но" противъ „простыхъ", „ясныхъ," „испытанныхъ" и „твердо обоснованныхъ" положеній, на которыя опирается идея всеобщаго избирательнаго права. „Отвлеченно-правовой" точкѣ зрѣнія онъ противопоставилъ „государственно-политическую", которая, по его мнѣнію, пріобрѣтаетъ первостепенное значеніе, „когда изъ ста милліоновъ населенія, безконечно разнообразнаго по классовымъ и групповымъ интересамъ, по правовоззрѣніямъ и культурѣ, отбирается нѣсколько сотенъ или тысяча и этимъ сотнямъ или тысячѣ ввѣряется судьба государства". Логика и „отвлеченная" справедливость должны при этомъ отойти на задній планъ.

Отвлеченною справедливостью—говоритъ г. Кузьминъ-Караваевъ—приходится въ области права постоянно поступаться, ибо для данныхъ обстоятельствъ она можетъ дать прямо обратный—несправедливый результатъ. Съ этой точки зрѣнія принципъ всеобщаго, прямого и равнаго избирательнаго права, въ примѣненіи къ потребностямъ минуты, вызываетъ самыя серьезныя сомнѣнія и опасенія *)...

---

*) Желая объяснить широкую популярность, какую получила въ русскомъ обществѣ идея всеобщаго избирательнаго права, г. Кузьминъ-Караваевъ пишетъ: „Причина ясна. Условія, въ которыхъ происходила работа общественной мысли, позволяли надъ будущимъ лишь приподнимать завѣсу. Они заставляли говорить обинякомъ, намѣренно туманно. Завѣсу сдергивали и имѣли доступъ для воспріятія широкими слоями общества одни крайнія сужденія, яркія въ своей логической конструкціи и потому невольно себѣ подчиняющія". Не лишне будетъ напомнить, что эта мысль о преимуществахъ, какими до сихъ поръ пользовались крайнія партіи, въ томъ числѣ и выдвинувшія формулу всеобщаго избирательнаго права, высказана въ данномъ случаѣ не въ первый разъ... Уже полгода тому назадъ въ еще болѣе категорической формѣ изложилъ ее кн. Трубецкой въ „Правѣ" (однимъ изъ редакторовъ котораго, какъ извѣстно, состоитъ г. Кузьминъ-Караваевъ). Тогда же было указано, что ничто въ сущности не мѣшало и „среднимъ" партіямъ своевременно „сдернуть завѣсу". Правда, свободою „Московскихъ Вѣдомо-

Изъ органовъ печати эти „сомнѣнія и опасенія“ раздѣляетъ „Вѣстникъ Европы“, заявившій, что вмѣстѣ съ В. Д. Кузьминымъ-Караваевымъ и другими онъ занимаетъ „среднюю позицію между крайними мнѣніями“, т. е. между сторонниками, съ одной стороны, сословной организаціи выборовъ“, и съ другой—всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосовъ *). Попытка отстоять эту среднюю позицію была сдѣлана и на земскомъ апрѣльскомъ съѣздѣ въ Москвѣ, гдѣ К. К. Арсеньевъ и нѣкоторые другіе высказались противъ всеобщаго и прямого голосованія. Извѣстны также мнѣнія другихъ общественныхъ дѣятелей и учрежденій, хотя и признающихъ въ принципѣ четырехчленную формулу, но высказывающихся тѣмъ не менѣе за ту или иную компромиссную систему.

Разбирать всѣ такого рода проекты нѣтъ возможности,—ихъ ровно столько, сколько авторовъ. И это вполнѣ понятно: когда составляется сложная микстура и при томъ ad libitum, то возможны самыя разнообразныя сочетанія. Одинъ прибавитъ побольше одного принципа, другой другого, а третій подсластитъ еще какимъ-либо безобиднымъ сиропомъ. Наиболѣе общей чертой этихъ проектовъ, хотя и не всѣхъ, является стремленіе положить въ основу ихъ нынѣшнія системы земскаго, городского и волостнаго представительства съ тѣми или иными къ нимъ дополненіями и поправками. Наиболѣе простымъ съ этой точки зрѣнія представляется проектъ К. К. Арсеньева, который на земскомъ съѣздѣ „предложилъ пополнить земскія собранія крестьянскимъ элементомъ, именно по одному крестьянину отъ волости, и совмѣстно съ крестьянами произвести выборы“ **). Но и этотъ проектъ простъ до тѣхъ лишь поръ, пока въ немъ ничего не говорится о представительствѣ отъ городовъ и окраинъ.

стей“ и „Гражданина“ онѣ не пользовались, но онѣ вѣдь могли воспользоваться тѣми преимуществами, какими владѣли, по ихъ мнѣнію, крайнія партіи противоположнаго фланга. Для этого нужно было только поступать не примѣнительно, а вопреки обстоятельствамъ, неся, конечно, всѣ обычныя въ такихъ случаяхъ послѣдствія. На это, однако, люди среднихъ партій органически не способны. Не способны они, повидимому, и понять всю неумѣстность своихъ сѣтованій на то, что „крайнія сужденія имѣли доступъ для воспріятія широкими слоями общества“. По крайней мѣрѣ, В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, не смотря на возраженія, предъявленныя кн. Трубецкому, повторилъ ихъ вновь уже за собственный счетъ, хотя и въ чужой газетѣ.

„Обстоятельства“ теперь измѣнились, и люди среднихъ мнѣній могутъ уже почти безъ обиняковъ и безъ преднамѣреннаго тумана излагать теперь свои „сомнѣнія и опасенія“. Но и за всѣмъ тѣмъ они могутъ лишь затуманить „яркія въ своей логической конструкціи и потому невольно себѣ подчиняющія формулы“. Таково ужъ провиденціальное назначеніе всѣхъ, кто „съ одной стороны, не можетъ не признать, а съ другой—долженъ сознаться“. Такова и роль, какъ увидимъ ниже, г. Кузьмина-Караваева, расположившагося между двухъ точекъ зрѣнія.

*) „Вѣстникъ Европы“, апрѣль; внутреннее обозрѣніе.

**) „Сынъ Отечества“, 28 апрѣля.

Впрочемъ, интересны не самые проекты, а тѣ мотивы, которые заставляютъ людей поступаться принципомъ въ угоду обстоятельствамъ. Какія же это обстоятельства и дѣйствительно ли они таковы, что „міръ“ погибнетъ, если восторжествуетъ „справедливость“?

Мотивовъ въ сущности два. Это, прежде всего, опасеніе возможнаго давленія на выборы со стороны правительства.

Мыслимо ли,—спрашиваетъ г. Кузьминъ-Караваевъ,—перевоспитать *въ короткое время* губернаторовъ и особенно земскихъ начальниковъ, весь смыслъ дѣятельности которыхъ во властномъ попечительствѣ и въ руководительствѣ всѣмъ, что составляетъ общественный интересъ и общественную потребность на мѣстахъ? Мыслимо ли, чтобы *въ короткое время* перевоспитать сознаніе обывателей, пріученныхъ сторониться всякаго сборища и всякаго откровеннаго слова, привыкшихъ ждать начальственныхъ указаній, горькимъ опытомъ познавшихъ, что слѣдуетъ за дѣйствіями или разсужденіями безъ указаній или съ ними несогласными? У насъ нѣтъ правосознанія. Но привычка ходить на начальственныхъ помочахъ не могла не образоваться.

Впрочемъ, самъ г. Кузьминъ-Караваевъ не очень склоненъ настаивать на этихъ опасеніяхъ, но за то тѣмъ рѣшительнѣе выдвигаетъ ихъ „Вѣстникъ Европы“.

Для успѣха выборовъ—говоритъ онъ—необходима свобода печати и собраній, необходима неприкосновенность личности и жилища, необходима политическая амнистія; но вѣдь нужно же считаться съ дѣйствительностью, нужно помнить, что сбывается не все желаемое,—нужно, слѣдовательно, задать себѣ вопросъ, при какомъ способѣ голосованія меньше принесутъ вреда стѣсненія разнаго рода? Отвѣтъ на этотъ вопросъ едва ли можетъ послужить аргументомъ въ пользу всеобщей и прямой подачи голосовъ.

Другое опасеніе, раздѣляемое тѣмъ и другимъ авторомъ, но особенно подчеркиваемое г. Кузьминымъ-Караваевымъ, сводится къ тому, что народъ не сумѣетъ воспользоваться избирательнымъ правомъ.

Успѣшность выборовъ прямой, равной и всеобщей подачей голосовъ неизбѣжно предполагаетъ—говоритъ г. Кузьминъ-Караваевъ—многое предшествующее: политическую агитацію, образованіе партій и долгую предвыборную борьбу. Иначе выборы никогда не дадутъ приблизительно даже вѣрнаго отраженія тенденцій и настроенія избирателей. И въ странахъ, живущихъ обще-политической жизнью, на агитацію и борьбу уходятъ мѣсяцы. Въ странѣ же, гдѣ такая жизнь только зарождается и партій нѣтъ, на это нужно много времени.

Умѣнья пользоваться своимъ правомъ *въ теченіе мѣсяца или двухъ* не пріобрѣтешь... Одной политической жизнью уѣзды не живутъ и всѣмъ извѣстныхъ именъ въ уѣздахъ нѣтъ... Тридцать—сорокъ тысячъ голосовъ неизбѣжно размѣняются на единицы, десятки и самое большее на сотни...

Въ результатѣ могутъ быть выбраны исправники, прежніе кабатчики и кое-гдѣ священники; вообще преобладаніе легко могутъ получить „ретроградные элементы“. Во всякомъ случаѣ, всеобщее и прямое голосованіе, по мнѣнію того и другого автора,

можетъ дать „нѣчто неожиданное и совершенно случайное". Оба они ждутъ самыхъ непріятныхъ „сюрпризовъ" отъ этого „скачка въ темноту".

Итакъ, боязнь правительства и боязнь народа—вотъ что заставляетъ идти на компромиссы. Насколько основательна, однако, та и другая боязнь и дѣйствительно ли компромиссы безопаснѣе въ данномъ случаѣ, чѣмъ всеобщая и прямая подача голосовъ?

Въ приведенныхъ выдержкахъ я подчеркнулъ выраженія: „въ короткое время", „одинъ—два мѣсяца". Это характерная черта обоихъ компромиссныхъ проектовъ. Вполнѣ возможно, что когда г. Кузьминъ-Караваевъ читалъ свой докладъ, то онъ былъ вполнѣ увѣренъ, что выборы дѣйствительно состоятся черезъ одинъ—два мѣсяца. Недаромъ вѣдь онъ находилъ, что съ опубликованіемъ рескрипта 18 декабря „первая половина задачи рѣшена". Факты уже показали, какъ мало рѣшенаго знаменуетъ собою этотъ актъ и какъ медленно подвигается то, что должно было бы произойти „въ короткое время". Пора, казалось бы, убѣдиться, что, если всѣ надежды основывать на рескриптѣ, то, въ концѣ концовъ, онѣ и вовсе могутъ не осуществиться. Однако, „Вѣстникъ Европы" и теперь продолжаетъ считать этотъ рескриптъ единственной „реальной почвой для перемѣны". Съ этою только „дѣйствительностью" онъ и считается, къ ней лишь и „примѣняетъ" свой проектъ; все остальное—даже свободу печати, хотя надъ нею и работаютъ теперь вмѣстѣ съ высокими сановниками близкіе „Вѣстнику Европы" общественные дѣятели,—онъ мыслитъ „только въ туманѣ будущаго" *).

Люди среднихъ партій остаются въ данномъ случаѣ вѣрны себѣ. Они спѣшатъ во что бы то ни стало скорѣе учесть то, что добыто борьбою „крайнихъ". „Хоть куцая, лишь бы конституція"—по прежнему остается ихъ девизомъ. Ради этого они готовы приступить къ преобразованіямъ въ сотрудничествѣ съ теперешнимъ режимомъ, ради этого же они готовы удовлетвориться и выборами, хотя бы послѣдніе были произведены при отсутствіи свободы слова и собраній. „Примѣненіе къ потребностямъ минуты"—это въ сущности примиреніе съ дѣйствующимъ режимомъ. Вступая въ переговоры и идя на уступки, люди среднихъ мнѣній надѣются перехитрить противника...

Наши разсчеты покоятся на иныхъ основаніяхъ. Наши надежды основаны не на томъ, что дѣлается въ совѣщаніяхъ, а на томъ, что происходитъ въ жизни. „Партій у насъ нѣтъ"—писалъ г. Кузьминъ-Караваевъ, но онѣ уже начали складываться. Предвыборная агитація уже идетъ и съ каждымъ днемъ захватываетъ все новые и новые слои населенія. Когда закончитъ свои труды коммиссія Кобеко и какая судьба ихъ постигнетъ, мы не знаемъ,

*) „Вѣстникъ Европы", май.

но мы видимъ, что и безъ ея помощи рамки печатнаго слова уже расширились. Коммиссія тайнаго совѣтника Коковцева еще не приступила къ обсужденію законопроекта о свободѣ стачекъ, а воспрещающій ихъ законъ уже обратился въ мертвую букву. Полиція одно за другимъ закрываетъ общества, но уже не въ состояніи предупредить возникновенія новыхъ и новыхъ союзовъ. Она запрещаетъ легальныя собранія, но не въ силахъ предотвратить нелегальныхъ всероссійскихъ съѣздовъ. Она разгоняетъ сходбища, но многія и она уже не рѣшается тронуть... До свободы, которая обезпечила бы успѣшность выборовъ, конечно, еще далеко. Губернаторы, напримѣръ, все еще находятся „въ оппозиціи" къ рескрипту, но они должны быть „перевоспитаны". Направляющій ихъ механизмъ все еще вертится въ направленіи, данномъ ему В. К. Плеве, но онъ долженъ быть остановленъ. При нынѣшнемъ режимѣ представительство все равно невозможно. Если выборы и будутъ произведены, они окажутся безцѣльны, ибо неизбѣжно произойдетъ что-нибудь одно изъ двухъ: либо представители окажутся не угодны правительству и будутъ немедленно распущены (если, конечно, сами раньше не разъѣдутся), либо это будутъ не представители и успокоить страну они окажутся не въ состояніи.

Борьба еще не кончена и о сотрудничествѣ не можетъ быть рѣчи. Въ переговоры вступать еще рано, рано затѣвать и выборы. Люди „крайнихъ мнѣній" имѣютъ полное право сказать расположившимся на „средней позиціи":

— Не спѣшите со своими „компромиссами"! Вы торгуете за нашъ счетъ, а мы на уступки васъ еще не уполномочили. Да и странѣ ваши компромиссы не нужны. Народу нужны не выборы, не представители и не „куцая конституція"; ему нужна свобода. Хитростью же ее ввести невозможно, ибо она можетъ войти, только распахнувши двери. И если они во время не отворятся передъ ней, то она откроетъ ихъ силой.

Я, конечно, далекъ отъ мысли, что выборы не могутъ состояться до тѣхъ поръ, пока во всей странѣ—сверху до низу—не упрочится свобода. Вполнѣ возможно и даже вѣроятно, что земскіе начальники останутся не „перевоспитанными". Не перевоспитанными останутся урядники и стражники, старшины и старосты. Упрочить свободу въ низахъ народной жизни удастся, конечно, не сразу. Для того, чтобы вырвать всѣ безчисленные корни внѣдрившагося въ нее бюрократическаго древа, понадобится упорная работа, быть можетъ, не одного представительнаго собранія. Но вверху свобода должна быть признана теперь же, ибо пока высится и гордо красуется своею кроною бюрократическій стволъ, къ корнямъ нельзя будетъ и приступиться. Давленія на выборы будетъ много, но нельзя допустить, чтобы многоэтажный бюрократическій прессъ давилъ всею своею массою, и тѣмъ

болѣе нельзя допустить, чтобы онъ могъ быть приведенъ въ дѣйствіе одною рукоятью.

Земскіе начальники останутся не перевоспитанными. Но гарантируютъ ли насъ компромиссные проекты отъ ихъ „властнаго попечительства“? Возьмемъ простой и удобоисполнимый проектъ К. К. Арсеньева, „Вѣстника Европы“—тожъ. „Для первыхъ политическихъ выборовъ, — говоритъ почтенный авторъ, — нужна прочная точка опоры, нужна, говоря фигурально, стѣна, къ которой они бы могли прислониться—и вотъ, такой точкой опоры, такой стѣной является въ нашихъ глазахъ губернское земство“ *). Къ этой стѣнѣ онъ и думаетъ прислонить крестьянскій элементъ, по одному крестьянину отъ волости. На 60—70 губернскихъ гласныхъ, состоящихъ почти сплошь изъ дворянъ и чиновниковъ, въ каждой выборной коллегіи придется при этомъ 100—200 крестьянъ. Чего, казалось бы, лучше: „большинство вездѣ оказалось бы на сторонѣ крестьянъ“ **). Но будутъ ли, однако, уполномоченные отъ крестьянъ „свободно выбранными“? Кто-жъ поручится, что земскій начальникъ, оставшись въ каждой волости наединѣ съ крестьянами, не произведетъ выборы самъ и не положитъ собственною рукою шары угодному ему кандидату? Руководить выборами въ этомъ смыслѣ они уже привыкли и дѣло это уже налажено. Не окажется ли при этомъ дополнительное представительство отъ крестьянъ столь же призрачнымъ, какъ и нынѣшнее по земскому положенію?

Да и вопросъ еще, къ какой „стѣнѣ“ прислонятся выбранные по этой системѣ крестьяне. Кто же помѣшаетъ, напримѣръ, губернатору собрать съѣхавшихся въ губернскій городъ старшинъ и другихъ излюбленныхъ земскими начальниками уполномоченныхъ и обратиться къ нимъ съ рѣчью? Вѣдь долженъ же онъ разъяснить имъ всю важность предстоящихъ выборовъ и не скажетъ ли онъ имъ при этомъ: слушайтесь такого то предводителя? Создавать такую систему выборовъ—не значитъ ли это „примѣняться“ къ дѣйствующему прессу, всячески облегчая ему работу? Бюрократіи вѣдь и выдумывать ничего не придется, ибо по этой именно системѣ давленіе давно уже ею налажено.

Для того, чтобы ослабить силу давленія, необходимо увеличить сопротивляемость выборщиковъ. И для этого нельзя оставлять крестьянъ наединѣ съ ихъ „начальниками“. Какъ ни малочисленны представители другихъ сословій въ деревнѣ, но участіе ихъ въ выборахъ на ряду съ крестьянами избавитъ послѣднихъ хотя бы отъ такихъ беззастѣнчивыхъ формъ давленія, какъ хозяйничаніе въ урнахъ. Будетъ, по крайней мѣрѣ, хотя глазъ, не обязанный смотрѣть изъ-подъ руки начальства. Уже это одно

---

*) „Вѣстникъ Европы“, май.

**) Ib.

заставитъ нажимать прессъ съ опаской. Главное же, нельзя дробить крестьянство на мелкія группы, нельзя противопоставлять земскимъ начальникамъ уже подчиненные ими себѣ волостные сходы. Ихъ властному усмотрѣнію нужно противопоставить въ совершенно новой комбинаціи десятки тысячъ избирателей. Чтобы ослабить давленіе на зависимыхъ въ своей обыденной жизни выборщиковъ, необходимо сплотить ихъ въ массу. И это нужно не только для того, чтобы ослабить давленіе администраціи, но и для того, чтобы устранить, по возможности, давленіе кулаковъ, помѣщиковъ и всякихъ другихъ, хотя и не облеченныхъ оффиціальною властью, но тѣмъ не менѣе очень сильныхъ въ деревнѣ персонажей. Для этого-то именно и нужно всеобщее, прямое, равное и тайное голосованіе.

Для успѣха выборовъ по этой системѣ, конечно, нужно время для предвыборной агитаціи. Но мы ждали такъ долго, что жалѣть на это времени не приходится. Вѣдь только сказки сказываются скоро, а сказки намъ, право, уже опротивѣли.

XI.

Желаніе ускорить созывъ представительнаго собранія, конечно, вполнѣ понятно. „Всѣ, кому дорога безопасность отечества, мало того—личная безопасность—писалъ кн. С. Трубецкой въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“, а теперь цитируетъ его „Вѣстникъ Европы“, — должны сознать, что надо дѣйствовать *сейчасъ*, что *болѣе медлить нельзя*, что одними посулами, безъ рѣшительнаго шага въ смыслѣ исполненія высочайшихъ предначертаній и законныхъ требованій общества,—шага достаточно смѣлаго и энергичнаго, чтобы завоевать общее довѣріе и признаніе, — нельзя будетъ избѣжать новыхъ неисчислимыхъ жертвъ и гибельныхъ катастрофъ“... Но нуженъ именно смѣлый и энергичный шагъ, а не остановка между „двумя точками зрѣнія“; нужно завоевать общее признаніе и довѣріе—и для этого есть только одно средство: всеобщее и равное избирательное право.

Если же задаться только цѣлью ускоренія, то на этомъ пути можно вѣдь зайти очень далеко. Въ газетахъ только что появилось сообщеніе объ особомъ совѣщаніи А. Г. Булыгина, и вотъ что мы читаемъ въ немъ:

Представители въ это совѣщаніе будутъ назначаться, а не избираться общественными организаціями, какъ предполагалось ранѣе. Свободное избраніе, по мнѣнію совѣщанія, хотя и могло соотвѣтствовать видамъ правительства, но его нельзя было бы осуществить съ желательной поспѣшностью, такъ какъ совпадаетъ съ періодомъ вакацій городовъ и земствъ. Въ виду этого, народное представительство не могло бы быть созвано въ іюнѣ, а его пришлось бы отложить на болѣе отдаленное время *).

*) „Биржевыя Вѣдомости“, 7 мая.

Вотъ это „поспѣшность“! И какое „примѣненіе къ обстоятельствамъ“! Даже „вакаціи“ и тѣ приняты въ разсчетъ. И какой вмѣстѣ съ тѣмъ неожиданный результатъ! Оказывается, что для ускоренія можно и вовсе обойтись безъ выборовъ. Ни одинъ еще „компромиссъ“ не могъ развить такую скорость.

Приводя этотъ примѣръ, я вовсе не хочу сказать, чтобы В. Д. Кузьминъ-Караваевъ и К. К. Арсеньевъ могли или могутъ дойти до такой же точки въ своемъ примѣненіи къ обстоятельствамъ. Но и они довольно далеко уже ушли отъ идеи демократіи.

Перечитайте докладъ В. Д. Кузьмина-Караваева, и васъ поразитъ, какъ много онъ говоритъ о недостаткѣ лицъ, которыя могли бы быть избранными. „Всѣмъ извѣстныхъ именъ въ уѣздѣ нѣтъ“... „Вожаки рабочихъ никому не извѣстны“... „Общественныхъ, въ политическомъ смыслѣ, дѣятелей знаютъ самые ограниченные круги“... И т. д. Это въ сущности главный аргументъ его противъ всеобщаго и прямого голосованія. Ссылаясь на отсутствіе популярныхъ въ массахъ именъ, онъ приходитъ къ выводу, что „если избраніе обусловить полученіемъ абсолютнаго большинства голосовъ, то Россія, вмѣсто тысячи представителей, пришлетъ два или три десятка“. „Представительство же, образованное прямой и всеобщей подачей голосовъ изъ лицъ, посланныхъ десятой, двадцатой, сотой частью избирателей, прежде, чѣмъ оно соберется, будетъ дискредитировано въ глазахъ всѣхъ и вся“. Этотъ доводъ ему кажется неопровержимымъ: „возможность этого,—говоритъ онъ,—никто не опровергнетъ“. Это опасеніе раздѣляетъ и „Вѣстникъ Европы“.

Меньше неудобствъ, чѣмъ всеобщая и *прямая* подача голосовъ,—говоритъ послѣдній,—представляла бы, конечно, всеобщая, но *двухстепенная* подача голосовъ: легче остановиться на выборщикѣ—„своемъ человѣкѣ“, лично извѣстномъ если не всѣмъ, то многимъ избирателямъ,—чѣмъ на кандидатѣ, одномъ для уѣзда или нѣсколькихъ уѣздовъ, громадному большинству избирателей, знакомомъ только по наслышкѣ, т. е. по молвѣ, неопредѣленной и не всегда достовѣрной. Мы видимъ, однако, что въ формулѣ, наиболѣе распространенной, нѣтъ мѣста для двухстепенности выборовъ: подача голосовъ требуется не только всеобщая, но и *прямая*. Проектируется, такимъ образомъ, ничѣмъ не смягченный „скачокъ въ темноту“ (leap in the dark) *).

„Своего человѣка“ выбрать, можетъ быть, и легче. Но не сказывается ли въ приведенныхъ разсужденіяхъ, помимо всего иного прочаго, и привычка? Не преставляется ли тому и другому автору порядокъ выборовъ, съ какимъ они сроднились въ земскихъ учрежденіяхъ, не только вполнѣ нормальнымъ, но и какъ бы неизбѣжнымъ. Въ нынѣшнемъ земствѣ выборы вѣдь цѣликомъ основываются на личныхъ знакомствахъ и всякаго

*) „Вѣстникъ Европы“, апрѣль.

рода связяхъ, вплоть до „родственныхъ“. Никакою программою избираемый предъ своими выборщиками не обязывается и никакому контролю съ ихъ стороны не подлежитъ. „Свой человѣкъ“— при ограниченномъ числѣ выборщиковъ—нерѣдко является синонимомъ „своего человѣчка“. Но можно ли такой порядокъ выборовъ, если бы даже было возможно устранить изъ него элементъ „радѣнія родному человѣчку“, считать нормальнымъ вообще и для государственнаго представительства въ особенности?

„Общественныхъ, въ политическомъ смыслѣ, дѣятелей, — говоритъ г. Кузьминъ-Караваевъ, — знаютъ самые „ограниченные круги“. Ну, а на Западѣ развѣ парламенты сплошь состоятъ изъ народныхъ героевъ? Даже извѣстныхъ широкой массѣ именъ нигдѣ, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ, не бываетъ много.

Личность кандидата, конечно, много значитъ, но не въ томъ смыслѣ, что его лично знаютъ всѣ избиратели. Между тѣмъ В. Д. Кузьминъ-Караваевъ полагаетъ, что предводитель или исправникъ могутъ быть выбраны именно потому, что „ихъ дѣятельность распространяется на всю территорію уѣзда и ихъ имена всѣ знаютъ“.

Дѣло не въ имени и не въ личномъ знакомствѣ съ кандидатомъ. Если даже сводить весь вопросъ къ личности послѣдняго, то и въ такомъ случаѣ важно не то, всѣ ли его знаютъ, а то, насколько дружно и энергично будутъ рекомендовать его пользующіяся довѣріемъ мѣстнаго населенія лица. Исправника всѣ знаютъ, но если онъ куроцапъ, то его все равно не выберутъ. Съ другой стороны, если мѣстная интеллигенція объединится около одного имени, то и неизвѣстное дотолѣ большинству избирателей лицо можетъ получить достаточное число бюллетеней. И этого достигнуть вовсе уже не такъ трудно. Сторонній человѣкъ можетъ оказаться при этомъ даже удобнѣе „своего человѣка“, ибо на разстояніи мелкія черты стушевываются и общность впечатлѣнія достигается легче.

Въ дѣйствительности, такая рекомендація обыкновенно и дается кандидату цѣлой группой, при чемъ самый составъ группы уже опредѣляетъ до извѣстной степени его личность. „Рабочіе на выборахъ,—утверждаетъ, между прочимъ, В. Д. Кузьминъ-Караваевъ,—кромѣ своихъ голосовъ, можно смѣло сказать, *ничьихъ* со стороны не получатъ. Не потому,—прибавляетъ онъ,—что не найдется желающихъ оказать имъ поддержку, а просто потому, что ихъ вожаки никому постороннему неизвѣстны“. Не слишкомъ ли „смѣло“ это утвержденіе? Могу увѣрить г. Кузьмина-Караваева, что, если бы рабочіе выставили своего кандидата, то я лично подать за него голосъ только потому, что я его не знаю и ничего о немъ ранѣе не слышалъ, ни въ коемъ случаѣ не отказался бы. И для многихъ, въ особенности для просто-

народья, немогущаго претендовать на личное знакомство съ „общественными, въ политическомъ смыслѣ, дѣятелями“, уже то, что это кандидатъ рабочихъ, какъ я думаю, было бы совершенно достаточной для него рекомендаціей.

Главное же, дѣло совсѣмъ не въ лицахъ. Ужъ очень странно какъ-то расположившіеся между двухъ точекъ зрѣнія дѣятели понимаютъ самую идею народнаго представительства. По г. Кузьмину-Караваеву, выходитъ, что вся суть послѣдняго заключается въ томъ, что „отбирается нѣсколько сотенъ или тысяча и этимъ сотнямъ или тысячѣ ввѣряется судьба государства“. Но идея народовластія, какъ я думаю, далеко не исчерпывается этой операціей отбора. Если бы вопросъ заключался только въ томъ, чтобы отобрать нѣсколько сотъ или тысячу и ввѣрить имъ управленіе государствомъ, вмѣсто тѣхъ сотенъ или тысячи, которые вѣдаютъ это дѣло теперь, то, можетъ быть, и можно было бы помириться съ „государственно-политической“, какъ ее называетъ г. Кузьминъ-Караваевъ, точкой зрѣнія. Но вѣдь передъ нами стоитъ несравненно болѣе важная задача. Не сотни и не тысячу, а милліоны нужно призвать къ заботамъ о судьбахъ государства, весь народъ нужно призвать къ управленію имъ. И для этого нѣтъ иного пути, какъ всеобщее и непремѣнно прямое голосованіе.

Правда, когда народовластіе осуществляется путемъ представительства, то въ рѣшеніи конкретныхъ задачъ государственной жизни народъ непосредственно не участвуетъ. Для этого нужна особая форма — референдумъ. Но и при системѣ представительства принципы управленія устанавливаются не депутатами, а избирателями. Суть выборовъ заключается вѣдь не въ томъ, что выбираются *лица*, а въ томъ, что выбираются *программы*. Каждый избиратель приглашается обдумать очередныя задачи государственной жизни и выбрать то рѣшеніе ихъ, которое наиболѣе отвѣчаетъ его интересамъ и идеаламъ. При двухстепенной и тѣмъ болѣе при многостепенной подачѣ голосовъ, къ этому будутъ привлечены лишь тысячи и много-много десятки тысячъ. Да и въ этомъ нельзя быть увѣреннымъ. Вопросъ о лицахъ можетъ совершенно заслонить вопросъ о программахъ, и вся выборная операція можетъ свестись, въ концѣ концовъ, къ сговору о кандидатахъ и къ катанію шаровъ. При всеобщей и прямой подачѣ голосовъ въ рѣшеніи государственныхъ задачъ примутъ участіе милліоны. Программы неизбѣжно выдвинутся на первый планъ, при чемъ къ обсужденію ихъ будутъ привлечены даже самые инертные слои населенія. Въ дѣлѣ пробужденія политическаго самосознанія въ народѣ борьба партій въ одинъ избирательный періодъ сдѣлаетъ несравненно больше, чѣмъ долгіе годы учительства.

Результаты участія народа въ обсужденіи и рѣшеніи основныхъ государственныхъ вопросовъ представляются мнѣ столь

важными, столь нужными и столь цѣнными, что я ни на минуту не усомнился бы высказаться за всеобщую и прямую подачу голосовъ даже въ томъ случаѣ, если бы мнѣ завѣдомо было извѣстно, что выборы окажутся неудачными. Пусть народъ не сумѣетъ выбрать наиболѣе отвѣчающихъ его интересамъ программъ, пусть онъ не найдетъ достойныхъ для проведенія ихъ депутатовъ. Пусть разобьются голоса, пусть въ представительное собраніе явятся „ретроградные элементы“. И всетаки для дѣла народной свободы будетъ сдѣлано несравненно больше, чѣмъ при самыхъ удачныхъ выборахъ по той или иной компромиссной системѣ.

Прежде всего въ сознаніи народа запечатлѣется и уже никогда не изгладится, что ему была дана власть рѣшить государственные вопросы такъ или иначе. Если онъ потомъ убѣдится, что они рѣшены не такъ, какъ бы слѣдовало, то будетъ знать, что это его ошибка, а не Божія милость, и онъ будетъ знать какъ эту ошибку поправить. Въ первыхъ же всеобщихъ и прямыхъ выборахъ родится русская демократія—и ей останется только расти и крѣпнуть. Для свободы сразу будетъ заложенъ тотъ широкій фундаментъ, на которомъ только и можетъ быть выведено это величественное зданіе. Сознаніе массъ явится такою гарантіей, какой никогда не создадутъ хитроумныя комбинаціи и бумажныя, хотя бы тщательно обдуманныя, конституціи.

Другой результатъ еще несомнѣннѣе и, быть можетъ, еще важнѣе. Призванный къ обсужденію и рѣшенію государственныхъ вопросовъ, обыватель превратится въ гражданина.

— „Господинъ избиратель“—будутъ говорить мужику привыкшіе всячески помыкать имъ персонажи. Они вѣжливо будутъ снимать передъ нимъ шляпу и, быть можетъ, даже пожимать ему руку.

Вѣдь это пожиманіе рукъ не случайно появилось на Западѣ и не безслѣдно оно проходитъ въ тамошней жизни. Къ рукѣ, которую пожималъ президентъ Сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, никто уже не откажется прикоснуться.

Представьте себѣ теперь, что исправникъ вдругъ начинаетъ вѣжливо бесѣдовать съ мужиками, предупредительно излагать имъ свои мнѣнія по самымъ сложнымъ государственнымъ вопросамъ и терпѣливо выслушивать возраженія, какъ бы нелѣпы они ему ни казались,—и вы поймете, какая революція должна произойти въ нравахъ. Вѣдь это тотъ самый исправникъ, который теперь, подходя только къ сходу, уже кричитъ: молчать, не разсуждать! Предводитель дворянства тоже спустится съ небесъ на землю и, затаивъ въ себѣ брезгливое отношеніе къ „мужичью“, начнетъ за руку здороваться съ „господами избирателями“. И исправникъ, и предводитель, если только они желаютъ быть депутатами, должны будутъ это сдѣлать,—и не только они, но и

всѣ присные ихъ,—иначе конкуррентъ побьетъ ихъ своимъ обхожденіемъ. За исправникомъ же и предводителемъ непремѣнно послѣдуютъ всѣ другіе. Дѣло не въ депутатахъ только, но и въ избирательной урнѣ, передъ которою всѣ будутъ равны. Въ общественной психологіи произойдетъ такой же и даже еще болѣе рѣзкій переломъ, какой произошелъ въ шестидесятыхъ годахъ, когда барыня въ камерѣ у мирового судьи должна была встать на одну доску со своимъ лакеемъ. Тогда всѣ сдѣлались людьми, даже „люди", заключенные господами въ кавычки; теперь всѣ, даже мужики, должны сдѣлаться гражданами.

И это будетъ не одна только видимость. Мужикъ дѣйствительно сдѣлается „господиномъ", ибо онъ будетъ частицей „господина народа". Это скажется въ его сознаніи и изнутри подниметъ его личность. Какъ у Ѳедюшки въ „Голодной смерти" Гл. И. Успенскаго, у него разгорится „звѣзда во лбу". У Ѳедюшки „звѣзда во лбу загорѣлась отъ того, что онъ на мгновеніе позволилъ себѣ узнать, что онъ—не кукольный Ѳедюшка", что „онъ не совсѣмъ пропавшая тварь, что онъ на самомъ дѣлѣ такой же человѣкъ, а можетъ быть, и лучше, чѣмъ другіе Ѳедюшки".

И вотъ, чтобы самому себѣ доказать, что онъ—непропащій, онъ припомнилъ, какъ уже извѣстно, единственный серьезный резонъ, имѣвшійся у нихъ съ матерью, связывавшій ихъ, хотя очень отвлеченно, съ обществомъ живыхъ людей и дававшій хотя какое-нибудь объясненіе ихъ горемычнѣйшему, безнадежнѣйшему состоянію... И вотъ почему онъ неожиданно буркнулъ о своемъ отцѣ:

— „Ко мнѣ батька вотъ придетъ ишо!" *)

И эта „звѣзда во лбу, вопреки всякимъ резонамъ, представляемымъ суровою дѣйствительностью, загоралась у Ѳедюшки все чаще и чаще". Разгорится она и у мужика, столь же забитаго теперь въ своихъ общественныхъ отношеніяхъ. Пусть онъ только хоть разъ сознаетъ, „что онъ не совсѣмъ пропавшая тварь", что и онъ гражданинъ и даже получше, можетъ быть, чѣмъ многіе другіе. Пусть и у него будетъ, хотя бы и отвлеченный на первое время, резонъ его гражданскаго существованія:

— Вотъ выборы еще придутъ!—и это будетъ для него точкой опоры въ его отношеніяхъ къ власти и къ командующимъ классамъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ у него явится интересъ къ такимъ вещамъ, о которыхъ онъ до сего времени, быть можетъ, и не думалъ. Обывательская „хата съ краю" сразу передвинется къ центру жизни, за „колокольней своего села" мужику откроются широкіе государственные горизонты. У него появится интересъ къ газетѣ, книгѣ, къ общечеловѣческой мысли. Я позволю себѣ напомнить

*) Сочиненія Гл. И. Успенскаго. Новыя времена и новыя заботы. Т. I, стр. 655—656.

другой образъ перерождающагося человѣка, данный Гл. Ив. Успенскимъ въ „Темномъ деревенскомъ случаѣ“,—сельскаго торговца Кузнецова.

Сталъ я влюбляться—разсказывалъ послѣднiй—въ размышленiя, въ разсужденiя... Въ головѣ-то у меня стояло *все вмѣстѣ*, а по отдѣльности ничего не было... Все, о чемъ я отъ роду не думалъ, все у меня стало подниматься въ головѣ сразу, цѣлыми ящиками, оптомъ, если сравнить по торговому... И рвусь я, что дальше, то больше. И все мнѣ прiятнѣй, хитрѣй, мудренѣй, прямо сказать, забористѣй... *)

Съ Кузнецовымъ это произошло сразу, отъ одного толчка. И русскому народу нуженъ такой же толчокъ, чтобы сдвинуть его съ мѣста. Пожалуй, это будетъ и „скачокъ“, но только не въ темноту, а на широкiй просторъ общественной жизни. Тупая апатiя уступитъ мѣсто живой активности, и житье со дня на день, по принципу: день да ночь—сутки прочь, смѣнитъ жизнь съ самыми далекими перспективами. Мнѣ приходилось видать людей, которыхъ впервые захватывала общественность, и я воочiю видѣлъ, какъ выростала при этомъ личность...

Этотъ результатъ всеобщаго и прямого участiя народа въ государственной жизни представляется мнѣ столь несомнѣннымъ, что у меня нѣтъ ни малѣйшаго желанiя „примѣняться къ потребностямъ минуты“. Я готовъ отстаивать „отвлеченную справедливость“ до самой послѣдней ея iоты. Я не боюсь при этомъ показаться страннымъ и даже смѣшнымъ.

Можетъ быть, крестьянину и чудно на первый разъ покажется, что рядомъ съ нимъ на выборы идетъ его сынъ, который до сихъ поръ пребывалъ въ полномъ повиновенiи родительской волѣ, а теперь вдругъ оказывается вровнѣ съ нимъ и даже можетъ написать бюллетень по своему. Даже родительскую власть проявить нельзя будетъ, ибо при тайной подачѣ голоса не только отецъ, но и никто другой, что напишетъ его сынъ, такъ и не узнаютъ. Еще чуднѣе, можетъ быть, покажется тому же крестьянину, что на выборы зовутъ бабъ, и что ихъ мнѣнiемъ также интересуются. По крайней мѣрѣ, противники женскаго избирательнаго права настаиваютъ, что допущенiе женщинъ къ урнамъ сдѣлаетъ выборы въ глазахъ массы смѣшными. Но пусть этотъ ветхозавѣтный крестьянинъ изумляется и пусть онъ даже недовольно ворчитъ или смѣется... Наша задача — освободить личность, и если, освобождая ее въ государствѣ, мы освободимъ ее и въ семьѣ, то тѣмъ лучше.

Впрочемъ, всѣ эти ссылки на массу представляются мнѣ ни на чемъ не основанными, и я увѣренъ, что въ частности допущенiе женщинъ къ избирательнымъ урнамъ ни въ коемъ случаѣ

*) Сочиненiя Гл. И. Успенскаго. Изъ деревенскаго дневника. Т. II, стр. 104—105.

психологіи выборовъ не испортитъ. Напротивъ, идея всеобщаго голосованія, какъ я думаю, будетъ очень близка и понятна массамъ. Она даже подниметъ престижъ выборовъ: стало быть, дѣло серьезное, если зовутъ всѣхъ, даже бабъ. Вѣдь у бабы есть свои горя, свои заботы, и бѣднота это особенно хорошо знаетъ.

Какъ бы то ни было, я хорошо помню завѣтъ Н. К. Михайловскаго:

Мѣриломъ достоинства всякаго союза-партіи, кружка, семьи, націи и проч., — писалъ онъ, — долженъ служить интересъ личности... Значитъ во всѣхъ политическихъ вопросахъ вы сдѣлаете фокусомъ своего размышленія интересы не націи, не государства, не общины, не провинціи, не федераціи, а личности. Она составитъ тотъ центръ, изъ котораго разсѣются для васъ во всѣ стороны лучи Правды и освѣтятъ вамъ значеніе того или другого общественнаго союза *).

Пусть В. Д. Кузьминъ-Караваевъ думаетъ о „судьбахъ государства“ и пусть даже онъ правъ съ своей „государственно-политической точки зрѣнія“, полагая, что вся суть въ отборѣ „общественныхъ въ политическомъ смыслѣ дѣятелей“. Но мы будемъ думать о народѣ, о личности, и ради ихъ интересовъ не станемъ ничѣмъ затуманивать „яркія въ своей логической конструкціи и потому невольно себѣ подчиняющія“ формулы.

Впрочемъ, я долженъ упомянуть еще объ одномъ крайне важномъ и крайне цѣнномъ результатѣ, какимъ должно сказаться въ народной жизни всеобщее и прямое голосованіе. Только при этой избирательной системѣ интеллигенція будетъ поставлена лицомъ къ лицу съ народомъ, и мысль, дѣйствительно, встрѣтится съ жизнью. А въ этомъ именно и заключаются,—если ужъ говорить о нихъ,—истинныя „потребности минуты“. „Жизнь безъ дѣятельнаго участія мысли, — писалъ я въ прошломъ мѣсяцѣ, — сдѣлалась невозможною; мысль, лишенная возможности претвориться въ дѣло, стала нестерпимою“.

Нужно взвѣсить всѣ имѣющіеся въ странѣ интересы, нужно собрать всѣ циркулирующія въ ней идеи и затѣмъ спаять тѣ и другія въ отвѣчающія народнымъ потребностямъ „мѣры“. Нельзя, однако, думать, что вся эта работа съ достаточнымъ успѣхомъ можетъ быть выполнена въ стѣнахъ парламента. Послѣдній можетъ отлить формы, но самый сплавъ долженъ быть приготовленъ въ жизни.

Въ долгой предвыборной работѣ, въ безконечныхъ бесѣдахъ съ милліонами избирателей, въ апплодисментахъ и свисткахъ, какими они будутъ сопровождать ораторскія рѣчи, только и могутъ быть испробованы и оцѣнены различные проектируемые теперь сплавы. Только такимъ путемъ могутъ быть „обстрѣлены“ вырабатываемыя теперь въ кабинетахъ программы, и изъ нихъ можетъ быть устранено все ненужное, случайное, наносное. Только та-

*) Сочиненія Н. К. Михайловскаго. Т. IV, стр. 460.

кимъ путемъ работа парламента можетъ получить жизненный, а не отвлеченный характеръ.

Дѣло не въ парламентской только работѣ, но и въ тѣхъ идеяхъ, какія агитація заронитъ въ голову обывателя, и въ тѣхъ жизненныхъ фактахъ, какими обогатится мысль интеллигента. Народъ воочію увидитъ „студента", который въ его представленіи до сихъ поръ является какимъ-то миѳическимъ существомъ,— не то очень злымъ, не то очень добрымъ духомъ. Съ другой стороны, интиллигенція вложитъ персты свои въ народныя язвы, на которыя до сихъ поръ она могла смотрѣть только издали.

И я опять повторяю: пусть насъ постигнетъ неудача; допустимъ, что полнаго объединенія мысли и жизни достигнуть въ первыхъ выборахъ не удается. Но соприкосновеніе этихъ элементовъ произойдетъ въ такомъ безчисленномъ количествѣ точекъ, что неуклонный ходъ процесса будетъ вполнѣ обезпеченъ. Пусть парламентъ окажется неспособнымъ реформировать жизнь; ее реформируетъ въ такомъ случаѣ молекулярная работа.

XII.

Излагая въ предыдущей главѣ доводы въ пользу всеобщаго и прямого голосованія, я все время сопровождалъ ихъ, хотя и условной, уступкой. Пусть—неизмѣнно почти повторялъ я—выборы окажутся неудачными. Но это я допускалъ лишь въ видахъ удобства изложенія. Въ серьезъ же дѣлать такую уступку людямъ „среднихъ" сужденій я отнюдь не намѣренъ, ибо нисколько не сомнѣваюсь, что всеобщая и прямая подача голосовъ,—при условіи, конечно, свободной агитаціи, —даже съ точки зрѣнія выборной операціи, сразу дастъ достаточно благопріятные результаты и во всякомъ случаѣ лучшіе, чѣмъ при сословно-цензовой избирательной системѣ и при двухъ-или много степенномъ голосованіи.

Чѣмъ въ самомъ дѣлѣ обусловлена народобоязнь „Вѣстника Европы" и В. Д. Кузьмина-Караваева? Ссылаться на невѣжество населенія и другіе обычные въ такомъ случаѣ аргументы противниковъ всеобщаго избирательнаго права они не желаютъ.

Избитая ссылка на невѣжество—говоритъ В. Д. Кузьминъ-Караваевъ—выдвигается противъ каждаго прогрессивнаго начинанія и для обоснованія каждаго же реакціоннаго мѣропріятія. Ею достаточно уже злоупотребляли: предъ освобожденіемъ крестьянъ, при ломкѣ земскаго положенія 1864 г., при введеніи института земскихъ начальниковъ, винной монополіи и т. д., и т. д. Она неискренна и фальшива. Территоріальная протяженность при телеграфахъ и желѣзныхъ дорогахъ—обстоятельство несущественное. Разноплеменность въ другихъ странахъ, давно имѣющихъ представительныя учрежденія, не меньшая.

Всенародное представительство въ Россіи организуется впервые, населеніе обще-политическою жизнью еще не жило, идея государственнаго всеединства затуманена въ сознаніи идеей единства классового и группового—вотъ гдѣ лежитъ причина сомнѣній и опасеній.

Итакъ, суть въ томъ, что выборы производятся впервые, что населеніе обще-политическою жизнью еще не жило, что идея государственнаго всеединства затуманена... Если смотрѣть на народъ исключительно съ этой стороны, то онъ, дѣйствительно, представляетъ изъ себя „людскую пыль", въ массѣ своей лишенную необходимой для общеполитической жизни связности. Мнѣ самому въ предыдущемъ изложеніи не разъ уже приходилось на это указывать. Объединить такой народъ около какихъ-либо программъ и около какихъ-либо именъ, особенно „въ короткое время", на первый взглядъ представляется, дѣйствительно, невозможнымъ.

Но—и это „но" мною своевременно было отмѣчено—политика въ специфическомъ пониманіи этого слова является отнюдь не единственнымъ, связывающимъ и объединяющимъ людей, цементомъ. Есть еще культура и экономика. Интеллигенція въ значительной ея части объединена достаточно высоко поставленными идеалами. Массы объединены своими экономическими, до извѣстной степени уже сознанными, интересами. Въ низахъ соціальнаго зданія—писалъ я—„никогда не замирало чувство стихійнаго недовольства, безсильнаго въ единицахъ и страшнаго въ массахъ", и „идея очень быстро можетъ охватить тѣхъ, кто уже объединенъ чувствомъ" *).

Наличность такого—„классового и группового"—объединенія, какъ видно изъ приведенной мною выдержки, г. Кузьмину-Караваеву хорошо извѣстна, но оно-то и является источникомъ его „сомнѣній и опасеній". Онъ озабоченъ больше всего, если не исключительно, „идеей государственнаго всеединства", т. е. чистой политикой. Всякая иная идея способна, по его мнѣнію, лишь затуманить ее. Поэтому, если онъ и склоненъ сдѣлать въ своемъ проектѣ уступки классовому и групповому сознанію, то только въ силу необходимости, постольку лишь, поскольку это неизбѣжно для „разрѣшенія мучительнаго томленія минуты".

Рабочіе—говоритъ онъ—сила. Сила организовавшаяся, сплоченная, большая. Чтобы предупредить вѣроятный пробѣлъ, необходимо — опять-таки на первый разъ—принять фактъ обособленія рабочихъ такъ, какъ онъ есть. И, отправляясь отъ него, предоставить рабочимъ каждаго фабрично-заводскаго центра послать представителей непосредственно.

Однородную поправку, хотя и менѣе существенную,—а именно въ формѣ уже посредственнаго участія въ выборахъ—онъ допускаетъ и для „третьяго элемента". Что касается крестьянъ, представительство которыхъ въ нынѣшнемъ земствѣ—по его собственному признанію—фиктивно, то вводить для нихъ поправки слишкомъ хлопотно и потому не стоитъ. Вѣдь это было бы „возможно—говоритъ онъ—лишь совмѣстно съ полной переработкой земскаго положенія, что, по технической сложности дѣла, во всякомъ случаѣ

*) Хроника внутренней жизни, мартъ.

требуетъ времени". А мы уже знаемъ, какъ г. Кузьминъ-Караваевъ дорожитъ временемъ. Теперь, когда и крестьянство заявило себя, хотя и не организованной и не сплоченной, но всетаки очень большой силой, можетъ быть, г. Кузьминъ-Караваевъ и удостоилъ бы его какой-нибудь поправки. Но вѣдь свой докладъ онъ читалъ въ самомъ началѣ марта, когда только что „появились зловѣщіе призраки движенія насильственнаго"...

Во всякомъ случаѣ, считаясь съ необходимостью разрѣшить „мучительное томленіе минуты" и внося, ради этого, въ своемъ проектѣ различныя дополненія и поправки къ нынѣшнему земскому и городскому представительству, г. Кузьминъ-Караваевъ отнюдь не упускалъ изъ виду своей „идеи государственнаго всеединства", и при томъ, очевидно, нынѣшняго всеединства со всѣми внутренними въ немъ, классовыми и групповыми, противорѣчіями. Весь проектъ, несомнѣнно, разсчитанъ на политическую, а отнюдь не на ту или иную соціальную реформу.

Программа „Вѣстника Европы",—по крайней мѣрѣ, поскольку этотъ журналъ имѣетъ свою опредѣленную физіономію, — тоже почти всецѣло ограничивается „политикой". Соціально-экономическихъ вопросовъ въ ихъ принципіальной формѣ журналъ почти не ставилъ, а если и ставилъ, то съ явною склонностью поддержать данную соціальную структуру. Правда, обстоятельства послѣднихъ 15—20 лѣтъ значительно ослабили довольно сильную въ былые годы въ этомъ журналѣ струю экономическаго либерализма. „Мучительное томленіе минуты" и его заставило осложнить свою програму различными экономическими проектами, не приведенными, однако, въ какую-либо систему, не объединенными какимъ-либо принципомъ и по существу не идущими дальше тѣхъ или иныхъ частныхъ поправокъ къ существующимъ отношеніямъ. Выносить такую програму въ массы, донельзя взволнованныя сейчасъ своими экономическими невзгодами, конечно, рискованно, тѣмъ болѣе, что рядомъ вѣдь могутъ появиться програмы совсѣмъ иного рода, не останавливающіяся даже передъ „чернымъ передѣломъ".

Полемизируя въ послѣдней книгѣ съ В. А. Мякотинымъ, настаивавшимъ *) на необходимости всеобщаго и прямого голосованія именно въ виду того, что „вопросы политическіе тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ соціальными, требующими безотлагательнаго превращенія прежней жизни въ новую", авторъ внутренняго обозрѣнія въ „Вѣстникѣ Европы" пишетъ:

Что политическіе вопросы въ настоящее время тѣсно связаны съ соціальными, что въ массѣ народа пробудились потребности, игнорировать которыя было бы и не разумно, и опасно, что центръ тяжести политической

*) Въ докладѣ, прочитанномъ въ собраніи с.-петербугскихъ помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ.

жизни не долженъ быть искусственно перемѣщенъ въ сторону имущихъ классовъ—это и въ нашихъ глазахъ не подлежитъ никакому сомнѣнію: но въ разрѣзъ съ этимъ не идетъ защищаемая нами система...

Конечно *въ разрѣзъ* съ „потребностями, игнорировать которыя было бы неразумно и опасно", защищаемая „Вѣстникомъ Европы" избирательная система не идетъ. Она оставляетъ извѣстную возможность для „мѣропріятій, составляющихъ какъ бы продолженіе великой реформы 1861 г.",—для мѣропріятій „тщательно обдуманныхъ, осторожно проведенныхъ, считающихся съ пріобрѣтенными правами", но и то постольку лишь, поскольку такія мѣропріятія представляютъ лучшую гарантію противъ попытокъ насильственнаго захвата, обнимаемыхъ терминомъ: „черный передѣлъ", или—въ лучшемъ случаѣ — поскольку нынѣшнимъ земскимъ дѣятелямъ свойственна „способность возвышаться надъ классовыми интересами". Во всякомъ случаѣ „центра тяжести" на сторону *неимущихъ* классовъ эта система не перемѣщаетъ. Пользуясь фигуральнымъ выраженіемъ самого „Вѣстника Европы", можно сказать, что въ лучшемъ случаѣ она дастъ лишь стѣну, къ которой могутъ „прислониться" крестьянскіе интересы. Мысль о томъ, что крестьяне, можетъ быть, уже достаточно обтирали своими спинами стѣны земскихъ и дворянскихъ залъ и что крестьянскіе интересы сами по себѣ могутъ представить такую стѣну, къ которой должны будутъ прислониться всѣ другіе, — почтенному автору, повидимому, не приходитъ и въ голову.

Другимъ противникамъ всеобщаго и прямого голосованія эта перспектива, однако, видна, и, отстаивая цензовую систему при многостепенномъ голосованіи, они думаютъ не столько о томъ, чтобы ослабить давленіе сверху, сколько о томъ, чтобы предупредить давленіе снизу. Мы можемъ сослаться въ этомъ случаѣ на ту самую земскую среду, на которую „Вѣстникъ Европы" возлагаетъ такія большія надежды.

На апрѣльскомъ общеземскомъ съѣздѣ въ Москвѣ, кромѣ К. К. Арсеньева, противъ всеобщаго и прямого голосованія, какъ я уже упоминалъ, высказывались и другія лица.

Кн. Волконскій—читаемъ мы въ газетномъ отчетѣ объ этомъ съѣздѣ — опасается прямыхъ выборовъ по другимъ соображеніямъ: при всеобщемъ и прямомъ голосованіи крестьянство должно получить несомнѣнный подавляющій перевѣсъ надъ всѣми другими элементами населенія и можетъ произвести тотъ „черный передѣлъ", о которомъ не могутъ подумать безъ ужаса наши землевладѣльцы...

Екатеринославскій помѣщикъ Каменскій противъ всеобщаго голосованія, опасаясь проникновенія въ представительное собраніе „агитаторовъ и проходимцевъ безъ прошлаго и традицій"... Г. Каменскій, кромѣ того, думаетъ, что при всеобщемъ голосованіи на югѣ Россіи крестьяне безусловно учинятъ черный передѣлъ... *)

*) „Сынъ Отечества", 28 апрѣля.

Дѣло, конечно, не въ „черномъ передѣлѣ“, если подъ нимъ разумѣть „попытки насильственнаго захвата“. Рѣчь вѣдь идетъ о представительномъ собраніи и, стало быть, о тѣхъ *правомѣрныхъ* дѣйствіяхъ, какія можетъ предпринять послѣднее въ цѣляхъ разрѣшенія аграрнаго вопроса. Вѣдь только Л. Л. Толстой можетъ полагать, что „законныхъ“ способовъ для экспропріаціи земли, которую „дѣды и прадѣды барина получили за свои заслуги“, вовсе нѣтъ, что поэтому всякая мѣра въ этомъ направленіи будетъ „насильственной“ *). Вѣдь даже теперь частновладѣльческія земли экспропріируются, если это вызывается государственными или общественными надобностями.

Для государства, для закона,—говорилъ по этому поводу проф. Хвостовъ на аграрномъ съѣздѣ въ Москвѣ—неприкосновеннаго права не существуетъ. Ни одна реформа не можетъ осуществиться безъ уничтоженія того или другого права. Слѣдовательно, если бы въ интересахъ государственной необходимости было признано нужнымъ уничтоженіе института частной собственности на землю, то съ юридической точки зрѣнія это было бы вполнѣ закономѣрно **).

Внутренній обозрѣватель „Вѣстника Европы“, компетентность котораго въ юридическихъ вопросахъ стоитъ высоко, также полагаетъ, что съ „противозаконными, преступными нарушеніями охраняемаго закономъ права не имѣетъ ничего общаго закономѣрное вмѣшательство государства въ область аграрныхъ отношеній“, хотя бы это вмѣшательство и выразилось, напримѣръ, въ принудительномъ отчужденіи частновладѣльческой земли ***).

Дѣло, повторяю, не въ „черномъ передѣлѣ“, осуществляемомъ при посредствѣ дреколій. Онъ фигурируетъ въ приведенныхъ рѣчахъ лишь для вящшей важности. Дѣло въ томъ „подавляющемъ перевѣсѣ“, какой можетъ получить при всеобщемъ и прямомъ голосованіи крестьянство и который всей законодательной дѣятельности государства можетъ дать совершенно новое направленіе. Дѣло въ той принципіальной постановкѣ, какую можетъ получить при этомъ соціальная проблема.

Не лишне будетъ отмѣтить и сдѣланную на земскомъ съѣздѣ выходку противъ „агитаторовъ и проходимцевъ безъ прошлаго и традицій“. Не трудно, конечно, понять, что въ данномъ случаѣ разумѣется та часть „третьяго элемента“, которая особенно ярко обнаружила способность подняться надъ классовыми интересами. Да и какое, въ самомъ дѣлѣ — съ точки зрѣнія екатеринославскаго помѣщика—можетъ быть прошлое у разночинной интеллигенціи? Какія у нея могутъ быть традиціи? Прошлое и традиціи имѣются, конечно, только у нѣкоторыхъ земскихъ дѣятелей, у

*) „Новое Время“, 15 апрѣля.
**) „Русь“, 6 мая.
***) „Вѣстникъ Европы“, май.

которыхъ дѣды и прадѣды занесены въ родословныя книги и которые сами въ теченіе сорока лѣтъ почти безраздѣльно владѣли и владѣютъ единственной въ Россіи ареной представительства. Что касается прошлаго и традицій русскаго освободительнаго движенія, то едва ли екатеринославскіе и рязанскіе помѣщики ихъ знаютъ и тѣмъ болѣе едва ли ихъ цѣнятъ. Они привыкли пользоваться услугами разночиннаго интеллигента въ въ качествѣ секретаря и дѣлопроизводителя, но, какъ на самостоятельнаго и независимаго отъ нихъ политическаго дѣятеля, они могутъ взирать на него только съ ужасомъ.

Взятый самъ по себѣ, обозрѣватель „Вѣстника Европы" склоненъ въ настоящее время идти довольно далеко въ дѣлѣ удовлетворенія „пробудившихся въ массѣ народа потребностей". Такъ въ аграрномъ вопросѣ онъ изъявляетъ готовность идти до обязательнаго выкупа. И онъ, конечно, вполнѣ искренно надѣется, что проектированный имъ „компромиссъ" нисколько не помѣшаетъ проведенію соціально-экономическихъ реформъ, по скольку таковыя окажутся необходимыми. Онъ не будетъ ихъ иниціаторомъ, но не будетъ и ихъ противникомъ. Можетъ быть, и В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, когда будетъ обезпечена идея государственнаго всеединства, проявитъ больше благосклонности къ классовому самосознанію массъ. Но вѣдь идеологи важны не сами по себѣ, а по тѣмъ общественнымъ силамъ, которыя воспользуются ихъ идеологіей.

И въ данномъ случаѣ, несомнѣнно, произойдетъ то же, что произошло уже съ г. Шиповымъ. Послѣдняго тоже вѣдь нельзя заподозрить ни въ желаніи учинить травлю инородцевъ, ни въ стремленіи оградить сословныя привилегіи, ни въ намѣреніи оказать поддержку правящей бюрократіи. Но стоило ему поднять свой славянофильскій стягъ — и подъ него немедленно начали стекаться всякаго рода „истинно-русскіе люди" или — какъ я назвалъ ихъ въ прошлой хроникѣ—„заговорщики": отъ сановныхъ петербургскихъ чиновниковъ и родовитыхъ московскихъ дворянъ до всероссійскихъ антисемитовъ включительно. То же самое произойдетъ и съ либеральнымъ знаменемъ, которое стараются водрузить В. Д. Кузьминъ-Караваевъ и К. К. Арсеньевъ. Подъ него уже начали собираться екатеринославскіе помѣщики.

Вся разница лишь въ томъ, что одни возлагаютъ свои надежды на „самобытную форму", другіе же считаютъ необходимымъ воспользоваться „западно-европейской теоріей", приспособивъ ее къ своимъ интересамъ. Въ соціальномъ же отношеніи это силы одного порядка: на ихъ сторонѣ находится въ настоящее время „центръ тяжести", и онѣ не поступятся своимъ соціальнымъ вѣсомъ ради политической свободы.

XIII.

Насколько значительныя силы соберутся, въ концѣ концовъ, на „средней позиціи"—сказать трудно. Нѣкоторымъ указаніемъ въ этомъ случаѣ, пожалуй, можетъ служить упоминавшійся уже „общеземскій" съѣздъ въ Москвѣ. Работы этого съѣзда еще не опубликованы, не опубликована и программа „конституціонно-демократической партіи", какою—по словамъ газетъ—объявило себя большинство съѣзда. Первый же номеръ „Московскій Недѣли", въ которой должны были появиться относящіеся къ съѣзду документы,—какъ сообщаютъ изъ Москвы,—былъ задержанъ цензурою черезъ 3/4 часа по отпечатаніи. Мы можемъ поэтому судить о съѣздѣ по тѣмъ лишь отрывочнымъ свѣдѣніямъ, какія проникли о немъ въ другія газеты. По этимъ же даннымъ, противъ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія,—по крайней мѣрѣ, поскольку рѣчь шла объ учредительномъ собраніи,—высказалось лишь около одной четверти участвовавшихъ въ съѣздѣ лицъ, считая въ томъ числѣ Д. Н. Шипова, съ одной стороны, и К. К. Арсеньева — съ другой, т. е. и правый, и лѣвый „центръ".

Правда, составъ членовъ этого „общеземскаго" съѣзда уже заранѣе подвергся нѣкоторому отбору, такъ какъ меньшинство, въ одной своей части, само уклонилось отъ участія въ съѣздѣ, въ другой—не могло получить надлежащаго числа голосовъ при выборахъ въ земскихъ или созванныхъ для этой цѣли частныхъ собраніяхъ гласныхъ. Вообще же въ земствѣ оппортунистическія тенденціи, несомнѣнно, сильнѣе, чѣмъ онѣ отразились на этомъ съѣздѣ. Можно сомнѣваться, получилось ли бы даже простое большинство, если бы вопросъ о всеобщемъ, равномъ и прямомъ голосованіи былъ поставленъ на баллотировку въ самихъ земскихъ собраніяхъ. Помимо всего прочаго, въ данномъ случаѣ не малую роль сыграло бы уже то обстоятельство, что люди сжились съ цензовой и многостепенной системой. При томъ же выбранные сами по этой системѣ, они, естественно, были бы склонны преуменьшать ея недостатки и преувеличивать ея достоинства. Поэтому, между прочимъ, такъ и опасны всякія *переходныя* системы представительства. Появившись на свѣтъ, ни одна такая система, какъ свидѣтельствуетъ исторія, не уступала своего мѣста безъ борьбы, и при томъ подчасъ очень упорной борьбы. Мысль средняго человѣка сживается съ тѣмъ, что уже было испробовано въ жизни, и ее пугаетъ все новое, необычное. Когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ земскія собранія получили возможность высказаться о системѣ земскаго представительства, то дальше земскаго положенія 1864 г.,—съ тѣми или иными къ нему

несущественными поправками,—они не пошли. Ни одно земское собраніе, если только не измѣняетъ мнѣ память, даже не вспомнило про всеобщую и прямую подачу голосовъ. Да и сейчасъ, какъ я думаю, на этой системѣ легче согласить людей въ сферѣ государственнаго представительства, чѣмъ мѣстнаго.

Но за то внѣ земства всеобщее, прямое, равное и тайное голосованіе встрѣчаетъ очень много сторонниковъ. Уже городскія думы,—какъ ни малоинтеллигентенъ въ общемъ ихъ составъ,— несравненно дружнѣе, чѣмъ земскія собранія, высказываются за четырехчленную формулу и, можетъ быть, потому именно, что новымъ въ ней для нихъ является лишь всеобщая подача голосовъ. Прямое же, тайное и равное (за исключеніемъ г. С.-Петербурга) голосованіе практикуется и теперь при городскихъ выборахъ. Еще популярнѣе эта формула въ тѣхъ слояхъ общества, которые въ настоящее время совсѣмъ устранены отъ представительства, а именно, среди рабочихъ и среди разночинной интеллигенціи. Въ этой средѣ за всеобщее, прямое, равное и тайное голосованіе высказывается подавляющее большинство, и опять-таки, между прочимъ, конечно, потому, что мысль здѣсь, за отсутствіемъ какихъ-либо „традицій", болѣе свободно оцѣниваетъ различныя избирательныя системы. То же можно сказать и про окраины.

Вообще въ вопросѣ о политической реформѣ активныя общественныя силы держатся довольно компактной массой, располагающейся, несомнѣнно, лѣвѣе тѣхъ программъ и партій, съ которыми мы имѣли до сихъ поръ дѣло. Это и понятно. Политическое развитіе страны было слишкомъ на долго задержано,—и теперь чувствуется потребность въ очень большомъ шагѣ, даже въ цѣломъ скачкѣ. Консервативные и умѣренные элементы въ обществѣ при такихъ условіяхъ не могутъ быть многочисленны и вліятельны. Русское представительство, если оно хотя бы съ приблизительною точностью отразитъ имѣющіяся въ странѣ теченія, несомнѣнно, окажется—по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ—радикальнымъ.

Нельзя, однако, думать, что всѣ силы, идущія достаточно далеко въ своихъ политическихъ пожеланіяхъ, составятъ, въ концѣ концовъ, одну „конституціонно-демократическую" партію. Въ этой средѣ неизбѣжно свое разслоеніе. Въ скрытомъ видѣ оно существовало, конечно, съ самаго начала; теперь же оно начинаетъ обозначаться и снаружи.

Уже въ настоящее время нѣкоторые вопросы являются спорными. Таковы, напримѣръ, вопросы объ одно—и двухпалатной системѣ представительства, о женскомъ избирательномъ правѣ и нѣкоторые другіе. Съ теченіемъ времени ихъ станетъ еще больше. Въ конечномъ счетѣ различное отношеніе къ нимъ дастъ и въ политическомъ отношеніи существенно-различныя программы. Не

на политической, однако, почвѣ, нужно думать, произойдетъ самое дифференцированіе лѣвыхъ партій. Главную роль сыграетъ въ этомъ случаѣ, несомнѣнно, вопросъ соціальный.

Было время, когда политическая проблема настолько выдвинулась впередъ, что въ обществѣ появилась склонность думать, что ею только и ограничиваются „потребности минуты". Всѣ другія проблемы, казалось, могутъ быть отложены на-послѣ, до того момента, когда будетъ осуществлена политическая реформа. „Соціальныя противорѣчія на время должны быть забыты",—писала одна изъ демократическихъ газетъ *) не далѣе, какъ въ ноябрѣ прошлаго года. Этотъ lapsus, вполнѣ возможный въ спѣшномъ газетномъ дѣлѣ и немедленно сознанный, какъ таковой, газетою, тѣмъ не менѣе представляется для того момента въ высшей степени характернымъ. На почвѣ этого настроенія и создалось освобожденское движеніе. Тоже настроеніе окрасило собою банкеты и породило союзы. Послѣдніе, впрочемъ, уже сознаютъ необходимость осложнить свои политическія „резолюціи" соціальныхъ моментовъ. Но и за всѣмъ тѣмъ нѣкоторые до сихъ поръ не теряютъ надежды удержать участвующія въ борьбѣ за политическую реформу силы подъ однимъ знаменемъ. Отсюда и эти попытки создать „общеземскую" партію, и эти усилія найти общую для „большинства" участвующихъ въ освободительномъ движеніи силъ „конституціонно-демократическую" платформу.

Однако уже январьскіе дни показали, что соціальныя противорѣчія ни въ коемъ случаѣ не могутъ быть забыты. Правда, на первый взглядъ могло казаться,—а нѣкоторымъ, можетъ быть, и до сихъ еще поръ кажется,—что рабочее движеніе нашло себѣ поддержку даже среди фабрикантовъ и заводчиковъ, хотя бы въ видѣ тѣхъ записокъ, какія подъ впечатлѣніемъ январьскихъ событій различными ихъ группами были представлены высшему правительству. Но поддерживая политическія требованія рабочихъ, предприниматели въ то же время вели упорную борьбу съ ними на экономической почвѣ. Нѣкоторыя и при томъ наиболѣе важныя требованія рабочихъ они—и при томъ подчасъ въ составѣ тѣхъ же самыхъ группъ, которыя подавали „записки",—

---

*) „Сынъ Отечества", № 1. По отношенію къ другой изъ возникшихъ въ то время газетъ—къ „Нашей Жизни"—была сдѣлана сознательная попытка поставить ее, именно какъ „экклектическій" органъ, могущій объединить всѣхъ сторонниковъ политической реформы. Что касается соціально-экономическихъ вопросовъ, то они должны были—по этому плану—служить темой для свободнаго, внѣпартійнаго обсужденія на столбцахъ газеты. Но эта мысль на первомъ же, созванномъ редакторомъ-издателемъ, собраніи петербургскихъ литераторовъ была подвергнута рѣшительной критикѣ. Соціальный вопросъ—какъ тогда уже указывали многіе—очень скоро долженъ выдвинуться въ качествѣ очередной задачи, и отсутствіе у газеты опредѣленныхъ взглядовъ по этому предмету можетъ, породивъ смуту въ умахъ читателей, лишь повредить движенію.

объявили „совершенно непріемлемыми". Больше того. Рѣзко осуждая въ своихъ запискахъ бюрократію, они не отказывались и не отказываются идти съ нею рука объ руку въ рабочемъ вопросѣ. Такимъ образомъ, и политическая ихъ роль оказывается двусмысленной: они готовы занять всякую позицію, лишь бы отклонить угрожающій имъ ударъ въ экономической сферѣ. Этимъ, конечно, и объясняется то, на первый взглядъ очень странное, обстоятельство, что предприниматели въ политической борьбѣ, какъ классъ, остались необъединенными. Они разбрелись въ сущности по разнымъ партіямъ отъ „монархической" и вплоть до „конституціонно-демократической". Одни изъ нихъ все еще вѣрятъ въ бюрократію, другіе надѣются укрыться за „самобытной формой", третьи готовы прибѣгнуть къ помощи „западно-европейской теоріи". Но гдѣ бы они ни оказались, борьба съ рабочими неизбѣжна. Рабочее движеніе все растетъ и крѣпнетъ. Затяжной характеръ, какой получило оно, свидѣтельствуетъ, что это не случайная вспышка, что это кризисъ, что это одна изъ самыхъ важныхъ пертурбацій, какія переживаетъ и должна будетъ пережить страна.

Крестьянское движеніе еще сильнѣе подчеркнуло значеніе экономики. Съ появленіемъ массъ на сценѣ совершенно явственно обозначился двойственный характеръ движенія: общество въ цѣломъ борется съ бюрократіей и въ то же время внутри общества идетъ борьба между классами. Въ верхнихъ этажахъ люди озабочены больше всего тѣмъ, чтобы сломать стѣсняющія личность перегородки, внизу же главныя усилія направлены къ тому, чтобы пробить придавившіе массу своды. Въ сознаніи рабочихъ, и въ особенности крестьянства, экономическій моментъ рѣшительно превалируетъ надъ политическимъ. Отдѣлить соціальную проблему отъ политической поэтому совершенно немыслимо: ихъ неизбѣжно придется рѣшать вмѣстѣ.

Да и нигдѣ „реформа",—въ томъ, по крайней мѣрѣ, масштабѣ, въ какомъ приходится осуществлять ее намъ,—не ограничивалась перестройкой однихъ политическихъ учрежденій; вездѣ она сопровождалась болѣе или менѣе существенными преобразованіями и въ сферѣ соціальныхъ отношеній. Вопросъ можетъ быть только въ томъ, какіе классы учтутъ ее въ свою пользу. И въ этомъ отношеніи наше положеніе представляется дѣйствительно особымъ. Буржуазія во Франціи, напримѣръ, при однородныхъ условіяхъ занимала наступательную позицію, у насъ же, какъ я уже говорилъ, она должна обороняться. И состояніе общественной мысли, и самосознаніе массъ едва ли позволятъ ей безъ помѣхи продѣлать обычную въ такихъ случаяхъ операцію: чужими руками загрести весь жаръ въ свою пользу.

Во всякомъ случаѣ партіи, желающія въ предстоящихъ преобразованіяхъ опереться на массу, не могутъ ограничиться чисто

политической платформой. Онѣ должны включить въ свои программы тѣ или иныя соціально-экономическія реформы. Въ настоящее время и происходитъ эта работа. Чтобы сознательно отнестись къ тѣмъ общественнымъ группировкамъ, какія при этомъ возникнутъ и какія до извѣстной степени уже намѣтились, мы должны ближе присмотрѣться къ аграрному и рабочему движеніямъ.

Извиняюсь передъ читателями, что я такъ медленно подходилъ къ этой наиболѣе важной и, несомнѣнно, особенно волнующей ихъ темѣ. Но мы должны были пройти по довольно широко уже развернувшемуся политическому фронту, чтобы видѣть, кто гдѣ остановился.

А. Пѣшехоновъ.

Случайныя замѣтки.

Теорія и практика въ русской жизни. Если судьба приведетъ васъ скитаться по нашимъ селамъ, вы не разъ испытаете такое недоразумѣніе. На картѣ и по спискамъ село именуется „Яковлевкой“. Чтобы удостовѣриться, спрашиваете перваго встрѣчнаго:

— Это Яковлевка?

— Нѣтъ, это Кармазово.

— А Яковлевка гдѣ?

— Такой что-то и не слыхать по нашимъ мѣстамъ.

Спрашиваете другого, третьяго; наконецъ, находится грамотей и заявляетъ:

— Да это самая Яковлевка и есть! Только настояще прозывается она Кармазово, а „пишется“ Яковлевка.

Это безобиднѣйшій, такъ сказать, полюсъ того сплошного недоразумѣнія, которое угнетаетъ Россію, вслѣдствіе полнаго противорѣчія между тѣмъ, что „пишется“, и тѣмъ, что существуетъ въ дѣйствительности.

Въ событіяхъ на Дальнемъ Востокѣ другой полюсъ этого недоразумѣнія. Въ основѣ исторіи тамошнихъ ужасовъ не малую роль сыгралъ страшный разладъ между тѣмъ, что писалось, и что было въ дѣйствительности.

Въ Петербургѣ „пишутся“ стопы бумагъ „объ охранѣ полной силы закона“ въ отношеніи Яковлевки, а въ Кармазово не перестаетъ гремѣть: „я покажу тебѣ такой законъ, что!..“

Этотъ разладъ между теоріей и практикой, смѣшеніе того, что можетъ быть признано теоріей и что практикой—выступаетъ

въ иныхъ случаяхъ, какъ симптомъ, отвлеченно выражающій болѣзненное состояніе нашей страны. Это — схематическій символъ многихъ нашихъ тяжелыхъ горестей.

Въ извѣстныхъ сферахъ царитъ воззрѣніе, что всѣ теоріи вредны. Эта теорія о вредности теорій опредѣляется, какъ дѣловое, настоящее практическое направленіе. Между тѣмъ партизаны „дѣла“, а не „вредныхъ измышленій“, послѣдователи „практики“ въ направленіи своей дѣятельности придерживаются, сами не замѣчая того, крайне фантастичныхъ представленій о нашей жизни, представленій, нароставшихъ вѣками путемъ канцелярскихъ преданій и теорій отъ временъ покоренія Крыма до нашихъ дней. Можно прослѣдить, напр., какъ расло преданіе о „вредномъ направленіи умовъ и книгъ“, зародившись въ XVIII столѣтіи отъ взгляда на книгу Радищева, вплоть до настоящаго времени, расло внѣ всякаго отношенія къ дѣйствительному направленію умовъ, къ измѣняющимся условіямъ жизни, не сообразуясь съ происходившимъ духовнымъ ростомъ населенія, съ состояніемъ умственныхъ силъ общества, его потребностей и т. д.

Въ бюрократическихъ сферахъ принимались во вниманіе не явленія дѣйствительной физни, а фантомы, которые самозарождались отъ архивной пыли или подъ вліяніемъ искусственныхъ фабрикацій такихъ заведеній, какъ „Московскія Вѣдомости“, и расли уже далѣе по законамъ умозрительнаго мышленія, вызывая системы, создавая руководящіе принципы, не имѣя никакихъ корней въ той самой дѣйствительности, которую они стремились направлять.

Такими удивительными фантомами выступали до послѣдняго времени, напр., представленія о земствѣ. По воззрѣніямъ покойнаго фонъ-Плеве, земцы являлись чѣмъ-то въ родѣ македонскихъ революціонныхъ четъ, а дѣятельность земскихъ агентовъ, нерѣдко даже консервативнаго характера, представлялась ему въ видѣ непрерывнаго печатанія прокламацій. Такими упорными фикціями являются представленія о какой-то группѣ „крамольниковъ“, напоминающей гидру съ вѣчно возрождающимися головами. Сюда же относится настойчивое исканіе — вмѣсто свободнаго выясненія *условій* русской жизни — „подстрекательства злонамѣренныхъ лицъ“, какими-то сказочными путями летающихъ изъ края въ край (не смотря на паспортную систему!). Такими же фантомами являются сепаратическія стремленія малороссовъ, якобы скрывающіяся въ ихъ заботахъ о родной рѣчи и просвѣщеніи массъ, разрушительныя стремленія религіозныхъ сектъ и многое, многое, что такъ пышно растетъ въ легендарныхъ преданіяхъ бюрократіи и какой-то, неизвѣстно гдѣ существующей, русской жизни. Обыватель, привыкшій испытывать ужасы только со стороны Держимордъ, съ удивленіемъ озирается, тщетно ища этихъ напускаемыхъ на него страховъ.

И тѣмъ не менѣе, всегда утверждалось, что почвой этихъ фикцій являлось „дѣло", а всякое стремленіе уяснить истинное положеніе дѣлъ признавалось „вреднымъ измышленіемъ", теоріей, „утопіей". Но что же можетъ быть болѣе утопичнымъ, какъ не представленія бюрократіи о жизни!

Не смотря на всѣ эти полныя ужаса и страха представленія, долженствовавшія, казалось бы, предотвратить проявленіе всякаго протеста бюрократіи, все время приходилось наталкиваться на сюрпризы и открывать Америки какъ разъ въ этой области: извѣстно, что такимъ сюрпризомъ явилось рабочее движеніе, стачки, крестьянскія волненія, умственный ростъ страны, не смотря на всѣ неблагопріятныя условія, политическая зрѣлость общества и т. п.

Неосвѣдомленность бюрократіи по всѣмъ вопросамъ жизни внутренней и внѣшней бьетъ теперь въ глаза всѣмъ. Истиннаго представленія объ опасномъ и не опасномъ, о силахъ и настроеніи общества, о вредномъ и не вредномъ—у нея не существуетъ. Но откуда черпать бюрократіи эту освѣдомленность? Мѣстные агенты, набранные изъ отставныхъ фельдфебелей, унтеровъ, различныхъ темныхъ личностей, подъ наблюденіе которыхъ отдана Россія, и изъ докладовъ которыхъ создаются свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ странѣ,—развѣ эти агенты способны составлять представленія о нравственныхъ и интеллектуальныхъ силахъ страны, о жизни и интересахъ населенія, объ экономическомъ состояніи страны, о различныхъ теченіяхъ въ обществѣ и характерѣ ихъ—обо всемъ, что превышаетъ уровень пониманія такихъ агентовъ?

Въ странѣ нѣтъ органовъ, отъ которыхъ правительство могло бы черпать настоящую освѣдомленность и познанія объ истинномъ положеніи дѣлъ, а не устрашающія представленія о злонамѣренныхъ лицахъ, искусственно создаваемыя въ участкахъ и канцеляріяхъ.

Данъ полный просторъ для созиданія теорій и фикцій. Гражданское развитіе населенія крѣпло и расло, но это признавалось теоріей, „вредной теоріей". О Россіи „писалось", что тамъ царятъ „бытовые устои", какія-то „особенности быта", невѣдомыя обывателямъ, признававшимъ таковыми особенностями развѣ мордобитія и зуботычины отечественныхъ Держимордъ. Во имя теоріи „бытовыхъ особенностей"—этого удивительнаго преданія нашихъ канцелярій—угнеталось все живое, всѣ стремленія людей устроить жизнь посноснѣе, запрещалось просвѣщеніе, урѣзывались всякія начинанія, какъ по улучшенію хозяйственной обстановки, такъ и по подъему культурнаго уровня жизни. „Бытовыя особенности", выдвигавшіяся, какъ практическое наблюденіе, какъ фактъ бюрократической прозорливости, оказывались для жизни неодолимыми путями и всякое стремленіе *реальной жизни* сдвинуть эти пути „бытовыхъ особенностей" опредѣлялось, какъ

вредная *теорія*. Пишется—„бытовыя особенности“, а настоящее оказывается—уродованіе всякаго быта.

Народное просвѣщеніе, развитіе массового сознанія, — какъ основа силы народа, не только духовной, но и экономической, матеріальной и военной мощи его — это „теорія“ вредная, конечно.—„Животомъ навалимся“, „нутромъ возьмемъ“. Это полезное, дѣловое, практическое направленіе. Это преданіе восходитъ уже до временъ монгольскаго періода русской исторіи. И вотъ этотъ „практическій“ взглядъ о существованіи особаго русскаго нутра, которое „все можетъ“, культивируемый и военными сферами, такъ мучительно для насъ столкнулся на Дальнемъ Востокѣ съ результатами „измышленій“ о силѣ просвѣщенія народа.

Правда, до извѣстной степени необходимость массового просвѣщенія всетаки признавалась, но это признаніе вылилось въ оригинальную форму учрежденія особой балансирующей организаціи, которая должна, съ одной стороны, какъ будто содѣйствовать просвѣщенію, а съ другой—оберегать особенности „быта“—т. е. невѣжество—въ полной сохранности, именно въ форму учрежденія дирекціи и инспекціи народнаго просвѣщенія. Съ одной стороны, будто бы вѣра въ русскаго человѣка, съ другой — подозрѣніе. „Учись грамотѣ, но не больно шибко, а главное грамотѣ учись, но книжекъ не читай; поскорѣе забудешь,—такъ-то лучше будетъ“. А еще проще—школы стали „писать“, выводя на бумагѣ огромное число несуществующихъ школъ, которыхъ и не заводили: какъ будто и есть „просвѣщеніе“, а въ сущности и нѣтъ.

Точно такимъ же образомъ „пишется“ у насъ и „существующій строй“. Говоря по существу дѣла, такого строя и быть не можетъ. Онъ нарушается постоянно, чуть не ежедневно, законодательными нововведеніями высшей власти, циркулярами, распоряженіями, отмѣняющими старый порядокъ, вводящими новый, не говоря уже о практикѣ жизни, которая всячески обходитъ то, что ее стѣсняетъ, объ обычаяхъ, вытѣсняющихъ мертвыя формы уставовъ, какъ капли дождя, пробивающія гранитъ, разрушающія упорные, какъ сталь, породы. Развѣ введеніе земскихъ начальниковъ, реформа городского и земскаго самоуправленія, введеніе винной монополіи, отмѣна круговой поруки, тѣлеснаго наказанія и пр., пр., — не было нарушеніемъ существовавшаго строя? А въ свое время, въ царствованіе императора Александра I, учрежденіе министерствъ, государственнаго совѣта; при императорѣ Александрѣ II, освобожденіе крестьянъ, введеніе всеобщей воинской повинности и т. д., — развѣ это не было нарушеніемъ существовавшаго строя? Со времени существованія судебной реформы, т. е. на протяженіи какихъ-либо сорока лѣтъ—юристы насчитываютъ около 800 новелъ въ правовой области нашего

„строя“. Практика циркулярныхъ распоряженій, пріостанавливавшихъ „полное дѣйствіе законовъ“, или шедшихъ въ разрѣзъ съ ними—развѣ это не посягательство на существующій строй? Въ настоящее время стѣсненіе мѣстной властью права обсужденія общественными учрежденіями реформъ въ области государственнаго управленія, дарованнаго высочайшимъ указомъ,—не ясное ли посягателство бюрократіи на силу существующаго порядка?

О какомъ же строѣ идетъ рѣчь? Не подставляется ли иногда слово „строй“ взамѣнъ келейныхъ интересовъ бюрократіи, ничего не имѣющихъ общаго съ интересами государственнаго строя? У насъ нападеніе на захолустнаго полицейскаго пристава разсматривается самымъ серьезнымъ образомъ, какъ „посягательство на существующій строй“. Въ иныхъ нашихъ углахъ, въ глазахъ блюстителей „строя“ изъ унтеровъ, деже вегетаріанство—несомнѣнное посягательство на „существующій строй“. Въ деревнѣ всякій, читающій книжку, уже тѣмъ самымъ, по мнѣнію „наблюдателей“, посягаетъ на бѣдный, русскій строй. А въ то же время злоупотребленія всякаго рода, взятки, произволъ, казнокрадство, насиліе надъ обывателями—не разсматриваются, какъ посягательства на законы страны и существующій строй. Наоборотъ, стремленіе раскрыть злоупотребленія, вывести на свѣжую воду эти худшіе элементы нашего строя—служитъ признакомъ стремленія „разрушить установившійся государственный порядокъ“.

Что же, однако, болѣе всего разлагаетъ всякій государственный строй, какъ не злоупотребленія и произволъ администраціи? Именно послѣдній и есть наиболѣе предательское и вопіющее посягательство на крѣпость и устойчивость какого бы ни было государственнаго порядка. А съ другой стороны, требованіе общественнаго контроля и есть требованіе государственнаго порядка въ странѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, что же стремятся охранять наши охранители? Особенности русскаго быта, то есть хроническое недоѣданіе, невѣжество народа, озлобленіе народныхъ массъ, растлѣвающее вліяніе взятки и подкупа?

Правда, охранители утверждаютъ, что русская жизнь стоитъ въ оппозиціи къ государственному порядку. Но въ дѣйствительности дѣло стоитъ какъ разъ наоборотъ: русская жизнь именно требуетъ твердаго государственнаго порядка и всѣми силами стремится сбросить съ себя иго безпорядка, царящаго во всѣхъ областяхъ жизни, безпорядка, именуемаго „бытовыми особенностями“. *Борьба съ безпорядкомъ*—вотъ то, что написано на знамени современнаго общественнаго движенія. Всѣ помыслы населенія направлены на полученіе гарантій въ осуществленіи правомѣрнаго, твердаго, безъ изъятій, государственнаго *порядка*, при

которомъ только и возможно культурное матеріальное и духовное развитіе страны.

Было бы весьма печально для Россіи, если бы въ дѣйствительности государственный строй страны поддерживался исключительно полицiймейстерами, жандармами и темными агентами. Жалко то государство, чей строй поддерживается городовыми, такъ какъ только охотники до легендъ способны повѣрить, будто крѣпость государственнаго строя создается бдительностью полиціи.

Дѣйствительная крѣпость Россіи, какъ и всякой другой страны, опирается только на общество.

Мысль о томъ, что устои русскаго государства могутъ быть поколеблены свободой печати, неприкосновенностью личности—мысль позорная и для власти, и для общества. Еще болѣе дико, нелѣпо и до боли обидно для русскаго человѣка думать, что эти устои охраняются не чувствомъ, умомъ, соціальной выдержкой стомилліоннаго общества, а отрядами голубыхъ жандармовъ и конныхъ стражниковъ. Неужто въ нагайкѣ крѣпость и мощь Россіи?

Накканунѣ объявленія освободительнаго манифеста 19 февраля, въ административныхъ сферахъ, какъ свидѣтельствуютъ хроники того времени, царило крѣпкое убѣжденіе, что дарованіе воли ознаменуется сильнѣйшими крестьянскими безпорядками, и принимались такія удивительныя мѣры, какъ снаряженіе артиллеріи, непрерывныя дежурства во всѣхъ войсковыхъ частяхъ и т. п. Не поразительная ли странность взглядовъ: народъ несъ столько времени цѣпи рабства безъ всякихъ непрерывныхъ дежурствъ, вдали отъ пушекъ, а въ моментъ долго жданнаго освобожденія вдругъ понадобились пушки. Будто пушки поддерживали крѣпостной строй, будто пушки и могли остановить, если бы дѣйствительно разыгралось то, что думали! И теперь, какъ и тогда, взгляды направлены не въ ту сторону, положеніе вещей остается совершенно не яснымъ тѣмъ, кто упорно и безстыдно думаетъ, что строй можетъ быть удержанъ пушками и нагайками.

Когда на рубежѣ 40-хъ и 50-хъ годовъ И. С. Аксаковъ былъ посланъ во внутреннія губерніи для собиранія статистико-экономическихъ свѣдѣній объ ярмаркахъ, онъ, приглядываясь къ провинціальному „быту", пришелъ въ ужасъ отъ того попранія правовыхъ принциповъ, казнокрадства и всяческихъ злоупотребленій, какія царили въ средѣ дореформеннаго чиновничества, тщательно всѣми мѣрами охранявшаго свои „устои" и свой „строй". И если находились въ этой средѣ, писалъ Аксаковъ въ извѣстномъ письмѣ,—личности, которыми поддерживался тлѣющій огонекъ гражданской жизни, дѣлавшими жизнь сносною, то все это были, по горькому для славянофила признанію, „поклонники Бѣлинскаго".

Представителей духовныхъ, просвѣтительныхъ началъ нельзя упрекнуть ни въ искательствѣ концессій въ Кореѣ, ни въ грабежахъ на сибирской желѣзной дорогѣ, ни въ расхищеніи подарковъ, адресованныхъ въ Манчжурію солдатамъ, ни въ подстрекательствахъ къ избіенію младенцевъ, ни въ обворованіи казны, ни въ крикахъ: „я тебѣ такой законъ покажу!“ и пр., и пр. Благодаря только дѣятельности этихъ представителей, употреблявшихъ героическія усилія на подъемъ культуры въ странѣ—не смотря на всѣ противодѣйствія охранителей въ духѣ „Московскихъ Вѣдомостей“,—наша страна не погрязла въ безнадежной тинѣ тьмы, невѣжества, дикости, равнодушія къ судьбамъ родины, во всемъ томъ, что приводили въ исторіи всѣ государства къ разложенію и паденію, и чего добивались въ своихъ интересахъ разрушители основъ Россіи—поклонники „Московскихъ Вѣдомостей“.

Такова практика и теорія въ русской жизни.

Теорія „охраненія“ привела къ практикѣ разложенія, къ возникновенію смутъ, а практика укрѣпленія матеріальной и духовной силы народа подвергается изгнанію, заточенію и объявляется „вредной теоріей“.

Пора, наконецъ, разстаться съ темными преданіями о небывалой русской жизни и дать возможность самой жизни сказать о себѣ дѣйствительное, правдивое слово.

Л. П. Сокальскій.

О спеціалистахъ по сѣченію. За послѣднее время въ газетахъ появился цѣлый рядъ извѣстій о широкомъ примѣненіи розогъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Черниговской, Орловской и Курской губерній въ связи съ бывшими тамъ аграрными волненіями. Слухи объ этомъ ходили и раньше, теперь же выяснились очень характерныя подробности. Такъ, землевладѣлица сѣвскаго уѣзда, г-жа Линтварева, пишетъ въ „Русскія Вѣдомости“, что тѣлесныя наказанія примѣнялись „не для усмиренія крестьянскихъ волненій, которыя утихали даже при одномъ словѣ „солдаты“, а *при допросахъ*, когда велось первоначальное дознаніе. На заявленіе крестьянъ, что тѣлесныя наказанія отмѣнены закономъ, никакого вниманія обращено не было“ *). По словамъ „Руси“ крестьяне одного селенія произвели порубку въ помѣщичьемъ лѣсу еще въ январѣ мѣсяцѣ, а въ мартѣ, т. е. *спустя два мѣсяца*, явились власти и подвергли сѣченію около 50 человѣкъ. Въ одномъ мѣстѣ сѣченію былъ подвергнутъ даже дворянинъ, занимавшій должность помощника волостного писаря. По сообщенію корреспондента газеты „Temps“, „лица, производящія слѣдствіе, привозятъ

*) „Русскія Вѣдомости“. 10 мая.

съ собою заготовленные пучки гибкихъ прутьевъ и *спеціалистовъ по сѣченію*" *).

Въ печати появился цѣлый рядъ статей по поводу этого беззастѣнчиваго попиранія законности, не могущаго найти себѣ оправданія даже въ „чрезвычайныхъ обстоятельствахъ", какими будто бы явились въ данномъ случаѣ крестьянскія волненія. „Пріостановка дѣйствія законовъ, — писалъ по этому поводу авторъ „Общественной хроники" въ „Вѣстникѣ Европы", — понятна только *во время* безпорядковъ, а не послѣ ихъ прекращенія — да и во время безпорядковъ она не должна переходить за границу *необходимой* обороны. Съ этой точки зрѣнія мы всегда возставали противъ экзекуцій, такъ часто слѣдовавшихъ за безпорядками въ сельскихъ мѣстностяхъ, а иногда и въ городскихъ: мы старались доказать, что самое производство экзекуцій возможно только послѣ водворенія порядка, когда ничто не мѣшаетъ *легальному* преслѣдованію и наказанію виновныхъ". Между тѣмъ въ данномъ случаѣ „сплошное сѣченіе" крестьянъ практиковалось именно „въ видѣ возмездія" и, — что, можетъ быть", еще отвратительнѣе и беззаконнѣе, — „въ качествѣ средства для вынужденія показаній" **). „Что же это такое?—спрашиваютъ „Новости". — Неужели мы возвращаемся къ эпохѣ застѣнковъ и пытокъ?" ***).

Очевидно; но удивляться въ данномъ случаѣ нечему. „Бурный оборотъ русской жизни съ начала января, — говоритъ по этому поводу „Наша Жизнь" — вызвалъ усиленное примѣненіе административныхъ крупныхъ мѣръ, въ результатѣ которыхъ совершенно исчезла и тѣнь неприкосновенности обывателя. Въ жизни восторжествовали не формальныя обѣщанія, а естественное избивательное право безъ различія національностей, пола и возраста, право, которое администрація считаетъ своей неотемлемой прерогативой, и которое реализуется ею въ каждую данную минуту" ****). „Мы не хотимъ вѣрить слухамъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ", — писалъ „Вѣстникъ Европы". Но теперь, когда оглашенъ уже цѣлый рядъ фактовъ, нельзя не вѣрить.

Единственно, что можетъ еще вызывать нѣкоторое неудомѣніе въ вышеприведенныхъ замѣткахъ, это упоминаніе о „спеціалистахъ по сѣченію". Въ самомъ дѣлѣ, что же это такое за спеціалисты? Неужели есть такая наука и неужели она гдѣ-нибудь и кому-нибудь преподается?

Какихъ спеціалистовъ возятъ съ собою „лица, производящіе слѣдствіе" въ Черниговской, Курской и Орловской губерніяхъ, мы не знаемъ, но съ своей стороны можемъ удостовѣрить, что наука

---

*) Цитируемъ по перепечаткѣ въ газетѣ „Новости" отъ 12 мая.
**) „Сынъ Отечества", 13 мая.
***) „Новости", 12 мая.
****) „Наша Жизнь", 12 мая.

такая есть, и что есть въ Россійской имперіи такія учебныя заведенія, въ которыхъ она преподается. Между прочимъ, такое учебное заведеніе есть и въ Черниговской губерніи. Это—глуховскій учительскій институтъ.

Въ теченіе уже двадцати лѣтъ и вплоть до настоящаго момента педагогика въ этомъ „мужицкомъ университетѣ" преподается по учебнику нѣкоего Шутце, переведенному на русскій языкъ директоромъ того же „университета", г. Бѣлявскимъ. На страницѣ 262 этого учебника мы читаетъ:

„Тѣлесныя наказанія состоятъ въ томъ, что дитя за слишкомъ неприличное поведеніе подвергается ударамъ (розгами или палочкою) и физическому страданію. Учитель элементарнаго класса чаще бываетъ вынужденъ побудить дитя щелчкомъ къ вниманію и тишинѣ. Но не эти легкіе щелчки и толчки собственно называются тѣлеснымъ наказаніемъ... Вообще слѣдуетъ держаться правила, что тѣлесное наказаніе примѣняется только въ исключительныхъ случаяхъ...

„При всемъ томъ, и лучшимъ учителямъ приходится иногда прибѣгать къ тѣлеснымъ наказаніямъ. Они являются законными при открытомъ непослушаніи, при умышленной порчѣ учебныхъ принадлежностей и т. д..."

„Что касается частей тѣла, подвергающихся боли, то лучше всего наказывать ученика по задней части. Бить по рукѣ или по оконечностямъ пальцевъ, что было въ большомъ ходу въ прежнее время, нынѣшнею педагогіей воспрещается. Здѣсь часто случается, что ученикъ отниметъ руку, которую хотятъ бить; учитель даетъ промахъ, чѣмъ возбуждаетъ смѣхъ въ классѣ и роняетъ авторитетъ въ глазахъ учениковъ. Бить по головѣ линейкой или смычкомъ тоже неумѣстно. Благороднѣйшую часть тѣла учитель долженъ считать святынею и никогда не подвергать ее наказанію... Важно не количество ударовъ; съ тѣлеснымъ наказаніемъ соединяется стыдъ и это главное, боль на второмъ планѣ. Воровство и подобные пороки учитель можетъ наказывать самъ только въ такомъ случаѣ, если они произошли въ классѣ; въ чемъ же дѣти провинятся внѣ школы, за то могутъ наказывать ихъ родители или даже полиція"...

Какъ видите, теорія та же самая, какая практикуется въ качествѣ возмездія за аграрныя волненія. „Тѣлесныя наказанія примѣняются только въ исключительныхъ случаяхъ"... „Они являются законными при открытомъ непослушаніи, при умышленной порчѣ помѣщичьяго имущества и т. д." Да и бить „по задней части" несравненно удобнѣе: тутъ ужъ не промахнешься. Въ конечномъ же счетѣ „важно не количество ударовъ; съ тѣлеснымъ наказаніемъ соединяется стыдъ и это главное"...

Съ глуховскимъ учебникомъ педагогики мы имѣли желаніе познакомить читателей еще въ прошломъ году, но воздержались,

надѣясь, что хоть всемилостивѣйшій манифестъ отъ 11 августа произведетъ впечатлѣніе на глуховскихъ педагоговъ. Но наши надежды оказались напрасными. Педагоги, очевидно, собрались, обсудили и рѣшили, что манифестъ самъ по себѣ, а ихъ педагогика сама по себѣ... Во всякомъ случаѣ, г. Бѣлявскій (или его наслѣдники — живъ ли сей почтенный мужъ, намъ неизвѣстно) еще долго можетъ получать доходъ съ приспособленнаго имъ къ русскимъ условіямъ учебника.

И мы должны признать, что они правы. „Всеобщее избивательное право" еще не скоро исчезнетъ изъ русской жизни и во всякомъ случаѣ не раньше, чѣмъ появится „всеобщее избирательное право". А эта Улита пока еще ѣдетъ... **И. Абр.**

Къ характеристикѣ Н. М. Баранова. Герой „Весты", бывшій нижегородскій губернаторъ Николай Михайловичъ Барановъ, достаточно нашумѣвшій въ свое время, навѣрно, въ концѣ концовъ дождется наравнѣ со многими нашими „знаменитостями" второй половины XIX вѣка и своего справедливаго біографа. До сихъ поръ, однако, такого біографа еще не было. Послѣ смерти Баранова въ печати появилось не мало посвященныхъ ему замѣтокъ. Лучшая изъ нихъ была въ „Новомъ Времени" за подписью г. Скальковскаго, который воздалъ должное актерскимъ и позерскимъ талантамъ покойнаго. Къ сожалѣнію, главнѣйшія и общественно-важныя черты Баранова по неизвѣстнымъ причинамъ не нашли себѣ мѣста въ этой замѣткѣ. Можетъ быть, тому помѣшали цензурныя условія того времени, можетъ быть, авторъ и по Баранову скользнулъ лишь со своей обычной легкостью папильона. Тѣмъ не менѣе, даже малая доля правды возмутила панегиристовъ Баранова, и они яростно набросились на г. Скальковскаго, увѣряя, что покойный „герой" и „электрическій генералъ" былъ справедливъ, уменъ, отзывчивъ, храбръ, трудолюбивъ, честенъ, добръ и вообще былъ воплощеніемъ всякихъ качествъ и добродѣтелей. Къ этому гг. панегиристы прибавили, что г. Скальковскій протанцовалъ неприличный танецъ на могилѣ, достойной лишь поклоненія. На этихъ восхваленіяхъ и окончились характеристики Баранова, и, конечно, желательно, чтобы историческая, спокойная и объективная правда сказала когда-нибудь свое слово.

Съ цѣлью посильно послужить этой правдѣ имѣющимся у меня матеріаломъ, я напечаталъ въ № 12 – 1904 г. и № 2 — 1905 г. „Русскаго Богатства" двѣ статьи: „Холера и гласность" и „Исторія одного хищенія", въ которыхъ сгруппированы нѣкоторые факты, очень характерные для Баранова. Въ настоящей замѣткѣ я привожу еще два эпизода, обрисовывающіе отношеніе покойнаго къ земству и къ людямъ, не имѣвшимъ возможности за себя постоять.

Зима 1891—1892 гг. ознаменовалась для Нижегородской губерніи сильнымъ голодомъ и борьбою Баранова съ „лукояновцами“, не желавшими этотъ голодъ признавать. Борьба возникла неожиданно и всѣхъ нижегородцевъ очень удивила, такъ какъ до голода Барановъ и „лукояновцы“ были друзьями, о которыхъ говорятъ—„водой не разольешь“. Причина борьбы была въ томъ, что Барановъ „схватился“ за голодъ, чтобы выказать свою необыкновенную распорядительность и... поворочать большими денежными ассигновками. „Лукояновцы“ уперлись на отрицаніи голода въ силу своего предвзятаго, крѣпостническаго взгляда на мужиковъ, какъ на пьяницъ, лѣнтяевъ и лгуновъ. Вотъ тутъ то и „пошла писать губернія“. А до голода и борьбы дружба Баранова съ „лукояновцами“ была самая тѣсная и выразилась она, между прочимъ, въ слѣдующемъ фактѣ.

Въ концѣ 80-хъ годовъ предсѣдателемъ лукояновской земской управы былъ В. А. Гориновъ, не дворянинъ, и по независимости своего характера человѣкъ непріятный „лукояновцамъ“, то есть мѣстнымъ уѣзднымъ аристократамъ. Кромѣ г. Горинова, въ то время въ лукояновскомъ земствѣ было еще нѣсколько человѣкъ гласныхъ—сторонниковъ народнаго образованія и дарового лѣченія. „Лукояновцы“ рѣшили очистить „свое“ земство отъ этихъ „вредныхъ элементовъ“ и при помощи Баранова съ успѣхомъ это продѣлали: изъ гласныхъ всѣ нежелательные были не утверждены, а г. Гориновъ былъ забаллотированъ профильтрованнымъ собраніемъ.

На мѣсто г. Горинова торжествующіе „лукояновцы“ провели Н. Д. Валова, мѣстнаго купца. Вотъ что говоритъ о немъ В. Г. Короленко въ своей книгѣ (стр. 64) „Въ голодный годъ“:

„Валовъ—человѣкъ далеко не выдающихся умственныхъ способностей,—явился на мѣстѣ предсѣдателя волею торжествующей лукояновской дворянской партіи, которая поставила себѣ совершенно сознательно программу, формулированную очень кратко: нужно, чтобы въ земской управѣ стояли три пустыхъ стула... И Валовъ съ гордостью принялъ отъ своихъ покровителей роль... пустого стула“.

Всему этому издѣвательству надъ земствомъ Барановъ покровительствовалъ, пока онъ не поссорился съ „торжествующей лукояновской дворянской партіей“, то есть съ „лукояновцами“; но какъ только возгорѣлась борьба, такъ и пришелъ конецъ. Баранову скоро сталъ непріятенъ на мѣстѣ лукояновскаго предсѣдателя г. Валовъ, ставленникъ „лукояновцевъ“, и Барановъ его низвергнулъ столь же легко, какъ и возвеличилъ. Съ этой цѣлью Барановъ написалъ донесеніе въ Петербургъ, и оттуда вскорѣ пришелъ отвѣтъ: устранить Н. Д. Валова по высочайшему повелѣнію впредь до выясненія дѣла.

---

*) Изданіе третье, стр. 64.

Г. Валовъ устранился, оскорбленный и униженный. Въ своемъ прошеніи, впослѣдствіи поданномъ по этому поводу для возстановленія своихъ правъ, онъ, между прочимъ, написалъ: „Я чувствовалъ себя нравственно совершенно подавленнымъ, у меня почти не было надежды когда-либо возстановить свое доброе имя, родные и близкіе стали опасаться за мои умственныя способности. Меня угнетала мысль, что я, человѣкъ невинный, всей Россіей причисленъ къ позорнымъ негодяямъ, не стыдящимся воровать пропитаніе даже у голодающихъ“...

Насколько Барановъ былъ неправъ въ своемъ донесеніи на г. Валова, видно изъ того, что чрезъ два года г. Валовъ добился въ губернскомъ и уѣздномъ земскихъ собраніяхъ пересмотра его „дѣла“, и собранія единогласно признали, что все было сплошнымъ „недоразумѣніемъ“ и что въ дѣятельности г. Валова не было ничего криминальнаго. Да оно и понятно: все гоненіе возникло изъ-за дружбы Н. Д. Валова съ „лукояновцами“, съ которыми у Баранова въ то время шла борьба.

На мѣсто устраненнаго Н. Д. Валова попалъ его однофамилецъ— Е. В. Валовъ. И на этого, номеръ второй, Валова Барановъ взглянулъ косо, такъ какъ заподозрилъ, что „лукояновцы“, вѣроятно, провели не враждебнаго себѣ человѣка. И вотъ, чтобы сразу „смирить“ второго Валова, никогда и не думавшаго противодѣйствовать губернатору, Барановъ его вызвалъ въ Нижній-Новгородъ и здѣсь для острастки встрѣтилъ его окрикомъ на „ты“...

— Я одного Валова уже *уничтожилъ* и тебя посажу съ твоими членами управы въ острогъ на три мѣсяца... Ты можешь сходить посмотрѣть острогъ, гдѣ будешь сидѣть!...

Эти изумительныя слова я извлекаю изъ напечатанныхъ протоколовъ и отчетовъ лукояновскаго земства за 1892 г. Тамъ эти слова находятся на страницѣ 24-ой. Все это оказалось напечатаннымъ потому, что Е. В. Валовъ, вернувшись изъ Нижняго, разсказалъ собранію лукояновскаго земства свои злоключенія, а „лукояновцы“ въ пику Баранову увѣковѣчили губернаторскія слова напечатаніемъ ихъ въ своихъ отчетахъ.

Въ свое время я передалъ эти интересные отчеты въ „Вѣстникѣ Европы“ и тамъ очень охотно рѣшились огласить „рѣчь“ Баранова къ предсѣдателю земской управы. Однако, когда книжка журнала вышла, въ „хроникѣ общественной жизни“ словъ Баранова не оказалось: Барановъ тогда былъ еще живъ и цензурныя условія были слишкомъ тяжелы... Правда не могла пройти чрезъ эти два барьера.

Да посудитъ читатель по судьбѣ этихъ двухъ лукояновскихъ Валовыхъ, каковы были условія земской дѣятельности. Петербургъ безусловно довѣрялъ губернатору и даже не спрашивалъ оправданій отъ предсѣдателей. Губернаторъ призывалъ къ себѣ предсѣдателя и кричалъ на него, какъ Сквозникъ-Дмухановскій

на „морскихъ надувалъ“. Неправда ли, какъ юридически и правосудно звучитъ выраженіе: „Я уничтожилъ“!.. А потомъ этотъ переходъ на столь знакомый мотивъ изъ положенія объ усиленной охраны: „Въ острогъ на три мѣсяца“!.. Рядомъ съ этими перлами теряетъ свой блескъ даже многозначительное „ты“ и издѣвательство: „сходи посмотри острогъ, гдѣ будешь сидѣть“...

Жестокіе нравы... и надо думать, что товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ П. Н. Дурново имѣлъ, между прочимъ, въ виду и Баранова, когда въ комитетѣ министровъ высказалъ, что административныя и полицейскія власти до такой степени расширили правила охраны, что „ни одинъ обыватель не можетъ быть увѣренъ въ томъ, что онъ обезпеченъ отъ производства у него обыска или отъ заключенія его подъ арестъ“ *).

С. Протопоповъ.

По поводу статей „Права“ о проектѣ церковной реформы.

Не такъ давно одинъ изъ сотрудниковъ газеты „Право“, кн. Евг. Трубецкой, сдѣлалъ большое открытіе и поторопился немедленно обрадовать имъ русское общество. „Великое событіе совершается на нашихъ глазахъ,—оповѣщалъ кн. Трубецкой читателей „Права“.— Наша церковь прервала молчаніе и готовится сбросить съ себя путы вѣкового рабства!“

Открытіе кн. Трубецкого требуетъ нѣкоторыхъ поясненій. „Наша церковь прервала молчаніе“,—говоритъ онъ и видитъ въ этомъ „великое событіе“. Но развѣ православная церковь дѣйствительно всегда только молчала? И развѣ въ самые послѣдніе годы русское общество не слышало отъ православныхъ пастырей рѣчей на современныя темы? Другой вопросъ, имѣло ли оно основанія радоваться этимъ рѣчамъ, но въ рѣчахъ недостатка не было. Не дальше, какъ 20 февраля текущаго года епископъ Антоній произнесъ въ Исаакіевскомъ соборѣ весьма поучительную проповѣдь на тему о страшномъ судѣ и современныхъ событіяхъ. „Русское образованное общество—говорилъ въ этой проповѣди преосв. Антоній—ненавидитъ Россію. Подъ всѣми „преобразовательными толками въ нашей печати“, подъ всѣми требованіями свободы слова, свободы совѣсти, отмѣны административнаго произвола надъ личностью гражданъ,—скрываются только преступные замыслы дѣйствующей революціонной партіи, которая желаетъ воспользоваться свободой слова и прочими гражданскими правами для цѣлей насильственнаго политическаго переворота. Всѣ слои общества, какъ голодные волки, требуютъ себѣ всякихъ правъ и льготъ“. Образованные русскіе люди, по словамъ проповѣдника, „дышатъ себялюбіемъ, ненавистью и злорадствомъ; имъ чужда всякая любовь; все ихъ поведеніе, всѣ ихъ рѣчи есть сплошная ложь; но

*) „Правит. Вѣстн.“ № 36—1905 г.

обманывать людей возможно лишь въ продолженіе недолгаго времени, а вѣчность откроетъ для нихъ ихъ злодѣйское настроеніе. Это значитъ—они будутъ осуждены на страшномъ судѣ" *). Надо ли напоминать, что такія рѣчи говорились не однимъ преосв. Антоніемъ? И не позволительно ли утверждать, что молчаніе было бы предпочтительнѣе подобныхъ рѣчей?

Кн. Трубецкой имѣетъ, однако, въ виду нѣчто иное,—а именно то, что представители православной церкви заговорили о своихъ церковныхъ нуждахъ. Надо ли радоваться этому? По мнѣнію кн. Трубецкого,—непремѣнно надо, такъ какъ эти разговоры показываютъ, что православная церковь, какъ и все русское общество, „охвачена всюду совершающимся у насъ процессомъ обновленія". „Мы слышимъ, наконецъ,—восклицаетъ по этому поводу г. Трубецкой,—властный, независимый голосъ нашей церкви. Ея пастыри осудили нынѣшнее устройство церковнаго управленія, признали его неканоническимъ: они громко провозгласили необходимость церковной автономіи. Соборъ русской церкви долженъ возстановить независимое церковное законодательство, а патріаршество должно стать органомъ самостоятельной духовной власти". Но сама по себѣ церковная автономія еще не представляется г. Трубецкому особенно цѣннымъ благомъ. За нею онъ видитъ нѣчто бо́льшее и именно это большее предлагаетъ привѣтствовать.

„Если бы рѣчь шла только о церковной автономіи", говоритъ г. Трубецкой, то совершающееся въ нѣдрахъ церкви движеніе „было бы весьма поверхностнымъ и не заслуживало бы особаго сочувствія". Но въ дѣйствительности „рѣчь идетъ не столько о новыхъ формахъ церковной жизни, сколько о томъ содержаніи, которое дѣлаетъ эти формы необходимыми". Въ чемъ же заключается это содержаніе церковной жизни, для котораго понадобились новыя формы? „Задача церкви—отвѣчаетъ г. Трубецкой—заключается въ томъ, чтобы вести активную борьбу противъ зла, въ какихъ бы формахъ оно ни проявлялось. Она должна изобличать сѣятелей вражды и смерти и „изгонять бѣсовъ", какое бы вліятельное общественное положеніе они ни занимали". Эта роль отвѣчаетъ и „лучшимъ преданіямъ православной русской церкви": „въ былыя времена церковь, собирательница земли русской, играла въ нашей исторіи роль созидательнаго и освободительнаго начала". Соотвѣтственно этому и „въ наши дни новаго смутнаго времени только незримая сила любви можетъ сплотить насъ воедино и спасти отъ окончательнаго распаденія нашъ государственный и общественный организмъ. Въ виду повсемѣстно надвигающейся анархіи, церкви, быть можетъ, вновь предстоитъ выступить въ роли собирательницы русской земли". Идя къ этой цѣли, церковь „не можетъ отожествлять своего дѣла съ тѣмъ или другимъ вре-

*) Цитирую по „Руси", 29 марта 1905 г.

меннымъ политическимъ движеніемъ". Она „должна возвыситься надъ борьбою партій и общественныхъ группъ", но вмѣстѣ съ тѣмъ „должна признавать и освящать все то положительное, истинное и цѣнное, что есть въ программахъ отдѣльныхъ политическихъ и общественныхъ партій, отдѣляя зерно отъ мякины". Г. Трубецкой указываетъ и способъ такого отдѣленія „зерна" отъ „мякины". „Пусть церковь—говоритъ онъ—благословитъ народъ нашъ на участіе въ царственномъ дѣлѣ созиданія государственнаго порядка и устроенія земли русской! И пусть она отличитъ этотъ истинный демократизмъ отъ того антихристіанскаго демократизма, для котораго народъ есть кумиръ" *).

Итакъ, русскому обществу рекомендуется признать обнаружившееся среди нѣкоторой части православнаго духовенства стремленіе къ созыву помѣстнаго собора и возсозданію патріаршества чрезвычайно важнымъ и прогрессивнымъ явленіемъ, прогрессивнымъ именно потому, что оно облегчитъ церкви возможность вмѣшательства въ общественную жизнь и указанія путей „истиннаго демократизма".

Такого рода рекомендація способна, однако, возбудить весьма серьезныя сомнѣнія. „Независимое церковное законодательство" и „самостоятельная духовная власть", которыхъ такъ горячо желаетъ кн. Трубецкой, едва ли составляютъ предметъ желаній той части русскаго общества, которая стремится къ водворенію закономѣрнаго порядка во всѣхъ областяхъ русской жизни, не исключая и жизни церковной. Не трудно видѣть, что снятіе съ церкви государственной опеки само по себѣ далеко еще не равносильно ни установленію свободы внутри церкви, ни созданію общественнаго контроля надъ церковными дѣлами. Съ другой стороны, нетрудно было замѣтить и то, что въ основѣ стремленій къ церковной автономіи лежатъ совсѣмъ не тѣ чаянія, какія одушевляютъ захваченную „процессомъ обновленія" часть русскаго общества. Одинъ изъ наблюдательныхъ иностранцевъ, петербургскій корреспондентъ газеты „Matin", сообщалъ по этому поводу своей газетѣ слѣдующее: „Такое событіе, какъ постановленіе синода объ избраніи патріарха, могло совершиться лишь потому, что этого захотѣли въ высшихъ сферахъ. Но почему именно захотѣли,—я старался получить отвѣтъ на этотъ вопросъ. Я проникъ въ различные спеціальные круги и только что возвратился изъ Царскаго Села. На мой прямой вопросъ мнѣ отвѣчали молчаніемъ, но мои разсужденія о либеральной реформѣ, которая должна преобразовать русское духовенство, вызывали улыбки на лицахъ собесѣдниковъ. Я понялъ, наконецъ, что бюрократіей выковано новое орудіе—мощное и необходимое для тѣхъ, кому въ настоящее время нужно найти солидную опору"...

*) „Право", № 15.

То, что французскій корреспондентъ понялъ въ результатѣ разговоровъ въ „спеціальныхъ кругахъ“, кн. Трубецкому, казалось бы, легко было узнать изъ другихъ, болѣе общедоступныхъ источниковъ. Какъ сообщалось въ свое время въ газетахъ, первый толчокъ къ возбужденію мысли о церковной реформѣ данъ былъ предсѣдателемъ комитета министровъ, С. Ю. Витте. Послѣ того, какъ въ особомъ совѣщаніи при комитетѣ министровъ было закончено обсужденіе вопросовъ о положеніи сектантства и иновѣрія, г. Витте указалъ своимъ сочленамъ, что „особое совѣщаніе, остановившись только на вопросахъ, касающихся иновѣрія, и не коснувшись положенія православной церкви, взяло бы на свою душу тяжелый грѣхъ передъ общей нашей матерью, православной церковью“. „Не надо забывать, — говорилъ, по словамъ газетъ, г. Витте — что у нашего народа, у этой 120-милліонной массы есть только два сокровища, которыми она живетъ: одно — это земля и то небольшое, что народъ отъ нея получаетъ, другое — его живая вѣра, которая облегчаетъ тяжесть земной ноши, даетъ ему силу мириться съ горечью жизни“. Землю, какъ извѣстно, крестьянамъ предположено оставить въ прежнемъ количествѣ. Тѣмъ болѣе важной представлялась для г. Витте задача увеличенія народной вѣры, и съ этимъ согласились, повидимому, всѣ члены совѣщанія, въ томъ числѣ и представитель церкви, преосв. Антонинъ. Послѣ того подъ непосредственнымъ руководствомъ г. Витте была составлена особая записка, посвященная доказательству той мысли, что православной церкви нужно возможно скорѣе „стать на надлежащую высоту и получить необходимую свободу дѣйствія“, такъ какъ „при настоящихъ неоспоримыхъ признакахъ нѣкотораго внутренняго шатанія какъ общества, такъ и народныхъ массъ ждать дольше опасно“. Одновременно съ этимъ профессорами петербургской духовной академіи была составлена, подъ руководствомъ преосв. Антонина, и другая записка — о желательныхъ преобразованіяхъ въ строѣ церковнаго управленія. Эти двѣ записки и легли въ основу того постановленія синода, которымъ была признана необходимость созыва собора епархіальныхъ епископовъ для учрежденія патріаршества и для обсужденія другихъ перемѣнъ въ церковномъ управленіи *).

Такимъ образомъ, тотъ „властный, независимый голосъ нашей церкви“, который послышался кн. Трубецкому и побудилъ его возвѣщать русскому обществу о „великомъ событіи“, въ дѣйствительности могъ быть названъ „независимымъ“ развѣ лишь по отношенію къ оберъ-прокурору синода. Правда, этого послѣдняго обстоятельства оказалось совершенно достаточно для того, чтобы затормазить осуществленіе синодскаго рѣшенія, но тѣмъ не менѣе у русскаго общества врядъ ли имѣются серьезныя основанія при-

*) „Р. Вѣдомости“, 25 марта; „Н. Время“, 29 марта 1905 г.

ходить въ радостное умиленіе отъ подобнаго рода „независимости" высшаго духовенства. И, быть можетъ, еще менѣе основаній у общества умиляться самымъ характеромъ предположенной церковной реформы.

Было бы неудивительно, если бы русское общество приглашали радоваться стремленію обратить церковь въ свободное общеніе вѣрующихъ, создающееся исключительно на почвѣ религіознаго чувства и мысли и не пытающееся наложить свою руку на мірскія дѣла. Но въ дѣйствительности, какъ мы видѣли, существуетъ совершенно иное стремленіе, а между тѣмъ именно по поводу его-то „Право" какъ будто и приглашаетъ насъ радоваться, приглашаетъ, по крайней мѣрѣ, устами кн. Трубецкого. Церковная автономія для кн. Трубецкого имѣетъ цѣну лишь постольку, поскольку она обезпечиваетъ успѣшное вмѣшательство церкви въ мірскія дѣла. Необходимость же и плодотворность такого вмѣшательства онъ доказываетъ, какъ экскурсіями въ область нашего прошлаго, въ которомъ церковь „играла роль созидательнаго и освободительнаго начала", такъ и разсужденіями объ особенностяхъ настоящаго момента.

Что касается историческихъ экскурсій г. Трубецкого, то их едва ли можно признать особенно удачными. Митрополиты и патріархи не мало помогали московскимъ князьямъ и царямъ въ дѣлахъ ихъ внѣшней политики и въ этомъ смыслѣ, пожалуй, являлись до извѣстной степени „созидательнымъ началомъ" въ старомъ Московскомъ государствѣ, но такихъ моментовъ, когда бы церковь являлась освободительницей общества и народа отъ путъ внѣшняго авторитета и содѣйствовала устроенію свободной гражданской жизни, русская исторія не знаетъ. Мало того,—врядъ ли можно ожидать такихъ моментовъ и въ близкомъ будущемъ, по крайней мѣрѣ, на томъ пути, на который зоветъ русскую церковь г. Трубецкой.

По мнѣнію послѣдняго, „въ наши дни новаго смутнаго времени", „въ виду повсемѣстно надвигающейся анархіи", церкви предстоитъ „незримою силой любви" спасать отъ окончательнаго распаденія нашъ государственный и общественный организмъ и, быть можетъ, даже вновь явиться „собирательницей русской земли". Для этого церковь должна „признавать и освящать все то положительное, цѣнное и истинное, что есть въ программахъ отдѣльныхъ политическихъ и общественныхъ партій". Иначе говоря, она должна явиться верховнымъ судьей надъ партіями и сама обратиться въ опредѣленную партію. А когда г. Трубецкой предупредительно добавляетъ, что главною задачей церкви должно будетъ при этомъ служить отличеніе „истиннаго демократизма" отъ „того антихристіанскаго демократизма, для котораго народъ есть кумиръ", то не трудно уже становится назвать и имя той партіи, въ какую должна обратиться русская церковь, слѣдуя его

совѣтамъ. Сознательно или безсознательно, во всякомъ случаѣ г. Трубецкой повторяетъ обычный лозунгъ реакціонныхъ партій, стремящихся прикрыть свои цѣли плащемъ религіознаго авторитета. Отъ проведенія такого лозунга въ жизнь мудрено ожидать „спасительнаго возрожденія“ церкви и государства. Больше того,—то „возрожденіе“, какое возможно на почвѣ этого лозунга, давно уже происходитъ въ русской жизни, но въ силу вполнѣ понятныхъ причинъ не привлекаетъ къ себѣ очень горячихъ симпатій. Если впредь оно будетъ совершаться не въ силу прямыхъ указаній свѣтской власти, а вслѣдствіе самостоятельныхъ стремленій церковныхъ властей, разница окажется не особенно большой, и симпатіи къ нему въ средѣ участниковъ общественнаго освободительнаго движенія едва ли должны будутъ сколько-нибудь увеличиться, такъ какъ самое существо дѣла останется все же безъ перемѣны. Въ виду этого чрезвычайно страннымъ представляется обращенный именно къ этой части русскаго общества призывъ къ радостному умиленію передъ оглашенными проектами церковной реформы.

Повидимому, эта точка зрѣнія не осталась совсѣмъ чуждой и „Праву“, помѣстившему на своихъ страницахъ такой призывъ. По крайней мѣрѣ, немедленно послѣ появленія статьи кн. Трубецкого въ слѣдующемъ же номерѣ названной газеты была напечатана статья П. Н. Милюкова, въ которой всѣ положенія г. Трубецкого подверглись ѣдкой критикѣ. „Развѣ нужно батюшкамъ—спрашиваетъ въ заключеніе своей статьи г. Милюковъ—очень перерождаться, чтобы успѣшно исполнить „примирительную“ миссію, рекомендуемую имъ кн. Трубецкимъ? Развѣ не тотъ же самый страхъ „надвигающейся анархіи“ руководитъ Мещерскимъ и Грингмутомъ? Они, правда, взываютъ къ ненависти, тогда какъ кн. Трубецкой взываетъ къ „незримой силѣ любви“. Но, признаться, мы думаемъ, что въ данномъ случаѣ они правѣе кн. Трубецкого и что взывать къ любви теперь значитъ ослаблять слабаго и подкрѣплять сильнаго. Ибо слабый силенъ своей ненавистью, а сильный слабъ односторонностью своей физической силы и страшно нуждается въ перемиріи, въ малѣйшей отсрочкѣ, которая могла бы спасти его отъ нравственно уничтожающей его ненависти. И вотъ при такомъ-то положеніи дѣла кн. Трубецкой льетъ свое лампадное масло „любви“ на расходившіяся волны общественной борьбы. Чье дѣло онъ дѣлаетъ?“

Послѣдній вопросъ П. Н. Милюкова можно, пожалуй, нѣсколько расширить. Единеніе между людьми очень хорошая вещь, когда, расходясь въ сравнительно менѣе важныхъ воззрѣніяхъ, они сходятся въ принципіальныхъ взглядахъ, опредѣляющихъ собою ихъ общественное поведеніе въ данный моментъ. Но врядъ ли что-либо, кромѣ недоразумѣній и путаницы, могутъ породить въ общественномъ сознаніи попытки единенія, осуществляемыя при

такихъ условіяхъ, когда имѣются на лицо взаимно исключающія одна другую исходныя точки зрѣнія, отъ которыхъ люди приходятъ къ совершенно различному пониманію задачъ минуты. Чье же дѣло дѣлаетъ „Право", пытаясь осуществить такое единеніе и проводя въ общество два радикально противоположныхъ взгляда на одно и то же явленіе общественной жизни?

В. Мякотинъ.

Задачи современнаго міровоззрѣнія труда.

(Письмо изъ Франціи).

Переговоры, которые въ послѣднее время велись между враждующими фракціями французскаго соціализма, кончились на парижскомъ конгрессѣ 23—24 апрѣля сего года миромъ между братьями - врагами. Образованіе „единой и нераздѣльной" соціалистической партіи на почвѣ третьей республики представляетъ уже совершившійся фактъ. Органы крупной буржуазіи, въ родѣ „Le Temps", а особенно „Le Journal des Débats", плохо скрываютъ рѣзкое недовольство, вызываемое у нихъ этимъ обстоятельствомъ. Насмѣшки смѣняются на ихъ столбцахъ злобными обличеніями. Обличенія уступаютъ сегодня мѣсто насмѣшкамъ, чтобы назавтра разразиться съ удвоенной силой. Такъ какъ всякій судитъ по себѣ и истолковываетъ дѣйствія другихъ побужденіями, господствующими въ его личной психологіи, то буржуазная печать видитъ мотивы сближенія между „революціонерами" и „реформистами" въ желаніи представителей обѣихъ фракцій избѣжать провала на предстоящихъ въ 1906 г. выборахъ въ палату. Между тѣмъ, причины этого сближенія гораздо глубже и серьезнѣе, какъ серьезны и глубоки были причины разрыва, вызвавшаго междуусобную войну пяти послѣднихъ лѣтъ между жорэсистами, съ одной стороны, гэдистами и бланкистами—съ другой. У кого есть глаза и кто умѣетъ наблюдать и думать, тотъ не можетъ не придти къ заключенію, что судьба французскаго соціализма за послѣднее время отражаетъ общую судьбу современнаго соціализма, и отражаетъ,—какъ это обыкновенно бываетъ съ идейными теченіями Франціи,—съ особой рельефностью и драматизмомъ.

Мнѣ представляется поэтому полезнымъ познакомить русскихъ читателей съ вопросами, которые составляли пунктъ расхожденія различныхъ фракцій французскаго соціализма, а теперь

начинаютъ составлять почву для болѣе миролюбиваго обсужденія ими разнообразныхъ оттѣнковъ соціалистическаго міровоззрѣнія. Изучая ихъ на конкретныхъ фактахъ, представляемыхъ жизнью Франціи, мы получаемъ возможность знакомиться съ задачами міровой соціалистической теоріи и практики въ ихъ наиболѣе выпуклой и интересной формѣ. Проблемы, передъ которыми стоитъ современный соціализмъ, очень сложны; и согласіе далеко еще не установилось по отношенію къ нимъ между людьми, одинаково убѣжденными въ истинности міровоззрѣнія труда. Но появленіе этихъ нерѣшенныхъ вопросовъ есть признакъ не смерти и разложенія, а жизни и развитія. Соціалистическая мысль растетъ, и съ каждымъ днемъ ей приходится сталкиваться съ новыми областями приложенія. Не мудрено, что она должна переходить черезъ состояніе кризиса. Но этотъ кризисъ, возникновеніе котораго такъ обрадовало нѣсколько лѣтъ тому назадъ враговъ новаго міросозерцанія, находится въ тѣсной связи именно съ ростомъ соціализма. Это тотъ кризисъ, который сопровождаетъ переходъ организма отъ одной стадіи развитія къ другой, та встряска, которую испытываетъ подростокъ, превращающійся въ юношу, а скоро и и въ совершенно взрослаго человѣка. Разсматривая одинъ за другимъ наиболѣе важные спорные вопросы современнаго соціализма и давая ихъ рѣшеніе въ духѣ этого міровоззрѣнія, т. е. становясь на идейную позицію послѣдовательныхъ сторонниковъ ученія, мы можемъ лучше отдать себѣ отчетъ въ томъ, что составляетъ жизненную сущность соціализма

Пора, дѣйствительно, перестать походить на страуса, зарывающаго голову въ песокъ, чтобы не видѣть преслѣдующаго его врага, и думающаго, что рѣшаетъ тѣмъ вопросъ самосохраненія. Если Гладстонъ называлъ XIX-ый вѣкъ вѣкомъ рабочихъ, то эта характеристика должна прилагаться съ еще большимъ правомъ къ продолжающему его XX-му вѣку. А какъ же возможно игнорировать ту доктрину, которая является теоретической формулировкой всемогущихъ практическихъ потребностей, все сильнѣе и сильнѣе ощущаемыхъ трудящимися массами нашихъ дней?

Въ числѣ существенныхъ вопросовъ, волнующихъ сознаніе сторонниковъ современнаго соціализма и возбуждающихъ до сихъ поръ оживленные толки между ними, можно указать на слѣдующіе.

Каково должно быть отношеніе соціалистическихъ партій къ существующимъ въ данный моментъ легальнымъ политическимъ формамъ ихъ странъ?

Каково сравнительное значеніе для развитія соціализма различныхъ политическихъ режимовъ и государственныхъ формъ?

Какими принципами представители трудящихся должны руководиться при сношеніяхъ и столкновеніяхъ съ различными дѣленіями

имущихъ и правящихъ классовъ? Какъ они должны относиться къ практическимъ реформамъ вообще?

Каково должно быть отношеніе соціалистовъ извѣстной страны къ національностямъ? И въ связи съ этимъ, какъ они должны относиться къ милитаризму? Какъ къ колоніальной политикѣ?

Каково должно быть отношеніе соціалистовъ къ профессіональному, корпоративному, трэдъ-юніонистскому, синдикальному движенію,—словомъ, къ стихійному движенію пролетаріата, выростающему изъ условій мѣстнаго производства и мѣстной жизни и носящему въ разныхъ странахъ разныя названія?

Каково должно быть отношеніе соціалистовъ къ пріему всеобщей стачки?

Таковы, если не ошибаюсь, наиболѣе важныя задачи, служащія предметомъ оживленнаго обсужденія, а зачастую далеко не дружественной полемики въ соціалистическомъ лагерѣ. Разсматривая эти задачи, мы будемъ обращать главное вниманіе на явленія французской жизни, но прибѣгая, когда то понадобится, и къ фактамъ, доставляемымъ общественной жизнью другихъ странъ. Нѣкоторый матеріалъ въ этомъ отношеніи уже сгруппированъ въ двухъ небольшихъ, но не безынтересныхъ книжкахъ, только что вышедшихъ въ свѣтъ и принадлежащихъ— первая перу одного изъ „реформистовъ", вторая перу одного изъ „революціонеровъ". Я говорю о „Соціалистической тактикѣ и рѣшеніяхъ международныхъ конгрессовъ" Эдгара Милло *) и „Будущности соціализма" Поля Луи **).

Тотъ фактъ, что одинъ авторъ помѣщается на правомъ крылѣ французскаго соціализма, другой же—на лѣвомъ, не только не мѣшаетъ выполненію цѣли, поставленной нами въ этой статьѣ, но скорѣе даже благопріятствуетъ ей, такъ какъ даетъ намъ возможность сводить на очную ставку по главнымъ спорнымъ вопросамъ мнѣнія „реформистовъ" и „революціонеровъ".

Итакъ, каково должно быть отношеніе соціалистовъ къ политическимъ легальнымъ формамъ ихъ странъ? Этотъ вопросъ предполагаетъ различные отвѣты, смотря потому, вѣритъ ли данный соціалистъ въ возможность мирнаго водворенія новаго строя, или же, наоборотъ, убѣжденъ въ неизбѣжности насильственнаго столкновенія приверженцевъ коллективизма и защитниковъ частной собственности. Иначе говоря, соціализмъ можетъ быть или эволюціоннымъ, или революціоннымъ. Не забираясь

*) Edgard Milhaud, *La tactique socialiste et les décisions des congres internationaux*; Парижъ, 1905, I и II (составляетъ 30-ый и 31-ый томикъ „Bibliothèque socialiste").

**) Paul Louis, *L'avenir du socialisme*; Парижъ, 1905.

далеко назадъ въ исторію, можно сказать, что во Франціи возродившійся послѣ коммуны соціализмъ былъ въ большинствѣ случаевъ революціоннымъ. И лишь въ послѣдніе пять — шесть лѣтъ преобладающее теченіе соціалистической мысли приняло было мирную, чисто эволюціонную окраску. Надо, впрочемъ, замѣтить, что ни въ одномъ, можетъ быть, пунктѣ не возникало стольких недоразумѣній, какъ въ эпитетѣ „революціонный", прилагаемомъ къ соціализму. Начиная съ корифеевъ соціалистической мысли, переходя къ практическимъ вожакамъ и кончая простыми рядовыми великой арміи труда, слово „революція" употреблялось и продолжаетъ употребляться въ двухъ очень различныхъ смыслахъ, такъ что и сторонники мирнаго развитія, и приверженцы гордіева рѣшенія соціальнаго вопроса могли бы съ одинаковымъ правомъ называть себя революціонерами. Въ самомъ дѣлѣ, если цѣлый рядъ соціалистовъ разумѣлъ и разумѣетъ подъ „революціей" насильственное разрушеніе строя, основаннаго на частной собственности, то найдется, пожалуй, не меньшее число соціалистовъ (особенно въ Германіи), которые вдохновляются совершенно инымъ опредѣленіемъ столь страшнаго на первый взглядъ слова. Идя по стопамъ Лассаля, издѣвавшагося въ одной изъ своихъ защитительныхъ рѣчей надъ прокуроромъ, которому, молъ, все мерещатся „поднятыя вилы", лишь только заходитъ рѣчь о революціи, они разсматриваютъ, какъ революціонныя, всякія коренныя измѣненія въ общественномъ строѣ, хотя бы при этомъ и не произошло никакого насилія. Съ другой стороны, они же даютъ названіе „реакціонныхъ" самымъ кровопролитнымъ движеніямъ, разъ, молъ, только въ нихъ выражается тенденція какого-нибудь отживающаго принципа.

Традиціи рѣшительной политической борьбы, передавшіяся еще отъ первой половины XIX-го вѣка, когда либеральная буржуазія совершала свои революціи и поднимала возстанія, опираясь на пролетаріатъ, эти традиціи сохранили на почвѣ Франціи обычный смыслъ за словомъ „революція" и тогда, когда здѣсь выработывался соціализмъ. Какъ ни дробился лагерь защитниковъ труда, ни одна изъ пяти организацій, на которыя десятокъ лѣтъ назадъ дѣлилась соціалистическая армія Франціи, ни французская рабочая партія съ Гэдомъ и Лафаргомъ во главѣ, ни федерація рабочихъ-соціалистовъ съ Бруссомъ, ни бланкистская или соціалистически-революціонная партія съ Вайльяномъ, ни рабочая соціалистически-революціонная партія съ Алльманомъ, ни конфедерація независимыхъ (школа Малона),—не могла быть названа партіей мирнаго развитія. Лишь въ самомъ концѣ XIX-го вѣка, со времени великаго политическаго кризиса, связаннаго съ дѣломъ Дрейфуса и изображеннаго мною въ „Очеркахъ современной Франціи", значительная часть французскихъ соціалистовъ

сочла нужнымъ подчеркнуть элементъ постепенной эволюціи. Подготовить понятіе о необходимости коллективнаго производства въ умахъ громаднаго большинства населенія—такъ представлялась задача соціалистовъ людямъ въ родѣ Жорэса, отрицавшимъ возможность водворенія новаго строя насильственнымъ путемъ. И отсюда одна изъ самыхъ ожесточенныхъ распрей, которыя когда-либо раздирали соціалистическій лагерь Франціи.

Въ послѣднее время, какъ фракція „реформистовъ", такъ и фракція „революціонеровъ" начинаютъ возвращаться къ болѣе здравой оцѣнкѣ дѣйствительности и условій приложенія на практикѣ соціалистическихъ идеаловъ. Преувеличенія „реформизма" мало по малу теряютъ свою силу для наиболѣе живыхъ и мыслящихъ членовъ жорэсистской партіи. Соотвѣтственно съ этимъ слабѣютъ и преувеличенія „революціонизма" въ противной фракціи, ибо и она вынуждена была въ этомъ отношеніи идти далѣе, чѣмъ то, можетъ быть, слѣдовало, подъ давленіемъ обычной психологіи борющихся личностей и партій, когда одна сторона неизбѣжно противополагаетъ свои выпуклости вогнутостямъ другой и чрезмѣрно заостряетъ извѣстныя положенія, черезчуръ притупляемыя идейными антагонистами. Все больше и больше соціалисты Франціи, сближающіеся въ послѣднее время подъ вліяніемъ осязательныхъ уроковъ жизни, возвращаются къ средней формулѣ современнаго международнаго соціализма. А онъ ставитъ своею цѣлью и удовлетворить потребности практическихъ реформъ, ощущаемой трудящимися массами, и ни на минуту не забыть изъ-за этихъ реформъ энергичнаго воплощенія въ жизнь общаго соціалистическаго идеала,—если возможно, мирными средствами. Все сильнѣе и сильнѣе обнаруживается тенденція избѣгать въ этомъ отношеніи какого бы то ни было разъ навсегда устанавливаемаго тактическаго пріема, и прежде всего дѣйствовать сообразно съ указаніями, которыя даетъ сопротивленіе современной среды, т. е. отношеніе имущихъ и правящихъ классовъ къ коренному перевороту, пропагандируемому соціализмомъ.

Наиболѣе мыслящіе и активные сторонники міровоззрѣнія труда становятся при этомъ на слѣдующую точку зрѣнія. Они предостерегаютъ противъ увлеченія анархической фразеологіей и революціоннымъ романтизмомъ. Они говорятъ, что послѣдовательный сторонникъ міровоззрѣнія труда долженъ стремиться къ торжеству своего идеала, не предрѣшая заранѣе характера своей дѣятельности. Ибо ея направленіе можетъ фатально опредѣлиться прежде всего поведеніемъ привилегированнаго меньшинства и людей, стоящихъ во главѣ даннаго политическаго режима. Не въ нашихъ силахъ,—продолжаютъ эти мыслящіе соціалисты,—избрать ту или иную форму рѣшенія великаго соціальнаго вопроса въ тотъ моментъ, когда назрѣвшая задача современности вызоветъ столкновеніе между старымъ и новымъ мірами. Отъ тѣхъ, въ чьихъ рукахъ

находятся матеріальныя и моральныя силы стараго уклада, зависитъ большая или меньшая рѣзкость и прямолинейность борьбы двухъ началъ. Можно, во всякомъ случаѣ, предположить, что легальность, которую съ такимъ жаромъ защищаютъ сторонники режима, основаннаго на привилегіяхъ меньшинства, будетъ, по всей вѣроятности, попираться ими же самими,—какъ она уже и попиралась въ аналогичныхъ случаяхъ до сихъ поръ,—всякій разъ, когда имъ будетъ угрожать серьезная опасность со стороны трудящихся массъ. Такимъ образомъ, и вожакамъ рабочаго класса придется стать на ту почву борьбы, которую имъ только и можетъ сдѣлать доступной въ данный моментъ политика правящихъ и имущихъ.

Точка зрѣнія современнаго послѣдовательнаго соціалиста въ занимающемъ насъ вопросѣ выражается, какъ намъ кажется, съ достаточною ясностью въ слѣдующихъ строкахъ, заключающихъ книгу Поля Луи о „Будущности соціализма“ (въ странахъ, которыя пользуются уже въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени политической свободой):

„Несомнѣнно, пролетаріатъ обладаетъ нынѣ всякаго рода политическими прерогативами, которыя третье сословіе тщетно требовало для себя наканунѣ 1789 г., и именно потому, что обладаетъ ими въ достаточной широтѣ, насильственный переворотъ не можетъ быть его исключительнымъ орудіемъ; но что же остановитъ его порывъ въ тотъ день, когда онъ замѣтитъ всю безплодность своихъ пріобрѣтеній и безсиліе своихъ чисто абстрактныхъ правъ?

„Вотъ еще и другое соображеніе: буржуазія французская, бельгійская, швейцарская, англійская, американская чувствуетъ, что она будетъ затоплена народнымъ движеніемъ. Будетъ ли она съ легкимъ сердцемъ дожидаться того, чтобы это событіе уже совершилось и чтобы большинство, состоящее изъ коммунистическихъ депутатовъ, отмѣнило квиритскую собственность? По всей вѣроятности, буржуазія или прямо нарушитъ легальность, или исказитъ ее. Долженъ ли въ такомъ случаѣ пролетаріатъ педантически цѣпляться за формальную законность? И сколько другихъ гипотезъ можетъ тутъ представляться уму!

„По истинѣ, соціализмъ не можетъ ни пропагандировать преувеличенное уваженіе къ голой легальности, ни восхвалять исключительное примѣненіе тактики возстанія. Если бы онъ принялъ разъ навсегда первый способъ борьбы, онъ собственными же руками искалѣчилъ себя; а если бы онъ избралъ исключительно второй, то онъ могъ бы подвергнуться въ данную минуту риску испытать всю пустоту декламаторской фразеологіи. Не забудемъ, что бравированье столь же вредно и подлежитъ столь же строгому осужденію, какъ и отклоненія отъ соціалистическаго пути.

„Соціализмъ лишь въ безконечно малой степени являет

господиномъ своихъ средствъ борьбы, своей тактики, своей будущности. Вытекая изъ міровой экономической эволюціи, онъ и неразрывно связанъ съ нею.

„Болѣе жестокій, чѣмъ всѣ предшествовавшіе, кризисъ безработицы можетъ произвести цѣлый переворотъ въ способѣ мышленія рабочихъ группъ, можетъ пресѣчь имъ доступъ къ пріемамъ медленнаго завоеванія, можетъ привести ихъ къ роковой борьбѣ. Коммунисты, въ такомъ случаѣ, не станутъ непремѣнно желать уличной войны, но не станутъ попирать и обязанностей мыслящаго существа. Разразится великая соціальная катастрофа, которая увлечетъ ихъ съ собой, а вмѣстѣ съ тѣмъ и освободитъ. Не смотря на всѣ свои теоріи, фанатики легальности во что бы то ни стало будутъ унесены движеніемъ впередъ наравнѣ съ другими; и вотъ почему нелѣпо и смѣшно желаніе удержать пролетарское движеніе въ строго опредѣленныхъ рамкахъ. Оно должно освѣщаться разсужденіемъ, наукой, но существеннымъ образомъ оно подчинено явленіямъ мірового производства; и никто не можетъ претендовать на то, чтобы навсегда установить его границы, не отрицая вмѣстѣ съ тѣмъ экономическаго детерминизма" *).

Какъ бы отрицательно тотъ или другой изъ читателей ни относился къ подчеркиванью цитированнымъ авторомъ „экономическаго" элемента въ общей исторической эволюціи, стоитъ только устранить этотъ эпитетъ, и всякій, кто стоитъ на разумной точкѣ зрѣнія, признаетъ вѣрность мысли Поля Луи, ставящаго зависимость формы окончательной борьбы между старымъ и новымъ строемъ отъ „детерминизма" общественныхъ условій. То или иное состояніе мірового хозяйства, то или иное настроеніе трудящихся массъ, та или иная политика господствующихъ классовъ опредѣлятъ большую или меньшую рѣзкость столкновенія двухъ соціальныхъ режимовъ. И, можетъ быть, главная роль въ приданіи того или другого характера грядущей великой борьбѣ именно и принадлежитъ поведенію привилегированнаго меньшинства. Ибо оно можетъ, конечно, пойти на существенныя уступки подъ давленіемъ растущей силы трудящагося большинства, но, вѣроятно, еще охотнѣе предпочтетъ традиціонный путь насильственнаго подавленія требованій, предъявляемыхъ массами...

Было бы, дѣйствительно, очень благодарной задачей для историко-соціальныхъ движеній подвести итоги количеству жертвъ, понесенныхъ при этихъ коллизіяхъ, съ одной стороны, имущими и правящими классами, съ другой—рабочимъ народомъ. Банальная исторія, которая до сихъ поръ пишется представителями привилегированнаго меньшинства, любитъ въ числѣ разныхъ „условныхъ лжей" распространять легенду о непомѣрной свирѣпости

---

*) Paul Louis, l. c., стр. 313—315.

трудящихся массъ и противоставлять ей умѣренную строгость правящихъ сословій, вынужденныхъ, молъ, лишь подавлять звѣрскіе инстинкты мятежниковъ. А, между тѣмъ, такъ-ли это?

Пусть скажутъ намъ, напр., сколько римскихъ патриціевъ и bonorum civium, погибшихъ отъ руки возставшихъ подъ начальствомъ Спартака рабовъ, приходится на 60.000 мятежниковъ, избитыхъ и замученныхъ на крестѣ консуломъ Крассомъ и „великимъ“ Помпеемъ? И неужели тридцать дворянъ, павшихъ во время Жакеріи, должны перевѣшивать на вѣсахъ историковъ тѣ двадцать тысячъ (по большей части безоружныхъ) крестьянъ, ихъ женъ и дѣтей, которые кончили жизнь отъ меча и невѣроятныхъ пытокъ, пущенныхъ въ ходъ по отношенію къ „бѣшенымъ собакамъ Жакамъ“ французскими и прибѣжавшими къ нимъ на помощь англійскими рыцарями? И во сколько плебейскихъ головъ приходится оцѣнивать жизнь каждаго изъ франконскихъ или швабскихъ феодаловъ, чтобы установить хоть какое-либо соотвѣтствіе между потерями, понесенными во время крестьянской войны благороднымъ сословіемъ, и тѣми ста тысячами мужиковъ, которыхъ отправили на тотъ свѣтъ желѣзомъ и огнемъ, вѣроломствомъ и истязаніями, разные Георги Трухзэсы, Филиппы Гессенскіе и Антоны Лотарингскіе? Или, — придвигаясь къ нашимъ временамъ,—посмотрите, какъ горько, какъ возмутительно несоизмѣримы кровавые результаты іюльскаго возстанія 1848 г., смотря по тому, подсчитываете ли вы число жертвъ, понесенныхъ арміей „порядка“ (700 человѣкъ, по словамъ самого генерала Кавеньяка), или тѣ гекатомбы человѣческихъ жизней, которыми поплатился пролетаріатъ за свою вѣру въ обѣщанія временнаго правительства и которыя глухо оцѣниваются различными писателями въ десятки тысячъ! Еще колоссальнѣе и еще трагичнѣе эта несоизмѣримость между жертвами съ той и съ другой стороны обнаруживается въ дни Коммуны, которую защитники буржуазнаго строя изобличаютъ въ безпримѣрной жестокости за разстрѣлъ нѣсколькихъ десятковъ „заложниковъ“, но ухитряются забывать, при этомъ, предварительное систематическое избіеніе военноплѣнныхъ коммунаровъ версальскими войсками и ужасающіе результаты подавленія возстанія: 20.000 парижанъ, погибшихъ тутъ же на баррикадахъ, 3.000 умершихъ въ тюрьмахъ, 50.000 арестованныхъ, 107.000, такъ или иначе пострадавшихъ отъ репрессіи, 400.000 лицъ, очерненныхъ анонимными доносчиками и т. д. Остановитесь на этихъ первыхъ пришедшихъ мнѣ въ голову примѣрахъ столкновенія между меньшинствомъ и большинствомъ. И вы легко поймете, почему послѣдовательные соціалисты, отнюдь не желая проповѣдывать исключительно насиліе, скептически относятся къ возможности мирно рѣшить соціальный вопросъ, если только не измѣнится традиціонное настроеніе имущихъ и правящихъ.

Тѣсно примыкаетъ къ разсмотрѣнному вопросу, вопросъ объ отношеніи соціалистовъ къ различнымъ политическимъ формамъ, въ которыхъ можетъ выражаться господство привилегированнаго меньшинства. Для соціалистическихъ партій далеко не безразлично, приходится ли имъ организоваться и вести политическую борьбу съ другими партіями въ узкихъ рамкахъ абсолютическаго строя, или же на болѣе широкой аренѣ правоваго, конституціоннаго государства. Да и въ этомъ послѣднемъ случаѣ условія борьбы не одинаковы, смотря по тому, въ какой степени конституцію данной страны проникаютъ демократическіе элементы, имѣемъ ли мы, напр., передъ собой строго парламентарную монархію въ родѣ англійской или наполовину абсолютистскую и феодальную на манеръ прусской, или, наконецъ, республику; и опять таки въ ея централизованномъ видѣ, какова третья французская республика, или въ федеративномъ, какова Гельветическая конфедерація.

Объ отношеніи современнаго соціализма къ абсолютизму, хотя бы самаго „просвѣщеннаго“ разряда, мы не считаемъ нужнымъ говорить особенно много: если въ наше время представители труда не ждутъ рѣшенія соціальнаго вопроса отъ доброй воли филантроповъ-милліонеровъ, какъ то дѣлалъ Фурье *), то еще менѣе они ждутъ его отъ благожелательныхъ правительствъ, какъ то считалъ возможнымъ Робертъ Оуэнъ **).

Все больше и больше распространяется въ умахъ трудящихся массъ убѣжденіе, что для торжества новаго строя нужна предварительно возможность вполнѣ открытой борьбы политическихъ партій, выражающихъ интересы великихъ общественныхъ классовъ. И все безпощаднѣе и безпощаднѣе разоблачается безпочвенность утвержденія, пускаемаго въ ходъ апологетами абсолютизма и гласящаго, будто неограниченная власть представляетъ собою безпристрастнаго высшаго судію соціальныхъ конфликтовъ, который, видите ли, царитъ выше всѣхъ партій и руководится единственно соображеніями о благѣ всего цѣлаго.

Исторія дала намъ въ особенности двѣ яркія иллюстраціи къ истинности этого положенія: попытки „соціальной имперіи“, сдѣланныя Наполеономъ III, и политику „государственнаго соціализма“, проводившуюся Бисмаркомъ. Оба примѣра интересны особенно въ томъ отношеніи, что исходятъ отъ того усовершенствованнаго абсолютизма, который хочетъ отстоять свое суще-

---

*) См. по истинѣ трогательныя подробности этихъ попытокъ заинтересовать капиталистовъ въ біографіи Фурье, написанной однимъ изъ его учениковъ: Ch. Pellarin, *Charles Fourier, sa vie et sa théorie*; Парижъ, 2-е изд., 1843, особенно стр. 109 и слѣд.

**) См. новую небезынтересную біографію Оуэна: Edouard Dolléans, *Robert Owen* (*1771 — 1858*); Парижъ, 1905, стр. 81 (составляетъ № 28—29 „Bibliothèque socialiste“).

ствованіе среди болѣе или менѣе свободныхъ общественныхъ формъ и обнаруживаетъ почти маккіавелическое пониманіе современной соціальной борьбы...

Кокетничанье бонапартистскаго правительства съ рабочими въ теченіе первой половины 60-хъ годовъ, переходя на вторую, окончилось преслѣдованіемъ членовъ интернаціонала въ исходѣ 1867 и началѣ 1868 г., какъ только имперія декабрьской ночи убѣдилась, что послѣ нѣсколькихъ колебаній пробуждавшійся къ сознательной жизни пролетаріатъ рѣшительно отказывался бѣжать за колесницею цезаря. Или, какъ выражается новѣйшій историкъ соціальнаго движенія во Франціи:

„Императорское правительство рѣшило теперь принять строгія мѣры противъ международнаго общества, которое имъ до этихъ поръ терпѣлось. У цезаризма было постояннымъ правиломъ „обнадеживать добрыхъ и заставлять трепетать злыхъ“. Онъ осыпалъ любезностями и добрыми словами рабочихъ делегатовъ на всемірной выставкѣ, но его гнѣвъ возгорался противъ непокорныхъ, которые отклонили всякое покровительство съ его стороны; готовясь удовлетворить желаніямъ послушныхъ рабочихъ, онъ желалъ наказать сопротивляющихся его волѣ; разъ „люди улицы Гравилье“ (гдѣ помѣщалось бюро французской секціи интернаціонала Н. К.) пускались по слѣдамъ бланкистовъ, надо, молъ, было нанести ударъ и имъ. Въ концѣ декабря 1867 г. начались обыски, и судебный приговоръ былъ произнесенъ 20-го марта 1868 г. Прокуроръ охарактеризовалъ подсудимыхъ, какъ „трудолюбивыхъ, умныхъ и воздержанныхъ рабочихъ“. Отказываясь отъ обвиненія ихъ въ составленіи тайнаго общества, онъ утверждалъ, однако, что ихъ слѣдуетъ наказать за образованіе не разрѣшенной ассоціаціи. Правительство,—говорилъ онъ,—обнаружило долготерпѣніе: „ничего не запрещая, но и ничего не дозволяя, оно выжидало продолженія опыта для принятія окончательныхъ рѣшеній“. Но ассоціація, бросясь въ область чистой политики, лишила всякаго „raison d'être“ правительственную тактику терпимости и т. д. *).

Извѣстно, какъ осужденіе членовъ ассоціаціи вызвало рѣзкій расколъ среди общества. Послѣ нѣсколькихъ новыхъ преслѣдованій тѣ рабочіе, которые боялись правительства, отпали отъ организаціи. Другіе, болѣе энергичные и болѣе убѣжденные, стали на чисто революціонную почву и явились тѣмъ ферментомъ, который подготовилъ матеріалы для движенія, слившаго, нѣсколько лѣтъ спустя, соціалистическіе и крайне республиканскіе идеалы и обозначившаго излѣченіе массъ отъ вѣры во всеблагость абсолютизма. Къ несчастію, эта эволюція была прервана

---

*) Georges Weill, *Histoire du mouvement social en France* (1852—1902). Парижъ, 1905, стр. 109—110.

военнымъ погромомъ и свирѣпымъ подавленіемъ Коммуны, на нѣсколько лѣтъ остановившимъ соціальный прогрессъ Франціи.

Что касается до „государственнаго соціализма“ Бисмарка, то истинное значеніе этого юнкерскаго реформаторства было въ самомъ же началѣ оцѣнено по достоинству рабочей партіей Германіи. Эта игра въ соціальныя реформы была органическимъ дополненіемъ къ закону противъ соціалистовъ и составляла вмѣстѣ съ нимъ обоюдоострую „политику пряника и хлыста“, какъ окрестилъ ее тогда начавшій выходить въ Цюрихѣ „Соціалъ-демократъ“. Пряникъ—для добродѣтельныхъ гражданъ, которые съ восторгомъ примутъ реформы, обѣщанныя императорскимъ манифестомъ отъ 17-го ноября 1881 г. Хлыстъ—для злопыхательныхъ „враговъ отечества“, очутившихся подъ ударомъ исключительныхъ мѣръ по закону 21-го октября 1878 г. Партійный конгрессъ 1883 г., который пришлось нѣмецкимъ соціалистамъ устроить за границей, а именно въ Копенгагенѣ, принялъ, дѣйствительно, по отношенію къ юнкерско-абсолютистскому реформизму слѣдующее рѣшеніе:

„Конгрессъ заявляетъ, что касательно, такъ называемой, соціальной реформы въ Германской имперіи, онъ не вѣритъ ни въ честныя намѣренія, ни въ способности господствующихъ классовъ, судя по ихъ поведенію до сихъ поръ, но глубоко убѣжденъ, что эта, такъ называемая, соціальная реформа пускается въ ходъ, только какъ тактическое средство, чтобы совратить рабочихъ съ ихъ настоящаго пути“ *).

И не помогли Бисмарку въ его борьбѣ съ сознательной арміей труда ни „пряникъ“ реформъ, ни „хлыстъ“ исключительнаго законодательства, ни апологеты демагогической политики желѣзнаго канцлера, который нанималъ продажныхъ писакъ для защиты своего „государственнаго соціализма“. Упомяну хотя бы чувствительныя причитанія нѣкоего Фридриха Лохера, шустраго адвоката, который былъ нарочно выдвинутъ въ Швейцаріи насчетъ фонда рептилій противъ издававшагося тогда въ Цюрихѣ органа соціалъ-демократической партіи. Въ своей брошюрѣ, носящей претенціозное названіе „Зарница“ и посвященной изображенію великихъ и богатыхъ милостей, проистекающихъ отъ бисмаркіанскаго соціализма, Лохеръ такъ аргументируетъ противъ злокозненныхъ противниковъ „великаго“ государственнаго дѣятеля:

„Если бы хоть однажды явился какой-нибудь могущественный правитель, король или императоръ, который пожелалъ бы царствовать не только для своего дома, двора, дворянства, духовенства, военнаго сословія, бюрократіи, но и для *насъ*, для массъ!—

---

*) См. статью „Socialistische Arbeiterpartei“ въ словарѣ: Carl Stegmann et C. Hugo, *Handbuch des Socialismus*; Парижъ, 1897, стр. 765.

часто слышишь это благочестивое пожеланіе. Ну, вотъ теперь, является такой одинъ правитель, который хочетъ сдѣлать это и обладаетъ потребнымъ для того орудіемъ; но посмотрите, именно тѣ, кто до сего времени выставлялъ на показъ свои благопріятныя народу идеи, теперь объявляютъ себя противъ него и нападаютъ на его цѣли" *).

Разбиравшій въ свое время брошюру Лохера и бисмаркіанскую политику, русскій публицистъ Н. Р. (Русановъ) такъ характеризовалъ на страницахъ покойнаго „Дѣла" смыслъ этого феодально-абсолютистскаго соціализма (называя его по тогдашнимъ цензурнымъ условіямъ „милитаризмомъ"):

„Милитаризмъ начинаетъ ясно видѣть, что ходъ современной исторіи выдвигаетъ на первый планъ все болѣе и болѣе трудящіеся классы, пролетаріатъ,—словомъ, большинство. Сообразно съ этимъ, представители военно-консервативнаго начала начинаютъ измѣнять все болѣе и болѣе свою позицію по отношенію къ трудящимся классамъ и всячески стараются навязать себя послѣднимъ въ качествѣ покровителей и благодѣтельныхъ опекуновъ, охраняющихъ народъ отъ „эксплуататорской буржуазіи" и „пошлаго либерализма". Игра видна ясно. Въ то время, какъ буржуазія насильно вѣшается на шею милитаризму, послѣдній обѣщаетъ ей свое покровительство, но, тѣмъ не менѣе, безпрестанно указываетъ на нее народу, приговаривая: „Вотъ она, эта жадная буржуазія, вотъ они, эти либеральные „эсплуататоры", вотъ гдѣ твои враги, мой вѣрный, прекрасный и трудолюбивый народъ! Помоги мнѣ, и я помогу тебѣ: давай, сокрушимъ современное манчестерство; да здравствуетъ вмѣшательство, да здравствуетъ государственный соціализмъ!". Легко себѣ представить, каково дѣлается при этихъ словахъ на душѣ у буржуазіи: вѣдь еще такъ недавно коварный милитаризмъ обѣщалъ ей „свободную" эксплуатацію и „порядокъ" и вдругъ самъ же наускиваетъ на нее ея завзятыхъ враговъ!..

...„Германскій милитаризмъ хочетъ расправиться по своему съ „пошлымъ либерализмомъ" буржуазіи и снова явиться не только главнымъ, но и безраздѣльнымъ владыкою общества. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ, разумѣется, долженъ отстранить, разъ навсегда, политическія притязанія новой растущей общественной силы, пролетаріата. Таковы условія задачи, которую ему надлежитъ рѣшить. И вотъ онъ рѣшаетъ ее, запугивая буржуазію и прельщая пролетаріатъ обѣщаніями матеріальнаго благополучія... Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, слѣдующее. Во-первыхъ, милитаризму, собственно говоря, нѣтъ дѣла до блага народа, какъ цѣли; его интересуетъ только вопросъ самосохраненія, а народное

---

*) Friedrich Locher, Advocat, *Wetterleuchten. Der Staatssocialismus und seine Consequenzen*; Цюрихъ, 1882, часть I, стр. 5.

благо — лишь какъ средство для достиженія цѣли. Во-вторыхъ, въ самомъ лучшемъ случаѣ, милитаризмъ дастъ человѣчеству лишь осуществленіе ироническихъ словъ Гейне:

Въ грандіозномъ хлѣвѣ Бога,
Именуемомъ землею,
Всяка тварь находитъ ясли,
Въ ясляхъ—славный кормъ себѣ.

„Вотъ maximum благополучія, вотъ земля обѣтованная: хлѣвъ, если и кормъ! Замѣтьте, не удовлетвореніе человѣческихъ матеріальныхъ потребностей, а именно растительная жизнь и больше ничего“ *).

Но нѣмецкій пролетаріатъ и не поддался на удочку, то кокетничающаго съ нимъ, то устрашающаго его соціалъ-абсолютизма Бисмарка. Годъ—два спустя послѣ „открытія“ новой политики, положеніе дѣлъ въ Германіи рисуется историкомъ нѣмецкой соціалъ-демократіи слѣдующимъ образомъ:

„Вторая часть второго періода, въ теченіе котораго дѣйствовалъ законъ противъ соціалистовъ, продолжалась также полтора года. Она охватывала время съ весны 1883 г. по осень 1884 г. и видѣла рѣшеніе на практикѣ того, что принципіально уже было рѣшено въ первую часть этого періода путемъ вопроса императора, обращеннаго къ рабочему классу, и отвѣта на него пролетаріата: Бисмаркъ продѣлывалъ свою „соціальную реформу“, а соціалъ-демократія давала росписку въ полученіи ея на выборахъ...

...„Въ 1883 г. въ Берлинѣ было распущено 46 народныхъ собраній, а въ 1884 г. даже цѣлыхъ 80. Система хлыста и пряника практиковалась одинаково, какъ въ столицѣ, такъ и во всей имперіи. Но на рабочихъ она производила впечатлѣніе, которое шло совершенно въ разрѣзъ съ желаніями Бисмарка и Путткамера. „Соціалъ-демократъ“ охарактеризовалъ ее словами, что правительство хотѣло бы такъ выдрессировать рабочихъ, чтобы они по знаку вцѣплялись въ икры либерализму, а когда раздавался свистокъ, снова покорно ложились бы у ногъ властей. Но именно этотъ капризный режимъ произвола раздражаетъ рабочихъ еще сильнѣе, чѣмъ послѣдовательное, даже болѣе жестокое преслѣдованіе“.

Мы знаемъ, какъ въ концѣ концовъ рухнулъ соціалъ-абсолютизмъ Бисмарка. И, конечно, то, что не удалось такимъ сравнительно виртуозамъ по части наигрыванія на „соціальной реформѣ“ какими были Наполеонъ III и Бисмаркъ, не можетъ удасться ихъ менѣе искуснымъ продолжателямъ.

---

*) Н. Р., *Историческій компромиссъ*: „Дѣло“, 1882 г., № 6, отд. II, стр. 68—69, passim.

Въ настоящее время соціализму грозитъ, впрочемъ, не столько прямое подавленіе его какимъ-либо режимомъ, сколько лицемѣрное отведеніе этого могучаго теченія въ сторону, подъ колеса капиталистической мельницы, въ особенности шумно и быстро работающей въ странахъ политической свободы. Здѣсь именно возникъ въ послѣдніе годы вопросъ, какъ нужно относиться соціалистамъ къ различнымъ формамъ конституціоннаго устройства и къ различнымъ политическимъ партіямъ, на которыя дѣлится привилегированное меньшинство. И не надо особенно задумываться, чтобы замѣтить связь этого вопроса съ вопросомъ о возможности и предѣлахъ чисто реформаціонной тактики въ дѣлѣ коренного преобразованія современнаго общества.

Прежде всего эта тактическая задача стала предъ сознаніемъ соціалистовъ въ формѣ вопроса, слѣдуетъ ли одинаково враждебно относиться къ буржуазной республикѣ и буржуазной монархіи, равно какъ слѣдуетъ ли одинаково безпощадно бороться съ радикальными, умѣренно либеральными и реакціонными партіями, между которыми распредѣляются представители имущихъ и правящихъ классовъ. Уже упомянутый мною кризисъ французскаго соціализма особенно ярко отразилъ различныя рѣшенія, даваемыя этой проблемѣ двумя главными направленіями внутри соціалистической партіи. Жорэсисты до самыхъ послѣднихъ дней подчеркивали необходимость очень строгаго различенія между фракціями господствующаго меньшинства и проповѣдывали даже возможность „сотрудничества классовъ“, т. е. совмѣстной политической дѣятельности соціалистовъ и наиболѣе передовыхъ и демократически настроенныхъ элементовъ среди буржуазіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ они приписывали республикѣ рѣшительное преимущество передъ монархіей въ смыслѣ возможности радикально преобразовать общественный строй путемъ постепенныхъ реформъ. Этимъ „реформистамъ“ боровшіеся съ ними „революціонеры“ противопоставляли, наоборотъ, необходимость одинаково враждебно выступать рабочимъ, какъ отдѣльному классу, по отношенію ко всѣмъ фракціямъ буржуазіи. Точно такъ же они не считали возможнымъ различать съ соціалистической точки зрѣнія между буржуазной монархіей и буржуазной республикой. Съ тѣхъ поръ происходившія на амстердамскомъ конгрессѣ пренія и слѣдовавшая за ними полемика дали возможность высказать обоимъ соціалистическимъ направленіямъ свои мысли до конца, и въ результатѣ установили среднюю точку зрѣнія на этотъ предметъ въ современномъ соціализмѣ.

Исходнымъ пунктомъ распрей среди соціалистическихъ партій міра былъ, какъ извѣстно, конкретный фактъ участія соціалистовъ въ буржуазномъ правительствѣ Франціи въ лицѣ Мильерана. Къ этому же времени въ Германіи обнаружилось болѣе теоретическое теченіе „ревизіонизма“, который, однако, въ своихъ

практическихъ выводахъ приходилъ, подобно французскимъ „реформистамъ“, къ заключенію о полезности „сотрудничества классовъ“. На этой почвѣ, въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, ломалось большинство копій въ рукахъ ожесточенно борющихся „братьевъ-враговъ“ изъ соціалистическаго лагеря. Для надлежащаго пониманія главнѣйшихъ перипетій этой борьбы, намъ придется сдѣлать довольно длинную выдержку изъ резолюцій по 9-му вопросу, принятыхъ предшествовавшимъ международнымъ соціалистическимъ конгрессомъ, который засѣдалъ въ Парижѣ съ 23 по 27 сентября 1900 г., въ разгаръ выставки и въ періодъ первой наиболѣе острой схватки между враждующими фракціями французскаго соціализма. Упомянутый 9-й вопросъ имѣлъ предметомъ „захватъ государственной власти и союзы съ буржуазными партіями“. Конгрессъ по отношенію къ союзамъ съ буржуазными партіями единодушно вотировалъ предложеніе Гэда, воспроизводившее по существу резолюцію одного изъ конгрессовъ французской рабочей партіи (марксистовъ). Это предложеніе, ставшее первою частью резолюціи международнаго конгресса по 9-му вопросу, гласило такъ:

„Конгрессъ напоминаетъ, что борьба классовъ запрещаетъ всякаго рода союзъ съ какою бы то ни было фракціею капиталистическаго класса. Даже допуская, что исключительныя обстоятельства могутъ сдѣлать необходимыми извѣстныя коалиціи (разумѣется, безъ всякаго смѣшенія программы и тактики), эти коалиціи, которыя партія должна стараться свести до минимума, пока онѣ совсѣмъ не исчезнутъ,—могутъ допускаться лишь постольку, поскольку ихъ необходимость будетъ признана областной или національной организаціей, отъ которой зависятъ принимающія на себя обязательство группы“ *).

По вопросу объ участіи соціалиста въ правительствѣ, конгрессъ громаднымъ большинствомъ отвергъ черезчуръ непримиримое предложеніе Гэда-Ферри и принялъ предложеніе Каутскаго, сдѣлавшееся второю частью резолюціи по 9-му пункту. Эта формула, опредѣляющая условія „захвата государственной власти“, выражается такъ:

„Въ современномъ демократическомъ государствѣ захватъ политической власти пролетаріатомъ не можетъ быть результатомъ внезапнаго нападенія, но долгой и трудной работы, организующей пролетаріатъ на экономической и политической почвѣ, физическаго и нравственнаго возрожденія рабочаго класса и постепеннаго завоеванія муниципалитетовъ и законодательныхъ собраній. Но въ странахъ, гдѣ государственная власть централизована, она не можетъ быть захвачена по частямъ. Вступленіе

---

*) *Cinquième congrès socialiste international. Compte rendu analytique officiel*; Парижъ, 1901, стр. 114.

отдѣльнаго соціалиста въ буржуазное правительство не можетъ разсматриваться, какъ нормальное начало овладѣнія политической властью, но лишь какъ вынужденное, преходящее и исключительное средство. Дѣлаетъ ли политическое положеніе этотъ опасный опытъ необходимымъ въ извѣстномъ частномъ случаѣ, это вопросъ тактики, а не принципа: международному конгрессу нечего высказываться по этому пункту; но, во всякомъ случаѣ, вступленіе соціалиста въ буржуазное правительство позволяетъ ожидать хорошихъ результатовъ для активно борющагося пролетаріата лишь тогда, когда соціалистическая партія, значительнымъ большинствомъ голосовъ, одобритъ такой поступокъ и когда соціалистъ, ставшій министромъ, остается уполномоченнымъ своей партіи. Наоборотъ, въ случаѣ, если министръ дѣлается независимымъ отъ этой партіи или представляетъ лишь часть ея, его участіе въ дѣйствіяхъ буржуазнаго министерства угрожаетъ внести дезорганизацію и смуту въ боевой пролетаріатъ; оно грозитъ ему ослабленіемъ, вмѣсто усиленія, и вмѣсто того, чтобы помогать захвату политической власти пролетаріатомъ, препятствуетъ этому, и т. д.“ *).

Таковы были рѣшенія, принятыя парижскимъ международнымъ конгрессомъ, заключавшимъ въ своемъ составѣ какъ „реформистовъ“, такъ и „революціонеровъ“ различныхъ странъ. Союзъ съ буржуазными партіями признавался лишь въ формѣ коалицій, которыя могутъ быть продиктованы соціалистамъ совершенно исключительными условіями, но которыя должны быть сводимы къ минимуму, при томъ при сохраненіи особой программы и особой тактики за соціалистической партіей, а въ возможно скоромъ времени и совсѣмъ устранены. Что касается до участія соціалистовъ въ правительствѣ, то хотя этотъ пріемъ и былъ отнесенъ къ разряду тактическихъ, а не принципіальныхъ вопросовъ, его примѣненіе было обставлено существенными оговорками. Резолюція подчеркивала всю опасность, грозящую соціалистической партіи отъ вступленія ея представителей въ буржуазное министерство и отъ участія ихъ въ управленіи классовой государственной машиной. Резолюція требовала согласія на такой актъ со стороны значительнаго большинства и считала необходимымъ сохраненіе строгой зависимости министра-соціалиста отъ всей партіи.

Увы! обѣ резолюціи, подъ которыми, повторяемъ, подписались какъ „революціонеры“, такъ и „реформисты“, скоро сохранили лишь значеніе бумажнаго документа. Тѣ противоположныя стремленія, которыя обнаруживались внутри соціализма и тянули его въ разныя стороны, не замедлили проявить на практикѣ свое разлагающее дѣйствіе, сводившее на нѣтъ попытки бумажнаго

*) Ibid., стр. 115.

примиренія. Уже на (второмъ) конгрессѣ французскихъ соціалистическихъ организацій, который слѣдовалъ немедленно за международнымъ и продолжался съ 28-го по 30-ое сентября, страсти вспыхнули съ такой силой, что французская рабочая партія (марксисты) отрясла пыль съ ногъ своихъ на конгрессистовъ и, придравшись къ легкой свалкѣ, удалилась во всемъ своемъ составѣ изъ залы засѣданій *). А нѣсколько мѣсяцевъ спустя, на третьемъ конгрессѣ французскихъ соціалистическихъ организацій, которой засѣдалъ въ Ліонѣ 26-го—28-го мая 1901 г., тотъ же пріемъ торжественнаго ухода былъ употребленъ бланкистами **). Отнынѣ сторонники „реформизма“ остались одни, заключая въ своихъ рядахъ французскую соціалистическую партію (сторонникомъ Жорэса), рабочую соціалистически-революціонную партію (альманистовъ) и автономныя федераціи. Въ свою очередь обособились марксисты и бланкисты, составивъ, въ концѣ концовъ, такъ называемое „революціонное единство“ или партію „соціалистовъ революціонеровъ“, или „соціалистическую партію Франціи“. И между двумя группировками французскаго пролетаріата всѣ эти годы велась ожесточенная борьба, превосходившая своею рѣзкостью борьбу соціалистовъ съ ихъ буржуазными противниками.

Логика положенія заставляла каждую изъ фракцій разматывать клубокъ своихъ основныхъ тенденцій до конца, а на практикѣ пропасть между „революціонерами“ и „реформистами“ все расширялась. Такъ, сторонники реформы совершенно забыли исключительный характеръ modus'a vivendi, связывавшаго ихъ съ нѣкоторыми элементами буржуазіи. Временная „коалиція“, о которой говорится въ резолюціи Каутскаго, стала въ ихъ представленіи правильнымъ союзомъ въ видѣ „сотрудничества классовъ“. Участіе соціалиста въ правительствѣ изъ „опаснаго опыта“, и при томъ опыта, стоящаго въ зависимости отъ рѣшенія сильнаго большинства партіи, рекомендовалось ими, какъ вполнѣ нормальный способъ овладѣнія политической властью. Такъ, когда Милльранъ принужденъ былъ оставить свой постъ министра съ выходомъ въ отставку всего кабинета Вальдэка-Руссо, то преобладающее мнѣніе реформистовъ видѣло въ этомъ событіи лишь устраненіе конкретнаго пункта раздора между двумя враждующими фракціями соціализма, соглашалось даже на неопредѣленное время отказаться отъ этого пріема на практикѣ, но продолжало съ жаромъ защищать цѣлесообразность и историческое значеніе политики „участія“. Съ другой стороны, съ возникновеніемъ министерства Комба „сотрудничество классовъ“ приняло форму такъ называемой „делегаціи лѣвыхъ“, возникшей въ палатѣ подъ силь-

*) См. подробности этой тяжелой сцены въ *Deuxième congrès général des organisations socialistes françaises. Compte rendu sténographique officiel*; Парижъ, 1901, стр. 158—160.

**) *Troisième congrès* и т. д.; Парижъ, 1901, стр. 384.

нымъ вліяніемъ Жорэса и состоявшей въ практикѣ правильнаго обмѣна мыслей на общемъ собраніи радикальныхъ и демократическихъ элементовъ, между которыми парламентарная фракція соціалистовъ играла выдающуюся роль. Наконецъ, теоретики умѣренной соціалистической фракціи—хотя бы тотъ же Жорэсъ—въ столь сильной степени развивали міровоззрѣніе „реформизма", что соціалистическій идеалъ оказывался подъ ихъ перомъ и на ихъ устахъ лишь формальнымъ знаменемъ, которое они развертывали въ торжественныхъ случаяхъ. А практическое достиженіе соціалистическихъ цѣлей рисовалось ими въ видѣ безпрестаннаго и мирнаго осуществленія самыхъ коренныхъ реформъ при содѣйствіи наиболѣе демократическихъ элементовъ буржуазіи.

Къ этому кругу идей относится и взглядъ на отношеніе между республикой и соціализмомъ, взглядъ, который болѣе или менѣе инстинктивно раздѣлялся нерѣдко французскими соціалистами, но которой былъ развитъ лишь Жорэсомъ въ цѣлую историко-философскую теорію. Согласно этой точкѣ зрѣнія соціализмъ есть лишь продолженіе въ экономической области тѣхъ началъ, которыя французская революція установила въ области политической, провозгласивъ высшимъ идеаломъ республиканскую форму правленія. Республика становилась, такимъ образомъ, чуть ли не необходимой предпосылкой соціализма въ любой странѣ; и союзъ съ республиканскими фракціями буржуазіи на почвѣ политическихъ задачъ являлся естественнымъ введеніемъ къ „сотрудничеству" классовъ, буржуазіи и пролетаріата, и въ области великой соціальной проблемы.

Что дѣлали въ періодъ упомянутой борьбы „революціонеры"? Они естественно старались тянуть въ противоположную сторону, зачастую дальше, чѣмъ они сами сознательно хотѣли этого, и дальше, чѣмъ того требовала раньше практиковавшаяся ими самими тактика. Въ пылу полемики они ставили минусъ тамъ, гдѣ ихъ противники ставили плюсъ, вмѣсто того, чтобы искать болѣе сложнаго знака, который могъ бы выражать сложныя отношенія между различными сторонами поднимавшихся вопросовъ теоріи и практики. Напримѣръ, если „реформисты" говорили о возможности существеннымъ образомъ преобразовать современный строй путемъ мирнаго проведенія законодательныхъ мѣръ, то „революціонеры" отрицали, наоборотъ, всякое значеніе за практическими реформами въ рамкахъ капиталистическаго общества, кромѣ развѣ одного: показывать эгоизмъ и лицемѣріе имущихъ и правящихъ классовъ, которые никогда не согласятся на маломальски далеко идущую реформу. Если „реформисты" преувеличивали различія между буржуазными партіями, нерѣдко считая себя въ томъ или другомъ вопросѣ лишь наиболѣе передовыми борцами общей демократической арміи, то „революціонеры" сводили эти различія внутри привилегированнаго меньшинства на

нуль и готовы были одинаково враждебно третировать реакціонеровъ, какъ и радикаловъ, клерикаловъ, какъ и буржуазныхъ свободныхъ мыслителей. Если „реформисты“ придавали республиканскому строю черезчуръ исключительное значеніе въ смыслѣ подготовки соціализма, то „революціонеры“ не только старались стереть въ этомъ отношеніи всякую разницу между республикой и монархіей, но готовы были даже усмотрѣть въ республикѣ особенно отяготительную форму классового господства имущихъ и правящихъ.

Однако, эта распря между „братьями-врагами“ во Франціи, отражавшая лишь въ болѣе яркой формѣ всемірный кризисъ соціализма, значительно утратила свою страстность въ самое послѣднее время, когда наиболѣе мыслящіе представители міровоззрѣнія труда замѣтили, какое ликованіе происходитъ по этому поводу въ лагерѣ буржуа. А сами трудящіяся массы рѣзко выразили свое отрицательное отношеніе къ этой братоубійственной войнѣ, махая все чаще и чаще рукой на „политиковъ“ и стараясь рѣшить соціальный вопросъ путемъ чисто синдикальнаго движенія. Очень полезную роль въ смыслѣ разряженія электричества въ соціалистической средѣ сыгралъ амстердамскій конгрессъ (14—20 августа 1904 г.), который лишь близорукими публицистами буржуазной партіи могъ быть названъ въ насмѣшку „вселенскимъ соборомъ, созваннымъ для анафемы еретиковъ“. Онъ подвелъ итоги различнымъ теченіямъ, проявляющимся въ соціализмѣ, и путемъ страстныхъ, но въ общемъ товарищескихъ преній далъ возможность обнаружиться господствовавшимъ въ его средѣ взглядамъ. Прежде всего конгрессъ вотировалъ, съ очень малыми измѣненіями, резолюцію, принятую нѣмецкой соціалъ-демократической партіей на дрезденскомъ конгрессѣ 13—20 сентября 1903 г. и опредѣляющую отношеніе соціалистовъ къ наиболѣе жгучимъ вопросамъ тактики. Эта резолюція читается такъ:

„Конгрессъ отвергаетъ (вмѣсто первоначальной редакціи „осуждаетъ“ Н. К.) самымъ энергическимъ образомъ ревизіонистскія попытки, стремящіяся измѣнить нашу испытанную и славную тактику, основанную на борьбѣ классовъ, и замѣнить захватъ политической власти при помощи рѣшительной борьбы противъ буржуазіи политикою уступокъ существующему строю. Слѣдствіемъ подобной ревизіонистской тактики было бы сдѣлать изъ партіи, преслѣдующей возможно скорѣйшее превращеніе буржуазнаго общества въ общество соціалистическое,—слѣдовательно, изъ революціонной партіи въ лучшемъ смыслѣ этого слова,—партію, довольствующуюся реформированіемъ буржуазнаго общества. Поэтому конгрессъ, убѣжденный, въ противоположность существующимъ ревизіонистскимъ тенденціямъ, что классовой антагонизмъ далеко не уменьшается, но все возрастаетъ, заявляетъ: 1) что

партія слагаетъ съ себя всякую отвѣтственность за политическія и экономическія условія, основанныя на капиталистическомъ производствѣ, и не можетъ, слѣдовательно, одобрять ни одного изъ средствъ, позволяющихъ удерживаться у власти господствующему классу; 2) что соціалистическая демократія не можетъ искать никакого участія въ правительствѣ среди буржуазнаго общества, согласно предложенію Каутскаго, вотированному на парижскомъ международномъ конгрессѣ 1900 г. Конгрессъ осуждаетъ, кромѣ того, всякую попытку, имѣющую цѣлью замаскировать все растущій антагонизмъ классовъ съ тѣмъ, чтобы облегчить сближеніе съ буржуазными партіями. Конгрессъ разсчитываетъ, что представители партіи въ парламентахъ воспользуются ростомъ своей силы, опредѣляемымъ какъ увеличеніемъ ихъ числа, такъ и значительнымъ возрастаніемъ массы слѣдующихъ за ними избирателей, для того, чтобы продолжать свою пропаганду конечной цѣли соціализма; и, чтобы, согласно нашей программѣ, самымъ рѣшительнымъ образомъ защищать интересы рабочаго класса, расширеніе и упроченіе различныхъ формъ политической свободы; чтобы требовать равенства правъ для всѣхъ; чтобы продолжать съ большей энергіей, чѣмъ когда-либо, борьбу противъ милитаризма, противъ колоніальной и имперіалистской политики, противъ всякаго рода несправедливости, угнетенія и эксплуатаціи; и, наконецъ, энергично работать надъ улучшеніемъ соціальнаго законодательства и надъ доставленіемъ рабочему классу возможности выполнять свою политическую и цивилизаторскую миссію" *).

Вмѣстѣ съ тѣмъ амстердамскій конгрессъ въ виду раскола, обнаруживающагося почти во всѣхъ соціалистическихъ партіяхъ міра, счелъ полезнымъ единодушно вотировать слѣдующее предложеніе:

„Конгрессъ объявляетъ, что для того, чтобы дать рабочему классу всю силу, къ какой онъ только способенъ, для борьбы противъ капитализма, необходимо, чтобы во всѣхъ странахъ, лицомъ къ лицу съ буржуазіей, стояла лишь одна соціалистическая партія, какъ существуетъ лишь одинъ пролетаріатъ. Вслѣдствіе чего, всѣ активные дѣятели и всѣ фракціи и организаціи, заявляющіе себя соціалистическими, должны считать своею самою серьезною обязанностью работать всѣми силами надъ осуществленіемъ соціалистическаго единства на основаніи принциповъ, установленныхъ международными конгрессами, и въ интересахъ международнаго пролетаріата, по отношенію къ которому они отвѣтственны за печальныя послѣдствія продолжающихся между ними раздѣленій. Для достиженія этого результата, международное

*) Цитирую по книжкѣ Edgard Milhaud, *La tactique socialiste etc.*, стр. 16—17.

бюро и всѣ партіи національностей, гдѣ единство уже существуетъ, отдаютъ себя въ ихъ распоряженіе и предлагаютъ имъ свои услуги" *).

Мы знаемъ, что съ двухъ крыльевъ французскаго соціализма раздались торжественныя обѣщанія работать въ пользу объединенія: старый бланкистъ Вайльянъ отъ имени революціонеровъ, Ренодэль, одинъ изъ наиболѣе революціонно-настроенныхъ жорэсистовъ, отъ имени партіи реформъ, заявили, что обѣ фракціи употребятъ всевозможныя усилія, чтобы осуществить желаніе международнаго конгресса. А какое значеніе придаютъ соціалисты объединенію французскихъ товарищей, видно хотя бы изъ того факта, что самъ пламенный Бебель, тотъ Бебель, который во время конгресса страстно выступалъ противъ реформизма Жорэса, написалъ два мѣсяца спустя очень миролюбивую замѣтку въ начавшій недавно выходить въ Парижѣ новый соціалистическій органъ. Эта замѣтка носитъ знаменательное заглавіе „Въ защиту объединенія и единства“ и заканчивается слѣдующими словами:

„Что было и есть возможно въ Германіи, должно быть возможно и во Франціи. Конечно, положеніе тамъ иное, чѣмъ у насъ, и тактика здѣсь и тамъ можетъ видоизмѣняться. Да и не это запрещаетъ резолюція амстердамскаго конгресса относительно тактики. Она требуетъ лишь, чтобы не было никакого постояннаго союза между соціалистами и буржуазными партіями, чтобы не оставлялось, даже и временно, ни одного изъ нашихъ требованій, чтобы не дѣлалось попытокъ стереть классовую оппозицію.

„Противоположная тактика вызываетъ въ нашихъ рядахъ неопредѣленность и колебанія; она ослабляетъ боевой пылъ и энтузіазмъ къ нашему идеалу, безъ которыхъ партія не можетъ сдѣлать прочныхъ завоеваній.

„Сознательный международный пролетаріатъ обращаетъ свои взоры на нашихъ французскихъ товарищей съ чувствомъ трогательнаго вниманія. На всѣхъ устахъ одинъ единственный вопросъ: будутъ ли осуществлены обѣщанія, данныя въ торжественную минуту международному амстердамскому конгрессу гражданами Ренодэлемъ и Вайльяномъ? Если бы они были осуществлены, то это было бы самымъ многозначительнымъ событіемъ, которое совершилось въ соціалистическомъ мірѣ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, и оно вызвало бы повсюду безмѣрную радость.

„Соціалисты Франціи! Не обманите ожиданій, которыя всѣ мы возлагаемъ на васъ!“ **).

Извѣстно, что объединеніе французскаго соціализма, какъ уже было сказано въ началѣ этой статьи, есть нынѣ совершившійся фактъ. Дѣйствительно, особая коммиссія, избранная обѣими фрак-

*) Ibid., стр. 5.

**) Auguste Bebel, *Pour l'unité et l'union*; въ „La Vie Socialiste“, № 1 (отъ 5-го ноября 1904 г.), стр. 11.

ціями, приготовила проектъ соглашенія. Этотъ проектъ, послѣ обмѣна мыслей, былъ единодушно принятъ на конгрессѣ „реформистовъ", засѣдавшемъ въ Руанѣ 26-го и 28 го марта. А 23—24-го апрѣля состоялся совмѣстный конгрессъ „реформистовъ" и „революціонеровъ", положившій конецъ печальному недоразумѣнію. Но цѣль нашей этой статьи не столько входить въ подробности исторіи этого объединенія, сколько указать на тѣ рѣшенія жгучихъ вопросовъ соціализма, которыя выражаютъ господствующія мнѣнія представителей международнаго міровоззрѣнія труда. Именно послѣдніе мѣсяцы, начиная съ амстердамскаго конгресса, и интересны своими преніями и обсужденіями спорныхъ вопросовъ соціализма, стремящагося удовлетворить усложняющимся задачамъ своей борьбы со старымъ міромъ.

По вопросу объ отношеніи соціалистовъ къ различнымъ буржуазнымъ партіямъ мнѣніе, восторжествовавшее на амстердамскомъ конгрессѣ, воспрещаетъ лишь постоянный союзъ съ политическими группировками имущаго и правящаго меньшинства. Но оно не отрицаетъ безусловно временнаго соглашенія или, какъ принято говорить, „коалиціи" съ этими партіями въ виду строго опредѣленной цѣли. Во время преній и на конгрессѣ, и послѣ него, выяснилось, что даже такіе строго принципіальные соціалисты, какъ Марксъ, считали неудобнымъ именно для торжества своихъ идей бросать въ одинъ горшокъ различныя дѣленія буржуазіи и одинаково ожесточенно бороться противъ всѣхъ нихъ. Было во время вспомянуто, что уже въ своемъ „Манифестѣ" Марксъ и Энгельсъ дѣлали различія между враждебными отрядами буржуазной арміи, и, борясь противъ всей ея вообще, считали возможнымъ временно и при извѣстныхъ условіяхъ поддерживать одну группу привилегированнаго меньшинства противъ другой,—поддерживать, разумѣется, въ интересахъ самой же партіи труда. Въ заключительной главѣ „Манифеста", мы, дѣйствительно, читаемъ, что члены этой партіи „борются для достиженія непосредственныхъ цѣлей и интересовъ рабочаго класса, но вмѣстѣ съ тѣмъ они отстаиваютъ въ современномъ движеніи его будущность". Такъ, напримѣръ, въ Германіи эта партія „борется заодно съ буржуазіей, поскольку эта выступаетъ революціонно, противъ абсолютной монархіи, феодальнаго землевладѣнія и мелкаго мѣщанства. Но она не перестаетъ ни на одинъ мигъ выработывать у рабочихъ возможно болѣе ясное сознаніе противоположности между буржуазіей и пролетаріатомъ, съ тѣмъ, чтобы нѣмецкіе рабочіе могли сейчасъ же обратить въ оружіе противъ буржуазіи тѣ самыя общественныя и политическія условія, которыя поведетъ за собой господство буржуазіи, и чтобы сей

часъ же, вслѣдъ за низверженіемъ реакціонныхъ классовъ, въ Германіи началась борьба противъ буржуазіи *).

Припомнили такъ же, что тотъ же самый Марксъ рѣзко возсталъ противъ лассалевской фразы, введенной въ программу объединявшейся нѣмецкой соціалъ-демократической партіи (на готскомъ конгрессѣ 1875 г.) и говорившей о томъ, что рабочій классъ долженъ смотрѣть на всѣ прочіе классы, какъ на одну реакціонную массу (Die eine reaktionäre Masse) **) и, стало быть, совершенно одинаково бороться противъ всѣхъ этихъ дѣленій привилегированнаго меньшинства. Марксъ справедливо предостерегалъ партію, что такая тактика можетъ легко привести соціалистовъ къ игнорированію столь важныхъ для успѣха борьбы рабочаго класса со старымъ міромъ внутреннихъ раздоровъ и антагонизмовъ внутри имущихъ и правящихъ классовъ,

Въ концѣ концовъ, въ результатѣ столкновенія взглядовъ между „реформистами“ и „революціонерами“ современный соціализмъ теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, желаетъ избѣжать крайностей тактики въ отношеніи къ общимъ политическимъ условіямъ и различнымъ борющимся классамъ. Цитированная нами выше резолюція амстердамскаго конгресса говоритъ о цѣломъ рядѣ дѣйствій, рекомендуемыхъ представителямъ пролетаріата въ парламентахъ и относящимся, несомнѣнно, къ области „реформъ“. Таковы, напр., „расширеніе и упроченіе различныхъ формъ политической свободы“, „улучшеніе соціальнаго законодательства“, „борьба противъ милитаризма, противъ колоніальной политики, противъ всякаго рода несправедливости, угнетенія и эксплуатаціи“ и т. д. Важно только, чтобы при этомъ не терялась ни на минуту основная цѣль партіи, коренное измѣненіе современнаго строя. Каждая реформа въ такомъ случаѣ должна являться нѣкоторымъ практическимъ улучшеніемъ въ общихъ условіяхъ жизни и дѣятельности рабочаго класса, улучшеніемъ, которое вызывало бы въ немъ дальнѣйшія все болѣе и болѣе энергичныя требованія.

Взять хотя бы вопросъ о большей или меньшей демократичности политическихъ формъ. Несомнѣнно, то истинное распоряженіе трудящихся массъ своими судьбами наступитъ лишь въ обществѣ, гдѣ исчезнетъ антагонизмъ имущихъ и неимущихъ, управляющихъ и управляемыхъ, гдѣ борьба великихъ соціальныхъ классовъ за свои интересы перестанетъ производить свое возмущающее дѣйствіе на выраженіе воли громаднаго большинства. Но пока что, возможность для рабочаго класса организоваться и

---

*) *Das Manifest*; (новое) лейпцигское изданіе 1872 г. стр. 26—27, passim.

**) Мэрингъ (*Geschichte* etc., IV; стр. 88) объясняетъ позицію Лассаля тѣмъ, что именно либеральная бвржуазія наносила нѣмецкому рабочему классу первые жестокіе удары, какъ только онъ хотѣлъ помогатьвъ борьбѣ противъ отживающихъ партій абсолютизма и феодализма.

вести борьбу за свои интересы находится въ зависимости отъ болѣе или менѣе свободныхъ политическихъ учрежденій. Раньше мы видѣли, что современные соціалисты являются непримиримыми врагами режима, который мѣшаетъ организаціи трудящихся массъ и отчетливому формулированію ихъ требованій, обольщая ихъ миражами деспотически-цезаристкой филантропіи. Что касается до различныхъ видовъ конституціоннаго режима, то и здѣсь представителямъ труда приходится тщательно взвѣшивать, въ какой мѣрѣ та или иная конституція гарантируетъ большую или меньшую свободу печати, собраній, сходокъ, стачекъ и союзовъ; болѣе или менѣе широкое основаніе народнаго представительства; большую или меньшую степень покровительства, оказываемаго личности и партіи закономъ въ случаѣ злоупотребленій власти и т. п. И, прежде всего, степень искренности, съ какою данный режимъ гарантируетъ личную и общественную свободу, даетъ одинъ изъ главныхъ критеріевъ для сужденія о сравнительной цѣнности конституцій, — зачастую, не смотря на формальныя слова, красующіяся на фронтонѣ политическаго зданія.

Здѣсь какъ разъ наше вниманіе возбуждается вопросомъ объ относительной предпочтительности для соціалистовъ монархіи или республики. Вопросъ этотъ, конечно, не можетъ быть рѣшенъ чисто словеснымъ способомъ, или абстрактнымъ соображеніемъ, что республика лучше монархіи. Говоря вообще, республика, конечно, предпочтительнѣе монархіи для партіи, которая пишетъ на своемъ знамени „равенство",—равенство политическое, соціальное и экономическое. Но, къ сожалѣнію, слово „республика" можетъ прикрывать политическую организацію, менѣе удовлетворительную, въ извѣстномъ отношеніи, чѣмъ строго парламентарная монархія. Несомнѣнно, напр., что свобода слова и печати прочнѣе обезпечена въ монархической Англіи, чѣмъ въ республиканской Франціи, которая, кромѣ того, можетъ позавидовать свободѣ собраній и манифестацій въ монархической Бельгіи. Съ другой стороны, собственно участіе народа въ управленіи болѣе значительно въ современныхъ республикахъ: Франціи, Швейцаріи, Сѣверной Америки, гдѣ царитъ всеобщая подача голосовъ, чѣмъ хотя бы въ Англіи, гдѣ остались все уменьшающіяся, но пока существующія цензовыя ограниченія, или Бельгіи, гдѣ нѣкоторыя категоріи избирателей обладаютъ двойнымъ и тройнымъ голосомъ, и т. д. Въ другихъ монархіяхъ, скажемъ Германской имперіи, всеобщая подача голосовъ парализуется существованіемъ, на ряду съ рейхстагомъ, союзнаго совѣта (Bundesrath) государствъ и конституціонными правами императора объявлять (оборонительную) войну, заключать миръ и независимостью отъ парламента въ выборѣ и сохраненіи своихъ чиновниковъ-министровъ съ канцлеромъ во главѣ. Приходится поэтому разсматривать совокупность полити-

ческихъ условій данной монархіи или данной республики, чтобы рѣшить, въ какой степени монархическая или республиканская конституція болѣе благопріятствуетъ развитію партіи трудящихся. Но есть, однако, нѣкоторыя общія соображенія, выдвигаемыя въ пользу республики.

Конечно, трудно утверждать, что республика есть необходимое преддверіе къ соціализму, являющемуся, по мнѣнію французскихъ „реформистовъ", лишь продолженіемъ въ экономической области тѣхъ политическихъ принциповъ, которые представляютъ суть республиканскаго режима. Говорить такъ, значитъ забывать, что современный соціализмъ есть прежде всего дитя индустріальной эволюціи, разорвавшей связь между производителями и орудіями производства и отлагающей на одномъ полюсѣ общественной батареи элементы капитала и владѣнія, на другомъ элементы труда, болѣе или менѣе лишеннаго собственности. Конечно, соціализмъ является естественнымъ спутникомъ капитализма, его братомъ-близнецомъ; а капитализмъ на извѣстной ступени развитія обнаруживаетъ тенденцію къ выработкѣ наиболѣе чистой формы классоваго господства буржуазіи, а именно республиканскаго режима. Но осуществляется ли эта тенденція на практикѣ, зависитъ отъ многихъ историческихъ обстоятельствъ. И потому политическая эволюція не совпадаетъ въ точности съ экономической, и соціализмъ можетъ съ особенной силой обнаружиться въ странахъ, гдѣ политической формой правленія является не республика, а монархія, напр., въ современной Германіи или современной Бельгіи.

Вообще же республиканскій режимъ, по крайней мѣрѣ такой, который проникнутъ въ достаточной мѣрѣ демократическими элементами, болѣе благопріятствуетъ выработкѣ политическихъ элементовъ будущаго строя. Дѣйствительно, этотъ строй предполагаетъ возможное равенство и возможную свободу личностей, живущихъ въ мірѣ коллективнаго труда и коллективнаго наслажденія. Республика, даже въ предѣлахъ современнаго классоваго общества, именно и выработываетъ въ гражданахъ сознаніе одинаковости правъ и обязанностей, т. е. подготовляетъ психологію, необходимую для возникновенія грядущаго общества людей-братьевъ, солидарность интересовъ которыхъ устранитъ современный механическій подсчетъ голосовъ и подавленіе меньшинства большинствомъ, но оставитъ въ силѣ чувство равноцѣнности каждой человѣческой личности съ другой.

Что касается до значенія республики въ современномъ строѣ, основанномъ на соціальной борьбѣ, то великій смыслъ республиканскаго режима состоитъ въ томъ, что онъ безъ всякой утайки, безъ малѣйшаго лицемѣрія исполняетъ ту общественную функцію, которую Лассаль выражалъ словами: „высказывать то, что есть".

Дѣйствительно, представленіе о непримиримой борьбѣ пар-

тіи труда съ партіей капитала должно ни на минуту не оставлять сознаніе современнаго соціалиста. Здѣсь именно приходится оцѣнивать по достоинству значеніе республики. Возьмите какую-нибудь сложную задачу, приведеніе которой въ простѣйшій видъ требуетъ длиннаго ряда упрощеній и болѣе или менѣе запутанныхъ операцій. Представьте себѣ, что, благодаря какому-нибудь остроумному пріему, весь этотъ предварительный трудъ устраняется для васъ, и вамъ остается лишь произвести послѣднія дѣйствія, чтобы найти неизвѣстное. Можно ли въ достаточной степени оцѣнить важность этого пріема, сберегающаго такую сумму усилій. Таково значеніе и республиканскаго режима.

Соціальный вопросъ, величіе котораго превосходитъ всѣ предшествовавшіе вопросы, какіе только когда-либо ставило себѣ человѣчество, нуждается въ настоятельномъ рѣшеніи. Республика и является тѣмъ единственнымъ въ своемъ родѣ пріемомъ, который приводитъ сложную систему борющихся соціальныхъ силъ въ наиболѣе простѣйшій видъ.

Борьба классовъ, конечно, никогда не останавливается въ обществѣ. Но она можетъ принимать болѣе или менѣе скрытыя формы, можетъ вестись подъ знаменами второстепенныхъ вопросовъ, временно уводящихъ въ сторону борцовъ за основную задачу современности. Такъ, въ конституціонной монархіи ясность основного соціальнаго вопроса ослабляется цѣлою массою побочныхъ задачъ, которыя занимаютъ умы не привыкшихъ еще къ политическому мышленію массъ. Смѣна вліяній при дворѣ, которая эксплуатируется различными фракціями буржуазіи, старающимися втянуть рабочій народъ въ борьбу за то или другое направленіе привилегированнаго меньшинства. Личная политика конституціоннаго монарха или поддерживаемаго имъ министра, устраненіе котораго становится цѣлью вожаковъ буржуазіи, воспламеняющихъ трудящіяся массы лозунгами мелкаго, но конкретнаго характера.

Уже въ „18 мъ Брюмерѣ“ Маркса ярко схвачено значеніе республиканской формы для чистоты и цѣлесообразности соціальной борьбы. Характеризуя коалицію роялистовъ, временно положившихъ подъ сукно свои традиціи и образовавшихъ послѣ февральской революціи такъ называемую „партію порядка“, Марксъ говоритъ:

„Ихъ господство въ качествѣ партіи порядка надъ всѣми другими классами было возможно теперь пока лишь въ формѣ парламентарной республики, такъ какъ только въ этой формѣ двѣ великія фракціи французской буржуазіи могли соединиться и поставить на очередь вопросъ о власти всего своего класса, вмѣсто режима одной изъ привилегированныхъ фракцій его. И если, вопреки этому, онѣ и въ качествѣ партіи порядка нападали

на республику и выражали свое отвращеніе къ ней, то инстинктъ подсказывалъ имъ, что хотя республика и завершаетъ ихъ политическое господство, но за то она же подрываетъ ихъ соціальную основу, такъ какъ она противоставляетъ ихъ подчиненнымъ классамъ и бросаетъ ихъ въ борьбу съ послѣдними, не позволяя имъ укрываться ни за чье-либо посредничество, ни за корону, ни за какой національный интересъ, выдвигаемый ими впередъ среди ихъ мелкихъ междуусобныхъ войнъ и борьбы съ королевской властью. Чувство такой слабости положенія и заставляло ихъ отступать въ страхѣ передъ осуществленіемъ чистыхъ условій ихъ классоваго владычества и стремиться къ менѣе совершеннымъ, менѣе развитымъ, и именно поэтому не столь опаснымъ для нихъ въ соціальномъ отношеніи формамъ классоваго господства" *).

Но почему буржуазныя партіи отступаютъ порою передъ своимъ не замаскированнымъ господствомъ, передъ классовой республикой, потому самому послѣдовательные соціалисты должны стремиться къ этой формѣ. Когда они сдѣлали, что смогли, въ политическомъ смыслѣ, когда они достаточно отточили для трудящихся массъ орудіе соціальной борьбы въ видѣ демократической конституціи, они должны пользоваться этимъ могущественнымъ орудіемъ исключительно въ интересахъ рабочаго класса и съ этой же точки зрѣнія трактовать различныя фракціи буржуазіи. Не сваливать безразлично въ одну кучу всѣ группы привилегированнаго меньшинства, но зорко всматриваться въ особенности каждой изъ нихъ; оцѣнивать большій или меньшій вредъ, который можетъ причинить та или другая буржуазная фракція; взвѣшивать степень пользы, которая можетъ быть извлечена изъ ихъ междуусобной войны и временной коалиціи съ наиболѣе передовыми элементами буржуазіи,—словомъ, подчинять все интересамъ великой арміи труда, такова тактика послѣдовательнаго соціалиста.

Такъ вполнѣ естественно, что крайнія фракціи демократической буржуазіи могутъ идти довольно далеко вмѣстѣ съ соціалистами по пути политическихъ реформъ, каковы: распространеніе права голоса на всѣхъ взрослыхъ гражданъ (и гражданокъ); прямое народное законодательство съ референдумомъ и иниціативой населенія; различныя общественныя и личныя свободы. И соціалисты, разумѣется, будутъ съ чистымъ сердцемъ поддерживать ихъ. Но крайняя демократическая буржуазія можетъ допустить и кой-какія соціальныя реформы, которыя не измѣняютъ коренныхъ основъ современнаго строя, т. е. частной собственности, и, однако, представляютъ уже собою нѣкоторой переходъ къ коллективизму. Таково, напримѣръ, требованіе на-

*) Karl Marx, *Der Achtzehnte Brumaire des Louis Bonaparte*; Гамбургъ, 1869, 2-е изд., стр. 27—28.

ціонализаціи желѣзныхъ дорогъ, рудниковъ, кредитныхъ учрежденій и т. п., выдвигаемое хотя бы французской „радикально соціалистической“ партіей, и, кстати сказать, принимаемое и многими представителями „государственнаго соціализма“ даже въ монархическихъ странахъ. Понятно, что и эти реформы будутъ поддержаны соціалистами. За то есть такія требованія, фигурирующія въ программѣ партій труда, которыя касаются уже существеннаго измѣненія въ принципѣ частной собственности, и которыя встрѣтятъ сопротивленіе въ рядахъ самыхъ крайнихъ демократовъ буржуазнаго лагеря. Такъ, экспропріація всѣхъ „обобществленныхъ“ процессомъ капиталистическаго производства предпріятій, напримѣръ, крупныхъ частныхъ заводовъ и фабрикъ и передача ихъ въ руки рабочихъ найдутъ ожесточенныхъ противниковъ среди радикальной буржуазіи. И здѣсь соціалисты будутъ ъ одинаковой энергіей бороться противъ всѣхъ фракцій имущаго и правящаго класса. Словомъ, вопросъ объ отношеніяхъ представителей труда къ привилегированному меньшинству можетъ быть резюмированъ сравнительно краткой формулой: борьба со всѣми фракціями буржуазіи на почвѣ основныхъ требованій соціализма; временная коалиція (но не постоянный союзъ) съ той или иной демократической фракціей на почвѣ общихъ политическихъ требованій и нѣкоторыхъ соціальныхъ реформъ.

Вопросъ объ отношеніи современныхъ соціалистовъ къ національностямъ тоже возбуждалъ въ послѣднее время не мало толковъ и обнаруживалъ несогласіе „реформистовъ“ и „революціонеровъ“; обнаруживалъ, если не прямо, то косвенно, въ связи съ преніями, касавшимися отношенія соціалистовъ къ милитаризму, къ колоніальной политикѣ и т. д. Нечего и говорить, что по самымъ принципамъ своимъ, соціализмъ нашихъ дней есть теченіе интернаціональное. И потому ему должны быть чужды шовинистскія замашки „патріотовъ“, наускивающихъ свою національность на другія и отклоняющихъ такимъ образомъ человѣчество отъ рѣшенія основного вопроса современности: уничтоженія общества, основаннаго на личной конкурренціи и классовой борьбѣ имущихъ и неимущихъ. Въ этомъ отношеніи современный соціализмъ напоминаетъ величайшія историческія теченія прошлаго, какими, напримѣръ, были политическій универсализмъ временъ римской имперіи, религіозный универсализмъ средневѣковаго католичества, идейный космополитизмъ образованныхъ людей XVIII вѣка. Но дѣло не въ голомъ принципѣ, а въ практическихъ примѣненіяхъ. И вотъ тутъ-то приходится считаться съ нѣкоторыми отклоненіями отъ принципа, которыя допускались иными соціалистами оппортунистскаго типа, боявшимися бить въ забрало предразсудкамъ массъ. Дѣйствительно, раньше привиле-

гированное меньшинство обращало очень мало вниманія на эти массы, считая ихъ безгласнымъ основаніемъ общественной пирамиды. Но нынѣ представители имущихъ и правящихъ классовъ, обезпокоенныхъ пробужденіемъ широкихъ слоевъ населенія, избрали ихъ предметомъ усиленной демагогической пропаганды съ тѣмъ, чтобы, развитіемъ среди нихъ звѣринаго шовинизма, совлечь ихъ съ дороги соціальной борьбы. И вотъ упомянутые оппортунисты изъ соціалистическаго лагеря стали считаться въ свою очередь съ этимъ возможнымъ, а иногда и сильно проявляющимся на практикѣ настроеніемъ массъ и прибѣгали нерѣдко къ очень двусмысленной тактикѣ примѣшиванія къ соціалистической проповѣди „патріотически“ звучащихъ фразъ. Дѣло обыкновенно шло въ такихъ риторическихъ упражненіяхъ о необходимости защитить „отечество“ отъ гипотетической опасности со стороны „внѣшнихъ враговъ“.

Соотвѣтственно съ этимъ, значительная доля французскихъ соціалистовъ, лично далекихъ отъ „патріотизма“, въ теченіе довольно долгихъ лѣтъ привѣтствовала, напримѣръ, русско-французскій союзъ безъ всякихъ оговорокъ. Между тѣмъ они должны были хорошо знать, что о какомъ-либо тѣсномъ общеніи между двумя народами тутъ и рѣчи не было. Буржуазно-республиканскіе и монархическіе политиканы пользовались миражемъ русскаго союза, чтобы дурачить массы надеждою на реваншъ, и въ то же время вели пропаганду реакціи въ странѣ, противопоставляя русскій режимъ „мерзостямъ парламентаризма“. Точно такъ же и вотировка военнаго бюджета во французскомъ парламентѣ происходила нерѣдко безъ достаточно рѣзкаго протеста со стороны соціалистовъ, и довольно единичны были голоса, энергично осуждавшіе съ трибуны современную систему постоянныхъ армій и требовавшіе теперь же организаціи народныхъ милицій, т. е. реформы, которая въ концѣ второй имперіи фигурировала даже въ программахъ не особенно крайнихъ радикаловъ.

Лишь дѣло Дрейфуса заставило французскихъ соціалистовъ обратить большое вниманіе на язву милитаризма, разъѣдающую третью республику, какъ она разъѣдаетъ, впрочемъ, въ той или другой формѣ большинство современныхъ націй. Къ сожалѣнію, вслѣдствіе нѣкоторыхъ особенностей положенія (великолѣпная борьба Жорэса съ генеральнымъ штабомъ), кампанія противъ военщины охватила въ началѣ, главнымъ образомъ, лишь ту фракцію, которая вскорѣ должна была образовать своими другими взглядами ядро партіи „реформистовъ“. И въ результатѣ получилось, что, не желая компрометировать своихъ союзниковъ демократической буржуазіи, парламентарные соціалисты удовольствовались кой-какими обѣщаніями правительства и реформою сокращенія срока службы, а въ то же время покорно вотировали бюджеты арміи и флота и даже признали возможнымъ

не протестовать въ принципѣ противъ колоніальной политики, но лишь требовать болѣе гуманнаго обращенія съ туземцами. Въ этомъ пунктѣ „революціонеры“ вели себя болѣе прямолинейно. Они, правда, уклонялись нѣкоторое время отъ прямой борьбы съ милитаризмомъ, и въ этомъ ихъ крупная ошибка. Но разъ будучи втянуты въ эту борьбу, они стали рѣзко вооружаться противъ половинчатой оппозиціи реформистовъ и напомнили принципіально отрицательное отношеніе соціализма къ военщинѣ вообще и колоніальной политикѣ въ частности.

Строго говоря, и по ту сторону Рейна борьба съ милитаризмомъ не отличается достаточною опредѣленностью. И часто тѣ самые соціалъ-демократы, которые не безъ гордости утверждаютъ, что ихъ партія остается вѣрна лозунгу „ни одного солдата, ни одного пфенига на армію“, считаютъ порою нужнымъ заявлять, что они тоже „патріоты“ и будутъ защищать „отечество“ противъ „внѣшняго врага“ съ неменьшей энергіей, чѣмъ и сами представители военщины. Эта робость соціалистовъ, конечно, можетъ быть только на руку анархистамъ, которые начиняютъ головы новобранцевъ разными вредными для дѣла наивностями, но, по крайней мѣрѣ, объявляютъ себя принципіальными противниками милитаризма.

Справедливость требуетъ прибавить, что нѣкоторая половинчатость остается внутри современнаго соціализма и по отношенію къ колоніальной политикѣ, представляющей теперь естественное и наиболѣе частое примѣненіе милитаризма въ капиталистическихъ странахъ. Дѣйствительно, на амстердамскомъ конгрессѣ рабочая партія Франціи („революціонеры“) внесла предложеніе принципіальнаго отрицанія упомянутой политики.

Однако, это предложеніе, принципіально отвергающее какое бы то ни было участіе соціалистовъ въ колоніальной политикѣ, было отброшено конгрессомъ. Онъ принялъ другое предложеніе, тоже клеймящее завоевательную политику, но рекомендующее членамъ соціалистическихъ партій бороться съ нею не принципіальнымъ отрицаніемъ ея, а проведеніемъ извѣстныхъ реформъ и предупредительныхъ мѣръ въ этой области. Резолюція, утвержденная конгрессомъ, читается, дѣйствительно, такъ:

„Конгрессъ, констатируя капиталистическую все дороже и дороже обходящуюся эксплуатацію безпрестанно растущихъ колоніальныхъ областей, эксплуатацію, которая ведется безъ всякаго порядка и безъ всякой узды, расточаетъ капиталы и естественныя богатства, подвергаетъ туземныя расы самому грубому, а зачастую самому кровавому гнету и влечетъ за собою лишь усиленіе нищеты пролетаріата;

„Напоминаетъ рѣшеніе парижскаго конгресса 1900 г. относительно колоніальнаго вопроса и имперіалистской политики;

„Объявляетъ, что долгомъ соціалистическихъ партій различныхъ націй и ихъ парламентарныхъ фракцій является:

„1) Непримиримо бороться со всякими имперіалистскими или капиталистическими мѣрами, со всякими колоніальными экспедиціями и сопротивляться всякимъ военнымъ расходамъ на колоніи;

„2) Бороться со всякой монополіей, всякой концессіей обширныхъ территорій, внимательно слѣдить за тѣмъ, чтобы богатства колоніальнаго міра не захватывались крупнымъ капитализмомъ;

„3) Неустанно изобличать акты угнетенія, жертвами которыхъ являются туземцы; добиваться для нихъ серьезныхъ мѣръ покровительства, защищающаго ихъ отъ военнаго варварства и капиталистической эксплуатаціи; слѣдить, напр., за тѣмъ, чтобы у нихъ не отнималось имущество ни силою, ни хитростью;

„4) Предлагать или способствовать всему тому, что въ состояніи улучшить положеніе туземцевъ: общественнымъ работамъ, гигіеническимъ мѣрамъ, заведенію школъ; и стараться избавить ихъ отъ пагубнаго вліянія миссіонеровъ;

„5) Требовать для туземцевъ возможно широкой свободы и автономіи, какая только совмѣстима со степенью ихъ развитія, помня, что полнѣйшая независимость колоній является окончательною цѣлью;

„6) Стремиться поставить подъ дѣйствительный контроль парламента руководство международной политикой, которая, въ силу естественныхъ тенденцій капиталистической системы, все болѣе и болѣе подвергается закулисному вліянію разныхъ группъ плутократовъ“ *).

Мы видимъ, такимъ образомъ, что принципіальное отрицаніе всякой колоніальной практики замѣнялось въ резолюціи конгрессистовъ тактикой борьбы за мѣры, лишь ослабляющія гнетъ и эксплуатацію капиталистическихъ авантюристовъ. Внутри соціалистическаго лагеря замѣчалось въ этомъ вопросѣ то же самое колебаніе, какое въ свое время здѣсь испытали французскіе радикалы, бывшіе въ первой половинѣ 80-хъ годовъ ярыми противниками колоніальной политики. Извѣстно, дѣйствительно, что кабинетъ Бриссона, ставшій у власти послѣ паденія Ферри, отстоялъ въ декабрѣ 1885 г. всего 4 голосами большинства кредиты для Тонкина. Между тѣмъ, тѣ самые принципіальные враги колоній, которые съ такой энергіей боролись противъ завоевательной политики французской республики въ Азіи, вовсе не думали въ случаѣ своей побѣды немедленно же ликвидировать это положеніе вещей. Между радикалами лишь одинъ Жоржъ Пэрэнъ настаивалъ на такомъ рѣшеніи, тогда какъ самъ грозный сокрушитель Ферри, — я разумѣю Клемансо, — считалъ немысли-

*) Ibid., стр. 33—34.

мымъ такой исходъ. Жорэсъ разсказываетъ слѣдующій эпизодъ изъ своей ранней парламентарной жизни:

„Нѣсколькс мѣсяцевъ спустя послѣ вота, я присутствовалъ при любопытномъ діалогѣ между Жоржемъ Пэрэномъ и Клемансо. Клемансо внезапно спросилъ у него: „Ну, а если бы мы стали у власти, вывели бы вы войска изъ Тонкина?“—Да, и сейчасъ же, давъ себѣ лишь нѣсколько мѣсяцевъ сроку, чтобы обезпечить путемъ переговоровъ безопасность тѣхъ, кто скомпрометировалъ тамъ себя изъ-за насъ.—„А я бы нѣтъ, живо возразилъ Клемансо: это невозможно“. Такимъ образомъ главы радикальной партіи принимали въ глубинѣ души уже въ 1885 г. совершившійся фактъ. Любопытная судьба партій!“ *).

Самъ Жорэсъ, дѣлающій это замѣчаніе, нѣсколько лѣтъ тому назадъ уже доказывалъ, впрочемъ, въ одной изъ своихъ статей, что соціалистамъ поздно отрицать огуломъ колоніальную политику. Хотятъ ли, молъ, они этого, или нѣтъ, но она вынуждена безъ нихъ всѣмъ ходомъ капиталистической жизни. И соціалистамъ слѣдуетъ не выражать безплодный принципіальный протестъ противъ реальнаго факта, а становиться на почву реальной же борьбы съ нимъ, стараясь путемъ реформъ и улучшеній обломать черезчуръ острые углы у колоніальной политики буржуазіи. Резолюція амстердамскаго конгресса беретъ среднюю ноту между взглядами „революціонеровъ“ и мнѣніемъ Жорэса, подходя, пожалуй, даже ближе къ послѣднему.

Во всякомъ случаѣ, и въ этомъ половинчатомъ видѣ, рѣшеніэ большинства членовъ конгресса показываетъ, что современный соціализмъ понимаетъ всю безнравственность завоевательныхъ стремленій „конквистадоровъ“ нашихъ дней, прикрывающихъ свои низменные инстинкты и глубоко эгоистичные интересы фразами о „желтой“, „черной“ и т. п. „опасностяхъ“. Современный соціализмъ становится на сторону туземныхъ расъ, которыя угнетаетъ „военное варварство“ и изъ которыхъ высасываетъ соки „капиталистическая эксплуатація“. А разъ колоніальная политика уже возникла къ несчастію для туземцевъ и для рабочаго класса самой страны, онъ настаиваетъ на самомъ широкомъ контролѣ этой политики народными представителями. Тотъ не можетъ быть соціалистомъ, кто не возстаетъ противъ теоріи „высшихъ“ и „низшихъ“, „бѣлыхъ“ и „желтыхъ“ или „черныхъ“ расъ, такъ какъ именно эта теорія стремится увѣковѣчить и оправдать грабежъ и убійство, практикуемые теперешними Кортэсами и Пизарро среди экзотическихъ племенъ. Такъ, не смотря на нѣкоторую половинчатость взглядовъ, господствующихъ въ современномъ соціализмѣ относительно колоніальной

*) См. введеніе Жорэса къ его сборнику „Парламентскихъ рѣчей“: Jean Jaurès, *Discours parlementaires*; Парижъ, 1904, стр. 22.

политики, трудовое міровоззрѣніе во всякомъ случаѣ подвергаетъ самому жестокому осужденію задачи и пріемы „колонизаторовъ" нашихъ дней.

Очень важную роль сталъ играть въ послѣднее время, особенно во Франціи, вопросъ объ отношеніи соціалистовъ къ синдикальному движенію, и въ частности ко всеобщей стачкѣ, которая начинаетъ пріобрѣтать широкую популярность именно среди членовъ рабочихъ профессіональныхъ организацій.

Во Франціи борьба между соціалистами-„политиками" и соціалистами-„синдикалистами" достигла большой напряженности. Ослабить эту распрю можетъ, по всей вѣроятности, лишь объединеніе „революціонеровъ" и „реформистовъ". Ибо преувеличенія послѣднихъ относительно исключительно мирнаго и строго парламентарнаго рѣшенія соціальнаго вопроса вызвали столь сильную реакцію среди организованныхъ въ союзы рабочихъ, что наиболѣе активные члены синдикатовъ заскочили въ этомъ пунктѣ далеко за „революціонеровъ" и стали отрицать политическую борьбу вообще. Дѣйствительно, „революціонеры" упрекаютъ „реформистовъ" въ фетишизмѣ легальности. Они доказываютъ, что невозможно надѣяться на побѣду партіи труда путемъ чисто механическаго увеличенія числа соціалистическихъ депутатовъ въ парламентѣ, которые проведутъ, молъ, отмѣну режима частной собственности при помощи правильно вотированной законодательной мѣры. Не отрицая значенія парламентарной дѣятельности, позволяющей депутатамъ партіи говорить съ національной трибуны черезъ голову своихъ буржуазныхъ коллегъ ко всей странѣ, „революціонеры" указываютъ на вѣроятность политическаго coup d' Etat, который будетъ продѣланъ имущими и правящими классами съ цѣлью помѣшать легальному торжеству соціализма. Потому „революціонеры" напираютъ на необходимость вести широкую политическую агитацію во всей странѣ, чтобы приготовить элементы, которые будутъ въ состояніи разомъ или постепенно захватить въ свои руки центральные и мѣстные органы государственной машины. Признавая важность чисто синдикальнаго движенія, которое создаетъ во всѣхъ отрасляхъ промышленности сознательныхъ членовъ грядущаго коллективнаго строя, начиная отъ администраторовъ и кончая рядовыми рабочими, „революціонеры"-политики предостерегаютъ противъ увлеченія профессіональной, чисто экономической борьбой, какія бы рѣзкія, повидимому, и радикальныя формы она ни принимала. Они боятся, какъ бы ни возродился старинный прудонизмъ съ его требованіемъ „растворенія правительства въ экономическомъ организмѣ", что разобьетъ общій порывъ рабочаго класса на массу мелкихъ кооперативныхъ движеній. И плохимъ

утѣшеніемъ въ ихъ глазахъ является то обстоятельство, что въ то время, какъ прудонизмъ носилъ мирный характеръ, современный французскій синдикализмъ любитъ проповѣдывать рѣзкіе пріемы борьбы.

Какъ бы то ни было, французскіе синдикалисты, раздраженные строго парламентарной тактикой фракціи Жорэса, распространили свое недовольство и на „революціонеровъ". И послѣдніе имъ кажутся все больше и больше политиканами, черезчуръ обращающими вниманіе на борьбу партій въ рамкахъ современнаго государственнаго строя и пренебрегающими кореннымъ измѣненіемъ всего соціально-политическаго порядка вещей при посредствѣ организованнаго въ профессіональные союзы пролетаріата. Въ рядахъ современныхъ французскихъ синдикалистовъ встрѣчается все больше и больше анархистовъ, которые входятъ въ рабочія организаціи съ цѣлью вести свою наивную проповѣдь аполитической революціи и, пользуясь боевымъ настроеніемъ членовъ синдикатовъ, пріобрѣтаютъ тамъ мѣстами значительное вліяніе. Съ другой стороны, и среди соціалистической интеллигенціи, разочарованной оппортунизмомъ жорэсистовъ, намѣчается теченіе, которое все сильнѣе и сильнѣе отодвигаетъ на задній планъ чисто политическую борьбу и все замѣтнѣе и замѣтнѣе отдаетъ предпочтеніе тактикѣ синдикалистовъ. Назову хотя бы редакцію журнала „Le Mouvement socialiste", группирующуюся вокругъ Лагардэля, который былъ сначала ученикомъ Гэда, затѣмъ склонялся къ жорэсизму, потомъ снова перешелъ въ ряды „революціонеровъ", но съ тѣмъ, что бы заняться усердною проповѣдью синдикализма. Эти явленія показываютъ, въ какой степени кризисъ соціализма, особенно ярко сказавшійся въ расколѣ послѣднихъ лѣтъ, повредилъ ясному пониманію задачъ современнаго міровоззрѣнія труда; и какой въ частности вредъ былъ нанесенъ развитію рабочей партіи оппортунистами соціалистическаго лагеря.

Надо надѣяться, что совершившееся недавно объединеніе ослабитъ вражду широкихъ рабочихъ слоевъ къ политической дѣятельности, ибо поможетъ имъ понять, что эту дѣятельность нечего представлять исключительно въ видѣ парламентарныхъ реформъ; и что слитіе „революціонеровъ" съ „реформистами" положитъ конецъ смѣшенію партіи труда съ буржуазными фракціями. „Реформисты" признаются въ своихъ ошибкахъ; и, не смотря на все ораторское искусство Жорэса, присутствовавшіе на руанскомъ конгрессѣ не могли, напр., не замѣтить, что тактика, которую онъ защищаетъ теперь, является не продолженіемъ и даже не дополненіемъ, а отрицаніемъ дѣятельности парламентарной соціалистической партіи. Еще болѣе замѣтно такое настроеніе среди мѣстныхъ дѣятелей жорэсистскаго лагеря, которые непосредственно сталкиваются съ рабочими

и начинають откровенно говорить теперь, какія препятствія приходилось имъ преодолѣвать, пропагандируя міровоззрѣніе труда. Такъ Эллэнъ Прэво, одинъ изъ вліятельныхъ членовъ федераціи Кармо, къ которой принадлежитъ и самъ Жорэсъ, пишетъ на этихъ дняхъ въ мѣстной газетѣ „Le Cri des travailleurs“:

„Наконецъ-то, мы снова завоевали нашу свободу и получили почти совершенно было исчезнувшую возможность укрѣплять и развивать нашу политическую и экономическую организацію. Недавняя политика нашей партіи представляла, по меньшей мѣрѣ, два неудобства. Политическое сотрудничество съ республиканскими и радикальными группами стало такимъ интимнымъ, что изсякъ источникъ всякаго вербованія новыхъ членовъ партіи. Подъ вліяніемъ многихъ изъ соціалистическихъ депутатовъ, самая посредственность которыхъ дѣлала для нихъ изъ выборовъ настоятельную необходимость и главнѣйшую заботу, наша доктрина была во многихъ пунктахъ такъ смягчена, а наша дѣятельность во многихъ городахъ такъ притуплена, что почти ничего не осталось отъ нашей собственной программы и нашей собственной тактики“ *).

Когда, благодаря объединенію двухъ враждующихъ фракцій французскаго соціализма, истинный смыслъ партіи труда будетъ снова понятенъ для широкихъ рабочихъ слоевъ, тогда и синдикалисты потеряютъ свое презрѣніе къ „политикѣ“, и синдикальное движеніе станетъ лишь необходимымъ дополненіемъ къ политическому соціализму. Ибо въ то время, какъ послѣдній вырабатываетъ органы перехода государственной власти въ руки пролетаріата, синдикальное движеніе создаетъ самое общественную структуру будущаго порядка, а именно тѣ безчисленныя ячейки производительныхъ коопераций, союзъ которыхъ замѣнитъ современное классовое, основанное на борьбѣ и принужденіи общество.

Мало того, объединенная партія будетъ въ состояніи съ большимъ безпристрастіемъ отнестись и къ нѣкоторымъ тактическимъ пріемамъ борьбы, которые жарко пропагандируются синдикалистами и которые до сихъ поръ отбрасываются или, по крайней мѣрѣ, недостаточно оцѣниваются даже и „революціонерами“ разныхъ странъ. Я говорю о такъ называемой всеобщей стачкѣ.

Слѣдуетъ сказать, что это орудіе борьбы выросло изъ самыхъ нѣдръ рабочаго класса, подобно тому, какъ и частныя стачки были выдвинуты стихійнымъ развитіемъ борьбы труда противъ капитала, а отнюдь не являлись искусственнымъ созданіемъ за-

*) Цитирую по выдержкѣ изъ еженедѣльной газеты „Le Socialiste“ (органа „революціонеровъ“), отъ 16–23-го апрѣля 1905 г.

чинщиковъ и вожаковъ. И подобно тому, какъ теоретическая мысль соціализма должна была въ теченіе нѣкотораго времени разсѣивать предубѣжденія соціалистовъ же противъ частныхъ стачекъ рабочихъ, такъ и теперь эта же самая мысль принуждена бороться противъ предубѣжденій, питаемыхъ въ соціалистическомъ лагерѣ относительно всеобщей стачки. Въ свое время Марксъ, возражая Прудону,—осуждавшему (въ своихъ „Экономическихъ противорѣчіяхъ") стачки рабочихъ, какъ вещь „беззаконную" (illégale) и идущую и противъ „уголовнаго кодекса", и противъ самой „экономической системы",—жестоко иронизировалъ надъ этимъ догматическимъ запрещеніемъ и объяснялъ всю неизбѣжность забастовокъ на извѣстной ступени индустріальнаго развитія:

„Вопреки тѣмъ и другимъ (экономистамъ и соціалистамъ. Н. К.), вопреки руководствамъ по политической экономіи и утопіямъ, коалиціи не переставали расти и развиваться съ развитіемъ и ростомъ современной индустріи. И это въ такой мѣрѣ вѣрно, что теперь степень, какой достигли коалиціи въ извѣстной странѣ, опредѣляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно ясно степень, занимаемую этой страной на всемірномъ рынкѣ. Англія, гдѣ промышленность достигла своего высшаго развитія, отличается также и самыми обширными и наилучше организованными коаліціями рабочихъ... Именно въ формѣ коалицій и имѣли всегда мѣсто первыя попытки рабочихъ *соединиться* между собою... Въ этой борьбѣ—настоящей гражданской войнѣ—сплачиваются и развиваются всѣ элементы, необходимые для грядущаго сраженія. Разъ достигнувъ этой точки, ассоціація принимаетъ политическій характеръ" *).

Такъ говорилъ еще въ 1846 г. Марксъ. И что же? Полвѣка и больше спустя, идея всеобщей стачки, которая особенно пропагандировалась французскими синдикалистами, подвергалась жестокой критикѣ со стороны французскихъ марксистовъ. Припомню лишь нантскій конгрессъ 1893 г., созванный „національной федераціей синдикатовъ" и рѣшившій принципъ всеобщей стачки противъ гэдистовъ, что повело за собою расколъ и гибель этой прежней федераціи **). Затѣмъ, въ теченіе болѣе десяти лѣтъ всеобщая стачка служила предметомъ оживленныхъ споровъ на національныхъ и интернаціональныхъ соціалистическихъ конгрессахъ и по большей части отвергалась, какъ мало цѣлесообразный пріемъ борьбы со старымъ міромъ. Но это дѣлалось не безъ нѣкоторыхъ казуистическихъ оговорокъ, открывавшихъ дверь возможной перемѣнѣ фронта. Послѣдней резолюціей по времени было

---

*) Karl Marx, *Misère de la Philosophie*; новое парижское изданіе (Giard et Brière), 1896, стр. 239—241, passim.

**) См. Léon de Seilhac, *L'evolution du parti syndical en France*; Парижъ, 1890, стр. 22.

рѣшеніе амстердамскаго конгресса, который отвергъ 36 голосами (противъ 4, вотировавшихъ за, и 4 воздержавшихся) собственно всеобщую стачку, разумѣя подъ таковой забастовку во всѣхъ отрасляхъ національной жизни. Но онъ допустилъ стачку, которая „распространилась бы или на большое число занятій, или на самыя необходимыя для правильнаго функціонированія экономической жизни вѣтви промышленности, и которая оказалась бы, такимъ образомъ, послѣднимъ и самымъ рѣшительнымъ средствомъ вызвать очень важные соціальныя измѣненія или защитить права рабочихъ отъ покушенія реакціонныхъ властей“. Вмѣстѣ съ тѣмъ конгрессъ предостерегалъ пролетаріевъ противъ увлеченія „всеобщей стачкой“, которую онъ называлъ уловкой анархистовъ, пытающихся яко бы отвратить этимъ способомъ рабочихъ отъ настоящей борьбы, т. е. „какъ политической, такъ и синдикальной и кооперативной дѣятельности“. Наконецъ, онъ рекомендовалъ трудящимся массамъ „развивать ихъ классовую организацію“, такъ какъ отъ прочности ея „будетъ зависѣть успѣхъ политической стачки, если таковая въ данный моментъ окажется необходимой и полезной“.

Если вдуматься въ рядъ этихъ одно другое ограничивающихъ положеній, то начинаешь понимать, что эта резолюція является компромиссомъ между традиціоннымъ взглядомъ соціалистовъ-„политиковъ“, отвергающихъ въ большинствѣ случаевъ всеобщую стачку, и неудержимымъ стремленіемъ рабочихъ организацій добиться ея признанія правильнымъ и цѣлесообразно могучимъ орудіемъ великой соціальной борьбы. Конгрессъ полемизируетъ противъ всеобщей стачки въ буквальномъ смыслѣ, но допускаетъ ее для большого числа наиболѣе крупныхъ вѣтвей промышленности. Онъ высказывается за „политическую стачку“ и пытается указать на важнѣйшіе случаи, когда она приложима, но отвергаетъ ее, какъ средство произвести существенныя перемѣны въ экономической области. Казуистика эта, повторяю, лишь выдаетъ нерѣшительность значительного числа современныхъ вожаковъ соціализма порвать съ рутинными взглядами и принять во вниманіе голосъ многомилліонныхъ рабочихъ массъ во всѣхъ странахъ. Примѣры нѣкоторыхъ попытокъ, если не всеобщихъ, то приближающихся къ нимъ по характеру стачекъ, отнюдь не производятъ того печальнаго, обезкураживающаго впечатлѣнія, которое выносятъ изъ ихъ разсмотрѣнія блюстители традицій. Вспомнимъ хотя бы сентябрьское движеніе 1904 г. въ Италіи, гдѣ, не смотря на страшную оппозицію всѣхъ правительственныхъ, буржуазныхъ и даже клерикальныхъ партій, число голосовъ, поданныхъ на выборахъ сейчасъ же послѣ стачки, превзошло на 60% и 62% цифры предшествующихъ выборовъ какъ разъ въ тѣхъ провинціяхъ,—Лигуріи и Ломбардіи,—гдѣ всеобщая забастовка была осуществлена наиболѣе полно.

Интересно, что ни одна изъ фракцій французскаго соціализма не подписалась подъ вотированной на амстердамскомъ конгрессѣ резолюціей насчетъ всеобщей стачки: такъ сильно начинаетъ стоять за этотъ тактическій пріемъ пролетаріатъ третьей республики, находя слабой аргументацію противъ этой формы забастовки. Однимъ изъ наиболѣе серьезныхъ аргументовъ является, дѣйствительно, невозможность будто бы для пролетаріата пережить всю тяжесть лишеній во время всеобщей стачки, въ то время, какъ имущіе и правящіе классы побѣдоносно выдержатъ ее, благодаря накопленнымъ богатствамъ и запасамъ. Но говорящіе такъ не понимаютъ характера современной общественно-экономической организаціи, а именно громаднаго значенія средствъ транспорта и сообщенія на разстояніи въ современномъ обществѣ, которое, благодаря имъ, является высшимъ сильно централизованнымъ организмомъ, связаннымъ во всѣхъ частяхъ этими нервами соціальной жизни. Остановка функцій транспорта должна вызвать въ такомъ организмѣ разстройство, которое скоро отзовется на участи не однихъ бѣдняковъ, а и самыхъ могучихъ представителей владѣнія.

„Революціонеръ" Поль-Луи, котораго нельзя обвинить въ неуваженіи къ господствующимъ взглядамъ своей фракціи, такъ, однако, считаетъ нужнымъ заключить разборъ вопроса о всеобщей стачкѣ:

„Чѣмъ болѣе изучаешь эту проблему, тѣмъ болѣе замѣчаешь, что политическій соціализмъ, подвергшись уже эволюціи въ этомъ отношеніи и отбросивъ болѣе строгія рѣшенія прежнихъ дней, будетъ вынужденъ мало по малу отказаться и отъ своихъ послѣднихъ предубѣжденій. Отнынѣ онъ можетъ наложить запретъ на всеобщую стачку, лишь рѣшительно порвавъ съ синдикальными группами, т. е. съ массою пролетаріата. Уже въ сентябрѣ 1894 г. онъ долженъ былъ примкнуть къ итальянской попыткѣ, подъ угрозою, что движеніе далеко перерастетъ его. У него нѣтъ недостатка въ предостереженіяхъ, сыплющихся на него со всѣхъ сторонъ; новыя тенденціи обнаруживаются въ его рядахъ. Пусть онъ остережется черезчуръ медлить въ этомъ отношеніи: иначе въ одинъ прекрасный день ему придется очутиться передъ уже совершившимся фактомъ" *).

Н. Е. Кудринъ.

---

*) Paul Louis, l. c., стр. 308.

Политика.

Императоръ Вильгельмъ и наши неудачи на Дальнемъ Востокѣ.—Нѣкоторыя причины неудачъ.—Около войны.—Около мира.—Австро-венгерскій конфликтъ.—Шведо-норвежскій конфликтъ.—Избирательныя права женщинъ.

I.

Извѣстно, что императоръ Вильгельмъ любитъ произносить рѣчи и, одаренный недюжиннымъ ораторскимъ талантомъ, пользуется всякимъ случаемъ для ораторскихъ опытовъ. Русско-японская война тоже послужила темой для рѣчей августѣйшаго оратора. И при томъ два раза. Въ Вильгельмсгафенѣ императоръ, какъ сообщаетъ „Evangelische Zeitung", указалъ на то, что русскіе плохіе христіане и потому терпятъ неудачи. Изъ этого выходитъ, что японцы хорошіе христіане и потому неудачъ не терпятъ. Хотя до сихъ поръ всѣ знали, да и послѣ императорско-королевской рѣчи знаютъ, что японцы вовсе не христіане, тѣмъ не менѣе вильгельмсгафенская рѣчь Вильгельма прошла мало замѣченною и никакой сенсаціи не произвела. Иная судьба ожидала другую рѣчь германскаго императора на ту же тему о причинахъ русскихъ неудачъ на Дальнемъ Востокѣ. Вильгельмъ говорилъ въ Страсбургѣ въ кругу военныхъ и въ поученіе имъ. „Strasburger Post" сообщаетъ, что рѣчь императора длилась полчаса и была произнесена послѣ парада. Императоръ стоялъ передъ зданіемъ почты, окруженный большимъ числомъ генераловъ и офицеровъ. Его голосъ разносился на далекомъ пространствѣ. Императоръ говорилъ противъ роскоши и погони за развлеченіями офицеровъ, указывая при этомъ на примѣръ русско-японской войны. Японскій офицерскій корпусъ въ высшей степени трудолюбивъ, старателенъ и непритязателенъ въ своихъ привычкахъ, вслѣдствіе чего, какъ и японскій солдатъ, онъ оказался на высотѣ своего призванія. Наоборотъ, русскій офицерскій корпусъ не оправдалъ ожиданій, тогда какъ русскій солдатъ еще разъ выказалъ хорошія качества и храбрость. Императоръ сообщилъ, что его сынъ, вернувшійся съ Дальняго Востока, разсказывалъ ему, что русскіе офицеры, прибывъ въ Кяочау, раскупили тамъ все шампанское.

Рѣчь эта произвела большую сенсацію и вызвала оживленные комментаріи и обсужденіе поднятаго державнымъ ораторомъ вопроса о причинахъ нашихъ неудачъ въ борьбѣ съ японцами.

Въ самомъ дѣлѣ, что была во мнѣніи свѣта Японія до этой войны? Въ родѣ quantité négligeable... И что была Россія въ томъ же общемъ мнѣніи? Самая могущественная военная держава въ

мірѣ... Что такое теперь Японія послѣ шестнадцати мѣсяцевъ войны? Признанная и уважаемая великая держава, союзомъ которой дорожитъ Англія, сближенія съ которой ищетъ Германія, указаніямъ которой слѣдуетъ Франція, успѣхамъ которой апплодируетъ весь образованный міръ... Потому что, незачѣмъ скрывать отъ себя горькой правды: нашимъ неудачамъ повсюду радуются и повсюду благословляютъ японцевъ за тѣ удары, которые они сумѣли нанести „русскому кошмару". Этого никто не ожидалъ, но этимъ всѣ довольны. Тотъ ужасный кошмаръ, который столько времени давилъ русскій народъ, тяготѣлъ отчасти и на остальномъ мірѣ, который сострадалъ участи поляковъ, финляндцевъ, евреевъ, армянъ, русскихъ сектантовъ и который видѣлъ, что та же могущественная рука поддерживаетъ дѣло угнетенія всюду, куда можетъ достать, въ Румыніи, Болгаріи, Сербіи, Турціи, Абиссиніи, Китаѣ, повсемѣстно угрожая часто очень цѣннымъ и дорогимъ интересамъ великихъ цивилизованныхъ націй. Неизвѣстность тѣхъ рѣшеній, которыя могла принять всевластная и ни съ чѣмъ не считающаяся русская бюрократія, заставляла всегда быть на-сторожѣ, всегда опасаться чего-то очень страшнаго, потому что за этими неизвѣстными рѣшеніями стояла огромная вооруженная сила. Если бюрократія не стѣснялась внутри ни законами, ни общимъ правомъ, то почему ей особенно стѣсняться международными трактатами и международнымъ правомъ? Этотъ вопросъ невольно становился передъ націями цивилизованнаго міра и всѣ смотрѣли на сѣверъ съ опасеніемъ. Сильные вооружались, слабые ожидали всего худшаго и старались найти защиту. Такъ было въ періодъ 1815—1855 гг., когда это тягостное состояніе было разрушено подъ стѣнами Севастополя и на водныхъ равнинахъ Понта Эвксинскаго. Въ восьмидесятыхъ годахъ XIX вѣка снова возродился этотъ „русскій кошмаръ" и можно было думать, что для его отмѣны снова понадобится коалиція великихъ державъ. Вмѣсто коалиціи, однако, выступила одна Японія, и пока съ блестящимъ успѣхомъ.

Не только паденія Россіи, но и несчастій ей никто не желаетъ въ цѣломъ мірѣ, но всѣ желаютъ ея не бояться, ей довѣрять... И когда законъ и право будутъ незыблемы внутри, всѣ повѣрятъ, что незыблемы будутъ трактаты и права и во внѣшнихъ дѣлахъ ея. Тогда ей будутъ довѣрять и ея неудачамъ не будутъ радоваться. Такова въ общихъ чертахъ психологія цивилизованнаго міра въ его отношеніяхъ къ русско-японской войнѣ вообще и къ русскимъ неудачамъ въ частности и въ особенности. Наша бюрократія не только подготовила наши военныя неудачи, потому что дала пышно расцвѣсти фаворитизму и хищничеству, съ двухъ сторонъ обездолившимъ русскую силу, но и лишила насъ сочувствія міра, намъ болѣе близкаго духовно, чѣмъ нашимъ противникамъ. Наша духовная жизнь уже широкимъ и могучимъ по-

токомъ слилась съ теченіемъ духовной жизни всего европейски-цивилизованнаго міра. Наши литература, искусство и наука получили общее признаніе, и въ этой области мы уже не ученики Европы, какъ теперь Японія, но мастера на равныхъ правахъ со старшими товарищами. Поэтому, не совсѣмъ справедливо говорить, что побѣды японцевъ являются послѣдствіемъ болѣе высокой культуры, но вполнѣ будетъ справедливо сказать, что онѣ суть плоды болѣе высокой *государственной культуры*. Народное правленіе встрѣтилось съ бюрократическимъ и, хотя на сторонѣ послѣдняго былъ огромный перевѣсъ физическаго могущества, народное правленіе и народное войско *до сихъ поръ* наносятъ ударъ за ударомъ правленію бюрократическому и войску, содержимому, снабжаемому и руководимому бюрократами.

Если еще надобны иллюстраціи къ этимъ выводамъ изъ современныхъ ужасныхъ бѣдствій, переживаемыхъ нашей родиной, то вотъ еще одинъ примѣръ: въ консервативномъ „Словѣ“ г. Де-Ливронъ, одинъ изъ извѣстныхъ военныхъ писателей, въ слѣдующихъ словахъ характеризуетъ порядки въ нашемъ морскомъ вѣдомствѣ (цитирую изъ „Новостей“ отъ 28 апрѣля):

„Нѣчто страшное, ничѣмъ необъяснимое творится въ вопросѣ объ укомплектованіи нашихъ судовъ личнымъ составомъ... Назначеніе офицеровъ на суда происходитъ или по протекціи, или въ наказаніе. Если офицеръ испытываетъ дѣйствительное призваніе къ морской службѣ и пылаетъ горячей страстью принести силы свои на алтарь отечества, и просится на Востокъ,—ему отказываютъ, мотивируя отказъ тѣмъ, что на судахъ нашихъ столько офицеровъ, что назначеніе еще одного потопитъ эскадру, а въ то же время, по протекціи бабушки, ея внукъ, захудалый, избалованный, пьянчужка-мичманъ посылается отъ долговъ на лучшія силы дѣйствующей эскадры“.

Эта маленькая картинка и сама по себѣ поучительна, но вѣдь это лишь маленькій открывшійся уголокъ „канцелярской тайны“, стыдливо прикрывающей бюрократическое усмотрѣніе...

Я помню одну иностранную каррикатуру изъ эпохи крымской войны. Изображена русская армія: стройные ряды могучихъ солдатскихъ фигуръ съ львиными головами, передъ ними офицеры съ ослиными ушами, а предводительствуютъ ожирѣвшія фигуры генераловъ совершенно безъ головъ, съ одними эполетами взамѣнъ того. Конечно, это рисовали тогдашніе враги. Конечно, это и тогда, какъ и теперь, не является общимъ правиломъ. Характерно, что событія давали поводъ къ такимъ каррикатурамъ. Когда читаешь обличенія, подобныя только что приведенному, или отчеты *возвратившихся* корреспондентовъ, поневолѣ спрашиваешь себя, не даетъ ли и нынѣшняя дѣйствительность повода къ тому же росчерку сатирическаго карандаша? Генералы безголовые и ослиноухіе офицеры могутъ встрѣтиться въ каждой арміи,

но чтобы они фигурировали въ числѣ, способномъ серьезно компрометировать дѣло, это уже особое свойство бюрократическаго режима. Оно обнаружилось въ Австріи въ 1859 и 1866 году, во Франціи—въ 1870 и, наконецъ, у насъ въ эту горестную войну, что переносимъ уже шестнадцать мѣсяцевъ...

II.

Да, воюемъ семнадцатый мѣсяцъ и никто не знаетъ, сколько еще будемъ воевать. Общій интересъ уже два мѣсяца сосредоточенъ на морскомъ театрѣ войны, именно съ тѣхъ поръ, какъ 26 марта (8 апрѣля) эскадра вице-адмирала Рожественскаго прошла мимо Сингапура, направляясь на сѣверо-востокъ въ японскія воды, гдѣ ее ждалъ адмиралъ Того со своимъ флотомъ Военные обозрѣватели всего міра на всѣхъ языкахъ ожидали генеральной битвы во второй половинѣ апрѣля. Событія, однако, не оправдали этихъ предвидѣній.

3 (16) марта эскадра русскаго адмирала оставила берега Мадагаскара и двинулась черезъ Индійскій океанъ на сѣверо-востокъ. Никѣмъ не замѣченный, Рожественскій внезапно появляется 24 марта въ Маллакскомъ проливѣ и 26 проходитъ мимо Сингапура. 29 марта эту эскадру видятъ на широтѣ Сайгона и тогда же госпитальное судно эскадры „Орелъ“ заходитъ въ этотъ французскій портъ и черезъ сутки уходитъ дальше. Военныя суда проходятъ мимо. Если они будутъ идти также быстро, ихъ можно ожидать 6 (19) апрѣля у береговъ японской Формозы, а у береговъ Японіи, если Того не заградитъ пути, не позже 10 (23-го) апрѣля. Однако, ничего подобнаго не случилось и на время всѣ извѣстія о флотѣ русскаго адмирала исчезли со страницъ всемірной печати. Наконецъ, его нашли въ Камранской бухтѣ, во французскихъ индо-китайскихъ владѣніяхъ, куда наша эскадра зашла 31 марта (13 апр.) и тамъ отстаивалась, давая отдыхъ и механизмамъ, и экипажу, возобновляя запасы угля и провизіи и поджидая отрядъ контръ-адмирала Небогатова, который только 25 марта (7 апрѣля) оставилъ берега Африки и направился черезъ Индійскій океанъ въ дальне-восточныя воды. Въ индо-китайскихъ водахъ его можно было ожидать не раньше 20 апрѣля (въ его составъ входятъ старыя суда съ тихимъ сравнительно ходомъ). Однако, спокойно достоять до этого срока въ Камранѣ русской эскадрѣ не дали. Вслѣдствіе протестовъ Японіи и Англіи, Рожественскій 10 (23) апрѣля оставилъ Камранъ. На время было снова скрылся и никто не могъ узнать его мѣстопребываніе. Затѣмъ, опять его нашли и опять во французской бухтѣ Хонкоэ на томъ же индо-китайскомъ берегу, только нѣсколько сѣвернѣе Камрана. Японія выступила тогда съ рѣшительнымъ протестомъ,

и міръ пережилъ очень тревожную недѣлю, угрожавшую очень крупными осложненіями и вовлеченіемъ въ войну новыхъ крупныхъ факторовъ.

Это всемірное бѣдствіе удалось предотвратить, но въ виду предполагаемаго движенія на Дальній Востокъ четвертой эскадры, тревожныя событія конца апрѣля и ознакомленіе съ ходомъ и развитіемъ конфликта, вызваннаго плаваніемъ эскадры вице-адмирала Рожественскаго, сохраняютъ весь свой интересъ. Вотъ хронологически сгруппированныя свѣдѣнія объ этихъ событіяхъ:

Парижъ, 22 апрѣля (6 мая). Японскій посланникъ вторично заявилъ протестъ, утверждая, что Рожественскій, покинувъ Камранскую бухту, отошелъ отъ нея лишь на самое незначительное разстояніе, ставъ на якорь у порта Дайота и въ бухтѣ Хонкое. Адмиралъ Жонкіеръ получилъ приказаніе отправиться со всей эскадрой Дальняго Востока въ портъ Дайотъ для поддержанія порядка и чтобы предложить Рожественскому уйти.

Лондонъ, 25 апрѣля (8 мая). Корреспондентъ „Central News“ интервьюировалъ Гаяши, который сказалъ, что вслѣдствіе цѣннаго содѣйствія, оказаннаго русской эскадрѣ французскими властями, положеніе стало серьезнымъ. Въ Парижѣ происходили переговоры. Гаяши надѣется, что результатомъ ихъ не будетъ охлажденія между Японіей и Франціей. На основаніи полученныхъ свѣдѣній онъ можетъ лишь сказать, что сообщенія объ оказанномъ содѣйствіи совершенно вѣрны. Въ виду близости французской территоріи, Японія не можетъ смотрѣть безъ большого опасенія на то, какъ Рожественскій получаетъ уголь и провіантъ, производитъ ремонтъ и т. д., и должна придти къ заключенію, что держава, съ которой она находится въ мирѣ, совершаетъ серьезное нарушеніе нейтралитета. „Central News“ узналъ изъ вполнѣ авторитетнаго источника, что возникшій конфликтъ не является чѣмъ-либо неожиданнымъ. Японія знала, что Франція и нѣкоторыя другія державы не приняли, подобно Англіи, 24-часового срока для пребыванія судовъ въ нейтральномъ порту. Японія ждала 48 часовъ, прежде чѣмъ заявить въ Парижѣ жалобу на пребываніе Рожественскаго въ Камранской бухтѣ. Сначала Франція отвѣтила, что, во время снабженія провіантомъ, русскія суда находились внѣ нейтральной зоны. *Вслѣдствіе новыхъ серьезныхъ представленій, Франція измѣнила свой взглядъ на это и послала инструкціи властямъ Кохинхины.* Но инструкціи не были выполнены этими послѣдними или умышленно оставлены Рожественскимъ безъ вниманія. При другихъ обстоятельствахъ, Японія объявила бы въ подобномъ случаѣ войну Франціи, и тогда она не могла бы болѣе оказывать помощи русской эскадрѣ, такъ какъ сама нуждалась бы во всемъ. Въ виду этого, Японія съ большимъ нетерпѣніемъ желаетъ покончить съ настоящимъ во-

просомъ, въ особенности вслѣдствіе отсутствія изъ-за затяжекъ, дѣлаемыхъ Франціей, какихъ-либо гарантій для будущаго.

Гонконгъ, 26 апрѣля (9 мая). Сюда прибыли изъ бухты Хонкоэ угольные транспорты Балтійской эскадры „Forstek" и „Neumüchlin". Всѣ русскія военныя суда были готовы къ плаванію 22 апрѣля. Они брали уголь по 250 тоннъ ежедневно.

Лондонъ, 26 апрѣля (9 мая). Хотя газеты и признаютъ положеніе, созданное вопросомъ о нарушеніи французскаго нейтралитета, затруднительнымъ, тѣмъ не менѣе не считаютъ его критическимъ. „Standard" не удивляется тому, что японцы испытываютъ чувство горькой обиды противъ Франціи за поддержку, оказанную ею ихъ противнику, но высказываетъ увѣренность, что Японія воздержится отъ чего бы то ни было, похожаго на категорическое требованіе; по мнѣнію газеты, она скорѣе всего приметъ игру, объявленную изъ Петербурга, введя въ войну, съ своей стороны, такіе факторы, учесть значеніе которыхъ впередъ невозможно.

По словамъ „Evening Post", никто въ Англіи не помышляетъ о томъ, чтобы уклониться отъ выполненія обязательствъ, налагаемыхъ союзомъ съ Японіей, и сохраненіе настоящихъ дружественныхъ отношеній съ Франціей возможно лишь въ томъ случаѣ, если и Великобританія, и Франція будутъ одинаково воздерживаться отъ помощи воюющимъ сторонамъ. Народъ британскій вѣритъ, впрочемъ, въ благородство Франціи, которое заставитъ ее строго соблюдать правила нейтралитета, согласно установившимся во Франціи практикѣ и традиціи. По мнѣнію „Daily Telegraph", положеніе Франціи въ этихъ затрудненіяхъ въ высшей степени щекотливое. Англичане должны считаться съ деликатностью этого положенія, не измѣняя, однако, своего сочувственнаго японцамъ отношенія къ войнѣ. „Times", обсуждая вопросъ о нейтралитетѣ, говоритъ, что Англія не имѣетъ ни малѣйшаго желанія навязывать Франціи свои правила о нейтралитетѣ, но если Франція станетъ на ту же точку зрѣнія, какъ и другіе, не менѣе заинтересованные въ данномъ вопросѣ, то она не можетъ не согласиться, что продолжительная стоянка русской эскадры во французскихъ водахъ, такъ близко къ театру войны, и пользованіе ею этими водами, какъ базой для военныхъ дѣйствій, составляетъ случай первостепеннаго значенія и потому можно простить японцамъ, если они въ этомъ усмотрятъ нарушеніе французами нейтралитета.

Токіо, 26 апрѣля (9 мая). Одинъ изъ членовъ торговой палаты въ Токіо внесъ сегодня предложеніе, чтобы, въ виду нарушенія Франціей нейтралитета, съ нею были прерваны всякія торговыя сношенія. Если предложеніе это будетъ принято, то всѣ до одной японскія торговыя палаты организуются для осуществленія такого рѣшенія.

Парижъ, 26 апрѣля (9 мая). Печать единогласно признаетъ японскія обвиненія голословными, но общественное мнѣніе серьезно обезпокоено возбужденіемъ, которое эти обвиненія вызываютъ въ Англіи. „Matin“ заявляетъ, что французскія власти съ момента ухода адмирала Рожественскаго изъ Балтійскаго моря имѣли сношенія съ русскими судами, только вслѣдствіе посѣщенія французскихъ портовъ двумя контръ-миноносцами, получившими аваріи. Уголь доставляется эскадрѣ иностранными судами внѣ французскихъ территоріальныхъ водъ. Извѣстіе, будто съ вѣдома французскаго правительства были образованы въ Сайгонѣ и Камранѣ запасы угля и другихъ товаровъ для русской эскадры, совершенно невѣрны. „Temps“ выражаетъ удивленіе по поводу того, что Франціи предлагають вмѣнить русскимъ въ обязанность соблюдать нейтралитетъ Франціи, руководствуясь при этомъ не французскими, а англійскими законоположеніями.

Парижъ, 26 апрѣля (9 мая). Японскій посланникъ Мотоно посѣтилъ вчера Делькассэ, съ цѣлью получить разъясненія по поводу пребыванія русскихъ судовъ въ территоріальныхъ водахъ Индо-Китая. Делькассэ увѣрилъ Мотоно, что французскимъ правительствомъ были даны весьма точныя инструкціи относительно соблюденія нейтралитета. „Petit Iournal“ полагаетъ, что правительствомъ было также сдѣлано формальное распоряженіе, чтобы соединеніе обѣихъ русскихъ эскадръ состоялось внѣ предѣловъ территоріальныхъ водъ.

Лордъ Лансдоунъ и французскій посолъ Камбонъ бесѣдовали вчера послѣ полудня по поводу вопроса о нейтралитетѣ.

Японія заявляетъ, что у нея есть доказательства, что адмиралъ Рожественскій возобновилъ запасы продовольствія въ предѣлахъ французскихъ водъ, при содѣйствіи французскихъ офицеровъ. По мнѣнію Японіи, адмиралъ Рожественскій получаетъ въ настоящее время отъ Франціи болѣе существенную помощь, чѣмъ онъ имѣлъ бы въ томъ случаѣ, если бы Франція объявила Японіи войну.

Лондонъ, 26 апрѣля (9 мая). По поводу нарушенія французскаго нейтралитета, „Times“ говоритъ: „Всѣ усилія согласовать подобный образъ дѣйствій съ правилами нейтралитета, даже въ томъ смыслѣ, какъ эти правила объясняются въ оффиціальныхъ французскихъ документахъ, окажутся несостоятельными, если разсматривать вопросъ съ технической точки зрѣнія по отношенію къ территоріальнымъ водамъ“. Газета добавляетъ: „Мы вполнѣ признаемъ и убѣждены, что и японцы признаютъ трудность положенія, въ которомъ оказались французы. Японцы хорошо знаютъ, что расширеніе сферы войны не соотвѣтствуетъ ихъ интересамъ, равно какъ и интересамъ Англіи и Франціи“.

Парижъ, 25 апрѣля (8 мая). Въ оффиціозномъ сообщеніи заявляется протестъ противъ иностранныхъ заявленій о нарушеніи

Франціей правилъ нейтралитета и указывается, что она непрестанно принимала мѣры къ соблюденію этихъ правилъ.

Лондонъ, 26 апрѣля (9 мая). „Times" говоритъ: „Въ оффиціозной нотѣ, составленной французскимъ правительствомъ по поводу вопроса о нарушеніи нейтралитета, говорится, что правительство принимаетъ къ свѣдѣнію полученныя вчера тревожныя сообщенія относительно образа дѣйствій русскихъ судовъ и потворства имъ со стороны французовъ, но совершенно воздерживается отъ возраженія противъ какого-либо изъ утвержденій, приводимыхъ въ депешѣ. Заявленія ноты являются скорѣе выраженіемъ мнѣній относительно международнаго права, и мнѣніе японцевъ по этому вопросу можетъ значительно отличаться отъ точки зрѣнія французовъ. Вдоль побережья, принадлежащаго французамъ, есть очень много бухтъ, и если адмиралъ Рожественскій имѣетъ намѣреніе удаляться изъ нихъ лишь для того, чтобы остановиться въ слѣдующей, то у него будетъ изобиліе времени, чтобы закончить всѣ приготовленія, а у адмирала Небогатова точно также изобиліе времени для того, чтобы соединиться съ нимъ".

Токіо, 27 (10 мая). Народное возбужденіе противъ Франціи все еще сильно. Большинство считаетъ помощь, оказываемую Франціей адмиралу Рожественскому, равносильной вооруженнымъ дѣйствіямъ противъ Японіи, и требуетъ примѣненія условій англо-японскаго союза.

Берлинъ, 27 апрѣля (10 мая). Сегодня въ „Kreuz Zeitung", которая, какъ извѣстно, имѣетъ большія дипломатическія связи, напечатана слѣдующая замѣтка: „Опасность вовлеченія въ войну другихъ державъ растетъ. Несомнѣнно Франція допустила облегченія для русской эскадры, несовмѣстимыя съ понятіемъ о строгомъ нейтралитетѣ, и Японія понесла отъ этого непоправимый ущербъ. Англія съ своей стороны сознаетъ, что сможетъ сохранить въ будущемъ хорошія отношенія съ Японіей только путемъ энергичнаго вмѣшательства. Еще есть надежда на устраненіе конфликта дипломатическимъ путемъ, но со времени начала войны опасность европейскаго пожара никогда не была такъ велика, какъ теперь".

Токіо, 28 апрѣля (11 мая). Вопросъ о французскомъ нейтралитетѣ принимаетъ болѣе опасный оборотъ, чѣмъ когда-либо. Сомнительно, чтобы Франція понимала въ достаточной степени серьезность положенія и приняла достаточно энергичныя и быстрыя мѣры къ предотвращенію грозящей опасности. Отвѣтственная газета „Жижи Шимбо" не поколебалась заявить сегодня, что японское терпѣніе истощено до такой степени, что оно готово лопнуть. По словамъ газеты, если Франція медлитъ съ рѣшительными дѣйствіями и, такимъ образомъ, обезпечиваетъ Россіи дополнительныя облегченія нашей безопасности, то не остается ни-

какого другого выбора, какъ просить нашего союзника о выполненіи принятой имъ на себя части обязательствъ по договору.

Корреспондентъ одной газеты въ Ханоѣ разсказываетъ, что онъ, заблудившись въ Портъ-Дайотѣ, былъ подобранъ джонкой и видѣлъ стоявшую на якорѣ эскадру приблизительно изъ 30 судовъ. Онъ былъ задержанъ „Камчаткой" (плавучая мастерская). У него отобрали книжку съ замѣтками и набросками и отвезли для допроса на „Императоръ Николай", адмиральскій корабль Небогатова, а оттуда на крейсеръ „Олегъ", гдѣ съ него снятъ былъ допросъ. Узнавъ, кто онъ такой, русскіе моряки отнеслись къ нему очень радушно и вернули его записную книжку. Офицеры разсказывали ему, что они съ февраля мѣсяца не были на берегу, и что они ждутъ со дня на день боя. Обѣ эскадры идутъ во Владивостокъ. Корабли Небогатова стары и грязны. Вмѣстѣ съ транспортами эскадра состоитъ всего изъ 60 судовъ.

Токіо, 1 (14 мая). По поводу нейтралитета Франціи, представители прогрессивной партіи бесѣдовали съ членами министерства иностранныхъ дѣлъ, заявивъ, что въ такое время ихъ партія не можетъ молчать. Въ отвѣтъ на это товарищъ министра прочелъ имъ отвѣтъ Франціи и добавилъ: „Мы полагаемъ, что Франція въ будущемъ будетъ соблюдать строгій нейтралитетъ. Британское правительство помогаетъ намъ въ значительной мѣрѣ и исполняетъ всѣ обязанности, возложенныя на союзную націю. Въ виду этого, мы не склонны согласиться съ мнѣніемъ, что Франція, благодаря своему поведенію, стала въ ряды воюющихъ сторонъ". Затѣмъ депутація отправилась къ первому министру.

Это былъ пунктъ наивысшаго напряженія, но затѣмъ получилось свѣдѣніе объ окончательномъ уходѣ русскаго флота изъ французскихъ водъ. Все начало успокоиваться, и, наконецъ, получена слѣдующая телеграмма:

„Парижъ, 5-го (18-го) мая. Пароходъ „Wongkoi", пришедшій въ Гонконгъ, передаетъ, что 1-го мая 52 судна балтійской эскадры вышли изъ бухты Хонкоэ. Всѣ они были заново окрашены и въ отличномъ состояніи".

Такимъ образомъ, съ 31 марта по 1 мая Рождественскій пробылъ въ трехъ французскихъ бухтахъ: Камракъ, Дайота и Хонкоэ, успѣлъ за это время оправиться, починиться, запастись углемъ и провіантомъ и соединиться съ Небогатовымъ. Повидимому, трудно разсчитывать, чтобы четвертая эскадра, если бы ея движеніе осуществилось, могла воспользоваться такими же удобствами, какими располагалъ адмиралъ Рождественскій.

III.

Вице-адмиралъ Рождественскій вышелъ, какъ выше приведено, 1 (14) мая изъ французскихъ водъ и двинулся на сѣверо-востокъ для роковой встрѣчи, рѣшившей участь борьбы. Снова міръ напрягъ все свое вниманіе, слѣдя за развивающимися событіями. Снова всѣ на всѣхъ языкахъ занялись подсчетомъ шансовъ побѣды японскаго и русскаго флота. Снова явились пророки русскихъ успѣховъ и предсказатели успѣховъ японскихъ, снова и снова въ сотый разъ перебирая свѣдѣнія и данныя о силѣ и составѣ противниковъ, насколько это доступно непосвященнымъ, и снова переплетая оффиціальныя данныя съ разными „достовѣрными" сообщеніями изъ самыхъ „освѣдомленныхъ" источниковъ. Хотя много новаго изъ этихъ сообщеній, соображеній и разсужденій и нельзя почерпнуть, но все же они напоминаютъ читателямъ картину историческаго момента первостепенной важности, и потому нѣсколько остановиться на этихъ предсказаніяхъ всетаки представляетъ интересъ, не совсѣмъ празднаго значенія.

Наиболѣе оптимистическое для русскихъ мнѣніе высказано въ берлинской газетѣ „Local Anzeiger", гдѣ 22 апрѣля (5 мая) напечатаны доставленныя въ редакцію частныя письма, сообщающія о нѣкоторыхъ любопытныхъ случаяхъ аварій японскихъ военныхъ судовъ, по поводу которыхъ оффиціальные источники до сихъ поръ большею частью молчали. Броненосецъ „Яшима" наткнулся около Дальняго на русскую мину и съ сильно поврежденною кормою не могъ быть доставленъ въ портъ, гдѣ имѣются доки, вслѣдствіе чего принужденъ былъ выкинуться въ 17-ти километрахъ къ сѣверо-востоку отъ Дальняго. Во время морского сраженія у Портъ-Артура въ лѣвый бортъ адмиральскаго судна „Микаса" была выпущена самими же японцами мина, такъ какъ по ошибкѣ это судно было принято за русское. У броненосца „Шикишима" были поломаны двѣ лопасти гребного винта, вслѣдствіе чего судно это до декабря находилось въ докѣ. Броненосецъ „Фуджи" оставался въ докѣ до января настоящаго года, такъ какъ его верхняя палуба была пробита снарядомъ изъ береговыхъ орудій, бронированная палуба была пробита снарядомъ изъ 21 сантиметровой гаубицы и, кромѣ того, были повреждены машины. Японскіе крейсеры также сильно пострадали во время морского боя 28 іюля. Корреспондентъ „Lokal-Anzeiger"'а прибавляетъ, что въ виду такого положенія флота, а также въ виду того факта, что въ распоряженіи адмирала Того имѣется всего 4 наскоро исправленныхъ броненосца, тогда какъ въ русской эскадрѣ такихъ судовъ 7, въ Японіи отнюдь

не господствуетъ увѣренность въ побѣдѣ во время предстоящаго боя.

Ниже мы увидимъ, насколько точны сообщаемыя здѣсь данныя. Сообщалось также о погибели японскихъ броненосныхъ крейсеровъ „Азума“ и „Кассуга“ и канонерокъ „Ошима“ и „Атаго“. Всѣ эти слухи, въ связи съ достовѣрными извѣстными потерями японскаго флота (броненосецъ „Гацусе“, бронепалубный крейсеръ „Іошино“, авизо „Міако“, крейсеръ III ранга „Каймонъ“, броненосецъ береговой обороны „Сей-Іенъ“, канонерка „Гей-Іенъ“ и десятка два—три минныхъ судовъ), представляютъ японскій флотъ очень ослабленнымъ и задачу русскаго адмирала значительно облегченною. Кто вѣритъ слухамъ, тотъ могъ быть оптимистомъ, но послѣ столькихъ разочарованій пессимистическое настроеніе натуральнѣе. И вотъ выраженіемъ этого естественнаго настроенія является нижеслѣдующее разсужденіе военнаго обозрѣвателя „Южныхъ Записокъ“ (издающаяся въ Одессѣ еженедѣльная газета, серьезная и симпатичная).

„Не желая утомлять читателя сообщеніями ряда цифръ, производствомъ набившихъ оскомину подсчетовъ и тому подобными изысканіями дѣлового характера, дамъ общую характеристику боеспособности флота адмирала Рождественскаго, за ходомъ котораго слѣдитъ сейчасъ съ напряженнѣйшимъ вниманіемъ весь міръ.

I. Часть боевая. 1. Малый сравнительно съ противникомъ % броненосцевъ, оборудованіе которыхъ стояло бы на всей высотѣ требованій современнаго эскадреннаго боя (изъ 7—3, въ крайнемъ случаѣ 4). 2. Отсутствіе сравнительно съ противникомъ такихъ же броненосныхъ крейсеровъ (имѣющіеся у адмирала Рождественскаго 3 броненосныхъ крейсера 1882, 1883 и 1885 годовъ—подспорье ненадежное).

II Часть развѣдочная. Слабая сравнительно съ противникомъ флотилія бронепалубныхъ крейсеровъ, изъ состава которой могутъ быть указаны лишь 2 судна, какъ наиболѣе соотвѣтствующія (развѣдчикъ долженъ быть не только быстроходенъ, но и силенъ).

III. Часть тыловая. Колоссальное количество обремеяющихъ эскадру транспортовъ, которые призваны замѣнить ей отсутствіе тыла (базы), гдѣ бы эскадра могла подкормиться и починиться, и которые, будучи сами, какъ суда коммерческія, беззащитны, въ случаѣ какого-либо несчастія съ ними, поставятъ питающуюся ими эскадру въ весьма затруднительное положеніе.

При сложеніи всѣхъ этихъ данныхъ и сопоставленіи ихъ съ соотвѣтствующими данными противника, мы придемъ къ тому же выводу о превосходствѣ противника надъ нами, къ которому пришелъ въ свое время злополучный капитанъ Н. Л. Кладо, до-

казавшій нашу слабость документально. Боевыя качества корабля слагаются изъ ряда величинъ, какъ-то: толщина броневой обшивки и длина ея пояса, количество, калибръ и скорострѣльность артиллеріи и минныхъ аппаратовъ, скорость хода, поворотливость, величина запаса угля, безъ возобновленія котораго можетъ корабль обойтись и т. д., и т. д. Въ совокупности эти качества составляютъ такъ называемый боевой коэффиціентъ корабля, т. е. число, являющееся для характеристики силы судна чѣмъ то въ родѣ пресловутой школьной отмѣтки, балла: 2, 3, 5, 12...

Н. Л. Кладо и вычислилъ въ свое время, что общій боевой коэффиціентъ 2-ой эскадры адмирала Рожественскаго почти въ 2 раза (1, 8) ниже боевого коэффиціента эскадры адмиралъ Того". („Южныя Записки" 1905, № 14).

Это тоже слишкомъ и вице-адмиралъ Рожественскій не такъ уже слабъ сравнительно съ адмираломъ Того. Если бы это было такъ, то походъ вице-адмирала Рожественскаго былъ бы безуміемъ или преступленіемъ. Если бы это было такъ, японцы не опасались бы его прихода и міру не грозили бы осложненія изъ-за гостепріимства, оказаннаго французскими колоніальными властями этой слабосильной и никому неопасной эскадрѣ. Преувеличеніе и здѣсь очевидно. Не такъ легка задача Рожественскаго, какъ думаетъ вышецитированная нѣмецкая газета, но и не такъ безнадежна, какъ полагаютъ „Южныя Записки".

Въ Англіи морское министерство, разъ въ годъ, весною представляетъ парламенту сводъ данныхъ о состояніи флотовъ всѣхъ морскихъ націй. Подсчетъ дѣлается къ 31 (18) марта. Въ „Times"'ѣ отъ 21 (8) апрѣля находимъ сводную табличку этого оффиціальнаго доклада, исходящаго изъ авторитетнаго и компетентнаго источника и касающагося, между прочимъ, и состоянія флотовъ русскаго и японскаго. Вотъ эта таблица:

	Англія.	Франція.	Россія.	Германія.	Италія.	Соед. Штаты.	Японія.
Броненосцевъ 1 кл.	53	20	14	16	14	12	5
„ 2 кл.	4	9	4	4	—	1	1
„ 3 кл.	2	1	1	9	2	—	—
„ берег. обор.	1	13	12	11	--	11	1
Броненосн. крейсеровъ	24	17	6	4	6	6	8
Бронепал. „ 1 кл.	21	7	5	1	—	3	—
„ „ 2 кл.	45	16	3	8	5	17	11
„ „ 3 кл.	21	16	2	18	11	2	7
Небронир. крейсеровъ	—	1	3	17	1	7	8
Минныхъ „	21	15	7	1	11	—	1
Контръ-миноносцевъ	128	81	40	27	13	20	21
Миноносцевъ	94	233	182	84	128	21	84
Подводныхъ лодокъ	17	37	13	1	1	8	—

Итакъ, въ половинѣ марта Японія имѣла сверхъ одного броненосца береговой обороны („Фузо") и одного эскадреннаго броненосца 2 ранга („Чинь-Іенъ"), еще *пять* первоклассныхъ эскадренныхъ броненосцевъ, т. е. не только „Микаса", не и „Яшима" изъ строя не выбыли. Равнымъ образомъ, не выбыли изъ строя и какіе-либо броненосные крейсеры. Ихъ было у японцевъ восемь, когда въ январѣ 1904 года они начали войну. Столько же ихъ оказалось и 18 марта 1905 года. Изъ бронепалубныхъ выбылъ „Іошино" и его замѣнилъ достроенный „Отава". Японія имѣла 37 контръ-миноносцевъ въ началѣ войны и, хотя съ тѣхъ поръ нѣсколько построила, теперь имѣетъ только 21. Это показываетъ, какую серьезную и тяжелую службу несутъ въ японскомъ флотѣ минныя суда.

Нѣкоторыя недоумѣнія внушаютъ данныя для Россіи. Въ настоящее время у насъ 19 достроенныхъ эскадренныхъ броненосцевъ: 8 въ Черномъ морѣ, 8 у Рожественскаго, 2 въ Балтійскомъ морѣ и 1 разоруженный въ Кяо-Чау. Англичане тоже считаютъ 19, но распредѣляютъ ихъ на три класса по системѣ, не совсѣмъ ясной. Броненосныхъ крейсеровъ англичане считаютъ у Россіи 6; вѣроятно это—2 во Владивостокѣ, 3—у Рожественскаго и „Память Азова" въ Балтійскомъ морѣ. Остаются еще „Корниловъ", „Мининъ", „Пожарскій" и „Память Меркурія", суда, конечно, старыя, но все еще плаваютъ и вооружены. Также и среди бронепалубныхъ судовъ не находимъ мѣста для „Генералъ-Адмирала" и „Герцога Эдинбургскаго", тоже почтенныхъ старцевъ, но все же еще не похороненныхъ. За этими незначительными оговорками, англійская таблица представляетъ очень любопытное сообщеніе. Изъ него видно, что хотя въ самой таблицѣ Россіи и отведено по привычкѣ третье мѣсто, но она его уже уступила Германіи (послѣ Англіи и Франціи), а четвертое мѣсто почти уже уступила Соединеннымъ Штатамъ. Погибель въ теченіе 1904 года шести эскадренныхъ броненосцевъ, двухъ броненосныхъ крейсеровъ, четырехъ бронепалубныхъ и шестнадцати контръ-миноносцевъ, не говоря о многихъ другихъ судахъ, произвели это глубокое перераспредѣленіе военно-морскихъ силъ цивилизованнаго, но воинствующаго міра.

Приводимъ кстати изъ того же источника и таблицу строящихся военныхъ судовъ.

	Англія.	Франція.	Россія.	Германія.	Италія.	Соед. Штаты.	Японія.
Эскадр. броненосцы 1 кл. . . .	8	6	5	6	4	12	2
Крейсеры броненосные	15	6	2	2	1	7	—
„ бронепалубн. 1 кл. . .	—	—	2	—	—	—	—
„ „ 2 кл. . .	1	—	—	—	—	—	—
„ „ 3 кл. . .	—	—	—	4	—	—	—
Авизо	8	—	—	—	—	3	—
Контръ-миноносцы	16	8	55	8	—	—	—
Миноносцы	—	26	10	—	27	1	—
Подводныя лодки	12	9	12	1	2	—	—

Соединенные Штаты стремятся занять не только третье мѣсто, но склонны оспаривать и второе у Франціи. Впрочемъ, это дѣло будущаго, а теперь надо воевать съ наличными уже сооруженными кораблями и почерпать надежду на успѣхъ и въ искусствѣ кораблестроенія, и въ искусствѣ кораблевожденія, и въ мужествѣ и самоотверженіи экипажа. Предполагается, что бой рѣшитъ по преимуществу артиллерія. Вслѣдствіе этого всѣ на всѣхъ языкахъ подсчитываютъ силу артиллерійскаго удара обоихъ флотовъ. Еще въ сентябрьской книжкѣ „Русскаго Богатства" за 1904 годъ, я привелъ подробныя данныя объ артиллеріи обѣихъ эскадръ (по поводу назначеннаго выступленія изъ Либавы эскадры вице-адмирала Рожественскаго). За подробностями туда и отсылаю читателя, здѣсь же напомню лишь главные выводы. Если предположить, что и въ этой битвѣ, какъ и въ сраженіяхъ 28 іюля и 1 марта, бой будетъ вестись только между броненосными судами, то вотъ какія оказываются соотношенія числа и силы артиллеріи.

	Русская эскадра. Безъ владив. брон. крейс.	Русская эскадра. Вмѣстѣ съ владив.	Японская эскадра.
Орудій 12″	26	26	24
„ 8–10″. . .	29	37	37
„ 6″	104	136	178
Остальныхъ	412	527	335
Всего	571	726	574

Въ этомъ подсчетѣ введены съ японской стороны: 1) „Чинь-Іенъ" и „Фузо", не принимавшіе участія въ бояхъ 28 іюля и 1 августа по причинѣ своего тихаго хода, стѣсняющаго маневрированіе, а это введеніе даетъ прибавку 4 двѣнадцатидюймовыхъ, 4—восьмидюймовыхъ, 6—шестидюймовыхъ и 37 болѣе легкихъ; и 2) эскадренный броненосецъ „Яшима" (4 двѣнадцатидюймов., 10—шестидюймов. и 24 болѣе мелкихъ), котораго было похоронили. Это введеніе въ подсчетъ трехъ броненосцевъ, строго говоря, уравниваетъ силу артиллеріи обѣихъ эскадръ, оставляя

всетаки на сторонѣ японцевъ нѣкоторый перевѣсъ, но едва ли слѣдуетъ ожидать, чтобы и теперь японцы вели бой одними броненосными судами. Для нихъ вопросъ о жизни и смерти націи и то самоотверженіе, которое необходимо, чтобы бронепалубный крейсеръ вступилъ въ борьбу съ броненосцемъ, конечно, у японцевъ найдется въ достаточномъ количествѣ. Бой „Варяга" съ броненосными крейсерами можетъ послужить и примѣромъ, и поощреніемъ. Въ этомъ случаѣ, однако, соотношеніе силы артиллеріи значительно измѣняется.

	Русск. крейсера бронепалубн.	Японскіе бронепалубн.
Орудій 8″	—	11
„ 6″	26	46
Мелкихъ	107	292
	133	349
Съ броненосцами	859	924

Японцы еще располагаютъ у своихъ береговъ канонерками и береговыми судами, которыя всѣ несутъ артиллерію, и въ роковую минуту рѣшительной борьбы могутъ тоже оказать нѣкоторое вліяніе на ходъ сраженія. Наконецъ, они имѣютъ многочисленный, искусный и мужественный минный флотъ.

Все это показываетъ, что задача Рожественскаго очень не легкая и для обѣихъ сторонъ въ высокой степени отвѣтственная. Для русскихъ проиграть эту битву, значитъ приложить печать на всѣ уже понесенныя неудачи. Для японцевъ же пораженіе могло бы повлечь утрату всего пріобрѣтеннаго въ теченіе 16 мѣсяцевъ гигантской борьбы: ставка до такой степени для обѣихъ сторонъ крупная, что, мнѣ казалось, было бы выгодно обѣимъ сторонамъ остановить игру мирнымъ соглашеніемъ. Повидимому, поздно. Исторія уже бросила въ урну два жребія и міръ скоро узнаетъ, на которую изъ нихъ палъ выигрышъ.

IV.

Покинувъ 1 (14) мая бухту Хонкоэ, русская эскадра направилась на сѣверо-востокъ. Американскій пароходъ, прибывшій изъ Гонконга въ Маниллу, передаетъ, что видѣлъ русскую эскадру 3-го мая, направляющуюся на сѣверъ. Вслѣдъ за тѣмъ, появилось извѣстіе, что около 6 мая нашу эскадру видѣли въ проливѣ Батанскомъ, между японскою Формозою и американскими Филиппинами. Это широкое водное пространство наполнено мелкими островами Батанскими (по англ. Баши), Бабуанскими и др. Въ 1853 году на нихъ побывалъ Гончаровъ, и читатели, вѣроятно, не забыли, какъ на одномъ изъ этихъ островковъ русскій матросъ

съ саблею наголо ожидалъ появленія дракона изъ водъ какой-то рѣчушки для единоборства. То были мирныя времена, и русскому матросу въ этихъ водахъ надо было искать себѣ миѳологическихъ противниковъ. Батанскіе острова лежатъ на 21° с. ш., а десять градусовъ сѣвернѣе, вблизи Шанхая, находится группа острововъ Саддль. Сюда 11 (24) мая подошла эскадра Рожественскаго и въ морѣ въ виду этого архипелага послѣдній разъ взяла уголь передъ роковою встрѣчею. Угольщиковъ русскій адмиралъ отпустилъ, и они прибыли въ Вузунъ около Шанхая, а самъ двинулся навстрѣчу противнику, отъ котораго его отдѣляло разстояніе въ 300—350 миль. Телеграмма изъ Токіо отъ 14 (27) мая сообщила: „Адмиралъ Рожественскій находится вблизи острова Цусима въ Корейскомъ проливѣ“.

Цусима—островъ посреди Корейскаго пролива. Около этого острова 1 авг. владивостокскіе крейсера вели бой съ эскадрою Камимуры. Здѣсь затопленъ „Рюрикъ“. Здѣсь ждетъ Рождественскаго адмиралъ Того.

Отъ того же 14 (27) мая сообщили изъ Шанхая, что владивостокская эскадра опять вышла въ море. Наступилъ моментъ крупнѣйшаго историческаго событія, если только Того не уклонится отъ генеральнаго сраженія.

Если бы Того уклонился, это было бы выгоднѣе обѣимъ сторонамъ. Быть можетъ, наступилъ бы моментъ отрезвленія и мирнаго соглашенія. Въ прошлой бесѣдѣ нашей я приводилъ планы графа Окумы, которые никакъ нельзя назвать трезвыми. Вслѣдъ за Окумой заговорили и другіе японскіе государственные люди. Докторъ Нагасъ Арига, выдающійся знатокъ международнаго права и извѣстный политическій публицистъ, опубликовалъ брошюру, въ которой излагаетъ японскіе проекты относительно будущности Манчжуріи. Арига состоялъ секретаремъ маркиза Ито, участвовалъ на гаагской конференціи, состоялъ при генералѣ Ноги и принималъ участіе въ редактированіи договора о капитуляціи Портъ-Артура. Арига говоритъ, что по окончаніи войны Японія должна будетъ во время переговоровъ о мирѣ, которые по всей вѣроятности продолжатся очень долго, временно занять всѣ взятыя ею позиціи въ Манчжуріи; но послѣ отдачи Китаю этой провинціи, окажется необходимымъ защищать ее противъ новаго вторженія со стороны русскихъ. Вслѣдствіе этого, все управленіе страной должно будетъ остаться въ рукахъ японцевъ на тѣхъ же началахъ, на которыхъ Боснія и Герцеговина перешли къ Австріи, оставаясь въ то же время турецкими провинціями. Россія и Китай, вѣроятно, не согласятся на это, но, по мнѣнію Арига, оккупація японцевъ должна будетъ длиться, пока такое согласіе не будетъ получено.

Графъ Окума на Манчжурію еще не посягалъ, д-ръ Арига идетъ далѣе своего знаменитаго соотечественника.. Впрочемъ,

шовинизмъ всегда развивается въ чаду побѣдъ. Нѣкоторая остановка въ головокружительныхъ успѣхахъ была бы полезна для отрезвленія японцевъ. У насъ же отрезвленіе отъ шовинизма уже сдѣлало огромные успѣхи и, можетъ быть, нѣкоторый перерывъ въ этихъ ударахъ не былъ бы вреднымъ, давъ возможность справедливѣе взглянуть на полную совмѣстимость мира (безъ реванша за пораженіе) съ національнымъ достоинствомъ. Можетъ быть, мы тогда скорѣе поняли бы ту простую истину, что въ извѣстныхъ случаяхъ лучше принести жертвы для мира, нежели для войны.

Кн. Мещерскій продолжаетъ отстаивать идею мира во что бы то ни стало. Не могу во всемъ согласиться съ княземъ, но охотно привожу цитату, какъ знаменіе времени (цитирую по „Бирж. Вѣдом.“, 1905, отъ 12 мая, № 8819):

„Необходимо прежде всего воспользоваться еще сравнительно выгодною для насъ минутою, которая врядъ ли повторится, а во-вторыхъ потому, что нельзя, нельзя и нельзя вмѣстѣ съ войною внѣшнею вести войну внутреннюю и вводить огромныя внутреннія реформы, безъ неизмѣримаго вреда для государства. Я ясно понялъ, что намъ нечего стыдиться, намъ нечего бояться за будущее; я понялъ, что мы проиграли войну, благодаря причинамъ случайнымъ и устранимымъ, но не благодаря нашему войску: мы проиграли войну, благодаря нашимъ неспособнымъ генераламъ, благодаря многимъ плохимъ офицерамъ; а солдатъ все тотъ же—севастопольскій, шипкинскій, суворовскій.

„Никто меня въ этомъ не разубѣдитъ, и благодаря этому я ожилъ духомъ. У народа, какъ у человѣка, бываетъ своя минута горя и несчастія; мы ее переживаемъ теперь, но не будемъ ее удлинять; зачѣмъ?—когда можно ее укоротить, заключить миръ и начать жизнь возрожденія, то-есть устраненія тѣхъ причинъ, которыя дѣлали героизмъ нашихъ войскъ безсильнымъ и безполезнымъ. Устранимъ причины—и наше войско снова станетъ сильнымъ, и Россія снова станетъ великимъ государствомъ.

„Эта война только разсчетъ за содѣянные грѣхи, но не правда ли, разсчетъ слишкомъ дорого стоитъ Россіи, чтобы изъ него дѣлать семилѣтнюю войну; довольно и 16 мѣсяцевъ: мы всѣ отъ мала до велика вѣдь убѣдились, что причины нашего хроническаго пораженія—это грѣхи прошлаго, и довольно. Зачѣмъ еще длить въ потокахъ крови этотъ, всѣми сознаваемый, ужасный урокъ!“

Что наши военныя неудачи суть плоды нашего режима и что теперь первый долгъ любящаго родину—настаивать на мирѣ, а не на войнѣ, эти двѣ мысли кн. Мещерскаго дѣлаютъ честь ихъ автору, который много виноватъ передъ родиною и, вѣроятно, еще не мало будетъ виноватъ въ будущемъ, но которому великодушная родина скажетъ искреннее „спасибо“ за эти мысли, столь далекія отъ той среды обскурантизма и шовинизма, около

которой всегда держался издатель „Гражданина“... Да, грозныя событія снимаютъ катарракту съ давно ослѣпшихъ очей и передъ недавно безнадежными слѣпцами открываются язвы и страданія родины.

V.

Правительственный кризисъ въ Венгріи принимаетъ все болѣе острый и опасный характеръ. Конфликтъ между короною и парламентомъ почти уже перешелъ въ конфликтъ между короною и націей и угрожаетъ перейти въ конфликтъ между Венгріей и Австріей. Въ виду такого оборота дѣла не безполезно остановиться не только на развитіи кризиса, но и на его глубокихъ историческихъ причинахъ.

Въ 1848 году перестала существовать старинная средневѣковая Венгрія съ аристократическимъ строеніемъ общества и съ сословно-корпоративными вольностями, основанными не на общемъ народномъ правѣ, а на привилегіяхъ и граматахъ. Рядъ преобразованій былъ принятъ сеймомъ (организованномъ дотолѣ аналогично съ сеймами польскими временъ Рѣчи Посполитой), строеніе общества демократизовано, народное правленіе обосновано на общемъ правѣ. Тогдашній король Венгріи, австрійскій императоръ Фердинандъ санкціонировалъ эти реформы и присягнулъ конституціи. Въ это время австрійское правительство, тогда образецъ и вождь всемірной бюрократіи, имѣло на рукахъ опасную войну въ Италіи, угрозу войны съ Франціей, объятую пожаромъ Германію, охваченную революціоннымъ движеніемъ Вѣну, панславистскую агитацію, безпорядки въ Галиціи. Поэтому-то оно и уступило либерально-демократическому преобразованію Венгріи, совершившемуся мирно и съ полною лояльностью по отношенію къ коронѣ. Санкція короля-императора была встрѣчена съ восторгомъ всѣмъ мадьярскимъ народомъ, и, вѣроятно, Габсбурги надолго сохранили бы мадьярскую преданность, если бы не вздумали нарушить уже утвержденный и одобренный ими новый режимъ. Императоръ-король Фердинандъ санкціонировалъ и присягнулъ, онъ не можетъ отказаться отъ своего царскаго слова, но онъ можетъ уйти и очистить мѣсто другому, который не присягалъ. Престарѣлаго, якобы „самодержавнаго“ монарха самодержавная бюрократія принудила отречься отъ престола, а его преемникъ, нынѣ „благополучно“ царствующій императоръ-король Францъ-Іосифъ, послѣ счастливаго окончанія итальянской войны и подавленія движенія въ Вѣнѣ и Прагѣ, въ 1849 году отмѣнилъ венгерскія реформы. Венгрія взялась за оружіе, но была побѣждена и на восемнадцать слѣдующихъ лѣтъ (1848—1867 гг.) была подчинена бюрократическому произволу, одному изъ самыхъ тираническихъ, какіе знаетъ новая исторія.

Мадьяры не могутъ этого не помнить, особенно въ минуты конфликтовъ съ Вѣною.

Въ 1859 году австрійцевъ сильно поколотили французы. Францъ-Іосифъ потерялъ Ломбардію и утратилъ всякое вліяніе въ Италіи, гдѣ до того времени австрійская бюрократія распоряжалась такъ же самовластно и такъ же тиранически, какъ и въ Венгріи. Побитая австрійская бюрократія почувствовала потребность опереться на *свои* народы. Въ 1860 г. былъ созванъ въ Пештѣ венгерскій сеймъ по старому дореформенному закону, но сеймъ этотъ единодушно призналъ себя болѣе некомпетентнымъ и потребовалъ созыва сейма на основахъ реформъ 1848 года. Францъ-Іосифъ закрылъ сеймъ и продолжалъ править безъ народныхъ представителей. Вѣнская бюрократія, опозоренная и побитая, все еще цѣплялась своими жадными руками за власть, которая для нея вмѣстѣ съ тѣмъ была хищеніемъ, съ одной стороны, и беззаконіемъ—съ другой. Вторично, въ 1866 году, она получила урокъ на поляхъ Кенигтреца и Садовой. Изгнанный изъ Германіи, утративъ Венецію, въ полномъ сознаніи своей слабости и униженія, что могъ нынѣ предпринять Францъ Іосифъ, такъ блистательно начавшій свое царствованіе обскурантизмомъ и реакціей? Онъ смирился, даровалъ конституцію Австріи, а въ Пештѣ созвалъ сеймъ, согласно законамъ 1848 года. Собравшійся сеймъ, руководимый умѣренными націоналъ-либералами, Этвешемъ и особенно Деакомъ, пошелъ и съ своей стороны на уступки послѣ того, какъ императоръ-король призналъ закономъ всѣ реформы, въ 1848 году санкціонированныя его предшественникомъ и дядей, Фердинандомъ. Престарѣлый императоръ былъ еще живъ тогда и могъ бы задать вопросъ своему забывчивому племяннику, зачѣмъ его заставили пожертвовать короной?

До 1849 года Венгрія была королевствомъ Габсбурговъ, но связь ея съ остальными коронными землями этого царствующаго дома заключалась единственно въ томъ, что для нея, какъ и для остальныхъ коронныхъ земель, закономъ о престолонаслѣдіи служила прагматическая санкція Карла VI, и что въ силу этого у всѣхъ коронныхъ земель Габсбурговъ, въ томъ числѣ и въ Венгріи, долженъ былъ быть одинъ и тотъ же монархъ и государство не могло разъединиться вслѣдствіе наслѣдованія, различнаго въ различныхъ составныхъ частяхъ всей монархіи. Государственное право было особое для каждой коронной земли, а потому и законодательство, и управленіе, и національная оборона были тоже мѣстными и областными. Венгерскія реформы 1848 г. превратили эти мѣстные и областные законы, права и учрежденія въ національные, и Венгрія стала государствомъ въ полномъ смыслѣ этого слова, имѣющимъ общаго монарха съ Австріей, Богеміей и пр., но совершенно самостоятельное государственное право, законодательство, управленіе, администрацію, финансы,

армію. Это не было нарушеніемъ прежняго порядка; это было его историческимъ развитіемъ, и санкціонированный Фердинандомъ, этотъ новый національный строй сталъ закономъ. Вмѣстѣ съ другими реформами, которыя замѣнили бюрократическое правленіе народнымъ и сословныя привилегіи и хартіи—общимъ правомъ, и національная обособленность Венгріи была отмѣнена въ 1849 г. по указу императора Франца-Іосифа. Бюрократія замѣнила его всенивеллирующимъ единообразіемъ. Арміи и милиціи всѣхъ коронныхъ земель, Венгріи въ томъ числѣ, объединены въ одну, австрійскую. Финансы Австріи, система налоговъ, займы, бюрократическое хищничество тоже были приведены къ желательному единообразію, равно какъ всякія экономическія мѣропріятія, таможенная политика, суды, уголовное и гражданское право, полиція и т. д.

Все это въ 1867 году было уже совершившимся фактомъ; прежнія сословно-феодальныя учрежденія были упразднены; новая національная организація была грубо разрушена; бюрократическое объединеніе завершено, и Венгрія управлялась, судилась, оберегалась и защищалась общеавстрійскими организаціями, бюрократическими, полицейскими и военными. Авторамъ соглашенія 1867 года приходилось считаться съ этими совершившимися фактами. Они добились признанія и проведенія въ жизнь во всей ихъ полнотѣ *государственныхъ преобразованій 1848 года*: двухпалатный парламентъ; отдѣльное министерство, отвѣтственное передъ парламентомъ; законодательство и бюджетъ всецѣло зависятъ отъ парламента. Это санкціонировалъ Францъ-Іосифъ, и эта система государственнаго устройства, законодательства и управленія болѣе или менѣе успѣшно функціонируетъ уже тридцать восемь лѣтъ. Вмѣстѣ съ этимъ, конечно, и администрація, судъ и полиція были отняты у австрійской бюрократіи и организовались самостоятельно.

Все это было такимъ огромнымъ выигрышемъ и давало почву для такого плодотворнаго развитія, что нельзя очень упрекать Деака и Этвеша, что они, для пріобрѣтенія политической свободы и народнаго правленія, сдѣлали серьезныя уступки и согласились отказаться отъ нѣкоторыхъ сторонъ того національнаго строя, который былъ созданъ реформами 1848 года. Уступки были сдѣланы въ вопросѣ объ арміи и въ области финансовыхъ и экономическихъ вопросовъ. Армія оставлена единою; венгерское министерство не имѣетъ въ своемъ составѣ военнаго министра; австрійскій императоръ и выбираемые имъ лично министры и военачальники, непосредственно и безъ всякаго вліянія народнаго представительства, завѣдуютъ военными и военно морскими силами страны, командуютъ и предводительствуютъ ими. Армія и флотъ присягаютъ императору и повинуются исключительно ему. Они объединены однимъ знаменемъ, общими традиціями, организаціей,

командой, уставами, коиандныиъ нѣмецкимъ языкомъ. Въ настоящее время ни въ одной конституціонной странѣ армія не стоитъ до такой степени внѣ общаго строя націи. Вездѣ она присягаетъ монарху и конституціи. Вездѣ ею завѣдуютъ министры, входящіе въ составъ конституціонныхъ министерствъ. Въ имперіи Габсбурговъ имѣются, однако, *двѣ* конституціи и *одна* армія, которой же конституціи присягать? Имѣются такъ же два конституціонныхъ министерства, въ составъ котораго же долженъ входить военный министръ, единый для единой арміи. Такимъ образомъ, въ рукахъ конституціоннаго монарха сохраняется огромная сила, стоящая внѣ конституціи. Это аномалія, и къ ея устраненію давно стремятся болѣе либеральные элементы мадьярскаго народа, особенно тѣ, которые не довольствуются спокойствіемъ настоящаго момента, но задумываются насчетъ будущности родного края.

Сохраненіе единой таможенной экономической системы, единаго министерства иностранныхъ дѣлъ и, для осуществленія этихъ единыхъ организацій, общаго министерства финансовъ, — таковы были остальныя уступки, сдѣланныя Деакомъ и Этвешомъ вѣнской бюрократіи и приведшія къ соглашенію *на десять лѣтъ*, извѣстному „аусглейху", заключенному въ 1867 году. Съ тѣхъ поръ съ нѣсколькими несущественными измѣненіями оно возобновлено было уже три раза, послѣдній разъ съ большимъ трудомъ и съ большимъ опозданіемъ. Въ 1907 году предстоитъ опять возобновленіе аусглейха.

Съ самаго возобновленія конституціонной жизни Венгріи были недовольные аусглейхомъ и находившіе компромиссъ 1867 года нарушеніемъ національныхъ правъ Венгріи, установившимъ режимъ, опасный для вольностей, добытыхъ съ такимъ трудомъ. Эти недовольные составили сначала незначительную, но постепенно все усиливавшуюся „партію независимости". Изъ этого названія не слѣдуетъ заключить, что вся эта партія стремилась къ полному разрыву съ Австріей или къ низверженію Габсбурговъ. Были въ ея средѣ и республиканцы, но вообще она не сходила съ почвы прагматической санкціи. Она желала завершить дѣло аусглейха, создавъ свое отдѣльное войско, не находящееся внѣ закона и конституціи, и вернувъ странѣ самостоятельность въ области финансовъ и экономической политики.

Внѣпарламентскія министерства и внѣпарламентскія законодательныя мѣры, въ послѣдніе годы ставшія обыкновенными въ Вѣнѣ; угрозы по адресу вѣнскаго парламента отмѣнить или пріостановить дѣйствіе конституціи и возстановить бюрократическое управленіе; императорскіе приказы по арміи, гдѣ армія выдѣлялась изъ націи и почти противоставлялась ей; вполнѣ ясно обнаружившаяся деспотическая тенденція у наслѣдника престола эрцъ-герцога Франца-Фердинанда; такія же тенденціи его брата и возможнаго преемника эрцъ-герцога Оттона; нисколько не скры-

ваемая обоими эрцъ-герцогами ихъ непріязнь къ венгерцамъ, — вотъ тѣ факторы, которые, въ связи съ большею зрѣлостью избирательнаго корпуса (объ этомъ я говорилъ подробнѣе въ одной изъ предыдущихъ хроникъ), доставили на выборахъ въ январѣ побѣду партіи независимости. Съ тѣхъ поръ пошелъ уже пятый мѣсяцъ, а императоръ-король все еще не образовалъ новаго министерства изъ состава новаго парламентскаго большинства. Программа большинства, кромѣ внутреннихъ демократическихъ реформъ, для начала очень умѣренная: отдѣльный отъ Австріи автономный таможенный тарифъ (какъ имѣетъ, напр., отдѣльный отъ Россіи автономный таможенный тарифъ Финляндія) и введеніе въ мадъярскихъ полкахъ мадъярскаго знамени и мадъярскаго командная языка.

Въ прошломъ нашемъ обозрѣніи мы сообщили проектъ соглашеній, выработанный Коломаномъ Селлемъ. Этотъ проектъ затѣмъ не былъ одобренъ. Тогда палата депутатовъ выработала адресъ королю съ изложеніемъ вышеприведенной программы. Послѣ передачи монарху этого адреса, министръ-президентъ графъ Тисса ѣздилъ въ Вѣну просить императора уволить его отъ тягостной обязанности стоять во главѣ непопулярнаго правительства. Тисса предлагалъ замѣнить его теперешнимъ, общимъ для обоихъ странъ, министромъ финансовъ Буріаномъ, поручивъ ему составить дѣловое министерство, и монархъ разрѣшилъ ему переговорить съ Буріаномъ, но тотъ отказался, доказывая, что этимъ онъ не принесетъ пользы ни странѣ, ни коронѣ, такъ какъ и дѣловое министерство не можетъ существовать безъ поддержки большинства. Между тѣмъ, извѣстно рѣшеніе соединенной оппозиціи не признавать дѣлового министерства, если оно сформируется, и тотчасъ-же вотумомъ недовѣрія принудить его выйти въ отставку; добиваться полнаго и окончательнаго разрѣшенія кризиса, не довольствуясь палліативами.

Это—свѣдѣнія отъ начала мая, а затѣмъ о ходѣ кризиса имѣемъ слѣдующія телеграфическія сообщенія:

Будапештъ, 5 (18-го) мая. Министръ финансовъ Буріанъ прибылъ сюда вчера вечеромъ, чтобы достигнуть соглашенія съ оппозиціей. Самъ онъ не хочетъ взять на себя составленія кабинета.

Будапештъ, 6 (19-го) мая. Буріану поручено передать посланіе императора Франца-Іосифа слѣдующаго содержанія: „Императоръ принялъ къ свѣдѣнію адресъ соединенныхъ лѣвыхъ партій и предлагаетъ на основаніи его образованіе кабинета на слѣдующихъ условіяхъ: нѣмецкій языкъ остается команднымъ языкомъ въ арміи, соглашеніе съ Австріей должно быть возобновлено. Императоръ готовъ дать венгерскимъ полкамъ венгерскія знамена. На выборную реформу онъ также согласенъ, если поря-

докъ засѣданій будетъ строже соблюдаться. Принятіе указанныхъ условій оппозиціей считается невозможнымъ.

Будапештъ, 7 (20 го) мая. Буріанъ совѣщался вчера съ Кошутомъ и заявилъ, что императоръ всего охотнѣе поручилъ бы составленіе кабинета самому Кошуту. Сегодня состоится совѣщаніе оппозиціонныхъ партій.

Цѣлый рядъ совѣщаній съ Буріаномъ и безъ Буріана выяснилъ, что Вѣна не желаетъ согласиться ни на автономную экономическую политику Венгріи, подчиняя ее интересамъ Австріи, ни на разъединеніе арміи, хотя бы только по командному языку. 9 мая состоялось, наконецъ, важное рѣшеніе оппозиціи, именно послать въ Вѣну для личныхъ переговоровъ съ королемъ такого авторитетнаго представителя, какъ Андраши, который охотно принялъ эту миссію и немедленно выѣхалъ въ столицу Австріи.

Сообщая о его поѣздкѣ партіи независимости, ея вождь Кошутъ указалъ, что миссія Андраши къ королю является отвѣтомъ на миссію бар. Буріана. Такъ какъ гр. Андраши знакомъ съ программами оппозиціонныхъ партій и пользуется у послѣднихъ полнымъ довѣріемъ, то онъ наиболѣе способенъ явиться истолкователемъ предъ короною воззрѣній соединенной оппозиціи. Въ случаѣ же, если бы гр. Андраши получилъ порученіе составить новый кабинетъ, то, разумѣется, онъ встрѣтилъ бы поддержку оппозиціи. Впрочемъ, исполнит. комитетъ послѣдней далъ лишь одну инструкцію гр. Андраши: именно, держаться въ границахъ адреса, представленнаго монарху палатою депутатовъ, и, въ случаѣ нужды, составить программу будущаго министерства, такъ же невыходящую изъ рамокъ этого адреса. Далѣе, Кошутъ замѣтилъ, что, конечно, программа партіи независимости далеко опередила этотъ адресъ; однако, это извѣстно и будущему правительству, которое, безъ сомнѣнія, должно будетъ считаться съ ея желаніями.

Поѣздка графа Андраши побудила парламентское большинство отложить обсужденіе предложенія о преданіи суду графа Стефана Тиссы. Затѣмъ имѣемъ слѣдующія телеграммы:

Вѣна, 11 (24) мая. (Сообщ. чрезъ Берлинъ). Императоръ принялъ сегодня графа Андраши, который изложилъ ему программу оппозиціи. Императоръ отвѣтилъ, что въ вопросѣ объ арміи онъ не сдѣлаетъ больше никакихъ уступокъ. Андраши сообщитъ объ этомъ руководящему комитету.

Будапештъ, 14 (27) мая. (Сообщ. чрезъ Берлинъ). Главный комитетъ соединенныхъ оппозиціонныхъ партій рѣшилъ повременить предъявленіемъ протеста противъ возможнаго нарушенія конституціи. Однако, оппозиція предложитъ палатѣ депутатовъ обратиться ко всѣмъ городскимъ управленіямъ съ воззваніемъ

оказать національное сопротивленіе отказомъ платить подати и прекращеніемъ рекрутскаго набора.

И затѣмъ *вдругъ*:

Вѣна, 15 мая (Сообщ. чрезъ Берлинъ). Оффиціозно подтверждается, что бывшій министръ гонведовъ фельдцейхмейстеръ Фейервари будетъ на-дняхъ назначенъ венгерскимъ министромъ-президентомъ. *Новое дѣловое министерство будетъ, по всей вѣроятности, носить военный характеръ. Оно немедленно распуститъ парламентъ.* Вслѣдъ за тѣмъ это назначеніе и состоялось въ видѣ вызова венгерскому народу.

Возвратившійся графъ Андраши сообщилъ соединенной оппозиціи, что, хотя принятъ онъ былъ въ Вѣнѣ любезно, но онъ чувствовалъ, что тамъ замышляютъ противъ Венгріи ударъ.

Знаменитая всесвѣтно австрійская бюрократія думаетъ, повидимому, что починила поломанныя крылья...

VI.

Очень остро стоитъ дѣло между Австріей и Венгріей. Еще острѣе — между Норвегіей и Швеціей. Споръ идетъ объ отдѣльныхъ консульскихъ корпусахъ, но при всей важности и этого вопроса въ частности, споръ захватываетъ гораздо болѣе глубокое разногласіе, именно о равноправности двухъ королевствъ, соединенныхъ подъ властью Оскара II.

Въ 1815 году вѣнскій конгрессъ присудилъ Норвегію Швеціи въ благодарность шведамъ за ихъ постоянную борьбу съ Наполеономъ и въ наказаніе Даніи, съ которой Норвегія была соединена до того времени, за вѣрность датчанъ Наполеону. Норвежцы, однако, не признали этого рѣшенія и, когда шведы попытались ихъ къ тому принудить, взялись за оружіе, отразили шведское нападеніе и рѣшительно отказались признать присоединеніе къ Швеціи. Посредничество державъ привело къ компромиссу. Норвегія не присоединялась къ Швеціи, но соединялась съ нею въ лицѣ общаго монарха, сохраняя свою самостоятельность. Не смотря на это, шведское правительство черезъ своего короля не однажды пыталось вмѣшиваться въ норвежскія дѣла и всегда получало энергическій отпоръ. Порою дѣло обострялось до возможности междоусобія. По счастью, до сихъ поръ этого не случилось, и въ этомъ фактѣ можно почерпать надежду, что и нынѣ, въ 1905 году, дѣло не дойдетъ до кроваваго столкновенія. Къ тому, однако, теперь очень близко.

Въ 1815 году и Швеція, и Норвегія были свободными націями, управляющимися при помощи національнаго представительства, но эти учрежденія были средневѣковаго характера, феодально-сословныя и внѣшнею политикою не занимались. Эта политика

была достояніемъ короны. Дѣло постепенно измѣнялось. Представительныя учрежденія и система управленія реформировались, приняли современный видъ, создались отвѣтственныя передъ палатами министерства и въ составѣ этихъ двухъ министерствъ только въ одномъ, именно въ Стокгольмѣ, засѣдалъ министръ иностранныхъ дѣлъ, а въ норвежскомъ министерствѣ министра иностранныхъ цѣлъ не было и нѣтъ. Весь дипломатическій и весь консульскій корпусъ тоже оказались вслѣдствіе этого шведскими и подчиненными министру-шведу, отвѣтственному только передъ шведскимъ парламентомъ и руководящагося рѣшеніями и планами только шведскаго министерства. Это стало явною неравноправностью, явнымъ подчиненіемъ норвежцевъ шведамъ, явнымъ нарушеніемъ соглашенія 1815 года.

Съ другой стороны, норвежская торговля и норвежское мореплаваніе достигли процвѣтанія. Торговый флотъ Норвегіи уступаетъ только англійскому, превосходя численностью и водоизмѣщеніемъ нѣмецкій и французскій флоты. Оборотъ внѣшней торговли достигаетъ полумилліарда кронъ. При такомъ богатомъ развитіи, вопросъ о цѣлесообразной организаціи консульскаго представительства является первоклассныхъ и существеннымъ. Естественно, что норвежцы добиваются или установленія равноправности въ веденіи внѣшней политики, или раздѣленія и внѣшней политики, какъ раздѣлена и внутренняя. Однако, шведо-норвежскій король есть прежде всего шведскій король, а потомъ уже и норвежскій. Натурально, если онъ не желаетъ умаленія внѣшняго могущества Швеціи. Много лѣтъ уже тянутся безплодные переговоры и, такъ какъ шведы ничего не теряютъ отъ проволочки, то они и не спѣшатъ, быть можетъ, даже разсчитывая побудить норвежцевъ на уступки. Эта тактика, поддерживаемая и короною, вызвала сильное національное возбужденіе въ Норвегіи. Зная, что коронѣ дороже всего внѣшняя политика и ея единство, норвежцы рѣшили продолжать объ этомъ переговоры со шведами при посредничествѣ короны, но за то консульскій вопросъ, наиболѣе существенный для Норвегіи, выдѣлить и провести его самостоятельно, что не противорѣчитъ соглашенію 1815 года и согласуется съ норвежскою конституціей.

Это и было сдѣлано. Соотвѣтственный законопроектъ былъ внесенъ въ норвежскій парламентъ. Вотъ изложеніе хода событій за послѣднія двѣ недѣли по агентскимъ сообщеніямъ:

Христіанія, 29-го апрѣля (12-го мая). Выбранная стортингомъ (*стортингъ*—названіе норвежскаго парламента, состоитъ изъ двухъ палатъ *одельтинга* и *лангтинга*) спеціальная коммиссія для обсужденія консульскаго вопроса приняла единогласно законопроектъ относительно учрежденія особаго норвежскаго консульскаго вѣдомства, руководительство которымъ должно быть предоставлено норвежскому правительственному

департаменту. Въ существенныхъ чертахъ организація консульскаго вѣдомства опредѣляется этимъ законопроектомъ, согласно общепризнаннымъ принципамъ международнаго права. Законопроектъ долженъ вступить въ силу 19-го марта 1906 г.

Одновременно съ законопроектомъ о консулахъ, коммиссія внесла въ стортингъ предложеніе, по которому норвежское правительство должно извѣстить Швецію о прекращеніи общности консульскаго корпуса и внести въ стортингъ проекты бюджета и учрежденія особаго норвежскаго консульскаго вѣдомства.

Копенгагенъ, 1-го (14-го) мая. Въ Швеціи царитъ сильное волненіе по поводу норвежскаго займа, который, какъ полагаютъ, предназначенъ исключительно на войну со Швеціей. Извѣстный членъ шведскаго парламента сказалъ на интервью, что у Норвегіи имѣется 70 милліоновъ кронъ для расходованія на военныя дѣйствія противъ Швеціи. „Норвегія,—добавилъ онъ,—очевидно готовится къ враждебнымъ дѣйствіямъ, но шведское правительство, несомнѣнно, сдѣлаетъ все возможное, чтобы предотвратить конфликтъ".

Христіанія, 5-го (18-го) мая. При сегодняшнемъ обсужденіи въ одельтингѣ закона о консульствахъ, прежній министръ-президентъ Хагерупъ просилъ отложить обсужденіе, чтобы дать возможность избирателямъ высказаться по этому вопросу; предложеніе это было отвергнуто 80 голосами противъ 6, послѣ чего законъ о консульствахъ прошелъ единогласно и безъ преній.

Христіанія, 11-го (24-го) мая. Лангтингъ единогласно принялъ законъ о консульствахъ.

Копенгагенъ, 13-го (26-го) мая („Central News"). Поѣздка шведскаго наслѣднаго принца въ Англію на торжество бракосочетанія принца Густава-Адольфа будетъ имѣть, кромѣ того, и политическую цѣль. На обратномъ пути принцъ, вѣроятно, посѣтитъ Францію, онъ будетъ совѣщаться съ главными министрами въ Лондонѣ, Парижѣ и Берлинѣ по поводу конфликта, угрожающаго Швеціи и Норвегіи и, главнымъ образомъ, по поводу требованія Норвегіи относительно учрежденія отдѣльныхъ консульствъ и отношенія къ этому требованію великихъ державъ.

Христіанія, 13-го (26-го) мая („Central News"). Здѣсь указываютъ на принца Вольдемара, третьяго сына датскаго короля, какъ на будущаго президента или короля Норвегіи въ томъ случаѣ, если король Оскаръ откажется признать независимость Норвегіи, путемъ утвержденія закона объ отдѣльныхъ консульствахъ.

Закуплено огромное количество съѣстныхъ припасовъ. Нѣсколько сотъ солдатъ, переодѣтыхъ рабочими, укрѣпили пограничныя крѣпости. Недавно полученъ грузъ артиллерійскихъ припасовъ изъ Англіи. Подъ мостами на рѣкѣ Гломменъ и близъ

границы заложены мины. Миноносцы днемъ и ночью несутъ сторожевую службу въ фіордѣ Христіаніи.

Христіанія, 14-го (27-го) мая. Въ сегодняшнемъ засѣданіи государственнаго совѣта подъ предсѣдательствомъ короля, король Оскаръ отказался санкціонировать законъ объ учрежденіи отдѣльныхъ консульствъ для Норвегіи, послѣ чего весь кабинетъ подалъ въ отставку, которая, однако, не была принята.

Христіанія, 14-го (27-го) мая. Члены правительства представили королю слѣдующее прошеніе объ отставкѣ: „Такъ какъ ваше величество не склонны согласиться на ходатайство норвежскаго правительства относительно санкціи принятаго стортингомъ закона о норвежской консульской организаціи, мы позволяемъ себѣ всеподданнѣйше просить васъ немедленно уволить насъ отъ занимаемыхъ нами должностей членовъ совѣта вашего величества, такъ какъ ни одинъ изъ насъ не желаетъ скрѣпить своею подписью рѣшеніе, которое мы считаемъ прямо вреднымъ для государства. Отказъ въ единогласномъ ходатайствѣ правительства объ утвержденіи такого норвежскаго закона, который былъ принятъ единогласно стортингомъ и проведенія котораго требуетъ весь норвежскій народъ, не можетъ, по нашему мнѣнію, оправдываться интересами Норвегіи, но явился бы выраженіемъ личнаго королевскаго произвола, нарушающаго основные законы и конституціонную практику“.

Копенгагенъ, 15-го (28-го) мая. По слухамъ, шведскій кронпринцъ отправится изъ Германіи въ Парижъ и Лондонъ, гдѣ будетъ совѣщаться съ руководителями иностранной политики по вопросу о шведско-норвежской уніи.

Дѣло очень серьезно, и да минуетъ чаша сія кровавая братскіе культурные народы, справедливо пользующіеся симпатіями всего цивилизованнаго человѣчества.

Хотѣлъ еще побесѣдовать объ англійскихъ и французскихъ дѣлахъ, да не хватаетъ уже времени и мѣста.

Сообщу только кратко очень важное извѣстіе, имѣющее общій интересъ и въ особенности въ Россіи. На съѣздѣ англійскихъ либераловъ въ Нью-Кестлѣ *единогласно* включено въ избирательную программу партіи уравненіе женщинъ въ избирательныхъ правахъ съ мужчинами. Быть можетъ, не пройдетъ и года, и это, по истинѣ великое дѣло, будетъ уже совершившимся фактомъ. У насъ бюрократія не рѣшится на этотъ шагъ, но будемъ надѣяться на нашихъ народныхъ представителей и въ этихъ, какъ и въ другихъ вопросахъ.

Свершилось!.. Русская армада, полгода двигавшаяся къ театру военныхъ дѣйствій, какъ послѣдняя надежда вырвать побѣду изъ рукъ Японіи, погибла... При этомъ не нанесла существеннаго

ущерба противнику, даже усиливъ его своими боевыми единицами... Какъ и почему? Сообщаютъ, что не хватило снарядовъ. Сообщаютъ, что былъ доставленъ плохой уголь, лишившій хода. Сообщаютъ о неспособныхъ офицерахъ.. Будутъ сообщать еще о многомъ подобномъ, снова и снова громко и грозно свидѣтельствующемъ о негодности бюрократическаго режима, его неспособности и его растлѣніи. Созывъ народныхъ представителей становится неотложной необходимостью. Прошлаго не воротишь, мертвыхъ не воскресишь, милліардовъ не вернешь, но надо позаботиться о будущемъ. Давно пора, а теперь повелительно пора!..

С. Южаковъ.

Евгеній Ивановичъ Якушкинъ.

27 апрѣля въ Ярославлѣ скончался извѣстный знатокъ нашего обычнаго права, Евгеній Ивановичъ Якушкинъ. Покойный родился 22 января 1826 г., черезъ 12 дней послѣ того, какъ былъ арестованъ его отецъ, декабристъ Иванъ Дмитріевичъ. Только черезъ пять мѣсяцевъ матери Евгенія Ивановича, Настасьѣ Васильевнѣ, урожденной Шереметьевой, вслѣдствіе прошенія на имя государя, удалось получить свиданіе съ мужемъ, на которое она привела двухгодовалаго старшаго сына и принесла пятимѣсячнаго младшаго, Евгенія. Когда въ ноябрѣ 1827 года Ивана Дмитріевича отправляли въ Сибирь, ему дозволено было видѣться съ семействомъ въ Ярославлѣ. Здѣсь онъ узналъ, что его тещѣ не дозволяютъ проводить дочь, рѣшившуюся послѣдовать за мужемъ въ Сибирь, а женѣ не разрѣшаютъ взять съ собою дѣтей; тогда Иванъ Дмитріевичъ убѣдилъ жену не разлучаться съ ними. Въ слѣдующемъ году Жуковскому удалось выхлопотать чрезъ Дибича разрѣшеніе Якушкиной ѣхать къ мужу вмѣстѣ съ дѣтьми, но нездоровье одного изъ нихъ заставило отложить путешествіе до лѣта, а тогда шефъ жандармовъ, Бенкендорфъ, объявилъ, что Дибичъ поступилъ необдуманно, ходатайствуя за Якушкину, и что она не поѣдетъ въ Сибирь. Въ февралѣ 1832 г. мать Евгенія Ивановича стала хлопотать о разрѣшеніи отправиться туда хотя бы одной. Въ отвѣтъ на свою просьбу она получила увѣдомленіе, что „сначала дозволено было всѣмъ женамъ государственныхъ преступниковъ слѣдовать въ Сибирь за своими мужьями, но онѣ своевременно этимъ дозволеніемъ не воспользовались“, и теперь она не можетъ

получить его, такъ какъ нужна дѣтямъ и должна „для нихъ пожертвовать желаніемъ видѣться съ мужемъ". Якушкина сдѣлала новую, послѣднюю попытку получить разрѣшеніе ѣхать къ мужу: въ концѣ того же года она послала прошеніе на высочайшее имя, въ которомъ просила, по достиженіи ея дѣтьми надлежащаго возраста, принять ихъ въ пажескій корпусъ, а до того времени дозволить ей удержать ихъ при себѣ. Бенкендорфъ отвѣчалъ, что государь рѣшительно не разрѣшаетъ ей ѣхать къ мужу въ Сибирь, и скоро послѣ того Иванъ Дмитріевичъ получилъ извѣщеніе, что его сыновья могутъ быть приняты въ корпусъ малолѣтнихъ, а оттуда поступить въ царскосельскій лицей. Онъ рѣшительно отклонилъ это предложеніе, чѣмъ избавилъ дѣтей отъ корпуснаго воспитанія, и просилъ жену не разлучаться съ ними.

Мать Евгенія Ивановича поселилась съ двумя дѣтьми въ посадѣ Троицко-Сергіевской лавры, такъ какъ тамъ, при помощи учителей изъ мѣстной духовной академіи, могла съ меньшими издержками продолжать воспитаніе сыновей, начатое ею самою. Въ концѣ тридцатыхъ годовъ она была въ тяжеломъ матеріальномъ положеніи. Нравственныя потрясенія и нужда подорвали ея здоровье, и она скончалась въ 1846 г., когда ея второй сынъ Евгеній былъ уже студентомъ московскаго университета, курсъ котораго онъ окончилъ въ слѣдующемъ году.

Студенческіе годы Евгенія Ивановича совпали съ блестящимъ временемъ московскаго университета: первенствующее мѣсто по вліянію на слушателей занималъ, конечно, Грановскій, но и на юридическомъ факультетѣ были замѣчательные профессора. Наиболѣе талантливымъ изъ нихъ, какъ лекторъ, былъ профессоръ римскаго права Никита Крыловъ, человѣкъ ничтожный въ нравственномъ отношеніи, но обладавшій блестящимъ даромъ изложенія: его ученикъ и преемникъ по каѳедрѣ С. А. Муромцевъ называетъ его „профессоромъ-артистомъ". Другою крупною величиною былъ гегеліанецъ Рѣдкинъ, который увлекалъ слушателей и ораторскимъ одушевленіемъ, и своею эрудиціею, и энергическимъ протестомъ противъ крѣпостного права, и сочувствіемъ англійской конституціи. Большою популярностью среди студентовъ-юристовъ пользовался Кавелинъ, профессоръ исторіи русскаго законодательства. На домашнихъ воскресныхъ бесѣдахъ его со студентами преобладающее мѣсто занималъ вопросъ о крѣпостномъ правѣ, которое онъ громилъ рѣзко и безпощадно; естественно, что не мало его слушателей, во время крестьянской реформы, принадлежали къ либеральному меньшинству губернскихъ комитетовъ и были въ рядахъ мировыхъ посредниковъ перваго призыва. Названные профессора не могли не повліять самымъ благотворнымъ образомъ на Е. И. Якушкина; среди нихъ Кавелинъ могъ имѣть особенное вліяніе на его послѣдующую дѣятельность, вслѣдствіе пристальнаго изученія имъ русскаго народнаго быта (см.

рядъ статей Кавелина въ „Современникѣ“ 1848 г.). Но молодой Якушкинъ не удовольствовался серьезными знаніями, вынесенными изъ университета, и по окончаніи курса слушалъ лекціи за границей по юридическимъ наукамъ. Въ 1853 и въ 1855 гг. Евгеній Ивановичъ ѣздилъ въ командировку въ Сибирь, гдѣ видѣлся въ Ялуторовскѣ съ отцомъ и познакомился со многими декабристами.

Въ 1857 г. возвратился изъ Сибири Иванъ Дмитріевичъ, но первоначально ему не позволено было жить въ столицахъ. Пребываніе въ Тверскомъ уѣздѣ въ болотистой мѣстности окончательно подорвало его здоровье, и онъ скончался въ Москвѣ въ августѣ того же года. Знакомство съ декабристами дало возможность Евгенію Ивановичу собрать много воспоминаній членовъ тайнаго общества и другихъ матеріаловъ объ ихъ жизни и дѣятельности. Уже въ 1859 г. онъ напечаталъ въ „Атенеѣ“ воспоминанія И. И. Пущина о Пушкинѣ, въ 1862 г. была напечатана за границей первая часть воспоминаній Ивана Дмитріевича Якушкина, а въ 1870 г. появилась въ „Русскомъ Архивѣ“ вторая часть этихъ воспоминаній, содержащая описаніе жизни Ивана Дмитріевича въ Сибири. Вскорѣ послѣ того Евгеній Ивановичъ напечаталъ записки декабриста Басаргина въ „Девятнадцатомъ Вѣкѣ“, изданіе Бартенева (т. I, 1872 г.), гдѣ помѣстилъ также статейку по поводу воспоминаній о Рылѣевѣ Е. П. Оболенскаго. Въ „Русской Старинѣ“ (1872 г.) онъ напечаталъ замѣтку о съѣздѣ членовъ „Союза благоденствія“ въ Москвѣ въ 1821 г. и сообщилъ нѣкоторые матеріалы о членѣ тайнаго общества В. Ѳ. Раевскомъ. Для обнародованія всего собраннаго Евгеніемъ Ивановичемъ тогда еще не настало время, но когда въ послѣдніе годы его жизни мнѣ пришлось для работы по исторіи декабристовъ обратиться къ его содѣйствію, онъ весьма любезно отозвался на мое обращеніе къ нему и сообщилъ нѣкоторые, въ высшей степени важные, матеріалы. Цензурныя условія не позволяли Евгенію Ивановичу подѣлиться съ публикою всѣми собранными имъ матеріалами о членахъ тайнаго общества эпохи Александра I. Эти условія были настолько неблагопріятны до самаго послѣдняго времени, что когда онъ напечаталъ въ концѣ 1904 г. въ Москвѣ обѣ части воспоминаній своего отца съ нѣкоторыми незначительными исключеніями, то книга была задержана и лишь чрезъ 3—4 мѣсяца она вышла въ свѣтъ.

Въ 1859 г. Якушкинъ перешелъ, со службы по межевому вѣдомству, въ Ярославль управляющимъ палатою государственныхъ имуществъ, и принялъ тамъ, какъ членъ губернскаго присутствія, самое близкое участіе въ проведеніи крестьянской реформы. Когда закончилось устройство быта государственныхъ крестьянъ, онъ занялъ мѣсто управляющаго ярославскою казенною палатою и оставался на этомъ посту до 1884 г. Такъ какъ, по своей должности, онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ членомъ губернскаго присутствія

по крестьянскимъ дѣламъ, то все выкупное дѣло въ губерніи проходило черезъ его руки. Близко изучивъ крестьянскій бытъ, онъ затрагивалъ нѣкоторыя стороны его и въ печати: такъ, въ 1872 г. онъ помѣстилъ въ „Юридическомъ Вѣстникѣ“ статью о волостныхъ судахъ въ Ярославской губ. Собирая разные историческіе и этнографическіе матеріалы, онъ печаталъ ихъ въ „Трудахъ ярославскаго губернскаго статистическаго комитета“ (1868 г., вып. V), и и въ „Ярославскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ (1874 г.).

Главный свой трудъ „Обычное право. Матеріалы для библіографіи обычнаго права“ Якушкинъ началъ печатать въ 1875 г. Въ весьма любопытномъ введеніи авторъ разсматриваетъ вопросы о взглядахъ русскаго народа на бракъ въ прошломъ и настоящемъ и на усыновленіе, говоритъ объ общинномъ землевладѣніи, обязательственномъ правѣ, объ артеляхъ, о завѣщаніяхъ, о крестьянскомъ судѣ и видахъ наказаній. Составленная имъ библіографія трудовъ по обычному праву представляетъ не простой перечень: относительно очень многихъ книгъ и статей приведено ихъ содержаніе, а въ заключеніе данъ превосходный систематическій указатель. По тому же плану составленъ и второй выпускъ труда Якушкина, вышедшій въ свѣтъ въ 1896 г. Во введеніи къ нему авторъ говоритъ о крестьянскомъ самоуправленіи, о волостныхъ судахъ, о семейномъ обычномъ правѣ, о взглядахъ народа на землевладѣніе, объ обязательственномъ обычномъ правѣ, о нѣкоторыхъ видахъ наказаній по приговорамъ волостныхъ судовъ. Третій выпускъ, посвященный библіографіи инородческаго обычнаго права и напечатанный въ 1899 г., не былъ снабженъ введеніемъ. Введенія къ первымъ двумъ выпускамъ свидѣтельствуютъ объ обширныхъ знаніяхъ автора, объ изученіи не только современной литературы предмета, но и историческихъ матеріаловъ, наконецъ, о близкомъ знакомствѣ съ обычнымъ правомъ не изъ однѣхъ книгъ, но и изъ личныхъ наблюденій.

Большое знаніе народнаго быта сказалось и въ двухъ другихъ трудахъ Якушкина: въ 1896 г. ярославскій губернскій статистическій комитетъ напечаталъ собранные имъ „Матеріалы для словаря народнаго языка въ Ярославской губ.“, а въ 1902 г. былъ напечатанъ трудъ Якушкина и проф. С. Никонова „Гражданское право по рѣшеніямъ крестобогородскаго волостнаго суда“.

Мнѣ не удалось лично познакомиться съ покойнымъ Якушкинымъ, но вотъ что говоритъ лицо, хорошо его знавшее, въ замѣткѣ, напечатанной въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“: „Якушкинъ оставилъ по себѣ память, какъ одинъ изъ самыхъ выдающихся дѣятелей крестьянской реформы. Съ 60-хъ годовъ въ широкихъ слояхъ населенія Ярославской губ. это имя пользовалось извѣстностью, рѣдкою извѣстностью стойкаго и неуклоннаго ревнителя крестьянскихъ интересовъ. Всюду, куда ни обращалась его ясная мысль, всюду, куда ни направлялась его спокойная энергія, онъ

оставлялъ память крупнаго работника, человѣка рѣдкихъ дарованій, неустаннаго трудолюбія, безукоризненной добросовѣстности,—человѣка обаятельно-чистой души. На тѣхъ, кто его зналъ, это обаяніе,—обаяніе чистой и цѣльной личности,—дѣйствовало неотразимо. Его любили, его хотѣлось любить прежде всего и больше всего, какъ человѣка. И онъ самъ, надо сказать, дѣлалъ все для того, чтобы замолчать свои заслуги. По безграничной скромности Е. И. едва ли имѣлъ себѣ равныхъ среди даже самоотверженныхъ дѣятелей освободительной эпохи. Достаточно привести одинъ примѣръ изъ его общественной дѣятельности. Даже близкіе люди только случайно, спустя много лѣтъ, узнали о томъ, что смоленское имѣніе въ полномъ составѣ (объ освобожденіи крестьянъ въ которомъ составлялъ планы декабристъ-Якушкинъ еще до своей ссылки) Е. И. отдалъ безвозмездно крестьянамъ при самомъ освобожденіи и—фактически—еще раньше освобожденія". Одного этого факта достаточно, чтобы имя Е. И. Якушкина навсегда сохранилось въ исторіи русскаго общества.

В. Семевскій.

ОТЧЕТЪ

Конторы редакціи журнала „Русское Богатство“.

Поступило:

На сооруженіе памятника на могилѣ **Н. Н. Михайловскаго.** 2.683 р. 44 к.

На стипендію имени **Н. Н. Михайловскаго.** . . . . 935 р. 65 к.

На устройство народной школы **Н. Н. Михайловскаго**: черезъ московское отдѣленіе конторы отъ М. Я. Линецкаго . . . . 2 р. — к. А всего съ прежде поступившими 405 р. 30 к.

Въ капиталъ имени **Н. Н. Михайловскаго** при „Литературномъ фондѣ“ 245 р. 48 к.

На библіотеку имени **Н. Н. Михайловскаго.** . . . . 111 р. 50 к.

На изданіе сборника, посвященнаго памяти **Н. Н. Михайловскаго.** . . 11 р.

На изданіе „**безплатнаго** сборника для публичныхъ библіотекъ и народныхъ школъ, посвященнаго вѣчной памяти великаго заступника народнаго **Н. Н. Михайловскаго**“. . . . . 5 р.

На устройство народной школы имени **Гл. И. Успенскаго** въ д. Сябринцахъ, Новгородской губ. . . . 3.554 р. 76 к.

На сооруженіе памятника на могилѣ **Гл. И. Успенскаго** . . . . 17 р. 50 к.

На пріобрѣтеніе въ общественную собственность усадьбы Некрасовыхъ въ Грешневѣ, Ярославскаго уѣзда, для устройства тамъ школы и библіотеки въ память 25-лѣтія со дня смерти **Н. А. Некрасова.** . . . . . 413 р. 35 к.

На изданіе сборника въ память 25-лѣтія со дня смерти „великаго пѣвца народа-раба“, **Н. А. Некрасова.** 10 р. 20 к.

На развитіе библіотеки имени **В. Г. Короленко** въ г. Лукояновѣ, Нижегородской губ. . . . . 1.382 р.

На образованіе стипендіи имени **В. Г. Короленко** . . . . 117 р. 50 к.

На учрежденіе высшей школы имени гр. **Л. Н. Толстого** . . . 179 р. 70 к.

На школу имени **А. П. Чехова.** 23 р.

На памятникъ **декабристамъ** въ Сибири . . . . 3 р. 50 к.

На образованіе фонда для учрежденія при Гнѣдинскомъ ремесленномъ училищѣ стипендіи **Н. А. Карышева** 2 р.

На образованіе фонда политическаго просвѣщенія народа: отъ инженера И. П.—25 р., С. М. Сатиной изъ Владиміра губ...10 р., изъ Александровска, Екатер. г., А. М. Лемберга—50 к. и И. Т. Шипко—5 р. Итого . . 40 р. 50 к. А всего съ прежде поступившими 104 р. 50 к.

Въ пользу семей рабочихъ, убитыхъ и раненыхъ въ Петербургѣ 9 января, черезъ редакцію „Амурской Газеты“, изъ Благовѣщенска—204 р. 15 к.;— Макарова, В. Ермакова-Захарова, А. Забурушева и др., изъ Уташева, Калужск. губ.—3 р.; лѣсного ревизора Ѳедосѣева, изъ Томска—5 р.; изъ Винницы, Лозинскаго—1 р.; д-ра Піотровскаго—50 к.; В. Ф. Снѣжинскаго—2 р. 50 к.; черезъ г-жу Соловьеву, изъ Иркутска—25 р. Итого . . . 442 р. 15 к. А всего съ прежде поступившими 4.020 р. 15 к.

Суммы неизвѣстнаго назначенія: отъ г. Рейнгарда, изъ Орла—92 р. 70 к. Об-ва потребителей служащихъ Сызр. Вяз. ж. д., изъ Калуги—30 р. 70 к., А И. Соболева, изъ Керчи—143 р. 10 к. Итого . . . . 266 р. 50 к.

Примѣчаніе. Насъ просятъ исправить ошибку въ отчетѣ о пожертвованіяхъ на памятникъ Н. К. Михайловскаго (№ 9 за 1904 г.): 121 р., изъ Сарапула отъ 69 лицъ получены не черезъ Н. М. Козлова, а черезъ *С. А. Пл...тунова.* Деньги будутъ распредѣлены согласно волѣ жертвователей.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ доставкѣ журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ Петербурга и провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ петербургскаго адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногородняго на петербургскій—65 к.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ **не позже 15 числа каждаго мѣсяца**, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ отдѣленія конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) **Непринятыя рукописи,** обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

3) Рукописи, доставленныя въ редакцію до 1903 г. и не востребованныя обратно до 1-го декабря 1904 г., **уничтожены.**

4) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія **уничтожаются.**

Редакторъ-Издатель: ***Вл. Г. Короленко.***

Дозв. ценз. Спб., 27 мая 1905 г. Типогр. Н. Н. Клобукова, Лиговка, № 34.